

Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения
выдающегося российского географа
В. П. Семёнова-Тян-Шанского

Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина К. Э. Аксёнова

Санкт-Петербург, СПбГУ

8–9 апреля 2021 г.

ВВМ
2021

УДК 911. 3

ББК 66.0

П50

П50   **Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность.** Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, СПбГУ. 8–9 апреля 2021 / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина, К. Э. Аксёнова, — СПб.: изд-во ВВМ, 2021. —796 с.

ISBN 978-5-9651-1363-7

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
Секция 1.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	12
КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ, ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ И ГЕОИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
А. Г. Дружинин	12
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОПОЛИТИКА В РОССИИ: ИСТОКИ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ	
Елацков А. Б., Каледин Н. В.	22
ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	
Чистобаев А. И.	32
ПЕРСПЕКТИВЫ СЛЕДУЮЩЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПРЕДСТОЯЩИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ	
Шупер В. А.	47
НАУЧНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. П. СЕМЁНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО И В. П. СЕМЁНОВА-ТЯН- ШАНСКОГО В ИМПЕРАТОРСКОМ РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	
Питулько Г. Н.	57
ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА НАЕМНОГО ТРУДА СРЕДСТВАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ	
Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.	66
ВОЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ В XIX–XX ВВ.: ДИНАМИКА ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ.	
Михайлов А. А.	76
ВКЛАД РОССИЙСКИХ КАРТОГРАФОВ В РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА СЕРБИИ И СЕРБСКИХ СТРАН В XIX ВЕКЕ	
Грчич Мирко	87

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, США И ИСПАНИИ	
Бриско А. В., Дубич В. В., Сухова Е. А.	89
СЕЦЕССИОНИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА	
Соколов С. Н. Соколов С. Н.	102
Секция II.	
ГЕОПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ	114
РЕНЕССАНС ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ И СОВРЕМЕННЫЕ УРОКИ	
Кефели И. Ф.	114
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД РОССИИ В СВЕТЕ КОНТИНЕНТАЛЬНО-ОКЕАНИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ	
Безруков Л. А.	124
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНО- ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ГЕОПОЛИТИКИ	
Махновский Д. Е.	134
ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА, МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА	
Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.	146
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС»	
Писаренко С. В.	156
ТЕОРИЯ СВЯЗНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В ГЕОПОЛИТИКЕ	
Когут В. Г., Нурышев Г. Н., ...	161
ГЕОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК	
Харитонов А. М.	171
ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИГИ НАЦИЙ ПО РАЗРЕШЕНИЮ АЛАНДСКОГО ВОПРОСА (1917–1921)	
Гехт А. Б., Неровный А. В., Цверрианашвили И. А.	180
ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ДЕФИНИЦИИ, КРИТЕРИИ, СТРАТЕГИИ	
Фартышев А. Н.	190
ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ И СОСЕДНИХ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА:	

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	
Андреев А. А.	200
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ	
Рашадбеков Н. Р.	209
ВАРИАНТЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	
Попов Д. И.	213
Секция 3	
ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЕВРАЗИИ	226
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ФОРМ ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА В ЕВРАЗИИ	
Кузнецов Д. А.	226
GEOPOLITICAL ENCOUNTERS AND ENTANGLEMENT ALONG THE BELT AND ROAD INITIATIVE	
Richardson Paul	232
WHY HUNGARY BEEN INTERESTED IN INNER ASIA?	
Balogh P.	235
КУЛЬТУРНЫЕ АССИМИЛЯЦИИ, ИСКУССТВЕННЫЕ ЭТНОГЕНЕЗЫ И ГЕНЕЦИД СЕРБСКОГО НАРОДА — СРЕДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ	
Райко Гнято.	237
RECONCEPTUALIZING CROSS-BORDER COOPERATION IN DISPUTED BORDERLANDS: RUSSIA-JAPAN GEOGRAPHIC PERIPHERY AND TRANS-EURASIAN INFRASTRUCTURE	
Dabova E.	250
GEOPOLITICS OF RESOURCES” AS POLITICAL-GEOGRAPHICAL PARADIGM: THE IMPORTANCE OF NATURAL POTENTIALS IN THE VALORISATION OF THE GEOPOLITICAL POSITION OF THE REPUBLIC OF SRPSKA (ENTITY IN BOSNIA AND HERZEGOVINA)	
Zekanović I.	276
ДИНАМИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ	
Бурла М. П.	287
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА И ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНА	

Исмаилов Ч. Н. 1	296
ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ С 2014 ГОДА	
Зверев Ю. М.	308
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ КРЫМА	
Швец А. Б., Вольхин Д. А.	323
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА В РАКУРСЕ ГЕОПОЛИТИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	
Надыров Ш. М. ¹ , Нюсупова Г. Н. ¹ , Мылкайдаров А. Т. ¹ , Сарсенова И. Б. ¹ , Чжан Бинь ¹	333
МЕЖСТОЛИЧНОЕ ЭГП КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ	
Антипова Е. А., Шавель А. Н., Запрудский И. И.	346
СЖАТИЕ РУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО И ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	
Манаков А. Г.	356
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ	
Аннаева Е. А.	365
АКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА В ПРИБАЛТИКЕ КАК УГРОЗА РОССИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Дудников Д. Е. 1	374
Секция 4.	
ГОРОДА В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ГЕОПОЛИТИКИ	381
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА	
Тульчинский Г. Л.	381
СТРАТЕГИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	
Прибышин Е. К.	388
ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (по материалам прикладного исследования фотопрактик туристов и жителей города)	
Абросимова Н. В.	399

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА: ПОНЯТИЕ, ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ОЦЕНКА Гресь Р. А.	406
Секция 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, ГЕОПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ	417
ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ Ван Ци, Чэнь Диюй, Ван Ицинь, Ульянова С. Б.	417
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ Гомбоев Б. О., Батомункаев В. С., Рыгзынов Т. Ш.	429
ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ Федоров Г. М.	441
СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА Елсуков М. Ю.	454
МОРСКИЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ ЭКСПОРТА НЕФТИ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Потоцкая Т. И.	463
АРКТИКА КАК СФЕРА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ Яковенко Н. В., Комов И. В.	475
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОУЧАСТИЯ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В 2010-Е ГОДЫ Галустов К. А., Дельва К. И., Ходачек И. А.	487
ОБРАЗЫ «ЕВРАЗИИ» В ТУРЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ Андреев М. В.	499
РОССИЯ — МИРОВАЯ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА? Фролова А. А.	516
“РАЗРЫВ“ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИИ Осокин А. В.	532
ИМПЕРИАЛИЗМ ПО-ЦЕЗАРСКИ: КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ПАЛЛАДИУМ РОССИИ Калинин Н. Д. 1.	541

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Шестерная Т. В.	551
Секция 6.	
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ	561
СИСТЕМА ОТСЧЁТА ПРИ УГЛУБЛЕННОМ АНАЛИЗЕ ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЙ ПО ТЕРРИТОРИЯМ	
Черкашин К. В. 1.	561
КОНФОРМИСТСКИЙ ТИП ГОЛОСОВАНИЯ ПО ТИПОЛОГИИ Р.Ф. ТУРОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ).	
Размахинина Ю. С.	570
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР-2010 НА УКРАИНЕ	
Горулько А. А., Черкашин К. В.	579
ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНЫ В 2014–2019 ГГ.	
Диденко Д. Ю.	592
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Шихова В. П. 457	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИИ	
Сиднева А. Л.	622
ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ВНУТРИЭЛИТАРНЫХ ЛОББИСТСКИХ ГРУППИРОВОК В 13-м СОЗЫВЕ Госсовета КНР: НЕСКОЛЬКО АСПЕКТОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПАРТИЙНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ	
Серебряков К. Д.	635
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ	
Осипов К. А.	645
ЗЕМЕЛЬНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ГЕРМАНИИ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2021 г.	
Егор В. С.	660

Секция 7	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РЕГИОНОВ	675
ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНА	
Ибрагимов А. И.	675
ЗНАЧИМОСТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СИРИИ В РОССИЙСКО-СИРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	
Урпер М.	683
СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В АРКТИКЕ: НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ЭПОХУ COVID-19	
Михеева Н. М.	686
УЧАСТИЕ ЕС В ГРЕКО-ТУРЕЦКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ	
Михеева Н. М., Асташова Е. В.	705
АФРИКА КАК «РАВНЫЙ ПАРТНЕР» НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ — ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НЕОКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА	
Кондрашов И. С.	716
СИРИЯ КАК ОБЪЕКТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ИРАНА	
Крупина А. А.	727
СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ИНДИКАТОР СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ	
Тарасова Е. С., Закотнюк О. Л.	735
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА АЗИИ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.	
Шевелёв В. А.	746
ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРЕТЕНИЯ УЭЛЬСОМ СУВЕРЕНИТЕТА	
Ильин Г. В.	760
ВАРИАНТЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	
Попов П. Л., Черенев А. А., Заборцева Т. И., Евстропьева О. В.	766
Авторы сборника.	782

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом Вашему вниманию сборнике представлены доклады участников Международной научной конференции «Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность», посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В.П. Семёнова-Тян-Шанского». Она была организована и проведена Санкт-Петербургским государственным университетом по инициативе кафедры региональной политики и политической географии на основе университетского гранта 8–9 апреля 2021 г.

Конференция по столь актуальной междисциплинарной тематике проводилась в России впервые и привлекла внимание широкого круга отечественных и зарубежных учёных, студентов, аспирантов не только представителей географических наук, но и политологов, историков, международников, регионоведов, экономистов, политических практиков. Её актуальность обусловлена не только высокой динамикой и многообразием последствий территориально-политических и геополитических процессов для стран и регионов мира, но и тем исторически крупным вкладом в их научное понимание и разработку, который внёс выдающийся российский географ-обществовед выпускник Санкт-Петербургского и профессор Ленинградского университета Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1870–1942), ставший основателем отечественной научной политической географии.

В конференции, прошедшей в очном и дистанционном форматах, приняли участие более 130 чел. из России и 14 стран мира: Китай, Великобритания, Казахстана, Белоруссии, Армении, Венгрии, Боснии и Герцеговины, Азербайджана, Чили, Турции, Сербии, Чешской Республики, ДНР, Приднестровья. Из более чем 30 университетов, институтов, исследовательских центров представили результаты своих исследований авторы из России из 11 субъектов РФ.

Структура сборника материалов конференции представлена семью тематическими блоками докладов, соответствующих названиям семи секций: «Политическая география: история и современность», «Геополитика: история и теория», «Электронная география», «Геополитические проблемы зарубежных стран и регионов», «Политическая география, геополитика и региональная политика России», «Города в свете политической географии и геополитики», «Политико-географическая и геополитическая проблематика Евразии».

В рамках конференции были проведены круглый стол, посвящённый политической географии и геополитике как образовательным дисциплинам, мастер-класс «Особенности пространственного анализа общественно-политических процессов» и конкурс работ молодых учёных «Мой дебют в политической географии и геополитике». В нём приняли участие 19 чел., а семеро победителей и призёров получили специальные сертификаты и представлены с темами исследований в сборнике. Первое место: Диденко Д. Ю. (Европейский Университет), Гресь Р. А. (СПбГУ), второе место: Осипов К. А. (СПбГУ), Смирнов В. Е. (СПбГУ), третье место: Крусанов Д. А. (СПбГУ), Шевелёв В. А. (СЗИУ РАНХиГС), Шихова В. П. (Пермский государственный национальный исследовательский университет). Редакционная коллегия благодарит авторов докладов-статей, модераторов тематических секций и мастер-классов, членов жюри конкурса и всех, кто принял участие в подготовке данного сборника.

Надеемся, что опубликованные в сборнике материалы будут полезны представителям не только общественной географии, но и других научных сфер, а также экспертам-практикам, которые занимаются исследованием территориально-политической и геополитической проблематики современного мира и России.

Редакционная коллегия

Секция 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ, ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ И ГЕОИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. Г. Дружинин^{1, 2}

¹ Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия

² Институт географии РАН,
Москва, Россия

Статья посвящена интеллектуальному наследию классического евразийства как органичной, значимой и неотъемлемой составляющей российской геополитической мысли. Приоритетное внимание уделено оценке степени созвучности идей классического евразийства реалиям XXI столетия. Особым образом акцентирован общественно-географический аспект евразийской доктрины, включая развиваемое в её рамках видение «Евразии-России» как особой территориальной целостности. Разработано концептуальное представление о евразийстве как инварианте геоидеологии. Показано, что первые «евразийцы» в своих трудах не только опирались на инструментарий географической науки (широко оперируя, в том числе, понятиями «область мира», «географический центр», «культурная зона», «приморский регион», «хинтерланд» и др.), но и культивировали в пространственном анализе динамический, основывающийся на принципах самоорганизации подход, подчёркивали приоритет культурно-духовных аспектов общественного развития, а также излагали (формируя, отстаивая «россиеориентированную» географическую картину мира) внятные (оказавшиеся в целом реалистичными) геополитические прогнозы.

Ключевые слова: геополитика, этнокультурная динамика, геоидеология, евразийство, общественная география, Россия, Евразия.

150-летие со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского – хороший повод не только полнее воспринять и глубже осмыслить его пионерные для начала XX в. идеи, но и чётче, явственнее оценить масштаб и значимость всего нашего национального научного наследия в геополитической сфере. К его фундаментам, истокам, относится, безусловно, и так называемое «классическое евразийство», особое мировоззрение (и политическое течение), начавшее активно формироваться именно столетие назад (отдельные «евразийские» постулаты впервые изложены в 1920 г. в брошюре «Европа и человечество» [1], а затем, уже в более системном виде, озвучены в сборнике «Исход к Востоку» [2], изданном в Софии в 1921 году).

Развиваемые в рамках «классического евразийства» подходы имели преимущественно историософскую, культурологическую, теологическую и политико-экономическую направленность. Вмещали они и выраженный географический аспект, связанный преимущественно с предложенной и обосновываемой данным интеллектуальным сообществом системой ключевых для него геоконцептов: «Евразия», «евразийский мир», «месторазвитие», «Россия – Евразия». «Мы [евразийцы – А.Д.], – акцентировано в «Евразийском временнике» 1923 года издания, – метафизичны и в то же время этнографичны, географичны» [3, с. 7].

Культивируемое основоположниками «евразийства» (Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, П. П. Сувчинским, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадским, Г. В. Флоровским и др.) видение исторических процессов и пространственных структур – транзитивно, «размыто», внутренне противоречиво и, одновременно, логично, многомерно, диалектично, во-многом ориентировано не только на события прошлого, но и на перспективу. Ныне, уже в третьем десятилетии XXI века, когда глобальные геополитические и геоэкономические процессы вновь сполна являют свою турбулентность [4], а многоаспектные метаморфозы охватили в том числе и собственно «евразийское пространство» [5, 6, 7], продуктивный (столь необходимый, актуализированный [8]) поиск новых векторов и стратегий развития

России – вряд ли возможен вне опоры на общеконцептуальный контур и содержательный конструктив «евразийской идеи». Это инициирует её «новое прочтение» (в том числе с задействованием общественно-географической предметной оптики), переосмысление, а также корректную адаптацию соответствующих базовых положений.

Геополитическая составляющая и значимость классического евразийства. Если рассматривать в качестве сущностной стороны геополитики именно «соперничество сил над территорией» (И. Лакост [9]), то классическое евразийство, изначально сфокусированное на конкретную территорию («месторазвитие»), на её самоидентификацию (в качестве «России – Евразии»), равно как и позиционирование в системе сложившихся «центров силы» – это, в существенной мере, осмысленная, целостная геополитическая доктрина.

Уже в 1921 году провозглашая бытие «России – Евразия» (или, иначе, «евразийского мира»), акцентируя его своеобразие, П. Н. Савицкий всячески подчёркивал, что «Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия», и даже вовсе не «Европа», а «Евразия»... Россия составляет «континент в себе», в определённом смысле «равноправный» Европе...» [2, с. 2]. Постулировались, тем самым, как минимум четыре архиважные (для понимания общественно-географической сущности России) и органично взаимосвязанные геополитические по своей сути идеи:

- 1) самостоятельности, самоценности России («России – Евразии») как культурно- и политико-географического явления как общематерикового, так и общепланетарного масштаба;
- 2) фактически имеющей место (вопреки исторически укоренившимся представлениям и более чем двухвековому массивованному трансферу различного рода инноваций с Запада) и ещё более важной на перспективу – цивилизационной дистанционности России от «Европы»;
- 3) наличия у России, у русской культуры – не только «европейских», но и «азиатских» характеристик и черт, что как раз таки и позволяет идентифицировать её синтетич-

ность («евразийскость»);

- 4) принципиальной пространственной тождественности России (геополитической формы) и «Евразии» (культурно-географической сущности).

Предлагаемое «евразийцами» видение России, равно как и обосновываемый путь её развития—был связан со сменой геостратегического вектора, с преодолением исторической инерции, а также устоявшихся общественно-географических взаимозависимостей и градиент. Фактически—это был выбор евразийской альтернативы. Современники оценили, акцентировали прежде всего его геокультурную и геополитическую составляющие (как отмечал в тот период К. Хаусхофер, школа «евразийцев» прежде всего отсекает Россию от Запада и устремляет взор на Восток [10]); данный аспект рассматривался в качестве наиболее приоритетного и в 1990-е годы [11]. Однако в первые десятилетия XXI века, уже в современном нам контексте, наибольшую ценность и актуальность обретает, как видится, даже не столько сама по себе манифестация выхода из ставшей за более чем три столетия обыденной для нашей страны «сферы влияния» культуры конкретных государств, сколько содержащаяся в текстах классического евразийства декларация принципиальной неприемлемости для России периферийной, второстепенной, заведомо подчинённой позиции.

«Евразия,—подчёркивали первые «евразийцы»—«это лозунг для России идти новыми путями «к новой жизни и старой мощи». Евразия—это значит: Россия должна жить сама по себе, довольна сама над собой, сама должна являться светом для себя» [3, с. 164]. Однако, если в классическом евразийстве «смена вектора» развития страны воплощалась главным образом в «неевропейской» позиции («синтезе азиофилии с изоляционизмом» [12]), то современный контекст, полагаю, предопределяет приоритет современной евразийской геостратегии России как синтеза разумного изоляционизма, селективной сопряжённости с другими сопредельными государствами (в первую очередь—постсоветскими), а также эффективного (для нашей страны) многовекторного взаимодействия в «большом» евразийском и глобальном форматах.

Экономико-географические, этнодемографические и культурно-географические аспекты миропонимания классического евразийства. Чётко акцентируя значимые для России геополитические идеи и соответствующие стратегии, работы основоположников «евразийства» одновременно вмещают и иные, не менее актуализированные, общественно-географические сюжеты и смыслы. Их экономико-географический аспект связан, прежде всего, с определением места «России-Евразии» в «океанической» экономике, с формированием представлений о «морской обездоленности» нашей страны (в 2000-е гг. этот тезис был актуализирован и реанимирован, получив детализированное развитие в работах Л. А. Безрукова), а также приоритете для неё использования хозяйственного потенциала «внутриконтинентальных соседств». Впрочем, сам П. Н. Савицкий (наиболее активно и многоаспектно развивавший в рамках «евразийства» именно его географический аспект) чётко осознавал благоприятные возможности и перспективы, которые способен открыть «разворот» России к Мировому океану, констатируя, что «русская действительность созрела для... выхода «континента-океана» на океаны» [13, с. 100]. Постсоветские десятилетия (ознаменованные инкорпорированием Российской Федерации в «океаническую» экономику [14, 15]) наглядно проиллюстрировали прозорливость и обоснованность подобного вывода. Предугадали классики «евразийства» и «сдвиг» внешнеэкономических интересов страны на Восток, причём спустя столетие после публикации их первых текстов сама категория «внутриконтинентальное соседство» стала, как видится, всё явственнее обретать свой предельно широкий, изначально заложенный в неё смысл (в понимании географа «континент» – это «большой непрерывный массив суши, не разделённый морем» [16]), охватывая уже всю «Большую Евразию» (93–94% внешней торговли современной России приходится именно на долю государств евразийского материка [17]), предполагая последующее расширение сферы российских геоэкономических интересов практически на всю Афро-Евразию.

Высвечивали основоположники «евразийства» и присущую России этнокультурную динамику, неизменно фоку-

сируя, при этом, внимание на особой роли в исторической траектории страны русско-тюркского взаимодействия (в 1960–80-е гг. данную тематику блестяще развил Л. Н. Гумилёв). Этот (также «сердцевинный») аспект наследия классического евразийства ныне не только сохраняет свою значимость [18], но и многократно актуализирован благодаря пространственным и этническим особенностям демографических процессов. Согласно нашим подсчётам [19], если в 1897 г. в пределах Российской Империи соотношение численности русских (великороссов) и представителей тюркских этносов составляло 4 к 1, а в конце 1980-х (в канун разрушения СССР)–2,9 к 1, то сейчас (2020 г.) в пределах постсоветского пространства–1,6 к 1, а к середине XXI данная пропорция составит 1,18 к 1. Есть все основания полагать, что к последней четверти текущего столетия численность русских в пределах ареала, обозначенного классиками «евразийства» как «Россия–Евразия», окажется примерно равной суммарной численности представителей тюркоязычных этносов. Изменение удельного веса «тюркской компоненты» в населении «шестой части суши» создаёт реальную предпосылку для трансформации всей ранее сложившейся, привычной евразийской этнодемографической (равно как и этнокультурной, геоэкономической, геополитической) архитектуры.

В текущем XXI столетии многократно актуализируются и вопросы развития культуры, духовности, также составляющие мощный «пласт» классического «евразийского» наследия, пока, к сожалению, лишь частично вовлечённый в научный и интеллектуальный «оборот». В настоящее время именно культура (в самом широком понимании) становятся важнейшим фактором грядущей устойчивости российского общества, равно как и воспроизводства, сохранения нашего коллективного «месторазвития» (включая его природный компонент), конкурентного потенциала страны, её способности вновь вернуть себе былые (присущие эпохе СССР) глобальные лидерские позиции и, конечно же, стать притягательной для других народов. В этой связи прав, абсолютно прав был Г. В. Флоровский, когда столетие назад подчёркивал: «Не

о «Великой России» только должно гореть наше сердце, но прежде всего и первее всего, об очищении помрачённой русской души» [2. с. 13].

Именно акцент на возрождение и развитие русской культуры (в органичном, исторически сложившемся её единстве с культурами других этносов России, а также на основе перманентного селективного заимствования лучших «мировых образцов»), дополненный одновременной манифестацией и безусловным признанием культурной суперценности для нас (граждан страны) самой российской территории (обширнейшей, беспрецедентной в планетарном масштабе, созданной многовековыми усилиями и, зачастую, жертвами нашего народа), – может, полагаю, стать базовым элементом, сердцевинной той «Большой Идеи», без которой, конечно же, сложно, практически невозможно ни сохранить, ни реконструировать «Россию – Евразию», ни выстроить, соорудить архитектуру «большой» евразийской интеграции.

Классическое евразийство как актуальная, созвучная реалиям XXI столетия геоидеология. Практически с момента публикации первых классических «евразийских» текстов взгляды их авторов (воспринимаемые, подчас, как подобие «воздушных замков» [10], некий диссонанс между «евразийством данностей» и «евразийством заданностей» [12], как «мифология российского пространства» [20]) подвергались докональному анализу и жесточайшей критике. Характерно, впрочем, что сами основоположники «евразийства» изначально воспринимали своё интеллектуальное детище отнюдь не в качестве системы строго аргументированных научных истин, а именно как «идеологию», а также «политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира» [2, 3]. Пролонгированная, многие десятилетия сохраняющаяся жизнеспособность постулатов классического евразийства, их современное полномасштабное присутствие в научном дискурсе, востребованность в сфере реальной политики – не только симптоматичны, но и позволяют, относя евразийские идеи к разряду геоидеологических феноменов или, иначе, геоидеологом (пока лишь

в самом первом приближении идентифицируемых, осмысливаемых [21, 22, 23, 24]). Акцентируя наличие последних и переходя к науковедческим обобщениям, можно констатировать и наличие особого рода геоидеологии, выступающей в двуедином качестве: 1) совокупности культивируемых территориальными общностями взглядов, убеждений и идей, напрямую сопряжённых с географической средой, с пространственной организацией общества; 2) относительно самостоятельного (но, при этом, теснейшим образом связанного с геополитикой, с культурной географией) геоидеологического направления («ветви») общественно-географического анализа (показательно, что ещё в середине прошлого столетия Н. Н. Баранский призывая к предельно широкому пониманию предметной сферы нашей науки, характеризовал её в диапазоне «от геологии до идеологии» [25]).

Идеологемы классического евразийства не только созвучны эпохе их становления, зарождения, но и по целому ряду моментов существенно опередили своё время, и поныне сохраняя безусловный инновационный научно-концептуальный и мировоззренческий потенциал. Геоидеологическое наследие классического евразийства требует, при этом, недогматического, аналитического (подчас критического), адаптивного, учитывающего весь масштаб меняющихся глобальных и российских обстоятельств подхода. Мы же, современные российские географы-обществоведы, вне сомнения, должны помнить, знать, изучать и ценить постулаты классического евразийства, высоко чтить их авторов и, конечно же, ввести П. Н. Савицкого (экономиста-географа, геополитика, исследователя с фундаментальным обществоведческим кругозором) в пантеон наших Выдающихся Предшественников и Учителей.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20–05–00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы», а также по теме государственного задания ИГ РАН 0148–2019–0008 («Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности»).

Список источников и литературы

1. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. Российско-болгарское книгоиздательство. София. 1920. 82 с.
2. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы». 1921. 135 с.
3. Евразийский временник. Непериодическое издание под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин. 1925. 445 с.
4. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21
5. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
6. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.
7. Каледин Н. В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 32–42
8. Караганов С. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32
9. Yves Lacoste (2012) La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique // Herodote—La géopolitique, des géopolitiques (146–147, troisième et quatrième trimestres 2012). pp. 3–21
10. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
11. Лавров С. Б. Л. Н. Гумилёв и евразийство // Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. Спб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). С. 5–11
12. «Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1,2. С. 6–30
13. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. 319 с.
14. Дружинин А. Г., Лачининский С. С. Россия в Мировом океане: геоэкономические и геополитические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1–19
15. Дружинин А. Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5–14
16. Родоман Б. Б. О понятиях «материк», «континент» и «часть света» // Известия ВГО. 1959. № . 2. С. 159–160.
17. Дружинин А. Г. Концепт «внутриконтинентальных соседств» в идео-

логемах основоположников «евразийства» // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2, С. 5–13

18. Хакимов Р. С. Как возникла Великая Татария и чем она стала. Казань. Институт истории АН Республики Татарстан. 2018. 197 с.
19. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону. Изд-во Южного федерального университета. 2020. 290 с.
20. Каганский В. Л. Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216
21. Ahström, L. (1993) Europe: Cultural area, geo-ideological construct or illusion? *Norwegian Journal of Geography*. 47(2), с. 57–67
22. Замятин Д. Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 136–137.
23. Аксёнов К. Э. Ценностно-идеологическая экспансия – главная геополитическая проблема России // Научный эксперт: научный электронный журнал Центра проблемного анализа и государственноуправленческого проектирования. 2009. Вып. 10. С. 267–273
24. Лубский А. В. Геоидеологическая парадигма и геоидеологические ракурсы евразийских исследований // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2, 152–160
25. Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография Москва: Гос. изд-во геогр. лит., 1960. 452 с

CLASSICAL EURASIANISM AND MODERNITY: GEOPOLITICAL, ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL, GEJ CULTURAL AND GEOIDEOLOGICAL ASPECTS

Druzhinin Alexander^{1,2}

¹the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems
Rostov-on-Don, Russia

² the Institute of geography of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The article is devoted to the intellectual heritage of classical Eurasianism as an organic, significant and integral component of Russian geopolitical thought. Priority attention is paid to the assessment of the degree of consonance of the ideas of classical Eurasianism to the realities of the XXI century. Special attention is paid to the vision of the 'Eurasia-Russia' as the concept accented in the Eurasianism doctrine. Is developed the conceptual idea of Eurasianism as a special kind of geo-ideologie. The study shows that the first 'Eurasians' in their writings not only relied on the tools of geography (widely in terms and concepts such as: "region of peace", "geographic centre", "cultural zone", "seaside region", "hinterland", etc.), but also cultured dynamic approach based on the principles of self-organization within the spatial analysis. They emphasized the priority of

cultural-spiritual aspects of social development, while forming and defending 'Russia-oriented' geographical picture of the world. And also they stated intelligible geopolitical forecasts that appeared to be, in general, realistic.

Key words: geopolitics, ethno-cultural dynamics, geo-ideology, eurasianism, human geography, Russia, Eurasia.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОПОЛИТИКА В РОССИИ: ИСТОКИ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Елацков А. Б.¹, Каледин Н. В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

В статье рассмотрены такие вопросы, как: генезис, периодизация и содержательные особенности развития геополитики и политической географии в России в качестве научно-образовательных направлений. Используя исторический, деятельностно-геопространственный и структурно-генетический подходы, обсуждаются основные научно-образовательные парадигмы, сменявшие друг друга в ходе исторического развития: государство-писательная, антропогеографическая, государственно-геополитическая, деятельностно-общественная, которые различались между собой как методологическими принципами исследований, так и приоритетной тематикой. Также рассмотрен период появления в России термина и науки «политическая география» как результат деятельности немецких ученых в Санкт-Петербургской Академии наук.

Ключевые слова: научная школа, политическая география, геополитика, научно-образовательная парадигма, исследовательская программа

Процесс формирования политико-географической картины мира человечеством начался по крайней мере ещё в I тыс. до н.э., судя по дошедшим до нас трактатам прежде всего античных и китайских авторов, где содержатся первые политико-географические и геополитические представления. До появления систематических наук эта картина прошла в своём развитии длительный *донаучный период* (пол крайней мере до начала эпохи Великих географических открытий во второй половине XV в.).

Для него были характерны преимущественно эмпирические политико-географические описания и геополитические

построения, не использующие научные методы верификации. Большую роль в их формировании играли религиозные и сакрально-географические представления.

В России самой ранней в этот период является, по-видимому, идея и пророчество о Москве как о Третьем Риме Филофея Псковского (ок. 1465–1542), высказанная им в начале XVI века в послании к Василию III, хотя ее зачатки возникли еще раньше (например, понимание Москвы как «Нового Царьграда»). Постепенно с Третьим Римом отождествляется и вся Россия, которая стала представляться уникальным миром. Эта концепция одной из первых открыла череду идеальных геополитических образов, с которыми российские мыслители отождествляли Россию на протяжении последующей истории. Среди прочих авторов данного периода можно указать историка А. Лызлова (XVII в), построившего доктрину противостояния кочевого и оседлого миров в Евразии.

Начало *научного периода* развития российских политико-географических и геополитических представлений можно отнести к началу XVIII в. Именно в этот период трудами сподвижников Петра I создаются первые научные школы и институты, среди которых – Академия наук в Санкт-Петербурге (1724 г.). Дальнейшее развитие политической географии и геополитики можно рассматривать как ряд исторических этапов, для которых были характерны свои *научно-образовательные парадигмы*. Рассмотрим их подробнее [см.: 1; 3].

1) Государствоописательная парадигма. С ней связаны возникновение и становление политической географии как науки, предметом которой стало комплексное описание стран, а главным методологическим принципом отбора и систематизации эмпирического материала – «государственно-географический» подход, в силу «политической» (в терминологии традиционной со времен Аристотеля), то есть «государственной», привязанности такой информации. Она олицетворяла общественно-географическое направление в географии до конца XIX в. При этом государствописание исходило из принципов географического детерминизма и развивалось в конкуренции со статистикой (камеральной, политической). Надо отметить,

что в XIX в. экономическая география вообще в значительной степени развивалась именно в рамках статистики. Даже выдающийся представитель военной географии Д. А. Милютин предложил преобразовать ее в военную статистику как более комплексную дисциплину.

Именно в этот период возникает и сама политическая география. В 1738 и 1739 гг., Академией наук было издано первоначально на немецком, а затем на русском языках «Краткое руководство к математической и натуральной географии» профессора Г. В. Крафта [6]. В этих изданиях впервые в России был применен термин «политическая» или «историческая» география как раздел географической науки. В 1745 г. в Академии был издан труд профессора Х. - Н. Винцгейма «Краткая политическая география», ставшей, вероятно, первой в мире книгой по собственно «политической географии», учебником и существенно повлиявшей на её прогресс в Европе. Расцвет государствоописательной парадигмы приходится на первую половину XIX в., происходит в конкуренции с политической статистикой и был связан с деятельностью профессоров К. Ф. Германа, Е. Ф. Зябловского и К. И. Арсеньева на кафедре географии и статистики С.-Петербургского университета, основанной в 1818 г. (подробнее см. [2; 3])

II) Антропогеографическая парадигма. Причины последнего кризиса и постепенного забвения политической географии кроются как в конкуренции со статистикой, так и в дифференциации самой географии, утверждении ее новой структуры, связанной с трудами немецких географов XIX в. антропогеографической школы (К. Риттера, Ф. Ратцеля и др.). Антропогеография связывала общественные явления на земной поверхности в первую очередь с природными факторами, пытаясь уже не только описывать, но и объяснять географические различия в жизни общества. В новой структуре географии предмет политической географии оказался «разобраным» тремя новыми направлениями: народоведением, государствоведением и экономической географией. И хотя антропогеографическая парадигма политической географии вытесняет госу-

дарствоописательную лишь в конце XIX в, ее истоки в форме идей географического детерминизма прослеживаются в России с начала XVIII в.

В России переход к новой парадигме завершается накануне Первой мировой войны трудом В.П. Семенов-Тян-Шанского [5]. Констатируя в 1915 г. отсутствие научной политической географии в России, он тем не менее делает исключение для ее становления «блестящих трактатов» конца XIX–начала XX в. трех профессоров: В.И. Ламанского (о триединой историко-культурной и территориально-политической структуре Евразии и специфике в ней российско-евразийского «Среднего мира»), А.И. Воейкова (об антропополитико-географическом районировании наиболее освоенной части Земного шара) и П.П. Семенова-Тян-Шанского (о закономерности и особенностях колонизационных движений в мире и России).

В.П. Семенов-Тян-Шанский рассматривал политическую географию как «итоговое», синтетическое и многоуровневое знание, географию «территориальных и духовных господств человеческих сообществ», а географо-детерминистские принципы ратцелевской политической географии были дополнены фактором экономической деятельности человека как важного опосредующего звена в процессе формирования территориального господства. Им были выделены исторические формы «могущественно-территориального владения» («средиземноморская», «клочкообразная», «чрезматериковая») как результата действия природных, исторических, экономических и культурных факторов территории(подробнее см. [2; 3]) .

К этому этапу следует отнести труды ещё трех известных авторов. Во-первых, антропо-геополитическую цивилизационную (в современной терминологии) по своей сути концепцию локальных «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского, представленную в книге «Россия и Европа» (1869 г.). Во-вторых, – главный труд Л.И. Мечникова, созданный им в эмиграции, «Цивилизация и великие исторические реки». В-третьих, – труд известного представителя русского космизма А.Л. Чижевского о влиянии деятельности Солнца (как фактора географической среды) на геополитические процессы (1924 г.).

Вне же географической науки антропогеографическая парадигма в геополитике имела противоречивое влияние. С одной стороны, там она начала складываться несколько раньше, чем в самой политической географии. Например, работа Данилевского уже выходила за рамки не только государствоописательной парадигмы, но и тогдашней географии вообще. С другой стороны, множество философских и “политологических” трудов геополитического плана практически не испытали влияния антропогеографии.

Одним из вариантов антропогеографической парадигмы политической географии можно рассматривать *евразийство* – историко-философскую и политико-географическую концепции об особом «месторазвитии» и исторической миссии России, отличающихся своеобразным (евразийским) историко-культурным единством, обусловленным географической и этнографической целостностью территории. Она разрабатывалась в 1920–1930-е гг. российскими учеными-эмигрантами, П. Н. Савицким, Г. В. Флоровским, Н. С. Трубецким и др. Более поздней (1960-е–1980-е г.г.) и исторически последней российской страницей антропогеографической парадигмы политической географии, методологически близкой евразийству, стала этногенетическая и этно-геополитическая концепция Л. Н. Гумилёва – выдающегося русского этнолога, историка и географа.

В целом на рассмотренном этапе де-факто геополитические исследования охватывали более широкий круг вопросов, чем политическая география. Геополитика к началу XX в. постепенно приобрела свой «классический» вид и в ней сложилось несколько пересекающихся исследовательско-тематических программ:

- *военно-геостратегическая*, нацеленная на вопросы военного про–тивоборства и безопасности страны, включая оценку роли военно-морского могущества (П. А. Языков, Д. А. Милютин, Е. Н. Квашнин-Самарин, А. Е. Снесарев и др.),
- *историко- и политико-географическая*, ставившая задачу выявления форм и закономерностей территориально-политической организации общества в истории и совре-

менности при внимании к естественно-географическим факторам (К. И. Арсеньев, К. М. Бэр, А. И. Воейков, П. П. Семенов-Тян-Шанский, В. П. Семенов-Тян-Шанский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский),

- *этнокультурная, этногеографическая или цивилизационная*, ориентированная на изучение России как особой цивилизации и этнокультурного мира во взаимоотношении с другими цивилизациями (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. И. Ламанский, Л. И. Мечников) и
- *политико-социологическая*, направленная на политический и философский анализ актуальных проблем и стратегий развития страны (П. И. Пестель, А. И. Герцен, М. А. Бакунин, С. Н. Южаков, Д. И. Менделеев, А. Е. Вандам и др.).

Особым направлением стало *государственно-прагматическое*, связанное с непосредственной организацией геополитической деятельности государства, то есть с практическим уровнем геополитики (Н. И. Панин и др.).

На все из них наложил отпечаток спор славянофилов, западников и государственников, у которых были и свои предпочтения. Славянофильское крыло предпочитало цивилизационную, в то время как западническое – политико-социологическую программу исследований. Особую роль сыграли географический детерминизм и антропогеография, способствовавшие развитию геополитики в лоне географии.

III) Радикальные территориально-политические изменения по итогам Первой мировой войны и социалистической революции в России вызвали трансформацию антропогеографической парадигмы политической географии Ф. Ратцеля – В. П. Семенова-Тян-Шанского в более узкий вариант *государственно-геополитической парадигмы*. Сохранявшиеся в негеографических работах геополитического плана остатки государствоописательной парадигмы также переходят к государственно-геополитической парадигме, минуя стадию антропогеографии (характерной для тогдашней политической географии и “географического” крыла геополитики). Новая область политико-географического знания была обозначена

в конце XIX века шведским профессором Р. Челленом термин «геополитика» и стала доминирующей и определяющей своеобразие новой парадигмы политической географии, постепенно выделившись в самостоятельное междисциплинарное научное направление.

В отличие от «западной» интерпретации развития территориально-политических систем, в СССР сложилась иная, марксистско-ленинская, методологическая основа их изучения, с биполярным восприятием общественно-политических процессов, в том числе территориально-политических, сквозь классовую, антикапиталистическую идеологическую призму. Ключевой геополитической работой на десятилетия вперед стали труды классиков марксизма и книга В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия развития капитализма» (1916 г.).

Долгое официальное неприятие политической географии и геополитики как научных направлений и учебных дисциплин (информация о них в советских энциклопедиях и справочниках отсутствовала с начала 1930-х до 1960-х гг.) сопровождалось «миграцией» и «растворением» политико-географической и геополитической проблематики в других науках – военной географии, обществоведческих науках, востоковедении и особенно в экономической географии зарубежных стран (но как «вспомогательного» знания). Монопольные позиции в научной и учебной литературе на несколько десятилетий заняли пять государственно-геополитические темы – политическая карта мира (В. Э. Ден, М. Б. Вольф, И. А. Витвер, Б. Н. Семевский, А. Г. Шигер), типология стран мира (В. В. Вольский и др.), география межимпериалистического соперничества, политизация экономико-географических характеристик стран мира и критика западной политической географии и геополитики. Последняя тема стала более ранним и специфическим советским аналогом критической геополитики, сложившейся на Западе в 1980-х гг.

Геополитические воззрения складывались не только в рамках экономической географии. Всемирную известность и геополитическую интерпретацию получила концепция «длинных волн» («больших циклов») мировой экономической конъюнк-

ктурь Н. Д. Кондратьева. В области критики западной геополитики поработали историки (Е. В. Тарле) и философы.

IV) Тенденция политизации экономической географии закономерно активизировалась после Второй мировой войны, расширения социалистической системы и распада колониальной системы, что привело к расширению предметной области политической географии геополитики и к «вызреванию» новой парадигмы – **деятельностно-общественной**, окончательно оформившейся уже во второй половине 1970-х гг.

Ее содержание включает изучение территориально-политических аспектов уже не только государственной, но и других видов деятельности общества (в первую очередь таких субъектов, как партии, этносы, религиозные конфессии и др.), а также иных сфер жизни общества (экономической, социальной, этнической, культурной и др.) и их интегральных результатов, в том числе политико-географических районов.

Происходит переход от государственно-геополитической тематики к более широкому политико-географическому страноведению (в 1954 г. О. В. Витковский защитил первую кандидатскую диссертацию), ставшему в 1980-е гг. ядром новой парадигмы и охватывающему широкий круг вопросов территориальной расстановки политических сил в странах, их регионах и отдельных центрах (электоральную географию), региональные социально- и культурно-политические различия, политико-географическое районирование, методику политико-географических характеристик стран и их регионов и др. Именно в рамках этой парадигмы в ряд научных направлений возвращается сначала политическая география, а с конца 1980-х – и геополитика. В 1986 г. в Баку состоялся всесоюзный научный семинар географов-обществоведов, где геополитика впервые трактовалась в позитивном ключе [4]. Неоценимый вклад в этот процесс внесли выдающиеся советские географы С. Б. Лавров и В. А. Колосов и деятельность Всесоюзного географического общества, Института географии РАН.

В рамках деятельностно-общественной парадигмы сложились три основных научно-дисциплинарных направления исследований в области геополитики и политической географии:

- в теории международных отношений (А. Д. Богатуров, Л. Г. Ивашов, С. А. Косолапов, С. В. Лурье, В. П. Ощепков, Э. А. Поздняков, К. Э. Сорокин, А. И. Уткин, П. А. Цыганков и др.),
- в политологии и политической публицистике (К. С. Гаджиев, А. Г. Дугин, М. В. Ильин, А. С. Панарин, А. П. Паршев, К. В. Плешаков, В. Н. Рябцев, В. Л. Цымбурский и др.)
- в политической географии (К. Э. Аксенов, П. Я. Бакланов, Л. А. Безруков, О. В. Витковский, В. В. Вольский, Ю. Н. Гладкий, А. Г. Дружинин, А. Б. Елацков, Д. Н. Замятин, Н. В. Каледин, В. А. Колосов, С. Б. Лавров, А. И. Ибрагимов (Баку), Я. Г. Машбиц, Н. С. Мироненко, Д. В. Николаенко, А. С. Перепечко и И. И. Пирожник (Минск), Ф. А. Попов, С. Б. Слевич, Л. В. Смирнягин, А. И. Трейвиш, Р. Ф. Туровский, В. Г. Шведов, В. С. Ягья и др.).

Важными событиями в развитии российской политической географии и геополитики стали создание Лаборатории геополитических исследований в Институте географии РАН (1997 г.) и кафедры региональной политики и политической географии в Санкт-Петербургском государственном университете (2002 г.), в рамках которой впервые в России была организована подготовка специалистов, бакалавров и магистров по политической географии и геополитике.

Таким образом, нами рассмотрены основные особенности и этапы развития политической географии и геополитики в России. Выделены четыре научно-образовательные парадигмы: государствоописательная, антропогеографическая, государственно-геополитическая, деятельностьно-общественная. Показано, что каждая из них характеризовалась своими методологическими и тематическими приоритетами. Для каждой из них кратко рассмотрены работы ключевых авторов. В целом можно заключить, что эволюция политико-географического знания была тесно связана с политической историей страны и была обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. Вместе с тем, как было показано, отечественная политическая география стала одной из первых национальных «ветвей» мировой политической географии.

Список источников и литературы

1. Елацков А. Б. Отечественная геополитическая мысль: содержание и исторические формы. Диссертация ... к.г.н. СПб., 2003.
2. Каледин Н. В., Елацков А. Б. Возникновение и становление политической географии в России // Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. Вып. 10. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2020. С. 614–626.
3. Каледин Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб., 1996. 163 с.
4. Политическая география: проблемы и тенденции: Матер. Всесоюз. совещ. / Под ред. В. А. Колосова, А. И. Ибрагимова. Баку, 1987.
5. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии. Пг., 1915
6. Krafft G. W. Kurtze Einleitung zur Mathematischen und Natürlichen Geographie, nebst dem Gebrauch der Erd-Kugeln und Land-Charten, zum Nutzen der Russischen studirenden Jugend. – St. Petersburg, 1738.

POLITICAL GEOGRAPHY AND GEOPOLITICS IN RUSSIA: ORIGINS, STAGES OF DEVELOPMENT

Eletskov A. B., Kaledin N. V.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The article deals with such issues as: genesis, periodization and substantive features of the development of geopolitics and political geography in Russia as scientific and educational areas. Using historical, activity-geospatial and structural-genetic approaches, the main scientific and educational paradigms are discussed, successive in the course of historical development: state-descriptive, anthropogeographic, state-geopolitical, activity-public, which differed from each other both methodological principles of research and priority topics. The period of the emergence in Russia of the term and science “political geography” as a result of the activities of German scientists in the St. Petersburg Academy of Sciences is also considered.

Key words: scientific school, political geography, geopolitics, scientific and educational paradigm, research program.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Чистобаев А. И.^{1,2}

¹. Санкт-Петербургский Государственный Университет,,
Санкт-Петербург, Россия.

² Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

В статье с современных позиций развития прослежена трансформация идей лидеров мировых геополитических школ и возможностей их учета при принятии управленческих решений. Представлено авторское терминологирование геополитики, определены её объект и предмет исследования, функциональная сущность. Выявлены материальные и виртуальные факторы воздействия на геополитику, её взаимосвязь с геоэкономикой и геодемографией. Особое внимание уделено анализу и оценке евразийского вектора России.

Ключевые слова: географическое пространство, факторы геополитики, геополитические школы, неоевразийство, геополитика России.

Зачатки геополитики проявились в эпоху Великих географических открытий: в записках путешественников, научных трудах географов и наблюдениях колонистов о быте, характере и устремлениях сообществ людей (социумов). Эти знания использовались предпринимателями для достижения личных целей, а государственными мужами – для выстраивания внешней политики, направленной на экспансию территории и контроль над ресурсами. По мере укрепления позиций субъектов международного права формировались концепции учета географических и геофизических факторов воздействия на военно-стратегическое соперничество с другими государствами. В число лидеров в этом отношении выдвинулась Германия, обладающая евроцентристским положением, затем за нею устремились Англия, Франция, Италия, а затем – Российская Империя и США. В этих странах сформировались геополитические школы, которые со временем как бы приобрели статус традиционных и даже классических, то есть признанных на мировом уровне.

Терминирование геополитики. Термин «геополитика» ввел в научный оборот шведский ученый Рудольф Челлен (1864–1904). Согласно его доктрине, государство представлялось как изменяемое пространственное образование, заинтересованное в расширении своей территории [2]. Другой немецкий ученый Карл Хаусхофер (1869–1946) определил геополитику как географический разум государства [3]. Эти определения геополитики длительное время доминировали в географической науке, были восприняты философами, социологами, экономистами, политологами; как следствие, геополитика сформировалась в самостоятельную междисциплинарную науку, которая исследует закономерности взаимосвязи политики государства с условиями пространства: географическим положением, рельефом, климатом, флорой и фауной, человеческим потенциалом, уровнем развития и структурой экономики, этно-конфессиональными и культурно-историческими ценностями, спецификой укладов и быта людей. Как видим, в геополитике синтезируются все факторы, которые необходимо принимать во внимание при управлении пространством; каждый фактор в отдельности исследуется соответствующей наукой (научной дисциплиной), а синтез полученных результатов осуществляет географ-обществовед.

Объект, предмет и целевые функции геополитики. Предельным объектом исследования геополитики является планета Земля как природно-общественная система глобального уровня. Этот объект дифференцируется на ряд иерархических уровней: континентальный, межгосударственный, страновой, федеративный, субъектный, муниципальный, поселенческий. В качестве предмета исследований геополитики выступают деятельностные процессы государства и сообщества людей в географическом пространстве. Целевые функции геополитики как науки состоят в выработке теории, методологии и методики разработки политического геостратегирования. Таким образом, геополитика устанавливает общие закономерности хода исторических процессов на географическом «поле» деятельности государственных и общественных структур, выполняет роль механизма обеспечения жизнедеятельности народов

стран Мира в планетарном, а в будущем, возможно,—и космическом, пространстве.

Факторы геополитики. Вторая мировая война и послевоенное переустройство обусловили коренное изменение геополитической парадигмы. Основанием для этого послужили итоги войны и появление атомной бомбы, позднее—и освоение космического пространства. Под воздействием этих обстоятельств вероятные театры военных действий стали вырисовываться иначе, чем это было до отмеченных событий. Наряду с географическими и геофизическими свойствами пространства, усилилась связь геополитики с социальной сферой, а затем—и с виртуальными составляющими жизни общества.

Социально-демографический фактор детерминирован численностью и плотностью населения, долей мигрантов в общей численности населения страны, ожидаемой продолжительностью жизни, гендерной и возрастной структурой населения, соотношением городских и сельских жителей, динамикой техногенных аварий с человеческими жертвами. Эти показатели отражают особенности взаимодействия социальных групп населения (социумов) как внутри страны, так и за её пределами.

Психологический фактор отражает, с одной стороны, психологическое состояние конкретных лидеров страны, их помощников и консультантов, творцов геополитических теорий и концепций, а с другой—психологический климат в верхних эшелонах власти в управляемом большинстве.

Этно-конфессиональный фактор характеризуют национальные свойства в определенной фазе этногенеза [4], укорененность этнического и религиозного самосознания среди титульного и пришлого населения.

Идеологический фактор во многом определяет степень пассионарности населения в целом и, особенно, лидеров нации, их способность увлечь за собой народные массы, убедить в правильности осуществляемого политического курса.

Экономический фактор выражается в борьбе за рынки сбыта товаров, в привлечении в страну дешевой рабочей силы. Одним из инструментов достижения геополитических целей

стало ущемление интересов соперников на мировом рынке путем наложения санкций.

Туристский фактор является разновидностью экономического фактора, направлен на привлечение иностранных туристов как источника наполнения бюджета. Covid-19 в большой мере сказался на объемах туристских потоков, обрушил экономику ряда стран.

Виртуальные факторы – это эфир, компьютерная сеть «Интернет», печатные издания, митинги и собрания. Все эти средства массовой информации вышли за пределы национальных пространств, стали использоваться в качестве инструментария получения прибыли; они охватили не только государственные структуры, а и транснациональные компании, международные сообщества.

Большая часть названных факторов отражает суть времени, в корне изменяет представления о содержании концепций геополитических школ, созданных в прошлом веке.

Германская школа геополитики. Основоположники этой школы уделяли внимание, главным образом, евроцентристскому виду геополитики. Общим для них был подход к выявлению положения государственных сообществ в природе, в географическом положении. При этом преобладало националистическое направление геополитики, продиктованное неудовлетворенностью немцев в борьбе за захват колоний и поражением в Первой мировой войне. Государство, по их мнению, – это живой организм, пребывающий в географическом пространстве и связанный с землей.

Еще до Второй мировой войны К. Хаусхофер писал о целесообразности создания континентальной оси «Берлин–Москва–Токио», отстаивал концепцию панидеи, то есть интеграции наций в масштабе континентов, которая обеспечила справедливое распределение пространств Земли и ресурсов жизнеобеспечения. Этот довод немецкого геополитика используется в геополитических концепциях некоторых европейских стран и США, известен как тезис о зонах «жизненных интересов» стран, имеющих якобы «исключительное право» на контроль за использованием энергетических и других видов ресурсов.

В трудах Р. Челлена (по национальности он швед, а по политическим убеждениям германофил) утверждалось, что малые страны объективно притягиваются великими державами, вовлекаются в общую экономическую деятельность и образуют политические и хозяйственные «комплексы», а по мере интеграции народонаселения, хозяйства и управления—едины государственный организм. Для обеспечения эффективного управления таким интегральным государственным образованием необходимо изучать пять дисциплин: геополитику—географические факторы государственности; демополитику—миграционное и естественное движение населения; социополитику—решение социальных проблем; криптополитику—формы правления. Жизненное пространство, по Челлену, может быть расширено путем колонизации, слияния и завоевания; Германия, обладая осевым динамизмом, вправе, как утверждал Челлен, претендовать на роль континентального государства.

Проверка действенности германской школы геополитики осуществлялась во Второй мировой войне, её итоги, как и Первой мировой войны, известны. Как следствие, евроцентристский подход сменился на универсальный, при котором учитываются все факторы мировой, а не только европейской геополитики.

Французская школа геополитики. Возникновение этой школы являюсь следствием сокрушительных поражений Франции в наполеоновских войнах и в 1871 году, когда встал вопрос о месте и роли страны, располагавшей ранее мощной либерально-космополитической силой, на Евразийском континенте. В книгах выдающегося французского ученого Элизе Реклю (1830—1905) всесторонне раскрыты взаимосвязи между историей и географией: география—это история в пространстве, а история—это география во времени [5].

Другой французский геополитик—Поль Видаль де Блаш (1845—1918)—по образованию был историком, а больше известен как географ. По его мнению, политику определяют два аспекта: пространственный (географический) и временной (исторический). Анализируя географическое положение европейских стран, он определил Германию как единственно мощ-

ное на этом континенте государство и видел в нем главную угрозу миру в Европе [6]. Как показало время, ученый оказался пророческим в этом вопросе.

Синтез политической географии и геополитики, особенно при установлении государственных границ, впервые осуществил Жак Ансель (1879–1943). По его мнению, идеи немецких геополитиков о естественных границах государств остались абстрактной схемой, а единственным естественным рубежом может быть отсутствие людей [7], – как это имело место быть на северной границе России. Отметим, что ныне и этот довод оказался не подтвержденным практикой: арктическое пространство стало ареной борьбы многих государств, причем не только арктических.

Итальянская школа геополитики. Геополитическая доктрина Италии была продиктована стремлением к объединению земель, находящихся под властью Австро-Венгрии и Франции. Это обстоятельство предопределило становление двух направлений в геополитике: националистического и военно-стратегического. Первое направление возглавили Э. Коррадини (1865–1931) и Б. Муссолини (1883–1945), их идеалом был Древний Рим, но четкой геополитической программы у них не было. Во главе второго направления стоял военный стратег Дж. Дуэ (1869–1930), обосновавший ведущую роль авиации в будущих военных конфликтах [8].

Националистическое (фашистское) направление итальянской геополитики потерпело крах в результате итогов Второй мировой войны. Что касается другого направления – доктрины господства в воздухе, то оно проявлялось при воздушных операциях в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Югославии.

Английская школа геополитики. В направленности этой школы отражаются свойственные Великобритании на рубеже XIX–XX веков морское могущество, наличие колоний в разных частях света, механизация производства, высокая производительность труда. Англичане исследовали территории и акватории от Египта до Гонконга и от Канады до Индии. И вполне естественно, что вопросы геополитики выдвигались ими на первый план.

Мировую известность получил в начале XX века английский ученый Хелворд Маккиндер (1861–1947), который ввел в геополитику ряд новых терминов: хартленд, осевой регион, внешний полумесяц, внутренний океан. В 1904 г. он выступил в Королевском географическом обществе с докладом «Географическая ось истории», в котором обосновал довод о недопустимости консолидации евразийского континента, особенно договорных союзных отношений Германии и России. Квинтэссенция его учения сводится к следующему: 1) географические факторы влияют на ход исторических процессов; 2) географическое положение определяет как силу, так и слабость государства; 3) технический прогресс изменяет среду обитания населения и влияет на потенциальное могущество государства; 4) Евразия—это центр глобальных политических процессов [9, 10]. Эти положения концепции Х. Маккиндера до сих пор привлекают внимание геополитиков.

Концепцию морского могущества, или идею атлантизма, создал британский вице-адмирал Филипп Говард Коломб (1831–1899). Согласно его учению, морское могущество страны может быть обеспечено благодаря морской торговли, в для того чтобы её осуществлять, неизбежны морские войны, только при таких условиях возможно выиграть борьбу за обладанием морем [11].

В политической истории Великобритании одна из знаковых фигур—Уинстон Черчилль (1874–1965). Будучи премьер-министром (избирался на этот пост дважды) во время войны с фашистской Германией поддерживал СССР. Вместе с Президентом США Ф. Д. Рузвельтом создал Атлантическую хартию—отказ от территориальных захватов после победы над фашизмом и предоставление народам права самим устанавливать послевоенное мироустройство. Эта хартия была подписана и И. В. Сталином, но в результате формирования им социалистического лагеря началась «холодная война». Победа в этой войне стран Запада закрепила концепцию Черчилля, и ныне она является краеугольным камнем международной политики современной Великобритании и её сателлита США.

Американская геополитическая школа. В основе этой школы лежит принятая в 1823 году «доктрины Монро» (по имени пятого Президента США Джеймса Монро), в ней провозглашался запрет для европейских держав колонизировать и в дальнейшем страны американского континента. Со своей стороны США гарантировали независимость признанных ими государств и сохранение существующих колоний.

Американский политик Фредерик Тернер (1861–1932) в 1893 г. заявил о том, что географическая экспансия западных территорий страны должна сопровождаться и перенесением на них устоявшихся в восточных штатах идеалов, устоев и образа жизни [12].

Адмирал США Альфред Мэхэн (1840–1914) глубоко раскрыл содержание концепции морской силы [13]. Как и его британский коллега по морскому флоту Ф. Колумб, он придавал большое значение торговле по морским путям и ратовал за господство своей страны на море, за блокирование с моря России и Китая, что истощало бы силы противника.

Традиционные концепции американцев используются и в современной политике. Так, на доктрину Монро политики ссылаются в речах и письменных заявлениях, хотя на деле нарушают её положения. Американская экспансия распространилась на многие государства, которым США диктуют свои представления о демократии и образе жизни, заявляя при этом, что имеют на то право, поскольку являются «исключительной» державой. И также, как и более века назад, Россия и Китай называются лидерами США главными противниками.

Евразийская школа геополитики. Её истоки уходят в XIX век, когда русский ученый Н. Я. Данилевский, в своей книге (1868 г.) обосновал тезис отчужденности Европы от России, поскольку существуют принципиальные цивилизационные различия: европейцы видят в России и славянах не только чуждое, но «враждебное начало» [14]. Позднее обоснования значимости культурно-религиозных общностей приводились в работах русского философа К. Н. Леонтьева (1831–1891), немецкого философа О. Шпенглера (1880–1936), русских участников белоэмигрантского движения, основателей концепции

евразийства Н.С. Трубецкого (1890–1938), П.Н. Савицкого (1895–1968), Г.В. Флоровского (1893–1979), Г.В. Вернадского (1887–1973), их последователя и ученика Л.Н. Гумилева (1912–1992),

Главным идеологом евразийства является русский философ, географ и экономист П. Н Савицкий, взгляды которого формировались под влиянием учений В.И. Вернадского и П.Б. Струве, при общении с князем Н.С. Трубецким. По его мнению, Россия – это особое цивилизационное образование, то есть не часть Европы и не часть Азии, а самостоятельный мир, особая духовно-историческая реальность – Евразия [15]. Это, данное Савицким, понятие относится не к материку и не к континенту, а к пространству, отраженному в русской культуре, исторической парадигме и особой цивилизации. Л.Н. Гумилев, познакомившись с Савицким в местах не столь отдаленных, развил учение своего коллеги по ГУЛАГу, друга и единомышленника, доведя его до теории этногенеза [4].

Современное евразийство. В СССР геополитика считалась политической доктриной, оправдывающей различные формы империалистической экспансии ссылками на данные экономической и политической географии [16, с. 95]. Но в 1990-е годы было дано принципиально иное определение геополитики – как политической концепции, согласно которой политика государств предопределяется географическими факторами [17, с. 171]. В другом словаре общественных терминов геополитика представлена как наука, как теория и как политическая деятельность; кроме того, определены понятия «геополитическая эпоха», «геополитическое положение» [18, с. 79–80].

Ещё до развала СССР в отечественной научной литературе обозначился вектор возврата к категории «евразийство». Особое значение в этом смысле имела публикация Л.Н. Гумилева [19], в которой он обозначил себя как «последний евразиец», но, как показало время, был не прав: одна за другой стали выходить в свет статьи коллеги Гумилева по Ленинградскому – Санкт-Петербургскому университету С.Б. Лаврова [20–22]. К разработке геополитической проблематики подклю-

чилились московские географы В. А. Колосов и Н. С. Мироненко [23–24]. Петербургский философ и геополитик И. Ф. Кефели основал журнал «Геополитика и безопасность» (ныне – журнал «Евразийская интеграция»). Кандидатские диссертации по геополитике защитили ученики С. Б. Лаврова, один из них – А. Г. Дружинин – стал доктором географических наук, известным в стране и за её пределами ученым. По инициативе Н. В. Каледина в СПбГУ создана кафедра региональной политики и политической географии, из под пера преподавателей кафедры вышли в свет книги и статьи по геополитике [25–26], вбирающие в себя и аспекты евразийства.

Современное евразийство следует рассматривать не только как геополитический курс на усиление связей с восточными странами, а и как экономический курс России на ускоренное развитие восточных регионов. Сегодня трудно себе представить, что было бы с нашей страной в 90-е годы прошлого столетия, если бы тридцатью пятью годами ранее комсомольцы и молодежь не откликнулись бы на призыв партии и правительства отправиться в Сибирь и на Дальний Восток для освоения их богатейших природных ресурсов – ведь именно за счет деяний тех лет пополнялся бюджет «новой» России.

Covid-19 в корне изменил представления людей о преимуществах жизни в больших городах, мегаполисах. Да и экономическая эффективность производства в них весьма сомнительна, поскольку в значительной мере обеспечивается за счет сферы услуг, что не гарантирует экономическую безопасность страны.

Евразийский выбор пути развития России становится решающим фактором внешней и внутренней политики, всё глубже проникает в умы географов, экономистов, политологов, философов [27]. Меняется и представление о сути геополитики.

Геополитика–геоэкономика–геодемография: конгломерат или синтез? Выше речь шла, в основном, о классических формах геополитики, которые зародились более ста лет назад. Старая Германская школа геополитики фактически отсутствует – ни в Германии, ни в других европейских государствах ныне нет стремления к расширению границ. То же самое мож-

но сказать и относительно США, что вовсе не означает утрату их интереса к чужим территориям. Напротив, после Второй мировой войны лидеры США уверились в своей «исключительности», в праве устанавливать в других странах режимы правления, согласно своим представлениям о демократии, свободе, образе жизни. К этому их подвигают и геополитические воззрения З. Бжезинского, Дж. Маккея, Дж. Сороса. Однако, в большинстве стран мира, включая Германию, Францию, Италию, отношение к геополитическим государственным устремлениям меняется.

В целом для мира очевидна смена геополитической парадигмы: если ранее в ее основе лежала познавательная функция (мировоззренческая и информационно-аналитическая), то теперь на передний план выходят прикладные аспекты (прогностическая функция). Главным для современной геополитики становится прогноз изменения геополитических сил на глобальном и региональном уровнях, причем не только военно-стратегических, но и социально-экономических, включая уровень человеческого потенциала государств. Такая прогнозно-аналитическая информация необходима политикам для формирования механизма и создания инструментария для защиты и реализации национальных интересов и безопасности.

Развитие глобальных экономических процессов потребовало создания нового научного инструментария, предназначенного для смещения глобальных интересов наиболее развитых стран и интеграционных образований из военно-стратегической плоскости в экономическую. Американский политик Э. Литтвак, анализируя систему «США – остальной мир», ввел понятие «геоэкономика», которое быстро распространилось по миру. В самом широком смысле под ним понимается «господство экономического пространства», или, иначе говоря, достижения мирового или регионального могущества преимущественно экономическим путем [28]. Как видим, геоэкономика – это не что иное, как современная геополитика, определяющая мирохозяйственную интеграцию государств и создание конкурентоспособных региональных условий хозяйствования под воздействием факторов глобализации и регионализации

[29]. Классические положение политэкономии и геополитики стали основными источниками геоэкономики, понимаемой как географически обусловленной хозяйственной деятельности сквозь призму определенной мирохозяйственной модели.

Важным составляющим элементом современной геополитики является и геодемография, что обусловлено бурно растающими на международном уровне миграционными процессами. В том, что колоссальный наплыв мигрантов охватил развитые европейские страны, принеший немало бед титульному населению, повинны не только недалёковидные политики, но и ученые, предложившие лицам, принимающим управленческие решения на государственных уровнях, концепцию толерантности. Думается, более действенной могла бы стать предложенная Л. Н. Гумилевым и поддержанная его единомышленниками концепция комплиментарности [30]. Поскольку широкого осознания и принятия к действиям этой концепции, к сожалению, не случилось страны Европейского Союза, как и вышедшая из его состава Великобритания, пожинают горькие плоды своего истеблишмента. Аналогичная ситуация складывается и в США, что также свидетельствует о больших провалах государственных, экономических, общественно-политических институтов и организаций, обладающих властью и влиянием в обществе.

Таким образом, за последние три десятилетия геополитическая парадигма претерпела существенные изменения. Главное—это переход её с уровня отдельных стран и регионов на глобальный уровень, чему способствовали открывшиеся миру новые тенденции: глобализация мировой экономики; ослабление государственного контроля за деятельностью крупных компаний и секторов экономики, миграционные потоки людей; интенсификация «нематериальных» потоков информации и перемещения капиталов.

Развал СССР и мировой социалистической системы, утрата военно-стратегических позиций в связи с объединением Германии и приближением военных баз НАТО непосредственно к границам Российской Федерации, «бархатные револю-

ции» на постсоветском пространстве и отсутствие интеграционных тенденций в СНГ – всё это актуализировало проведение геополитических исследований в нашей стране. Особую значимость они приобретают на фоне таких геополитических просчетов, как роспуск Горбачевым Организации стран Варшавского договора, решение Ельцина – Кравчука – Шушкевича (при попустительстве / предательстве того же Горбачева) о ликвидации СССР и создании СНГ, передача Горбачевым – Шеварнадзе 60 тыс. кв. км Берингова моря США, «спрямление» Медведевым – Лавровым российской границы на акватории Баренцева моря в пользу Норвегии, сомнительна и правомерность передачи острова Даманского (в русле Амура) Китаю.

Приходится констатировать, что за прошедшие три десятилетия в Российской Федерации не выработано теоретических основ внешней политики, как и стратегических направлений региональной политики. Одни активисты хотели бы видеть страну великой военной державой, другие – возродить империю в границах бывшего СССР, третьи – вернуть страну к социалистическому строю, четвертые ратуют за создание христианской православной страны и т.д., и т.п. На этом размытом фоне геополитических парадигм главным направлением (вектором) геополитики остается идея евразийства, но и в ней не все очевидно: нет четко сформулированных целей, не поставлены задачи и, соответственно, определены пути их решения.

Геополитика – это комплексная, междисциплинарная наука, сочетающая пространственный (географический) и динамический (исторический) компоненты пространственных отношений в процессах экономического развития и динамики народонаселения. В развитии фундаментальных основ геополитики могут и должны участвовать многие науки, но решение задачи интегрирования результатов их научного поиска обязана взять на себя общественная география, изучающая как естественные, так и общественные компоненты географического пространства.

Список источников и литературы

1. Kjellen R. Der Staat als Lebansform. Hizel; Leipzig. 1917.
2. Ратцель Ф. Народоведение. СПб: Просвещение, 1904. Т. 1., 764 с.; Т. 2. 818 с.
3. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль. 2001. 426 с.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ. 1989. 496 с. 5. Реклю Э. Человек и Земля. СПб., 1906. Т. 1. 480 с.
6. Vidal de la Blache P. La geographic Humaine.–P.: A. Colin, 1921, p. 46–51.
7. Ancel J. Géopolitique. Paris: Bibliothèque d' Histoire et de Politique, 1936.
8. Дуэ Дж. Господство в воздухе. М.: АСТ; СПб.: ТЕРРА Фантастика, 2003–606 с.
9. Mackinder H. J. The geographical pivot of history // Jeographical Journal. 1904. № 23. P. 421–442.
10. Mackinder H. J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. № 21. P. 595–605.
11. Коломб Ф. Морская война ее основные принципы и опыт. Сокр. переизд. по пер. с англ. Н. П. Азбелева (1894 г.).–М.; Л.: Воен.–мор. изд-во, 1940. 345 с.
12. Turner F. J. The Frontier in American History. New York. 1920. 375 p.
13. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю (1660–1793). М.–Л., 1941. 634 с.
14. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М.: Изд-во политич. лит-ры. 1963. 544 с.
15. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Ред.кол.: В. И. Бородулин, А. П. Горкин, А. А. Гусев и др. М.: Большая Росс. энцикл., 1998. 912 с.
16. Яценко Н. Е. Толковый словарь общественных терминов. СПб.: Лань. 1999. 528 с.
17. Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем... (интервью Андрея Писарева с Л. Н. Гумилевым). Алма-Ата: Жалын. 1991. 32 с.
18. Лавров С. Б. Геополитика: возрождение запрещенного направления // Известия РГО. 1993 Т. 125. Вып. 4. С. 36–40.
19. Лавров С. Б. Геополитика и регионалистика: взгляд ученых // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб.: РГО. 1995. С. 3–10.
20. Лавров С. Б. В каком мире мы живем? (Размышления геополитика). СПб.: Время, 2001. 88 с.
21. Колосов В. А. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность.

1996. № 3. С. 86–94.
22. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001. 479 с.
  23. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М. 2017. 251 с.
  24. Каледин Н. В., Чистобаев А. И., Каледин В. Н., Елацков А. Б. Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 2. С. 136–152. doi: 10.5922/2079–8555–2019–2–8.
  25. Акаев А. А. Евразийские перспективы возрождения России. СПб.: Информ. агенство «Северная звезда». 2012. 408 с.
  26. Дергачев В. А. Геоэкономика (современная геополитика). Киев: ВИРА-Р. 2002. 213 с.
  27. Кочетов Э. Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. М.: Норма. 2010. 512 с.
  28. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Сов. Писатель. 1990. 128 с.

TRANSFORMATION OF CLASSICAL GEOPOLITICAL CONCEPTS IN A CHANGING WORLD

Chistobaev A. I. ^{1,2}

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia.

² North-West Institute of Management of RANEPA
under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia.

The article traces the transformation of the ideas of the leaders of world geopolitical schools and the possibilities of their consideration when making management decisions from modern positions of development. The author's interpretations of the term "geopolitics" are presented, its object and subject of research, functional essence are determined. Material and virtual factors of influence on geopolitics, its relationship with geoeconomics and geodemography are revealed. Particular attention is paid to the analysis and evaluation of the Eurasian vector of Russia.

Keywords: geographical space, geopolitics factors, geopolitical schools, neo-Evrazism, geopolitics of Russia.

ПЕРСПЕКТИВЫ СЛЕДУЮЩЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПРЕДСТОЯЩИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Шупер В. А.^{1,2}

¹ Институт географии РАН,
Москва, Россия;

² Университет Бернардо О'Хиггинса,
Сантьяго, Чили

В ближайшие годы предстоит сильнейший шторм в международных отношениях, поэтому весьма актуален призыв С. А. Караганова к умеренному изоляционизму («неоизоляционизму»). Для страны становится жизненно важным формирование суверенной картины мира, которой сейчас нет. Надо осознать, что «в мировом порядке, постулирующем неравенство государств и естественность экспансии, глобальных проблем не существует. Переход к подобному “не-ялтинскому” порядку будет означать и ликвидацию самого понятия «глобальные проблемы». Должны быть пересмотрены крайне идеологизированные представления о парниковом эффекте, об устойчивом развитии, невозможном даже теоретически, и многом другом. Категория устойчивого развития была пущена в оборот, когда в результате глобализации резко замедлился рост экономики в высокоразвитых странах. Углеродный протекционизм становится оружием в борьбе с геополитическими соперниками. Развитие «безуглеродной экономики» приведёт к росту потребления энергии. Авторы доклада Валдайского клуба, считают, что мир расколется на несовместимые и враждебные технологические платформы. В худшем случае таких платформ будет две: Pax Americana и Pax Sinensis будут представлять собой две параллельные глобализации.

Ключевые слова: глобализация, дезинтеграция, неоизоляционизм, мировой порядок

Классическая статья В. П. Семёнова-Тян-Шанского «О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии» (1915) намного опередила время сразу в ряде отношений. Сформулированные в ней представления о формах устойчивой территориальной организации государств предвосхитили представления о структурном изоморфизме (тождестве структуры без тождества элементов содержания) в системном подходе. Параллельно с исследованиями В. П. Семёнова-Тян-Шанского создавалась тектология (всеобщая организационная наука)

А. А. Богданова (1873–1928), предвосхитившая многие идеи кибернетики и системного подхода, но оставшаяся непонятой современниками. В истории нет сослагательного наклонения, нам остаётся лишь сожалеть о несостоявшемся взаимодействии двух выдающихся мыслителей.

Цикличность мирохозяйственных процессов. В XX в. распались все «классические» империи, что освободило «экологическую нишу» для новых форм наднациональной организации (global government). Эти процессы протекали и протекают в условиях чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства [10]. Первая глобализация – с середины XIX в., когда сформировалось мировое хозяйство в его современном понимании до 1914 г. – это *Pax Britannica*. Первый глобальный дезинтеграционный цикл – это две мировые войны и промежуток между ними. В 1945 г. началась вторая глобализация, лидером которой стали США, производившие после войны половину мирового ВВП. Она вошла в историю как *Pax Americana* и завершилась в 2008 г. Можно ожидать, что лет через 15 начнётся третий глобальный интеграционный цикл, но едва ли стоит путём простой экстраполяции предрекать *Pax Sinensis* – Китай будет укреплять свои позиции в мире в условиях чрезвычайно жёсткого соперничества с США, а при неблагоприятном для нас развитии событий – и с Индией.

Если принять за начало второго глобального дезинтеграционного цикла крах Lehman Brothers и исходить из практически равной продолжительности обеих глобализаций (немногим более 60 лет), то логично предположить и примерно равную продолжительность первого и второго глобальных дезинтеграционных циклов. Тогда весьма вероятно прохождение низшей точки переживаемой деглобализации в ближайшие годы, хотя на месте точки, скорее всего, окажется более или менее пологое дно.

А. В. Картунов полагает, что «вряд ли российским политикам стоит радоваться наступившей эпохе деглобализации и солидаризироваться с торжествующими антиглобалистами» [9]. Однако в естественнонаучном подходе нет места оценоч-

ным суждениям. Следует не радоваться или огорчаться, а решать, какую политику проводить – проциклическую или контрциклическую. Заслуживает самого серьёзного внимания точка зрения С. А. Караганова, решительно призывающего к первому – к умеренному изоляционизму («неоизоляционизму») [7]. Трудно предположить, что другие страны будут выстраивать свою политику существенно иначе. Соответственно следует готовиться к геополитическим и геоэкономическим последствиям, масштаб которых сейчас вряд ли удастся представить.

«В новой ситуации сухопутные государства не выигрывают и даже многое теряют, но морские государства теряют гораздо больше – пишет М. В. Братерский. – Исторически страны Евразии были связаны с морской торговлей гораздо слабее – внешняя торговля по морю стала играть заметную роль в их экономике только в последние десятилетия. Надо заметить, что и в этих условиях они старались диверсифицировать способы доставки (“Пояс и путь” – Китай, трубопроводы – Россия), частично и для того, чтобы уменьшить зависимость от морской системы мировой торговли, которая контролировалась Атлантическим сообществом. Теперь эта система ослабнет в принципе, и из огромного преимущества, источника влияния и заработков станет серьёзной обузой для атлантистов» [5]. Деглобализация закономерно приведёт к углублению разделения труда внутри стран при его существенном сокращении для мирового хозяйства, чему способствует целый ряд тенденций, действующих в одном направлении. Это внедрение промышленных роботов и искусственного интеллекта, аддитивные технологии (трёхмерная печать), «углеродный протекционизм», уже ставший мощнейшим оружием в борьбе с геополитическими соперниками. Разумеется, этот список будет пополняться.

Необходимость суверенного целеполагания. Если мы хотим извлечь пользу из переживаемого кризиса, чтобы улучшить позиции страны при новом мировом порядке, контуры которого начнут вырисовываться лишь через несколько лет, то кризис должен стать очистительным [8]. Мы же продолжаем петь старые песни о главном – о структурных реформах,

верховенстве закона, политических свободах, социальном государстве и проч. Всё это, разумеется, прекрасные вещи, но следует хорошо понимать, что если их завести, то это вовсе не гарантирует ни бурного экономического развития страны, ни укрепления её позиций в мире. Уже хотя бы потому, что для процветания надо завести их все одновременно, а это едва ли возможно, тем более что неизбежно обнаружится множество противоречий, когда нельзя улучшить одни параметры, не ухудшая других. Нильс Бор (1885–1962) подразделял истины на ясные и глубокие. Ясной истине противостоит ложь, глубокой – другая глубокая истина. Катастрофическое засилье фейков приводит к тому, что до глубоких истин мы просто не добираемся – продраться бы сквозь нагромождения лжи. Между тем суверенное целеполагание невозможно без суверенной картины мира, а она у нас далеко не такова. Поэтому мы даже не ставим многие важнейшие вопросы.

Между тем формирование суверенной картины мира надо начинать с осознания того, что «в мировом порядке, постулирующим неравенство государств и естественность экспансии, глобальных проблем не существует. Переход к подобному «не-ялтинскому» порядку будет означать и ликвидацию самого понятия «глобальные проблемы» [11]. Более того, само формирование этой картины, которую всё труднее считать научной, как это повелось со времён Просвещения, стало инструментом геополитического соперничества между государствами и их блоками. Ярчайший тому пример – навязываемые совершенно тоталитарными методами представления об изменении климата как результате антропогенных воздействий. На высшем уровне провозглашается борьба с изменениями климата, что само по себе нелепо, поскольку климат всегда менялся и всегда будет меняться, даже если человечество вымрет в результате ядерной катастрофы либо каких-то иных причин. Между тем с научной точки зрения, антропогенная природа потепления – это гипотеза, имеющая право на существование наряду с другими, но исследования, результаты которых не вписываются в мейнстрим, публикуются в солидных научных изданиях, выходящих мизерным тиражом, и остаются известными

только специалистам. Из последних отметим статью заведующего лабораторией Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН Х.И. Абдусаматова [1]. Закономерно, что А.Б. Чубайс провозгласил устойчивое развитие, во имя которого ведётся борьба с эмиссией парниковых газов, религией XXI в. [12], что позволяет сделать эту сомнительную концепцию вообще не подлежащей научной критике.

Естествоиспытателям, не задействованным в международных проектах по изменению климата, вообще свойственно скептическое отношение ко многим полученным в рамках этих проектов выводам. Они склонны мыслить о циклических природных процессах, соответственно и стратегия должна быть адаптивной, как, например, в случае сейсмической активности, которую при надобности тоже можно политизировать до полного омерзения, говорить об ответственности человека перед родной планетой, о её правах и проч.

Инженерам же совершенно очевидно, что развитие «безуглеродной экономики» приведёт к значительному росту потребления энергии. К нему приводит даже внедрение электромобилей, не говоря об отказе от кокса в чёрной металлургии (в Швеции это уже решённый вопрос) и т.п. Росту энергопотребления весьма способствует и развитие ИКТ. Майнинг биткоинов в Иране создал проблемы, пока локальные, для мощной энергетики этой страны. О сугубо политической и экономической подоплёке «зелёной сделки» ЕС, на практике представляющей самый оголтелый протекционизм, пишет Т.В. Бордачёв [4].

Недавно довелось слушать доклад весьма почтенного климатолога, участвующего в работе Межправительственной группы экспертов по изменению климата. В этом очень основательном докладе самым поразительным было то, что хвалёная, пресловутая группа, удостоенная, между прочим, Нобелевской премии мира, никаких собственных исследований не проводит, а лишь обобщает имеющуюся научную литературу, отбор которой не может не быть субъективным. Читатель, вы можете себе представить, чтобы какой-то национальный научный проект исключительной важности выполнялся подобным

образом?! На борьбу с парниковым эффектом просвещённое человечество тратит даже не миллиарды, а триллионы долларов, а тут невозможно наскрести 0,1% этих фантастических сумм на проведение совершенно необходимых исследований. Может оттого, что нет никакого интереса к их результатам, которые могут сильно отличаться от ожидаемых?

Россия в цифровом неприсоединении. Между тем мы даже не приступили ещё к разбору интеллектуальных завалов на пути к разработке своей концепции будущего, включая и поиски ведущих к нему путей. Уже отмеченная невозможность указать лидера третьей глобализации, который будет строить её под себя, позволяет усомниться в том, что она вообще наступит. Если не состоится Pax Sinensis, то каким же будет мир? Авторитетные авторы доклада Валдайского клуба ожидают, что мир расколется на более или менее враждебные техно-экономические блоки, формирующиеся на разных технологических платформах [3]. В худшем случае таких блоков будет два: Pax Americana и Pax Sinensis как параллельные глобализации, вызывающие реминисценции о капиталистической интеграции в форме ЕЭС и других организаций и соглашений и социалистической в виде СЭВ. Только в будущем у стран, оставшихся за рамками этих двух блоков, будет куда меньше простора для манёвра в силу невозможности реально обеспечить свой суверенитет в условиях перехода на американские или китайские технологические платформы. Ведь это неизбежно приводит к утрате контроля над критическими технологиями. Советский блок скорее превосходил НАТО по своему военному потенциалу, компенсируя этим прогрессирувавшее экономическое отставание. С Китаем ситуация будет совсем другой, возможно, даже обратной.

При более благоприятном развитии событий может сформироваться движение «цифрового неприсоединения» и у России есть объективные основания претендовать на ведущие роли в нём. А. О. Безруков, один из авторов доклада, выступая на его презентации 26 января 2021 г., отметил сугубую заинтересованность некоторых европейских стран в сохранении «цифрового суверенитета», без которого невозможен

суверенитет как таковой, особо выделив при этом Францию и Испанию. Однако европейские страны за последние годы ещё ни разу не проявили готовность к проведению независимой от США политики с единственным исключением, да и то не бесспорным, в виде «Северного потока-2». Значительно более перспективно, по мнению А. О. Безрукова, сотрудничество с Индией, в высшей степени приверженной своему суверенитету и не желающей жертвовать существенной его частью при переходе на американские технологические платформы.

Рациональное природопользование вместо зеленой сделки. Утрачивающий как динамизм, так и доминирование Запад будет и впредь делать всё возможное, чтобы сдерживать развитие своих геополитических соперников, причём в борьбе будут использоваться любые средства, кроме тех, применение которых может привести к неприемлемо тяжёлым последствиям для их инициаторов. В этой борьбе не будет никаких моральных ограничений, она может вестись даже в ущерб жизни и здоровью собственных граждан, о чём свидетельствует широкая компания по дискредитации российской вакцины Спутник V [2]. А. Г. Баунов справедливо указывает на бескомпромиссность этой борьбы, в которой Западу нужна только победа, в то время как Россию устраивает и ничья.

Лет десять назад автору довелось оказаться за столом с французским дипломатом, бывшим послом в одной из европейских стран. В силу тогдашней наивности автором была предпринята попытка воспользоваться этим соседством для разъяснения того, что антропогенная природа потепления — лишь одна из возможных гипотез. Однако высокопоставленный собеседник сразу же отмахнулся от этой темы: «Да, всё это нужно, чтобы притормозить Китай и Индию». Россию он из вежливости не упомянул.

Между тем ни Китай, ни Индия, ни Россия не заинтересованы в новом издании «конца истории» с прекращением экономического роста и закреплении существующего соотношения сил. Нам необходимо решительно отстаивать свои национальные интересы при формировании новой модели природополь-

зования, разоблачая чисто идеологический характер концепции устойчивого развития, спорность многих представлений об изменении климата. При этом Россия с её гигантскими лесными ресурсами должна твёрдо требовать признания своей планетарной роли в поглощении углекислого газа, а не играть в заведомо проигрышные игры по сокращению углеродного следа.

Борьба за правила – это всегда борьба за власть. А.Г. Быстрицкий, председатель Совета Фонда Валдайского клуба, проницательно отмечает, что борьба идёт даже не столько между странами, сколько между элитами внутри стран, чему США служат самым ярким примером: «Слепота элит просто поразительна: в своей эгоистической борьбе они, похоже, сильно переоценивают надёжность и силу обществ, в теле которых они схватились друг с другом» [6].

Отечественные элиты, не только А.Б. Чубайс, тоже не прочь воспользоваться зелёной повесткой для усиления контроля над обществом. В апреле 2020 г., когда в Москве штрафовали на 4 тыс. руб. противозаконно выносивших мусор нарушителей самоизоляции, пришло сообщение о том, что отныне все дома будут строиться без мусоропроводов, а в построенных мусоропроводы будут со временем заварены, якобы с согласия жильцов. С большим сочувствием провластные СМИ комментируют французские запреты пластиковых стаканов и ватных палочек, хотя меры эти совершенно нелепы с экологической точки зрения и неуклюжи с политической. Уже призывают к запрету одноразовой посуды. Эдак мы скоро будем сдавать бутылки из под молока и кефира, как это делали в советские времена.

В огромной стране, сформированной упорным движением к Великому океану, природоохранные задачи должны решаться совершенно иначе, чем в европейских странах. Мы всегда считали, что наши громадные пространства толкают нас на экстенсивный путь развития, но сегодня надо осознать их как последний фронт, как гигантский ресурс и шанс для страны в переходящем к стационарности мире.

Нам надо идти своим путём, совершенствовать технологии переработки отходов и их утилизации, а не играть в игры, правила которых придуманы не нами и не соответствуют нашим интересам.

Нам жизненно важно воспрянуть наконец духом после распада СССР и не соглашаться на постепенное увядание в прошедшем к стационарности мире. Вместо этого следует, засучив рукава, заняться экспансией, благо для этого нам не надо выходить за национальные границы. Экспансия – это не только освоение Сибири, Дальнего Востока, Арктики, это и развитие образования, науки, культуры, раскрепощение личной инициативы, всемерное культивирование уважения к человеку при одновременном повышении требований к нему – профессиональных, этических, гражданских. Масштабные личности могут сформироваться только на большом деле и именно из них должна формироваться будущая элита страны. Освоенческий пафос статьи В. П. Семёнова-Тян-Шанского будет не просто полезен, а совершенно необходим в решении столь масштабных задач.

Список источников и литературы

1. Абдусаматов Х. И. Изменение климата под влиянием звезды Солнце в настоящем и будущем // Вопросы географии. Сб. 149. Современное землеведение. М.: Изд. дом «Кодекс», 2019. С. 220–262.
2. Баунов А. Прививки и ценности. Чем российская вакцина угрожает Западу // Московский центр Карнеги. 25.03.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84143> – Дата обращения: 27.03.2021.
3. Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцов А. Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Январь 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36581/> – Дата обращения: 01.03.2021.
4. Бордачёв Т. Почему нельзя идти навстречу зелёным требованиям Европы // Россия в глобальной политике. 25.03.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nelzya-idi-navstrelu-rukovodstvo/> – Дата обращения: 27.03.2021.
5. Братерский М. *Далеко ли до войны?* // *Россия в глобальной политике*, 2020, № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/daleko-li-do-vojny/> – Дата обращения: 01.02.2020.
6. Быстрицкий А. На пути к прекрасному будущему // *Международный*

- дискуссионный клуб «Валдай», 11.03.2021 URL: https://ru.valdaiclub.com/a/chairman-speech/na-puti-k-prekrasnomu-budushchemu/?utm_source=newsletter&utm_campaign=212&utm_medium=email – Дата обращения: 27.03.2021.
7. Караганов С. Мировой шторм и русский кураж. // Россия в глобальной политике. 28.10.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-shtorm-i-russkij-kurazh/> – Дата обращения: 31.01.2020.
  8. Караганов С. Очистительный кризис? // *Россия в глобальной политике*, 2021, № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ochistitelnyj-krizis/> – Дата обращения: 01.02.2020.
  9. Картунов А. Куда ж нам плыть? // Российский совет по международным делам. 28.01.2021 URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kudazh-nam-plyt/> – Дата обращения: 27.03.2021
  10. Синцеров Л. М. Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 5. С. 56–64
  11. Фененко А. «Черные лебеди» глобализации // Российский совет по международным делам. 13 апреля 2020 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/> – Дата обращения: 09.12.2020
  12. Чубайс назвал новую религию XXI века // РИА Новости, 10.02.2021 URL: <https://ria.ru/20210210/chubays-1596877471.html> – Дата обращения: 20.03.2021

PROSPECTS FOR THE NEXT GLOBALIZATION IN THE LIGHT OF UPCOMING GEOPOLITICAL SHIFTS

Шупер В. А.^{1,2}

¹Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

² Bernardo O’Higgins University,
Santiago, Chile

In the coming years, there will be a severe storm in international relations, so S.A. Karaganov’s call for moderate isolationism (“neo-isolationism”) is very relevant. For the country, it becomes vital to form a sovereign picture of the world, which does not exist now. “In the world order, which postulates the inequality of states and the naturalness of expansion, there are no global problems. The transition to such a “non-Yalta” order will mean the elimination of the very concept of “global problems”. It is imperative to reconsider the extremely ideological ideas about the greenhouse effect, about sustainable development, which is impossible even theoretically, and much more. Carbon protectionism becomes a weapon in the fight against geopolitical rivals

Keywords: globalization, disintegration, neo-isolationism, world order.

НАУЧНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.П. СЕМЁНОВА-ТЯН- ШАНСКОГО И В.П. СЕМЁНОВА-ТЯН- ШАНСКОГО В ИМПЕРАТОРСКОМ РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Питулько Г. Н.^{1,2}

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

² Библиотека РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Среди ученых-географов, которые внесли огромный вклад в развитие не только научных знаний, но и сыграли немаловажную роль в конкретной деятельности Русского Географического Общества, у Петра Петровича и Вениамина Петровича Семеновых-Тян-Шанских особое место. В свете анализа основных этапов научной и организационной работы двух видных ученых-географов отметим, что речь идет о создании и культивировании ими особого научного метода в рамках российской географической школы.

Ключевые слова: Семенов-Тян-Шанский П.П., Семенов-Тян-Шанский В.П., Русское географическое общество, научная деятельность

Среди ученых-географов, которые внесли огромный вклад в развитие не только научных знаний, но и сыграли немаловажную роль в конкретной деятельности Русского Географического Общества, у Петра Петровича и Вениамина Петровича Семеновых-Тян-Шанских особое место. В свете анализа основных этапов научной и организационной работы двух видных ученых-географов отметим, что речь идет о создании и культивировании ими особого научного метода в рамках российской географической школы.

Не будет преувеличением сказать, что очень многие направления научного творчества Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (1870–1942) были тесно связаны с интересами Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827–1914), являвшегося в течение 40 лет вице-председателем Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) (1873–1914 гг.).

В отечественной историографии довольно подробно изучены различные стороны карьеры и творчества Семеновых-Тян-Шанских. Причем интерес к этой теме был устойчивым на протяжении длительного периода. Среди биографических работ заслуживают внимания две книги, опубликованные в академическом издательстве «Наука». Так, в 1989 г. вышла обобщающая работа Павла Марковича Поляна, одного из современных ученых-географов, посвященная биографии Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского [2]. Другое академическое исследование двух авторов –Иннокентия Варфоломеевича Козлова и Анны Васильевны Козловой –посвящено Семенову-Тян-Шанскому-старшему было опубликовано в том же издательстве в 1991 г. [1]. В этой монографии на базе трудов ученого, архивных материалов и обширной научной литературы показана многогранная деятельность географа, этномолога, мецената и общественного деятеля. Заслуживает специального внимания и кропотливо собранная библиография трудов Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, включая его «Мемуары», вышедшие впервые в нескольких томах на средства семьи еще в 1915–1917 гг., переизданное трижды уже в советское время. «Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 гг.» выходило в 1946-м, 1948-м и в 1958-м гг. соответственно. Что касается мемуаров Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, то они были изданы сравнительно недавно в двух томах в Москве в издательстве «Новый хронограф» в 2009 г. и переизданы в 2011 г. [5].

Нельзя не отметить и еще одну фундаментальную работу, подготовленную главным научным сотрудником Государственного Эрмитажа Ириной Алексеевной Соколовой и посвященную некогда знаменитому собранию голландских и фламандских художников Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, сейчас хранящуюся в Эрмитаже [7].

Без преувеличения можно сказать, что большая часть жизни Семеновых была связана с Императорским Русским Географическим обществом. Семенов-старший был принят в Императорское Русское Географическое общество (ИРГО) в феврале 1849 г. И это событие стало знаковым в биографии

начинающего ученого. Примечательно, что уже в следующем году Петр Петрович избирается секретарем отделения физической географии ИРГО.

Что касается, собственно, непосредственной работы обоих ученых в Императорском Русском Географическом Обществе, то следует специально отметить, что ими придавалось важнейшее значение сразу нескольким направлениям деятельности, включая научно-практическую, исследовательскую и издательскую. Благодаря многолетним усилиям вице-председателя ИРГО Петра Петровича Семенова научный престиж этого учреждения стал чрезвычайно высок. В составе ИРГО работали ведущие специалисты в области физической географии, картографии, геодезии и других естественных наук. Структура самого Общества отвечала основным научным задачам, которые стояли перед наукой того времени. К важнейшим отделениям ИРГО относились: отделение физической географии, отделение математической географии, отделение статистики и отделение этнографии. Симптоматично, что тогда же была создана постоянная Комиссия по изучению Арктики, что позволило осуществлять экспедиционную работу, а также систематизировать собранные уникальные данные о геологии, климатических и природных особенностях, этнографии Крайнего Севера. Усилиями Общества при активной поддержке президента Императорской АН великого князя Константина Романова и Императорской АН была осуществлена Первая Русская Арктическая экспедиция в 1900–1902 гг. Также были проведены ставшие всемирно известными Чукотская, Якутская и Кольская экспедиции. Примечательно, что этим направлением работы ИРГО заинтересовался Д. И. Менделеев, который разработал несколько проектов исследования Арктики

Во главе метеорологической комиссии ИРГО стоял известный климатолог и географ А. И. Воейков, а отделение этнографии Общества возглавлял крупный историк и этнограф В. И. Ламанский, который с 1900 г. являлся постоянным членом АН. Среди членов ИРГО и крупнейших специалистов можно было увидеть океанографа и картографа Ю. М. Шакальского, а также видного геолога и палеонтолога Ф. Н. Черны-

шова [1; 104]. Кстати, в своих мемуарах Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский вспоминал о взаимных контактах с этнографом Ламанским: «Владимиру Ивановичу я дал в то время несколько этнографических заметок для «Живой Старины», записанных мною во время поездки в Сибирь, а также помог ему в составлении карты для его записки об устройстве Этнографического отдела Русского музея» [5; 428].

Что касается Семенова-младшего, то он официально стал членом ИРГО в 1899 г. В последующем в течение длительного периода, а именно в 1906–1918 гг., он являлся заместителем председателя Отделения физической и математической географии Общества. Уже в советский период в 1918–1932 гг. он занимал пост председателя Отделения статистики.

Важно отметить, что среди членов Общества были не только ученые, но и крупнейшие книгоиздатели XIX–начала XX вв., в частности, знаменитый петербургский издатель швейцарского происхождения Альфред Федорович Девриен (1842–1920). Его книгоиздательство выпускало немало книг по географии и естествознанию, а также печатало многочисленные энциклопедии и справочные издания. Общеизвестно, что определенной вершиной деятельности книжного дома Девриена стала «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства» в 11-ти томах (С. Пб., 1900–1912). Любопытно, что многие адреса жизни и деятельности знаменитого швейцарца были связаны с Васильевским островом (В.О.): так, книжная лавка этого издателя располагалась сначала на третьей линии В.О. в доме №8. Позднее им был приобретен и перестроен четырехэтажный дом №1 на второй линии, территориально располагавшийся напротив Румянцевского сада. А в доме №13 на четвертой линии В.О. находилась главная контора книгоиздательства А. Ф. Девриена. Вся печатная продукция характеризовалась высоким уровнем полиграфического искусства, поскольку в качестве оформителей зачастую выступали известные художники, такие как, к примеру, Лев Бакст или же Михаил Микешин. И вот в 1899 г. начинается многолетняя работа А. Ф. Девриена под эгидой ИРГО. Речь идет о многотомном издании «Россия. Полное географическое описание на-

шего Отечества. Настольная и дорожная книга» (1899–1914), к которому имели самое непосредственное отношение и Петр Петрович и Вениамин Петрович Семеновы-Тян-Шанские. Общее руководство изданием осуществлял вице-председатель ИРГО П. П. Семенов-Тян-Шанский, а В. П. Семенов-Тян-Шанский являлся редактором и одним из авторов этого капитального многотомного издания. В подготовке «России» принимали участие многие видные ученые-географы и другие специалисты. Вот как подробно описывал Семенов-младший работу над II-м, III-м и VI-м томами этого издания в своих мемуарах: «...в 1901 году...вышел в свет VI том..., заключающий описания Среднего и Нижнего Поволжья и Заволжья... Этот том был всецело написан, подобно III тому, приглашенными сотрудниками, и на мою долю пришлось лишь редакционная работа... В VI томе участвовал, в качестве одного из сотрудников, геолог Павел Александрович Ососков...В то же время все Семеновы, то есть мой отец, я и все мои братья за исключением Валерия, а также сестра готовили в рукописи II том «России», заключающий описание столь близкой нам всем Среднерусской черноземной области. Больше всего работы в этом томе выпало на долю мою и моего отца... Работа у нас шла чрезвычайно дружно, и он был очень доволен ею...» [5; 454–456]. Заслуживает внимания и то, что Вениамин Петрович специально отмечал важность такого семейного наставничества, при котором в роли опытного учителя выступал Петр Петрович, когда при этом «дух Гумбольда и Риттера, которых лично знал в молодости Петр Петрович, как бы витал над нами в часы наших занятий» [5; 456].

Совершенно справедлива следующая оценка издательской деятельности ИРГО: «...в «семеновский» период издательская деятельность...возросла и количественно, и качественно» [1; 112]. Помимо регулярно издававшихся отчетов деятельности Общества публиковались описания путешествий. Причем это могли быть весьма объемные многотомные издания. В течение 1875–1889 гг., к примеру, было опубликовано пять томов описаний путешествий Н. М. Пржевальского, а также два тома ботанических исследований, подготовленных К. Максимовичем

[1]. Следует отметить и важную роль периодических изданий ИРГО, в которых принимали активное участие и Петр Петрович, а позднее и Вениамин Петрович.

В начале XX столетия, а именно в 1901 г. отмечался 50-летний научный и служебный юбилей Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. Причем этот юбилей праздновался не только на официальном уровне, но и в довольно камерной обстановке, как описывал позднее Вениамин Петрович, «в зале родительской квартиры» на Васильевском острове. На домашнем торжестве присутствовали важнейшие официальные лица и ученые, причастные к деятельности и Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества: председатель ИРГО великий князь Николай Михайлович Романов (1859–1919), академики–геолог Александр Петрович Карпинский (1847–1936) и палеонтолог Феодосий Николаевич Чернышев (1856–1914). Каждый из этих трех деятелей заслуживает специального рассмотрения и внимания. Что касается великого князя Николая Михайловича, то он, помимо того, что был довольно известным историком и коллекционером, стал почетным членом АН в 1898 г. и возглавлял ИРГО с 1892 по 1917 гг. В подлинном смысле патриот и филантроп он лично финансировал многие научные издания, а также экспедиции на Памир Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (1860–1936). Следует подчеркнуть, что деятельность Императорской АН и ИРГО вообще были тесно взаимосвязаны. Достаточно вспомнить, что среди учредителей Императорского Русского Географического общества были члены Петербургской Академии наук. Среди них одним из активных сторонников и соучредителей Общества был естествоиспытатель и геополитик Карл Максимович Бэр, который возглавлял иностранное отделение Библиотеки АН, астроном и геодезист Василий Яковлевич Струве, геолог и ординарный академик Григорий Петрович Гельмерсен, а также известный статистик, этнограф и библиограф Петр Иванович Кёппен. Эту тесную связь между АН и ИРГО можно проиллюстрировать примером из опыта научной публикации «Города и деревни в Европейской России» Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, за которую он

будет в дальнейшем награжден специальной премией Академией наук. Сначала этот труд был представлен в совет ИРГО, где было решено опубликовать его в Записках общества по отделению статистики под общей редакцией Вильгельма Оттоновича Струве. В 1910 г. работы вышла в свет и была замечена коллегами. Первая рецензия на эту работу Семенова-младшего была составлена библиотекарем иностранного отделения Библиотеки Академии наук Александром Александровичем Петерсом [5; 547–548].

Нельзя не отметить и вклад обоих ученых в развитие нескольких конкретных направлений научно-практической деятельности. Так, в 1863 г. Семенов-старший был назначен членом Статистического совета при МВД Российской империи, а с января 1864 г. стал директором только что созданного Центрального статистического комитета. Этому роду деятельности ученый-практик посвятил более 30 лет. Благодаря его знаниям и руководству в России была создана административная статистика. Конкретным деянием стала перепись Санкт-Петербурга, осуществленная в 1869 г. под личным патронажем Петра Петровича. Она стала своеобразным эталоном и примером для всех последующих переписей российских городов. Результаты переписи были доложены П. П. Семеновым сначала на общем собрании ИРГО в 1870 г., а позднее опубликованы в «Известиях ИРГО» [1; 91]. Помимо этого важнейшее место в трудах ученого-практика заняла первая Всероссийская перепись населения 1897 г., подготовленная русской статистической службой. 7 мая того же года Петр Петрович выступил на общем собрании ИРГО. Тема его сообщения – «Характерные выводы из первой всеобщей переписи». В этом же году оно было опубликовано в «Известиях ИРГО».

Подчеркнем, что в определенном смысле одно из главных периодических изданий Общества – «Известия ИРГО» – выступали в качестве всероссийской информационной платформы. Здесь печатались важнейшие результаты полевых, в том числе статистических, исследований, включая данные городской переписи Санкт-Петербурга или же Всероссийской переписи. Ученый не только констатировал увеличение общего числа на-

селения империи по сравнению с 1851 г., а именно, на 93 %, но и делал прогноз об увеличении численности вдвое к 1901 г. Согласно данным переписи, в Российской империи проживало в 1897 г. 129 млн. 200 тыс. человек [1; 97]. В период подготовки и осуществления Всероссийской переписи Вениамин Петрович, будучи канцелярским служащим Главной переписной комиссии с жалованьем в 100 рублей, в действительности выполнял роль личного секретаря председателя комиссии, т.е. Петра Петровича. Позднее Семенов-младший вспоминал: «... Мой отец с большим нетерпением ждал получения из провинции переписного материала, так как об этой всеобщей переписи он мечтал около 40 лет, и она теперь наконец осуществилась». Определенным личным вкладом Вениамина Петровича явилось не только непосредственное участие в переписи жителей Васильевского острова Санкт-Петербурга, но и настоятельное убеждение руководителя подсчета городских жителей России В. О. Струве в необходимости учета населения пригородов, которые в ближайшем будущем стали бы частью городской агломерации в процессе урбанизации [2; 18].

Вскоре после завершения Всероссийской переписи Петр Петрович оставляет работу в Статистическом совете, начав работу в качестве члена Государственного совета Российской империи. Семенов-младший продолжил географо-статистические работы своего отца и в 1900 г. стал работать в отделении статистики Министерства финансов, а с 1905 г. в статистическом ведомстве Министерства торговли и промышленности [2; 25]. В 1909 г. он встал во главе руководства этого ведомства. Основными же научными трудами ученого стали две географо-статистические работы: «Город и деревня в Европейской России» [3; 1–212] и «Торговля и промышленность Европейской России по районам» [6].

Творческое наследие П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. П. Семенова-Тян-Шанского – широко и разнообразно. Если старший популяризировал в России идеи немецкого географа Карла Риттера и лично перевел, подготовил к изданию его труд «Землеведение Азии», то В. П. Семенов-Тян-Шанский-младший в 1910 г. выпустил в свет обобщающий труд

«Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии», получив за него малую Ахматовскую премию Российской Академии наук.

Возвращаясь к «Землевладению Азии» К. Риттера, следует добавить, что Петром Петровичем были написаны и изданы в 1894–1895 гг. два тома дополнений к этому труду. Исследователи признают, что эти дополнительные тома по своему содержанию представляют собой совершенно новый труд, описывающий географию Забайкалья.

В знак признания огромных заслуг Семёнова-старшего в развитии географической науки и в честь 25-летия его пребывания на посту вице-председателя ИРГО в 1898 г. Общество учредило специальную золотую медаль имени П. П. Семёнова «...для поощрения трудов преимущественно русских путешественников и учёных по географическому изучению России и стран с ней сопредельных».

Таким образом, многое из того, что исследовали, описывали, издавали и популяризировали отец и сын Семеновы-Тян-Шанские, в том числе в рамках деятельности Русского географического общества, до сих пор представляет огромный научный интерес для ученых-географов, демографов, картографов и историков науки.

Список источников и литературы

1. Козлов И. В., Козлова А. В. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. – М.: «Наука», 1991.
2. Полян П. М. Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский. – М.: «Наука», 1989.
3. Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами / Под ред. В. О. Струве // Записки РГО по отделению статистики. 1910. Т. 10. Вып. 2. С. 1–212.
4. Семенов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло. В двух томах. / Издание подготовил М. А. Семенов-Тян-Шанский. Под науч. ред. П. М. Поляна. – М.: «Новый хронограф», 2009.
5. Семенов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло. В двух томах. Т. 1. 1870–1917. С. 547–548.
6. Семенов-Тян-Шанский В. П. Торговля и промышленность Европейской России по волостным районам. – СПб., 1911.

7. Соколова И. А. Картинная галерея П. П. Семенова-Тян-Шанского и голландская живопись на антикварном рынке Петербурга. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009.

SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITIES OF P.P. SEMENOV-TYAN-SHANSKY AND V.P. SEMENOV-TEAN-SHANSKY IN THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

Pitulko G.N.^{1,2}

¹ North-West Institute of Management RANEPА,
St. Petersburg, Russia

² Library of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Among the scientists-geographers who made a huge contribution to the development of not only scientific knowledge, but also played an important role in the specific activities of the Russian Geographical Society, Peter and Veniamin Semenov-Tyan-Shanskies have a special place. In the light of the analysis of the main stages of scientific and organizational work of two prominent scientists-geographers, we note that we are talking about the creation and cultivation of a special scientific method within the framework of the Russian geographical school.

Keywords: Semenov-Tyan-Shansky P.P., Semenov-Tyan-Shansky V.P., Russian Geographical Society, scientific activity.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА НАЕМНОГО ТРУДА СРЕДСТВАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Антончева О. А.¹, **Апанасенко Т. Е.**²

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия.

² Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия.

Логика марксизма требует, чтобы ухудшение положения человека наемного труда по мере развития капитализма было доказано. В абсолютном выражении оно было доказано средствами политической географии, и то достаточно косвенно: это доказательство было основано на обобщенных показателях, относящихся к ядру капитализма и его периферии. Однако под периферией капитализма часто понимается и совокупность стран, практически не затронутых капиталистическим развитием. Авторы статьи анализируют пространственные диспропорции социально-экономического

развития отдельных стран и регионов в контексте марксистской теории

Ключевые слова: марксизм, политическая география, наемный труд, капитализм, благосостояние.

Доказательство ухудшения положения человека наемного труда по мере развития капитализма является чрезвычайно востребованным марксистской теорией. На тезисе об этом ухудшении основано доказательство основного, хотя и не единственного сценария гибели капитализма.

Рассмотрение динамики благосостояния трудящегося возможно в абсолютном и относительном выражении. В абсолютном выражении социально-экономическое положение человека наемного труда может быть рассмотрено в числовых показателях уровня дохода, заработной платы и т.п. Именно в абсолютном выражении оно не ухудшается, а улучшается по мере развития капитализма. Если же рассматривать капитализм в целом, вместе с периферией, то это благосостояние ухудшается, но это явление считается временным.

В относительном выражении (при учете соотношения абсолютных показателей благосостояния наемных работников и тех, кто живет за счет иных доходов, чем заработная плата) положение человека наемного труда по мере развития капитализма ухудшается. Здесь на помощь марксистской теории призвана прийти политическая и социально-экономическая география.

Политическая география включает в арсенал своих задач проблемы глобального неравенства, однако при существующей в настоящее время группировке статистических данных, доказать тезис об относительном ухудшении положения человека наемного труда по мере развития капитализма не представляется возможным.

Между тем, это вопрос критической важности для марксистской парадигмы теории неравенства. Задачи марксистской парадигмы совпадают с задачами одного из направлений политической географии, рассматривающего проблемы эксплуатации мировым центром мировой периферии.

Целью настоящего исследования, таким образом, является доказать необходимость представления данных о динамике положения человека наемного труда средствами политической географии в таком статистическом разрезе, который необходим несущим конструкциям марксистского направления политической экономии.

Задачи исследования: 1) описание проблемы необходимости доказательства относительного ухудшения положения человека наемного труда; 2) доказательство отсутствия статистических данных в нужном разрезе; 3) предложение направлений исследования политической географии, которые были бы чрезвычайно востребованы марксистской парадигмой.

Место тезиса об ухудшении положения человека наемного труда по мере развития капитализма в теории Маркса. В «Капитале» мы встречаем следующие сценарии гибели капитализма.

1-й сценарий. Капитализм приводит к гибели тенденция нормы прибыли к понижению. По мере развития капитализма, прогресса в области производительных сил и механизации производства, меняется органическое строение капитала, т.е. соотношение между постоянным капиталом и переменным капиталом в пользу постоянного капитала. Постоянный капитал представляет собой средства производства, исключая рабочую силу (оборудование, сырье, материалы и т.п.). Переменный капитал представляет собой часть капитала, используемая для покупки рабочей силы. Конкуренция и желание предпринимателей сократить время необходимого труда ведет к повышению производительности труда. Это достигается за счет механизации производства, которая означает уменьшение переменного капитала относительно постоянного. Однако прибавочную стоимость создает только переменный капитал, или человеческий труд; постоянный капитал лишь переносит свою стоимость на вновь созданный продукт, в результате чего стоимость постоянного капитала уменьшается и нуждается в амортизации. Снижение доли переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом уменьшает прибавочную стоимость, а значит, ведет к понижению нормы прибыли, которая представляет собой усредненную прибавочную стоимость. Ка-

питалистическая экономика нацелена на получение прибыли. Тенденция нормы прибыли к понижению, обусловленная самой природой капитализма, все больше и больше затрудняет функционирование капиталистической экономики. Начиная с какой-то определенной нормы прибыли, капиталистический режим не сможет больше функционировать [1].

2-й сценарий. С ростом производства по мере капитализма происходит ухудшение положения человека наемного труда. Покупательная способность населения, большую часть которого составляют именно люди наемного труда, падает. В результате этого наступает необратимый кризис перепроизводства. Капиталистическая система не сможет уравновесить производство товаров со спросом на капиталистическом рынке. Логика непреодолимого развития производительных сил подтолкнет к уничтожению системы капитализма, которая превратилась в оковы для них, и установлению планового производства, сопровождающегося установлением политической системы в интересах носителей массового спроса.

3-й сценарий. Если предположить, что с ростом производства покупательная способность рабочих все больше ограничивается, то вполне вероятно, что рабочие будут склонны к восстанию, которое приведет к гибели капитализма.

2-й и 3-й сценарий, таким образом, основан на допущении, что положение человека наемного труда по мере развития капитализма ухудшается. Поэтому для марксистов доказательство данного допущения является критическим. Без этого доказательства марксистская теория признается несостоятельной [2, 3; 174–176].

Тезис об ухудшении положения человека наемного труда по мере развития капитализма и политическая география

Практика, на первый взгляд, не подтверждает, что по мере развития капитализма положение человека наемного труда ухудшается, оно, скорее, улучшается. Поэтому марксисты стали доказывать необязательность этого ухудшения для марксистской теории и искать причины, почему так происходит.

Необязательность выполнения данного условия для гибели капитализма доказывалась:

1. Наличием первого сценария.
2. Тем, что, согласно Марксу, не исключается рост уровня жизни рабочих при той же норме эксплуатации. Достаточно, чтобы рост производительных сил обеспечивал возможность создания стоимости, равной заработной плате, за сокращенное время труда. При таких условиях препятствовать росту реального уровня жизни трудящегося можно лишь допуская рост нормы эксплуатации. Однако эмпирические исследования Маркса позволили ему заключить, что в разные исторические периоды норма эксплуатации почти постоянна. Если учесть политические успехи представителей наемного труда, то можно констатировать, что норма эксплуатации, скорее, имеет тенденцию к понижению. Пока норма эксплуатации не повышается, можно оттянуть реализацию второго и третьего сценария, это никак не будет противоречить марксистской теории.
3. Общественной оценкой минимума средств, необходимых для воспроизводства трудящегося и его семьи, составляющих стоимость труда. Она предопределяется уровнем производства и растет, не влияя на соотношения, которыми определяется норма эксплуатации, и с этой точки зрения, такой рост ничего не значит.

Причины же не ухудшения, а улучшения положения человека наемного труда по мере развития капитализма состоят, во-первых, в исчезновении резервной армии труда, во-вторых, в стимулировании потребления в интересах занятости, в-третьих, в политической защите человека наемного труда.

Тезис об ухудшении положения рабочего класса по мере развития капитализма верен для условий первоначального накопления капитала. В тот период, когда повышение производительности труда предполагало относительно меньшую потребность в переменном капитале, общий рост национального богатства мог бы компенсировать это. Но этому мешала высокая конкуренция в сфере заработной платы, обусловленная наличием резервной армии труда. Это не действует по отношению к эпохе пост-первоначального накопления капитала, по-

скольку, в передовых капиталистических странах исчез фактор избыточного населения, создающего резервную армию труда. Во времена Маркса еще не был открыт закон социологии, согласно которому уровни жизни и рождаемости обратно пропорциональны, начиная с определенного уровня жизни. Такой уровень жизни был недостижим в XIX в.

Рост национального богатства сумел скомпенсировать относительно меньшую потребность в переменном капитале, чье уменьшение обусловлено ростом производительности труда, появлением многочисленных отраслей, существование которых оправдывает исключительно необходимость обеспечения занятости, с развитием общества массового потребления.

Политическая защита человека наемного труда, успехи солидаризма, увеличившаяся власть профсоюзов и политическое представительство наемных работников вкупе с растворением частной собственности в акционированном капитале не допустили рост нормы эксплуатации.

Только эти факторы, которых не существовало при жизни Маркса, и удерживают капитализм от неизбежной гибели, которая в отсутствие данных факторов вовсе не считается недоказанной, и даже при действии всех этих факторов, предложение труда и сейчас превышает спрос на него.

Однако, как только улучшение положения человека наемного труда по мере развития капитализма было оправдано логическими доводами из-за невозможности сделать это эмпирически, на помощь марксизму пришла политическая география.

Противопоставление политической географией себя геополитике, ориентированной на политический реализм, интересы национальных государств в сфере борьбы за определенные территории привело к возникновению «гуманистической географии» [4, 5, 6, 7; 175]. Теоретические проблемы переместились с поиска удобных для старта экспансии зон на бедность и диспропорциональное развитие.

Получила развитие концепция эксплуатации мировым центром периферии (дихотомия Север / Юг), которую в начале XX в. предложил Дж. Фейргрив [8], а популяризовал В. Брандт [9]. Усложнена была эта концепция влиянием И. Валлерстай-

на и Дж. Модельски [10]. Также иногда она приобретала форму теории подвластной Западу мировой системы финансового контроля [11].

Африканисты и ориенталисты-эмпирики, такие как М.–Ф. Дюран [12], А. Франк, Э. Аргири, П. Доке, С. Амин в рамках мир-системного анализа создали такие инструменты, с помощью которых можно доказать, что если рассматривать мировой капитализм вместе с его периферией, то тезис об абсолютном ухудшении положения человека наемного труда подтверждается [13, 14, 15; 205, 16; 42]. Тенденция ухудшения положения человека наемного труда по мере развития капитализма действует до сих пор, если брать капитализм в целом, поскольку в абсолютном выражении ухудшается положение человека наемного труда на периферии капитализма.

Цифры, свидетельствующие о неравенстве между ядром капиталистического мира и его периферией,—это очень косвенные данные, поскольку они учитывают и страны, не интегрированные в капитализм, где уровень бедности выше, чем на периферии капитализма.

Однако эти косвенные данные свидетельствуют об увеличении неравенства между ядром капиталистического мира и периферией. Разрыв в доходах 20 % населения планеты, проживающего в самых богатых странах, и 20 % населения, проживающего в самых бедных странах, увеличился с 30:1 в 1960 г. до 74:1 в 1997 г. [17; 46]. Если жители стран центра, которые составляют 20 % населения планеты, потребляли 86 % всех материальных благ, создаваемых в мире, то 20 % земель, проживающих в наименее развитых областях, довольствуется 1,3 % [18; 550]. Как отмечал З. Бауман, в 2002 г. около 1,2 млрд. людей живет менее чем на 1 доллар в день, а 2,8 млрд.—менее чем на 2 доллара [19; 144–145]. По данным OXFAM, на настоящий момент 3,4 миллиарда человек—почти половина населения мира—живет на сумму менее чем 5,5 долларов в день [20].

Тенденция абсолютного ухудшения положения человека наемного труда на периферии капиталистического мира—временная. Она исчезнет так же, как исчезла с развитием капитализма в его ядре.

Те факторы, которые остановили данную тенденцию в ядре капиталистического мира, на периферии не действуют. В самом деле, резервная армия труда на периферии капиталистического мира никуда не делась, тот уровень жизни, начиная с которого он становится обратно пропорциональным уровню рождаемости, периферии капиталистического мира не грозит. Скорее, с приходом капитала в зависимых странах начинает формироваться относительное перенаселение [21; 205].

Относительная дешевизна рабочей силы в развивающихся странах обусловила аутсорсинг в них отдельных низкотехнологичных функций производств со стороны крупных корпораций, однако последовавшие за этим урбанизационные процессы вызвали пролетаризацию населения. Отсутствие в сельской местности рабочих мест заставило устремиться в города трудовых мигрантов, где они оказались лишенными доступа к социальным благам.

Логика развития приведет периферийный капитализм к тем же последствиям, к которым она привела капитализм ядра.

Поэтому не имеет значения доказанность тезиса об абсолютном ухудшении положения человека наемного труда. Ключевое значение приобретает доказательство относительного ухудшения.

Привести точные цифры, доказывающие относительное ухудшение положения человека наемного труда не представляется возможным, потому что мировая статистика не представляет данных о доходе в классовом разрезе; основные коэффициенты неравенства приводятся в страновом, а не в межстрановом разрезе; чтобы рассмотреть их в межстрановом разрезе, необходимо осуществить ряд приведений. Это касается и OXFAM, и Мировой базы данных неравномерного распределения доходов, и Базы данных распределения доходов ОЭСР, и «Статистики населения мира, живущего в нищете» Мирового Банка. Лаборатория мирового неравенства в Докладе 2018 г. отмечает, что для повышения качества исследований разницы доходов и уровня бедности необходимо расширить статистическую базу [22].

Поэтому надежду на теоретическую поддержку марксизма

следует возложить на политическую географию. Последняя уже доказала абсолютное ухудшение положения человека наемного труда. Относительное ухудшение ей предстоит доказать, представив данные в межстрановом и классовом разрезе.

Положение об ухудшении человека наемного труда по мере развития капитализма в абсолютном выражении было доказано средствами политической географии.

Это доказательство можно считать лишь косвенным, поскольку оно основано на обобщенных показателях, относящихся к ядру капитализма и его периферии, однако под периферией капитализма часто понимается и совокупность стран, не затронутых практически капиталистическим развитием.

Доказательство об ухудшении положения человека наемного труда по мере развития капитализма в абсолютном выражении не является ценным для устойчивого положения марксизма как доказанной теории, поскольку такое ухудшение – временная тенденция.

Доказательство об ухудшении положения человека наемного труда по мере развития капитализма в абсолютном выражении не является ценным для устойчивого положения марксизма как доказанной теории, поскольку там допускается не только ухудшение, но и улучшение. При определенных обстоятельствах это не влияет на доказательство обреченности гибели капитализма.

Особенное значение приобретает доказательство ухудшения положения человека наемного труда по мере развития капитализма в относительном выражении.

Ухудшение положения человека наемного труда по мере развития капитализма в относительном выражении не доказывается современной статистикой из-за того, что там присутствуют только данные в страновом разрезе.

Одним из направлений исследования стран третьего мира может стать изучение относительного ухудшения положения человека наемного труда по мере развития капитализма в относительном выражении с группировкой данных в межстрановом и классовом разрезе. Тем самым синтез марксизма

и политической географии принесет такой же прорыв в общественно-политической теории, работающей на эгалитаристские цели, как это в свое время сделал мир-системный подход.

Список источников и литературы

1. Robinson J. An Essay on Marxian Economics. L.: MacMillan, 1942.
2. Schumpeter J. Capitalisme, socialisme et démocratie. Trad. Francaise. Paris, 1950.
3. Арон П. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1993.
4. Ley D., Samuels M. S. (eds.). Humanistic Geography. L., 1978.
5. Glassner M. I. Political Geography. N. Y., 1993.
6. Muir R. Modern Political Geography. L., 1987.
7. Parker G. Political geographers and geopolitics / Groom A. J. R., Light M. (eds.). Contemporary International Relations. A Guide to Theory. L., 1994. P. 170–181.
8. Fairgrieve J. Geography and World Power. L., 1932.
9. Brandt W. North-South: A Programme for Survival. Report of Independent Commission of International Development Issues. L., 1980.
10. Taylor P. J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. L., 1989.
11. Raffestin C. Pour une géographie du pouvoir. P., 1980.
12. Durand M.–F. et al. Le monde-espace et systems. P., 1992.
13. Хопкинс Т., Валлерстайн И. Заметки о структурных трансформациях. //URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/dyn/hopwal-w.htm>.
14. Рот К.–Х. Возвращение пролетариата //URL: <http://www.left-dis.nl>roth>.
15. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999.
16. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль, 1996, № 5.
17. Готнога А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Гум. Изд. Центр Валдос, 2007.
18. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003.
19. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
20. OXFAM. Extreme inequality and essential services //URL: <https://www.oxfam.org/en/what-we-do/>
21. Бирюков А. А. Логика изменений социальных структур в странах периферийного капитализма. Дисс. ... канд. филос. Н. Комсомольск-на-

Амуре, 2011.

22. World inequality report 2018 / Paris: World Inequality Lab. <http://wir2018.widworla/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>.

STUDY OF THE DYNAMICS OF HUMAN WELL-BEING BY MEANS OF POLITICAL GEOGRAPHY

Antoncheva O. A.¹, Apanasenko T. E.²

North-West Institute of Management of RANEP
under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia.

² Independent researcher,
St. Petersburg, Russia.

The logic of Marxism requires that the deterioration of the position of wage labor as capitalism develops be proved. In absolute terms, it was proved by means of political geography, and then quite indirectly: this proof was based on generalized indicators, related to the core of capitalism and its periphery. However, the periphery of capitalism is often understood as a set of countries that are practically not affected by capitalist development. The authors of the article analyze the spatial disproportions of socio-economic development of individual countries and regions in the context of Marxist theory.

Key words: Marxism, political geography, hired labor, capitalism, welfare.

ВОЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ В XIX–XX ВВ.: ДИНАМИКА ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Михайлов А. А.¹

¹Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассмотрена динамика взглядов отечественных военных ученых на военную географию и тесно связанную с нею военную статистику, изменения в трактовках их предмета и задач, происходившие в течении XIX–середины XX вв., в связи с развитием географической науки в целом, потребностями военного дела

Ключевые слова: военная география, военная статистика, стратегия, геополитика, вооруженные силы.

Возникновение и развитие военной географии как самостоятельной отрасли военной науки в России относится ко второй

трети XIX в. Разработка ее теоретических основ и методологии в значительной мере является заслугой профессоров Императорской Военной академии (позже Академия Генерального штаба): П. А. Языкова (1800–1869), Г. Ф. Стефана (1796–1873), Д. А. Милютин (1816–1912) и др. Импульс к данному процессу дали наполеоновские войны, которые проходили на обширных и разнообразных по своим характеристикам территориях.

При учреждении в 1830 г. в России Императорской Военной академии, в ее программы сразу же была включена военная география. Первым профессором соответствующей кафедры стал майор П. А. Языков. Свои взгляды на задачи преподаваемой дисциплины он изложил в книге «Опыт теории военной географии» (1838) [1].

Цикличность мирохозяйственных процессов. Языков отметил связь военной географии со стратегией, с разработкой планов кампаний и целых войн. Изучение местности в тактическом отношении, по его мнению, обеспечивала военная топография [2, VI]. Далее Языков отметил, что военная география, изучая природные факторы, которые могут повлиять на ход военных действий (рельеф, климат, наличие водоемов и др.), не должна оставлять без внимания и другие характеристики местности: состав населения, экономические, политические данные. Полемизируя с австрийским военным теоретиком Ф. Рудторфером, он отмечал: «...берега Требии служили полем битвы для Аннибала (Ганнибала–А.М.) и Суворова. Но обстоятельства, в которых находились два великих полководца, были совершенно различные» [1, 37]. Исходя из выдвинутых положений, Языков делал вывод, что военно-географический анализ должен носить комплексный характер. Другим важнейшим качеством военной географии он считал аналитический подход к материалу. «Военная география, – писал Языков, – не есть наука описательная, но исследовательная» [1, 46].

Помощником П. А. Языкова по преподаванию военной географии в Академии, вторым профессором, состоял полковник Г. Ф. Стефан [2]. Его взгляды, в целом, напоминали взгляды Языкова [3], но все же Стефан большее внимание уделял природным факторам, особенно таким, которые мало меняются

с течением времени (горы, горные проходы, реки и др.) «Так как природа неизменна, — утверждал Стефан, — то и зависящие от оной военные действия непременно повторяются» [3, 64об.].

П. А. Языков и Г. Ф. Стефан, оба, считали, что в состав военной географии входит, как ее элемент, военная статистика. Принципиально иное положение выдвинул видный военный деятель, талантливый ученый и администратор Д. А. Милютин, который в 1845–1856 гг. занимал в Военной академии должность профессора. Свои взгляды на две названные науки он изложил в статье, опубликованной в «Военном журнале» (1846) [4] и монографии «Первые опыты военной статистики» (1847–1848) [5].

Милютин соглашался с утверждением своих предшественников, что оценка той или иной территории, региона, целой страны с военной точки зрения требует комплексного анализа разнообразных факторов. Однако обобщающей наукой, по его мнению, могла стать лишь военная статистика. Он писал: «В военную статистику непременно должны входить и географические данные в той степени, сколько исследования этих данных необходимо для определения стратегического положения государства к соседним для соображения его средства обороны и наступления. При подобном определении военной статистики отношение ее к военной географии обозначается само собой, ибо последняя делается только, так сказать, материалом для первой; военная же статистика, почерпая данные из военной географии, занимается исследованием этих данных с определенной целью и в связи с различными другими данными». [6].

Дабы поддержать это положение, Д. А. Милютин проанализировал некоторые труды основоположников статистики (Г. Конринга, Г. Ахенваля, А. Ниммана и др.), а также тех географов, которые уделяли повышенное внимание влиянию человека на природную среду. С особым уважением отзывался он о трудах немецкого ученого Карла Риттера (1779–1859).

Д. А. Милютин не только разработал теоретические положения военной статистики, но и составил алгоритм военно-статистического описания («обзора») территории, который

с небольшими изменениями применялся на практике в течение всей второй половины XIX в.

Опираясь на этот алгоритм, офицеры Генерального штаба подготовили фундаментальные многотомные издания: «Военно-статистическое обозрение Российской Империи» (1848–1858) и «Материалы для географии и статистики России» (1860–1868). Этому алгоритму в целом соответствует также пособие профессора Академии Генерального штаба А. И. Макшеева «Военно-статистическое обозрение Российской Империи» (1867) [7].

Многие вопросы теории и методологии военной географии и статистики нашли отражение в статье о них, подготовленной для «Энциклопедии военных и морских наук» профессором Академии Генерального штаба, полковником П. О. Щербовым-Нефедовичем (1885) [8]. Среди прочего, он подчеркнул роль Д. А. Милютина в разработке военной статистики и совершенно оригинальный характер его взглядов. «Ни в русской военной литературе, ни в иностранных, – писал Щербов-Нефедович, – нельзя указать ни на одно печатное сочинение, в котором разрабатывалась бы теория Военной статистики с точки зрения Д. А. Милютина» [8, 199].

На рубеже XIX–XX вв. большинство российских военных специалистов продолжало придерживаться «милютинских» взглядов на военную статистику, как на обобщающую науку. При этом, многие отдавали отчет, что такой подход не бесспорен и, во всяком случае, не совпадает с дефинициями, принятыми в западноевропейской науке. Выпускник Академии Генерального штаба, генерал-майор С. Д. Чистяков писал на страницах журнала «Разведчик»: «Словом, по существу, русская военная статистика есть то, что во всей Европе называется военною географией, пользующейся, подобно многим наукам, и статистическим методом исследования при выяснении некоторых вопросов» [9, 46].

Сходные оценки содержатся в статье «География военная (статистка военная)», опубликованной в 1912 г. в «Военной энциклопедии» [10, 249, 250]. Однако автор энциклопедической статьи сделал также существенную оговорку. При характери-

стике программ Академии Генерального штаба он отметил: «Из общего курса военной статистики начали выделять в особый отдел исследование вооруженных сил, так как таковые разрастались в численности, осложнялись в организации...» [9, 249]. Действительно, в первое десятилетие XX в. активно развивается научная дисциплина, которую можно назвать «статистикой вооруженных сил».

При осуществлении прикладных военно-статистических (военно-географических) исследований на рубеже XIX–XX вв. повышенное внимание уделяется территориям, которые с высокой долей вероятности, могли стать театрами военных действий. В пределы таких районов включаются как приграничные российские территории, так и зарубежные (например, австро-венгерская Галиция [11], граничащие с Россией земли Турции и др.).

С другой стороны, некоторые авторы стремятся охарактеризовать с военной точки зрения целые государства и очень крупные регионы, создают, по сути, труды геополитического характера. Ярким примером тому могут служить работы генерала А. Е. Вандама (Едрихина) [12].

Бурные политические события 1917 года привели к разрушению государственных и военных структур Российской Империи, в том числе и руководивших военно-статистическими и военно-географическими исследованиями. Однако, правительство молодого советского государства довольно быстро пришло к выводу о необходимости формирования собственных, сильных и хорошо организованных вооруженных сил, важности развития военной науки. Среди прочего, начинают возрождаться военно-статистические и военно-географические исследования, причем на первых порах руководят ими, преимущественно, специалисты из числа бывших офицеров Императорской армии. Приоритетным направлением исследований, в условиях Гражданской войны, естественно стала подготовка военно-географических описаний театров военных действий.

После завершения активных военных действий, руководство Красной Армии смогло сосредоточиться на проблемах

военной науки (это было необходимо, среди прочего, для разработки военной доктрины государства). В 1920-е годы между специалистами развернулись довольно напряженные дискуссии о дальнейших судьбах, принципах развития, военной статистики и военной географии. Многие авторы, В. А. Златолинский [13, 11, 21], С. Д. Харламов [14, 3–4] и др., по-прежнему основывались на парадигме Д. А. Милютина.

Однако высказывались и иные мнения. Преподаватель Военной Бывший офицер императорской армии, Ф. В. Костяев, обозначив дисциплину, преподаваемую им в Военной академии РККА, как военную географию, придал ей обобщающий характер. При этом, он отмечал, что изучение современного состояния государства составляет в общей и военной географии особый «отдел» – государственоведение [15, 4].

Существенным вкладом в развитие теории военной географии в 1920-е годы стали работы видного военного теоретика А. Е. Снесарева. В учебном пособии «Введение в военную географию» (1924) [16] он доказывал, что при обозначении обобщающей науки следует отказаться от термина «военная статистика» и использовать термин «военная география». Статистику Снесарев связывал, прежде всего, с методологией исследования, применимой в самых разных науках.

«Современная военная география, – писал Снесарев, – должна так и называться; нет никаких причин ее переименовывать в какое-либо иное наименование, и было бы крайне желательно и нужно, чтобы термин «военная география» оказался на практике господствующим, как в военных учебных заведениях, так и военных кругах» [16; 328].

Главным предметом изучения военно «Под военным могуществом в данном случае будем разумеать, – пояснял Снесарев, – способность государств вести всякую войну с доведением ее до победного конца» [16, 330].

Круг факторов, определяющих «военное могущество», был, по мнению Снесарева, очень широк (природные условия, численность и состав населения, экономика, политический строй, состояние вооруженных сил и др.) [17; 291–292].

Преподаватель Военной академии РККА и бывший полков-

ник Императорской армии И. А. Троицкий в конце 1920-х годов выдвинул идею о разработке на основе военной географии новой науки и учебной дисциплины—«военное государственеведение» [18]. Его задачей, по мысли Троицкого, было изучать обороноспособность государств. «Обороноспособность»,—пояснил Троицкий,—является понятием более широким, чем военное могущество; она включает, как всю совокупность сил и средств, так и всю совокупность факторов, составляющих обстановку, в которой ведется подготовка к борьбе...» [18; 114]. Свою мысль Троицкий пояснял таким примером: «Допустим, что завтра произойдет революция в Индии. Военное могущество СССР не возрастет, ибо от этого мы не получим ни одной новой дивизии, ни одного километра новых ж.—д. путей, но обороноспособность Союза весьма увеличится» [18; 114].

Широко обсуждалась специалистами в 1920-е годы специфика военно-статистических (военно-географических исследований), применительно к гражданским войнам. Специальную статью по данной проблеме опубликовал выдающийся советский военачальник М. Н. Тухачевский (1920) [19]. Он отмечал, что, например, особый вид приобретает анализ демографических показателей. «Статистическое исследование народонаселения для гражданской войны,—писал Тухачевский,—будет, прежде всего, изучать его классовую группировку, его имущественное положение, его классовое, процентное и численное соотношение, сословия и проч.» [19; 35].

Вообще, авторы работ по военной географии 1920-х годов, естественно, не могли игнорировать требований времени. Они активно включали в свои работы положения марксизма, ссылки на работы В. Ленина (позже, И. В. Сталина) и др.

В 1929 г. в соответствующем томе «Большой советской энциклопедии» была напечатана статья «География военная», подготовленная И. А. Троицким [20; 282–283]. Означенной науке дано такое определение: «...специальная отрасль общей географии, изучающая пространственные соотношения физико-географической среды, ее свойства и производительные силы, с ней связанные, а также социальные отношения, сложившиеся на основе последних, с точки зрения влияния

этих факторов на подготовку и ведение войны, военных операций и боя» [20; 283]. В этом определении обращает на себя внимание несколько важных особенностей. Во-первых, автор подчеркнул, что военная география является отраслью общей географии (а не военной науки); во-вторых, в определении использована марксистская терминология (производительные силы); в-третьих, военной географии придан характер обобщающей науки, в перечень изучаемых ею проблем внесены, например, «социальные отношения», которые ранее связывались, скорее, с военной статистикой; в-четвертых, указано, что военная география важна не только для стратегического планирования (ведение войны), но также на оперативном и, даже, тактическом (подготовка и ведение боя) уровне.

Рассматривая задачи военной географии, Троицкий выделил среди них две основные: «...изучение государства в целом как базы войны, и изучение отдельных районов как вероятных театров военных действий» [20, 283]. В обоих случаях изучение рекомендовалось вести по особой программе, стремясь охватить широкий круг факторов. Троицкий отметил, что военную географию можно считать «хорологической наукой» [20; 283].

В 1930-е годы интерес к военной географии в СССР заметно снизился. Причиной тому, во многом, послужили политические репрессии, которые нанесли тяжелый удар по советской военной элите. Жертвой их пали и видные специалисты в области военной географии: А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, И. А. Троицкий, В. А. Кангелари и др. Сказался также общий идеологический климат, порождавший у авторов, не лишенный оснований страх нарушить некие границы, получить репутацию приверженца чуждых теорий.

Позже, уже в годы Великой Отечественной войны, видный ученый-географ Б. Полынов с осуждением писал о ситуации того времени: «К сожалению, после крайнего увлечения географическим фактором появилось столь же чрезмерное пренебрежение им. И многие авторы описаний и разборов военных действий и операций <...>, или совсем обходили молчанием условия местности или касались их в той ничтожной степени, без которой вообще невозможно описать операцию» [21; 4].

Великая Отечественная война выявила большое значение географических факторов в планировании, организации, ведении военных действий, в организации хозяйства в тылу и др. Командование Вооруженных Сил неоднократно обращалось к помощи гражданских ученых-географов, испытывая явный недостаток специалистов. Разумеется, военно-географические исследования военных лет носили, в основном, прикладной характер. Показательно, однако, что уже в конце 1940-х и в 1950-е годы в отечественной науке возобновляются дискуссии о предмете исследования и задачах военной географии.

Так, в 1947 г. в журнале «Военная мысль» была напечатана статья генерал-лейтенанта П. Г. Ярчевского «Влияние военно-географических элементов на характер военных операций» [22]. Автор подчеркивал неизменно значимую роль военно-географических факторов в войнах и прошлого, и настоящего. Далее он, разъяснял, что таковые факторы, могут быть разделены по своему характеру на «физико-географические, экономические и политические», причем степень влияния каждого из них в разные исторические эпохи различна. Основное внимание в статье Ярчевский уделил физико-географическим факторам.

В 1951–1953 гг. на страницах журнала «Военная мысль» прошла дискуссия о содержании и задачах военной географии. Импульсом к ней стало обсуждение роли и степени самостоятельности другой отрасли военного знания – военной экономики. Часть авторов высказала мысль, что экономические факторы в достаточной мере изучаются военной географией [23]. Другие настаивали на необходимости для решения такой задачи особой дисциплины.

Затем центр дискуссии переместился на проблему предмета военной географии. Распространение получил тезис о наличии двух частей, «разделов» военной географии: военного страноведения, изучающего военный потенциал различных стран, и «теории военных действий», в которой изучалось «влияние географической среды на боевые действия войск» [24; 37].

В дальнейшем, в 1960–70-е годы сложился и упрочился взгляд, на наличие в военной географии разделов, изучающих один – страны (военное страноведение), другой – театры воен-

ных действий [25; 6]. При этом, общепринятым было отрицательное отношение к геополитике, которая оценивалась, как «лженаука» и противопоставлялась советской военной географии. На практике, однако, в изучении и, особенно, преподавании военной географии в СССР наметились неблагоприятные тенденции, связанные с ее политизацией, когда объективность анализа приносилась в жертву идеологическим догмам. В 1990-е годы интерес к военной географии ощутимо падает. Однако, в современных условиях, когда обеспечение безопасности государства и общества, обусловлено множественными и разнообразными факторами, военная география вновь оказывается в фокусе внимания специалистов. Рассматривая геополитические и геостратегические проблемы современности, авторы активно анализируют богатый опыт, накопленный военной географией в процессе ее развития [27].

Военная география, зародившись, как самостоятельная наука, в конце первой трети XIX в., прошла длительный и непростой путь развития. На различных этапах этого пути она осознавалась, как обобщающая наука и как элемент более обширной по своим задачам науки—военной статистики. Тем не менее, в ней постоянно существовал и совершенствовался принцип комплексного анализа многочисленных факторов (природно-географических, демографических, экономических и др.), влияющих на военную мощь государств и определяющих особенности того или много театра военных действий. В своем развитии военная география повлияла на развитие близких ей наук, геополитики, политической географии и др.

Список источников и литературы

1. Языков П. А. Опыт теории военной географии, Россия, Том.1, 270 с., 1838.
2. Михайлов А. А. Генерал-лейтенант Густав Федорович Стефан (1796–1873), его вклад в развитие отечественной военной географии и Академии Генерального штаба / Суворовское биеннале. Труды международной научной конференции, Россия, с. 327–340, 2020.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.544. Оп.1. Д.40. Л. 63–65.

4. Милютин Д. А. Критическое исследование значения Военной Географии и Военной Статистики / Военный журнал, Россия, № 1, с. 124–193, 1846.
5. Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики, Россия, Том.1, 248 с., 1847.
6. Жерихина Е. И., Бринюк Н. Ю., Копытко В. К., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А. Милютин: министр, военачальник, ученый. Россия, С. 147, 2017.
7. Макшеев А. И. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, Россия, 306 с., 1867.
8. Щербов-Нефедович П. О. Военная география и военная статистика / Энциклопедия военных и морских наук. Т. II. Россия, с. 196–199, 1885.
9. География военная (статистика военная) / Военная энциклопедия. Т. VII, Россия, с. 248–250, 1912.
10. Чистяков С. Военно-статистическая подготовка в академии генерального штаба / Разведчик. Россия, № 847–848, с. 46–49. 1907.
11. Бринюк Н. Ю., Михайлов А. А., Кузнецова И. В. Российские военно-географические и военно-статистические издания второй половины XIX–начала XX вв. о Галиции. Комплексный анализ потенциального тетра военных действий / Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. Россия, № 2, с. 149–156, 2018.
12. Вандам А. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии, Россия, 53 с., 1913.
13. Златолинский В. А. Методы и приемы выполнения военно-статистических работ, Россия, 141 с., 1921.
14. Харламов С. Д. Военная география (Обзор театров войны). Лекции, читанные С. Д. Харламовым на ускоренном курсе Академии Ген. штаба РККА в 1918/1919 учебном году, Россия, 131 с., 1919.
15. Костяев Ф. В. Военная география. Лекции, читанные Ген. штаба Ф. В. Костяевым в Акад. Ген. штаба Красной Армии в 1920–1921 гг. (Конспект). Ч. 2. Россия, 47 с., 1921.
16. Снесарев А. Е. Введение в военную географию, Россия, 414 с., 1924.
17. Снесарев А. Е. Смысл и задачи Центрального военно-статистического отдела / А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи, Россия, с. 291–301, 2017.
18. Троицкий И. От военной географии к военному государствоведению // Война и революция, Россия, Кн. 11, 1928, с. 109–122.
19. Тухачевский М. Н. Статистика в Гражданской войне / Революция и война, Россия, Сборник 1, с. 33–43, 1920.
20. География военная / Большая советская энциклопедия. Т. 15. «Гейль-

- борн-Германия». Россия, 1929.
21. Польшов Б. Б. Роль географии почв и учения о ландшафте в тактике и оперативном искусстве, Россия, 1944, 32 с. 22. Ярчевский П. Г. Влияние военно-географических элементов на характер операций / Военная мысль, Россия, № 6, с. 20–35, 1947.
  23. Гридасов Р. К вопросу о месте теории военной экономики в военной науке / Военная мысль, Россия, № 1, с. 16–23, 1952.
  24. Кожевников Д. Военная география, ее место и роль в военной науке / Военная мысль, Россия, № 5, с. 34–48, 1952.
  25. Политическая и военная география. Учебное пособие, Россия, 344 с., 1974.
  26. Захаренко Г. И. Военная география: прошлое и настоящее / Военная мысль, Россия, № 3, с. 29–33, 2001.

MILITARY GEOGRAPHY IN RUSSIA IN THE XIX–XX CENTURIES: DYNAMICS OF THE SUBJECT OF RESEARCH

Mikhailov A. A.¹

¹ Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

The article considers the dynamics of views of domestic military scientists on military geography and closely related military statistics, changes in interpretations of their subject and tasks, occurred during the XIX–mid XX centuries, in connection with the development of geographical science as a whole, the needs of military affairs

Keywords: military geography, military statistics, strategy, geopolitics, armed forces.

ВКЛАД РОССИЙСКИХ КАРТОГРАФОВ В РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА СЕРБИИ И СЕРБСКИХ СТРАН В XIX ВЕКЕ

Грчич Мирко¹

¹ Университет Белграда,
Белград, Сербия

В работе проанализировано несколько географических и геополитических карт сербских земель, авторами которых являются российские военные картографы и географы XIX века. Целью автора было не только собрать и объединить ко-

пии карат русских авторов, но и интерпретировать эту весьма специфическую структуру, с помощью которой раскрывается процесс формирования географического образа Сербии и сербских стран. Особую ценность работы представляет не только картографическая структура, но и исторический, политический, культурный и демографический контекст определенных карт. Хотя качество топографических и географических карт в XIX. века не были на высоком уровне, они все еще могут быть основой для изучения исторических и географических изменений в сети дорог, поселений, государств и политических границ, культурного ландшафта и тому подобное. Особое внимание уделяется выявлению значения топонимов и представлений с точки зрения орографии и горизонтального дифференциации рельефа, гидрографической сети, площади растительности, границ государств, районов и ландшафтов, расположения дорог, населенных пунктов и культурно-исторических Объектов.

Текстовое и графическое содержание карт может быть интересно исследователям которые участвуют в изучении эволюции языка карты и символических представлений компонентов физико-географического, культурно-географического и геополитического пространства, картографических методов и математической основ, картографической проекции и т.д. Безусловно, представленные историко-географические и историко-картографические источники привлекут интерес исследователей в области балканистики, исторической географии и исторической картографии сербских стран, особенно тех, которые занимаются политико-территориальными, социально-географическими, этногеографическими и аналогичными явлениями и процессами в этих областях.

Карты напоминают нам об этом потому, что Сербия исторически была не только уважаемым геополитическим фактором на Балканах, но и сложным геополитическим полем, где сталкивались различные империи, учитывались культурные и геополитические влияния, были созданы и смешаны разные народы. Балканский полуостров, особенно Сербия, из-за своего центрального положения в направлении оси долины Мора-

ва-Вардар, была почти постоянным фокусом геополитических кризисов, и это нашло отражение в картографии. Старые карты не только напоминают некоторые географические детерминанты исторических процессов на Балканах, но и развивают интерес к социально-политическому контексту, в котором они были созданы. В этом их ценность.

THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN CARTOGRAPHERS TO THE DEVELOPMENT OF THE GEOGRAPHICAL IMAGE OF SERBIA AND SERBIAN COUNTRIES IN THE XIX CENTURY

Grčić Mirko¹

¹ University of Belgrade,
Belgrade Serbia

The paper analyzes several geographical and geopolitical maps of Serbian lands, the authors of which are Russian military cartographers and geographers out of XIX. Century.

The maps remind us that Serbia has historically been not only a respectable geopolitical factor in the Balkans., but also a complex geopolitical field, where different empires collided, cultural and geopolitical influences were taken into account, different peoples were created and mixed.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, США И ИСПАНИИ

Бриско А. В.¹, Дубич В. В.¹, Сухова Е. А.¹

¹ Международный центр изучения политического ислама,
Брно, Чешская Республика

В последние десятилетия все больше внимания во всем мире уделяется воздействиям на общество со стороны политического ислама. Всестороннему исследованию этого явления посвящена работа Международного центра изучения политического ислама. Группой исследователей Центра на основе открытых общедоступных данных государственных реестров отдельных стран составлены наборы карт исламских организаций РФ, США и Испании. Наборы карт визуализируют изменение числа организаций во времени, а также характер их распределения по территориям исследованных стран. Анализ динамики во времени демонстрирует рост числа исламских организаций как в Российской Федерации, так и в США и Испании.

Ключевые слова: политический ислам, исламские организации, карты исламских организаций, территориально-временная динамика, Российская Федерация, США, Испания.

В последние десятилетия все больше внимания во всем мире уделяется воздействиям на общество со стороны ислама. Эти вопросы привлекают интерес как академического и политического сообщества, так и общественности в целом [5].

Исламские ценности начинают оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государств не только ближневосточного региона, но и за его пределами. Исламские правовые нормы все больше влияют на формирование и эволюцию международного, конституционного [Сюкияйнен], административного, гражданского, уголовного, судебного, имущественного и семейного права [6].

Несмотря на то, что ислам определяется как религия, в своем практическом применении он демонстрирует отчетливые признаки политической системы [Исламский фактор в истории и современности], которая содержит принципы взаимоотношений различных групп людей в обществе, человеческих прав и управления государством [10; 20].

Тема политического влияния ислама многофакторна и неоднородна. В связи с этим возникает необходимость тщательного изучения исламской организационной структуры, доктрины и её политического потенциала [11].

Понимание организационного устройства ислама может представлять интерес не только для ученых, но также для представителей государственной власти, показывая объективную картину динамики распространения политического влияния исламских организаций.

Различными группами исследователей осуществляется как качественный, так и количественный анализ исламского фактора [Сапронова, Чечевишников, Ярлыкапов]. В России качественные исследования ведутся на основе анализа организационных кластеров [4], с использованием методов социологического исследования [3], а также на примерах конкретных регионов страны [9].

Что касается количественных исследований, Картографическим Информационным Центром ИНКОТЭК издан Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации»; «картографическая информация Атласа наглядно отражает данные о размещении свыше пяти тысяч мусульманских религиозных организаций в регионах восьми федеральных округов России». Как отмечено во вступительной статье Атласа, «картографирование исламского сообщества, как и этнокультурное картографирование в целом, является широко распространенной мировой практикой» [1]. Тем не менее, при всей глубине и полноте данных на 2018 год Атлас не дает возможности оценить динамику изменения числа исламских организаций во времени.

Международный центр изучения политического ислама проводит исследования, направленные на восстановление картины роста и распространения исламских организаций на территориях отдельно взятых стран. Далее приведены результаты работы Центра в виде карт и графиков, целью которых является демонстрация динамики роста и актуальной картины присутствия исламских организаций на территориях Испании, США и Российской Федерации.

Методология составления карт исламских организаций. Нами разработана методология составления карт исламских организаций стран, начиная с поиска источников данных и заканчивая последовательностью карт разных лет. Методология успешно применена для составления карт исламских организаций Испании, США и Российской Федерации. В настоящее время Международным центром изучения политического ислама продолжается применение этой методологии для составления карт исламских организаций других стран. Рассмотрим этапы методологии составления карт исламских организаций стран.

Этап 1. Государственные реестры как источники данных об организациях. Обычно организации в стране регистрируются государственными органами. При этом название, юридический адрес, регистрационный номер, дата регистрации, вид деятельности и другая информация об организации фиксируется в государственных реестрах. В современном обществе важную

роль играет общественная прозрачность, связанная с правом человека быть проинформированным и иметь доступ к информации. Поэтому во многих странах реестры организаций являются открытыми и общедоступными, а доступ к ним реализован через веб-сайты, снабженные системами поиска. Именно такие открытые общедоступные реестры послужили источником данных для создания карт исламских организаций.

Этап 2. Пространственные данные и их нанесение на карту. Для составления статической карты достаточно иметь информацию о месте, где зарегистрированы организации. Эти пространственные данные мы извлекали из данных о юридических адресах организаций, приведенных в реестрах. Для каждого города или поселка мы рассчитывали количество зарегистрированных исламских организаций. После этого разрабатывалась система условных обозначений: круг какого диаметра на карте соответствует какому количеству исламских организаций, зарегистрированных в этом городе/поселке. Затем круги соответствующих диаметров наносились на карту страны в точках, координаты которых соответствовали координатам отдельного города/поселка. Все это выполнялось программными средствами.

Этап 3. Данные во времени по годам. Чтобы увидеть динамику развития во времени, мы сделали отдельные карты для разных лет, начиная с года, когда в реестр впервые была внесена запись об исламской организации. Затем на карте соответствующего года размещались только те организации, которые были зарегистрированы к этому году. Так мы получили наборы статических карт разных лет, которые в комплексе отражают динамическую картину распространения исламских организаций в стране.

Следует отметить, что неизбежны ограничения полноты данных, связанные с ограничениями самих реестров. Это может быть связано, в том числе, со сменой систем регистрации организаций, а также с внутренними политическими процессами в странах. Необходимо иметь в виду, что дата регистрации организации ограничена датой создания самого реестра. И хотя какая-то организация, например, существовала и раньше, невозмож-

но зарегистрировать ее в реестре до того, как создан сам реестр. Также надо принимать во внимание, что реестры организаций не предназначены для хранения информации об архитектурных сооружениях, таких как старинные мечети. Все эти ограничения реестров должны учитываться при анализе данных.

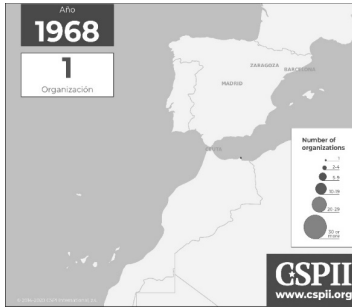
Рассмотрим карты исламских организаций в Испании, США и Российской Федерации, составленные описанным выше методом.

Приведенные в данной статье варианты визуального представления карт носят демонстрационный характер, в связи с чем мы намеренно разместили на этой версии карт названия не всех, а только некоторых населенных пунктов, чтобы не загромождать изображение деталями, а сделать акцент на картине в целом и ее изменении во времени.

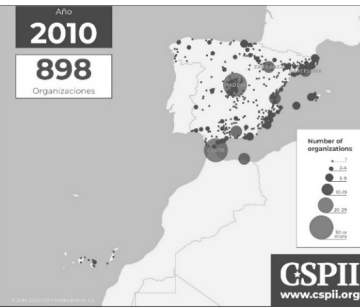
Карты исламских организаций в Испании. Международным центром изучения политического ислама составлены карты исламских организаций в Испании, представленные на Рис. 1. Источником данных является открытый общедоступный государственный реестр религиозных организаций Испании, размещенный на веб-сайте Министерства юстиции правительства Испании (<https://maper.mjusticia.gob.es/Maper/RER.action>). Сайт реестра дает возможность выбрать «ислам» из списка конфессий и получить доступ к списку организаций, которые зарегистрированы как принадлежащие выбранной конфессии. Общедоступные открытые данные организаций содержат название, регистрационный номер, конфессиональную принадлежность, адрес и дату регистрации.

Карты исламских организаций в США. Международным центром изучения политического ислама составлены карты исламских организаций в США, представленные на Рис. 2. Источником данных является открытый общедоступный государственный реестр некоммерческих организаций США, доступ к которому предоставлен на веб-сайте, снабженном системой поиска организаций по ключевым словам (<https://projects.propublica.org/nonprofits/>). Общедоступные открытые данные организаций содержат название, регистрационный номер, город, штат и дату регистрации.

1a)

1б)

1в)

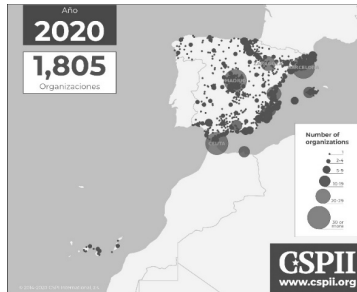
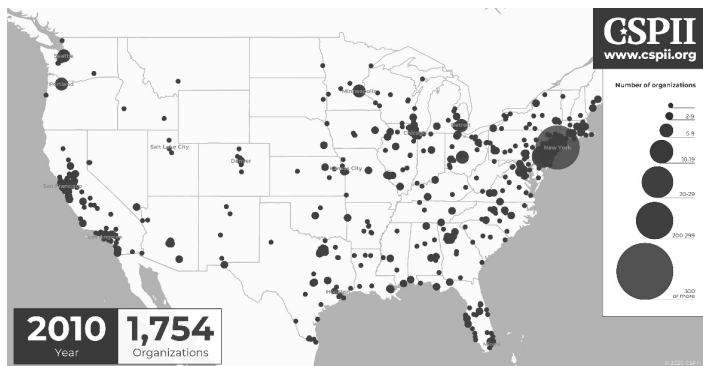

Рис. 1. Карты исламских организаций согласно реестру религиозных организаций Испании <https://maper.mjusticia.gob.es/Maper/RER.action>. На картах указан год, соответствующее количество исламских организаций, а также условные обозначения количества организаций:

2a)

2б)

2в)

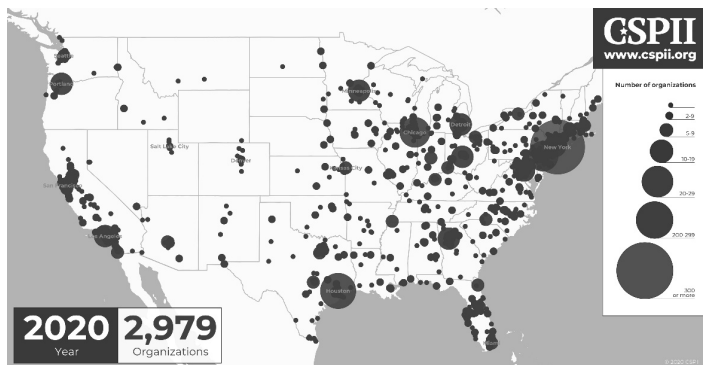

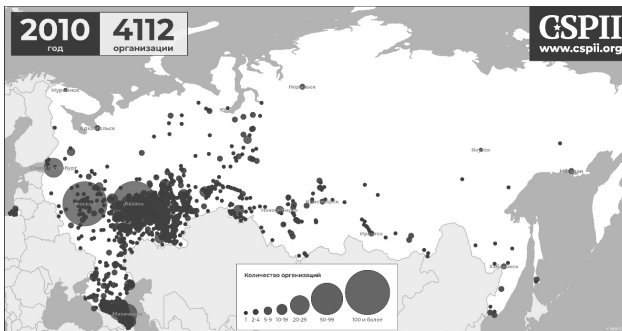
Рис. 2. Карты исламских организаций согласно реестру некоммерческих организаций США <https://projects.propublica.org/nonprofits/>. На картах указан год, соответствующее количество исламских организаций, а также условные обозначения количества организаций:

Карты исламских оргпанизаций в РФ. Российским отделением Международного центра изучения политического ислама составлены карты исламских организаций в Российской Федерации, представленные на Рис. 3. Источником данных является Единый государственный реестр юридических лиц РФ. Общедоступные открытые данные организаций содержат название, регистрационный номер, вид деятельности, юридический адрес и дату регистрации.

3а)

3б)

3в)

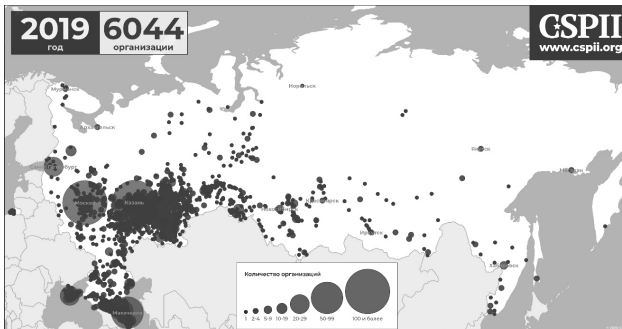

Рис. 3. Карты исламских организаций в Российской Федерации согласно Единому государственному реестру юридических лиц РФ. На картах указан год, соответствующее количество исламских организаций, а также условные обозначения количества организаций:

Графики роста числа исламских организаций в Испании, США и РФ. Изменение числа исламских организаций с течением времени можно увидеть на графиках, представленных на Рис. 4.

4 а)

4 б)

4 в)

Рис. 4. Изменение числа исламских организаций со временем:

а) в Испании с 1968 года по 2020 год согласно реестру религиозных организаций Испании <https://maper.mjusticia.gob.es/Maper/RER.action>

б) в США с 1935 года по 2020 год согласно реестру некоммерческих организаций США <https://projects.propublica.org/nonprofits/>

в) в Российской Федерации с 1989 года по 2019 год согласно Единому государственному реестру юридических лиц РФ.

Графики демонстрируют изменение числа исламских организаций в разных странах. Но проводить количественное сравнение результатов для разных стран было бы некорректным, поскольку системы регистрации организаций отличаются, вследствие чего исходные данные получены из различных реестров: в Испании – из реестра религиозных организаций, в США – из реестра некоммерческих организаций, в РФ – из Единого государственного реестра юридических лиц. Кроме того, реестры отражают различные временные диапазоны, что связано, в том числе, с внутренними политическими процессами в странах.

Однако, несмотря на различие систем регистрации в странах, графики отражают общую качественную тенденцию роста числа исламских организаций с течением времени. Эта тенденция наблюдается как на графиках числа исламских организаций в Испании и США, так и на графике числа исламских организаций в Российской Федерации.

Типология исламских организаций. В упомянутом выше Атласе «Исламское сообщество Российской Федерации» [Атлас, 2018] приведены данные только об организациях, зарегистрированных в качестве религиозных, однако более детальный поиск по ключевым словам показывает, что в России действует большое количество исламских организаций, не попадающих под данный тип и имеющих другие виды деятельности в качестве основной. По результатам собранных данных были выделены следующие типы исламских организаций:

1. религиозные организации (местные и централизованные религиозные организации);

2. образовательные организации (дошкольное, общее, среднее специальное, высшее и дополнительное образование, исследовательские центры);
3. общественные и политические организации (общественно-политические и общественные движения и другие организации, занимающиеся общественной и культурной деятельностью);
4. финансы и право (фонды и благотворительные организации, халяльные организации (производство, сертификация и продажа халяльных продуктов и услуг), финансовые услуги и бизнес-сообщество, правовые организации);
5. СМИ, издательства и музеи;
6. остальные организации (медицинские услуги, услуги по погребению, кладбища).

Ниже приведена диаграмма, отражающая процентное соотношение количества исламских организаций по типам.

Зарегистрированные с 1989 года по 2019 год исламские организации по типам (Российская Федерация).

Зарегистрированные с 1989 по 2019 гг. организации по типам (РФ)

Рис. 5.

Анализ территориально-временной динамики исламских организаций как в Российской Федерации, так и в США и Ис-

пании демонстрирует рост числа организаций, который наглядно отражается кривыми графиков. Тенденция роста наблюдается во всех трех исследуемых странах, несмотря на различия их исторического развития и современные политические особенности.

В результате изучения типов исламских организаций Российской Федерации складывается картина их многообразия и многофункциональности. Исламские организации действуют в различных сферах общественной и политической жизни страны: образование, религия, финансы, право, средства массовой информации, медицина, питание, культура и политика.

Таким образом, выработка объективной методологии всестороннего количественного и качественного анализа явления политического ислама и его воздействия на общество и государство становится все более актуальной.

Благодарности. Авторы выражают благодарность членам Международного центра изучения политического ислама за помощь в проведении исследований и подготовке к публикации его результатов.

Список источников и литературы

1. Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации» / Ю.М. Абсальмов, А.Г. Баймов и др.; ред. Р.А. Силантьев. М.: ИНКОТЭК, 2018. 350 с.
2. Исламский фактор в истории и современности / Российская академия наук, Институт востоковедения; ред.: В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. М.: Восточная литература, 2011. 605 с.
3. Лебедева Н.Б. Исламские организации в современной России. Опыт социологического анализа общественных позиций исламских лидеров. Изд-во Lambert Academic Publishing, 2010. 208 с.
4. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Ислам в России: основные структуры и государственная власть // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 230–235.
5. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. Н. Новгород: Изд. дом Медина, 2008. 768 с.
6. Пашков Р.В. Исламское государственное право: учебное издание. М.: РУСАЙНС, 2016. 144 с.
7. Сапронова М.А., Чечевишников А.Л., Ярлыкапов А.А. Становящиеся

- научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 122–136.
8. Сюкияйнен Л. Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 205–222.
  9. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. М.: Изд. группа Логос, 2007. 91 с.
  10. Otto J. M. Sharia Incorporated. A Comparative Overview of the Legal Systems of Twelve Muslim Countries in Past and Present, Leiden University Press, 2010.
  11. Warner B. The Political Traditions of Mohammed, CSPI LLC; Illustrated edition, 2006, 194 p.

TERRITORIAL-TEMPORAL DYNAMICS OF ISLAMIC ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION, THE USA AND SPAIN

Briscoe A. V.¹, Dubich V. V.¹, Sukhova E. A.¹

¹ International Centre for the Study of Political Islam,
Brno, Czech Republic

In recent decades, more and more attention around the world has been paid to the impact on society of political Islam. A comprehensive study of this phenomenon is devoted to the work of the International Center for the Study of Political Islam. A group of researchers of the Center on the basis of open publicly available data of state registers of individual countries compiled sets of maps of Islamic organizations of the Russian Federation, the Usa and Spain, which reflect the date and place of registration of organizations. Analysis of the dynamics over time shows an increase in the number of Islamic organizations both in the Russian Federation and in the United States and Spain. It can be assumed that the growing number of Islamic organizations to some extent reflects the strengthening of the influence of political Islam in various aspects of the public life of states: education, finance, law, media, medicine, nutrition, culture and politics.

Key words: political Islam, Islamic organizations, maps of Islamic organizations, territorial-temporal dynamics, Russian Federation, USA, Spain.

СЕЦЕССИОНИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Соколов С. Н.¹

¹ Нижневартровский государственный университет,
Нижневартковск, Россия

Политическая карта мира постоянно меняется. Как правило, в страноведческих справочниках указывается, что в мире существуют более 200 государств. Почему же нельзя назвать их точное число? Как быть, если территория провозгласила себя независимым государством, но другие страны в таком качестве ее не признали? Об этих государствах очень редко пишут в учебниках, большинство из них не показывают на картах. Проблема непризнанных государств—одна из актуальных сегодня политических проблем в мире. Эти страны лишены полного или частичного международного дипломатического признания и таким образом не могут де-юре выступать в качестве субъекта международных отношений. В результате сепаратистских движений или из-за передела национально-государственных границ, «разрезающих» ареалы проживания народов возникают непризнанные государства. Сепеcсионизм—это политическое движение, направленное на выход части территории государства из его состава. Референдум о получении независимости является одной из наиболее традиционных и распространенных форм непосредственной демократии и состоит в прямом выражении воли граждан по определенному вопросу. Но даже референдум не гарантирует получение независимости. Существует несколько моделей решения проблемы сепаратизма. Автор рассмотрел возможные перспективы существования непризнанных стран на политической карте мира в XXI в. Проблема непризнанных государств—одна из актуальных сегодня политических проблем в мире. На основе анализа непризнанных стран конца XX – начала XXI в. делается вывод о семи возможных путях их дальнейшего существования.

Ключевые слова: сепеcсия, сепеcсионизм, сепаратизм, непризнанные государства, политическая карта мира, независимость.

Сепеcсия представляет собой политический акт, заключающийся в том, что население определенной территории (или нескольких) официально и добровольно отделяется от остальной части государства или федерации, к которой оно принадлежало до этого. Т.е. это отрыв отдельных частей земли из существующего государства с целью формирования собственного независимого и нового суверенного государства или присоединиться к другому государству [1].

Сепаратизм или сепеcсионизм—это стремление к выходу из существующей организации или государства и созданию

своей собственной организации или государства. Группа населения может определяться культурными, этническими или религиозными особенностями, составляющими основу национальной идентичности [30]. Принципиальных отличий сецессии от сепаратизма не существует, кроме одного: правомерности либо противоправности происходящего. И сецессия, и сепаратизм—это односторонний выход из состава территории существующего государства с последующим образованием суверенного государства чаще всего вопреки воле государства-предшественника и нередко с применением силы. Однако сецессия—это правомерный выход, опирающийся на серьезные правовые основания, планомерный в отношении самого процесса перехода от составной части существующего государства к собственной суверенной государственности и по возможности избегающий применения силы. А сепаратизм имеет противоправный характер, направленный на подрыв территориальной целостности существующего государства, и опирается преимущественно на силовое давление и особенно вооруженную силу. В то же время граница между двумя понятиями не является четкой [8].

В большинстве случаев развитие сецессионизма сопровождается открытой, нередко вооруженной конфронтацией с властями «материнского» государства. Сегодня в мире наблюдается множество внутривнутриполитических конфликтов, в которых сецессия является ключевым требованием оппозиционеров. Хотя сецессионизм уже не является столь актуальным фактором изменения политической карты мира, его дестабилизирующее влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в ряде государств остается значительным. По оценкам Ф. А. Попова, на сегодняшний день более трети всех суверенных государств мира испытывают на себе воздействие политически оформленных сецессионистских движений [11].

Теории сецессии. Теория сецессии является одной из наименее разработанных и наиболее проблемных в мировой политике и международном праве. Существует много теорий об отделении, так что трудно найти консенсус относительно его определения [21; 24; 28; 31]. В 1980-х гг. она вызвала интерес

и дискурс сосредоточился на моральных оправданиях одностороннего права на отделение [29]. В начале 1990-х гг. А. Бьюкенен предложил первое систематическое изложение этого вопроса и внес свой вклад в нормативную классификацию литературы по сецессии [18]. Согласно А. Батту, государства жестоко реагируют на сепаратистские движения, если потенциальное государство будет представлять большую угрозу, чем насильственное сепаратистское движение [19]. Государства воспринимают будущую войну как вероятную с потенциально новым государством, если этническая группа, ведущая сепаратистскую борьбу, имеет глубокое разделение идентичности с центральным государством и если региональное соседство является насильственным и нестабильным.

Некоторые теории отстаивают независимость как право на отделение по любым причинам («теория свободного решения»), а другие считают, что независимость должна рассматриваться только для исправления серьезных нарушений (называемых «теорией оправданной причины») [15; 17; 25]. Эти теории сходятся на «теории свободного решения с осознанной причиной».

При анализе этнического сепаратизма и сецессии можно выделить два подхода. Один из них – это вопрос о том, какие силы отвечают за общий подъем сепаратистских движений. Другой подход в том, что заставляет определенные территориально обособленные этнические группы пытаться покинуть государства, частью которых они являются (или, по крайней мере, обеспечить территориальную автономию), в то время как другие региональные группы не предпринимают таких попыток. Сепаратистские группы практикуют форму политической идентичности или политической деятельности и теоретизируют на основе общего опыта несправедливости, с которой сталкиваются члены определенных социальных групп. Эти группы считают, что попытки интеграции с доминирующими группами подрывают их идентичность и способность добиваться большей самоидентификации [22]. Однако экономические и политические факторы, как правило, играют решающую роль в создании сильных сепаратистских движений, в отличие от менее амбициозных движений идентичности.

По словам У. Нормана [26], части страны с национальными меньшинствами требуют автономии, что приводит к созданию нации, а это, в свою очередь, приводит к большим автономным требованиям. и далее приводит к идеям сецессии. Сепаратистские требования часто возникают из-за неспособности предоставить более автономные права группам меньшинств внутри страны. Это может привести к одностороннему провозглашению независимости регионом, за которым обычно следует военное вмешательство крупной державы.

Многие случаи, оцениваемые как сепаратизм, являются основой для длительных противостояний или кровавых военных конфликтов. Сепаратистские движения также не боятся использовать террор сами. Они стремятся завоевать известность и усилить влияние своей пропаганды. Такая стратегия принадлежит слабым группам, потому что чисто физически они не могут накапливать большое количество оружия или обучать и поддерживать большую армию. Насилие, как правило, уменьшается, когда существуют политические средства, которые сепаратисты могут использовать для достижения большей политической и экономической власти в конституционном порядке. Свободные выборы и референдум могут стать одним из путей снижения напряженности.

Но и здесь не все так просто. Ни один гражданин не может быть обязан голосовать на таком референдуме. Отдельные лица, а также различные группы и политические объединения могут (как это часто бывает) бойкотировать референдум, отвергая, таким образом, как предложение об изменении, так и процедуру, которая может привести к нему. По утверждению А. Павковича, сторонники отделения выберут территорию, на которой будет проведен референдум об отделении [27]. Это никоим образом не означает, что границы будущего независимого государства, если отделение произойдет, будут совпадать с границами этой территории; как я предлагаю ниже, различные части этой территории могут далее отделиться до или после первоначально предполагаемого отделения.

Сецессия может быть как движением меньшинства, так и движением большинства. В процесс отделения может быть

вовлечена как большая, так и меньшая часть территории страны, и, как правило, эта территория указывается группой людей, а не отдельными лицами.

Непризнанные государства и потенциальные сепессии.

В результате сепаратистских движений или из-за передела национально-государственных границ, «разрезающих» ареалы проживания народов возникают непризнанные государства [13]. Как правило, под ними понимают государственные образования, частично или полностью лишенные международного признания, но обладающие другими признаками государственности [12]. Концепция самоопределения сыграла очень важную роль в формировании международного сообщества в XIX и XX веках. Согласно С. Маркедонову, частично признанные государства – это государства, «не признанные ООН, но признанные государствами-членами ООН» [9], таким образом, их участие в международных отношениях ограничено правовым полем признающих их государств. Можно сколь угодно обвинять в экстремизме местных политиков, но их экстремизм опирается на массовую поддержку граждан государств, которые формально не существуют. Так же важную роль играют чувство политической неэффективности и экономическое преимущество (или несостоятельность) таких государств.

Под непризнанием ООН он имеет в виду фактическую невозможность принятия государства в члены ООН, которое может произойти только по решению Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.

В российской научной литературе самыми распространенными стали термины «непризнанное государство», «самопровозглашенное государство», которым в английском варианте наиболее соответствует «государство де-факто» [10; 23]. Иногда их называют «квази-государства», «фантомные государства» и т.д., что, помимо прочего, отражает факт активного научного и политического поиска, ведущегося вокруг этого международно-политического феномена [4]. Некоторые исследователи, например, Н. Касперсен, увидели в этой тенденции признак того, что де-факто государства имеют свою собственную повестку дня, которая зачастую может даже вступить

в конфликт с приоритетами поддерживающих их держав [20].

Кроме того, в настоящее время остро стоит вопрос о неконтролируемых территориях, из которых Н. С. Мироненко [6] выделил квазигосударства и районы с неустойчивыми границами. Обострение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. привело к росту числа международных конфликтов, увеличению площади и численности населения неконтролируемых территорий в Азии, Африке и Европе [2; 3: 5; 16]. Фактическая сецессия в наибольшей степени затронула обширные зоны проблемной государственности в Азии и Африке, в которых, по оценке авторов, проживало соответственно около 45 млн. и 138 млн. человек [7]. Во второй половине XX–начале XXI в. произошло несколько изменений на политической карте мира, когда появились большинство существующих до сих пор непризнанных государств [14]. Есть ли шанс у таких государств быть признанными мировым сообществом в будущем? Ответить на этот вопрос можно утвердительно, но необходимо иметь в виду, что существует семь возможных путей их дальнейшего существования:

1. Силовой захват (оккупация и аннексия).
2. Добровольное воссоединение (интеграция).
3. Международное признание новых стран.
4. Присоединение к другому государству (ирредентизм).
5. Статус непризнанного государства.
6. Отказ от независимости или поражение сторонников независимости на референдумах.
7. Игнорирование центральным правительством сецессии или перенос сроков референдума.

Рассмотрим более подробно примеры дальнейшего существования некоторых непризнанных стран (табл. 1). Вполне возможно, что данный список не полон.

Таким образом, мы выявили семь возможных перспектив существования непризнанных стран на политической карте мира в XXI в. Во-первых, они наконец-то могут быть признаны международным сообществом. Во-вторых, после подписания договоров возможно их добровольное (или вынужденное) воссое-

динение с той страной, от которой они отделились. В-третьих, решение проблемы сецессии с помощью военной силы. В-четвертых, присоединение к другому государству (ирредентизм). В-пятых, остаться в качестве непризнанного большинством стран государства. В-шестых, отказ (возможно, временный) от независимости или поражение **сторонников независимости на референдумах. И, наконец, игнорирование центральным правительством сецессии (до поры, до времени) или перенос сроков референдума (на неопределенный срок).**

Таблица 1

Пути возможных путей дальнейшего существования непризнанных стран и потенциальных сецессий

Пути	«материнское» государство	Территории сецессии	Получение статуса	Прекращение статуса
Оккупация и аннексия	Хорватия	Дубровник	1991	1992
		Сербская Краина	1991	1995
	Босния и Герцеговина	Западная Босния	1991	1993
	Йемен	Демократическая Республика Йемен	1994	1994
		Абьян	2011	2013
		Шабва	2012	2013
	Афганистан	Исламский Эмират Афганистан	1996	2001
	Россия	Чечня	1991	2000
	Пакистан	Вазиристан	2006	2009
	Коморские Острова	Нзвани	1997	2002
			2006	2008
	Мвали	Мвали	1997	1998
			1993	2009
Шри-Ланка	Тамил-Илам	1993	2009	
Мали	Азавад	2012	2013	
Ирак, Сирия	Исламское государство Ирака и Леванта	2006	2019	
Интеграция	Сомали	Хатумо	2012	2017
		Галмудуг	2006	2014
		Химан и Хеб	2008	2015

		Азания	2011	2013
		Пунтленд	1998	2014
		Джубаленд	2011	2014
	ЮАР	Бопутатсвана	1977	1994
		Венда	1979	1994
		Сискей	1981	1994
		Транскей	1976	1994
	Намибия	Овамболенд	1973	1989
		Каванголенд	1973	1989
		Восточный Каприви	1972	1989
	Босния и Герцеговина	Республика Сербская	1992	1995
	Молдавия	Гагаузия	1990	1994
	Гаити	Артибонит	2004	2004
	Индонезия	Ачех	1976	2005
	Филиппины	Бангсаморо	2013	2013
ЦАР	Логоне	2015	2016	
Хорватия	Восточная Славония	1991	1998	
Международное признание	Индонезия	Восточный Тимор	2002	
	Сербия и Черногория	Черногория	2006	
	Судан	Южный Судан	2011	
	Израиль	Палестина	1988	
Ирредентизм	Пакистан	Азад-Кашмир	1947	
	Россия	Крым	2014	
Статус непризнанного государства	Китай	Тайвань	1949	
	Кипр	Северный Кипр	1983	
	Марокко	Западная Сахара	1976	
	Сомали	Сомалиленд	1991	
	Азербайджан	Нагорный Карабах	1991	
	Молдавия	Приднестровье	1990	
	Грузия	Южная Осетия	1992	
		Абхазия	1992	
	Украина	Донецкая Народная Республика	2014	
		Луганская Народная Республика	2014	

Отказ от независимости или поражение сторонников независимости на референдумах	Великобритания	Шотландия	2014	
	Нидерланды	Синт-Мартен	2000	
		Кюрасао	2005	
		Арубы	1990	
	США	Пуэрто-Рико	2020	
Игнорирование, перенос референдума	Микронезия	Трук	2015	
	Папуа – Новая Гвинея	Бугенвиль	2019	
	Ирак	Курдистан	2017	
	Испания	Каталония	2017	

Многие многонациональные государства подвержены риску сепаратизма, в том числе такие, как Индия, Мьянма, Украина, Испания, Великобритания и др. Непризнанные и частично признанные государства могут и не обозначать полную независимость или международное признание как конечную цель. Риск распада государства зависит от таких факторов, как геополитические, демографические, исторические, экономические, культурные, политические.

Глобализация создала дополнительные возможности для длительного существования непризнанных государств, без их формального признания другими странами. Это постепенно становится нормой. Число непризнанных государств растет несмотря на сопротивление стран, признанных международным сообществом.

Список источников и литературы

1. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства, М., с. 304, 2001.
2. Василенко С. А., Яворич Д. Проблемы регионального сепаратизма в современной Европе / АНИ: экономика и управление, Том 6, № 2(19), с. 368–370. 2017.
3. Григорян Г. П. Сепаратизм в геополитическом контексте / Дневник Алтайской школы политических исследований, № 32, с. 120–125, 2016
4. Девятков А. В., Залевина А. Р. «Де-факто государства» и их участие в продуцировании российской идентичности (на примере Приднестровья) / Дневник Алтайской школы политических исследований, № 29, с. 128–133, 2013.

5. Заяц Д. В. Географические типы сепаратизма / Проблемы геоконфликтологии. Под. ред. Н. С. Мироненко, М.: Пресс-Соло, Том 1. с. 36–58, 2004.
6. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география, М., с. 479, 2001.
7. Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика / Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право, Том 14. № 1, с. 23–51, 2021.
8. Кошкин А. П. Черданцев В. В. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово / Вестник экономики, права и социологии, № 2, с. 273–278, 2016.
9. Маркедонов С. М. СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) / Гуманитарная мысль Юга России, № 1, с. 118–126, 2005.
10. Попов Ф. А. От «безгосударственных территорий» к «государству де-факто» / Международные процессы. Том 9, № 2(26), с. 16–28, 2011.
11. Попов Ф. А. Политико-географический подход к исследованию сецессионизма / Вестник Московского университета. Серия 5. География, № 1, с. 45–52, 2009.
12. Сквозников А. Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности / Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право, № 2(10), с. 3–12, 2011.
13. Соколов С. Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира / Культура, наука, образование: проблемы и перспективы, Нижневартовск, Часть V, С. 43–45, 2013.
14. Соколов С. Н. Перспективы существования непризнанных государств в XXI веке / Непризнанные государства: Методологические, политические и правовые аспекты: Самара, с. 108–117, 2016.
15. Birch A. H. Another Liberal Theory of Secession / Political Studies, vol. 32, p. 596–602, 1984,
16. Brilmayer L. Secession and Self-Determination: A Territorial Interpretation / Yale Journal of International Law, vol. 16, p. 177–202. 1991.
17. Bushnan A. Secession / Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2007 <https://plato.stanford.edu/entries/secession/>
18. Buchanan A. Theories of Secession / Philosophy & Public Affairs, vol. 26(1). p. 31–61. 1997.
19. Butt A. I. Secession and Security: Explaining State Strategy Against Separatists. Cornell Studies in Security Affairs. Ithaca, NY: Cornell University Press. p.308, 2021.
20. Caspersen N. Playing the Recognition Game: External Actors and De Facto States / The International Spectator, vol. 44, No 4, p. 47–60, 2009.

21. Catala A. Secession and distributive justice / *Philosophical Studies*. vol. 174. p. 529–552, 2017.
22. Horowitz D. L. Patterns of ethnic separatism / *Comparative Studies in Society and History*, vol. 23(2), p. 165–195, 1981.
23. Lynch D. Engaging Eurasia Separatist States: Unresolved Conflicts and de Facto States. Washington, DC, p. 13–40, 2004.
24. McGee R. W. Secession Reconsidered / *Journal of Libertarian Studies*, p. 11–33, 1994.
25. Musgrave T. D. Self-determination and national minorities. Clarendon Press, p. 290, 1997.
26. Norman W. Negotiating Nationalism: Nation-building, Federalism, and Secession in the Multinational State. Oxford: Oxford University Press, 2006.
27. Pavkovic A. Secession, Majority Rule and Equal Rights: A Few Questions / *Macquarie Law Journal*. 2003.
28. Pavkovic A., Radan P. On the Way to Statehood: Secession and Globalisation. Burlington, VT: Ashgate Publishing, Ltd., p.133, 2008.
29. Pavkovic A., Radan P. Creating New States Theory and Practice of Secession, Aldershot, Ashgate, p. 277, 2007.
30. Siroky, D. S., & Cuffe, J. Lost autonomy, nationalism and separatism / *Comparative Political Studies*, vol48(1), p. 3–34. 2015.
31. Sunstein C. Constitutionalism and Secession / *University of Chicago Law Review*, vol. 58(2), p. 633–670, 1991.

SECESSIONISM AS A POLITICAL MOVEMENT OF THE MODERN WORLD

Sokolov S. N.¹

¹ Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

The political map of the world is constantly changing. As a rule, country guides indicate that there are more than 200 states in the world. Why can't we name their exact number? What if the territory declared itself an independent state, but other countries did not recognize it in this capacity? The problem of unrecognized states is one of the most pressing political problems in the world today. These countries are deprived of full or partial international diplomatic recognition and thus cannot act de jure as a subject of international relations. As a result of separatist movements or because of the redistribution of national-state borders, "cutting" the areas of residence of peoples, unrecognized states arise. Secessionism is a political movement aimed at secession of part of the territory of a state from its composition. The referendum on independence is one of the most traditional and widespread forms of direct democracy and consists in the direct expression of the will of citizens on a particular issue. But even a referendum does not guarantee independence. There are several models for solving the problem of separatism. Based on the analysis of the unrecognized countries

of the late XX—early XXI century, a conclusion is made about seven possible ways of their further existence.

Key words: secession, secessionism, separatism, unrecognized states, political map of the world, independence.

Секция II. ГЕОПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

РЕНЕССАНС ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ И СОВРЕМЕННЫЕ УРОКИ

Кефели И. Ф.¹,

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Цивилизационная геополитика опирается на свою богатую историю, включающую осмысление Великих географических открытий, историю освоения географических пространств и формирования локальных цивилизационных миров. Зарождению геополитики на рубеже XIX–XX веков в системе политологического знания формировались представления о государстве и цивилизации как о «форме жизни», «живом организме», «культурно-историческом типе», «срединном мире» и др. Системные исследования глобальных рисков, ведущиеся уже на протяжении последних пятнадцати лет Давосским экономическим клубом, выделяют геополитические риски, которые оказывают влияние на форматирование современного цивилизационного мироустройства. В свою очередь, современная, цивилизационная, геополитика активно подключает в свой арсенал понятия, представления и аналитический аппарат из других областей социогуманитарного и технологического знания.

Ключевые слова: цивилизация, евразийство, цивилизационная геополитика, евразийская геополитика, российская цивилизация, тюркский мир.

Цивилизационная геополитика опирается на богатую историю Великих географических открытий, освоения свободных пространств и формирования локальных цивилизационных миров. На рубеже XIX–XX веков в системе политологического знания формировались представления о государстве и речных цивилизациях как о «форме жизни», «живом организме», «культурно-историческом типе», «срединном мире» и др.

В качестве ключевого актора мировых процессов, начиная с Вестфальского мира, признавалось государство в пределах суверенных границ. В то же время цивилизационный принцип мироустройства «созревал» относительно самостоятельно и в исключительных случаях инициировался представлениями о возможности освоения новых пространств с их природными и человеческими ресурсами (как у М. В. Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»).

Провести четкую границу между цивилизационной и силовой геополитикой достаточно сложно, да и вряд ли имеет какое-либо практическое значение, однако в теоретической дискуссии учет многих нюансов необходим. И если силовая геополитика была востребована необходимостью понимания того, как будут развиваться мировая политика соперничества на стадии империализма, то интересы цивилизационной геополитики лежали в иной плоскости – каким образом цивилизационные миры вплетаются в географические пространства, развиваются в них и взаимодействуют между собой, представляя единую ойкумену. Силовая геополитика локальна, а государство как актор геополитики, «локус на ленте мировой политической истории», а цивилизационная геополитика глобальна, поскольку охватывает собой всю предшествующую культурную историю цивилизационных миров. Так, к примеру, строил цивилизационную геополитику России Г. В. Вернадский, прибегнув в «Начертаниях русской истории» к образу «лес и степь» для раскрытия диалектики взаимодействия двух противоположных сторон социального бытия, наполненного природным и этнографическим содержанием.

Цивилизационная геополитика contra силовая геополитика? Силовая геополитика в объяснении мироустройства все чаще обращается к использованию такого эффективного определения как «геополитическая напряженность». Не далее как 21 сентября 2020 г. на открытии 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш напомнил, что еще в январе того же года, выступая перед Генеральной Ассамблеей, он указал на «четырёх всадников

апокалипсиса» – вызовы, которые ставят под угрозу будущее человечества, первый из которых – это «высокий уровень геополитического напряжения за последние годы»¹. В свою очередь, цивилизационная геополитика в своем развитии в большей степени соответствует принципу, который афористично сформулировал К. Ясперс: «Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в наше время» [1].

О каком же ренессансе цивилизационной геополитики (в сопоставлении с геополитикой силовой, военной) следует заявлять в настоящее время? Но сначала обратимся к нескольким историческим сюжетам.

В 1912 г. В. П. Семенов-Тянь-Шанский выступил на заседании Императорского Русского географического общества с докладом «О могущественном территориальном владении применительно к России», в котором он, по сути, довольно четко обосновал диалектическое взаимодействие цивилизационной и силовой геополитики (Вениамин Петрович, как, впрочем, и Х. Макиндер, не пользовался тогда термином «геополитика» которое только-только начинал входить в научный оборот, поэтому его «геополитика» может быть представлена как своеобразный синтез политической, экономической и антропогеографии) на конкретном примере территориального могущества Российской империи в контексте сопоставления системы «от моря до моря» с другими системами могущества (кольцевой и клочкообразной). Причем он указывал и на явные недостатки этой системы, которые предстояло исправлять, чтобы расширить пространство между Волгой и Енисеем («от Ледовитого океана до самых южных граней государства») как «особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии» за счет развития и объединения культурно-экономических колонизационных баз Европейской и Азиатской частей России. В заключение автор предсказал, что «перед нами встают следующие обширнейшие и сложнейшие вопросы, ждущие неустанной и беспристрастной научно-географической разработки: 1) Мировая роль русской колонизации, 2) территориальные фор-

---

¹ https://vk.com/@sdclub_mephi-gensec

мы русского могущественного владения и наибольшая практическая пригодность тех или иных из них в настоящее время, 3) наши колонизационные базы и их оборудование, 4) пути сообщения в России и странах сопредельных с точки зрения могущественного владения и оборудования колонизационных баз и 5) практическая картография России и стран сопредельных для своевременной осведомленности возможно широких кругов по вопросам политической географии России» [2]. Разрешение этих проблем пришлось на весь XX век, приобретенный же советский опыт должен быть в полной мере учтен и в стратегии новых российских геополитических проектов. Существенное влияние на формирование цивилизационной геополитики оказал представленный автором в работе «Район и страна» т.н. «круг географии», в котором он особо обозначил географический синтез экономической географии («география производительных сил, естественных и искусственных сил, используемых и неиспользуемых человеком, и география вообще его хозяйственной деятельности») и политической географии («география территориальных и духовных господств человеческих сообществ») [3]

Евразийская геополитика. С позиций сегодняшнего дня мы можем уверенно заявлять о тесной близости сугубо географических и евразийских наработок отечественных ученых, осуществленных в одно и то же историческое время, но в разделенном социально-политическом пространстве. Это имеет непосредственное отношение к евразийскому движению плеяды молодых отечественных ученых, нашедших свое пристанище в эмиграции, но беспокоящихся за судьбу Советской России и строящих планы скорого перехода ее на евразийский путь развития. Так, в докладе на Международном съезде историков в 1933 г. в Варшаве П. Н. Савицкий, будучи одним из представителей «ведущей тройки» евразийцев, прямо заявил: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции. Оно стремится подвергнуть пересмотру основные представления относительно хода русского исторического развития. Евразийство породило значительную историческую

литературу, но и встретило многочисленные возражения со стороны старшего поколения русских историков. В исторической области оно сосредоточивает своё внимание на объяснении возникновения Российской империи XVIII–XX веков и сменившего её Союза советских республик... Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира – срединного мира старого материка – в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин... Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [4]. Савицкий, постоянно оттачивая формулировки и достигая стройности евразийской идеологии (ее естественнонаучных, этнографических, исторических и политических составляющих) констатировал, во-первых, историческое время зарождения евразийства, во-вторых, его роль по отношению к интерпретации евразийской истории России (имея в виду работу Г.В. Вернадского «Начертание русской истории») и, в-третьих, заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной, а не силовой, которая была присуща немецкой и англо-саксонской геополитическим школам.

Будучи в творческом союзе с Г.В. Вернадского, который заложил основы исторической концепции евразийства, Савицкий актуализировал евразийство в экономико-географическом, социокультурном и геополитическом аспектах. Революция в России, утверждал Савицкий, не меняет направления исторического процесса: Евразия остаётся «месторазвитием» особой цивилизации, происходит лишь видоизменение многовековой традиции, её «мутация». Евразийское понимание планового

хозяйства, по его мнению, ещё радикальнее, чем у большевиков, и в этом смысле «мы являемся сверхсоциалистами». Однако истинное евразийство, как признавал Савицкий, заключается в верховенстве культуры над политикой.

Евразийская цивилизация. Ныне концепция евразийской цивилизации, как она представлялась идеологами евразийства воплощается, как мы отмечали выше, в таких надгосударственных организациях как Евразийский экономический союз, Организация договора о коллективной безопасности, развитие которых проходит не так гладко и дружелюбно, как это выдилось в начале их создания и функционирования. Об этом говорят события в Беларуси и Армении, участие членов этих организаций Казахстана и Киргизии одновременно в другом – Тюркском совете, созданном еще в 2009 г.

Проективная функция Евразии как идеологического и теоретического конструкта нашла оригинальное воплощение в серии работ В.Л. Цымбурского в 90-е годы прошлого века. Одной из них была статья которую он посвятил анализу состояния, определенного им как «ломка привычных геополитических определений России»: «В воздухе висит „заказ“, который пока не материализовался в „заказчике,»». В эпицентр проективного знания Цымбурский вводит дискурсы о статусе цивилизационной геополитики России, цивилизационном ядре в формате «острова России» и «непосредственном присутствии России в жизни чужих цивилизаций». Он же предвосхитил оценку нынешнего состояния бывших союзных республик, которые, дистанцировавшись «от России-СССР под лозунгами включения в некие свои „человечества“, оказываются в положении цивилизационно-геополитических „амфибий“, окраинных полукровок в тех сообществах, которым они напрашивались в родство» [Земля за Великим Лимитрофом, 2010]. Это уже не «геополитическая беллетристика», а вполне четкая экспертная оценка и рекомендации по сохранению Лимитрофа в качестве «пояса относительной безопасности России».

Тюркская цивилизация contra евразийская цивилизация? Подобную ситуацию мы можем наблюдать на примере прошедшего в конце марта 2021 г. в Туркестане (Туркестан-

ская область Казахстана) саммита глав государств Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркского совета, ССТГ), в который Турция, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения и Венгрия (на правах наблюдателя). Мероприятие открыл президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, но реальными героями форума оказались Нурсултан Назарбаев и Реджеп Эрдоган, задававшие основной тон всему мероприятию. Назарбаев заявил о необходимости принятия документа касательно будущей судьбы Тюркского совета и об укреплении сотрудничества тюркоязычных государств уже в новом формате—как единой организации. «Лидер нации» еще раз указал на целесообразность перехода на латинский алфавит, которая даст «нам общую систему, благодаря которой мы получаем возможность содействовать развитию нашей молодежи на глобальном уровне». Он же открыто признался, что введение латиницы было решением, направленным на сближение именно с Турцией и на приобщение казахов через отуречивание к Западу. Данный «выдающийся» шаг по отказу от кириллицы, как символического действия по смене геополитического и цивилизационного вектора развития, активно рекламируется и в официальной прессе Казахстана. Цель же этого объединения заключается в развитии транспортных и энергетических маршрутов через Каспий, Закавказье и далее в Анатолию, минуя Россию. «Достигнутое между Баку и Ереваном мирное соглашение,—заявил далее Назарбаев,—позволит возродить Великий шелковый путь по этому направлению, что увеличит роль Каспийского моря. Это откроет перед нашими странами новые возможности для эффективного использования этого преимущества». Такое заявление было поддержано Эрдоганом, заявившим о том, что пришло время «повысить статус Тюркского совета, превратив его в международную организацию»². Судя по данным заявлениям, Тюркский совет четко ориентирует геополитический вектор народов и стран тюркского мира в сторону Запада. Прощай, Россия...

---

² <https://www.politnavigator.net/antirossijskijj-tyurkskijj-soyuz-stal-realnostyu.html> 01.04.2021 (Айнур Курманов)

Следование этому геополитическому вектору означает постепенное втягивание стран Центральной Азии, народов заявленной на саммите «тюркской цивилизации» в военные авантюры и региональные конфликты, инициируемые Турцией в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и даже в Африке, поскольку пантюркистская «солидарность» сводится, в первую очередь, к реальному финансовому, техническому и военному участию в организованных конфликтах, поскольку мирным путем, кипрская, сирийская, иракская и ливанская проблемы никак не разрешаются.

Что же касается «тюркской цивилизации», так на открытии саммита Тюркского совета Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев заявил следующее: «Наша цель – превратить тюркский мир в один из важнейших экономических, культурных и гуманитарных регионов XXI века. Мы призываем начать модернизацию тюркской цивилизации со знакомства мира с наследием Ахмета Ясауи и священным Туркестаном. Поэтому сегодняшний саммит проходит под девизом „Туркестан – духовная столица тюркского мира“»³.

По итогам работы внеочередного неформального саммита Тюркского совета и в преддверии 8-го саммита Тюркского совета, который пройдет в Турции 12 ноября 2021 года, была принята Туркестанская декларация, в которой, в частности, отмечалась важность подготовки первых проектов «перспективы тюркского мира-2040» и «стратегии Тюркского совета 2020–2025» и объявление города Туркестана духовной столицей тюркского мира.

Сказанное выше дает основание полагать, что на пространстве Евразийского экономического союза и Организации договора коллективной безопасности в постсоветский период, наряду с интеграционными процессами, формируется «внутренняя дуга нестабильности», инициируемая как амбициями политическими лидерами образованных молодых государств Центральной Азии, так и стратегическими замыслами США, Турции, Европейского союза и НАТО – извне. Примером тому

---

³ <http://twesco.org/ru/2021/03/31/7550/> 31.03.2021; <https://yujanka.kz/turkestan-duhovnaya-stolitsa-tyurkskogo-mira-2/> 02.04.2021

может служить заявление Назарбаева на казахстанско-турецком бизнес-форуме в Стамбуле еще в октябре 2012 г., претендующее на восстановление «исторической правды»: «Мы живём на родине всего тюркского народа, – заявил президент Казахстана. – После того, как в 1861 году был убит последний казахский хан, мы были колонией Российского царства, затем Советского Союза. За 150 лет казахи едва не лишились своих национальных традиций, обычаев, языка, религии. С помощью Всевышнего мы в 1991 году провозгласили свою независимость⁴.

Современные реалии мировой политики вызывают к необходимости теоретического осмысления глубинных процессов становления полицентричного мироустройства, ключевыми акторами которого начинают выступать, по мнению ряда ученых и политических деятелей, локальные цивилизации. Насколько это будет соответствовать ходу мировой истории, «наполненной» глобальными геополитическими, экологическими, экономическими, технологическими и социальными рисками, – эта проблема требует совместных усилий представителей социально-гуманитарных и естественных наук. Скорее всего, к ним должны подключиться и специалисты в области информационно-коммуникационных технологий со своим опытом обработки больших данных. Ратуя все же за ценностные оценки геополитических усилий государств, союзов, государственных и политических лидеров, хотелось бы напомнить слова С. Б. Лаврова из одной из последних его работ «Евразийство: современность концепции...»: «Почему именно евразийство стало ключевой темой в дискуссиях о будущем России, об её геополитических путях? Видимо, эта геополитическая концепция созвучна нашей эпохе... она стала востребованной в наши дни, в эпоху отчаянных поисков „идеи-силы“ (формула евразийцев) для России, как осмысление феномена России... Тезис о „евразийскости“ страны имеет несколько важных следствий. Во-первых, концепции универсализма противостоит концепция особого пути, концепции вестернизации – призыв быть самими собой...

---

⁴ <https://topwar.ru/19984-tyurkskaya-ekonomika-nursultana-nazarbaeva.html>
16.10.2012

Признание „евразийскости“ России диктует и её геополитический путь—он не в фарватере США и Западной Европы... Евразийство—ориентир и разумной внутренней политике России... Наконец, из „евразийскости“ России вытекает её внешнеэкономическая линия. Это весьма актуально и сегодня как анти-теза призывам „быть как все“... Лучшим доказательством актуальности идей евразийства является их широкий переход из сферы науки в сферу политики, тревога и проклятия Запада по этому поводу» [Лавров С. Б., 2001]. Будущее—в правде истории и в силе цивилизационной геополитики!

Список источников и литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории.—М.: Политиздат, 1991.— 527 с. С. 29.
2. Известия Императорского Русского географического общества. 1915. Т. 51. Вып. 8. С. 425—458; Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по полит. географии: [Доложен Отд. физ. геогр. в 1912 г, поправки и доп. 1915 г.] / В. Семенов-Тянь-Шанский.—Петроград: тип. М. М. Стасюлевича, 1915.— 33 с. 3. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна.—М.—Л.: Госиздат, 1928.— 311 с. С. 40, 46—47, 117—118.
4. Савицкий П. Н. Континент Евразия.—М.: Аграф, 1997. С. 123—124, 126.
5. Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский В. Л. Россия—Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. Изд. 2-е.—М.: Едиториал УРСС, 2010.— 144 с. С. 21.
6. Лавров С. Б. В каком мире мы живём? (размышления геополитика). СПб., 2001. С. 60—64.

THE RENAISSANCE OF CIVILIZATIONAL GEOPOLITICS: HISTORICAL IDEAS AND MODERN LESSONS

Kefeli I.^{F-1},

¹The North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPА),
Russia, Saint-Petersburg

Civilizational geopolitics is based on its rich history, including the comprehension of the Great Geographical Discoveries, history of the development of geographical spaces and the formation of local civilizational worlds. The origin of geopolitics at the turn of the XIX—XX centuries in the system of

political science knowledge formed ideas about the state and civilization as a “form of life”, “living organism”, “cultural-historical type”, “middle world”, etc.. However, as a key actor in world processes, starting with the Peace of Westphalia, the state within sovereign borders was recognized. At the same time, the study of the civilizational principle of the world order was relatively independent and in exceptional cases was initiated by ideas about the possibility of developing new spaces with their natural and human resources. Modern geopolitics relies on the study of actors of global processes, which are not only states in themselves, but also coalitions of states (including military-political alliances), covering local civilizations. On the other hand, systematic studies of global risks conducted over the past fifteen years by the Davos Economic Club, highlight geopolitical risks that affect the formatting of the modern civilizational world order. In turn, modern, civilizational, geopolitics actively connects concepts, representations and analytical apparatus from other areas of socio-human and technological knowledge into its arsenal.

Key words: civilization, Eurasianism, civilizational geopolitics, Eurasian geopolitics, Russian civilization, Turkic world.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД РОССИИ В СВЕТЕ КОНТИНЕНТАЛЬНО-ОКЕАНИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ

Безруков Л. А.¹

¹ Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
Иркутск, Россия.

Дан анализ проблемы дуализма «Суши» и «Моря» и его влияния на формирование геополитического кода постсоветской России. Предложена концепция континентально-океанической дихотомии и построена геоэкономическая типология мировых держав с разделением их на континентальные и океанические. Определена высокая степень континентальности России и названы вытекающие отсюда трудности ее взаимодействия с мировым хозяйством. Установлена обусловленность геополитических кодов мировых держав их принадлежностью к тому или иному геоэкономическому типу. Стержневой линией формирования геополитического кода современной России обосновывается создание евразийской континентальной интеграции.

Ключевые слова: геополитический код, континентально-океаническая дихотомия, геоэкономическая типология, мировые державы, евразийская континентальная интеграция.

Обобщая трактовки ряда исследователей, под «геополитическим кодом» государства будем понимать ключевые стратегические положения, которые имеют географический смысл

и лежат в основе его внешней политики. Хотя формирование данного кода обусловлено различными факторами – идеологическими, историко-культурными, экономическими, географическими и др., представляется, что наиболее устойчивая часть кода страны связана именно с объективными географическими факторами, в первую очередь с фактором ее географического положения. В свою очередь важнейшим элементом общего географического положения стран мира является их положение относительно моря.

Вполне естественно поэтому, что главным законом классической геополитики традиционно считался закон фундаментального дуализма «Суши» и «Моря», выражающийся в противопоставлении двух принципиально различных типов цивилизаций и государств – континентальных и океанических (приморских). Классическая западная геополитика конца XIX – первой половины XX вв. считала данный антагонизм глобальным и вечным, объясняя его преимущественно с военно-стратегических позиций (Х. Дж. Маккиндер, К. Хаусхофер, Н. Дж. Спикмен и др., отчасти Ф. Ратцель и А. Мэхэн). Общим в теоретических построениях авторов российской геополитической школы тех же лет было, во-первых, отсутствие в формулировках абсолютизации дуализма континентальных и океанических сил, во-вторых, его объяснение в основном с экономических и цивилизационных позиций (Е. А. Вандам (Едрихин), Д. И. Менделеев, И. И. Дусинский, В. П. Семенов-Тянь-Шанский и др.).

В наиболее законченном и цельном виде русская «теллурократическая» геополитическая доктрина разработана в 1920-х гг. в концепции евразийского движения географом и геополитиком П. Н. Савицким [1], который одним из первых применил геоэкономический подход к анализу геополитических процессов. Решающую роль в дуализме сухопутных и морских стран он отводил резким различиям в экономической эффективности морских и сухопутных перевозок, что обуславливает, по его мнению, транспортную «обездоленность» внутриматериковой России.

Появление новых видов вооружений и успехи коммуни-

кационных технологий поставили со второй половины XX в. под сомнение классические геополитические модели, основанные преимущественно на военно-стратегическом фундаменте. В связи с этим возникают вопросы о том, сохраняется ли сейчас дуализм «Суши» и «Моря» и если да, то каковы его значимость и современные основания, влияет ли этот дуализм на формирование геополитического кода постсоветской России и если да, то в какой мере.

Эволюция представлений о дуализме «Суши» и «Моря» в современной геополитике. Несмотря на заметный сдвиг от «континентально-океанической» к другим трактовкам современного мира, даже родоначальники «центро-периферической» модели глобального пространства американский исследователь мировых систем И. Валлерстайн [2] и французский геоисторик Ф. Бродель [3] оперировали в своих теоретических построениях теми же базовыми понятиями морских и континентальных государств, регионов и городов. Представления о противоборстве континентальных и океанических сил сохранились в той или иной степени у многих видных представителей послевоенной американской геополитической школы (Д. Мэйнинг, У. Кирк, С. Коэн, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и др.). Этот антагонизм объяснялся американской геополитикой, например З. Бжезинским [4], прежде всего с политических и военно-стратегических позиций.

В российской геополитике в последние десятилетия разрабатывались интересные концепции, объясняющие дуализм «Суши» и «Моря» не только с военно-стратегических (А. Г. Дугин [5]), но и с иных точек зрения – философско-идеологических (А. С. Панарин [6]), политико-исторических (В. В. Лапкин и В. И. Пантин [7]) и др. В то же время современная отечественная геополитика, к сожалению, во многом утратила присущее ей в начале XX в. геοэкономическое и экономико-географическое понимание сути этого дуализма.

Между тем разброс мнений по вопросу существования дихотомии «Суши» и «Моря» остается исключительно широким. Одни исследователи (П. А. Цыганков [8], В. А. Колосов и Р. Ф. Туровский [9], А. А. Изгарская [10]) критично от-

зываются главным образом об ее излишней абсолютизации. Другие же вообще отрицают значимость данной дихотомии, считая, например, что в условиях современной глобализации, когда почти отпала потребность в территориальной экспансии, перестают «работать» геополитические доктрины прошлого с такими их ключевыми понятиями, как «хартленд» и «римленд» [11], что в связи с созданием вооружения дальнего и сверхдальнего радиуса действия произошел «размыв» линии раздела между океаническими и сухопутными странами [12].

Поскольку все же в сфере геополитических отношений усиливается роль геоэкономического аспекта, есть смысл более детально рассмотреть именно с его позиций проблему дуализма «Суши» и «Моря». Такой подход можно считать в определенной мере попыткой продолжения и развития отечественной геополитической традиции, опирающейся на анализ объективных экономико-географических и геоэкономических факторов. В итоге возникает возможность выявить суть континентально-океанической дихотомии, ее истинные причины и следствия, установить количественные критерии типологической идентификации стран мира на «континентальные» и «океанические».

Концепция континентально-океанической дихотомии и связь геоэкономических и геополитических типологий. Предлагаемая концепция исходит из коренных различий в эффективности сухопутных и морских перевозок – более затратных первых и экономичных вторых, с одной стороны, и особенностей положения стран относительно моря, – с другой [13]. Суть концепции заключается в следующем: имеющаяся между континентальными и океаническими (приморскими) странами принципиальная разница в размерах транспортных издержек и транспортоемкости национальных хозяйств лежит в основе механизма постоянного «перелива» массы прибавочного продукта от континентальных стран к океаническим, что определяет в итоге глубокие различия в эффективности национальных хозяйств данных типов стран, общем уровне их социально-экономического развития, особенностях террито-

риальной организации общества, специфике взаимодействия с внешним миром.

Следовательно, исходные причины геоэкономического дуализма континентальных и океанических стран связаны в первую очередь с преимуществами эффективного морского транспорта над более затратным сухопутным. Разница в стоимости сухопутных и морских перевозок остается многократной [13]. Получается, что те страны, которые по своему положению могут широко пользоваться преимуществами морского транспорта, отличаются пониженным уровнем расходов на перевозки по сравнению со странами, применяющими в основном сухопутный транспорт.

Возможности же использования морского транспорта зависят от положения стран относительно моря. Количественная оценка этого положения произведена на основе расчета степени «транспортно-географической континентальности» (ТГК) стран как меры удаленности основной части их демографического потенциала от морских путей с круглогодичной навигацией [13]. Суть предлагаемой методики заключается, во-первых, в определении распределения населения данной страны на различных фиксированных расстояниях от моря; во-вторых, в последующем расчете степени ТГК, интегрирующей исчисленные доли зон удаленности от моря. Степень ТГК стран и районов вычисляется по их демографическому потенциалу с установлением шести градаций (в баллах): очень высокая (60,1–100), высокая (35,1–60), повышенная (20,1–35), умеренная (10,1–20), низкая (5,1–10), очень низкая (1,0–5).

Исходя из полученных показателей степени ТГК, все страны мира в первом приближении разделены на два геоэкономических типа: континентальные и океанические (приморские). Наибольший интерес такая оценка представляет для мировых держав, к которым, согласно разработкам МГИМО [14], отнесены восемь первых по значимости стран – США, Россия, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Франция и Италия. Такие державы, как Япония, Великобритания, Франция и Германия (очень низкая и низкая степень ТГК), США и Китай

(умеренная степень), входят в океанический тип, а Россия (высокая степень) – в континентальный.

Из мировых держав только одна Россия является континентальной, поскольку преобладающая часть ее демографического потенциала сосредоточена в наиболее глубинных районах (Урал, Сибирь и Поволжье). В связи с этим для России гипертрофированную значимость имеют затратные сухопутные перевозки и весомые транспортные расходы, которые ведут к удорожанию продукции и снижению ее ценовой конкурентоспособности на мировом рынке.

Относительно соответствия рассмотренной схемы геоэкономической типологии стран аналогичным геополитическим типологиям заметим следующее. Если для малых и средних «лимитрофных» стран возможны какие-либо «переходные» ситуации, то распределение мировых держав на континентальные и океанические типы и в геополитическом, и в геоэкономическом отношении должно по логике совпадать. Можно предположить, что базовые черты геополитического кода держав сегодня даже в большей мере, чем ранее, во многом предопределены принадлежностью к тому или иному геоэкономическому типу, т.е. связаны с их экономическими возможностями и ограничениями, особенностями организации и стиля хозяйственной жизни, спецификой взаимодействия с внешним миром.

Страны океанического типа отличаются от континентальных пониженным уровнем транспортоемкости хозяйства, в связи с чем они гораздо меньше зависят от дальности перевозок, ориентируясь на интенсивное хозяйственное взаимодействие с внешним миром и выгодные для них в общем случае процессы глобализации, интернационализации и транснационализации экономики. Между тем данные принципы зачастую неприемлемы для континентальных стран, вынужденных применять затратные сухопутные виды сообщения, что диктует существенно иной (адаптивный) стиль хозяйственной деятельности и общения с внешним миром. Для этого стиля актуальны ближние экономические связи при определенном ограничении менее эффективных дальних, формирование емкого внутреннего рынка, прочное закрепление территориаль-

ного разделения труда и организация хозяйства на районной основе, поддержание относительно низкого уровня транспортных тарифов и магистрализация транспорта и т. д.

О высокой степени обусловленности геополитического кода держав их геоэкономической ориентацией убедительно говорят современные тенденции политического и военно-стратегического противостояния между континентальной Россией и передовыми океаническими державами Запада, возглавляемыми США и выступающими обычно «единым фронтом». При этом континентальное положение России серьезно осложняет ее интеграцию в мировое хозяйство и заставляют формировать собственную систему евразийских альянсов. Так, из-за дефицита незамерзающих морских выходов и портов жизненно важный для наполнения российского бюджета экспорт нефти и газа осуществляется по трубопроводам через территории транзитных стран, что связано как с дополнительными затратами, так и с политическими рисками. Имеющиеся ограничения обуславливают неизбежность укрепления всесторонних связей России в первую очередь со своими соседями, свидетельством чему служит образование различных интеграционных структур на постсоветском и смежном пространстве.

Евразийский континентализм как стержень геополитического кода современной России. Показательным примером формирования геополитического кода современной России на основе геоэкономической континентально-океанической «платформы» можно считать усиление стремления к евразийской континентальной интеграции, или Большой Евразии [15–17]. Исходя из политико-экономического понимания сущности Большой Евразии, ее основу в настоящее время образуют, по нашему мнению [18, 19], страны-участники Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), страны-наблюдатели ШОС.

К одной из важнейших предпосылок евразийской континентальной интеграции относятся прогрессивные изменения в транспортно-коммуникационной сфере, особенно на сухопутном транспорте, ведущие к созданию международных железнодорожных коридоров, перевозки по которым будут на-

много дешевле, чем по остальной сети. Активизация при этом хозяйственных связей со своими соседями позволит уменьшить среднюю дальность перевозок и дополнительно снизить транспортные издержки, что станет мощным средством усиления консолидации и развития прилегающих внутриматериковых территорий.

Сверхудаленное положение евразийского массива суши относительно морских путей и основных рынков заставляет искать собственные, во многом «нестандартные» по меркам стран Запада пути в будущее. Поэтому экономико-географический смысл создания Большой Евразии состоит в строительстве долгосрочной и устойчивой континентальной евразийской интеграции посредством активизации международных хозяйственных связей и сооружения транспортных коридоров, что тем самым содействует преодолению транспортно-коммуникационных ограничений континентальных стран и районов. Геополитический смысл создания Большой Евразии видится в определенном альтернативном политическом объединении ряда евразийских стран с целью формирования такого крупнейшего международного региона, который способен противостоять давлению Запада, имея сопоставимые экономические и военно-стратегические возможности и значительно превосходя его по мощи территориальной, ресурсной и демографической базы. Исходя из срединного положения на континенте, ключевая связующая роль в этом объединении по праву принадлежит России.

Таким образом, имеющий прочные географические основы континентальный евразийский проект всецело отвечает коренным национальным интересам России и прилегающих стран. При этом он особо актуален именно для России в силу высокой степени ее континентальности, ограниченности выходов к незамерзающим и открытым морям, протяженных сухопутных расстояний, большого числа стран-соседей, ресурсно-сырьевого характера экономики с массовыми экспортными потоками. Геополитические и геоэкономические приоритеты, вытекающие из этого факта, имеют поистине судьбоносную значимость для страны, затрагивая по большому счету сами

основы ее существования. Вполне правомерно поэтому считать евразийский континентализм стержнем геополитического кода современной России.

Геополитический код государства интерпретируется в виде географических основ его внешней политики, в связи с чем выявлена значимость положения России относительно моря в формировании ее геополитического кода. Предложена авторская концепция континентально-океанической дихотомии, выделены два геоэкономических типа мировых держав – континентальные и океанические, определена высокая степень континентальности России, установлена обусловленность геополитических кодов держав их геоэкономической ориентацией. Необходимость создания евразийской континентальной интеграции обоснована как стержневая линия в формировании геополитического кода современной России.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20–55–44023.

Список источников и литературы

1. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997, 464 с. 2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Изд-во «Унив. книга», 2001, 416 с. 3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992, 680 с. 4. Изгарская А. А. Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск: Наука, 2002, с. 5–158.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999, 256 с. 6. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997, 608 с. 7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000, 352 с. 8. Лапкин В. В., Пантин В. И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М.: Изд-во «Олита», 2004, 280 с. 9. Цыганков П. А. Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопр. философии, 1994, № 7–8, с. 59–71.
10. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Геополитические представления в России: возвращение к истокам или поиск нового пути? // Геополити-

ческое положение России: представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000, с. 13–40.

11. Никулин Н. Н. Россия и СНГ в глобальной экономике. М.: Изд-во МГГУ, 2005, 454 с. 12. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М.: «Логос», 2000, 544 с. 13. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008, 369 с. 14. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: Изд-во «МГИМО–Университет», 2007, 272 с. 15. Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014, 256 с. 16. Д р у ж и н и н А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016, 228 с. 17. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. М.: Изд-во Юрайт, 2018, 274 с. 18. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природ. ресурсы, 2018, № 4, с. 5–14.
19. Bezrukov L. Eurasian Continental Integration: Prerequisites and Difficulties // Central Asia and Caucasus. English Edition. Journal of Social and Political Studies, 2019, Vol. 20, Issue 4, pp. 7–18.

GEOPOLITICAL CODE OF RUSSIA IN THE LIGHT CONTINENTAL-OCEANIC DYCHOTOMY

Bezrukov L. A.¹

¹ V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS,
Irkutsk, Russia,
bezrukov@irigs.irk.ru

The analysis of the problem of the dualism of “Land” and “Sea” and its influence on the formation of the geopolitical code of post-Soviet Russia. The concept of continental-oceanic dichotomy was proposed and a geoeconomic typology of world powers was constructed, dividing them into continental and oceanic ones. The high degree of continentality of Russia is determined and the resulting difficulties of its interaction with the world economy are named. The conditionality of the geopolitical codes of the world powers by their belonging to one or another geoeconomic type has been established. The core line of the formation of the geopolitical code of modern Russia substantiates the creation of the Eurasian continental integration.

Key words: geopolitical code, continental-oceanic dichotomy, geo-economic typology, world powers, Eurasian continental integration.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Махновский Д. Е.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
Санкт-Петербург, Россия

С позиции системного подхода рассматриваются особенности, основные закономерности формирования, социально-экономической эволюции культурно-цивилизационных общностей мега- и макроуровней как фактора политико-географической дифференциации человечества. Дается понятие культурно-цивилизационных регионов. Исследуются многообразная роль культуры в формировании регионального и национально-государственного своеобразия территории. Рассматриваются проблемы разработки определения понятия «цивилизации» и его взаимосвязь с понятием «культуры». Подчеркивается перспективность использования культурно-цивилизационной парадигмы в широком спектре политико-географических исследований. Определяется содержание основных групп факторов культурно-цивилизационного регионообразования. Характеризуется современное положение культурно-цивилизационных мега- и макрорегионов мира, их место в геоэкономической картине мира. На базе использования обширного статистического материала, начиная с середины XX в., делается вывод о масштабном пространственном, межрегиональном перераспределении глобальных демографического и экономического потенциалов в пользу макрорегионов Востока. Констатируется сложное, связанное с продолжающимся сокращением удельного веса в мировом сообществе по основным показателям экономического и демографического потенциалов, геоэкономическое положение Евразийского культурно-цивилизационного макрорегиона.

В работе использовались системный подход, сравнительный, историко-генетический, статистический методы исследования, пространственная группировка, контент-анализ.

Ключевые слова: цивилизация, культура, культурно-цивилизационный регион, геоэкономика, ВВП.

Термины «цивилизация» и «культура» характеризуются широким и многозначным использованием в общественных науках в целом и политической географии – в частности. В исследованиях геополитических процессов современности невозможно не принять во внимание многообразие региональных вариантов мировой цивилизации и культуры с их структурными особенностями и динамикой развития. Согласно одному из распространенных определений, уточненных

с учетом пространственной составляющей, культура представляет собой совокупность продуктов человеческой деятельности, ценностей, идей, способов поведения, которые приняты в тех или иных территориальных человеческих общностях и передаются из поколения в поколение.

Методология и методика культурно-цивилизационного регионоведения наиболее полно отвечает потребностям и перспективам развития геополитики как в традиционном понимании, так и в условных рамках её новых парадигм – геοэкономики, геофилософии. При этом рассматриваемое регионоведение остаётся в самых «дружественных» отношениях с геоисторией.

Носителями культуры обычно признаются этносы, народы, нации, другие территориальные общественные группы, а также индивидуумы. Культура включает в себя разнообразные элементы и компоненты, которые можно подразделить на группы (подсистемы):

1. Элементы материальной культуры: производительные силы, производственные отношения, предметы быта, изменённый человеком ландшафт.
2. Элементы духовной культуры: язык, письменность, литература, нравы и обычаи общества, религия, идеология, философия, право, искусство, образование и т. д.
3. Общественные институты: система государственного управления и общественного самоуправления в широком смысле, в т. ч. здравоохранение, социальное обеспечение, вооружённые силы, общественные организации и политические партии.

Понятие цивилизации неразрывно связано с понятием культуры и непосредственно оказывает влияние на понимание и практику геополитических процессов, формирование и развитие территориальных структур общества в более широком плане. Цивилизация иногда рассматривается в качестве синонима культуры.

Цивилизация как целостная система включает в себя различные элементы (религию, экономическую, политическую,

социальную организацию и т.д.), тесно скоординированные друг с другом. Проблема разработки определения понятия «цивилизации» в современной интерпретации остается открытой. Ю. В. Яковец рассматривает цивилизацию как качественно новый этап в истории общества, характеризующийся определенным уровнем развития самого человека, технологической и экономической базы общества, социально-политических отношений и духовного мира [6]. С. Хантингтон поднял дискуссию о роли мировых цивилизаций в современном развитии на качественно более высокий уровень: игнорирование цивилизационного фактора может подвинуть мир к междоцивилизационному столкновению [5]. Цивилизационный фактор должен учитываться в стратегическом планировании. В частности, при выборе долговременного горизонта сотрудничества и географического вектора внешнеэкономических связей – справедливо резюмировал Э. Г. Кочетов [1]. В целом в начале XXI в. усилилось внимание к исследованиям влияния цивилизационного фактора на экономическое развитие стран и регионов, идентификации и делимитации цивилизационных регионов. Проблемы формирования объективной «доказательной базы» исследований, статистического обеспечения остаются актуальными.

Огромное разнообразие условий общественного развития предполагает существование в настоящее время различных типов и форм цивилизаций. Тип цивилизации – методологическое понятие, используемое для наиболее крупного членения культурно-исторического (а также пространственного) развития человечества, позволяющего обозначить специфические особенности, характерные для многих обществ. В современном мире выделяют три типа цивилизаций: традиционные (природные), восточные и западные сообщества. Наиболее влиятельны и распространены два последних.

По совокупности основных черт и признаков, включая территориальный, можно выделить две главных мегацивилизации: азиатскую и европейскую или «Восточную» и «Западную». Далее пространственную иерархию продолжают уровни

макроцивилизаций (на основе крупных регионов мира—группировок стран, этносов) и мезоцивилизаций, развивающихся на базе национальных (этнокультурных) сообществ, возглавляемых крупным народом, этносом. Может быть обосновано также существование субкультур микрорегионального и локального уровней.

На глобальном уровне исследователи, как правило, выделяют 10–15 культурно-цивилизационных регионов макроуровня (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон и др.). Культурно-цивилизационный макрорегион—исторически сложившийся комплекс соседних народов (этносов), принадлежащих к одной мегацивилизации и взаимозависимо развивающихся в определенных географических условиях. Границы культурно-цивилизационных регионов, как правило, не представляют собой четких линий разграничения. Это достаточно широкие полосы с переходными свойствами (лимитрофы) разделяющие и, в то же время, объединяющие различные культурно-цивилизационные очаги. Имеют место несовпадения рубежей подобного типа с политико-административными границами.

Сложившаяся система региональных культурно—цивилизационных систем требует подробного описания и обоснования. 11 культурно—цивилизационных макрорегионов выделяются нами путем группировки государств мира по комплексу соответствующих признаков. По 5 из их числа формируют мегарегионы «Запада» и «Востока». Евразийский макрорегион, включающий 12 государств, входивших ранее в состав СССР (без стран Балтии), образует особый промежуточный тип, сочетающий в себе элементы как западной, так и восточной культуры.

Среди главных групп факторов культурно-цивилизационного регионообразования, учитываемых нами:

- 1) экономическая группа (сходство уровней, характера развития производительных сил, уровней доходов граждан, общность хозяйственной специализации, межгосударственные экономические связи и т. д.);
- 2) социально-демографическая (близость конфессиональных, социально-классовых структур общества, основ-

ных черт культуры, быта, идеологии, сходство демографических процессов и др.);

- 3) географическая (относительная – на глобальном уровне – компактность занимаемой общностью территории, схожесть природных условий и ресурсной базы развития, экологических проблем);
- 4) историческая (общность и/или относительная синхронность основных стадий, процессов исторического развития);
- 5) политико-управленческая (близость основных форм государств, типов правящих режимов, деятельности партий и общественных организаций, организации вооруженных сил, идей общественного развития и т. д.).

Остановимся более подробно на геоэкономической оценке основных социально-экономических характеристик выделяемых нами культурно-цивилизационных мега- и макрорегионов: площади занимаемой территории, численности населения, объемах производства ВВП, рассмотренных нами за длительный период – 1950–2019 гг., по которому имеется более или менее надёжная статистическая информация. В качестве исходной «опорной» точки анализа взят 1950 г. – начало нового послевоенного этапа геоэкономического развития в условиях противостояния двух основных социально-политических, экономических и военных блоков. Важнейшим промежуточным рубежом является 1990 г. – эпоха нестабильности, связанная с резко изменившейся расстановкой «сил» на мировой арене и поиском более устойчивой конфигурации цивилизационного развития. Примерно равновероятным было оформление традиционной в прошлом однополярной конфигурации с доминированием Запада и «многополярной» модели мироустройства с более равномерным распределением экономического, военного, политического потенциалов, а также отсутствием явного преимущества Запада над Востоком. Потенциал мега- и макрорегий по наличию площади занимаемой территории и численности населения (в условных границах 2019 г.) представлен в таблице 1.

Таблица 1

Площадь территории и численность населения культурно-цивилизационных макрорегионов мира в 1950–2019 гг.

Показатель	Площадь территории, в% от мировой	Численность населения, в% от мировой		
		1950 г.	1990 г.	2019 г.
Западная Европа	3,3	12,0	7,1	5,5
Центральная и Восточная Европа	1,0	3,7	2,5	1,6
Северная Америка	14,7	6,6	5,3	4,8
Латинская Америка	15,2	6,6	8,4	8,4
Австралия и Новая Зеландия	5,9	0,40	0,39	0,39
Итого Запад	40,1	29,3	23,6	20,7
Восточная Азия	8,7	26,5	25,6	21,3
Юго-Восточная Азия	3,8	7,3	8,6	8,8
Южная Азия	3,3	18,2	21,2	23,4
Арабо- Мусульманский мир	11,9	4,5	6,5	8,2
Тропическая Африка	15,8	7,4	9,2	13,8
Итого Восток	43,5	63,9	71,1	75,5
Евразия (12 стран)	16,4	6,9	5,3	3,8
- РФ*	12,7	4,1	2,8	1,9
МИР-100%, млн. кв.км, млн. человек	134,8	2533	5281	7677

*) в границах 2019 г.
 Рассчитано по: [2, 3, 4, 7].

В большинстве макрорегионов весьма интенсивные демографические процессы (высокая рождаемость – умеренная смертность) все яснее трансформировались в современные модели, сходные с уже реализованными развитыми странами. Исключение составлял регион Тропической Африки (Африки южнее Сахары). Напротив, миграционная составляющая

изменения численности населения имела тенденцию к увеличению. Этому способствовал ряд причин, непосредственно связанных с процессом пространственной экономической дифференциации мирового хозяйства. Внешние миграции позволяли в определенной степени тормозить развитие региональных демографических проблем, перераспределяя население «трудоизбыточных» регионов в пользу «трудодефицитных».

Крупное перераспределение численности населения имело место на мегарегиональном уровне. Если в 1950 г. на «Западную» мегацивилизацию приходилось более 29 % численности мирового населения, то к 2019 г. эта доля снизилась до менее 21 %. При этом абсолютное число ее жителей увеличилось более чем вдвое – с 741 до 1588 млн. Удельный вес двух ведущих западных макроцивилизаций – Западной Европы и Северной Америки несмотря на весьма активную иммиграционную политику неуклонно снижался: с 18,6 в 1950 г. до 10,3 % в 2019 г. Продолжение данной тенденции серьезно уменьшает возможности возвращения состояния «однополярности» (доминирования «Запада»).

Отмечалось ускоренное относительное сокращение удельного веса Евразийского макрорегиона (с 6,9 до 3,8 % за 1950–2019 гг.), что «передвинуло» его в списке с 5 на 9 место из 11 макрорегионов мира). В период 1990–2019 гг. численность населения Евразии при низкой плотности практически не росла (всего +4 %), что сигнализировало о признаках серьезного цивилизационного кризиса. Напротив, располагая временными преимуществами «демографической молодости» структуры населения государств, формирующих «Восток», уверенно укрепляли свои позиции в глобальном масштабе. Доля мегарегиона за период 1950–2019 гг. увеличилась с 63,9 до 75,5 %, а в абсолютном выражении с 1618 до 5797 млн. человек. На нынешнем этапе здесь формируется «двухполюсная» (как и на «Западе») модель с доминированием регионов Восточной и Южной Азии. Причем, начиная с 2010-х годов, первенство в численности населения все больше смещается в пользу Южной Азии (ведущие страны – Индия, Пакистан и Бангладеш). По состоянию на 2019 г. в Южной Азии проживало более 23 %

мирового населения (1798 млн. человек)—больше чем во всем «западном» мегасообществе. Безусловно, выявленные особенности роста и перераспределения численности населения в последние десятилетия свидетельствуют об относительном ослаблении влияния главных регионов «Запада» и укреплении сильных конкурентов в лице Восточной и Южной Азии и с вероятным выдвиганием в более отдалённой перспективе Тропической Африки.

Рассмотрим другой важнейший аспект эволюции региональных цивилизаций—уровень экономического развития. Современные исследования, в частности проводимые Гронингенским университетом, позволяют, в целом достаточно объективно, оценить в сопоставимых ценах и по паритетам покупательной способности объёмы производства ВВП большинства государств, начиная с середины XX в. [7]. Наши оценки абсолютных и душевых объёмов ВВП производились на основе долларовых цен 2019 г. и по паритетам покупательной способности 2017 г.

В последние десятилетия в соотношении экономических сил на глобальном уровне произошли и происходят решительные сдвиги. После серьёзного кризиса 2007–09 гг. экономически развитые государства значительно сдали свои позиции в мировом хозяйстве. Впервые с начала капиталистического периода развития человечества совокупная экономическая мощь «Востока» превзошла потенциал «Запада». По оценкам на 2019 г. соотношение между мегацивилизациями по удельному весу в глобальном хозяйстве (по ВВП) составило 50,0 к 45,3 % в пользу «Востока» (см. таблицу 2). За период 1950–2019 гг. Западная мегацивилизация последовательно теряла свои позиции, уменьшив процентную долю в мировой экономике на 34 %. Падение ускорилось в 1990-е гг., когда усилилось перераспределение мощностей материального производства в слабо- и среднеразвитые страны.

Тем не менее долгое время (1950–1990 гг.) «Западу» удавалось не только сохранять, но и наращивать превосходство по другому важнейшему индикатору развития—уровню душевого производства ВВП. В 1950–1990 гг. этот уровень здесь возрос

с 233 до 244 % (мир – 100 %). Но тем ошутимее стало падение в последующие годы (до 219 %).

Таблица 2

Производство ВВП (ППС) и уровни душевого ВВП культурно-цивилизационных макрорегионов мира в 1950–2019 гг.

Показатель	Производство ВВП, в% от мирового			Душевое производство ВВП, в% от мирового		
	1950 г.	1990 г.	2019 г.	1950 г.	1990 г.	2019 г.
Западная Европа	26,6	20,2	16,2	221	283	292
Центральная и Восточная Европа	5,4	3,3	2,9	146	133	183
Северная Америка	26,9	23,1	17,5	409	439	368
Латинская Америка	8,0	9,9	7,6	122	118	90
Австралия и Новая Зеландия	1,4	1,2	1,2	354	316	299
Итого Запад	68,3	57,7	45,3	233	244	219
Восточная Азия	5,9	14,3	23,9	22	56	112
Юго-Восточная Азия	2,7	4,6	6,4	37	53	73
Южная Азия	4,3	5,0	8,9	23	23	38
Арабо-Мусульманский мир	4,5	8,6	7,7	101	132	94
Тропическая Африка	3,5	3,0	3,1	47	33	23
Итого Восток	20,8	35,5	50,0	33	50	66
Евразия (12 стран)	11,0	6,9	4,7	160	131	123
- РФ*	6,7	4,2	3,2	165	150	168
МИР	100,0	100,0	100,0	100	100	100

*) в границах 2019 г. Рассчитано по: [2, 3, 4, 7].

Особенно большие потери понесли ведущие макрорегионы «Запада». Северная Америка снизила свой удельный вес в мировом хозяйстве за 1950–2019 гг. с 26,9 до 17,5 % (падение доли на 35 %). Западная Европа – в еще большей степени – с 26,6 до 16,2 % (на 39 %). В совокупности на два ведущих центра капитализма теперь приходится лишь около трети производства глобального ВВП, тогда как в середине XX в. свы-

ше 53 %. Конечно, интернационализация экономики, массовый перевод производственных мощностей в менее развитые страны (но с сохранением фактического контроля «Западом») не позволяют говорить о существенной утрате былых позиций хозяйствующими субъектами наиболее развитых макрорегионов в глобальной экономике, но заметные сдвиги в ее территориальной структуре – налицо.

В противовес «Западу» «Восток» развивался весьма динамично. За рассматриваемый период ему удалось повысить свой удельный вес в мировой экономике почти в 2,5 раза: с 20,8 до 50 % и в значительной степени преодолеть хроническую отсталость хозяйства, складывавшуюся с XIX в. Позитивные сдвиги наблюдались не только в абсолютных показателях производства ВВП. Уверенно и достаточно равномерно нарастал уровень душевого производства ВВП (относительно мирового): в 1950–2019 гг. он изменился с 33 до 66 % (рост уровня на 103 %).

Произошло формирование ярко выраженного региона – лидера Востока – Восточной Азии. Более того в последние годы Восточная Азия закрепились на первом месте среди всех макрорегионов мира, производя почти 24 % мирового ВВП. Вместе с тесно связанной с ней Юго-Восточной Азией оба региона производили более 30 % мирового ВВП, что в основном и предопределило перемещение фокуса мирового экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. Прогресс в абсолютном наращивании хозяйственного потенциала сопровождался уверенным ростом уровня душевого производства. Он увеличился в макрорегионе Восточной Азии радикально – с 22 до 112 %. Явный подъём испытывали и другие макрорегионы «Востока». Заметны успехи Юго-Восточной Азии. После 1990 г. вышла на путь динамичного развития Южная Азия, возглавляемая Индией. Очевидные трудности испытывала только Тропическая Африка, которой так и не удалось перейти к устойчивому догоняющему развитию. С уровнем душевого производства ВВП 23 % от мирового регион укрепился на последнем месте в глобальном сообществе макроцивилизаций. Имелись значительные трудности в развитии Евразийского ма-

крорегиона. В период 1950–2019 гг. он снизил свой удельный вес в мировой экономике в 2,4 раза: с 11 до 4,7%. Показатель ведущего государства – России уменьшился в 2 раза: с 6,7 до 3,2%. Наиболее существенный регресс пришелся на 1990-е годы – период геополитической катастрофы. До 1990 г. уменьшение удельного веса носило умеренный характер и в целом по динамике напоминало траекторию развития стран «Запада». Однако последовавшие трансформации в обществе не привели к существенным позитивным экономическим результатам. В 1950 г. Евразийский макрорегион по производству ВВП занимал 3 место в мире, а в 2019 г. – 8-е. Несколько более благоприятной была динамика (отрицательная с 1960-х гг.) уровня душевого производства, но здесь следует учитывать долговременную тенденцию стабилизации численности населения на большей части региона. Общая геоэкономическая обстановка в Евразийском регионе после 1991 г. на фоне мирового развития в целом складывалась неблагоприятно. При сохранении формального контроля над обширной территорией наблюдались большие потери в удельном весе в мировом сообществе по численности населения и экономическому потенциалу. Не удалось преодолеть центробежные тенденции в развитии постсоветского пространства. Под возраставшим деструктивным/конкурентным внешним воздействием усиливалась внутренняя дифференциация Евразийского макрорегиона.

Смысловое содержание понятий «культура» и «цивилизация» имеет пространственную определенность. По своей внутренней структуре «культура» и «цивилизация» охватывают самый широкий спектр общественных процессов и в высокой степени отвечают потребностям политико-географических исследований. В настоящее время становится очевидным перенос фокуса международной конкуренции с национального на наднациональные макро- и мегауровни, сопряженные с соответствующими культурно-цивилизационными макрорегионами. По комплексу системообразующих признаков путем группировки государств мира нами выделяются 11 культурно-цивилизационных макрорегионов. По 5 из их числа формируют мегарегионы «Запада» и «Востока». Евразийский макроре-

гион занимает особое положение. В последние десятилетия на мегарегиональном уровне имело место крупное перераспределение численности населения и экономического потенциала в пользу «Востока». «Запад» и Евразийский макрорегион теряли свои позиции.

Список источников и литературы

1. Кочетов, Э.Г. Принципы построения стратегии внешнеэкономического развития Российской Федерации до 2050 года (геоэкономический подход: базовые акценты и основания научно-концептуального и государственно-доктринального плана) (Статья первая) / Э.Г. Кочетов // Безопасность Евразии.– 2008.– № 4, октябрь–декабрь.– С. 1–28.
2. «Маддисон-проект» [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm>
3. Материалы Всемирного банка [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>
4. Материалы ООН [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://data.un.org/>
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.–М.: АСТ, 2007.– 576 с. 6. Яковец, Ю.В. История цивилизаций: Учеб. пособие, 2-е изд. / Ю.В. Яковец.–М.: Гуманит. изд. центр ВЛА-ДОС, 1997.– 347 с. 7. Groningen Growth and Development Centre [Электронный ресурс].–Режим доступа: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/>

SOCIO-ECONOMIC FOUNDATIONS OF THE CULTURAL AND CIVILIZATIONAL PARADIGM OF GEOPOLITICS

Makhnovsky D. E.¹

¹St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg Russia

From the standpoint of the system approach, the features, the main regularities of the formation, socio-economic evolution of cultural and civilizational communities of mega- and macro levels as a factor of political and geographical differentiation of mankind are considered. The concept of cultural and civilizational regions is given. The diverse role of culture in the formation of regional and national-state originality of the territory is investigated. The problems of developing a definition of the concept of “civilization” and its relationship with the concept of “culture” are considered. The prospects of using the cultural and civilizational paradigm in a wide range of political and geographical studies are emphasized. The content of the main groups of factors of cultural and civilizational regional formation is determined. Based on the use of extensive statistical

material, since the middle of the twentieth world, a conclusion is made about a large-scale spatial, interregional redistribution of global demographic and economic potentials in favor of the macroregions of the East. The complex, associated with the continuing reduction of the share in the world community in terms of the main indicators of economic and demographic potentials, the geo-economic situation of the Eurasian cultural and civilizational macroregion is stated.

Key words: civilization, culture, cultural and civilizational region, geoeconomics, GDP.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА, МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Антончева О. А.¹, Апанасенко Т. Е.²

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Находясь ещё у истоков своего формирования, геополитические концепции обосновывали необходимость войн и завоеваний ссылками на особую роль географического фактора в мировой политике, предопределяющего борьбу за определенные территории. Поэтому эти концепции являются важнейшими источниками направления политического реализма. Однако теории геополитической ориентации нашли себя и в модернистской, и в постмодернистской парадигме теории международных отношений.

Модернизм – парадигма теории международных отношений, основными чертами которой является стремление внедрить в теорию международных отношений результаты и методы точных наук. Нередко эти черты сопровождаются уверенностью в способности теории международных отношений решить ряд социальных проблем, в том случае, если она приблизится к точной науке.

Геополитика в рамках модернизма с его манифестом улучшения общества на научной основе характеризовалась отказом от сотрудничества с государством, беря на себя роль скорее либерального критика государства, чем разработчика рекомендаций для него.

Эволюция геополитики от политического реализма к модернизму обязана своим существованием государствоцентричным и эгалитаристским тенденциям. Проникновение же в арсенал политической географии постмодернистских методов связано с важностью символического взаимодействия в современном мире.

Ключевые слова: геополитика, политический реализм, модернизм, пост-модернизм, политическая география.

Анализ причин утверждения определенных идей в сфере теории геополитики призван выявить реальные потребности общественного развития, сферы системы международных отношений современного мира, чем и определяется актуальность рассмотрения проблемы эволюции геополитики сквозь призму политического реализма, модернизма и постмодернизма.

Целью настоящего исследования является выявление периодов развития геополитики в соотношении с этапами доминирования в теории международных отношений парадигм политического реализма, модернизма и постмодернизма и определение причин эволюции геополитики.

Задачи исследования:

- описание процесса формирования геополитики в качестве источника направления политического реализма;
- выявление основного признака принадлежности геополитических теорий к парадигме политического реализма;
- характеристика модернизма как парадигмы теории международных отношений;
- анализ принятия геополитическими теориями основных черт модернизма;
- выявление характеристик постмодернизма как парадигмы теории международных отношений, важных для геополитики;
- определение важнейших особенностей постмодернистской геополитики;
- формулировка причин эволюции геополитической теории.

Основным методом исследования является компаративный, позволяющий выявлять с помощью сравнения общее и особенное в научных теориях и школах.

Геополитика как источник политического реализма. Геополитика как наука возникла, чтобы определить ключевую роль географического фактора в мировой политике. В качестве

такого географического фактора выступали определенные территории и акватории. Они предстали как объект борьбы государств за обладание ключевой позицией в системе международных отношений. Поэтому геополитика явилась источником направления политического реализма в теории международных отношений. В частности, в качестве источника политического реализма можно назвать теории Р. Челлена, У. Джилпина, А. Уитни, М. Мори, А. Мэхэна [1, 2], Х. Маккиндера [3, 4], К. Хаусхофера [5], Н. Спикмена [6], Э. Хантингтона [7], Ж. Готмана [8], П. Видаля де ла Блаша [9], С. Валло [10], И. Лакоста, Ж. Никола [11].

Политический реализм—это направление теории международных отношений, сложившееся, прежде всего, в США в послевоенный период [13, 14, 15, 16, 17, 18]. Это направление отразило соотношение сил в мире в период холодной войны. Расцвет данного научного направления пришелся на период конфронтации сторон в биполярном мире. Научная мысль тогда была убеждена в неизбежности антагонистического столкновения государств на международной арене. Политический реализм выдвинул тезис об основополагающей роли принуждения в международных отношениях. Согласно политическому реализму, на внутригосударственном уровне есть средства сдерживания асоциальных стремлений индивидов и отдельных групповых корпораций. В межгосударственных отношениях нет таких средств, поэтому там основополагающую роль начинает играть принуждение, сила. Категорию «сила» политический реализм выдвигает на роль основополагающего понятия политической науки. Политический реализм объявил основной целью политической деятельности национальный интерес, определяемый страной и не предполагающий каких-либо ограничений, кроме силы противостоящей стороны.

Политический реализм объявил своим теоретическим источником геополитику А. Мэхэна, Х. Маккиндера, Г. Хаусхофера, Н. Спикмена наряду с позитивизмом, неопозитивизмом, прагматической философией Дж. Дьюи и Н. Макиавелли, эстетической теодицеей противоречий мира Августина Гиппонского, теорией асоциальных устремлений человеческой природы Т. Гоббса.

Школа политического реализма, руководимая Г. Моргентау, выдвинулась на ведущую роль в конце 40-х годов, оттеснив с доминирующей позиции в области исследования международных отношений все предыдущие направления, объединенные тем, что они не считали категорию «сила» основополагающей. Сторонники политического реализма назвали их «идеализмом» [12]. Однако в 50–70-е гг. политические реалисты были вынуждены сдать свою позицию под натиском модернистов, которые объявили первых такими же традиционалистами, далекими от внедрения новейших достижений науки, как «идеалисты».

Модернизм и рождение политической географии как антигеополитики. Модернизм – понятие, строго говоря, имеющее два значения: как неопределенного культурного феномена и как строго определенной парадигмы теории международных отношений, которые, впрочем, во многом пересекаются.

В первом значении модернизм – определяемое, скорее, для противопоставления постмодернизму, чем имеющее самостоятельное значение, обозначение тенденций в культурном самосознании Запада. Эти тенденции берут истоки в рационализме, прежде всего, в рационализме Нового времени и в философии эпохи Просвещения. Основными чертами такого рационализма являются вера в общественный прогресс на основе развития научных знаний, а также рационалистические онтология и гносеология, провозглашающие, что действительность однозначна в своем существовании и восприятии, что она поддается познанию, теоретическому осмыслению и систематизации. Познание действительности дает возможность ее преобразования, перевода из неразумного состояния в разумное.

Во втором значении модернизм – это парадигма теории международных отношений, основными чертами которой являются опора на неопозитивизм в его технократическом выражении, стремление внедрить в теорию международных отношений результаты и методы естественных и технических наук, отказ от приемов анализа, не дающих выхода на возможность использования результатов точных наук. Нередко эти черты

сопровождаются уверенностью в способности теории международных отношений, в том случае, если она приблизится к точной науке, решить ряд социальных проблем, что роднит модернизм международных отношений с общекультурным модернизмом [19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29].

Именно эта гуманистическая цель модернизма в обоих значениях данного термина вдохновила геополитику. Она стала называться политической географией, чтобы противопоставить традиционные цели геополитики, коими являются поиск территорий как зон, удобных для экспансии или удержания гегемонии, – новой цели: решению социальных проблем методами, близкими к методам точных наук.

Термин «политическая география» стал употреблять Ф. Ратцель, хотя он как раз был классическим геополитиком экспансионистского политико-реалистического толка. В период между двумя мировыми войнами употреблялись оба термина, причем «геополитика» была синонимом внешней долгосрочной современной политики конкретного государства, а политическая география же изучала общие тенденции внешнеполитического мирового развития. Категория «национального интереса» не стояла в центре системы политической географии, а мировой порядок отождествлялся с гармоничным, космическим порядком. Впоследствии в гуманистической традиции (которая не считала экспансию необходимостью) термин «политическая география» вытеснил термин «геополитика» только потому, что последний был скомпрометирован нацистской идеологией. Во Франции политическая география сложилась как ответ на «политическую географию» Ратцеля. У истоков этой традиции стоял П. Видаль де ла Блаш. И хотя он тоже, скорее, был геополитиком, чем политическим географом, и отличался от Ратцеля тем, что ввел в его систему индетерминистскую установку, идея свободы воли позволила привнести в геополитическую проблематику гуманистическую струю. Французская версия геополитики оказалась проникнутой видалианским духом [30]. В англоязычной традиции употребляется термин «гуманистическая география» [31].

Обновленная геополитика характеризовалась отказом от

сотрудничества с государством, беря на себя роль, скорее, либерального критика государства, чем разработчика рекомендаций для него. Теоретические проблемы переместились с поиска удобных для старта экспансии зон на бедность, диспропорциональное развитие, охрану окружающей среды, борьбу за экологию и рациональное управление ресурсами.

Работающими моделями в рамках модернистской парадигмы были бихевиористские. Их априорной установкой был индивидуализм, стремление вырвать личность из-под детерминирующей власти общества (ей следует видалианская концепция свободы воли). Усиление этой тенденции, противопоставившей себя структурализму, не порывая с ним, произошло в рамках постмодернистской парадигмы [32].

Постмодернистская геополитика. Постмодернизм, в отличие от модернизма, не является в точном смысле слова парадигмой теории международных отношений. Это, скорее, общекультурное явление, к духу которого последняя «подстроилась».

Постмодернизм – совокупность философско-методологических установок, применяемая при анализе культурной действительности. По своей постмодернистской природе эта совокупность не может быть системой или школой. Однако в теории международных отношений существует некоторое подобие постмодернистской школы, сторонники которой группируются вокруг Р. Эшли [32], У. Конноли [33, с. 59] и Р. Уолкера [34]. Наиболее существенным для геополитики в арсенале постмодернистских научных методов является отрицание материальной реальности и постулирование большей важности реальности символической. Определенные территории, государственные границы, военные базы, материальные ресурсы также начинают приобретать, главным образом, символическое значение, которое и является стратегическим ресурсом.

М. Мерль приспособил теории символического производства П. Бурдьё и Б. Бади к геополитическим проблемам. Р. Дебре заложил традицию отказа трактовать геополитические проблемы отдельно от дистинктивных концепций и риторических стратегий.

Дистинкция – фигура речи, через которую обозначается акт познания, отражающий объективное различие между реальными предметами и элементами сознания. Основоположителем изучения политики в рамках дистинктивной методологии является П. Бурдьё с его классическими для этой сферы работами «Дистинкция, социальная критика суждения» (1979) и «Практический смысл» (1980). Дистинктивные концепции предполагают отдачу приоритета эпистемологическим проблемам; проблемам языка, перцепции и коммуникации; рассмотрение объектов политологического анализа (классов, групп интересов, государств, союзов государств) не как данных, а в их становлении как продуктов идеологических манипуляций. Такие объекты рассматриваются в их субъектности как выходящие из-под контроля создавшего их манипулятора и оказывающие обратное воздействие на него, подобно тому, как читатель преобразует читаемый им текст. Такой лингвистический подход к коммуникационной теории политики способствовал «рэматериализации» политической действительности, элиминации из нее материального фактора.

В рамках геополитического анализа такой подход предполагает, что территории, ключевые, для установления преимущества, обязаны своим ключевым статусом тому символическому значению, которое они имеют. Например, объект борьбы между Францией и Германией на протяжении конца XIX и большей части XX в. – Эльзас и Лотарингия – имел значение не в силу своих каких-то природных, географических преимуществ, а символизировал право на гегемонию в Европе.

Причины эволюции геополитики к модернизму и постмодернизму. Эволюция геополитики от политического реализма к модернизму обязана своим существованием государственноцентричным и эгалитаристским тенденциям, которые легко объяснимы в рамках общего прогресса человечества.

С большим трудом поддается объяснению отказ геополитики от географического фактора в рамках постмодернизма. Причина кроется в социальной действительности, в которой постепенно происходит снятие проблемы диктата материального фактора. Это проявляется в исключении насилия из си-

стемы международных отношений Западного мира, преобладании символического фактора среди средств осуществления социальных отношений, нашедшем яркое воплощение в послевоенной эволюции мировой валютной системы.

Речь идет об элиминации материального обеспечения денежной единицы и наполнения ее обеспечением исключительно авторитетом эмитента при установлении Бреттон-Вудской валютной системы и особенно при ее крахе. Возникновение криптовалюты отражает потребность общества в необеспеченной денежной единице, имеющей потенциал преобразить мировую экономику.

Денежная единица – мерило материальных стоимостей с введением Бреттон-Вудской системы перестала быть привязанной к конкретному материальному благу, она стала обеспечиваться не золотом, а благоприятным мнением участников монетарной системы о валюте Соединенных штатов, то есть чем-то весьма эфемерным, символическим. Система плавающих валютных курсов еще более усилила эту тенденцию. Экономическая борьба в сфере международных отношений переместилась с уровня материальных ресурсов и территорий как источников сырья и рынков сбыта на уровень формирования мнения.

Возникновение криптовалюты отражает потребность современного мира в необеспеченных деньгах для беззатратного маневрирования ликвидностью.

В обновленном мире успех приносит линия поведения, делающая ставку на нематериальные факторы.

Геополитика послужила источником такого направления исследования международных отношений, как политический реализм, и долгое время развивалась в рамках парадигмы политического реализма. Главным на данном этапе эволюции геополитики был поиск зон, благоприятных для старта экспансии.

В рамках парадигмы модернизма геополитика, часто в противовес своим былым экспансионистским тенденциям называющая себя политической географией, сосредоточилась на проблемах диспропорционального развития и овладении арсеналом точных наук.

В рамках парадигмы постмодернизма геополитика, в противовес географическим, материальным факторам международной жизни, обратила внимание на символическую составляющую этих факторов.

Эволюция геополитики от политического реализма к модернизму объясняется общепрогрессистскими тенденциями, от модернизма к постмодернизму – ростом значения средств символического воздействия, особенно наглядно отразившимся в современной валютной системе.

Список источников и литературы

1. Mahan A. T. *The Influence of Sea Power on History, 1660–1783*. L., 1889.
2. Mahan A. T. *The Interest of America in Sea Power. Present and Future*. L., 1898.
3. Mackinder H. J. *Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction*. L., 1910.
4. Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History* // *Geographical Journal*, 1904, Vol. 24, N4, p. 421–44.
5. Korinman M. *Quand l'Allemagne pensait le monde. Grandeur et décadence d'une géopolitique*. P., 1990.
6. Spykman N. J. *The Geography of Peace*. N. Y., 1944.
7. Huntington E. *Mainsprings of Civilisation*. N. Y., 1945.
8. Gottman J. *La politique des Etats et leur géographie*. P., 1952.
9. Vidal de la Blache P. *La géographie politique à propos des écrits de Mr Frédéric Ratzel* // *Annales de Géographie*, 1898, N7, p. 79–111.
10. Vallaux C. *Le sol et l'Etat*. P., 1911.
11. Nicola G., Guanzini C. *Ancient History for the Future: the Political Role of Geography*. Lausanne, 1993.
12. Kipnis K., Meyers D. T. (eds.). *Political realism and International Morality*. Boulder, 1987.
13. Snyder R., Furness E. *American Foreign Policy. Formulation, Principles and Programs*. N. Y., 1954.
14. Osgood R. *Ideas and Self-Interest in America's Foreign Relations. The Great Transformations of the Twentieth Century*. Chicago, 1953.
15. Morgenthau H. *Politics in the Twentieth Century*. Chicago, 1962.
16. Dougherty J., Pfaltzgraff R. *Contending Theories of International Relations*. N. Y., 1971.
17. Manning C. A. W. *The Nature of International Society*. L., 1975.
18. Wight M. *Power Politics*. Leiceston, 1978.

19. Nicholson M. *Rationality and the Analysis of the International Conflict*. Cfmbr., 1992.
20. Nicholson M. *The Scientific Analysis of Social Behaviour: A Defence of Empiricism in Social Science*. L., 1983.
21. Russet B. (ed.). *Economic Theories of International Politics*. Doston, 1968.
22. Vasquez J. A. *The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings // World Politics*, 1987, vol. 40, N1, p. 108–45.
23. Singer J. D., Diehl P. F. (eds.). *Measuring the Correlates of War*. Ann Arbor, 1990.
24. Cioffi-Revilla C. *The Scientific Measurement of International Conflict. A Handbook of Datest on Crisis and Wars 1495–1988*. L., 1990.
25. Midlarsky M. (ed.). *Handbook of War Studies*. L., 1989.
26. Hagluna D., Hawes M. (eds.). *World Politics: Power, Interdependence and Dependence*. Toronto, 1990.
27. Bennet P., Nicholson M. *Formal Methods of International Relations Theory Analysing / Groom A. J. R., Light M. (eds.). Contemporary International Relations. A Guide to Theory*. L., 1994.
28. Bennet P. (ed.). *Analysing Conflict and Its Resolution: Some Mathematical Contributions*. Oxf., 1987.
29. Luterbacher U., Ward M. (eds.). *Dynamic Models of International Conflict*. Boulder, 1988.
30. Demangeon A. *Le Déclin de l'Europe*. P., 1970.
31. Ley D., Samuels M. S. (eds.). *Humanistic Geography*. L., 1978.
32. Ashley R. K. *Living on Borderlines: Man, Poststructuralism and War / Der Derian J., Shapiro M. J. (eds.). International/Intertextual Relations: Postmodern Readings in World Politics*. Lexington, 1989, p. 259–321.
33. Brown C. *Critical Theory and Postmodernism / Groom A. J. R., Light M. (eds.). Contemporary International Relations. A Guide to Theory*. L., 1994, p. 56–69.
34. Walker R. B. J. *Culture, Discours< Insecurity // Altenatives*, 1986, vol. 11, N4, p. 485–504.

THE EVOLUTION OF GEOPOLITICS THROUGH THE PRISM OF THE PARADIGM OF POLITICAL REALISM, MODERNISM AND POSTMODERNISM

Antoncheva O.A.¹, Apanasenko T.E.²

¹North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

²Independent researcher, St. Petersburg, Russia

Being still at the origins of their formation, geopolitical concepts justified the need for wars and conquests by references to the special role of the geographical factor in world politics, which predetermines the struggle for certain territories.. Therefore, these concepts are the most important sources of the direction of political realism. However, theories of geopolitical orientation found themselves in both the modernist and postmodern paradigms of the theory of international relations.

Geopolitics within the framework of modernism with its manifesto for the improvement of society on a scientific basis was characterized by a refusal to cooperate with the state, taking on the role of a liberal critic of the state rather than a developer of recommendations for it.

The evolution of geopolitics from political realism to modernism owes its existence to state-centric and egalitarian tendencies.. The penetration of postmodern methods into the arsenal of political geography is associated with the importance of symbolic interaction in the modern world.

Key words: geopolitics, political realism, modernism, postmodernism, political geography.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС»

Писаренко С. В.¹

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Автор рассматривают содержание понятия «геополитический интерес», как импульс становления геополитических отношений среди участников международных отношений через призму понятий «геополитический потенциал региона», «геополитическая конструкция».

Ключевые слова: геополитика, политическая география, теория геополитики, геополитическая конструкция (концепт), геополитический интерес, система.

В современных условиях влияние внешнего фактора на развитие государств в экономической, политической, социальной сферах становится все более весомым, проявляющееся не только в формировании или изменении территориальных структур страны, но и на ее состоянии политической системы, ее ответной реакции.

Данные явления предлагается рассматривать через понятия «геополитический потенциал региона» и «геополи-

тическая конструкция» [1], которые позволяют указать на влияние/взаимосвязь/отношение внутренней и внешней пространственной (геотерриториальной) организованностью одного государства в отношении другого (шире – одного актора международных отношений в отношении другого). Под внутренней пространственной организованностью понимается традиционная концепция – территориальная организация страны, под вторым – система различных ресурсов (пространственных, производственно-экономических, финансовых, социокультурных, логистических, информационных и т. д.) и отношений за пределами государственной территории [1].

Существующая система международных отношений (далее МО) сложное структурное образование, реализующееся через парадигму национальных интересов. При этом нельзя не учитывать деятельность террористических ячеек, групп международного бандитизма, транснациональных компаний, общественных и экономических институтов как фактора, оказывающего существенное влияние на развитие национального общества, культуры, экономики. Негосударственные образования имеют разные типы территориального расположения, характеризующиеся как глобально-дисперсное, дисперсное, концентрирующихся ядер и находятся вне норм международного права.

Вместе с этим вышеобозначенные категории геополитики не позволяют объяснить поведение акторов и субъектов МО как частных целостных систем на политической карте мира, и ответить на вопрос, что заставляет их «двигаться». Под движением понимается не только известные количественные и качественные сдвиги, а стремление акторов и субъектов МО как отдельных систем к достижению цели.

В качестве ответа на поставленный вопрос, на первый взгляд, легко объясняется теорией этногенеза Л. Н. Гумилева – пребывание этноса в той или иной фазе развития определяет поведение страны на политической карте мира [2]. Но данная теория не подтверждена и не опровергнута, страны полиэтничны, а в структурах корпораций работают представители различных народов.

В качестве импульса движения акторов и субъектов МО на

политической карте мира выступает реализация политики национальных интересов, которые становятся геополитическими, если ее (политики) целью становится контроль ресурсов, рынков за пределами национальной территории, достижение статуса мирового/регионального лидера или державы.

Построение национальных (геополитических) интересов основывается на безопасности государства/актора; потребностях для обеспечения жизнедеятельности акторов и субъектов МО. Речь идет о географии потребления [3], т.е. о соотношении потребляемого и производимого, наличии ресурсов, и как следствие, формирование структуры потребностей страны; повышении благосостояния населения; решении глобальных проблем/вызовов; желании приобрести доходы. Как правило, данные постулаты заложены в конституции, стратегических документах и определяют общий вектор развития как внутри государства, так и во вне.

Вместе с этим геополитические интересы характеризуются рядом дихотомических функциональных признаков: устойчивость/изменчивость, объективность/субъективность, гомогенность/гетерогенность, осознанность/неосознанность, эксплицитность/имплицитность [4].

Определение геополитических интересов страны осуществляется по следующим направлениям:

- анализ (контент-анализ) нормативно-правовых документов в сфере внутренней и внешней политики; в сфере социально-экономического характера, освоения и развития территорий;
- анализ географии поездок первых лиц государства и спектра обсуждаемых вопросов;
- анализ (сетевой, больших данных) высказываний в социальных сетях не только первых лиц государств, политиков, но и граждан по проблемным вопросам развития округа/города/района (электоральное поведение);
- анализ структуры внешнеэкономической торговли в региональном разрезе.

В результате формируется территориальная структура ма-

трицы геополитических интересов по регионам/странам.

Приведем в качестве примера результаты исследования, в котором показаны изменение геополитического кода США [5]. Индикаторами которого стали география и количество поездок президентов США с 1988–2008 гг., дискурс их выступлений [5]. Авторы приходят к выводу: интересы США охватили все континенты, и сегодня сосредоточены, прежде всего, на Восточной Азии [5]. Сменилась модель дискурса: от холодной войны, ориентированной на Советский Союз и его союзников, на терроризм и акторов, бросающих вызов геополитическому авторитету США. Прежде всего, это связано с появлением новых игроков на мировой арене и вызовов [5].

Особую роль во внешнеполитической деятельности играют соответствующие национальные ведомства (МИД), исследовательские институты, которые проводят анализ страны в социальном, экономическом, политическом и прочих измерениях, выявляют проблемы или вызовы, угрожающие национальным интересам, составляют дорожные карты по регулированию проблем, разрабатывают программы с соответствующим финансированием. Подобные отчеты и результаты изысканий обсуждаются, к примеру, в парламенте [6] с последующим определением тактических и стратегических целей внешней политики.

В настоящей работе намечены контуры будущих исследований. Вместе с этим представляется необходимость осознания условий (общественно-экономических), в которых пребывает актор или субъект МО с целью определения типов их поведения как частной геополитической системы. В свою очередь это позволит проводить геополитическое прогнозирование и моделирование, результаты которых будут иметь явный прикладной характер.

Таким образом, результатом исследования стало определение содержания термина «геополитический интерес», представляющего собой необходимый импульс для развития актора/ субъекта МО, для их «движения» на политической карте мира, достижения цели. Определение основ формирования национальных интересов, и условие их перехода в геополитические.

Изучение территориальных структур матрицы геополитических интересов акторов/субъектов МО в региональном разрезе представляется наиболее важным направлением научной рефлексии геополитики и политической географии.

Благодарности. Я благодарю своих учителей Иванову Наталью Васильевну (к.г.н., доцент ОмГПУ) и Гладкого Юрия Никифоровича (д.г.н., профессор РГПУ им. А.И. Герцена, член-корр. РАО) за всеобъемлющую поддержку во всех аспектах нашего исследования.

Список источников и литературы

1. Писаренко С.В., Гладкий Ю.Н. «Геополитическая конструкция», «геополитический потенциал» как основные понятия геополитики // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. Серия Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 154. – 129–137;
2. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспресс, 1993. – 576 с.
3. Корнекова С.Ю., Мартынов В.Л., Файбусович Э.Л. Новые направления в общественно-географических науках / С.Ю. Корнекова, В.Л. Мартынов, Э.Л. Файбусович. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 107 с.
4. Драганов Александр Александрович, Геополитические интересы современного Ирана в Кавказском регионе специальность 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки) автореферат на соискание ученой степени кандидат политических наук. – Пятигорск, 2011, с. 27.
5. Colin Flint, Michael Adduci, Michael Chen, Sang-Hyun Chi Mapping the Dynamism of the United States' Geopolitical Code: The Geography of the State of the Union Speeches, 1988–2008 // Geopolitics. – 2009. – № 14:4. – p. 604–629 – DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14650040802693929>
6. Second Report from the Foreign Affairs Committee Session 2007–08 Global Security: Russia / Response of the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs: Presented to Parliament By the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs By Command of Her Majesty, February 2008. – London, Stationery office book, 2008, p. 31.

KTO THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE CONCEPT OF “GEOPOLITICAL INTEREST”

Pisarenko S. V.¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russia

The author consider the content of the concept of “geopolitical interest” as an impulse for the formation of geopolitical relations among the participants in international relations through the prism of the concepts of “geopolitical potential of the region”, “geopolitical construction (concepts)”.

Keywords: geopolitics, political geography, theory of geopolitics, geopolitical construction (concepts), geopolitical interest, system

ТЕОРИЯ СВЯЗНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В ГЕОПОЛИТИКЕ

Когут В. Г.¹, Нурышев Г. Н.²,

¹Секретариат Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия

В работе проводится анализ теории связности территорий в геополитике. В рамках этой теории рассматриваются виды связности территорий. Подчеркивается важное место в теории транспортной связности территорий. Исследуются различные аспекты транспортной теоремы. Выделяется особая роль стратегической связности территории страны в геополитике. Предлагаются меры по укреплению связанности всего геополитического пространства страны.

Ключевые слова: связность, геополитика, энтропия, инфраструктура, коннектография, конфигурация, фрагментация.

Сохранение стагнационной модели управления экономическими процессами привело к деградации больших территорий России, что вызвало существенное ослабление геополитической связности ее регионов, угрожая национальной безопасности страны. Поэтому исследование теории и проблем связности территорий в геополитике представляется сегодня весьма актуальной.

Связность территорий играет важную роль в геополитике любого государства. Во внутренней геополитике она обеспе-

чивает прежде всего, территориальную целостность государства [1, с. 83–86]. Теория связности территорий предполагает, что объекты, составляющие общее пространство, взаимодействуют друг с другом. С не взаимодействующими объектами единое геополитическое пространство не возникает. Единство геополитического пространства возникает взаимодействием в нем геополитических акторов, явлений и процессов [2, с.88]. Части территории, при потере которых связность всей территории снижается, обладают положительной связностью. И наоборот, если при потере частей территории связность всей увеличивается, связность отдельных частей является отрицательной [3].

Связность территорий в результате такого взаимодействия может быть политической, экономической, духовной. В теории важной является связность транспортная. Транспортную связность территории эксперты определяют «как взаимную транспортную доступность экономических центров, расположенных на данной территории» [4, с.160]. В рамках теории связности известный исследователь С.Б. Переслегин формулирует «транспортную теорему» как общее геополитическое утверждение, позволяющее оценивать стабильность государства как геополитического субъекта. Эта теорема рассматривает управленческий и экономический аспекты, ограничивающие пространственное развитие геополитического субъекта. Управленческий аспект предполагает, что размеры такого субъекта зависят от скорости перемещения информации внутри государства и характерной длительности управляемых процессов. Появление регионов, провинций в государстве, по мнению автора, приводило к иерархической схеме управления и снижению ее эффективности из-за усилий местных элит. Экономический аспект «транспортной теоремы», по С.Б. Переслегину, показывает возможность переориентации успешных регионов на внешние рынки при слабой транспортной сети с центром, когда истеблишмент региона все более сосредоточивается на местных проблемах и начинает утрачивать общегосударственное мышление. Но при этом и центр начинает испытывать усиление социальной энтропии. Динамический

аспект «транспортной теоремы», по мнению исследователя, показывает, что сохранение геополитической субъектности государства возможно только тогда, когда развитие общегосударственной инфраструктуры опережает развитие отдельных территорий. Связность геополитического региона – это отношение перемещаемого в регионе всего геополитического потенциала к производимому потенциалу внутри региона. Как правило, геополитическая связность территории определяется ее инфраструктурной насыщенностью. В связи с этим, любое государство как геополитический субъект стремится к максимальной геополитической связности при минимальной открытости [5, с.53–56]. Таким образом, в соответствии с теорией связности С.Б. Переслегин делает вывод о том, что провинция отпадёт от государства, если управленческая, информационная, транспортная, инфраструктурная «связность между центром и провинцией» станет существенно меньше, чем связность внутри провинции или между провинцией и зарубежным центром управления» [6].

При этом теория связности свидетельствует, что сецессия отдельной территории не способствует укреплению единства оставшейся части страны. Весьма вероятна цепная реакция прогрессирующего развала. С уходом одного региона падает объём коммуникаций, транспортировок в стране. Связность других регионов падает, так как по их территории обеспечивался ушедший регион. Поэтому инфраструктура пограничных территорий начинает сокращаться, вызывая цепную реакцию в иных сферах [7].

В связи с этим теория связности территорий неизбежно включает в себя не только вопросы логистики, транспортной доступности, но и геополитики, социальной симметрии отношений между центром и провинцией. Поэтому связность территорий демонстрирует о способности государства непрерывно осуществлять системное управление всеми внутренними процессами, от которых зависит национальная безопасность страны, включая также умение вовлекать социально значимые категории населения в решение общефедеральных задач. Связность территорий в этом контексте помогает своевременно ре-

шать возникающие противоречия и диспропорции в развитии регионов и способствует грамотному выбору вектора развития инфраструктуры как основного двигателя геоэкономического развития территории [8].

Такая связность территорий объективно приобретает стратегический характер. В связи с этим особую роль в геополитике играет, согласно рассматриваемой нами теории, стратегическая связность территории страны [9]. Она демонстрирует стратегическую устойчивость государства, что, по мнению военного эксперта А. Владимирова, означает «способность Центра (государства) прямо, непосредственно (и исчерпывающе) влиять на положение дел в регионах и на территориях <...> физически дотянуться до любой точки национальных пространств и радикально, и реально повлиять на положение дел на местах» [10]. Таким образом, стратегическая связность является необходимым условием геополитической субъектности государства, его суверенитета и территориальной целостности. Стратегическую связность территорий страны способна обеспечить только дееспособная и авторитетная власть на основе единства информационной, транспортной и энергетической инфраструктуры и соответствующей идеологической и военной базы [10].

Отсюда геополитический потенциал государств сегодня определяется, прежде всего, стратегической связностью территорий. Не случайно П. Ханна, индо-американский исследователь международных отношений подчеркивает: «Связность – это судьба» [11; 3]. Связность у него получает важное геополитическое значение. Поэтому исследователь полагает: «Логика развития такова, что наибольшее влияние будет иметь самая связанная сила» [11; 18]. Рассматриваемые эти вопросы П. Ханна относит к функциональной географии – коннектографии. Из его концепции вытекает, что в новой геополитической архитектуре акторами становятся уже не национальные государства, а города как «самые древние и стабильные формы социальной организации». Из идей автора вытекает роль глобальных городов, мегаполисов, новых урбанистических образований, агломераций, целых кластеров городов как главных

центров становления «рах urbanica» в новой геополитической конфигурации [11; 49–50]. У П. Ханны таким примером является японский пояс Токайдо (Токио–Нагоя–Осака), где проживает почти две трети населения страны [12]. Отсюда неизбежно повышается значение передовых инфраструктурных систем для развития связанности территорий [13; 147].

Поэтому, согласно рассматриваемой нами теории, развитие стратегической связности территории, ее инфраструктурной насыщенности—это вопрос внутренней геополитики для выживания любой страны, ее геополитической субъектности и геоэкономической привлекательности во внешних инфраструктурных программах[14].

В связи с этим в настоящее время теория связности отмечает, что ключевой мировой тенденцией стало развитие мультимодальных транспортно-логистических и интеллектуальных систем, объединяющих в единый инфраструктурный комплекс различные виды транспорта. Отсюда стратегическая связанность территории основана на балансе развития транспортной инфраструктуры и социально-экономического развития региона, включая решение «геосоциальных» вопросов, т.е. социально-демографических и социокультурных проблем, которые могут оказывать негативное влияние на развитие центра и регионов.

Эти положения теории связности целиком и полностью актуальны и для России. В современных условиях при бесконтрольности и коррупции региональной и местной власти, «административно-бюрократических неувязок» и «тихого саботажа» чиновников, беспредела местных авторитетов, недоступности многих точек из-за отсутствия сети малой авиации формируется «отрицательная связность» огромных и неосвоенных территорий, порождающая предпосылки для распада территориальной целостности государства[10].

При полном крахе предыдущих попыток интеграции в мировую экономику и сохранении существующей стагнационной модели управления экономическими процессами структура внутреннего геоэкономического пространства России отличается заметным ослаблением социально-экономической связ-

ности ее регионов. Поэтому социально-политическая и экономическая дестабилизация ключевых точек геоэкономической уязвимости, обеспечивающих связность страны, может стать важным поводом для геоэкономической агрессии Запада на Россию для ослабления ее геополитического и геоэкономического статуса в мире. Не случайно, за последнее время геополитически значимые очаги социальной напряженности возникали на Северо-Западе России, Юге, Урале, Сибири и на Дальнем Востоке. Эти очаги были расположены именно на векторах связности России [8]. В связи с этим военный эксперт А. Владимиров констатирует, что «сегодня, в относительно мирное время, стратегической связности территории России как единого государства практически не существует, и в военное время она будет неизбежно и радикально утрачена» [10].

Такие деструктивные процессы стали следствием развала целостной системы управления народным хозяйством. Поэтому органы государственного и муниципального управления вынуждены успевать реагировать на текущие проблемы (наводнения, засуха, пандемия, уличные протесты и т.д.). В результате часто вынужден включать свое «ручное управление» Президент Российской Федерации В. В. Путин. А в это время упускаются стратегические вопросы экономики, демографии, экологии. Неопределённости векторов пространственного развития России ведут к неразумному заселению территорий, концентрации населения в крупных городах. Так возникают диспропорции в развитии Центра и регионов, крупных и малых городов, западных и восточных территорий. Происходит рост стихийной миграции, включая и трансграничной. Отсюда вытекает вывод о том, что если нет целостной системы управления народным хозяйством, то не может быть и речи о системе стратегического выживания нашей страны в новой геополитической обстановке [15].

Чтобы обеспечить стратегическую связность, т.е. устойчивую связь федерального Центра со всеми субъектами Российской Федерации, согласно теории связности, необходимо сформировать развитые высокоскоростные, экономичные и безопасные транспортные системы в сложных климатиче-

ских условиях, на огромных малозаселенных территориях. Добиться связанности таких территорий можно при условии разработки инструментов для их комплексного освоения, включая нетривиальные подходы по повышению качества жизни людей на местах, как, например, формирование «умных» территорий в качестве привлекательной альтернативы большим городам с наиболее передовыми технологиями в строительстве, транспортном обеспечении и в социокультурной сфере. Такой пилотный проект предполагает создание многофункциональных модулей со всем контуром жизнедеятельности для комплексного освоения малоосвоенных, геополитически значимых территорий с низкой плотностью населения и, прежде всего, Арктики, Сибири и Дальнего Востока. В этом проекте должно быть обеспечено и формирование недорогих внедорожных модулей транспортной системы с малой и сверхлегкой авиацией, внедорожниками и амфибиями всех видов с едиными центрами обеспечения мобильности на основе системы цифровой платформы [16, с.17–19].

Это поможет укреплению связанности всего геополитического пространства страны. В этом направлении весьма значимым становятся определенные пространственные узлы страны. Так, на ближайшие 12–15 лет важным становится Арктический пространственный узел. Обеспечение связности Арктики и сохранение ее в зоне геополитического контроля возможно только при активном инфраструктурном обустройстве на основе Трансполярной магистрали. Такой подход позволит сформировать социальную инфраструктуру территории и преодолеть ее уязвимость из-за «квантового» или «вахтового» присутствия государства в Арктике. На Дальнем Востоке в повышении уровня связности этого важнейшего и перспективного пространства пока не реализован социально-интегративный потенциал огромного инфраструктурного проекта, как БАМ. Новый толчок развитию диагональной связности этого огромного пространства даст запуск Амуро-Якутской железной дороги и местной инфраструктурно и инвестиционно актуализированной городской агломерации. Реализация подобных проектов позволит парировать геэкономические угрозы

со стороны внешних геополитических игроков в критических точках российского геополитического пространства [8].

Проблема связности, в соответствии с рассматриваемой нами теорией, актуальна не только для России, но и для всего евразийского пространства, во многих частях которого сегодня существуют проблемы точечной заселённости, инфраструктурных пустот, геополитических разрывов, угрожающих геополитической безопасности Евразии. Так, евроатлантической доминантой отличаются устремления молдавской геополитики. Сведена до минимума конфликтная институциональная связность Прибалтики и Украины с постсоветским пространством [17]. Сомнительной многовекторностью отличается геополитика других постсоветских республик. Эти тенденции в эволюции постсоветского геополитического пространства свидетельствуют об их долгосрочном характере. Поэтому происходит дальнейшая фрагментация постсоветского пространства под лозунгом «геополитического плюрализма» с дальнейшим снижением российского влияния. Так в постсоветском пространстве параллельно развиваются и переплетаются процессы интеграции и дезинтеграции [18].

Все это оказывает негативное влияние на связанность этого пространства, на развитие масштабных трансконтинентальных проектов, имеющих геополитическое значение. В этом контексте важным геополитическим фактором стало бы сопряжение транспортной инфраструктуры ЕАЭС с панъевропейскими коридорами № 2, № 9 и евроазиатскими коридорами «Восток–Запад» и «Север–Юг», а также китайским проектом «Один пояс, один путь» [17]. Такое сопряжение значительно укрепило бы связность всего евразийского пространства и повысило бы контроль над этим геополитическим пространством.

Таким образом, в соответствии с исследуемой нами теорией, стратегическая связность территорий является необходимым условием геополитической субъектности государства, его суверенитета и территориальной целостности. В тоже время деградация больших территорий нашей страны порождает целый ряд геополитических вызовов и угроз, для парирования которых необходимо комплексное освоение этих территорий

с нетривиальными подходами для повышения в них качества жизни людей. Должна быть целая программа формирования развитых высокоскоростных, экономичных транспортных систем, включая малую авиацию, в сложных климатических условиях, на огромных малозаселенных территориях.

Список источников и литературы

1. Нурышев Г.Н., Когут В.Г. Актуальные проблемы геополитики: уч. пособие—СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.—203 с. 2. Волынчук А.Б., Песцов С.К. Геополитическое пространство: критический анализ и концептуализация понятия//Россия и АТР.—Владивосток, 2018. С. 84–94.
3. Переслегин С.Б. Учение о позиции и модель связности [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/hsGVuB0lqb>(дата обращения:28.03.2021).
4. Колесников Н.Г. Транспортная связность арктического и субарктического пространства Европейской части России//Наука и образование в Арктическом регионе: мат. междунар. науч.–практ. конф., Мурманск, 4–8 апреля 2016 г.: в 2 ч. Ч. 2 / Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Мурм. гос. техн. ун-т».– Мурманск: Изд-во МГТУ, 2016.–С. 158–163.
5. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске: законы геополитики: монография–М., СПб.: АСТ, 2005.– 619с.
6. Транспортная теорема и бюрократия [Электронный ресурс]. URL: <https://nkgb.livejournal.com/305689.html> (дата обращения:08.03.2021).
7. Может ли Россия распасться, как Советский Союз, и что в этом случае будет?–Часть 1 [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5df0b5a55ba2b500b1876116/mojet-li-rossiia-raspastsia-kak-sovetskii-soiuz-i-chto-v-etom-sluchae-budet-chast-1-60478fe5665e4413f32dca04?&utm_campaign=dbr (дата обращения:11.03.2021).
8. Евстафьев Д. Связность территории–приоритет развития России [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/42696733/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.03.2021).
9. Владимиров А.И. Основы общей теории войны в 3-х ч.: монография–М.: Синергия, 2018.–2856 с. 10. Владимиров А. Когда война на пороге. III [Электронный ресурс]. URL: <http://www.segodnia.ru/content/237920> (дата обращения:27.03.2021).
11. Khanna P. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization.– N.Y: Random House,2016.– 496p.
12. Khanna P. Megacities, not nations, are the world’s dominant, enduring

social structures. URL: <https://qz.com/666153/megacities-not-nations-are-the-worlds-most-dominant-enduring-social-structures-adapted-from-connectography/> (accessed: 30.12.2020).

13. Вершинина И. А. «Коннектография» Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. – 2018. № 44. – С. 147–154.
14. Несмиян А. Е. Связность [Электронный ресурс]. URL: <https://rusrand.ru/actuals/svyaznost/> (дата обращения: 08.03.2021).
15. Черкасов С. России нужна комплексная система управления [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/mozgovie_tcentri (дата обращения: 04.03.2021).
16. Владимирова В., Панасенко Е. Стратегия связанности // Облако. – М., 2018. – № 4. С. 16–19.
17. Прейгерман Е. Инфраструктурная связность и политическая стабильность в Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/infrastrukturnaya-svyaznost-i-politicheskaya-stabilnost-v-evrazii/> (дата обращения: 03.03.2021).
18. Малахов А. Курьлев К. Геополитика постсоветского пространства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postsovetskogo-prostranstva/> (дата обращения: 27.03.2021).

THE THEORY OF TERRITORIAL CONNECTIVITY IN GEOPOLITICS

Kogutl V.G.¹, Nuryshev G.N.²

¹Secretariat of the IPA CIS Council,
St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University of Economics
St. Petersburg, Russia

The paper analyzes the theory of connectivity of territories in geopolitics. Within the framework of this theory, the types of connectivity of territories are considered. An important place in the theory of transport connectivity of territories is emphasized. Various aspects of the transport theorem are investigated. The special role of the strategic connectivity of the country's territory in geopolitics is highlighted. Measures are proposed to strengthen the connectivity of the entire geopolitical space of the country.

Keywords: connectivity, geopolitics, entropy, infrastructure, connectivity, configuration, fragmentation.

ГЕОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

Харитонов А. М.¹

¹ Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия

Хотя геополитика вроде бы считается географической дисциплиной, но фактически принадлежит к системе политических (исторических) наук, что весьма сильно сказывается на характере проводимых данной наукой исследований. В результате у геополитики оказался весьма широкий научный статус, который не соответствует ее роли в истории и географии, следующий из ее названия. Превалирование политики над историей и географией негативно сказывается на характере проводимых геополитикой исследований, затрагивая в той или иной мере всю систему географических и исторических наук. В результате вместо Истории Отечества мы изучаем ее геополитическую историю. Географические факторы геополитики при этом отступили на второй план и фактически полностью подчинены интересам исторической науки. В результате историки просто не заметили, что Древняя Русь и соседние с ней государства зачастую оказываются на территории, которые античная и средневековая география считали «белым географическим пятном». Ведь согласно географическим критериям античной географии обитаемыми считались лишь земли умеренного климатического пояса, тогда как большая часть приписываемой историками Древней Руси территории оказалась в необитаемом холодном, который самая передовая в средние века арабская географическая наука располагала севернее реки Дон. Однако исправлять данную несообразность истории никто не собирается, а новые исследования лишь продолжают плодить очередные исторические ошибки.

Ключевые слова: Аристотель, геополитика, Древняя Русь, историческая география, Причерноморье.

Если считать геополитику географической дисциплиной, то, как географической дисциплине, место геополитики в географической системе наук должно быть явно на стыке между исторической и политической географией. Современная общественная география склонна понимать геополитику как науку, изучающую факторы преодоления пространства товарами с наименьшими потерями. Как заметил нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман [7] это явно отличается от движения капиталов, которые теперь возможно перебросить из одной точки земного шара в другую простым нажатием кнопки.

С другой стороны место геополитики между географией (страноведение), экономикой (мировые экономические отношения) и международной политикой. Общее между ними – международные отношения, преодоление государственных границ, экономических и административных барьеров (протекционизма). Развитие мировой экономики без границ – это единственный экстенсивный путь развития мировой экономики. Других вариантов для этого нет.

Однако реально геополитика как научная дисциплина первоначально сформировалась на базе наук исторических, представляющих науки политического спектра. А в политике научная часть частенько отходит на задний план, если этого требуют интересы политические.

В результате в современной исторической и географической науках сложились едва ли не противоположные взгляды на место исторической географии и геополитики в системе наук. Связано это с тем, что современная география считает историческую географию самостоятельной дисциплиной на стыке истории и географии.

Не так в истории. Здесь историческая география всего лишь одна из многочисленных вспомогательных исторических дисциплин, наряду с эпиграфикой, геральдикой и т.п. действительно вспомогательными дисциплинами для исторических исследований [9]. При этом о связи исторической географии и геополитики в науке как-то не принято говорить, хотя эта связь зачастую очевидна. Ведь иногда эту самую геополитику (международную и региональную) выделяют в качестве одного из разделов той же исторической географии.

Таким образом, стык истории и географии в системе исторических наук оказался вакантным. Но «свято место пусто не бывает», а в результате подобного размена место, по праву принадлежащее исторической географии, у историков с комфортом заняла геополитика, поглотив фактически и политическую географию. Действительно, чего только стоят заявления некоторых историков, признанных классиками исторической науки, что историк может обращаться с географией как ему угодно! Вот и дообращались.

Когда автор данных строк стал разбирать некоторые географические неувязки в исторических исследованиях, то выяснил интересную вещь — оказывается, историки умудрились разместить территорию Древней Руси и некоторых сопредельных ей во времени стран на территории «белого географического пятна» географии средних веков, и никто из них даже этого в упор не заметил [12, 13 и др.].

Впрочем, автор этих строк также потратил несколько десятков лет, прежде чем увидел, что большую часть географических неувязок способно объяснить перемещение «точки начала географического отчета» (для Руси — Киева) на иное географическое место. Такое могло прийти в голову только географу, знакомому с принципами построения географических карт.

А ведь еще дореволюционные астрономы (этим, кстати, козыряют сторонники «новой хронологии») заметили, что приписываемые современной столице Украины астрономические затмения в «Повести временных лет» ей явно не подходят. Но такова инерция исторического мышления, что до сих пор никто не попытался вычислить место, которое бы подошло для размещения летописного Киева по данным летописных же затмений. Ведь по современным воззрениям этого просто не может быть.

Чего же не заметили пренебрегающие географией историки Нового времени? Не заметили они ... Аристотеля. Именно его гений, освященный к тому же основными средневековыми религиями, запрещал в географии проживание человека в холодном и жарком климатических поясах [1].

При этом «умеренным» в античности и средних веках считался климат, который географы сегодня именуют средиземноморским, характерный для территорий Италии и Греции. Этот климат относительно близок к климату Причерноморья, где только и могла располагаться территория Руси, известная тогдашней географии. Ведь даже наиболее передовая арабская средневековая география считала незаселенными земли к северу от реки Дон [6]! Это, впрочем, никак не помешало историкам и востоковедам отправить араба ибн Фадлана в путе-

шествие на Среднюю Волгу да еще через неведомую тогда же Среднюю Азию.

Только с началом эпохи Великих географических открытий подобные представления Аристотеля стали меняться в сторону современности, однако научные карты центра и севера Русской равнины появляются в Европе только к середине XVI века. Впрочем, и карты Скандинавии появляются только в первой четверти предыдущего века или даже немного позже [2].

Но могла ли Древняя Русь разместиться в Причерноморье? Да, но это повлечет за собой полный пересмотр навязываемых нам геополитических познаний со стороны исторической и этнографической науки. Ведь многие современные науки, такие как этнография, продолжают опираться на ошибочные представления историков и даже не подозревают этого!

В результате многие реально существовавшие в географии античности объекты перекочевали в разряд мифологических и блуждают с места на место в современных исторических сочинениях, как Рипейские и Гиперборейские горы. А ведь столь крупным географическим объектам место только среди хребтов малоизвестного античной географии Большого Кавказа, тогда как их пытаются искать в «расширенном режиме» на Урале и даже Камчатке, о существовании которых географы античности даже не подозревали.

Из-за подобной географической трансформации в пору вместо надписи «История Отечества» на исторических учебниках следует написать «Геополитическая история Отечества», что явно будет правильнее. Но почему этого никто не замечает? Да потому, что всех устраивает сложившееся положение. Норманистам лестно, что их предки управляли такой громадной державой как Русь, а антинорманистам, что держава была такой громадной и т.п.

На самом деле территория Древней Руси в Причерноморье была не столь большой по современным меркам, хотя уже много позже от подножия Эльбруса до берегов Тамани требовалось добираться целых 70 дней [14], тогда как на просторах Русской равнины зимой и вовсе порой можно было передвигаться только по руслу рек. А ведь именно наличие хороших

дорог в древности и средние века не так уж редко поспособствовало появлению и становлению крупных государств (Персидского, Римского, Монгольского).

Однако само размещение Руси в Причерноморье позволяет решить также ряд исторических загадок наподобие завоевания Руси татарами в зимний период и ряда других. Так может быть стоит напомнить историкам об этом?

Ведь при этом сразу решается масса проблем, над которыми бьется уже не одно поколение историков. Так, смерть летописного Олега от укуса змеи становится вполне правомерной. Ведь только на Кавказе еще до сих пор встречается гюрза, тогда как на просторах Русской равнины водятся лишь гадюки, которые явно не опасны для взрослого мужчины, да еще и обутого в сапоги.

Решается вопрос и о происхождении «лютого зверя», опрокинувшего всадника с конем. Нет, это, безусловно, не сравнительно миролюбивая рысь, как пытаются утверждать некоторые историки, что вызывает лишь скептическую усмешку у биологов-охотоведов, но кавказский подвид тигра, который был окончательно здесь истреблен только в начале прошлого века.

Даже серебряный рудник на территории Древней Руси вполне может появиться, если учесть возможности той же арабской географии и его местонахождение в горах Кавказа, где многочисленные изделия из серебра зафиксированы еще при раскопках майкопской культуры [5].

Стоит также внимательней отнестись к историческим источникам и легендам норманнов («северные люди») Западной Европы, утверждающих, что их предки пришли сюда из Скифии и с нижнего Дуная. Ведь именно там по нашим летописям можно обнаружить проживание неких северян.

Именно северяне-норманны сыграли выдающуюся роль в процессе становления Первого Болгарского царства, города которого вполне географически можно сопоставить с Русью, как в одном из более поздних географических сочинений [11]. Это можно было бы даже считать признаком геополитического расширения границ несколько более позднего времени, если бы на

Балканах не располагались в средние века некие Славии, тогда как наиболее передовая арабская география выделяла Славия в качестве одной из трех известных ей частей Древней Руси.

Однако наиболее сильно наши исследования способны повлиять на этнографическую науку, которая выводит ряд народов уральской языковой семьи с территории Урала и Поволжья, которые вообще неизвестны географии средних веков, и следы первоначального обитания данных племен требуется искать намного южнее—на Северном Кавказе в средние века и возможно и Ближнем Востоке в глубокой древности. Любопытно было бы связать также имя славянского первопретка Кия с народом фракийцев (пра-Кий?—А.Х.). Ведь этот народ действительно не сумел закрепиться в низовьях Дуная.

Если же учесть, что название Дуная в древнегреческом есть Истр, то это заставляет сравнить его с более поздним Вистула—Висла. Не здесь ли на Дунае проживали готы, которых частенько отождествляют с гетами-фракийцами, а вовсе не на современной реке Висле? Не сюда ли они двинулись, покинув Готланд (не остров Балтийского моря, но хорошо известный географии античности остров гетов, если точнее—тирагетов, в низовьях Днестра)?

Кстати, сами названия некоторых народов вполне могли стать географическими ориентирами сегодня. Для этого достаточно вспомнить север и северяне (севера), а также юг и угры (венгры). Подобные случаи не редкость и в мировой истории. Достаточно вспомнить народ амурру (западные).

А вот геополитический пример географического толка более позднего времени. Основоположник советской экономической географии Н. Н. Баранский [4] вспоминал, что на курсах красных командиров его спросили:—Зачем им экономическая география? А он им ответил:—Сейчас в России голод и холод, нет сырья. А где хлеб, сало, масло, сахар? На Украине и на Дону! Где топливо? Там же! Наша задача—взять эти территории! Вот она уже советская геополитика (существование которой фактически отрицалось) в чистом виде.

Имеются и более современные попытки географов мыслить геополитически, в т. ч. с точки зрения регионального развития [3

и др.], опираясь, прежде всего, на географические факторы – геополитическое положение, геополитический потенциал и геополитические интересы. Они особенно интересны для так называемых «районов нового освоения», к которым можно отнести до сих пор Сибирь и Дальний Восток. Особенно важны международные связи для последнего региона, который в значительной мере опирается на экспорт сырья и импорт продовольствия.

Получается, что современная геополитика не имеет четко очерченных границ в рамках исторической и географических наук. Ее рамки оказались зачастую искусственно расширены политическими интересами правящих элит.

Таким образом, даже сама проблема расширения географического пространства предшественников современных государств в древности, связанной с геополитическими идеями современности, для отдельных государств в мировой истории оказалась не нова. На необоснованные попытки расширения географических границ государственных образований в истории даже иногда обращалось внимание [см. 10], но они редко находили поддержку у окружающих.

Сегодня подобные попытки геополитического толкования географии древности и средних веков предпринимаются на Украине, территория которой за исключением узкой прибрежной полосы у Черного моря была неизвестна в средние века. Нечто похожее характерно также для Казахстана, хотя его массовое заселение тюрками следует связывать с началом завоевательных походов татар на Русь.

Но каким образом топонимы и этнонимы, относимые историками к временам Древней Руси оказались настолько далеки от первоначальных географически? Дело в том, что сами топонимы не есть нечто застывшее во времени и пространстве, как обычно принято считать в исторической и географической науке. Они склонны передвигаться вслед за их носителями, что показывает в своих историко-географических по характеру работах В. А. Курбатов [8] (кстати, химик по основной специальности). Последнее скорее лишь подчеркивает откровенно предвзятое отношение историков к географии, в т.ч. отечественной.

Именно по причине перемещения топонимов созданная историками геополитическая система в Истории еще как-то работала, хотя порой давала значительные сбои, которые мы заметили и показали на отдельных примерах (географическая копия, как и любая другая, ведь всегда хуже оригинала!).

А вот если смотреть на Историю через призму географии, как на науку, изучающую факторы (в т.ч. географические) смены общественных формаций, их структуру и закономерности развития, тогда историческая география есть наука об истории развития, динамике разномасштабных геосистем, включающих природные и общественные элементы в их взаимосвязи и развитии.

Но вот нужно ли подобное переосмысление географической и исторической действительности в отечественной и мировой истории современной Истории, опутанной по рукам и ногам геополитикой в ее еще советском понимании как реакционной науки, присущей только капитализму? Ведь история упрямо заявляет в лице своих представителей, что не допустит никакой ревизии нашей древней истории. Ей так удобнее!

Но ведь тогда и политическая география должна будет числиться к числу наук не географического, но политического (исторического) спектра и окончательно выведена из состава географических наук. Впрочем, даже на экономическую (общественную) географию тоже давно «точит зубы» наука экономическая, пытаясь ограничить ее рамками экономики регионов.

Впрочем, не хочу призывать всех слепо следовать доктрине, пропагандируемой автором данной работы, но хотя бы только задуматься о возможности ее существования. Окончательные выводы из создавшегося в истории, географии и геополитике пикантного положения предоставляю каждому сделать для себя самостоятельно.

Список источников и литературы

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3: Перевод / Вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. 613 с. 2. Багров Л. История картографии. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. 320 с. 3. Б а - кланов П. Я. Геополитические факторы в региональном развитии //

- Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 4 (93). – С. 75–83.
4. Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 287 с. 5. Волкодав И. Г. Благородные металлы в рудах и россыпях Адыгеи // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. № 4. 2012. – С. 163–175.
  6. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 430 с. 7. Кругман П. Р., Обстфельд М. Международная экономика: теория и политика / пер. с англ. 5-го между. изд. СПб.: Питер, 2004. 832 с. 8. Курбагов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–\$IX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 382 с. 9. Макасовский В. П. Историческая география мира. М.: Экопрос, 1997. 584 с. 10. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 432 с. 11. Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. – С. 214–259.
  12. Харитонов А. М. О соотношении геополитики и исторической географии в современной исторической науке // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. М.: Изд-во «Перо», 2019. – С. 264–267.
  13. Харитонов А. М. Современная геополитическая идеология против средневековой географической реальности (Древняя Русь и ее соседи на современной географической карте) // Дневник Алтайской школы политических исследований № 35. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны): сборник научных статей / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 71–75.
  14. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, испр. и доп. Симферополь: изд-во «Доля», 2008. 272 с.

GEOPOLITICS IN THE MODERN SYSTEM OF HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL SCIENCES

Kharitonov A.^{M.1}

¹ Pacific Institute of Geography,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia

Although geopolitics seems to be considered a geographical discipline, but in fact belongs to the system of political (historical) sciences., which greatly affects the nature of the research conducted by this science. As a result, geopolitics has a very broad scientific status that does not correspond to its role in history and geography, following from its name. The prevalence of politics over

history and geography negatively affects the nature of the research conducted by geopolitics, affecting to some extent the entire system of geographical and historical sciences. As a result, instead of the History of the Fatherland, we study its geopolitical history. At the same time, the geographical factors of geopolitics have receded into the background and are in fact completely subordinated to the interests of historical science. As a result, historians simply did not notice that Ancient Russia and its neighboring states often find themselves in territories that ancient and medieval geography considered a “white geographical spot”. After all, according to the geographical criteria of ancient geography, only the lands of the temperate climatic zone were considered inhabited, while most of the territory attributed by historians of Ancient Russia turned out to be in an uninhabited cold, which the most advanced Arab geographical science in the Middle Ages was located north of the Don River. However, no one is going to correct this inconsistency of history, and new research only continues to breed another historical error.

Key words: Aristotle, geopolitics, Ancient Russia, histori

ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИГИ НАЦИЙ ПО РАЗРЕШЕНИЮ АЛАНДСКОГО ВОПРОСА (1917–1921)

Гехт А. Б.¹, Неровный А. В.¹, Цвериганашвили И. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается т. н. Аландский вопрос, игравший заметную роль в отношениях Швеции и Финляндии в 1917–1921 гг. На фоне характеристики военно-политической обстановки в регионе Балтийского моря в период Первой мировой войны анализируются причины, лежавшие в основе противоречий в отношениях двух стран, перечисляются ключевые этапы в эволюции Аландского вопроса, рассматриваются его основные последствия для шведско-финляндских отношений.

Ключевые слова: Швеция, Финляндия, Аландский вопрос, регион Балтийского моря, история шведско-финляндских политических отношений

В наши дни Аландские острова–архипелаг в устье Ботнического залива, расположенный между Швецией и Финляндией–являет собой пример региона, выделяющегося на политической карте современной Европы. В условиях, когда

политическая повестка дня как Европейского Союза в целом, так и многих европейских стран в частности, во всё большей степени определяется процессами регионализации, Швеция и Финляндия стоят особняком не только как традиционный пример пространства всеобщего благосостояния, но и как образец редкого внутривнутриполитического спокойствия. Однако столетие назад ситуация в этом регионе складывалась совершенно иначе. В 1917–1921 гг. тесные связи, исторически сложившиеся между этими североевропейскими странами, прошли серьёзнейшую проверку на прочность. Эти события, известные как «Аландский вопрос», и являются предметным полем настоящей статьи, приуроченной к столетней годовщине разрешения данного этнотерриториального конфликта в регионе Балтийского моря.

В глубокой древности Аландский архипелаг был заселён предками современных шведов и длительное время входил в состав шведского королевства. Но в соответствии с условиями Фридрихсгамского мирного договора от 17 сентября 1809 г. Аландские острова вместе с Финляндией вошли в состав Российской империи. Для России это было важное территориальное приобретение, прежде всего со стратегической точки зрения, поскольку обладание островами в значительной степени позволяло контролировать морские коммуникации в регионе Балтийского моря, а также оказывать военно-политическое давление на Швецию, принимая во внимание близость Стокгольма к Аландам. С 1830 г. на архипелаге началось строительство укреплений, но, в ходе Крымской войны, крепость Бомарсунд была разрушена и захвачена англо-французскими силами. Парижский мирный договор 1856 г., положивший конец этой войне, включал в себя также и особую конвенцию об Аландских островах, в которой было зафиксировано обязательство с стороны России, согласно которому «Аландские острова не будут укрепляемы и что на оных не будет содержимо и вновь сооружено никакого военного или морского заведения». Таким образом, эта конвенция впервые в истории стран Северной Европы установила демилитаризованный статус Аландских островов [7; 103].

Потеря возможности использовать Аланды в качестве укрепленной военно-морской базы отрицательно сказалась на стратегическом положении России в регионе Балтийского моря. Более поздние попытки России пересмотреть соглашение 1856 г., предпринятые в 1907 г., не привели к успеху и вплоть до начала Первой мировой войны Россия не имела военного присутствия на Аландских островах. Только с началом боевых действий, когда возникла угроза захвата архипелага немецкими войсками, которые могли использовать его для дальнейшего продвижения на территорию Финляндии, на островах были размещены русские войска, что вызвало негативную реакцию со стороны Швеции, опасавшейся возможной военной угрозы со стороны России в случае начала масштабной войны в Европе [9; 228–231].

Следует заметить, что в начале XX в. влияние Германии на Швецию было исключительно велико. Накануне Первой мировой войны королевская семья, консервативное дворянство, государственная лютеранская церковь, значительная часть буржуазных кругов, офицерский корпус и ряд деятелей науки выступали своего рода проводниками германского влияния в Швеции и способствовали формированию взаимного положительного образа в обеих странах. В немалой степени подобному положению вещей содействовала пользовавшаяся достаточно большой популярностью педагогическая, политическая и, в особенности, публицистическая деятельность видного шведского учёного и представителя шведских консерваторов Рудольфа Челлена, широко известного как автор термина «геополитика». Отталкиваясь от работ известного немецкого учёного Фридриха Ратцеля, Р. Челлен разработал геополитическую концепцию, опирающуюся на географическое положение Швеции и проистекающую из него политическую ситуацию вокруг государства. Политическое окружение Швеции Р. Челлен рассматривал в виде “треугольника трех центров силы”, которые составляли Россия, Великобритания и Германия [2; 649–654]. Малые европейские державы (например, скандинавские страны) в силу особенностей своего географического положения и исторического развития должны в своей

политике ориентироваться на крупные экспансивные государства, которые исходя из языкового и культурного родства, будут формировать вокруг себя общее политическое, культурное и экономическое пространство. Согласно Р. Челлену, формирование такого «комплекса» в Европе – задача Германии, на которую Швеция должна ориентироваться в своей внешней политике [16, S. 91].

По его мнению, лишь последняя могла защитить Швецию от угроз (явных или мнимых) и со стороны Российской Империи. Не удивительно, что во время Первой мировой войны симпатии ученого были на стороне Германии. В предисловии к своей работе 1915 года «Политические проблемы мировой войны» он рассуждает следующим образом: «Как искатель истины, я убедился, что не Германия хотела войны, что Германия требовала не более как равноправия с другою стороною при решении будущей участи мира, и что ее народ морально ни в чем не стоит ниже (а в некоторых совершенно определенных отношениях стоит выше своих противников). А в качестве шведа я должен желать сильной Германии, как оплота против могущества востока, от которого исходит угроза культуре и государственной целости моей страны» [16; 7–8].

Тем не менее, в сложившихся с началом мировой войны условиях, пространство Северной Европы и акватории Балтийского моря не было местом, где решался исход грандиозного противостояния. Но происходившие здесь процессы были весьма значимы для её хода – регион стал важной частью борьбы в рамках стратегии экономической блокады, которую страны Антанты по инициативе Великобритании стали использовать против Германии [1]. Союзники по Антанте стремились отрезать Германию от поставок из Скандинавии: в условиях нараставшего противостояния экономик держав-противников немецкая военная промышленность не могла успешно функционировать без норвежских медной руды и серного колчедана и шведской железной руды [8; 122–131]. Борьба за скандинавские страны – формально провозгласившие свой нейтралитет в войне, – за включение их в состав воюющих коалиций стала важным направлением дипломатического противоборства, ко-

торое, впрочем, не дало однозначных результатов. При этом стоит отметить, что в своей деятельности германские военные стратеги, политики и дипломаты под час были склонны выдавать желаемое за действительное и зачастую рассматривали расположенную к Германии Швецию в качестве потенциального союзника в борьбе против России в регионе Балтийского моря.

Как известно, Германия минимум дважды – в 1915 и 1916 гг. – предпринимала попытки вовлечь Швецию в союз против России. Это происходило в обстановке одерживаемых тогда Германией побед на Восточном фронте. Стремясь склонить на свою сторону крупнейшую скандинавскую страну, Германия несколько раз в неофициальной форме предлагала помощь деле возвращения шведами утерянных по итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг. стратегически важных в деле контроля над Балтийским морем и населённых этническими шведами Аландских островов, рассматривая данный процесс в контексте превращения отторгнутой от Российской империи Финляндии в буферное государство [12; 38–39].

Тем не менее, политическому руководству Швеции, внешнеполитический курс которой в значительной степени определял видный промышленник и финансист Кнут Агатон Валленберг, удалось на протяжении длительного периода не только удержать своих внутренних «активистов» от вступления в мировую войну, но и избежать от собственных действий и шагов, способных втянуть формально нейтральное королевство в противостояние великих держав [1]. Однако, сложившийся на протяжении 3 лет войны статус-кво на Балтике изменился к декабрю 1917 г.: после большевистского переворота в Петрограде Финляндия, с весны того же года начавшая подготовку к провозглашению независимости, официально стала самостоятельным государством. Естественно, этот шаг не мог не вызвать соответствующего отклика как у жителей Аланд, по понятным причинам стремившихся войти в состав Швеции, так и со стороны официального Стокгольма, обеспокоенного положением жителей этого архипелага и его политической принадлежностью. По условиям Брест-Литовского мирного договора,

подписанного большевиками и германской стороной в марте 1918 г., предусматривался скорейший вывод российских сухопутных и военно-морских сил с территории Финляндии, в т.ч. и с Аландских островов [4; 122–123]. Отметим, что в дальнейшем вопрос о статусе Аландских островов решался уже без участия России, погрузившейся в жестокую круговерть Гражданской войны, и стал вопросом, решавшимся на уровне шведско-финляндского взаимодействия.

В новых геополитических условиях шведская сторона высказала претензии на Аландские острова, опираясь на то, что Фридрихсгамский договор 1809 г. утратил силу и что население архипелага в подавляющем большинстве состояло из этнических шведов. 13 февраля 1918 г. шведское правительство приняло решение отправить десант на Аланды под предлогом защиты местного населения [11; 230]. Сами жители Аландских островов также заявляли о своем желании войти в состав Швеции. Впервые это стремление было публично высказано еще до полного отделения Финляндии от России, 20 августа 1917 г. Это требование было повторено в начале 1918 г., когда на фоне разгоревшейся в Финляндии Гражданской войны аландская делегация посетила Стокгольм [11].

Закономерным образом финская сторона негативно отреагировала на шведские притязания и, в частности, на высадку шведского десанта на островах. Но, в то же время, в финляндских политических кругах понимали необходимость определенных уступок, особенно принимая во внимание помощь, предоставленную в ходе Гражданской войны весны 1918 г. официальным Стокгольмом антибольшевистским силам Финляндии. 13 июня 1918 г. Аландские острова были отделены от губернии Турку-Пори в отдельную губернию (лен в шведской традиции) с собственным провинциальным управлением [13; 11.]. Тем не менее, сторонники выхода из состава Финляндии продолжали настаивать на дальнейших шагах по решению сложившейся ситуации. Ими был выдвинут лозунг: «Finland fritt—Åland svenskt» («Свободная Финляндия—шведские Аланды») [14; 133].

В 1918–1920 гг. Аландский архипелаг оставался предметом

территориального спора между Финляндией и Швецией. Для решения сложившейся проблемы был создан Аландский комитет, сформированный в Хельсинки летом 1918 г. из числа представителей умеренных шведоязычных общественных деятелей. Комитет, исходя из сохранения суверенитета Финляндии над Аландскими островами, разработал проект местного самоуправления для населения островов [14, S. 134]. Достаточно активно Аландский вопрос поднимался в ходе Парижской мирной конференции 1919 г., на которой обсуждались вопросы послевоенного обустройства Европы. После обмена резкими нотами между финским и шведским правительствами конференция приняла предложение Великобритании о дальнейшем решении вопроса в ходе деятельности созданной Лиги Наций [17; 141].

Действуя на опережение, официальный Хелисинки стал принимать внутривнутриполитические шаги, направленные на урегулирование кризиса: 6 мая 1920 г. финский парламент принял Акт об автономии Аландского архипелага. Этот документ провозгласил создание собственных учреждений автономии и установил их полномочия, которые преимущественно соответствуют существующим и в настоящее время [18; 116–118]. Но сторонники отделения Аландских островов от Финляндии продолжали отстаивать свою позицию и запросили у шведского правительства поддержки их требований о проведении плебисцита, который должен был решить судьбу региона. Ситуация особенно обострилась, когда лидеры движения за выход Аландского архипелага из состава Финляндии в июне 1920 г. были арестованы. Вслед за этим шведское правительство направило запрос в Совет Лиги Наций, ходатайствуя о рассмотрении вопроса о статусе Аландских островов [5; 297]. Отметим, что несмотря на выраженное стремление расширить свои границы за счёт архипелага, официальный Стокгольм не пошёл на эскалацию конфликта, исключив применение силы в отношении финляндской стороны.

В данном североευропейском споре за Аланды великие державы в конечном счете приняли сторону Финляндии: для них было важно сохранить позитивные отношения с моло-

дой страной, которая непосредственно граничила с Советской Россией и рассматривалась как важный элемент создаваемой «версальской системы». 24 января 1921 г. Лига Наций признала суверенитет Финляндии над Аландскими островами при условии, что аландская автономия будет подкреплена гарантиями сохранения шведского характера автономной территории [6, С. 144–145].

В июне 1921 г. на 13 сессии Совета Лиги Наций был представлен доклад Комиссии по решению Аландского вопроса, где указывалось, что Аландские острова должны оставаться под суверенитетом Финляндии. Комиссия отметила всеобщий характер пожеланий аландцев присоединиться к Швеции, но не сочла возможным их удовлетворить. 24 июня 1921 г. Совет Лиги Наций утвердил резолюцию о суверенитете Финляндии над Аландскими островами [10, С. 169]. Финляндия обязывалась не возводить военные укрепления на островах и гарантировать преподавание шведского языка в аландских школах. 27 июня под эгидой Совета Лиги было подписано окончательное шведско-финское соглашение об условиях автономии Аландского архипелага, которое было включено в принятую 24 июня 1921 г. резолюцию [17, S. 145].

В октябре 1921 г. под эгидой Лиги Наций в Женеве состоялась конференция, ставившая целью заключение международного договора о демилитаризации и нейтрализации Аландского архипелага. В подписанной 20 октября 1921 г. международной конвенции о демилитаризации и нейтрализации Аландского архипелага Финляндия обязывалась не строить военных объектов на Аландских островах. Во время войны зона островов должна будет рассматриваться как нейтральная, а в случае военного конфликта на Балтийском море Финляндия получала право защиты нейтралитета Аландов. Суверенитет Финляндии над Аландскими островами сохранялся при условии предоставления дополнительных гарантий автономии для местного населения [6; 150.].

Так было положено начало становлению современного особого статуса Аландского архипелага как автономного региона в составе Финляндии, так и в системе международных отно-

шений в Северной Европе и пространстве Балтийского моря. Кроме того, представляется важным выделить тот факт что разрешение Лигой Наций шведско-финляндского противоречия по вопросу статуса островов представляет собой яркий и в целом весьма успешный пример разрешения этнотерриториального конфликта в новейшей истории Европы, не приведший впоследствии к ухудшению или исчезновению прочных добрососедских отношений между Швецией и Финляндией.

Достаточно сложная система баланса сил и интересов как малых, так и великих держав, заинтересованных в продвижении своих интересов в регионе Балтийского моря, привела к тому, что Аландский архипелаг не стал одним из театров боевых действий и в ходе Второй мировой войны, когда Швеция и Финляндия приложили немало совместных усилий, направленных на обеспечения безопасности акватории островов. После завершения войны произошло и окончательное становление особого статуса архипелага, являющего собой исключительно обширную автономию, что несомненно способствует как поддержанию дружественных отношениях между Швецией и Финляндией, так и успешному экономическому развитию этого транспортного и коммуникационного узла в регионе Балтийского моря.

Список источников и литературы

1. Гехт А. Б. Династия Валленбергов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021.
2. Гехт А. Б. Шведские истоки немецкой геополитики: научное наследие Рудольфа Челлена //Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. III Международная научно-техническая и научно-методическая конференция. СПб.: СПбГУТ, 2014.
3. Голдин В. И. Исторический опыт и уроки развития международных отношений на Европейском Севере на этапе кризисного развития: 1914–начало 1920-х годов. // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч. конф. «Государственная политика по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки современности» (Архангельск, 6–10 сент. 2015 г.) – Ар-

хангельск: САФУ, 2015.

4. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1.
5. Зайпт Е. В. Автономия Аландских островов: федеральный элемент в конституции унитарного государства // Северная Европа. Проблемы истории. М., 1999. Вып. 3.
6. Илюхина Р. М. Лига наций. 1919–1934. М., Наука, 1982.
7. Конвенция об Аландских островах от 18 (30) марта 1856 г. // Тарле Е. В. Крымская война. М., 2003. Т. 2. Приложение.
8. Ристе У. История внешней политики Норвегии. – М.: Весь мир, 2003.
9. Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире. Або-Аланды и их ненарушаемый нейтралитет в войнах XVIII–XX столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб., 2008.
10. Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь Мир, 2010.
11. Bonsdorff G. von. Självstyrelsetanken i finlandssvensk politik // Svenskt i Finland. 1. Studier i språk och nationalitet efter 1860. Helsingfors, 1983.
12. Carlgren W. Gustav V och utrikespolitiken. – Stockholm: Militärhistoriska förlaget, 1990.
13. Dreijer M. Ålands självstyrelse 1947–1972. Mariehamn, 1972. S. 11.
14. Högman G. Älänningarna och Ålandsfrågan // Väster om Skiftet. Uppsatser ur Ålands historia. Åbo, 1986.
15. Kjellen, R. Samtidens Stormakter. Stockholm: Hugo Geber, 1914.
16. Kjellen, R. Världskrigets politiska problem. Stockholm: Bonnier, 1915.
17. Nordman D. Historiker kämpar om Åland. Om de svenska och finska historikernas argumentering i Ålandsfrågan 1917–1921 // Väster om Skiftet.
18. Thulstrup A. Svensk politik 1905–1939. Från unionsupplösningen till andra världskriget. Stockholm, 1968.

GEOPOLITICAL SITUATION IN THE BALTIC SEA REGION DURING THE LEAGUE OF NATION'S SALVATION ON THE ALAND ISSUES (1917–1921)

Gekht A. B.¹, Nerovnyi A. V.¹, Tsverianashvili I. A.¹

¹St. Petersburg State University of Telecommunications
named after Prof. M. A. Bonch-Bruевич,
St. Petersburg, Russia

This article focuses on the negotiations of Sweden and Finland during the Aland issue. The problem of these islands' status played a significant role in the Baltic Sea region in 1917–1921. Having look at the military-political situation in this region during the First World War, the paper deals with the reasons underlying the contradictions in relations

between the two countries as well as the key stages in the Åland issue's evolution and its main consequences for Swedish-Finnish relations.

Key words: Sweden, Finland, The Åland Islands, The Baltic sea region, the history of Sweden-Finland political relations.

ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ДЕФИНИЦИИ, КРИТЕРИИ, СТРАТЕГИИ

Фартышев А. Н.^{1,2}

¹ Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

Доклад носит теоретико-методологический характер. Раскрывается теория геополитического положения и определяются дефиниции традиционных геополитических понятий и увязка с традиционными для географии понятиями экономико-географического и политико-географического положения. Представлены межсубъектные отношения в геополитическом пространстве с точки зрения теории игр. Предложено разделение геополитического положения на активное и пассивное. Раскрываются три основных составляющих геополитического положения – геополитическая сила, географическое влияние и политическое отношение и место в них различных ветвей политико-географических исследовательских ветвей. Выделяются типы геополитической стратегии (стандартная, сателлитарная, всеохватная, экспансионистская, политика неприсоединения, политика закрытой страны («осаждённой крепости»), политика диверсификации), в зависимости от которых меняется понимание выгодности геополитического положения.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, экономико-географическое положение, математические методы в географии, лимнология, теория международных отношений, теоретическая география.

В программных правительственных документах и академических публикациях можно часто встретить характеристику геополитического положения какого-либо региона как выгодную. Но в то же время редкими являются случаи примеров невыгодного геополитического положения. Категория геополитическое положение, как представляется, неразрывно связана с уже хорошо разработанными в географии понятиями эконо-

мико-географического положения и политико-географического положения, но возникает вопрос как же различить эти дефиниции?

В соответствии с учением Н.Н. Баранского об экономико-географическом положении (ЭГП), под ним понимается отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение—все равно, будут ли эти данности при-родного порядка или созданные в процессе истории [2]. Наиболее ёмкое определение геополитического положения можно составить по аналогии—это отношение какого-либо места (района, города или страны) к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное глобальное политическое значение. Поскольку геополитика даёт стратегическую оценку стран, районов разных стран, межгосударственных объединений и пр., понимаемых как геополитических субъектов, в круг указанных данностей включаются политические, экономические, демографические, военные и другие параметры субъектов, отражающие их значимость на политической карте мира. Однако здесь наблюдается пересечение со сферой политической географии. Главным и существенным отличием геополитики от политической географии заключается в том, что географические единицы рассматриваются не просто как данности с их внутренними и внешними характеристиками, но обладают какой-то позицией, отношением в отношении других таких же единиц и стратегическим видением своего места в системе международных отношений. Такой подход отличается от деятельностно-геопространственного подхода, где геополитика рассматривается как прикладная область политической географии [6].

В основе геополитического пространства лежат субъекты, под которыми понимается как государства, как основные игроки на геополитической карте, так и непризнанные государства, регионы государств, надгосударственные объединения и т.д. Субъекты взаимодействуют между собой, и совокупность взаимоотношений субъектов создаёт динамичную глобальную систему межсубъектных отношений—геополитическое пространство, которое имеет сетевую структуру и отличается от

географического пространства. На языке теории игр, мировые межсубъектные отношения представляет собой большую игру с множеством участников, где каждый игрок может поменять свою стратегию в зависимости от изменения стратегии других игроков, где выбор стратегии зависит от географических факторов, влияющие на каждого игрока. Совокупность этих факторов есть олицетворение «давления места» по Б. Б. Родману [13], которое в геополитике проявляется чётче, чем в экономической и физической географии и выражается эта совокупность в геополитическом положении (ГПП) субъекта.

Геополитическое положение измеряется в основном степенью выгоды (впрочем, как и любой вид географического положения, хотя и были попытки найти другие характеристики – экологичность, срединность, естественность [12]). Следует определиться, какими характеристиками должна обладать территория с выгодным или невыгодным геополитическим положением? Традиционными примерами выгодного геополитического положения принято считать страны-гиганты – США, Россия, Китая, или страна-карлик Сингапур, а также остров Великобритания и др. Если таковые общепризнанные примеры выгоды есть, то возможно ли найти примеры невыгодного геополитического положения? Предположим, что Израиль обладает невыгодным геополитическим положением, так как почти по всему периметру границ существует военная напряжённость, однако в ряде случаев Израиль сам становится не жертвой, а агрессором по отношению, например, к Сирии, оккупировав Голанские высоты. Мы можем сказать, что Армения, является страной с невыгодным геополитическим положением, так как лишена выхода к морю и находится в окружении трёх недружественных государств, причём отгорожена от них горами, однако горы Армении имеют другое важное геополитическое преимущество – естественные природные границы, легко обороняемые при вооружённом конфликте. Мы можем сказать, что Куба, находящаяся на острове вблизи недружественной страны, в 180 км от её берега, обладает невыгодным геополитическим положением. Но если США полностью снимет эмбарго с кубинских товаров, то этот недостаток превра-

тится в преимущество, которое позволит торговать на одном из крупнейших рынков в мире, и, возможно, даже вести экспансию по морю на другие слаборазвитые островные государства бассейна Карибского моря. Таким образом, ГПП – категория неоднородная и универсального критерия для его оценки нет – то, что хорошо для защиты своей территории, как, например, горный хребет, может стать препятствием для экспансионистских целей или для экономического взаимодействия с соседней страной. Поэтому, этот термин следует разделять по целям. На основе вышеприведённых примеров выделим необходимо ввести дефиниции геополитического положения в двух измерениях: активное и пассивное. Пассивное геополитическое положение понимается как совокупность географических факторов, способствующее защите от сторонней экспансии, а активное геополитическое положение как совокупность географических факторов, способствующих экспансии и расширению влияния страны.

Кроме того, наряду с геополитическим положением применяется родственное понятие геоэкономического положения, как положение способствующее экономическому развитию, но и его можно разделить на экспансионистское и защитное, хотя геополитическое положение часто смешивается с понятием геоэкономического положения или смешивается с ним, представляется всё же, что геополитическое положение имеет под собой военно-политическую основу, которая опосредованно зависит от экономического развития. Важно заметить, что геоэкономическое положение (ГЭП) очень сходно с вышеупомянутым понятием экономико-географического положения. Некоторые исследователи, придают ГЭП более глобальный характер, рассматривая его как отношение к основным коммуникационным направлениям движения капитала, производства товаров и услуг. Также С. В. Кузнецов и С. С. Лачининский [11] склонны разделять эти два понятия, а Т. И. Герасименко и Е. А. Семёнов. [4] рассматривают ЭПП в значении ГЭП. Действительно, ГЭП и ЭПП выполняют одинаковые функции, но категория ГЭП исходит из геополитического воззрения, где важным фактором является не только географические данности,

а политическое отношение субъектов друг к другу.

В итоге мы можем выделить три основных фактора, из чего формируется геополитическое положение: это объективные данности и характеристики какого-либо субъекта, это политическое отношение субъектов друг к другу и уровень влияния их друг на друга. Эти абстрактные категории являются базисом формирования и структуризации математического аппарата касательно геополитического положения.

Попытки строгой математической оценки предпринимались неоднократно, например, И. Ф. Кефели и О. А. Малафеевым [7], К. Э. Плохотниковым [], А. Б. Елацковым [6] и др. Однако они опираются на поминание геополитического положения как однородной категории, а как доказывается автором, это не так. В сущности, и единообразного точного расчёта экономико-географического положения не существует, однако широко известны абстрактные схемы представления этой категории.

В ранее изданной авторской статье [14] было представлено, что геополитическая карта мира в обобщённом виде представляет собой сеть, состоящую из точек (субъектов) и линий, проведённых между ними, отражающими отношения. Геополитические отношения в каком-либо виде существуют между абсолютно всеми субъектами, даже не связанными между собой официальными соглашениями или обменом населения. Длина линий между точками отражает влияние, которое оказывает один субъект на другой. Влияние не взаимно, влияние страны а на геополитическое положение страны b может быть сильнее, чем страна b влияет на страну а, поэтому геополитическая картина мира для каждого субъекта будет различаться. Абстрактная модель для субъекта а отражена на рис. 1.

ГПП субъекта а определяется отношением геополитической силы рассматриваемого субъекта к сумме влияющих на него геополитических сил других субъектов (b, c, d, e, f, g, h), где коэффициентом каждого субъекта служит степень влияния каждого из них на данный субъект и политическое отношение к рассматриваемому субъекту (формула 1).

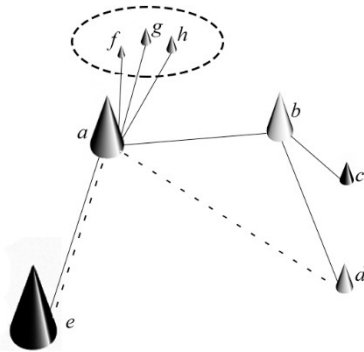

Рис. 1. Абстрактная модель геополитических отношений между геополитическими субъектами для субъекта а.

$$ГПП = \frac{ГC_a}{\sum_{i=b,c,d,e,f,g,h} ГC_i \times ВЛ_i^a \times ПO_i^a} \quad (1),$$

где $ГC$ —геополитическая сила (геополитический статус, комплексная мощь) субъекта, выражаемая совокупностью внутренних географических, экономических, демографических и пр. параметров субъекта (на рис. 2 отражается величиной конуса). По сути, это то, насколько тот или иной субъект значим или велик на карте мира, причём имеется в виду не просто площадь его территории, а все внутренние характеристики, значимые в геополитическом плане: и население, и его качество, и территория и её качество (само географическое пространство, в отличие от евклидовой геометрии, нелинейно—1 км высокогорной местности и 1 км равнины имеют различную значимость в зависимости от цели), и экономические и военные параметры. Ю. Н. Гладкий и С. В. Писаренко выделяют 8 подсистем-компонентов [5]. Причём следует разделять также «жёсткую силу», «экономическую силу» и «мягкую силу». К этой же категории относится и понятие геополитический потенциал, состоящее из реализованной и нереализованной части, как предельная возможность для роста геополитической силы. Соответственно, геополитическая сила является реализованным геополитическим потенциалом.

ВЛ–влияние субъекта i на субъект a (рассматриваемый субъект). В политической географии в качестве определения влияния политических субъектов друг на друга чаще всего применяется механическое деление окружающих стран и регионов на соседей 1-го, 2-го и далее порядков [1, 8]. Однако, влияние на ГПП России, с одной стороны, Норвегии, с другой стороны, Беларуси неодинаково, хотя они являются соседями 1-го порядка. Очевидно, что влияние Беларуси сильнее даже без учёта её дружественного политического отношения к России, хотя по многим демографическим и экономическим показателям она уступает Норвегии. Здесь становятся важны свойства границ, такие как, характер, протяжённость, разделяющая способность (барьерность) [17], а также удалённость основных демографических и экономических центров субъектов друг от друга, показывающие существенность геополитического влияния одного субъекта на другой. Отражается различной длиной линий. Так как влияние соседей по суше и соседей по морю различается, следует разделять сухопутное влияние (сплошные линии) и морское (пунктирные линии). Из схемы следует, что влияние группы субъектов fgh сильнее, чем субъекта b . С.Г. Баринов уже проводил разделение границ, дав характеристику отдельных участков сухопутной государственной границы России по возрасту границы, соответствию природным рубежам, освоённости приграничной зоны, экономическому развитию региона и соседа, общности культурных связей из чего складывалась барьерность либо прозрачность границы [3].

ПО–политическое отношение субъекта i к субъекту a (рассматриваемый субъект), выражаемое по шкале «дружественность–враждебность» (оно может быть положительным или отрицательным). Отражается цветом конусов: субъекты c и e , окрашенные тёмным цветом, враждебно настроены к субъекту a , субъекты b и d , окрашенные светлым цветом, – дружественно, причём b дружественнее, чем d . ПО является одним из наиболее сложных для математической оценки аспектов геополитического положения являются политическое отношение, т.е. то, как власть влияет на изме-

нение позиционирования на геополитической карте мира своего региона. В ранее выполненных работах это было проведено с помощью оценки по усовершенствованной шкале «дружественность-враждебность» А. Уолферса [15], однако в она применима именно на межгосударственные отношения, в то же время для оценки геополитического положения регионов она недостаточна и довольно субъективна. Здесь применим аппарат когнитивной географии Д. Н. Замятина и критической геополитики выделяются следующие способы политического влияния на геополитическое положение анализе количества и дискурса международных визитов высших лиц государств, это санкционные механизмы, которые направлены на региональные компании или федеральные компании, имеющие активы в региона, контент-анализ средств массовой информации [9, 10].

В соответствии с тем, что каждый субъект выполняет свои цели, активные или пассивные, военные или экономические, он делает это различными стратегическими методами, а соответственно и идеальная модель его геополитического положения зависит от этого, и это также сильно отличает понимание геополитического от экономико-географического и политико-географического положения. Выделяются следующие основные типы геополитической стратегии:

- ✓ Стандартная – иметь как можно ближе сильных дружественных субъектов и как можно дальше и слабее враждебных субъектов.
- ✓ Сателлитарная – иметь как можно более сильного дружественного соседа (Израиль, Армения).
- ✓ Всеохватная («захват мира») – иметь как можно больше дружественных субъектов в разных уголках мира (США).
- ✓ Экспансионистская – иметь как можно ближе один враждебный субъект (квазигосударства на территории Сомали и Афганистана).
- ✓ Политика неприсоединения – иметь как можно нейтральнее сильные субъекты (Индия).

- ✓ Политика закрытой страны («осаждённой крепости»)– иметь как можно нейтральнее отношения со всеми государствами и как можно дальше все страны (КНДР, Мьянма).
- ✓ Политика диверсификации–иметь как можно больше субъектов с дружественной позицией (Монголия)

Это не предельный список, таких стратегий может быть и больше. Сложность заключается ещё и в том, что субъекты могут выполнять свои стратегические линии по-разному в отношениях с разными субъектами. Исходя из сильных сторон субъектов, заключённых в понятии «геополитическая сила», они строят свои стратегии. Отсюда и понимание выгоды геополитического положения у разных стран отличается. Возможно ли создать такую всеобъемлющую формулу геополитического положения, которая отражала бы все аспекты поведения субъектов в геополитическом пространстве—это большой исследовательский вопрос, но именно от его решения зависит точность и научность геополитических исследований и прогностический их характер (что отчасти было сделано нами в работе [16]).

Стоит резюмировать, что главное отличие геополитики от политической географии является политическое отношение между субъектами, т.е. насколько тот или иной субъект дружелюбен или враждебен. Геополитическое положение не является однородным понятием, и его выгода зависит от активности-пассивности, ориентацию на экономическое или политическое действие. Все параметры геополитического положения могут быть представлены в схеме: геополитическая сила, географическое влияние и политическое отношение. Важным вопросом для понимания выгоды геополитического положения является определение геополитических стратегий, которые ведут разные субъекты.

Список источников и литературы

1. Бакланов П. Я. Романов М. Т. Экономико-географическое положение и геополитическое положение Тихоокеанской России, Владивосток: Дальнаука, 2009.– 168 с. 2. Баранский, Н. Н. Экономико-географическое положение // Становление советской экономической географии: избр. труды, Москва: Мысль, 1980, с. 128–159.

3. Баринов С. Л. Новое западное пограничье РФ (влияние границ на коммуникацию населения): дис. канд. геогр. наук: 25.00.24 / Баринов Сергей Леонидович, Москва, 2012, 168 с. 4. Герасименко Т. И. Семёнов Е. А. Экономико-географические и геополитическое положение как интегральная пространственная категория // Вестник Оренбургского государственного университета, 2015, № 1 (176), С. 156–161.
5. Гладкий Ю. Н. Писаренко С. В. «Геополитическая конструкция» и «Геополитический потенциал» – основные понятия геополитики // Изв. Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2013, № 154, С. 129–137.
6. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации, Москва: ИНФРА-М, 2017, 251 с. 7. Кефели И. Ф. Малафеев О. А. Математические начала глобальной геополитики, Санкт-Петербург, 2013, 204 с. 8. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. Политические исследования, 2000, № 3, С. 40–60.
9. Колосов В. А., Бородулина Н. А., Вендина О. И., Галкина Т. А., Заяц Д. В., Юр Е. С. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Полис. Политические исследования, 2003, № 3, С. 33–49
10. Колосов В., Бородулина Н. Геополитический дискурс и отношения между Россией и странами Балтии // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 9, С. 97–106.
11. Кузнецов С. В. Лачининский С. С. Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и её верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион, 2014, № 1(19), С. 103–121.
12. Левинтов А. Е. Географическое положение и границы // Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, 2016, С. 32–39.
13. Родоман Б. Б. Позиционный принцип и давление места // Вестник Московского государственного университета. Серия: География, 1979, № 4, С. 14–20.
14. Фартышев А. Н. Геополитическое и геоэкономическое положение Сибири: моделирование и оценка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 2017, Т. 62, № 3, С. 300–310.
15. Фартышев А. Н. Оценка политического отношения геополитических субъектов по шкале «дружественность-враждебность» А. Уолферса в современном мире // Мировая политика, 2018, № 4, С. 21–33.
16. Фартышев А. Н. Концепции развития и позиционирования Сибири: количественная оценка их приоритетности с геополитической точки зрения // Региональные исследования, 2019, № 4 (66), С. 107–119.

17. Фартышев А. Н. Степень естественности политических границ как геополитическая категория // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение, 2016, Т. 17, С. 33–42.

THEORY OF GEOPOLITICAL POSITION: DEFINITIONS, CRITERIA, STRATEGIES

Fartyshov A. N.^{1,2}

¹ V. B. Sochava Institute of Geography SBI RAS, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk., Russia

The report is theoretical and methodological in nature. The theory of geopolitical position is revealed and definitions of traditional geopolitical concepts and linkage with traditional concepts of economic-geographical and political-geographical position are determined. Inter-subject relations in the geopolitical space from the point of view of game theory are presented. The division of the geopolitical position into active and passive is proposed. Three main components of the geopolitical position are revealed—geopolitical power, geographical influence and political attitude and the place in them of various branches of political and geographical research branches. The types of geopolitical strategy (standard, satellite, inclusive, experimentalist, non-aligned policy, closed country policy) are distinguished. (“besieged fortress”), the policy of diversification), depending on which the understanding of the advantages of the geopolitical position changes.

Key words: geopolitics, political geography, economic and geographical position, mathematical methods in geography, limology, theory of international relations, theoretical geography.

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ И СОСЕДНИХ СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕГИОНАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Андреев А. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В докладе рассматривается развитие транспортной инфраструктуры в экономическом, регионально-политическом и историческом контексте развития торговых связей России с Европой в Балтийском регионе в условиях Венской, Версальско-Вашингтонской, Ялтинско-Потсдамской и Парижско-Беловежской геополитических эпох. Кратко представлены связанные с ними геополитические изменения в Балтийском регионе в XIX–XXI ве-

ках. Подробнее рассмотрены вопросы создания новых портов на Финском заливе взамен портов в странах Прибалтики, строительство газопроводов и терминалов сжиженного природного газа, включая актуальные проблемы со строительством Северного Потока-2, и создание железнодорожной магистрали Rail Baltica.

Ключевые слова: Балтийский Регион, Инфраструктура, Геополитические эпохи.

Хронологические рамки исследования охватывают четыре геополитические эпохи: Венскую (1815–1919), Версальско-Вашингтонскую (1919–1945), Ялтинско-Потсдамскую (1945-начало 1990-х годов) и Парижско-Беловежскую (с конца 1980-х годов) [1].

В каждую из эпох развитие инфраструктуры происходило с учётом как существовавших в тот момент государственных границ, так и построенной в предыдущие эпохи инфраструктуры. В свою очередь в переходные моменты после мировых войн новые границы проводились с учётом сложившейся на тот момент транспортной инфраструктуры.

Кратко представим особенности этих эпох:

На Венскую эпоху пришёлся вековой период периодам мира и стабильности в Балтийском регионе, от изгнания наполеоновских войск (затронувших БР меньше других частей Европы и России) до начала Первой Мировой войны. Границы России с её соседями, Швецией и Пруссией (после объединения Германии в 1871 году Германской империей) не менялись, и Россия не воевала с ними до 1914 года. Только во время Крымской войны англо-французский флот провёл две кампании против Российских сил на Балтике, в 1854 и 1855 годах. В эту же эпоху в странах началась индустриализация, появились железнодорожные сети и новые порты для паровых судов.

В Версальско-Вашингтонскую эпоху после Первой мировой войны, революций и конца Российской и Германской империй в Балтийском регионе возникли новые, независимые государства: СССР, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша. При этом стоит отметить два момента: во-первых, эти страны оказались независимыми и несоветскими государ-

ствами, в отличие от всех остальных возникших на территории бывшей Российской Империи государств, территория которых к началу 1920-х годов в той или иной форме оказалась в составе СССР либо сопредельных стран (Румынии и Турции) и во-вторых, в то время как Латвия, Эстония и Финляндия полностью возникли на территории бывшей Российской империи, то Литва и Польша получили территории по обе стороны от старой российско-германской границы.

Ялтинско-Потсдамская геополитическая эпоха прошла под знаком холодной войны между капиталистической и социалистической системами, но и тогда происходило развитие экономических связей между ними, в частности была построена энергетическая инфраструктура: газопроводы, нефтепроводы и линии электропередач из СССР в соцстраны Центральной Европы. Социалистические страны интегрировались в экономический союз (СЭВ) и военно-политический блок (Варшавский договор), создав многоотраслевую транспортную инфраструктуру (гражданскую и военную) в странах Балтийском регионе.

В Парижско-Беловежскую эпоху большинство соседей России в Балтийском регионе, включая вернувшие себе независимость Литва, Латвия и Эстония, проводят радикальные политические и социально-экономические реформы и интегрируются в ЕС и НАТО, активно используя для своего развития ранее созданную инфраструктуру, особенно приморскую. В 1990–2000-е годы благодаря множеству двусторонних и многосторонних проектов Балтийский регион становится наиболее динамичным в Европе регионом трансграничного и приграничного сотрудничества.

При этом экономическая активность переживала и спады, как в периоды глобального экономического кризиса после 2008 года, после введения в 2014 г. Евросоюзом комплекса санкций против России по экономическим связям и проектам и последовавших контрсанкций, а в настоящее время из-за пандемии и карантина.

Далее рассмотрим ряд примеров взаимосвязей между инфраструктурными проектами и изменившейся геополитиче-

ской ситуацией в регионе: Сайменский канал, Порты Финского залива и военно-морские базы там же, Доступ к морю, Проект Rail Baltica и наконец газопроводы, в особенности Северный Поток 2.

1. Сайменский канал был построен в середине XIX века и открыт для судоходства в 1856 году на территории тогдашнего Великого Княжества Финляндского—части Российской империи, имевшей широкую автономию. Канал имеет важную роль для Финляндии поскольку он сокращает транспортный путь из озер Финляндии к Балтике в обход Вуоксы, Ладожского озера и Невы. В Версальско-Вашингтонскую эпоху, когда отношения между Финляндией и СССР были напряженными, он имел и стратегическое значение для Финляндии, что в числе прочих факторов влияло на нежелание руководства Финляндии изменять государственную границу с СССР, которую Советское правительство хотело отодвинуть подальше от Ленинграда. В итоге конфликт был решён силовым путём в ходе Зимней Войны 1939–40 годов, по итогам которой нижняя часть канала оказался в составе СССР. Таким образом канал стал разделённым между двумя государствами, но ввиду того что он сохранил значение для Финляндии, она в 1948 году инициировала переговоры о возобновлении судоходства на канале. В результате переговоров в 1962 году был подписан, а в 1963 ратифицирован договор согласно которому Финляндия арендует Российскую часть канала. согласно том уже договору Сайменский канал был реконструирован в 1963–68 годах совместными усилиями обеих стран. Договор оказался успешным, хотя и подвергался критике со стороны оппозиции в Финляндии, до истечения 50-летнего срока аренды он был продлён на ещё 50 лет, т.е. до 2063 года [2].

2. В Венскую эпоху экспорт из России осуществлялся через Санкт Петербург и порты Прибалтики: Ригу, Таллин, Либаву (ныне Лиенау) и немецкий Кёнигсберг [3]. К этим портам вели железнодорожные магистрали из нынешних территорий западных регионов России, Беларуси и Украины. Схожая ситуация была Ялтинско-Потсдамскую эпоху, когда все вышеперечисленные порты оказались в составе СССР. На этот период

пришѐлся ускоренный экономический рост Ленинграда, прибалтийских республик, Калининградской области, и их портов.

При проведении новых границ по итогам Великой Отечественной Войны значение Кёнигсберга как торгового порта также учитывалось, хотя первостепенную роль тут играл его потенциал в качестве военно-морской базы.

В рамках единого государства с отсутствием таможенных барьеров это имело смысл, но в новых условиях после распада СССР Российское руководство было заинтересовано в создании замены для портов Прибалтики и инициировало строительство новых портов в Усть-Луге и Приморске и развитие порта Санкт-Петербурга где были построены новые аванпорты. Важно и нужно отметить что процесс строительства новых портов и перенаправления товаропотоков это долговременный процесс. Постановление о строительстве портов было принято в 1993 году, порты открылись в начале 2000-х а их товарооборот превзошёл прибалтийских конкурентов лишь в 2010-е годы.

3. В прошлом, в Версальско-Вашингтонскую эпоху, когда СССР был в аналогичном геополитическом положении вопрос альтернативы для экспорта не был столь острым, но Балтийский флот нуждался в новых базах, взамен утраченных которые оказались на территории ставших независимым государств. Тогда в конце 1930-х годов в устье Луги была построена база ВМФ «Ручьи», которая, однако была разрушена при отступлении в 1941 году и не восстановлена после войны поскольку у Балтфлота вновь появились базы в Прибалтике, а также, в 1945–1955 годах на территории Финляндии где находилась советская военная база Поркала-Удд, доминировавшая на востоке БР. Однако в 1955 году база была эвакуирована в рамках нового договора между СССР и Финляндией [4].

Хотя базы Ручьи и Поркала-Удд являются, ввиду их военного-морского, а не гражданского предназначения, весьма специфическими инфраструктурными объектами, в случае которых стратегические соображения преобладают перед экономическим, их нужно упомянуть здесь как примеры того как геополитические изменения могут привести к отказу от преды-

душих планов и обнулению инвестиций в инфраструктуру.

4. Как уже следует из вышеприведённых примеров, открытый доступ к морю имеет важное значение для государств. Республика Беларусь не имеет его, и поэтому обычно не включается в число государств Балтийского региона, однако торговые цепочки значительной части белорусского экспорта и импорта проходит через порты других на Балтике. С учётом существующих дорожных и железнодорожных сетей, построенных в предыдущие эпохи в едином государстве, наиболее выгодными для Беларуси являются порты Латвии, Литвы и Калининградской области (с транзитом через Литву или Польшу), и в большую часть Парижско-Беловежской эпохи именно через них и осуществлялся внешняя торговля РБ. Однако после обострения отношений между правительствами Беларуси и вышеназванных стран в конце 2020 года из-за поддержки, которую ЕС и его члены оказали Белорусской оппозиции, Правительство Беларуси приняло решение переориентировать экспорт на порты российские порты Санкт-Петербурга и Усть-Луги, соответствующий договор был заключён в начале 2021 года. Важно отметить что это политическое решение, и по чисто экономическим критериям эти порты менее выгодны для белорусских партнёров, в том числе из-за тарифов и более длинного транспортного плеча, однако в случае если ситуация сохранится длительное время, и будут сделаны долговременные инвестиции, то экспорт через порты Финского залива может стать более выгодным для Беларуси, но эти же инвестиции могут оказаться впустую в случае если политическая ситуация изменится вновь.

После Первой мировой войны Германия была вынуждена уступить Польше так называемый Польский коридор: Данциг (современный Гданьск) стал вольным городом, а рядом с ним Польша построила порт Гдыня, отрезав тем самым Восточную Пруссию (современные территории Калининградской области и Варминьско-Мазурское воеводства) а порт Мемель (Клайпеда) с городом и окрестностями отошёл к Литве. Платой за доступ к морю стал конфликт с Германией и неслучайно именно в Данциге в 1939 году началась вторая мировая война.

В нынешнюю, Парижско-Беловежскую эпоху, как и в межвоенную Версальско-Вашингтонскую, Калининградская область является прибрежным эксклавом, теперь России, а тогда Германии. И хотя регулярный конфликт между Россией и НАТО можно считать крайне маловероятным, стратеги в странах НАТО вполне всерьёз рассматривают возможность вторжения Российско-Белорусских войск через Сувалкский коридор [5], начиная с 2017 года Литва, Польша и их союзники по НАТО проводят учения по отражению такого удара и разворачивают новые силы в регионе. Этому же сопутствуют инвестиции в инфраструктуру для обеспечения снабжения этих сил, включающих контингенты из США и стран западной Европы.

5. В число проектов, получивших дополнительное финансирование, входит и Железнодорожная магистраль Rail Baltica.

Исторически сложилась различие колеи железнодорожного транспорта: Большинство железных дорог на территории Российской империи строились с шириной колеи 1524 мм. а на территории Германии и других европейских стран использовалась колея 1435 мм. После восстановления независимости в Версальско-Вашингтонскую эпоху ЖД Польши были перебиты на 1435 мм для стандартизации.

С широкой колеёй строились и ЖД Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. В результате на финско-шведской и литовско-польской границах необходимы перестановка тележек либо перегрузка грузов и пересадка пассажиров. Хотя перебивка колеи в этих странах не рассматривается, они инициировали проект Rail Baltica который предусматривает строительство скоростной (240 км/ч) грузопассажирской магистрали с стандартной колеёй 1435 мм. через крупные города Прибалтийских стран: Каунас Ригу и Таллин с ответвлением на Вильнюс в дополнение к ширококолейной сети. Через Варшаву это позволит пустить беспересадочное железнодорожное сообщение из Таллина в Амстердам, Брюссель и Венецию [6].

Трёхсторонние переговоры о нём начались ещё в 1994 году, но активная фаза началась в середине 2010х: финансирование от ЕС получено в 2015 году, предприятие RB Rail AS учрежде-

но в 2016, а договор о строительстве подписан в 2017. По планам строительство должно быть закончено к 2030 году.

Возможным дополнением к проекту станет туннель между Эстонией и Финляндией и продление магистрали через этот туннель до Хельсинки, но Финская часть проекта является предметом политических дебатов в Финляндии и её реализация под вопросом. В прочем не мешает помнить, что вышеупомянутые договор с СССР и реконструкция Сайменского канала также были горячо дебатированной темой на выборах президента Финляндии в 1956 году.

6. Актуальным на сегодняшний день инфраструктурным проектом является газопровод Северный поток-2. Его строительство во многом также является результатом изменения политической ситуации в регионе.

Ещё в 1970–80е годы от газовых месторождений в СССР были построены трубопроводы для экспорта в Европейские страны, включая Германию. Они прошли через территорию Украины, где также были обустроены резервные газохранилища.

После распада СССР, строительство трубопроводов продолжилось трубопровод Ямал–Европа через Беларусь был построен в 1999 году.

В 2010–12 года был подстроен подводный трубопровод Северный Поток из Выборга в Грайфсвальд по дну Балтийского моря, а в 2016 началось строительство Северного Потока 2 (СП2) из Усть-Луги в Грайфсвальд, которое не было завершено в запланированный срок и возможно даже не будет завершено вообще из-за угрозы применения санкций США против участников проекта [7].

В реальностях Парижско-Беловежской эпохи, Российская сторона заинтересована в независимости от транзита через третьи страны, а Европейские покупатели газа (Прежде всего, в Германии) в предотвращении возможности поставщика в монополизации газа и снижению, а в идеале и ликвидации риска газового шантажа, хотя стоит отметить что таких попыток за более чем полувековую историю экономических связей с Европой со стороны СССР-России не было.

Транзитные страны, в том числе и члены ЕС как например Польша и Словакия, являются противниками проекта так как Северный поток-2 снижает их прибыль и политическое значение.

Таким образом, как и строительство СП2 и противодействие ему является в большей степени геополитическим чем экономическим вопросом. Технологические, экономические и экологические аргументы, приводимые сторонниками и противниками проекта нужно рассматривать именно в этом контексте.

Важно отметить что в сравнении со всеми вышеупомянутыми проектами строительство СП2 затрагивает большего числа участников и третьих стран, в том числе партнёров Германии по ЕС и НАТО.

В целом, по мнению докладчика СП2 будет достроен, но с рядом уступок с российской стороны к этим третьим странам.

Как следует из представленных выше примеров, строительство крупных объектов инфраструктуры является долговременными проектами, и при планировании стороны исходят из реалий актуальной на тот момент геополитической эпохи.

В новых условиях следующих эпох существующая инфраструктура может как способствовать установлению неочевидных на первый взгляд отношений между странами так и способствовать к новым крупномасштабным инвестициям в инфраструктуру с целью приспособления к новым реальностям.

Изучение опыта предыдущих эпох позволяет давать оценку перспективам реализуемых ныне долговременных проектов.

Благодарность. Автор благодарит за помощь в проведении исследования и подготовки к публикации его результатов: моего научного руководителя, Николая Владимировича Каледина, к. г. н.

Список источников и литературы

1. Политическая география и геополитика. Учебник для вузов. Под ред. Каледина Н. В., Михеевой Н. М. Москва, Юрайт. 2021, 389с.
2. Пааскоски Ю. Сайменские каналы: интересы, предпосылки и действительность // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.)

- / Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 239–242.
3. Томпстон Р. С. Российская внешняя торговля XIX-начала XX в.: организация и финансирование. М.: Росспэн, 2008. 417 с.
  4. Курмышов В. М. Вопрос о базировании Балтийского флота в 30-е гг. XX вв. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 С. 83–103.
  5. Scholtz, L.: The Suwalki GAP dilemma: a strategic and operational analysis. Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies, October 2020, 48(1):23–40
  6. Rail Baltica Official Website (www.railbaltica.org)
  7. Официальный Сайт проекта Северный Поток-2 (www.nord-stream2.com)

EVOLUTSIA OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE OF RUSSIA AND NEIGHBORING COUNTRIES OF THE BALTIC REGION: GEOPOLITICAL AND REGIONAL-ECONOMIC ASPECTS

Andreev A.A.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The report examines the development of transport infrastructure in the economic, regional, political and historical context of the development of trade relations between Russia and Europe in the Baltic region in the conditions of Vienna, Versailles-Washington, Yalta-Potsdam and Paris-Belovezhskaya geopolitical epochs. The geopolitical changes in the Baltic region in the XIX–XXI centuries are briefly presented. The issues of creating new ports on the Gulf of Finland to replace ports in the Baltic countries, the construction of gas pipelines and liquefied natural gas terminals were considered in more detail, including actual problems with the construction of Nord Stream-2, and the creation of the Rail Baltica railway.

Key words: Baltic Region, Infrastructure, Geopolitical epochs.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Рашадбеков Н. Р.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Целью работы является выявление сущности мирового терроризма, рассмотрение и анализ его роли. Определить главных и второстепенных операторов терроризма. Увидеть его генезис, разобраться где цель, а где средство. Рассмотреть некоторые результаты террористических операций

и условия, в которых происходит активизация терроризма.

Метод: в процессе исследования геополитики и международного терроризма, были использованы историко-описательный метод, субъектно-объективные подходы и сравнительные анализы.

Результат: в результате исследования авторами определены главные и второстепенные операторы терроризма. Рассмотрены некоторые результаты террористических операций и условия, в которых происходит активизация терроризма.

Выводы: терроризм—одно из средств достижения глобальных и промежуточных целей. Террор как совокупность террористических актов и как социально-политическое явление всегда использовался субъектом как средство управления социальными процессами. Терроризм как социально-политический процесс—один из способов действий субъекта по достижению своих промежуточных и глобальных целей.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм; геополитика.

Терроризм является одной из самых острых и актуальных проблем мирового значения во всех его формах и проявлениях, масштабах и интенсивности, бесчеловечности и жестокости. Нападения на Америку 11 сентября 2001 года стало громким началом 21 века и тревожным сигналом для всего мира. Однако эти нападения, какими бы драматичными они ни были, являются частью непрерывного потока насилия против мирных жителей. Ясно, что мир все чаще становится целью растущего мирового терроризма. Проявление терроризма предполагает огромные человеческие жертвы, разрушение духовных, материальных и культурных ценностей, которые веками не восстанавливались. Это порождает ненависть и недоверие между социальными и национальными группами. Террористические атаки потребовали создания системы борьбы с ними. Для многих людей, групп терроризм стал одним из способов решения проблем: политических, религиозных, национальных. Терроризм относится к видам преступного насилия, жертвами которого могут быть невинные люди, все, кто не вовлечен в конфликт. Оно является глобальной проблемой мира. Терроризм сегодня—это самое мощное оружие, инструмент, используемый не только против властей, но очень часто и в большинстве своем. Терроризм относится к наиболее разнообразным формам и трудно-прогнозируемым явлениям современности, приобретает все более разнообразные формы

и угрожающие масштабы. Террористические акты чаще всего приносят массовые человеческие жертвы, влекут за собой разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно в жизни целого поколения. Терроризм в международных масштабах все более явно становится фактором геополитического влияния мировых центров силы. Терроризм возникает тогда, когда общество в первую очередь переживает глубокий кризис – кризис идеологии и государственной правовой системы. В таком обществе существуют различные оппозиционные группы – политические, социальные, национальные, религиозные – что вызывает сомнения в легитимности существующей власти.

К сожалению в настоящее время государства и международные структуры не готовы к нашествию терроризма. Для доказательства к этому достаточно припомнить тот факт, что до сегодняшнего дня не существует не единого правового определения терроризму. В таком положении создание или выработка единой правовой стратегии сложно даже в рамках государства, не говоря о международном уровне. Исходя из этого можно прийти к выводу, что вся эта путаница выгодна определенным политическим кругам, которые под прикрытием терроризма, не только занимаются задачами по присоединению и достижению новых позиций на международной арене, но и укрепляют контроль над подвластными народами. Ведь по факту все эти “действия против борьбы с терроризмом” в реальной жизни направлены не только против терроризма, но и на ограничение гражданских прав и свобод мирных, свободных людей, никаким образом не связанных с террором. Война как политическое действие имеет обозначенную сферу применения, чего в данном случае нет. Да и действия государств в объявленной ими “глобальной борьбе против терроризма” слишком явственно сводятся скорее к достижению все тех же явных и скрытых империалистических целей образца XIX века, чем к реальной антитерро-

ристической борьбе. И конечно же не следует сбрасывать со счетов финансового аспекта терроризма. Экономический анализ показывает, что даже сам мультимиллиардер и предводитель террористической группировки “Аль-Каида”, не был в состоянии содержать глобальную террористическую сеть на протяжении многих лет. Следовательно возникает вопрос, откуда и кто спонсировал? Безусловно, стратегический базис терроризма опирается прежде всего на экономическую составляющую. Это такой некий коммерческий проект, который не знает ни пощады, ни каких-либо духовных начал. Поневоле появляется мысль о том, что в финансировании террора не могут участвовать какие-то серьезные государственные институты. А в этой связи обращает на себя внимание то, что наибольшую активность террористы проявляют, как правило, в нефтедобывающих регионах планеты. Это нам указывает на государства, жизненно заинтересованные в контроле за мировой нефтедобычей, – такие как Саудовская Аравия или ОАЭ. В таком случае возникает следующий вопрос: можем ли победить терроризм, если оно достигло глобального уровня и стало одним из глобальных проблем современного мира? И почему же люди сами не могут победить терроризм? Во-первых, потому, что, будучи глобальной проблемой, она тесно связана со многими другими подобными проблемами, которые очень трудно решить – проблемами социально-экономического и гуманитарного характера. Искоренению террористической деятельности, как во многих случаях участи отчаявшихся, в значительной степени поможет, скажем, ликвидация нищеты и безработицы во всех регионах мира. Но это все еще недостижимо. Во-вторых, международный терроризм – это, по сути, перманентная асимметричная война. Для того, чтобы ее эффективно проводить, подавляющему большинству стран мира просто не хватает технических и информационных ресурсов. В-третьих, терроризм в целом может принимать разные формы. Таким образом, в СМИ больше всего говорится об исламистском терроризме, но эта его версия не единственная. Например, в Латинской Америке до сих пор остаются очаги автохтон-

ного терроризма—левого экстремизма партизан, что также вызывает серьезную озабоченность мирового сообщества. До недавнего времени таковыми можно было считать деятельность группировки FARC в Колумбии (сейчас существует мирный договор между FARC и официальной Боготой). И это еще возможно—саботаж «Армии парагвайского народа» в Парагвае. Наконец, в-четвертых, существуют мощные политические силы и даже государства, которые, как считается, получают выгоду от поддержки терроризма. Обсуждения на эту тему всегда будут чисто умозрительными или, по крайней мере, таковыми. Например, считается, что Катар пользуется поддержкой ИГИЛ, против которой протестует сам Катар. Есть также цитата известного бывшего государственного секретаря Генри Киссинджера, который после событий 11 сентября 2001 года сказал: «В войне с терроризмом речь идет не только о выслеживании террористов. Речь идет о том, чтобы не упустить чрезвычайно прибыльную возможность восстановить мировую систему.»

Исходя из всего выше указанного можно прийти к выводу, что терроризм—одно из средств достижения глобальных и промежуточных целей. Террор как совокупность террористических актов и как социально-политическое явление всегда использовался субъектом как средство управления социальными процессами. Терроризм как социально-политический процесс—один из способов действий субъекта по достижению своих промежуточных и глобальных целей. Терроризм—наиболее эффективный катализатор деструктивных социальных процессов, подготовительный, управленческий и спусковой механизм для запланированных социальных потрясений в различных государствах, регионах: таких как революции, восстания, войны, этнические конфликты, перехват стратегических коммуникаций, устранение конкурентов, разжигание религиозной и межнациональной розни и др. Иерархическая структура терроризма всеобъемлющая и всепроникающая. Практически в любой сфере человеческой жизни возможны и имеют место факты явного и скрытого террора той или иной интенсивности.

Список источников и литературы

1. Cohen, Saul. Geography and Politics in a World Divided. New York: Random House, 1963.
2. Anderson, Ewan. „Geopolitics: International Boundaries as Fighting Places.“ The Journal of Strategic Studies 22.2–3 (1999): 125–136.
3. Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality. New York: Norton and Co., 1962.
4. Терроризм, Юсупов Г. И.
5. ООН проблема терроризма и государств Юго-Восточной Азии, Кутюбая Елена Алексеевна, 2017 год.
6. Проблема исламского терроризма, Дорохов Ю, 2010.
7. Мировой порядок, Генри Киссенджер, 2014 год.

INTERNATIONAL TERRORISM IN MODERN GEOPOLITICS

Rashadbekov N. R.

St. Petersburg State University,
Russia, Saint-Petersburg

Background: The aim of the work is to identify the essence of world terrorism, to consider and analyze its role. Identify the major and minor operators of terrorism. To see its genesis, to figure out where the goal is, and where is the means. Consider some terrorist operations and the context in which terrorism is intensifying.

Methods: in the process of studying geopolitics and international terrorism, the historical-descriptive method, subject-objective approaches and comparative analyzes were used.

Results: As a result of the study, the authors have identified the main and minor operators of terrorism. Some results of terrorist operations and conditions in which terrorism is activated are considered.

Conclusion: terrorism is one of the means to achieve global and intermediate goals. Terror as a combination of terrorist acts and as a socio-political phenomenon has always been used by the subject as a means of managing social processes. Terrorism as a socio-political process is one of the ways of a subject's actions to achieve its intermediate and global goals.

Key words: terrorism; international terrorism; geopolitics.

ВАРИАНТЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Попов Д. И.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В настоящем исследовании рассматриваются различные варианты обозначения региона, находящегося между Германией и Россией, которые, по гипотезе автора, следующего постструктуралистскому взгляду на международные отношения, обозначают разные геополитические концепции. По итогам контент-анализа публикаций о регионе и официальных документов автор выделяет следующие названия: «Восточная Европа» как наиболее распространённое, конкретное противопоставление Западной Европы, но в настоящее время оно, сохраняя своё значение, может обозначать различные пространства; «Центральная Европа», исторически обозначавшее лидерство Германии в регионе, но теперь часто встречающееся в политическом дискурсе восточных от Германии стран; «Центрально-Восточная Европа», бывшее идеей О. Халецкого подчеркнуть особенность региона, отличие и от России, и от Германии, но в рамках европейской цивилизации. В научном и политическом дискурсе присутствуют все три термина, причём Восточная Европа в основном обозначает не вступившие в ЕС постсоветские страны, Центральной Европой позиционируют себя новые члены Евросоюза, желающие показать себя частью Запада в противовес России, а Центрально-Восточная Европа, всё чаще появляющаяся в научных статьях, предлагается для обозначения проектов сотрудничества обеих этих групп.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Восточная Европа, Центральная Европа, О. Халецкий, Ф. Науманн

Регион Европы, расположенный между Германией и Россией, часто менял названия, отражавшие определённую геополитическую концепцию. В данной статье автор выявляет основные варианты обозначения региона между Россией и Германией, показывающие текущий геополитический расклад в этом пространстве. Для достижения поставленной цели мы, рассматриваем все возможные названия выбранного региона, при каких условиях они появились, какой смысл скрывается за ними в зависимости от исторической эпохи, а также определяем, какие из этих обозначений чаще появля-

ются в научном и политическом дискурсе. В качестве методов исследования используются сравнительно-аналитический и историко-генетический, системный подход и индукция, контент-анализ документов.

Исследование проводится в рамках подхода постструктуралистов, согласно которым за названиями, обозначающими реальные объекты, скрывается определённый смысл, направленный на выстраивание структур международных отношений, причём важно их изменение во времени и их разломы [1]. По-разному трактуются Восточная Европа и Центральная Европа, а концепция Центрально-Восточной Европы, рождённая на изломе нескольких подобных концепций, была выстроена для их противопоставления, но вобрала в себя отдельные их идеи.

По итогам проведённого анализа публикаций об исследуемом регионе, выдаваемых в поисковике Google-Scholar (см. таблица 1), в научной среде наиболее часто употребляемым оказывается термин «Восточная Европа». За ним идёт «Центральная Европа», но в российских статьях он встречается заметно реже. Далее расположилась «Центральная и Восточная Европа» и её английский аналог, хотя последний встречается чаще. После них – похожие им определения «East Central Europe» и его русский перевод «Центрально-Восточная Европа» [3, с. 158] (другой перевод – «Восточно-Центральная Европа» – использовался крайне редко [4, с. 18]). Остальные обозначения схожи с предыдущими двумя, хотя и несут некоторую окраску, но почти не используются. В нашем исследовании мы сосредоточимся на первых определениях: Восточная Европа, Центральная Европа, Центральная и Восточная Европа и Центрально-Восточная Европа.

Восточная Европа. Высокая частота использования термина «Восточная Европа, на наш взгляд, объясняется его простотой. Он может быть синонимом для общности этнографической (славянская Европа), конфессиональной (православная Европа), идеологической (социалистический лагерь), поэтому его использование логично в работах на историческую тематику, при рассмотрении общих тенденций.

Упоминание различных вариантов обозначение пространства между Германией и Россией в научных статьях

Русскоязычные статьи		Англоязычные статьи	
Восточная Европа	28 300	Eastern Europe	2 660 000
Центральная Европа	3 550	Central Europe	2 070 000
Центральная и Восточная Европа	1 740	Central and Eastern Europe	840 000
Центрально-Восточная Европа	1 060	East Central Europe	110 000
Восточная и Центральная Европа	218	Eastern and Central Europe	50 400
Центральная Восточная Европа	105	Central Eastern Europe	37 400
Восточно-Центральная Европа	62	Eastern Central Europe	8 720
Восточная Центральная Европа	34	Central-East Europe	4 100

Составлено по результатам поиска в Google-Scholar [2]

Ещё с эпохи Просвещения народы к востоку от Германии стали рассматриваться антитезой Западной Европой [5, с. 35]. В годы холодной войны граница Западной и Восточной Европы была определённой, но в условиях развала соцлагеря и расширения НАТО и ЕС ситуация усложнилась. Поэтому теперь трудно объединить в одну Восточную Европу такие разные страны, как Чехия и Украина, добившиеся разного успеха в демократизации и экономической модернизации.

В успешных странах понятие «Восточная Европа» воспринимается в негативном ключе, как антитеза Западной Европе. Им стараются определить уже страны бывшего СССР – Белоруссию, Украину, Молдову, а также и Россию, но Восточной Европой можно обозначать и новых членов ЕС и НАТО в противовес старым. Тем не менее, сейчас вся Европа и сам регион дробится на различные общности, так что простого деления на две части уже недостаточно.

Центральная Европа. Термин «Центральная Европа» восходит к временам существования Австрийской империи [6, с. 40], но стал распространённым после публикации книги Ф. Науманна «Срединная Европа», когда его относили к региону во главе Германией [7]. Его пытались использовать и после

Версальского мира, подчёркивая особенность стран между западными демократиями и СССР [4, с. 21]. После Второй Мировой войны, когда сама Германия была разделена, «Центральная Европа» вряд ли могла активно использоваться, но к окончанию холодной войны она возвращается. Ещё в 1980-е гг. в Польше и Венгрии начинаются интеллектуальные дискуссии о «центральноевропейскости» [4, с. 23] для подчёркивания связи не с Россией, а с Западной Европой. Обыгрывается идея Центральной Европы как жертвы войн и тоталитаризма XX века: в эссе М. Кундеры «Трагедия Центральной Европы» в регион включаются лишь страны соцлагеря без СССР и Балкан [8, с. 86].

Сейчас Центральная Европа может обозначать германоязычные страны: ФРГ, Австрию, Швейцарию, Лихтенштейн. Но оно может использоваться и для большего региона: германских земель и бывших стран СЭВ, исключая Балканы, которых в данном случае включают в Юго-Восточную Европу [9, р. 236]. Наконец, Центральная Европа может быть и вовсе без Германии, если последнюю как экономически успешную демократию считать частью Западной Европы. Тогда ей можно обозначить «новых членов» ЕС, что выделит их и от «старых членов», и от не вступивших в ЕС постсоветских стран, определяемых Восточной Европой.

Во всех вышеозначенных случаях Россия выбывает из региона, обозначается «Другим» для бывших соцстран, но и Западная Европа может оказаться для них такой же [4, с. 23]. Сам регион стремится показывать себя «Западной Европой» по отношению к Восточной – Украине, Белоруссии и Молдове, не входящих в ЕС и видящихся лишь последователями их более успешных соседей [4, с. 25]. Так, сейчас термин кажется наиболее удобным для разграничения вошедших и не вошедших в ЕС стран.

Однако появляются идеи о кризисе концепции Центральной Европы. Для стран Вышеградской четвёрки теперь важно подчеркнуть собственную значимость, ведь за последние десятилетия они добились экономических успехов и теперь отстаивают особую позицию по тому же вопросу мигрантов [8, с. 95]. Ещё в 1990-е гг. вместо подчёркивания «центральноевропей-

скости» в регионе говорили о Европе в целом, а сейчас распространяются концепции о Центрально-Восточной Европе.

Центрально-Восточная Европа. Понятие «Центрально-Восточная Европа» или примерно равное ему «Центральная и Восточная Европа» предполагает наличие особенного региона, отличного и от России, и от Германии. Именно против идей последней о Срединной Европе и была направлена данная идея, впервые выдвинутая польским историком О. Халецким. Он подчёркивал существование особого региона между Германией и Россией – восточную часть Центральной Европы, поэтому перевод «Центрально-Восточная Европа» кажется более точным, хотя и менее употребляемым. Этим определением он показывает страны соцлагеря частью Центральной Европы, т.е. «просвещённой» западной цивилизации, но в ней он чётко отграничивает их от Германии – Центрально-Западной Европы [10]. Термин стал активно использоваться польскими историками, которые основали Институт изучения Центрально-Восточной Европы [3, с. 158], выпустили «Историю Центрально-Восточной Европы», по сути представляющую собой историю Чехии, Польши и Венгрии [11].

К Центрально-Восточной Европе в большей степени стали обращаться при разделении бывших соцстран на более и менее успешные, когда первые вошли в ЕС и НАТО и стали подчёркивать свою особенность. В последнее время и в российских статьях частота упоминания термина растёт (см. рисунок 1), хотя они уступают количеству публикаций о Восточной Европе

Таким образом, идея Центрально-Восточной Европы позволяет элитам региона подчеркнуть принадлежность к западной цивилизации и свою особенность, что особенно актуально в условиях расхождения мнения руководства этих стран с позицией Брюсселя.

Варианты обозначения региона в политическом дискурсе. Итак, после рассмотрения возможных теоретических вариантов обозначения региона между Германией и Россией, посмотрим, какие из них представлены в политическом дискурсе, для чего обратимся к региональному делению Европы во внешнеполитических ведомствах и к внешнеполитическим доктринам стран региона.

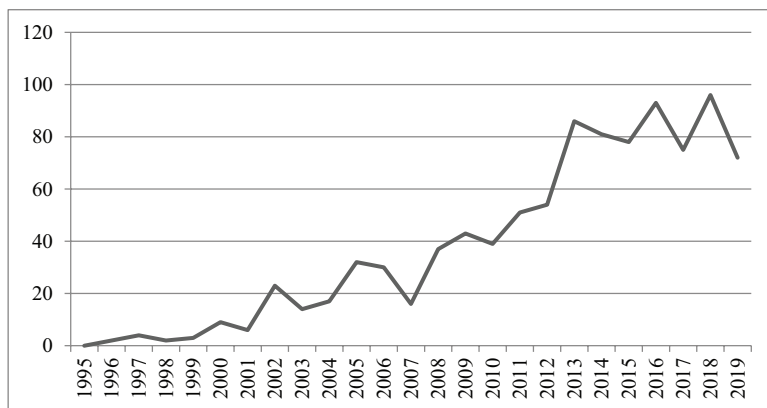

Рис. 1: «Упоминание Центрально-Восточной Европы в научных статьях в 1995–2019 гг.»

Составлено по результатам поиска в *Google-Scholar* [2].

Часто за страны между Германией и Россией отвечают несколько различных структур органов государственной власти. Так, в МИД РФ за страны Вышеградской четвёрки отвечает Третий Европейский департамент, который занимается и проблемами Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна, т.е. именно Центральной Европой. Остальные страны региона – республики бывшей Югославии, Румыния, Болгария, Албания вместе с Грецией, Кипром и Турцией включены в Четвёртый Европейский департамент, а Белоруссия, Украины и Молдова – в отдельный Второй департамент СНГ [12], так что единого обозначения пространства не предусмотрено.

В ЕС чётко отграничивают не входящие в объединение постсоветские государства и называют их Восточной Европой или её аналогом: так, в Европейской службе внешнего действия (ЕСВД) создан отдел по России, Восточному партнёрству и Центральной Азии [13]. Примерно такое же обозначение принято во всех странах ЕС: например, в МИД Литвы – Восточное соседство [14]. Россия в случае присутствия названия «Восточная Европа» может обозначаться отдельно, т.е. её ставят вне рамок региона (в МИД Франции – дирек-

торат по России и Восточной Европе [15]), или не прописываться, когда отдел занимается всем постсоветским пространством (в МИД Болгарии—отделение по Восточной Европе и Центральной Азии [16]). Часто в подразделение, обозначаемое восточноевропейским, входят все страны постсоветского пространства, причём, как в примере с болгарским МИД [16], в Восточную Европу включают и кавказские республики, но иногда последних обозначают отдельно (к примеру, в МИД Австрии—отделение «Восточная Европа и Южный Кавказ» [17]). Наконец, включают в Восточную Европу и не входящие в Евросоюз балканские государства (в МИД Австрии [17]), но в некоторых случаях создают для них отдельное подразделение: «Западные Балканы» (в ЕСВД [13]), «Юго-Восточная Европа» (МИД Болгарии [16]), «Балканская Европа» (МИД Франции [15]).

Именно термин Восточная Европа полностью превалирует в названиях отделений, тогда как страны региона, входящие в ЕС, не выделяются, и за них отвечает общеевропейский департамент, но при его разделении встречается и название «Центральная Европа», обозначающее «новых членов» (к примеру, в МИД Чехии [18]). Доминирование «Восточной Европы» вызвано политической необходимостью отделить ЕС, воспринимающийся единой структурой, от его внешних европейских партнёров. В данном случае проявляются более долгосрочные тенденции, тогда как если мы обратимся к интерпретации региона в доктринах внешней политики, то получим текущий взгляд на проблему.

Для самоидентификации стран региона чаще используется термин «Центральная Европа», а Восточной Европой называют соседние государства. Так, во внешнеполитической стратегии Словении прописано, что страна является частью Центральной Европы, в которую включаются Германия, Австрия и Вышеградские страны [19]. Но при этом используется и термин «Центральная и Восточная Европа», когда говорится об общих процессах демократизации после окончания холодной войны, а «Восточная Европа»—для Украины, Белоруссии и Молдовы. Аналогично в программе Правительства Литвы

приводится термин «Центральная Европа», к которому относят саму Литву и Польшу, но страны восточнее никак специально не обозначены [20].

Некоторые страны региона видят себя частью иного пространства. Например, в Словацкой программе внешней и европейской политики на 2020 г. упоминается только Центральная и Восточная Европа в контексте региональных интеграций [21]. Эстония не выделяет в своей стратегии части Европы, а себя ассоциирует с балтийскими и северными форматами сотрудничества [22].

В наибольшей степени разнообразие идентификации регионов представлено в Польской внешнеполитической стратегии на 2017–2021 гг. [23]. Она начинается со слов об освобождении Центральной Европы от тоталитаризма, с которого последовало воссоединение этих стран с Западом. Вместе с тем Центральная Европа и Прибалтика обозначаются Триморьем по «Инициативе трёх морей», где Польша выступает лидером. Этот же регион называется Центральной и Восточной Европой, когда о нём говорят в более широком контексте, подчёркивая связь с восточными соседями. Но конкретно страны к востоку от Польши называют Восточной Европой, которую из-за угрозы России требуется поддерживать. Польша в стратегии активно использует разнообразные обозначения региона для конкретизации своего геополитического положения. Себя она идентифицирует страной Центральной Европы, т.е. западной цивилизации, которая отделена от постсоветского пространства–Восточной Европы. При этом восточноевропейцы тесно связаны с Центральной Европой и выступают подопечными Польши в их движении в ЕС.

Итак, в настоящее время единое чёткое определение пространства между Россией и Германией отсутствует. В научном и политическом дискурсе друг с другом конкурируют понятия «Восточная Европа», «Центральная Европа» и «Центрально-Восточная Европа», при этом каждое из них представляет собой особый геополитический проект. Идея Восточной Европы, наиболее часто используемая в научных статьях, более общая, но и в ней остаётся идеологическая и геополитическая

нагрузка. Это бинарная логика успешной Западной Европы и отстающей от неё Восточной, причём граница между ними с расширением ЕС уходит всё дальше на восток. Однако само определение, изначально бывшее достаточно простым, теперь может означать разные пространства: Украину, Белоруссию, Молдову с Россией или без неё, всех участников Восточного партнёрства, постсоветские республики или даже весь бывший социалистический лагерь, поэтому эта концепция используется широко, но не может считаться конкретной и однозначной.

Использование понятия «Центральная Европа», ранее связанного с региональной гегемонией Германией, характерно для новых членов ЕС, желавших в конце XX в. подчеркнуть свою принадлежность к западной цивилизации и отграничить себя от России, преодолеть вышеотмеченную дихотомию Западной и Восточной Европы. Именно так страны региона продолжают себя идентифицировать в своих внешнеполитических доктринах, хотя нередкими становятся обращения к Европе в целом, и у добившихся успеха стран возникает желание противопоставить себя и России, и Западной Европе, в связи с чем возникает концепция «Центрально-Восточной Европы».

Название «Центрально-Восточная Европа», предложенное О. Халецким, ещё менее распространено, но предлагает для стран региона особенную идентичность, связанную с западной цивилизацией, но со своими традициями. К тому же такое обозначение охватывает не только вошедшие в ЕС и НАТО соцстраны, но и западные постсоветские республики, которые будут ведомыми участниками этой геополитической концепции при лидерстве своих более успешных западных соседей. Именно поэтому о нём вспоминали ещё в конце холодной войны, чтобы привлечь к западной интеграции Украину, Белоруссию и Молдову [8, с. 93], а сейчас – в контексте форматов сотрудничества, выходящих за пределы ЕС. Но такой промежуточный подход пока недостаточен для элит региона, которые хотели бы окончательно преодолеть свою прошлую восточноевропейскую идентичность, поэтому в официальных документах приоритетным для них оказывается концепт «Центральная Европа», который ещё продолжает существовать.

Список источников и литературы

1. Campbell D. Poststructuralism // Dunne T., Kurki M., Smith S. International Relations Theory. Discipline and Diversity. Oxford: University Press, 2013. pp. 223–246.
2. Google-Scholar. URL: <https://scholar.google.ru/> (дата обращения: 11.03.2021)
3. Михайленко В. И., Довжик Н. Р. Восточное партнёрство и польские концепции переформатирования Центрально-Восточной Европы // Известия Уральского Федерального Университета. Общественные науки. 2017. № 3. С. 153–164.
4. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 18–33.
5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с. 6. Зеленка М. Центральная Европа в представлениях чешских славистов межвоенного периода // Славяноведение. 2019. № 3. С. 39–45.
7. Науманн Ф. Срединная Европа. Пг.: Огни, 1918. 135 с. 8. Шимов Я. В. Междуморье: пространство судьбы // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 79–98.
9. Bölcskei, A. Central Europe as a historical, cultural, social and geopolitical concept today // Onomastica Uralica. 2018. No.12. pp. 235–251.
10. Halecki, O. Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. La Vergne: Lightning Source, 1980. 556 p.
11. История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. 1120 с. 12. Структура МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/about/structure> (дата обращения: 11.03.2021)
13. Organisation chart of the EEAS. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/3602/organisation-chart-eeas_en (дата обращения: 11.03.2021)
14. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Lithuania. URL: <https://www.urm.lt/default/en/contacts> (дата обращения: 11.03.2021)
15. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/missions-organisation/organisation-de-l-administration-centrale/> (дата обращения: 11.03.2021)
16. Министерство на външните работи. URL: <https://www.mfa.bg/bg/ministerstvo/struktura> (дата обращения: 11.03.2021)
17. Federal Ministry Republic of Austria. European and International Affairs. URL: <https://www.bmeia.gv.at/en/the-ministry/organizational-structure-in-german/organisation/show/referat-ii3b/> (дата обращения: 11.03.2021)

18. Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. URL: https://www.mzv.cz/file/4208548/Organigram_MZV_CZ_19012021.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
19. The Foreign Policy of the Republic of Slovenia. URL: https://www.gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/strateski-in-programski-dokumenti/strategija_ZP_ang.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
20. Programme of the Government of the Republic of Lithuania. URL: <https://www.urm.lt/default/en/foreign-policy/key-foreign-policy-documents/programme-of-the-government-of-the-republic-of-lithuania-foreign-policy-part> (дата обращения: 11.03.2021)
21. Foreign and European Policy of the Slovak Republic in 2020. URL: <https://www.mzv.sk/documents/30297/4238317/Foreign+and+European+Policy+of+the+Slovak+Republic+in+2020+%28unofficial+translation%29.pdf> (дата обращения: 11.03.2021)
22. Estonian Foreign Policy Strategy 2030. URL: https://vm.ee/sites/default/files/Estonia_for_UN/Rasmus/estonian_foreign_policy_strategy_2030_final.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
23. Polish Foreign Policy Strategy 2017–2021. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/what-we-do-> (дата обращения: 11.03.2021)

VARIANTS OF DESIGNATION OF THE SPACE BETWEEN RUSSIA AND GERMANY AS A REFLECTION OF GEOPOLITICAL CONCEPTS

Popov D. I. ¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,

The present study considers various variants of designation of the region located between Germany and Russia, which, according to the author's hypothesis, following the poststructuralist view of international relations, denote different geopolitical concepts. Based on the results of the content analysis of publications about the region and official documents, the author identifies the following names: «Eastern Europe» as the most common, concrete opposition to Western Europe, but at present it retains its significance, can denote different spaces; «Central Europe», historically denoting Germany's leadership in the region, but now often found in the political discourse of the countries east of Germany; «Central and Eastern Europe», which was the idea of O. Khaletsky to emphasize the peculiarity of the region, the difference from both Russia and Germany, but within the framework of European civilization. All three terms are present in scientific and political discourse, with Eastern Europe basically denoting non-EU post-Soviet countries., Central Europe is positioned by new members of the European Union, who want to show themselves as part of the West as opposed to Russia, and Central and Eastern Europe, increasingly appearing in scientific articles, it is proposed to designate cooperation projects between the two groups.

Key words: Central and Eastern Europe, Eastern Europe, Central Europe, O. Haletsky, F. Naumann

---

Секция 3
ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ЕВРАЗИИ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗМЕНЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ФОРМ
ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМА В ЕВРАЗИИ

Кузнецов Д. А. ¹

¹Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России,
Москва, Россия

В настоящее время набирают силу трансрегиональные процессы. При этом сам феномен по-прежнему остается недостаточно изученным, о чем свидетельствует отсутствие консенсуса по поводу сущности и типологии трансрегиональных процессов. Формируются сразу несколько типов трансрегиональных связей – межрегиональные связи (например, ЕС-АСЕАН), трансрегиональные форумы (БРИКС, МИКТА) и сложные сетевые трансрегиональные объединения (Пояс и путь, проекты ТТП, Индо-Пацифики и Большой Евразии). В ряде случаев трансрегионализм приобретает конкурентные формы. В процессе функционального регионостроительства инициируются проекты, являющиеся несовместимыми по совокупности их политических принципов, идеологических установок и социально-экономических практик. Усиление такого рода конкуренции может приводить к масштабным геополитическим и геоэкономическим сдвигам в трансформирующемся мире. Трансрегионализм стал объективной реальностью мировой политики: трансрегиональные форматы взаимодействия используются государствами и региональными объединениями для реализации собственных и коллективных внешнеполитических интересов. Участие в трансрегиональных объединениях открывает перед государствами и региональными объединениями новые возможности в реализации своих национальных и коллективных интересов, поиске эффективных конфигураций ресурсов, в обеспечении экономического процветания и безопасности, а также новые инструменты для реформирования глобальных институтов. Трансрегионализм принимает высококонкурентный характер, проявляющийся в конкуренции моделей развития и в самой конкуренции трансре-

гиональных проектов. Сложный характер таких взаимосвязей позволяет предложить несколько сценариев развития будущей трансрегиональной архитектуры мира – от конструктивно-глобалистского до деструктивно-конфликтного.

Ключевые слова: трансрегионализм, регионализация, полицентричность, мировая политика, геополитика, глобализация.

В современном мире продолжают набирать силу трансрегиональные процессы, вовлекающие в себя целые регионы и основные полюсы эволюционирующей к полицентричности мировой системы. При этом сам феномен по-прежнему остается недостаточно изученным, о чем свидетельствует отсутствие консенсуса по поводу сущности и типологии трансрегиональных процессов. Нерешенным остается вопрос о взаимосвязи трансрегионализма и глобализации, интеграции и демократизации как ведущих мегатрендов современной мировой политики; не менее остро стоит вопрос и практики трансрегионализма в его геополитическом и геоэкономическом измерении. При этом активизация трансрегиональной конкуренции, прежде всего в Евразии, свидетельствует о новом этапе и новой значимости развития настоящего феномена.

В настоящее время формируются сразу несколько типов трансрегиональных связей – межрегиональные (интеррегиональные) связи (например, ЕС-АСЕАН или АСЕАН-Меркосур), трансрегиональные форумы (такие как ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР), БРИКС или МИКТА (Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция, Австралия)) и сложные сетевые трансрегиональные объединения (Инициатива пояса и пути, проекты Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), Индо-Пацифики и Большой Евразии). В ряде случаев трансрегионализм приобретает конкурентные формы. В процессе функционального регионостроительства инициируются проекты, являющиеся несовместимыми по совокупности их политических принципов, идеологических установок и социально-экономических практик. Усиление такого рода конкуренции может приводить к масштабным геополитическим

и геоэкономическим сдвигам в трансформирующемся мире.

Ряд авторов окрестил такого рода объединения «мегапроектами». Действительно, в приставке «мега» отражается масштабность охваченных ими пространств. При этом речь идет о формировании функциональных регионов, то есть пространств, конструируемых по функциональному признаку, в отличие от классических регионов и региональных объединений, в основе которых лежал фактор близости, прежде всего географической, определявшей общность-схожесть-близость хозяйственных, социально-культурных и даже политических практик.

Вместе с тем, было бы заблуждением считать новые трансрегиональные объединения признаком «конца географии», о котором заявляли финансисты и экономисты на рубеже тысячелетий. Речь идет о сложном переплетении географических и функциональных начал в формировании трансрегионального уровня практики международных отношений. При этом необходимо подчеркнуть многообразие данных географических (геополитических) детерминант, проявляющихся в отдельных трансрегиональных проектах и указывающих на сложную взаимосвязь географических и функциональных характеристик регионов.

БРИКС сформирован ядрами «географических» регионов (Южной Америки, Евразии, Африки южнее Сахары), связанных новой функциональной характеристикой – формированием блока лидеров развивающегося мира, способных к коллективному действию в системе глобального управления и, в частности, в рамках Группы двадцати. Кроме того, таким странам как Бразилия или Китай просто тесно в тех региональных границах, в которых они исторически развивались. Их потенциал в определенный исторический момент оказался более значимым и достаточным для того, чтобы играть более весомую роль в мировой политике и экономике: для этого необходимо было лишь вырваться за географические границы регионов.

Схожая функциональная задача связывает и страны МИКТА, которые в большей степени стремятся к преодолению региональных ограничителей роста и влияния, в чем также

прослеживается эта связь. Мексика пытается найти механизмы преодоления геополитического статуса «сателлита» США, Индонезия стремится к тому чтобы вырваться из орбиты региональных «асеаноцентричных» проектов и приобрести новый статус, прежде всего, центра мусульманского мира, Республика Корея – к расширению своего влияния в мире в качестве одной из ведущих экономических держав, при этом стиснутых в региональных границах со стороны других крупных акторов, Турция – к обретению подлинно державного статуса, как и Австралия, для которой трансрегиональные связи – единственная возможность усиления места в мире.

ТТИП – это проект консолидации торговых и других отношений между двумя центрами крупных макрорегионов – Европы и Северной Америки. ТТП был призван географические регионы через экономическое и технологическое партнерство. При этом оба проекта, и прежде всего ТТП, были нацелены на геополитические и геоэкономические сдвиги – ограничение влияния Китая, усиление «западной сцепки» (ТТИП), формирование новых «золотых стандартов» экономики в условиях торможения деятельности ВТО, распространение западоцентричных моделей интеграции.

«Пояс и путь» предлагает связать отдельные географические регионы на основе китайских функциональных интересов модернизации и усиления внешней политики. По сути это проект регионального строительства на основе внешнеполитического геополитического и геоэкономического видения Китайской коммунистической партии. В настоящее время речь идет о формировании нового институционального облика Евразии и ее контура, так как проект включает в себя не только первоначальные треки сухопутного «шелкового пути» и морского пути, но и «железного шелкового пути» и «арктического пути». Несмотря на широкую критику и скепсис, прежде всего среди западных стран, сегодня более ста государств мира заявили о своем интересе к участию в инициативах в рамках Инициативы.

Межрегиональные связи по типу ЕС-АСЕАН по своей сути также есть попытка формирования функциональных связей

между стянутыми в тех или иных институционализированных и организационных формах региональных пространств.

Вышеуказанные примеры свидетельствуют о том, что стержневой характеристикой трансрегионализма как относительно нового явления международной реальности являются устанавливаемые им взаимосвязанности географических особенностей региона с его функциональными характеристиками, географических характеристик региона с его функциональными характеристиками. При этом, усиление международной конкуренции между ведущими игроками и центрами данных инициатив свидетельствует о высококонкурентном потенциале трансрегионализма в XXI веке. Эта конкуренция (особо значима она в настоящее время в Евразии) способна привести к формированию новых разделительных линий и повышению популярности геополитики как перспективного направления политической мысли.

Трансрегионализм стал объективной реальностью мировой политики: трансрегиональные форматы взаимодействия используются государствами и региональными объединениями для реализации собственных и коллективных внешнеполитических интересов; при этом трансрегиональный уровень, охватив широчайший круг акторов, формирует собственную систему взаимосвязей на уровне мирополитических процессов между региональным и глобальным. Государства, разделенные не только по географическому принципу, но и имеющие совершенно разные цивилизационно-культурные, социально-экономические, исторические и политические особенности развития формируют объединения нового формата, имеющие потенциал стать коллективными акторами в системе глобального управления. Участие в трансрегиональных объединениях открывает перед государствами и региональными объединениями новые возможности в реализации своих национальных и коллективных интересов, поиске эффективных конфигураций ресурсов, в обеспечении экономического процветания и безопасности, а также новые инструменты для реформирования глобальных институтов в условиях трансформации Вестфальской международной политической системы.

Трансрегионализм, будучи относительно новым явлением мировой политики, в основе своей имеет географические и функциональные детерминанты. Подобные масштабные проекты формируются в интересах как крупных ведущих мировых держав, так и держав «среднего уровня» и малых государств. Все отчетливее проявляется геополитическая и геоэкономическая значимость трансрегиональных проектов. При этом феномен уже принял высококонкурентный характер, прежде всего в Евразии, проявляющийся в конкуренции моделей развития и в самой геополитической конкуренции трансрегиональных проектов.

Список источников и литературы

1. Барановский В. Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений. Полис. Политические исследования, № 3, с. 71–91, 2017.
2. Воскресенский А. Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сравнительная политика, № 3, с. 128–145, 2018.
3. Ефремова К. А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности. Сравнительная политика, № 2, с. 58–72, 2017.
4. Косолапов Н. А. Политические пространства глобального мира: становление, функции, эволюция. Транснациональные политические пространства: явление и практика, отв. ред. М. В. Стрежнева. ИМЭМО РАН. М.: «Весь мир», с. 68–69, 2011
5. Кузнецов Д. А. Трансрегионализм как новое явление международных отношений и его осмысление в мировом комплексном регионоведении / Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. В 2 т. Т. 1. / под ред. А. Д. Воскресенского, [науч. ред. Д. А. Кузнецов]. М.: МГИМО-Университет, с. 47–58, 2018.
6. Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики. Полис. Политические исследования, № 5, с. 71–84, 2019.
7. The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Ed. by Tanja A. Börzel and Thomas Risse. Oxford, 560 p., 2016.
8. The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia, ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglárka Koller. Lexington Books. 242 p., 2019.

Section 3
POLITICAL, GEOGRAPHICAL AND GEOPOLITICAL
PROBLEMS OF EURASIA

GEOPOLITICAL AND GEO-ECONOMIC CHANGE IN COMPETITIVE
FORMS OF TRANSREGIONALISM IN EURASIA

Kuznetsov D.A.¹

¹Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia.

Transregional processes are currently gaining momentum. At the same time, the phenomenon itself remains insufficiently studied, as evidenced by the lack of consensus on the essence and typology of transregional processes. Several types of transregional ties are being formed at once—interregional ties (for example, EU-ASEAN), transregional forums (BRICS, MIKTA) and complex network transregional associations (Belt and Road, TPP, Indo-Pacific and Greater Eurasia projects). In some cases, transregionalism takes competitive forms..

Transregionalism has become an objective reality of world politics: transregional formats of interaction are used by states and regional associations to realize their own and collective foreign policy interests. Transregionalism takes on a highly competitive character, manifested in the competition of development models and in the competition of transregional projects itself. The complex nature of such interrelations allows us to offer several scenarios for the development of the future transregional architecture of the world—from constructive-globalist to destructive-conflict.

Key words: transregionalism, regionalization, polycentricity, world politics, geopolitics, globalization.

GEOPOLITICAL ENCOUNTERS AND
ENTANGLEMENT ALONG THE BELT AND ROAD
INITIATIVE

Richardson Paul¹

¹ School of Geography, Earth and Environmental Sciences
University of Birmingham,
Birmingham, UK

This paper traces the evolution of geopolitical thought along one of the most visible geopolitical initiatives of our age—China's One Belt One Road project (OBOR). It evaluates the economic, political and representational logics that have been used to interpret OBOR, before turning to the new horizons on geopolitics offered by an assemblage approach. Such an approach involves tracing the competing logics, contexts, relations and elements from which OBOR has

emerged. It is an approach that can capture incoherence and myriad tensions while rejecting singular and reductionist interpretations. It also highlights the potential that feminist challenges offer for drawing out the linkages between elements and assemblages. The paper begins by focussing on the interrelationship between geoeconomic and geopolitical logics through analysing how radical and Marxist approaches to geopolitics have tended to valorise territory in ways that are strikingly similar to classical geopolitics. It then explores the notion of a more complex geopolitics derived from the application of assemblage thinking and feminist approaches. Using the example of OBOR—and drawing on policy announcements, expert commentary, and academic analysis—it explores the potential of these approaches for interrogating OBOR’s interwoven logics and contradictions, and its wider applicability for the study of geopolitics.

Key words: One Belt One Road project, Mackinder, geopolitical logic, geo-development

China’s Belt and Road Initiative (BRI)—a key subject of contemporary geopolitics. Marxist or radical geopolitical approaches interpret BRI as: “a geoeconomic or commercial project to facilitate a cross-continental flow of capital, commodities, labor, and resources through infrastructure construction or a “spatial fix” to China’s industrial overcapacity problem” (Lee, Wainwright and Glassman 2018, 426). Some observers have concluded that China is following a well-trodden course: As earlier rising capitalist powers have all tried, China has also started experimenting with the classic and logical solution to all these cyclical problems by expanding the geographical and spatial dimension of capital accumulation, through incorporating new natural resources, new markets and labour into a capitalist system based on the emerging power’s preferred rules of the game (Zhang 2017, 319).

Interpretations of BRI inspired by Mackinder have appeared in outlets such as *The Diplomat* Mackinder’s brilliant understanding of the relationship between geography and history enables today’s strategists to grasp the strategic implications of China’s Belt and Road Initiative, cooperation with Russia, diplomatic and economic inroads into Africa, and growing sea power (Sempa 2019). However, distinctions between geopolitical and geoeconomic approaches to the BRI become difficult to separate when the term “Chinese investment” encompasses “a hierarchy of capitals of varying status, resourcefulness and connection to the Beijing government” (Lee 2014, 34–35).

Geodevelopment and geocultural narratives. “Geo-development” interpretations of BRI consider it as “a quest for ‘win–win’ economic cooperation and common development” (Dunford and Liu 2019, 148). The BRI as a New Silk Road can also be read as “a geocultural construct”, which reshapes long-held spatial imaginaries and images, to the degree that it transforms: Asia into Eurasia as the unit of analysis and discussion [...] one that also reaches across to Africa and up to the Arctic. At the centre of this discourse of geography sits China, regaining its place as ‘The Middle Kingdom’ of both world history and of contemporary international affairs (Winter 2020, 18).

“Geo-development” interpretations of BRI consider it as “a quest for ‘win–win’ economic cooperation and common development” (Dunford and Liu 2019, 148). The BRI as a New Silk Road can also be read as “a geocultural construct”, which reshapes long-held spatial imaginaries and images, to the degree that it transforms: Asia into Eurasia as the unit of analysis and discussion [...] one that also reaches across to Africa and up to the Arctic. At the centre of this discourse of geography sits China, regaining its place as ‘The Middle Kingdom’ of both world history and of contemporary international affairs (Winter 2020, 18).

“Big Picture” geopolitics also tends to overlook the micro-scale. For example, mining compounds can separate ex-patriot workers from host communities, fomenting unsubstantiated myths and doubts about intentions (Lee 2014: 58–60; Flint and Wad-doups 2019: 20). At the micro-scale, the BRI can be recoded away from the invocations of a “Silk Road Spirit” and building “people-to-people relations” (Han and Webber 2020, 1), to an affective geopolitics of “fear and insecurity” (Lee 2014, 59). The BRI’s intercontinental infrastructures and mega-projects are constantly in exchange with local factors that can alter intended meanings, functions, value and resilience.

The BRI has too often been interpreted in the singular—as a grandiose spatial fix; an emancipatory model for development; a civilisationist continuation of China’s past; or a geopolitical gambit for regional domination. However, it is more of a geopolitical assemblage full of inversions, connections and competing logics.

Combining multiple geopolitical approaches emphasises the ways in which micro- and macro-scales are interconnected. Such approaches also highlight the incoherence, unevenness, and contradictions of BRI and other geopolitical assemblages. Without a more inclusive and connected geopolitics, interpretations of the social, political, environmental, and security challenges shaping our world will prove beyond us.

References

1. Dunford, M. and W. Liu. (2019). Chinese perspectives on the Belt and Road Initiative. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 12, 145–167
2. Flint, C. and M. Waddoups. (2019). South-South cooperation or core-periphery contention? Ghanaian and Zambian perceptions of economic relations with China. *Geopolitics*. doi:10.1080/14650045.2019.1659781
3. Han, X. and M. Webber. (2020). From Chinese dam building in Africa to the Belt and Road Initiative: Assembling infrastructure projects and their linkages. *Political Geography* 77.
4. Lee, C. K. (2014). The Spectre of Global China. *New Left Review*, 89, Sep-Oct, 28–65.
5. Lee, S-O, J. Wainwright, and J. Glassman. (2018). Geopolitical economy and the production of territory: The case of US–China geopolitical-economic competition in Asia. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 50(2), 416–436.
6. Muller, M. (2015). Assemblages and actor-networks: rethinking socio-material power, politics and space. *Geography Compass*, 9(1), 27–41.
7. Sempa, F. P. (2019). China and the World-Island. *The Diplomat*, January 26. <https://thediplomat.com/2019/01/china-and-the-world-island/>
8. Winter, T. (2020). Geocultural power: China’s Belt and Road Initiative. *Geopolitics*. doi: 10.1080/14650045.2020.1718656
9. Zhang, X. (2017). Chinese capitalism and the Maritime Silk Road: A world-systems perspective. *Geopolitics*, 22(2), 310–331. doi:10.1080/14650045.2017.1289371

WHY HUNGARY BEEN INTERESTED IN INNER ASIA?

Balogh P.¹

¹ Dept of Social and Economic Geography, Eotvos Lorand University, Budapest, Hungary

Theses.

This contribution analyses Hungary's historical and recent interest in wider Central Asia. While explorations of this region by Russian scholars (e.g. members of the Semyonov-Tyan-Shansky family) are well-known, Hungarian contributions may less be. Yet Hungarian interest in the region is not just historical but also recent, the motivations behind which are worth investigating. An important difference in explorations of Inner Asia by Russians and Hungarians is that whereas the former were getting acquainted with a (semi-)exotic Other, the latter have also been searching for their ancient homeland and roots. While interest in the Orient was a common feature of European societies around the fin de siècle, the Hungarian case is unique for this reason.

The first attempt to locate the ancient Magyar homeland by Friar Julian in the 13th century in Bashkiria was followed by long silence. In the 16th-17th centuries much of Hungary was ruled by the Ottomans, where a Christian bulwark image was emphasised as the nation's prevalent identity. This changed during Habsburg rule, when awareness of their eastern roots also provided Hungarians an opportunity to distance themselves from the Austrians. Thus, in the 19th century a growing economy and national consciousness, together with the Europe-wide interest in the Orient all contributed to undertaking several explorations of Inner Asia by travellers such as Sándor Kőrösi Csoma, Ármin Vámbéry (Landau 2014) and Aurel Stein. The latter two also had British connections and were sometimes perceived as spies—an interesting dimension in the light of the 'Great Game' unfolding in the region between the British and Russian empires.

Hungarian Turanism—a variant of Eurasianism—experienced its heydays from the 1910s till the 1930s. Prior to and during WWI, it was associated with imperialism especially towards the Balkans (Ablonczy 2016). Following WWI, interest in the Orient served two purposes. One, it became symbolic for the country's turning away from the West, which was largely blamed for dismantling its historical territory through the Treaty of Trianon. Two, specific foreign policy goals aimed at increasing contacts with 'the East' through study stipends, guest worker programs etc. (Farkas 1993). Following WWII, Hungarian interest in the East was overshadowed by Soviet rule and an ideology that avoided questions of genealogy and ancient homelands. Although these issues gradually returned from the 1980s on (László 1983), Hungary's now determinate western orientation was the key priority.

Yet since the mid-2000s a growing interest in the East is again manifest (Balogh 2020). This began with the realisation of Hungary's one-sided dependence on the West, but was exacerbated by the economic crisis in 2008–09 and the coming into power of the incumbent government in 2010. It is under such circumstances that the cultural festival Kurultaj has been organised since 2008, attracting 200,000 visitors from Hungary and a broadly defined Inner Asia. The main organiser of the event is an anthropologist who conducted genealogical studies proving still-existing ties between the Kazakhstani Madjar tribe and the population of Hungary (Bíró et al. 2009). Most importantly, since 2011 the government's prime foreign policy program has been the 'Opening to the East'. Initially focused on diversifying Hungary's trade partners, the program has also increasingly come to incorporate political and cultural elements. For example, in 2018–19 two exhibitions were organised in Budapest to commemorate and celebrate the historical explorations of Inner Asia by Hungarian travellers. Further, since 2019 the Hungarian Central Bank has been organising the large annual Budapest Eurasia Forum including key decision-makers from across the targeted region. Although the benefits of all of this are thus far more obvious for China than for Hungary (Rácz 2019), it seems that the latter's renewed interest in the East is here to stay.

КУЛЬТУРНЫЕ АССИМИЛЯЦИИ, ИСКУССТВЕННЫЕ ЭТНОГЕНЕЗЫ И ГЕНЕЦИД СЕРБСКОГО НАРОДА – СРЕДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ

Райко Гнято ¹

¹ Университет у Бانيا-Луке,
Бانيا-Лука Республика Сербская, Босния и Герцеговина

В предшествующие десять веков сербский народ был подвержен различным формам культурных ассимиляций, а в течение двадцатого столетия – искусственным этногенезам, массовому страданию и геноциду. В чем причина, какие цели, есть ли конец сербскому страданию?! Эти вопросы – предмет данной работы.

Ключевые слова: сербы, Западные Балканы, географическое положение, культурные ассимиляции, этногенезы, геноцид, Ватикан, ислам, геополитика.

С 5 века н.э. по сей день сербский этнос на едином этническом пространстве от Словении до Македонии проходил через разнообразные испытания. В течение этого периода, особенно с конца одиннадцатого века и до сих пор, сербское население было охвачено мощными процессами культурных ассимиляций, искусственного этногенеза, насильственных переселений, массового страдания, включая и геноцид в 20 веке. Причины этих процессов многочисленны. Одну из них можно назвать существенной—она касается контактного положения сербского этнического пространства относительно различных и взаимно конфликтующих культурологических, цивилизационных, религиозных, геополитических и экономических систем и их интересов.

Крупные культурные и политические изменения в сербском этническом пространстве начинаются в 4 веке нашей эры, под влиянием Рима. „Вскоре после раздела Империи на Восточную и Западную в 395 году произошли изменения в административном устройстве Балкан... заметно стремление поставить Иллирик, в церковном отношении, под юрисдикцию Рима (Равић, 2013, стр. 6).

Великая схизма или Великий раскол (1054) привели к разделению западного христианства от Вселенской церкви. Сразу после раскола, и до сегодняшнего дня, Ватикан и католическая церковь неустанно работают над искоренением православия, переводом православных в католицизм, расколом во Вселенском патриархате, признанием неканонических православных цервей и т.п. Во Вторую мировую войну Ватикан и католицизм благосклонно смотрели на беспрецедентные преступления и геноцид сербского народа со стороны т. наз. Независимого государства Хорватия (1941–1945). В этих ужасающих резнях непосредственно участвовало и католическое духовенство.

Турецкий колониальный период, путем многовекового процесса культурной ассимиляции, т.е. исламизации сербов, со-

здал предпосылки для появления искусственной нации – мусульман, т.е. босняков. Окончательную национальную форму исламизированное население приобрело в 1971 году, получив название мусульмане. После 1991 года большая часть исламизированного населения объявляет себя, в национальном смысле, босняками.

„Процесс исламизации в югославских землях (большая часть принадлежит сербскому этническому пространству.– Прим. Р. Г.) продолжался с начала и почти вплоть до конца османско-турецкого правления. Он разворачивался поэтапно, с неравномерной интенсивностью... Главные факторы исламизации заключались в разделении населения на религиозном основании, разнице в правовом положении и реальной жизни мусульман (правоверных) и немусульман (гяуров)“. Факторы исламизации были комплексными, но среди них факторы экономического характера оказывали самое сильное влияние. Это в значительной степени усиливало видимость добровольности самого перехода в ислам (Васић, 2005, стр. 63–65). На первом этапе, до конца 1481, исламизация в югославских землях не имела такого массового характера, ... сводилась к обращению в ислам отдельных лиц и групп христианского населения. На этом этапе шла подготовка условий для последующей массовой исламизации... Второй этап в процессе исламизации начался где-то около 1480 года... Массовый характер исламизации в югославских землях и на всем Балканском полуострове, в конце 15 и 16 веке, отражен в османско-турецких книгах переписи (тахрир дефтерлари) отдельных санджаков, образованных на указанной территории. Во время массовой исламизации в Боснии у Герцеговине ислам относительно интенсивно распространялся и в других югославских землях... Распространение ислама в Македонии началось раньше, чем в остальных югославских землях. В 16 столетии исламизацией был охвачена и часть населения новозавоеванных краев к северу от рек Савы и Дуная, больше всего в Среме и Славонии. Семнадцатый и восемнадцатый столетия характеризуются новым размахом распространения ислама... Он ярко выражен в Албании, у нас в Македонии, особенно в Косово, простран-

стве Стари-Влаха и почти везде, где возникало усиленное противостояние турецкой власти (там же, 67–71).

В рамках антропогеографии Балканского полуострова Йован Цвиич изучал и мухамеданцев. В качестве „отдельного этноса“ он их выделяет только по религиозной принадлежности и считает их представителями „сербской расы“ (Цвиич, 1991, стр. 379–387). Исламизированное сербское население в переписях БиГ 1879, 1885 и 1895 гг. объявляло себя исключительно в смысле религиозной принадлежности – мухамеданцами (мухамедовцами), а в переписи 1910 года – мусульманами. Не осознавая их в качестве отдельного этноса, тем более отдельной национальной сущности, власть их переписала исключительно по религиозной принадлежности, умело избегая перепись на основе настоящей этнической и национальной принадлежности.

Народность „мусульмане“ создана в социалистической Югославии после Второй мировой войны. В переписи населения 1948 года мусульманское население, предтечи сегодняшних босняков, назвало себя: сербами, мусульманами, хорватами мусульманами, мекедонцами мусульманами или неопределившимися. В переписи 1953 года мусульмане чаще всего объявляют себя „югославами неопределившимися“. Перепись населения бывшей Югославии 1961 года впервые вводит категорию мусульмане в этническом смысле, а перепись 1971 года категорию мусульмане в национальном смысле. До распада бывшей СФР Югославии представители этой этногенной формы объявляют себя „мусульманами“ в национальном смысле (Мрђен, 2002, стр. 86–87). В сегодняшнее время большинство представителей исламизированного сербского населения объявляют себя босняками в национальном смысле. Речь явно идет о процессе искусственного этногенеза, породившего новую национальную категорию.

Под влиянием Католической церкви и политики Ватикана культурный, языковой и остальные формы ассимиляции сербов (обращение в униатство или католицизм) были составной частью этногенеза хорватской нации (кroatизации). Эти процессы происходили вне границ исходной Хорватии, кото-

рая определяется областью кайкавского и чакавского говоров (Илић, 1993, стр. 26). Процесс искусственного этогенеза хорватов начался в 11 веке обращением в униатство сербов на территории Конавле, Дубровника, Далмации, Лики, Горски-Котара, Славонии, Истрии и т.д., и продолжился окатоличиванием и кроатизацией в середине 19 века, не оканчиваясь и по сей день.

Историк Й. Радонић в капитальном произведении „Римская курия и южнославянские земли в 16–19 веках“ хронологически анализирует время, место, интенсивность и подоплеку данных процессов, уделяя особое внимание влиянию политики Ватикана (Радонић, 1950, стр. 4–688). Перевод православного духовенства в униатство начался сразу же после раскола Христианской церкви в 1054 году, и усилился после церковного собора в Тренте в 1540, когда учреждена Конгрегация пропаганды (*Congregatio de propaganda fide*), которая делает упор на сербском этническом пространстве, с целью присоединить к унии Печский патриархат и Цетинскую митрополию.

Во второй половине 19 века, опираясь на идеи иллиризма, экстремистских хорватских (гео)политиков (Э. Кватерника, А. Старчевича, Й. Франка...) и Католичкой церкви, интенсивируется процесс кроатизации. Ранее окатоличенное или обращенное в униатство сербское население пытаются провозгласить хорватами. Анализируя записки многочисленных иностранных писателей-путешественников, государственных статистиков и ученых, Й. Илич отмечает, что „хорваты находятся в небольшом количестве в Боснии, Герцеговине, Далмации, Славонии и даже на Истрии. Область хорватов располагается вдоль словенской границы, от Горски-Котара, через Загреб, до венегерской границы...“ (Илић, 1993, стр. 31).

Сильный толчок кроатизации сербского населения на территории, ныне принадлежащей Республике Хорватии, дал Всехорватский католический конгресс, прошедший в Загребе в 1900 году, на котором архиепископ Й. Штадлер прочитал программную речь об отождествлении хорватства с католицизмом. В целях реализации программных идей запущено большое количество экстремистских клерикальных газет (Хрват-

ство, Дан, Хрватска стража, Врхбосна, Католички лист...). Клерикалы приобрели большую политическую силу и влияние, пользуясь полной австрийской и ватиканской поддержкой (Novak, 1948/1986).

Окатоличивание и кроатизация достигли пика в начале Второй мировой войны, когда усташские власти т. наз. Независимого государства Хорватия совершают геноцид сербов. Они осуществляют идею радикальных хорватских геополитиков: уничтожить 1/3 сербов, 1/3 прогнать, а 1/3 окатоличить, т.е. кроатизировать. В капитальном труде „Magnum Crimen“ хорватский историк В. Новак, на основе исследования целого ряда исторических источников и архивных материалов, на свыше 1200 страниц текста, объясняет влияние клераклизма на указанные события в первой половине 20 столетия. Он приводит сведение о том, что в период 1941–1945 гг. окатоличено около 240 000 сербов (ibidem, стр. 788).

Культурная ассимиляция (обращение в униатство и католичество) с конца 15 и вплоть до конца 17 века охватила и сербское население Белой Краины. Эта область ныне принадлежит Республике Словении. От сербов, прежних обитателей Белой Краины, осталось всего несколько деревень (Боянцы, Миличи, Пауновичи и Мариндол), где все еще живет немногочисленное сербское население (Мал, 1924; Влаховић, П., 1993; Влаховић, Б., 1993. и 1997; Гавриловић, 1996).

В социалистический, а особенно в постсоциалистический период сербское население в Словении охвачено процессом словенизации. Хотя они являются самым многочисленным национальным меньшинством, насчитывающим около 50 000 жителей, в наше время сербы в Словении не имеют статуса национального меньшинства. В отличие от сербского, этот статус имеют представители итальянского этноса, с примерно 2 000 жителей, и венгерского, с примерно 6 000 жителей (согласно переписи 2002 года).

Весомый вклад в наши познания о македонском этносе привнесли исследования Й. Цвиича. В знаменитом труде „La Peninsule balkanique“ (1918) Цвиич определил многочисленные разновидности сербского этноса от Словении до южных

границ Македонии ((Гъато, Гајић, Вујадиновић и Станојевић, 2011, стр.41–42). Существующее в настоящем сознание о национальной отдельности македонцев является результатом сложной исторической обстановки, включая и период после Второй мировой войны, когда коммунистические власти бывшей ФНР Югославии в лоне сербского этноса, по политическим соображениям, образуют новые нации, в том числе македонскую. Мы подчеркиваем, что в работах многочисленных авторов констатируется, что славянское население Северной Македонии носит основные элементы сербской культуры и духовности (Трифунски, 1995, стр. 8).

Сегодня в Северной Македонии официально живет около 35 000 представителей сербского этноса (Государственное статистическое агентство, 2002), обремененных целым рядом неразрешенных вопросов, касающихся использования материнского языка и письма, стимулирования учреждений культуры, статуса Сербской православной церкви и пр.

В лоне сербского этноса путем процесса этногенеза возникла и черногорская нация. Научный подход и политическая практика показывают два разных толкования ее возникновения. Одно основывается на тезисе о постепенном выделении черногорского из сербского народа (Ћилас, 1945). Сторонники этого тезиса – этнические черногорцы, которые сегодня, в языковом смысле, объявляют себя носителями сербского языка, а в конфессиональном смысле – прихожанами Сербской православной церкви. Второй подход заключается в политически сконструированном тезисе о полном различии черногорского и сербского этносов. Этот тезис распространен среди этнических черногорцев, объявляющих себя в языковом смысле носителями черногорского языка, а в конфессиональном – прихожанами новообразованной и неканонической Черногорской православной церкви.

Черногорская нация, в формальном смысле, конституирована после 1945 года решением коммунистических властей ФНР Югославии. Хотя речь идет об искусственно сконструированной нации, восходящей к сербскому этносу, она уже десятилетиями является реальностью и выражением воли одной

части православного населения Черногории (около 44 % всего населения Черногории, или око 240 000 человек, по переписи 2011 года), считающей себя носителем особых этнических признаков.

В течение 20 столетия над сербским населением в т. наз. Независимом государстве Хорватия совершен геноцид¹, по своей чудовищности беспрецедентный в истории человеческого рода. В целях истребления сербов на территории т. наз. Независимого государства Хорватия усташские власти формировали 22 лагеря, среди которых Ясеновац был самым печально известным. „На основании приказа, подписанного Марко Пуком, министром правосудия и религии в Независимом государстве Хорватия Анте Павелича, концлагерь Ясеновац создан 23 августа 1941 года, а упразднен 22 апреля 1945 года...“ (Государственный центр исследования войны, военных преступлений и поиска пропавших без вести мирных жителей, 2015, стр. 28). В обозначенный период усташские власти в концлагере Ясеновац убили око 700 000 сербов, 23 000 евреев и 80 000 цыган. Это коллаборационистское образование было единственным „государством“, в котором во Второй мировой войне существовали лагеря для детей (в Стара-Градишке, Ясеноваце, Уштице, Ябланаце, Ястребарско, Риеке около Ястребарско, Горня-Риеке около Крижевцев...). Согласно неполным исследованиям, „с апреля 1941 до мая 1945 года в Независимом государстве Хорватия умерщвлено 74 762 детей, моложе 14 лет... Среди убитых был 42 791 сербский ребенок, 5 737 цыганских детей, 2 289 хорватских, а в случае 273 жертв невозможно было установить национальную принадлежность...“ Самых молодых ясеновацских жертв привозили в лагерь смерти из 1074 населенных пунктов на территории НГХ... из 155 муниципалитетов, в которых преимущественно жили сербы (там же, стр. 28–30).

Массовые усташские злодеяния, организаторами и исполнителями которых нередко были католические священники, совершались на всей территории т. наз. Независимого госу-

---

¹ Статьи 2 и 3 Конвенции о преотвращении преступления геноцида и наказании за нее от 1948 года, ООН

дарства Хорватия—от Лики до восточной Герцеговины. Одно из самых массовых преступлений, во главе которого стоял монах-францисканец Мирослав Филипович (фра Томислав), совершено 7 февраля 1942 года в сербских деревнях Дракуличи, Шарговац, Мотики и в руднике Раковац под городом Баня-Лука. За всего лишь один день зарезано или убито тупым предметом 2315 сербских мирных жителей, детей, женщин и стариков, застигнутых дома, в школах, на работе и пр. Об этом неслыханном злодеянии свидетельствовало несколько переживших бойню, в их числе и учительница Добрила Мартинович, на глазах у которой фра Филипович и усташи убили 52 сербских детей (Лукајић, 2005, стр. 111–112).

Список сербских жертв во Второй мировой войне составлен только в 1964 году... В этом списке констатируется, что на территории всей Югославии было только 597 000 погибших. На Парижской мирной конференции принято число в 1 706 000 югославских жертв. Вопрос числа жертв геноцида над православными сербами стал существенным вопросом в послевоенный период. В отчете Государственной комиссии Хорватии по установлению преступлений оккупантов и их сподручников от 1946 оценивается, что в системе лагерей Ясеновац уничтожено 500–600 тысяч мужчин, женщин и детей, а согласно „Энциклопедии холокоста“ – 600 000 (там же, стр. 600).

Страдания сербов в Республике Сербской Краине происходили в период военных действий на территории Республики Хорватии (1991–1995). Вдохновленная идеологией радикальных хорватских геополитиков конца 19 и первой половины 20 столетия, новообразованная Республика Хорватия (1991), при полной поддержке Запада, как политической, так и военной, в течение 1995 года выгнала около 250 000 сербов с территории, на которой они жили в рамках новообразованной Республики Сербской Краины (1991). Хотя Хорватия в Международном Суде ООН не признана виновной в этом геноцидном деле, ее намерения в военных операциях «Молния» (серб., хорв. Бљесак—Прим. пер.) и «Буря» (серб., хорв. Олуја—Прим. пер.), проведенных в 1995 году, были явно геноцидными. Большая часть прогнанного сербского населения из насильствен-

но упраздненной Республики Сербской Краины нашла приют в Сербии, а меньшая часть – в Республике Сербской.

Конфессиональная, этническая и – по многим признакам – гражданская война в БиГ (1992–1995) началась преступлениями над сербским населением, в начале марта 1992 года, резней на севере Республики Сербской (в Посавине). Преступления совершили военнослужащие регулярных частей Республики Хорватии и местные хорватские и мусульманские отряды. В ходе военных событий в БиГ, на территории, контролируемой вооруженными силами т. наз. Армии БиГ, регулярные части Республики Хорватии и члены вооруженных отрядов, составленных из радикальных исламистов (моджахедов) с Ближнего Востока и других исламистских стран, открыты многочисленные лагеря для сербов. В них пытали и уничтожали сербское население. В ходе военных событий (1992–1995) в БиГ, в 181 населенном пункте зафискировано 137 мест массового уничтожения людей и 400 лагерей и различных мест заключения сербов (Документациони центар Републике Српске, 2001, стр. 9 и 10).

Многовековые процессы культурной ассимиляции сербского населения на пространстве Западных Балкан привели к созданию искусственных наций, а эти нации в свою очередь, в конце двадцатого века, создали новые государства на едином сербском этническом пространстве. Заключительный этап этногенеза сербского населения наступил после Второй мировой войны, когда коммунистические власти ФНР Югославии провозгласили две новые нации – македонскую и черногорскую, а власти СФР Югославии – и мусульманскую.

Ключевые факторы ассимиляции сербского населения, в многовековой период, связаны с крупными геополитическими и экономическими интересами Запада (католичества) и Востока (ислама). Интересы Запада подразумевали экспансию католичества на Восток, а Востока – распространение ислама на Запад. Препятствием всем этим интересам, в силу своего положения, но и из-за неприятия чужих интересов, вплоть до наших дней, был сербский народ. Подходы Востока и Запада к осуществлению данных интересов были главным образом

различными, а их цели созвучны с их политическими и экономическими интересами. Для Востока (Оттоманской империи) исламизация была, прежде всего, средством геополитики, т.е. способом осуществления интересов. В противовес исламизации как средству геополитики многовековые интересы Запада, возглавляемого Ватиканом, в рамках сербского этнического пространства осуществлялись посредством всех форм культурной ассимиляции сербов. Такая политика пронизывает программные цели экстремистских хорватских геополитиков и последовательно реализована на практике т. наз. Независимого государства Хорватия. Исторический опыт подтвердил, что обращение в униатство и окатоличивание сербского населения были одновременно многовековым средством геополитики и геополитической целью Ватикана и мощной Австро-Венгерской империи.

В период 1941–1945 гг. т. наз. Независимое государство Хорватия провела геноцид сербского народа на территории под усташской властью. Это подтверждают многочисленные места массового уничтожения сербского мирного населения, от горы Велебит, Госпича, Глины, Ясеноваца, Шушняра, Доня-Градины, Баня-Луки и т.д. до многочисленных мест в восточной Боснии, восточной Герцеговине, западной Герцеговине и в низовьях Неретвы (Пребиловц), включая и места массовой казни сербов на некоторых адриатических островах. В этом преступлении, со всеми признаками геноцида, напрямую участвовала Католическая церковь и хорватское католическое духовенство. Преступление над сербским, цыганским и еврейским населением Католическая церковь до сих пор не осудила. Напротив, она оспаривает и преступление и участие католических вождей в совершенном преступлении, минимизируя число сербских и остальных жертв в проведенном геноциде. Идеологическую подоплеку геноцида формулировали ведущие хорватские политики второй половины 19 столетия Эуген Кватерник и Анте Старчевич, основатели Партии права (Илић, 1993, стр. 43).

В отличие от многовекового процесса исламизации, который главным образом был средством оттоманской геополитики

тики, культурная ассимиляция сербского народа, обращение в униатство и католичество, были и по сей день остались средством геополитики и стратегической геополитической целью католичества и хорватской геополитики, начиная со второй половины 19 века и до сих пор. Эта католическая и „великохорватская“ антисербская политика привела к кроатизации большей части сербского населения на географическом пространстве Хорватии и к геноциду сербского народа в Независимом государстве Хорватия.

Уничтожение сербского национального существа продолжилось и после Второй мировой войны, когда коммунистические власти из лона сербского национального существа выделили три искусственных нации (македонскую, черногорскую и мусульманскую / босняцкую), что в процессе разорения бывшей СФРЮ привело к возникновению трех новых государств на сербском этническом пространстве.

Сегодня одна из ключевых причин сатанизации сербского народа касается интересов американского глобализма и европейских регионализмов. Препятствием этим интересам является сербский народ, его геопространственное, а особенно геополитическое позиционирование, предпочитающее политику антиглобализма и суверенитета, продвигаемую Россией, а затем и Китаем. Поэтому в раскладе различных и взаимно противостоящих интересов, на глобальном, региональном, а также местном уровнях сербский народ ожидают новые испытания, с (не)предсказуемым исходом. В этом смысле, горячие проблемы сербского народа касаются статуса Косово и Метохии, статуса и вообще сохранения Республики Сербской, положения сербского народа в Черногории, Республике Хорватии, Северной Македонии, а также Республики Словении.

Список источников и литературы

1. Равић, П. И. (2013): ЦРКВА И ДРЖАВА У СРПСКИМ ЗЕМЉАМА ОД XI ДО XIII ВЕКА УНИВЕРЗИТЕТ У БЕОГРАДУ, ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ (докторска дисертација), Београд. стр. 1–430.
2. Из колијевке у Јаеновац (2015): Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих цивила, Удружење „Јасеновац. Донја Градина“, стр 1–449.

3. Лукајић, Л. (2005): Фратри и усташе кољу–злочинци и сведоци. Покољ Срба у селима код Бање Луке, Дракулићу, Шарговцу и Мотикама 7. фебруара и Пискавици и Ивањској 5. и 12. фебруара 1942. године. Фонд за истраживање геноцида, Београд, 2005. стр. 1–672.
4. Васић, М. (2005): Исламизација на Балканском полуострву. Завод за уџбенике и наставна средства. Источно Сарајево, стр. 1–386.
5. Цвијић, Ј. (1991). Балканско полуострво, Друго издање. Српска академија наука и уметности, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства Београд: Новинско-издавачка радна организација „Књижевне новине“ Београд, стр. 1–550.
6. Илић, Ј. и др. (1993): Срби у Хрватској, насељавање, број и територијални размјештај. Едиција: Етнички простор Срба, Књига 3. Универзитет у Београду, Географски факултет. Београд. Београд, стр. 1–278.
7. Радонић, Ј. (1950). Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX вијека, стр. 4–688). Српска академија наука, Посебна издања, Књига CLV. Београд, 1950, стр. 4–688.
8. Мал, Ј. (1924). Ускочке сеобе и словенске покрајине – повест насеобина с културно-историјским приказом. Српски етнографски зборник, књига XXX, Прво одељење – Насеља и порекло становништва. Љубљана: Српска краљевска академија.
9. Влаховић, П. (1993). Прилог етничкој историји Срба у Горском Котару и Белој Крајини, Едиција: Етнички простор Срба, Књига 3. Срби у Хрватској – насељавање, број и територијални размештај. Београд: Универзитет у Београду, Географски факултет.
10. Влаховић, Б. (1993). Српско становништво у Белој Крајини из времена војне границе. Едиција: Етнички простор Срба, Књига 3, Срби у Хрватској – насељавање, број и територијални размештај. Београд: Универзитет у Београду, Географски факултет.
11. Влаховић, Б. (1997). Допринос словеначке и српске етнологије проучавању Срба у Белој Крајини. Срби у Словенији – зборник радова Конференције одржане 8. и 9. јуна 1996. године у Сремским Карловцима. Београд: Светска српска заједница.
12. Гавриловић, С. (1996). Унијаћење Срба у Хрватској, Славонији и Барањи. У Зборнику радова: Српски народ ван граница данашње СР Југославије од краја XV века до 1914. године. Београд.
13. Ђилас, М. (1945): „О црногорском националном питању“. „Борба“, 1 мај. Београд
14. Gnjato, R., Gajić, M., Vujadinović, S. & Stanojević, M. (2011). Serbian national geography – theoretical foundations and its potential role in solving modern geopolitical issues in serbian countries. Herald, 15, стр. 23–52.
15. Државени завод за статистика (2002), Скопље.
16. Из колијевке у Јасеноцац (2015): Републички центар за истраживање

рата, ратних злочина и тражење несталих цивила. Бања Лука, стр. 14–449.

17. Документациони центар Републике Српске (2001). Континуитет стратегишта и логора. Бања Лука, стр. 7–201.

CULTURAL ASSIMILATION, ARTIFICIAL ETHNOGENESIS AND GENOCIDE AGAINST THE SERBIAN PEOPLE—A GEOPOLITICAL TOOL OR A GEOPOLITICAL OBJECTIVE

Gnjato Rajko¹

¹ University of Banja Luka, RS, B&H of Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina

Over the last ten centuries, the Serbian people have been exposed to different types of cultural assimilation. During the 20th century, they suffered artificial ethnogenesis, mass tribulation and genocide. What is the cause and what is the objective? Is there an end to Serbian ordeal?! The paper will address these questions.

Key words: the Serbs, the Western Balkans, geographic position, cultural assimilation, ethnogenesis, genocide, Vatican, Catholicism, Islam, geopolitics.

RECONCEPTUALIZING CROSS-BORDER COOPERATION IN DISPUTED BORDERLANDS: RUSSIA-JAPAN GEOGRAPHIC PERIPHERY AND TRANS-EURASIAN INFRASTRUCTURE

Dabova E.¹

¹ Department of Asian Pacific Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Russia-Japan cross border cooperation has followed the international geo-historic logic of the evolution of border practices (Paasi 2011; Paasi 2019) from “territorial trap” of consolidation of fixed borders to increased human mobility on Kuril Islands, Sakhalin and larger Russian Far East region in globalized world. Being not linear, rather multi-layered, the state of cross border mobility influenced, and was influenced by, the political role of the bilateral border. This underexplored border region remained on the margins of Russia and Japan, starting with the official imperial period in the beginning of the 18th century. Gradually, this space of insecurity and exclusion began exemplifying cooperative features of the border context.

The Kuril Islands, disputed by Japan as Northern territories, along with Sakhalin and the larger subarctic border region of Russian Far East, became a central part of a comprehensive bilateral economic cooperation plan and was integrated through regional North-East Pacific and global naval and land

bridges infrastructure projects, such as Belt Road and Bering Strait initiatives. The production of new space is still in progress and leaves in question its evolutionary capacity, yet there is enough evidence of another over-lapping cycle of re-bordering through increased mobility, rearticulation of the socio-economic identity of the local population, and reterritorialization through introduction of new socio-technological order.

Keywords: Sakhalin and Kuril Islands, territorial dispute, cross-border cooperation, post-Cold War, Japan, Russia

Historiographic tradition. The historiographic tradition was most interested in following the bilateral logic of consolidating territories and traces the shifts in the Russia-Japan borderline. Having known about each other's explorations in the region, Russia and Japan tried to discuss their cooperation prospects in 1855 during relatively successful Russian diplomatic mission of Putiatin, to whom Japanese representative Kawaji Toshiakira presented his sword as a personal gift, but Russian-Japanese cooperation was limited to trade in Nagasaki port. No regular official communication line was established between the Russian Empire (founded in 1703), and not yet centralized feudal Japan. Russia and Japan did not know much about each other and originally relied on European colonial expeditions in the Sea of Okhotsk [3].

The Sea of Okhotsk was not a European priority as Europeans were interested in gold trade with the main Japanese Islands. Europeans did, however, collect information about the naval routes in the North Pacific that were used by the local population of Ainu on the Kuril Islands, Hokkaido and Sakhalin coasts, as well as by the local population of Kamchatka and North America. In his study of North and East Trattoria kingdoms, Witsen N. quotes the Japanese salesmen stories about language similarities between the Ainu people in Jesso land (Hokkaido and Kuril islands) and the American Indians [5]. These routes were used for further explorations of the Kuril Islands by Russia and Japan. Russian Kazaks, and the Russian-American Company, were supported by regional and central governments to develop alternative shorter route connecting Siberia with North America by sea, following former Tartaria routes [6]. To avoid a lengthy and harsh continental route through Yakutia and Kamchatka, Russia needed supply bases and Japanese

trade partnerships, but Japanese central authorities were interested in expanding their exclusive fishing grounds, especially Hokkaido clans, not cooperation with Russia. The Matsumae clan tried to advocate for Russia as an alternative to a Holland monopoly, but was not successful, partially due to then strict isolation policy.

After the isolationist period, there were fewer Russian settlers in the southern most Kuril Islands. Naturally, therefore, Japanese expansion restarted there and reached Urup by 1801 stating it was part of Japanese territories. The island became a spontaneous an unofficial zone of mixed trade and administrative influence. There are small difference in terms of geographic and administrative sources on Russian and Japanese colonial expansion into their shared border region, but all sources indicate a varying range of the zone of mixed settlements, taxation and administration with limited to no communication/clashes between various alliances of colonizers and local populations. [20]

The local population was following both Japanese and Russian food traditions, importing rice from Japan and vodka and vegetables from Russia. This formed a food dependency that disrupted the local economic system of fish and fur trade. Some Japanese settlements remained on the islands until the end of WWII, which brought all Kuril Islands under the sovereignty of the USSR [6]. In other words, the border region of Kuril islands was first discovered by European colonists, then used and taxed by Russian settlers from the mid-17th century, and by the early 18th century, with Japanese expansion to the North, became the subject of “mixed” colonization by Russian and Japan. This colonization was different and “softer” than, for example, the African example, due to competition between the Russians and Japanese for the influence over the local population [1]. While Japanese started exploring the Okhotst Islands around the mid 17th century, Japan’s isolationistic policies between 1639–45 postponed their expansion relative to Russian settlements. One of the first official administrative visits sponsored by the Japanese side, Morishige Kondo to Iturup in 1798, removed the Russian border marks. In 1801, the Japanese mark was established stating “Island, belonging to Great Japan, until sky and earth exist”. By that time, it became clear that exclusive administrative

and trade interests had clashed. Some border controversies were due to the limited knowledge of the countries about each other's administrative traditions. Both countries competed for geographic space for the growth of their economies. They were bound to clash, not cooperate.

The military insecurities on both side were also triggered by British activities- first Cook's discovery of the Kuril, Hawaii and Maldives islands during his Pacific travels, then Browton's naval expedition around Hokkaido in 1790s, which worried both Japanese and Russian authorities [8]. The other negative factors were lack of official communication channels and constant redistribution of the Russian settlements on the Kurils due to the changes in general Russian Kuril Islands-Kamchatka-American coast strategy. Trade competition in the absence of official communication channels, together with lack of understanding of each other's geographic ambitions in the region slowly developed into a military confrontation.

In 1795–96, Russia established a permanent military presence on Urup under Zvezdochetov as a center of Kuril Islands settlements creating a de-facto border between Urup and Iturup. Due to consolidation of the Russian-American Company, now operating from Saint-Petersburg and Irkutsk, and trade blockade of Urup by Japan, Japan established a permanent military presence on Iturup in 1799 and in 1808 on Urup.

Kuril islands as “domestic colony”. By the end of the 18th century, the Kuril Islands, as well as Aleut Islands and Kamchatka were showing “classic colonies” traits:

- ✓ underdeveloped dual economy with the local population and between colonists;
- ✓ economic exploitation of the resources, primarily furs, within the extensive and export-oriented economic framework;
- ✓ overdependence on the import of metropolitan goods;
- ✓ narrow and dependent on the metropolitan demands market;
- ✓ dependency of the political, military and transport systems;
- ✓ direct foreign administration;
- ✓ dominating foreign culture, language and religion;

- ✓ borrowed legal system; and
- ✓ financial dependency.

During the peak of Japanese colonial strategy, especially during the Meiji period, Russian priorities shifted to the North American coast and then reverted after the loss of Alaska. At the same time, the Sea of Okhotsk marina was claimed by British, French, and then American navies as well as American and British whalers. With the decline of the Russian Empire around the beginning of the 20th century, competition shifted to the continental Russian Far East ultimately leading to a temporary buffer zone -formally independent Far Eastern Republic with “democratic regime with small privileges to communists.” [17]. After the Far Eastern Republic fell under complete Soviet influence, Japan tried to regain control of continental Manchuria during WWII, resulting in a clash on the Kuril Islands with the USSR. Through its brief alliance with the USA, the Soviet Union gained the Kuril Islands as part of its territory and acquiesced to the USA’s presence in Okinawa, which was later transformed into a major military base of the Capitalist block in the Pacific during the Cold War.

The new Soviet-Japanese border was challenged by Japan. Despite the new edition of the Westphalia sovereignty principle, the colonial territorial doctrines were not completely abandoned just yet. From a legal perspective, after 1945, both Russia and Japan still relied on the informal colonial legal doctrine of the right of first discovery as grounds for the use and possession of land and related waters [21]. The formal international legal mechanism of land and water use by nation states, as well as the rights of the local population, was not fully developed until the end of the Cold War. The universal framework of minimum standards for the survival, dignity and well-being of the indigenous peoples was established by the UN declaration on the rights of indigenous peoples in 2007. Other legal frameworks that, had they existed at that time, could have prevented some of the controversies were (i) an early Soviet-Japanese agreement that contained a clause on the Soviet government not taking any responsibilities for Imperial Russia’s agreements and obligations and (ii) the “substantial changed circumstances” clause in the 1969 Vienna convention.

Bilateral territorial treaties. The official Russia-Japan border was first established in 1855 by the Trade and Friendship Agreement, after a similar Kanagawa treaty with the USA in 1854. The treaty was signed by the major colonial powers during the Russian Crimean war (1853–1856), during which Britain and France sent their navy to the Pacific. Russia was motivated to establish peace in its Far East to concentrate its efforts on the West. Since the 1820s, the North Pacific marina became de-facto dominated by American and British whaling interests that were illegally using sparsely populated islands and coasts including the Russian Petropavlovsk Kamchatskii port, despite the 1828–1830 convention between Russia and the USA that prohibited American use of Kuril Islands. The Russian attempt in 1850 to deter the whalers by appointing patrol ships within the Russian- American Trading Company failed. Sakhalin Island, on the other hand, was protecting the Russian coast and had coal reserves that were more lucrative than declining fur trade.

The Meiji Restoration (1868–1889) brought about necessary administrative and military capabilities for Imperial Japan to continue its expansion to the North-West. Russia in 1858 reversed the Nerchinsk Treaty with China of 1689, and occupied the Amur river lands in Manchuria, making most of the modern border between Russian and China. Starting with the Meiji Restoration, the classic Russia-Japan imperial period was characterized as competition rather than cooperation in “domestic colonization” [1] of the border region, populated by neither the Japanese, nor Russians, but assimilated immigrating local people of Kuril Islands, Kamchatka, Aleut islands and Sakhalin.

In 1875, the treaty on “exchange of the territories” between Russia and Japan was signed with all Kuril Islands becoming Japanese for the recognition of Sakhalin as Russian territory. Interestingly, it was the first treaty in which the destiny of the local population of the territories was discussed. In 1895, Japan signed a treaty with China and established Korea as its zone of influence. Russia, through construction of the Trans-Siberian railroad, expanded its influence into China, challenging not only Japan, but again the major European colonial powers. In 1905, following the Russo-Japa-

nese war, the Russia-Japanese official border moved further to the West with half Sakhalin becoming Japanese (after American mediation, Russian minister Vitte received a nickname of “Half-Sakhalin”). Japanese attempt to move further west during the allied occupation after 1917 was unsuccessful and only temporarily led to creation of the buffer state of Far Eastern Republic. In 1945, as a result of the USSR’s peak international influence, all of Sakhalin and all the Kuril Islands became part of the Soviet Union. Since then, the Russian-Japanese border is challenged by Japanese in a form of so-called Northern territories/Kuril Islands sovereignty dispute. With the Law of the Sea Convention providing Russia with territorial waters and exclusive economic zone sovereign rights over marine bio-resources as well as underwater shelf resources, the dispute received an additional economic dimension.

Before 1945, the border relations were regulated by official bilateral territorial treaties. After 1945, Japanese post-war borders were mentioned in a multi-lateral San-Francisco treaty (which China and USSR did not sign), while the post-WWII official border between USSR and Japan was discussed by the allies in the WWII Yalta Agreement and Potsdam Declaration (which Japan did not sign). There was no bilateral territorial treaty between USSR and Japan after WWII. The bilateral relations were regulated by the 1956 Joint Declaration, with separate targeted cooperation agreements on finance, trade, fishing, and cultural and science exchanges that was occurring across the de-facto post WWII border between the

Kuril Islands and Hokkaido. Internationalization of Border During the Cold War. The competing superpowers, the USA and the USSR, were projecting their sovereignty past national geographical borders following the logic on colonial principles of territorial expansion. The Cold War geopolitical discourse had similarities with the previous colonial territorial discourse. The colonial principles of territorial expansion still applied. Naturally, the colonial/Cold War confrontational discourse in Russia-Japan bilateral relations had similar rationales:

Ideological. After the defeat in the Black Sea during the Crimean War Russian Far East region development ideology was torn

among 1)“conquistadorian imperialism” ideas of the Asian explorer Prjevalskii N., E. Alexeev and A Bezobrazov regarding China; 2)“Easternism” (vostochnichestvo) of E. Uhtomskii, regarding Trans-Siberian railroad and Russian Asian identity; 3) economic “penetration pacifique” of S. Vitte, disturbed by the war with Japan; 4) French 1880s Indochina experiences driven fear of uncontrolled inflow of Asian labor into Europe, supported by A. Kuropatkin.

Domestic administrative. Personal conflicts within Russian imperial administration between Vitte S., Vezobrazov [7], Kuropatkin A., Nicolas the II and competition between USSR and democratic Russia leaders Gorbachev and Elzin over credit for potential “breakthrough” in Japanese relations.

Military. Underestimated and understudied Japanese military potential and ambition of growing Japanese influence in Korea and Manchuria after the China-Japan war and strategic value of warm water straits necessary for deep water ship and nuclear submarine passage and access to Pacific marina [12].

Geopolitical. Kuril Islands/Okinawa Island as military bases along the Soviet/Capitalist blocks division line in the Pacific. The first descriptive cross-border cooperation approach was based on, what was then, the most successful example of international integration for its time—the European Union. It became a “classic” model for rebordering of post-conflict spaces with numerous territorial disputes obstructing cross-border cooperation. The Soviet movement also had its version of “borderless world” based on the (unrealized) idea of global revolution of the masses and subsequent universal communist regime that would ultimately eliminate the necessity of states and socio-political hierarchy. The EU model offered gradual integration into a supra-national regional body and became an empirical base for the descriptive approaches. The increasing mobility between uneven geopolitical spaces in the post-1991 globalizing economy, as well as the rise of economic power of the Asian Tigers followed by Asian integration wave, brought to light the historic “exceptions” to the European model, such as free trade enclaves within former British Empire, Asian regional market with deregulated cross-border mobility in Tibet, ear-

ly banking markets in Europe and similarly financed Chinese silk route trade system. Technological revolution of quantitative data of cross-border flows based impact approach and “bottom up” view of “microlevel” transactions of the subgroups of the neighboring population that result in accumulating “social capital”, complemented the classic “building trust” top-down, diplomacy-based approach to rebordering.

The EU model of cooperation and territorial disputes resolution could not apply to Russia-Japan post-WWII experiences in the North Pacific. After 1991, Russian-Japanese relations were still dominated with territorial dispute over cross-border cooperation discourse, until Putin’s second term. Having regained its access to the Black Sea via Crimea, Russia started its integration into international economic infrastructural mega-projects, from Crimean bridge connection to the Mediterranean marina to Sakhalin-Japan bridges in the North Pacific.

Territorial dispute discourse vs cross-border cooperation. General Russia-Japan Cold War discourse can be characterized as limited cross-border cooperation, dominated by territorial dispute. “If Kuril islands didn’t exist, they would need to be created” to facilitate a geopolitical division line despite overwhelming economic benefits of cross-border cooperation. The official territorial dispute discourse starts with Krushchev’s failed efforts in 1956 to conclude a comprehensive post-WWII bilateral treaty as legal grounds to demilitarize Japan and its possible reorientation towards the Soviet Block was boosted after the conclusion of the 1960 security treaty with the USA until the existence of it was denied by USSR during Brezhnev’s administration. Starting with Gorbachev, Japanese claims were recognized and reforming USSR started to look for a compromise in competition with pro-democratic Russia leaders, such as Elzin. The compromise was not found. Japan insisted on principle of “inseparable politics and economics.” Russia, on the other hand, was trying to substitute the territorial dispute discourse with cross-border cooperation discourse following Krushchev’s formula of peace treaty first, territorial dispute later. As a result, the original post-WWII American formula of normalizing relations without formal peace treaty remained in place. It was most recently

edited with Putin and Abe's "new plan" that involves "separating economics from politics" and "no winners-no losers" approaches to territorial dispute and cross-border cooperation. The "positive" exceptions to confrontational Cold War discourse are fishing cooperation and cultural and science exchanges.

Fishing cooperation. The early Soviet era fishing cooperation agreement was triggered by time-drifting fishing methods that caused disruptions to the Soviet fleet and endangered salmon fisheries sustainability. It was not banned in Russian territorial waters and exclusive economic zone until 2016. The post-revolutionary Soviet coastal patrol was understaffed and, due to illegal sales after the Black Sea revolution, short of ships to efficiently patrol large Pacific marina. This raised the necessity of a formal treaty and led to the first Soviet-Japanese Fishing Convention in 1928 of a Soviet-Japanese Agreement, which permitted Japanese nationals to fish in the waters of the Pacific Ocean adjacent to the Soviet coastline. In 1984–85 the fishing regime was updated by the mutual relations in the field of the fisheries of the coasts of both countries. The 1998 Convention on fishing cooperation for the marine live resources included environmental provisions and controversial extraterritorial rights for the Japanese fishermen.

Cultural and science exchanges. The other positive exception to the general Cold War confrontational discourse, especially after the 1960 Japan-US Security agreement, were studies (Nakamura 1983) associated with Russia-Japan friendship centers and houses on partnerships perspectives within the logic of Big Brother/small brother economic relationships paradigm. Limited local and regional cross-border exchanges contributed to the Cultural-Anthropological approach that originated during the late Soviet Period.

From "domestic colony" to "peoples territory". With the exception of Chekhov's anthropological perspective opposing mainstream Polevoi's ideological discourse, Bondarenko was one of the first Soviet authors to travel to the Kuril Islands to conduct his target long-term political geography study from the perspective of the local population of the then Soviet Kuril Islands. After 1991, in his published work *The Unknown Kuril Islands*, he attributed changing population growth and political identity trends to first colonial,

then Soviet policies. Russian explorer G. Miller in his 1737 report mentioned that Ainu of Iturup and Urup considered themselves independent societies with toyon/royal, military and slave-like casts. The Ainu meant “people” in local language, which suggested no other groups were known by the time Ainu settled those territories. The local population officially complained about the taxation to the Russian representative V. Bering on Kamchatka in 1738 and 1740.

The Soviet demographic policies in the Far East, including Kuril Islands, were no different from the general line of creating spaces with homogenic socio-political identity by the means of re-bordering through state planned migration of the nationalities within Soviet Union. As a border region with capitalist Japan, the Kuril Islands received most of its specialists and their families “from the center” to build and service the state-run civil and military enterprises until Krushev’s initiative to transform Japan and Russia-Japan border region into a Pacific buffer zone failed. After this, the region was “frozen” in terms of domestic migration waves and large socio-political projects, until the collapse of the Soviet Union. After 1991, a wave of migration to the Far East was caused by the “Far Eastern hectare program” that sponsored domestic migrants to the Far Region with farming land in low population density areas with increased need for agricultural development. On the Kuril Islands and Sakhalin this program was stopped by the time Putin and Abe’s “new approach” based joint development projects took off.

Globalization and Cross Border Cooperation Strategies in Asian Pacific. After the dissolution of the USSR, “perestroika” and democratic reformers’ Russian policies abandoned divided ideology and became oriented on a globalized economy. The Russian Far East region in particular was reoriented for integration into the Asia Pacific region. The existing Northern sea/Russian rivers vertical links to West -East Europe-Asia- American infrastructure, were reconsidered as geo-economic regional and international space and a new dimension of cross-border cooperation opened up, parallel to the still existing Cold War territorial dispute. The naval strategic importance of the Kuril Islands was still linked to American naval bases on Okinawa, but the economic potential of the Russian Far

East, as well as strategic economic logic of linking commercial land and maritime infrastructure of the North East Pacific to Russian Far East, seems to have reached its own momentum.

Development of Russian Far East and cross-border cooperation with Japan. After taking on the religious traditions of Eastern Byzantium, the extent of traditional spiritual and cultural orientation of Russia on Europe was questioned throughout Russian history, especially after the last expansion of West into the East through the EU and NATO after WWII. The modernizations of Peter the Great and Catherine the II (based on European examples), led to territorial expansion into the Seas of the North, West, South and East. It also led to creation of the Russian classic literature of the 19th century. Yet orientation on the West, especially during the Cold War, was becoming more and more problematic, politically and economically, and naturally became subject of debates after the 1991 collapse of the Soviet Union. The so-called establishment “Eurasianists” realized that Russia was not fully aware of the Western and Eastern traditions due to the geographic proximity and needed professional scientific studies to revitalize its economic and international ties, especially in underdeveloped Far East. The first study group was headed by the Siberian native Duma member V. Rizhkov and the Governor of the Taimir region, A Khloponin. They developed a “Siberia project” of involving foreign investment into the region, not just from China, but other Asian and European countries. This required restructuring the region administratively to unite numerous smaller regions on the highest level and to leave maximum initiative and business autonomy on individual and local level.

To avoid costly mistakes of the late Catherine the II and Stalin periods, the Far East region can be domestically rebordered into the new “zones of advanced economic development”. Western sanction led to further research of new cooperation strategies with APEC countries and Russia’s immediate neighbor such as Japan. The new approach linked international and Russian domestic economic trends such as:

- ✓ economic development of “Asia for Asia”, not Asia for the world;

- ✓ increased connectivity of ties instead of pure “free trading” as a strategy for regional development;
- ✓ shift of economic activity in Asia from “nuclear “to “peripheral” and from coastal to continental;
- ✓ shifts in consumption from inter-regional to intro-regional trade;
- ✓ Russia offering not only what it already has, but what the region needs;
- ✓ Russia’s competitive advantages in water demanding industries, such as agriculture and cold climate favoring industries, such as data storage, with fist data-center built in Irkutsk; and
- ✓ incorporating into the West-East North South grid Eurasian infrastructure already existing Russian Northern sea route/ Russian rivers links.

The international economic cooperation mechanism for “New Central Asia” was to be coordinated Eurasian economic union and Chinese once belt, one road projects, which was discussed in 2015 by Putin and Shi Jinping. A version of the Silk route was offered by TRASECA. Kissinger offered a concept of Asia Pacific community of cooperation. The current “new regionalism” is not based on European experience based gradual integration through steps toward more advanced forms of cooperation. The most stable APEC-ASEAN cooperation represents a collective system of bilateral agreements between countries with different levels of liberalization without ambition to move towards creation of “above national” structure that would require compromising sovereignty rights. The other forums shaping the future of Asian mega blocks include Transpacific Partnership and regional comprehensive economic partnerships [22]. In this context, Russia is not creating new geographic zones of economic influence, but connecting existing ones. For example, the three parties projects on the Korean peninsula include connection of Trans-Siberian and Trans-Korean railroads and construction of gas line and electric lines into South Korea through North Korea. Similar projects were designed for the Japanese electrical and gas markets, which were especially inter-

ested in alternative suppliers after the nuclear energy production drop by 20–22 % after the Fukushima-1 incident. Major Japanese investments into oil and gas import projects include Sakhalin-1 and –2, with 30 percent shares of SODECO in Sakhalin-1 and 12.5 % Mitsui and 10 % Mitsubishi in Sakhalin-2. Japan was the number one importer of Russian gas in 2013, consuming 76 % of total Russian export. Japan is one the main stakeholders in the Vladivostok LNG project.

The Russian Far East Region demographic composition is diverse, but as well as the rest of the Russian economy it is in need of increased domestic population growth rates as well as foreign migrant working force inflow. The Far East economic region has the same borders as the Far East Federal okrug, which consists of 11 subjects, about 40 % of Russia’s territory and only 5.5 % of population. In 2020, the population of region was about 8 million people with a density of 1.7 people per square km (the urban population being 73 %), losing 21,300 in 2019 with about 40 % to domestic migration.

The three regions registering population growth, including migration, were the republic of Buriatia, Saha (Yakutia) and the Chukotskii autonomous okrug. The Russian Far East population includes CIS, Chinese, Japanese, Korean, American and Singapore citizens. Total immigration peaked in 2014 at almost 16 million compared to over 13 million a year, with about 2.5 million immigrants from Uzbekistan, 2.4 million from Ukraine, 1.6 million from Tajikistan and 300,000 from China. The highest population growth rate was in Sakhalin oblast (4.14 %) then Saha (Yakutia) republic with 4 % in 2005–2014, less than Russia’s desired rate of 10 %.

The Russian Far East natural resource base includes 10 % of the world’s oil, 25 % of natural gas, 12 % of coal, 9 % of gold, 7 % of platinum, 9 % of lead, 5 % of iron ore, 14 % of Molybdenum, 21 % of nickel, 16 % of drinking water without underground water, 21 % of forestry and 22 % of Russia’s farming land. The comprehensive studies of the demographic and economic potential of the Far Eastern region resulted in domestic (Makarov 2016) and international “megaprojects” and “socio-economic development 2025 plans” based on historic experience and regional geo-political and

geo-economic trends. (Cherkasov 2020) To avoid purely resources import related transformation into “planets industrialization center,” since early 2000 the region is being considered for centers for innovation and ecological production of natural resources consuming industries. One of the industries being fishing in Sakhalin, Primorskii and Khabarovsk Krai coastal waters that have 3.5 mln tons of seafood potential, out of which only 1,000 tons a year are being used. The Japanese, South Korean and Norwegian investment projects also will help the related fishing commercial fleet. Vladivostok is to become an aquaculture-related biotechnological cluster for the international science cooperation. Another high tech related initiative for cooperative sustainability is “virtual water” trade, which is more economic than traditional water export. J. Allan suggested that virtual water trade implies trade of water consuming products, such as agricultural, and lowers domestic water demands as well as regional water deficits. The other version of it implies that the water demanding production be moved to a place with higher water efficiency. Japan imported 210.4 mln cubic meters of virtual water from Russia in 2006–2010 out of a total of 4,317.8 total exported from Russia.

In order to provide for the “zones of the advanced economic growth” in Russian Far East, the transportation network is divided into four belts to match the American model of vertical/horizontal naval/rail/automobile grid: (i) Tumen-Omsk-Novosibirsk-Krasnoyarsk-Irkutsk; (ii) Irkutsk-Chita-Khabarovsk-Vladivostok; (iii) Surrounding autonomous okrugs Hanti-Mansiiskii and Yamalonenetskii okrugs of Tumen oblast belt; (iv) connecting isolated North far east and Siberia okrugs belt through Vilyui road. This project is based on P. Krugman’s factors of primary nature and secondary nature, the first being geo-economic location of the territory and its natural resources, and the second being proximity to big cities as infrastructure hub and centers of human and institutional capital. One of the factors of demand for cross-Russia transportation systems is disproportionate use of traditional world’s naval routes through Malakka and Suats channels, which became increasingly easy targets for piracy due to overuse related delays.

Open-ended re-bordering as Means of Geo-Economic Equilibrium. Despite the official end of the Cold War with the dissolution of the USSR in 1991, until Putin's second term, the semi-colonial/geopolitical territorial dispute discourse was overpowering cross-border cooperation strategies in bilateral relation. Elzin briefly increased his personal contacts with Japanese leaders, but only to discuss the territorial compromise as a bargaining chip until this semi-colonial "secret territorial diplomacy" strategy was ultimately challenged by technologically advanced public opinion. In 2003, the nationalistic wing promoted the foundation of the Parliament association for the urgent return of Japanese islands of Kunashir, Shikotan, Iturup and Habomai. The Russian Minister of Foreign Affairs, Lavrov responded that Russia in regards to the territorial matters prioritizes its constitution, the laws of which are to be followed strictly. In 2004, Koizumi in honor of anniversary of the capitulation of Japan on September 2nd organized a largely publicized "inspection" of the Japanese northern territories. Unlike previous "inspections" by helicopter, this time the prime minister came close to Russian territorial water by boat.

"Political ping pong" and cross-border cooperation. As Koshkin suggested, the evolution of the approach of the political leaders in Russia and Japan on state, regional and local level occurred. With the help of the public opinion factor, the existing territorial dispute became a political "ping pong" parallel to the economic cooperation discussions. Most recent protest in coastal Khabarovskii krai (bordering Sakhalin oblast of the Russian Far East federal region) demonstrated how different geographic contexts of smaller and larger economic regions can change the cooperative/confrontational discourse. Due to the economic disruptions caused by the pandemic, the federal program of rebordering discussed in 2012–2016 and aimed at creation of new "economic drivers" through larger and economically more even domestic economic spaces with diverse natural, climate and financial resources and infrastructure is back on the agenda. The Sakhalin bridge system connecting Sakhalin peninsular with Russian continental coast and Japanese island of Hokkaido project according to the Sakhalin oblast governor Valerii Lemarenko is now planned to be completed by 2035. The

first bridge across Nevelskogo straight from Russian mainland to Sakhalin is to be completed by 2025 and to be served by the new deep-water port. The Khabarovsk krai railroad station of Sakhalin will be connected across Nevelskogo straight to Nish station in Sakhalin oblast. The second bridge across the Laperusa straight is to reach from Sakhalin to Hokkaido.

This system of bridges would provide Russia with long desired development of coastal infrastructure in the Pacific, while Japan increases its continental influence through Russian Far, transforming disputed bilateral borderland into a large North Pacific infrastructure hub. Shirokorad puts the contested Russia-Japan borderland into a larger geographic context of Russian subarctic region strategy that can become part of the global continental auto and railroad infrastructure projects connecting Europe, Russia, Asia and North America. The bridges/tunnels across the Laperusa Strait and Bering Strait can unite exiting Russian, Japanese and American parts of the North Pacific automobile and railroad systems. In 2019, the minister of the development of the Far East, A Krutikov, announced that following the successful opening of the Crimean bridge in the Black Sea, the Russian federal budget is adding 433.3 mlrd rubles to the Sakhalin bridge system in the Pacific. In 2018, Japan signed a trade agreement with the EU, the trade volume being about 120 mlrd euros, which could benefit Russia as a transit country.

Hybrid security. The confrontational nationalistic rhetoric also runs into geo-economic limitations of hybrid private/state non-traditional security threats to social stability. Lack of cooperation between political and security institutions creates vacuums that are filled by international organized crime groups that not only profit on the illegal trade but deteriorate state administration structures, contributing to proliferation of the so-called void of governance regime. It was most noticeable during Russian “lawless” perestroika and ultimately led to long-term public support to Putin’s administration efforts. In Russia-Japan relations as well, unbalanced nationalism was weakening border regions administration through marginalization of fragmented identity of the border population. Nationalistic rhetoric can cause distrust to the official authorities creating perfect outsourcing ground for illicit businesses, from

environmentally dangerous contraband to all forms of trafficking including WMD technologies or terrorism, especially in the coastal areas due to its proximity to the generally under-patrolled high seas. Social instability, caused by the exploitation of the local population groups by illegal non-state actors, obstructs all aspects of economic development, including investment ratings and domestic and international integration projects.

Techno-economic communities. The 21st century's AI technologies allowed for social, not territorial consolidation of the geographically remote areas, such as Far Eastern region, benefitting local communities and foreign businesses. One of Russia's National projects (Natsproekt) included digitalization of Russian regions on individual, community, regional and state level. One of the programs created a statewide electronic portal, Gosuslugi, allowing Russian citizens to request through "one window" most of the government services. The centralized Far Eastern and Arctic economic ministry offers a wide range of virtual portals with government services as well as online tender and auctions to avoid bureaucratic and geographic obstacles of developing remote Arctic-Pacific spaces. The Russia-Japan cross-border cooperation plan introduced in 2016 "echoed" this program of creating technologically advanced economic/infrastructure hubs.

The new trends in Russia-Japan cross-border cooperation. During the first Putin term, some expected the new president to follow Elzin's steps. Yet Putin removed the pressure of Elzin's declaration of concluding the peace treaty by 2000. In an interview after his 2002 meeting with the North Korean leader, Putin answered a question by characterizing the Japanese territorial claims as follows: Japan considers Southern Kurils their territory, while we (Russia) believe it is our territory. When Prime Minister Koizumi visited Moscow with concerns regarding North Korean relations with Japan, he mentioned that Russia and Japan have more grounds for cooperation than confrontation. Tensions with North Korea, along with stability in the Middle East, made Russia a favorable security and energy partner, considering its growing activity and commitments to the major energy consumers in East Asia, such as China and Korea, as well as India, ASEAN and Russian integration

into East Asian Society and APEC.

In 2005, President Putin insisted on leaving the territorial disputes discussion out of the official joint statements of bilateral negotiations to avoid radicalization of the subject in domestic politics by the opposition parties. Starting with Russian president V. Putin's second term, the Russia-Japan cross-border cooperation approach was characterized by co-existence of seemingly opposite trends, such as nationalism and regionalism, constitutionalism and internationalism, geographic determinism and human mobility. Putin was not denying the existence of territorial dispute. Japan was not taking its territorial claims past domestic politics of celebrating the day of Northern territories and official visits to the islands. The occasional spikes of nationalistic rhetoric during the election seasons did not spur overblown responses from across the ocean and that did not affect the general course of cooperation any more. Later, both ruling and opposition members of the parliament passed special resolution that referred to Kuril Island as Japan's historic territories. Japanese Ministry of Foreign Affairs made a comment that this resolution is declarative and should not influence Russia-Japanese negotiations. After the Democratic party won the August 2009 elections, the Minister of Foreign Affairs Y. Hatoyama, the head of the Japan-Russia society and supporter of Japan's initiative for East Asian Community relations with Russia, China and both Korea, mentioned in his speech political and economic relations as two wheels of the wagon with Russia as Japan's partner in Asia-Pacific region. After the phrase "Russian occupation" appeared in a public government declaration in the end of 2009, Russian institute of public opinion found that 89 % of Russian citizens were against any territorial compromise, 79 % believed that it was time to stop discussing the matter and 63 % stated that compromise would negatively affect president Medvedev's rating.

In 2010, President Medvedev took a trip to Sakhalin oblast and visited the South Kuril Islands of Kunashir together with his representative to the Far Eastern federal okrug V. Ishaev. Despite Japanese diplomatic objections to the travel route of the Russian president, they assessed the progress of the Kuril Islands socio-economic development program of 2007–2015, including construction

of airports, schools and hospitals and measure to prevent depopulation and unemployment, and met the public. On February 4th, the official day of the Northern Territories, Japanese radical right wing activists destroyed Russian flag in front of the Embassy, but the incident was dissolved amidst the March 2011 earth quake and tsunami disaster. Russia was among the first countries to rescue specialists, nuclear technicians, collected donation and financial recovery aid. To overcome the 30% of the produced energy shortage, Putin offered to increase the Gasprom export volumes to Japan.

Since 2006, traditional public confrontational discourse surrounding Japan's territorial claims was overpowered by strategic cooperation framework discussions. On May 6th, 2006, in Sochi, during the unofficial visit, S. Abe's "new approach" was announced. In the interview following this visit, he mentioned that the "unprecedented" way means that the joint economic activity on the Kuril Islands would not be legally tied to Russian or Japanese legislature and the official positions of both countries on the territorial matter. The announcement was criticized in two ways. First, the extraterritoriality rights at sea and on land contradict the principles of state sovereignty and territorial integrity, including sovereignty over Kuril Islands, protected by the UN Charter and Russian constitution. The Japanese parliament as well had passed a 2009 law stating that the Southern Kuril Islands of Kunashir, Iturup, Shikotana and Habomai archipelago are an inseparable part of Japanese territory. The new wave of Russian constitutionalism discussion was triggered after the 2020 amendments to the Russian constitution were passed, including amendment to article 79 that prohibits enacting the decisions on obligations of the international treaty if the interpretation of those decisions contradicts Russian constitution.

In the larger international context, there is no unified approach to the state's practice with respect to joining and working in international institutions and while executive branches hold the flexibility of joining international cooperation projects, they face barriers to implementing international decisions through domestic law. (Stephan 2019) In 2017, Prime Minister Medvedev signed law number 922 on creation of the "territory of the advanced de-

velopment” (TAD) financed by Russian far east and Arctic development fund, and targeted federal program “Socio-economic development of the Kuril islands(Sakhalin oblast) 2016–2025”. The Far East development fund developed an online service for the Far East marine culture investors. It allows investors, without visiting the geographically remote areas, to mark the territory of interest on the electronic map and apply for purchase via electronic auction. The first sales took place in July 2018. (Chernishov 2018) This advanced technological development program along with others for the Russian Far East and Arctic region developed by the Fund are realized through specialized Ministry of Far East and Arctic.

The ASEZ/TAD zones policy is generally criticized for moving the 16 subjects of the Russian Federation territories accounting for 60 percent of total state territory out of federal laws jurisdiction on subsoil, forest and land use, urban construction, labor and citizenship. Apart from general ASEZ /TAD zones critique, the “exterritorialy” economic activity regime on the Kuril Islands was scrutinized by Sakhalin oblast representatives for the short-term economic impact of the “exterritoriality” rights on the coastal businesses. Oblast representatives addressed the necessity to consider the effects of the continental exterritoriality on the Russian fishing business that already suffered losses from the previous exterritoriality rights at sea, in the Russian exclusive economic zone and national waters, given to the Japanese fishermen according to the 1998 Fishing agreement. Unlike the fishing agreement of the 1998 regarding the Kuril Islands, the scope of the Russia-Japan economic cooperation plan of 2016 includes the whole Far East and Eastern Siberia as part of larger sub-arctic economic region of Russia with a comprehensive approach to modernizing the regional market.

Right after collapse of the Soviet Union, Japanese business considered Russia as a “high risk” economy. After Putin’s first term reforms, the Russian market became more lucrative. The Japanese companies Toyota, Nissan, Suzuki, Isuzu and Mitsubishi motors were the pioneers in the Russian North Western regional market followed by Komatsu and Hitachi. Instability in the Middle East as a major oil supplier made Russian Sakhalin-1 and Sakhalin –2

oil and gas projects attractive, followed by investments into Yakutia region oil, gas and coal industry and nuclear energy enterprises in the Far East region. New oil pipe routes “East Siberia -Pacific region” were discussed, as well as joint geological research in Irkutsk oblast. The potential for technological cooperation in transformation of coal into liquid and gas fuel was discussed at the 5th Japan-Russia forum in 2007. Modernization of the Trans-Siberian railroad was lucrative for the Japanese companies operating in the Western part of Russia as well as for the Europe-East Asian import and export companies. Japanese investment was followed by purchases of Japanese technology for modernization of Russian economy. The Russia-Japan investment forum introduced financial corporations and holdings such as Mizuho and Nomura Syouken as well as insurance companies to the Russian market.

The “8 points plan” for Cooperation. In 2007, Russia introduced the Eastern program of the Russian Federation aimed at economic development of the Asian part of Russia. At a bilateral meeting, Japan offered the “Initiative for strengthening Russia-Japan cooperation in the Far East and Eastern Siberia” while Putin mentioned Russia’s desire to develop those regions in cooperation with Japan. In 2007, the Minister of Foreign Affairs of Japan referred to Russia as an important neighboring country and strategic partner with which Japan intends to cooperate strategically in the Far East, eastern Siberia and Asia Pacific region on the wide range of issues, including those related to the Northern Territories. Japan became part of the prioritized in Russia Asian vector of security, ecology, technology and trade policies.

In autumn 2011, Foreign Minister K. Gamba declared the need for concrete plans for strategic partnership with Russia including joint economic activity on South Kuril Islands. In 2013, the re-elected Shinzo Abe brought 120 leaders of Japanese corporations to discuss with Putin energy, urban environment, and medicine and infrastructure cooperation in the Far East. Part of the plan was creation of energy infrastructure network to compensate possible nuclear plants produced energy shortages in Japan by construction of thermo and hydroelectric energy plant on the Russian coast with electric cable to the Japanese islands, which would be cheaper than

supplying raw oil and gas.

In 2012, Prime Minister Medvedev visited Kunashir and in 2015 Iturup. On January 26th 2016, Foreign Minister Lavrov clarified that peace treaty negotiations and territorial issues are two separate matters. After Shinzo Abe and Putin announced the “new approach” in Sochi, Russian press secretary Peskov also mentioned that territorial matters should be discussed via ministry of foreign affairs channels while there was no official report on the related negotiations between Morgulov and T Harada. The changed vision of bilateral relations was characterized as economic, security, cultural and people-to-people cooperation. Simultaneously introduced, the new eight points Abe-Putin cooperation plan [23] between Russia and Japan included multi-level trade and investment cooperation with Russian Far East and Arctic regions of “exceeding socio-economic development” and offered five areas of cooperation specifically on the Kuril Islands: aquaculture, seafood, greenhouses, local tourism, wind power, garbage management along with the visa free regime to Japanese citizens. The eight points were: (1) Extending healthy life expectancies, (2) developing comfortable and clean cities easy to reside and live in, (3) fundamentally expansion medium-sized and small companies exchange and cooperation, (4) energy, (5) promoting industrial diversification and enhancing productivity in Russia, (6) developing industries and export bases in the Far East, (7) cooperation on cutting-edge technologies, and (8) fundamentally expansion of people-to-people interaction. The mutually beneficial cooperation is promoted through the Japan-Russia Intergovernmental Committee on Trade and Economic Issues and the Japan-Russian Advisory Council on Modernization of the Russian Economy.

According to the stated goal of fostering trust and securing transparency though terrorism countermeasure discussions and continued interactions between defense authorities, coast guard agencies, and border patrol authorities, the current scope of the cross-border cooperation addresses the question of maritime security through coastal military cooperation: illegal, unreported and unregulated fishing, trade contraband, naval illegal migration, weapons and illegal substances trafficking. In 2019, Russia and Japan conducted related joint military training from port Korsakov,

South Sakhalin under Kudriyashov S and Shinzi Nitta command. The trainings were a result of increased cooperation in 2018–2019 and are intended to contribute into continued joint efforts on rescue search, and information exchange cooperation to prevent crimes at sea, including terrorism related activities. The Japanese investment and joint development of the Far East region includes:

- ✓ healthcare (prevention, diagnostics, drugs production); ecocities infrastructure and lifestyle (Russian postal services projects));
- ✓ small and medium business matching (food industry);
- ✓ energy, gas production and transport (Yamal 2018, Arctic-22019, Ust-Kamchatsk cold climate wind power, Energy efficiency projects in Vladivostok and Primorskii krai);
- ✓ production diversification and efficiency (Toyota diagnostics project, Gazprom –JPIC “samurai” bonds; JPIC-Sberbank credit lines);
- ✓ Far East as Asia Pacific export bases development (Khabarovsk airport, wood pellets and wood houses production, green houses, Port Vostochnii coastal transport system);
- ✓ digital technology through satellite (SKY- JSAT Corporation and Skolkovo center projects);
- ✓ infrastructure of the Far East development (Japan-Europe rail road and common use of the Transsiberian roads); and
- ✓ humanitarian cooperation and tourism (Universities and regional governments levels).
- ✓ More than 400 agreements have been signed by now, including Osaka summit of 2019.

Contested historic geographic periphery with void of governance regime is transforming into a flexible system of joint modern technology based cross-border administration. The new scope of cross-border cooperation between Russia and Japan is not conducted but takes into consideration the “symbolic role and the importance of public perception in legitimizing and equipping the new domestic and external borders of former USSR” [9]. The current Russian-Jap-

anese cooperation trend can be explained by the redefined economic potential of the shared borderland—from the naval route between the Kuril Islands and Hokkaido in its most narrow sense to domestically re-bordered Russian East Siberian/Pacific region of cross-continental infrastructure reaching American West Coast. The geographic scope of cross-border cooperation has evolved from Sea of Okhotsk marina to North Pacific and possibly Northern Seas route.

After the geopolitical classic formula of tying politics with economics was abandoned, both sides started to constructively engage public opinion and modern technology to promote capital and human mobility in the border region. In the context of new sub-arctic land and sea integration projects, the North Pacific channels of private and state sponsored cross-border mobility became part of the socio-economic equilibrium strategy, replacing colonial concept of territorial competition. The new AI's capacity provided the network to remove not only geographic but temporal limitations of the development for the local communities in the strategic former remote geographic spaces. The ongoing domestic and international regional socio-economic re-bordering in Russia, in the absence of formal process of international settlement/delimitation with Japan, seems to have gained the potential of an open-ended process of cross-border cooperation occurring on different levels with different speed at the same time.

References

1. Bondarenko O., 1992. Neizvestnie Kurili. Serieznie razmishlenia o statusе Kuril'skikh ostrovov. M..399P., p. 28.
2. Brunet-Jailly, E., 2017. Les Disputes Frontalières: Territoriales, Positionnelles et Fonctionnelles/ Espace Politique online. N. 33. March.
3. Cherkasov, I., 2020. The economics of Far East, 2020. Moscow, 150 p.
4. Chernishov, P., 2018. Novii biznes v prozrachnoi vode. Komsomolskaya Pravda, 31.08.2018.
5. DeGraf, T., Naarden, B., 2007. Description of the border areas of Russia with Japan and their inhabitants in Wietsen's North and East Tartary. Acta Slavica Iaponica. Tomus 24, PP.205–220
6. Grigoriev V., 2017. Dalnevostochnaya Respublika. Istoriya odnogo bufer-nogo obrazovaniya. Jivaya istoriya June 1st.
7. Ignatiev A., 1989. Vitte S. U.—diplomat. Moscow, 333p, PP.150–153.

8. Kaplan, R., 2014. This isn't what the 21st century was supposed to look like. *Time*. March 31st pp.32–35.
9. Kolosov V, Turovsky, R., 1998. *Sovremennyye gosudarstvennyye granitsy: novyye funktsii v usloviyakh integratsii i prigranichnoye sotrud- nичество* [Modern state borders: new features in terms of integration and cross-border cooperation]. *Proceedings of the Academy of Sciences, Ser. geogr.* 1 pp. 97–107.
10. Lloyd P.J., 2002. *New Regionalism and new bilateralism in the AP*. Institute of southeast Asian studies, visiting researcher series.no 3.May
11. Makarov, I., 2016. *Povorot na Vostok.Razvitie Sibiri i Dalnego vostoka v usloviyah usileniya aziatskogo vektora vneshnei politiki Rossii*. Moscow,–448 p. P.11.
12. Marshall A., 2006. *The Russia general staff in Asia, 1800–1917*. N.Y.: Routhledge-287 p.
13. Nakamura, S., 1983. *Yaponzi i Russkiye*. M –302 p.
14. Paasi, A., 1999. “Boundaries as Social Processes: Territoriality in the World of Flows.” *Geopolitics* 3(1): 669–680.
15. Paasi, A., 2011. A ‘border theory’: an unattainable dream or a realistic aim for border scholars? In *A research companion to border studies*, by D. Wastl-Walter, ed., 11–31. Aldershot: Ashgate.
16. Paasi, A., 2019. *Borderless worlds and beyond: challenging the state-centric cartographies*. In *Borderless worlds for whom? Ethics, moralities and mobilities*, by A. Paasi, E-K. Prokkola, J. Saarinen and K. Zimmerbauer, 21–36. London: Routledge.
17. Schimmelpennick van der Oye, 2001. *Toward the Rising Sun: Ideologies of Empire and the Path to War with Japan* (DeKalb: Northern Illinois University Press).
18. Shirokorad A., 2017. *Kurili-shit i bogaststvo Rossii*. M,368 p., P. 14.
19. Stephen, J., 1994. *The Russian Far East: a history*/J.Stephen.–Stanford: Stanford University press. 481p.
20. Stephan, P., 2019. *Constitutionalism and Internationalism: U. S. Participation in International Institutions*. *The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law*. ed. C. Bradley.
21. Vilezhanin, A., 2007. *Mezhdunarodno-pravovie osnovi nedropolzovaniya*,–527 p., P.121.
22. Wilson J.D., 2015. *Mega-regional trade deals in the Asian Pacific: choosing between the TTP and RCEP?* *Journal of contemporary Asia*..Vol.45. No 2.
23. Yamaguchi, K., 2016. *Abe presents 8-point economic cooperation plan to Putin*.

GEOPOLITICS OF RESOURCES” AS POLITICAL-GTOGRAPHICAL PARADIGM: THE IMPORTANCE OF NATURAL POTENTIALS IN THE VALORISATION OF THE GEOPOLITICAL POSITION OF THE REPUBLIC OF SRPSKA (ENTITY IN BOSNIA AND HERZEGOVINA)

Zekanović I.¹

¹ University of Banja Luka,
Banja Luka, Bosnia and Herzegovina, Republic of Srpska

Republic of Srpska (entity in Bosnia and Herzegovina) is characterized by different natural-geographical units. It has natural potentials, which represent an important segment in the evaluation of political-geographical and geopolitical position. The subject-matter of research in this paper will be based on identifying the most important natural potentials of the Republic of Srpska and their importance in the valorization of geopolitical position seen through the prism of contemporary political and geographical processes in the Western Balkans and the international community.

The paper is planned to be realized by general (analysis and synthesis) and special methods of immanent geographical research and data processing techniques (statistical, cartographic, GIS analysis), according to the historical-geographical, structural-functional and dialectical methodological approach. The results of the research could have diverse theoretical and applicative value, and the objective of the research would indicate that the geospace of the Republic of Srpska could become a successful example of a political-territorial community in which elements of the natural environment would represent a model and direction of the future concept of geopolitical stability of Bosnia and Herzegovina, but also the states of the Western Balkans as a whole.

Key words: Republic of Srpska, natural potentials, geopolitics of resources, geopolitical position, Bosnia and Herzegovina, Western Balkans.

Initial Considerations. The last decade of the 20th century was represented by the end of the dualistic system and the affirmation of the unipolar order in international relations, and the beginning of the 21st century with a period when the end of the unipolar world as a transitional model is already in sight, and the contours of a multipolar world order are being established, followed by turbulent phases of political-geographical and geopolitical processes.

In such constellations, the opinion about the minimalist significance of geographical factors in the global structure of the

world order and contemporary expansionist goals in the world is definitely outdated. We would like to point out that in the time of globalization, scientific-technological and information revolution, the prevailing opinion is that basic geopolitical theories, based on the emphasized role of geositions and deterministic postulates that were considered to represent retrograde considerations and subjective interpretations, have a foothold in modern international relations and receive their full affirmation and confirmation on the example of the Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina, the Western Balkans and the region of Southeast Europe as a whole. One of the most important contents of geopolitics is the geopolitical position, which determines the general and international status of the political-territorial community. The basic premise and starting point in the study of the position is “its quality”, because there is enough space on earth within individual countries. Therefore, the essence is the territory with its qualitative and quantitative characteristics.

The current geopolitical position of the Republic of Srpska is determined by global, continental and local determinants and is the result of the action of a large number of factors and their interaction. The geopolitical position of the Republic of Srpska must be considered a dynamic category, which requires continuous monitoring and evaluation in accordance with the factors and determinants that condition it (Zekanović, 2007). The geographical component of the geopolitical position in correlation with natural potentials understood as “the totality of elements of the natural environment connected into a complete natural complex” (Lekić, 1997, p. 319), represent key elements of “geopolitics of resources” and geopolitical valorisation of space.

“Geopolitics of resources” defines the decision for each country to create enough reserves of natural resources for its needs, which it will be able to sell in case of crisis. The main problem arises due to financial resources, because poor countries are not able to achieve that, so they are conditioned by dependence on technologically developed countries and the sale of raw materials below market value. Dependence is reflected in the efforts of technologically developed countries according to political and economic influence

in underdeveloped countries, rich in natural and anthropogenic resources, and the separation of “spheres of influence” in raw material regions by placing local states in direct dependence on industrial geopolitical power (Grčić, 2000). We are witnessing increasingly radical coercive measures when it comes to resources, which often end in war conflict.

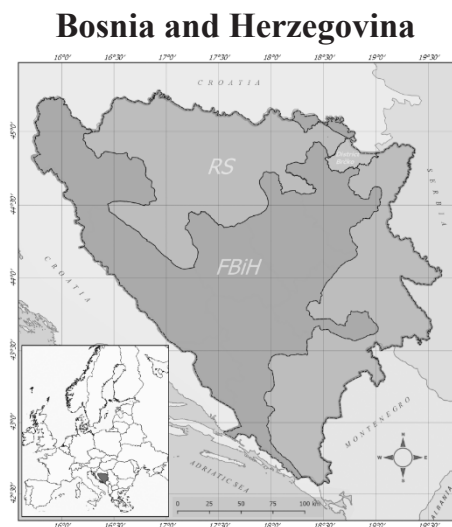
Natural potentials in correlation with political-geographical processes are the basic elements of “geopolitics of resources” and geopolitical evaluation of geospace. “Geopolitics of resources” is an essential segment in international relations, because access to and safe disposal of natural resources and raw materials determines the international status and relations between political and territorial communities at the local, regional and global level. If we study the geopolitical position of the Republic of Srpska and the region of Southeast Europe from this aspect, then natural potentials were and they remain the basic factor for the survival and stay of political-territorial communities and peoples in this geospace.

Basic Determinants of the Geoposition of the Republic of Srpska. The Republic of Srpska is a state entity in Bosnia and Herzegovina (BiH) with an area of 24,641 km² and represents about 48 % of the total territory. Mathematically and geographically, it occupies the northern and eastern part of the geospace of BiH, between 42°33’18” and 45°16’36” north latitude and 16°12’18” and 19°37’44” east longitude. According to the results of the 2013 Census, the Republic of Srpska had 1,170,342 inhabitants (Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Srpska in 2013, 2017).

“It is located at the contact of two large natural-geographical and socio-economic regional units – Pannonian and Mediterranean. Thus, it represents the link between the Pannonian and Adriatic basins, on the one side, and Western Europe and the Central Balkans on the other. In the geopolitical and anthrogeographical sense, it occupies a smaller part of the historical-geographical Serbian ethnic space west of the Republic of Serbia.” (Zekanović, 2020, p. 94) It has an atypical shape of the territory, the northern part of which extends in the east-west direction, and the eastern part in the north-south direction. It consists of two parts: north-western (12,200

km²) and eastern (12,400 km²). The borders of the Republic of Srpska are determined by the internationally recognized border of Bosnia and Herzegovina with the Republic of Serbia, the Republic of Croatia and the Republic of Montenegro, and with the inter-entity demarcation towards the Federation of BiH—the other entity in Bosnia and Herzegovina.

Figure 1

(Source: Zekanović, I., Political-geographical determinants of contemporary geodemographic characteristic of Bosnia and Herzegovina with special emphasis to territorial population distribution, Proceeding: 5th International scientific conference Geobalkanica 2019, Republic of North Macedonia, 2019, p. 264.)

The natural characteristics of the Republic of Srpska are conditioned by belonging to different natural-geographical units. Therefore, it is characterized by a heterogeneous geomorphological, climatological, biogeographical, pedological and hydrological structure. The Republic of Srpska is characterized by geomorphological diversity. Its northern part is open towards the Pannonian Plain, to which hilly terrains and fertile river valleys are connected. To the south, the hilly terrain turns into a mountainous area. In the south, near the sea coast, there is a karst relief (Zekanović, 2020, p. 103).

Different climatic types are represented in this area: temperate-continental, continental (steppe), mountain, mountain-valley and altered-Mediterranean type. The northern part of Republic of Srpska is characterized by a temperate-continental climate with warm summers and moderately cold winters and an average annual air temperature above 10 °C. The Pannonian (steppe) influence from the north is felt in the northeast. Areas with higher altitudes have mountain and mountain-valley climate variants. The mountain-valley climate variant predominates in the hilly and basin-valley areas in the central part of the Republic of Srpska. The average annual air temperature is lower than 10 °C. The southern part of the Republic of Srpska is characterized by a changed variant of the Mediterranean climate.

The vegetation characteristics of the Republic of Srpska are characterized by diversity, which is the result of the geographical position of the Balkan Peninsula and a specific spectrum of bio-geographical conditions, as well as pedological, climatic, biological, and anthropogenic influences. Different soil types are the result of geographical and geological heterogeneity of space.

From the hydrological aspect, the geospace of the Republic of Srpska can be described as relatively rich in surface and underground hydrological network. The water potential is represented by the most important rivers: Una, Sana, Vrbas, Bosna, Sava, Drina and Trebišnjica. Also, the hydrographic network, in addition to the mentioned rivers and their tributaries, is represented by natural and artificial lakes, as well as thermal and mineral springs.

Natural Potentials as a Developmental Basis of Geopolitical Characteristics of the Republic of Srpska. Natural potentials can be defined as the sum of the elements of the natural environment connected into a complete natural complex. They are located in the space and function of time, which determines their political-geographical significance for the state.

We can conditionally divide them into those that have always been necessary, such as water, air and land, and those whose importance has changed depending on the degree of development of a country, or historical-geographical or economic development of society (coal, oil, nuclear energy). The use, application and economic

evaluation of natural resources should be planned and purposefully controlled, regardless of the type, structure and individual quantities. They represent the basis for economic development and geopolitical stability of the state, including the Republic of Srpska. Therefore, there is a part of natural potentials that must remain outside the financial and economic flows and which should be preserved for present and future generations, and this is especially true for those resources that are difficult to renew and non-renewable natural potentials.

The Republic of Srpska has natural potentials on the management of which will depend both the general socio-economic development and the quality of the geopolitical position. The most significant natural potentials of the Republic of Srpska are represented by: forest complex, agricultural land, hydro potential, ore and mineral resources, climatic conditions. Forests make up a total of 1,097,001 ha or about 44.5 % of the total area of the Republic of Srpska (Statistical Bulletin of Forestry, 2020, p. 14). Forests as a renewable natural potential have a special geopolitical significance for the Republic of Srpska, so it is necessary to establish a system of forest protection, monitoring of their ecosystem, as well as institutional implementation of the concept of sustainable development and planned management of forest resources. The key problem is the location of the highest quality forest complexes, located mainly in the inter-entity-border area, which still feels the consequences caused by the war conflict (labour shortage, demographically abandoned and depopulated areas). Also, a large part of the border area has not been cleared of mines and explosives, which limits the possibility of exploitation.

Land as a potential has multiple uses, but its primary function is in agriculture, focused on the production of food and raw materials for the population. The Republic of Srpska has a pronounced heterogeneous structure of land cover as a result of geographical and geological diversity of geospace. The Peri-Pannonian area is characterized by alluvial, valley-brown soils. The hilly-mountainous area is represented mainly by acid-brown and brown soils. In the area of Eastern Herzegovina (southern parts), brown soils and red soils developed. The total area of agricultural land is 1,008,000 ha, which

is about 41 % of the total area of the Republic of Srpska. Arable land covers about 816,000 ha (ploughed fields and gardens 577,000 ha, orchards 52,000 ha, vineyards 1,000 ha, meadows and pastures 376,000 ha) (Statistical Bulletin, Agriculture, 2020, p. 7). The largest agricultural areas are located in the northern and western part, and to a lesser extent in the south of the Republic of Srpska.

Entire plain region has the conditions for intensive field and field-livestock production. The hilly-mountainous area has ideal conditions for the development of fruit growing, and the southern areas for the development of viticulture and the cultivation of Mediterranean cultures. Pastures and meadows of mountain and mountain-valley area are the basis for the development of livestock. The Republic of Srpska is characterized by a wealth of fresh water of good quality, so the water potential is considered a key natural potential and geopolitical resource. Hydrographic potentials are primarily based on the possibilities of exploitation and production of hydropower, because the hydro-potential of rivers with coal reserves forms the basis for electricity production. The estimated hydropower potential of watercourses in the Republic of Srpska is about 10,000 GWh per year, of which about 35 % of the total hydropower potential is used by 5 hydroelectric power plants: HPP Višegrad, HPP Trebinje 1, HPP Trebinje 2, HPP Bočac and HPP Bočac 2 and several smaller hydroelectric power plants. The Republic of Srpska fully satisfies the needs for electricity with production, and has the hydro potential with which it can become a respectable exporter of electricity in the region (Zekanović, Živković, 2015, p. 239).

It is estimated that the Republic of Srpska has about 80 % of the estimated exploitation quantities of groundwater in Bosnia and Herzegovina. The northern part is quantitatively the richest region in groundwater. Based on these potentials, several spa and recreation centres have already been affirmed. In addition to the great possibilities of exploiting the hydropower potential, the hydrographic network of the Republic of Srpska offers wide possibilities in irrigation of arable land, development of fishing, possibilities of river traffic and affirmation of fishing and spa tourism. If we take into account the frequent scientific warnings about the impending

crisis in the supply of drinking and industrial water on a global level, the hydro potential can rightly be considered a key development resource from the geopolitical aspect.

Thus, in conditions when the impact of climate change intensifies globally and is fully affirmed as a key problem for the international community, at the same time the population is increasing and the need for larger quantities of drinking water has become a priority in “geopolitics of resources”. It is estimated that the total amount of drinking water on Earth has been reduced by about 40 % in the last century. If this trend continues, it can cause various forms of political crises. Therefore, the possibility of protection of water potentials has become one of the most current issues in international forums, as a factor that is directly related to modern geopolitical, economic, demographic, environmental and other processes. Also, it is necessary that the Republic of Srpska and BiH, given the political-geographical dimension of watercourses and water potentials, which are transit and pass through several countries or have a border function, establish cooperation with other political entities in the region, primarily on river regulation, and coordination on creating mechanisms to address water management issues.

Ore and mineral raw materials, their diversity and estimated reserves as a natural potential in the geopolitical valorisation of the geospace of the Republic of Srpska should have an emphasized role, given that there are realistic geological and mineral-genetic assumptions to discover new deposits, increase and qualitatively enlarge existing reserves. Coal is mostly used for electrical energy purposes. Total reserves are estimated at about 700 million tons. Iron ore is exploited from two localities: Ljubija-Omarska and Mokra Gora-Vardište. The estimated reserves amount to about 350 million tons, and based on the analysis of ore-bearing formations in the first locality (Ljubija), it is estimated that there are 800 million tons of new iron ore reserves. Manganese ore is located in the central parts of the Republic of Srpska. Bauxite ore, whose exploitation reserves are estimated at about 55 million tons, represents the axis of development of non-ferrous metallurgy. Oil-geological potential sites refer to the northern and southeastern parts of the Republic of Srpska. Exploration and exploitation of non-metallic raw

materials are far below the potential and possibilities in relation to their application and modern significance in the world.

Climate as a natural potential in the time of global climate change is increasingly gaining a geopolitical dimension. Nowadays, it may seem unrealistic, but to have four seasons, in a small area such as the Republic of Srpska, is a geopolitical resource. The impact of climate change on international relations and the possibility of adaptation have become the focus of international politics. Possibilities for protection from these influences are minimal, but there are different ways of adaptation, and they include defining new models of environmental protection, defining strategies for sustainable development and cooperation of all political-geographical units from the environment at the local, state and regional level. Previous findings indicate the need to develop strategies that would aim to adapt to climate change. Also, “International Agreements (especially the UN Framework Convention on Climate Change and the Kyoto Protocol) oblige BiH as well as the Republic of Srpska to continuously work on mitigation and adaptation to climate change. The Third National Report and the Second Biennial Report on Greenhouse Gas Emissions of Bosnia and Herzegovina in accordance with the United Nations Framework Convention on Climate Change of July 2016 define limitations and indicate future directions and perspectives regarding political and social components of economic adaptation to climate change” (Zekanović, 2019, p. 366).

Geopolitical circumstances and historical-geographical development, which resulted from disintegrative processes in the geospace of the former SFRY, cannot be ignored and rejected, as well as the negative political-geographical processes that marked this geospace at the end of the 20th century. However, cooperation and joint action when it comes to adaptation to climate change would lead to a “détente” between the states of the former SFRY in the political and political-geographical context, as well as to the improvement of interethnic cooperation. “Geopolitics of Resources” as the Basis of Modern Political-Geographical Processes in the Region of the Western Balkans

The last decade of the 20th and the beginning of the 21st century were marked by numerous political and geographical processes in

the international community, which primarily changed the political map of Europe, and especially the Balkan Peninsula. Unfortunately, the political-geographical processes in the geospace of the Western Balkans were marked by the disintegration of SFR Yugoslavia, which was in the sign of the civil war, which escalated in the geospace of Bosnia and Herzegovina. Also, the beginning of the 21st century in international relations marked the end of relative unipolarism and the inevitable transformation into a multipolar order.

Changes in the hierarchy of constellations between the world's leading countries, as well as the reincarnation of the "Silk Road" reaffirm the geospace of the Western Balkans into a geopolitically attractive part of "Rimland", and the importance of the geopolitical position and the role of natural potentials for the future of a political-territorial community are again actualized. This statement is supported by the completion of the construction of the first phase of the "Balkan Stream" gas pipeline ("Turkish Stream") 2020, by which Russia and Turkey again actively participate in political and geographical processes in Southeast Europe controlling energy flows, and they represent a counterpart to the US presence in Kosovo and their concept of the "South Stream" gas pipeline. Without gas as a natural potential, there are no serious investments in the Western Balkans region, given that we are aware of the fact that alternative energy sources are not "serious" resources when it comes to large investments.

The geopolitical priority in this part of Europe is long-term gas supply, and the completion of the "Balkan Stream" gas pipeline (2026) will definitely confirm the geopolitical presence of Russia and Turkey in the Balkans and the "beginning of the end" of the "new world order" in this region. Therefore, we want to point out the fact that although we live in a time of globalization and expansionist-motivated integrations, when we talk about political-geographical processes in the geospace of the Western Balkans, old geopolitical theories and geodeterministic postulates have not been forgotten—on the contrary, they have become actual.

"Geopolitics of resources" is an indispensable segment in modern international relations, because the struggle for access and safe

disposal of natural resources determines the relations between states and geographical area. In modern international relations, it is implemented by a strong economy and a stable geopolitical position, and the precondition is a strong raw material base.

By their direct or indirect role, natural potentials represent a special group of factors of geopolitical position, on which the quality of a geospace depends. If we study the Republic of Srpska and modern political-geographical processes in the region in this context, then natural potentials were and remain a condition for the “survival” of political-territorial communities. The Republic of Srpska has natural potentials, which represent an important segment in the valorisation of its geopolitical position, on the management of which the socio-economic development will depend. The most significant natural potentials are represented by: forest complex, agricultural land, hydro potential, ore and mineral resources, climatic conditions.

Planned and rational use of natural resources is a geopolitical priority of the Republic of Srpska. Therefore, some resources must remain outside economic flows in order to be preserved for future generations. A rational approach to these resources implies the development of strategies for their use through the definition of legislative and legal frameworks, because the geopolitical future of the Republic of Srpska will depend on the optimal management of natural resources. Also, joint action on the issue of planned and rational exploitation of natural resources, viewed through the prism of interstate cooperation, would be one of the guidelines not only for revitalization in economic-geographical terms, but also a guideline for the future concept of ethnic tolerance and political-geographical stability of Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina, but also the state of the former SFR Yugoslavia and the region as a whole.

References

1. Zekanović, I., Basic Characteristics of the Geopolitical Position of the Republic of Srpska, Proceedings: Serbia and the Republic of Srpska in Regional and Global Processes, Serbia, Faculty of Geography, University of Belgrade, Republic of Srpska: Faculty of Natural Sciences and Mathematics, University of Banja Luka, 2007, p. 103–110.
2. Lekić S.S., Strategic Importance of Agricultural Potentials, Proceedings:

- Geopolitical Reality of Serbs, Serbia, Belgrade: Institute for Geopolitical Studies, 1997, p. 317–332.
3. Grčić, M., Political Geography, Serbia, Faculty of Geography, University of Belgrade, 2000.
  4. CENSUS OF POPULATION, HOUSEHOLDS AND DWELLINGS IN THE REPUBLIC OF SRPSKA IN 2013, Republic of Srpska, Institute of Statistics, Banja Luka, 2017.
  5. Zekanović, I., Political-geographical determinants of contemporary geodemographic characteristic of Bosnia and Herzegovina with special emphasis to territorial population distribution, Proceeding: 5th International scientific conference Geobalcanica 2019, Republic of North Macedonia, Skopje, Geobalcanica Society, 2019, p. 259–270.
  6. Zekanović, I., Internal Factors of the Geopolitical Position of the Republic of Srpska, Republic of Srpska-BiH, Banja Luka: Geographical Society of the Republic of Srpska, 2020.
  7. Statistical Bulletin, Forestry 2020, Republic of Srpska, Institute of Statistics, Banja Luka, 2020.
  8. Statistical Bulletin, Agriculture 2020, Republic of Srpska, Institute of Statistics, Banja Luka, 2020.
  9. Zekanović, I., Živković, M., The Importance of Natural Resources in the Function of Evaluating the Political and Geographical Position of the Republic of Srpska, Proceedings: 4th Serbian Congress of Geographers with International Participation—Achievements, Actualities and Challenges of Geographical Science and Practice, Book 1, Serbia, University of Belgrade—Faculty of Geography, Serbian Geographical Society, p. 237–241, 2015.
  10. Zekanović, I., Impacts of Climate Change on Water Resources of the Republic of Srpska (Entity of Bosnia and Herzegovina)—Geopolitical Aspect, Proceedings (monograph): Climate Change Adaptation in Eastern Europe, https://doi.org/10.1007/978-3-030-03383-5_24, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, p. 351–368, 2019.

ДИНАМИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Бурла М. П.¹

¹ Приднестровский университет им. Т.Г. Шевченко,
Приднестровье, ПМР, Молдова.

В статье рассматриваются особенности социально-экономического развития Приднестровья — самопровозглашенного региона с неопределенным международным политико-правовым статусом. Основное внимание уделено анализу особенностей динамики геополитического положения республики в постсоветское время, обусловленных распадом СЭВ и ОВД, расширением НАТО на восток, стратегической ориентацией и политическими событиями в странах-соседах первого порядка — Молдове и Украине. Предпринята попытка выявления корреляции основных трендов экономических и социальных показателей республики с политическими процессами и явлениями в Юго-Западной Европе. Рассмотрены возможные сценарии развития Приднестровья в обозримой перспективе в условиях усложнения геополитического положения.

Статья написана на основе материалов многолетнего мониторинга основных этапов становления и развития Приднестровской государственности, особенностей становления политической и экономической системы, переговоров по определению международного политико-правового статуса региона. В качестве источников первичной информации использованы результаты, проведенных референдумов по кардинальным вопросам жизнедеятельности и перспективного развития республики, а также законодательные и нормативные акты, регулирующие политические и экономические процессы.

В процессе проведения исследования существенное внимание уделено анализу факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на разных этапах эволюции геополитического положения Приднестровской Молдавской Республики (ПМР, Приднестровья). Исследование динамики геополитического положения республики должно рассматриваться в контексте политических процессов, происходящих как в самом регионе, так и в странах-соседах первого и второго порядка, а также в странах, являющихся главными геополитическими игроками в современном мире. Для достижения поставленной цели использованы методы аналогий, балансовый, исторический, оценочный, сравнительный, статистический, факторного анализа. Уникальность геополитического положения ПМР требует специфических индивидуальных подходов к его оценке.

Ключевые слова: аутсорсинг, геополитическое положение, референдум, самопровозглашенный регион, сепаратизм, устойчивое развитие.

Образование Приднестровья как целостного хозяйственно-территориального образования произошло 2 июня 1990 г. на первом съезде депутатов всех уровней, постановлением которого образована «Приднестровская экономическая зона» [4]. В качестве самостоятельного политико-территориального образования республика была провозглашена 2 сентября 1990 г. на Втором чрезвычайном съезде депутатов Приднестровья всех уровней. Постановление съезда определило образование ПМР в составе СССР [2; 4]. После распада СССР и военно-по-

литического конфликта с Республикой Молдова руководством Приднестровья принято стратегическое решение о создании суверенного государства. За короткий исторический период в ПМР созданы все атрибуты, характерные для суверенного государства [1; 4–5].

Образование ПМР было направлено, в первую очередь, на защиту политических, экономических, языковых, этнических и иных базовых прав населения региона. В процессе государственного строительства широко применялись самые демократические инструменты – прямые выборы президента и депутатов всех уровней, всенародные референдумы. Проведено 7 общереспубликанских референдумов. Особое место занимает референдум от 17 сентября 2006 г., в котором участвовало 73 % электората. На референдуме было принято два кардинальных решения – о суверенитете ПМР и о дальнейшем присоединении республики к России. За эти решения проголосовало 97 % участников [3–4].

Международные организации и руководство отдельных стран не признают ПМР в качестве суверенного государства. Республику относят к «очагам сепаратизма» – регионам, которые самостоятельно, в одностороннем порядке, провозгласили свою независимость. Международный политико-правовой статус ПМР окончательно не определен и является предметом переговоров в формате «5+2», участниками которых являются договаривающиеся стороны – Молдова и Приднестровье, страны-гаранты – Россия, Украина, наблюдатели – США, Европейский Союз (ЕС), ОБСЕ [2; 5].

На взаимодействие ПМР с внешним миром существенное влияние оказал Московский меморандум от 8 мая 1997 г. «О взаимоотношениях Республики Молдова и Приднестровья», подписанный президентами сторон, действующими на момент подписания президентами России и Украины, Председателем ОБСЕ. Пункт 3 Меморандума определил право ПМР на самостоятельное осуществление внешнеэкономических и культурных связей, а также связей в сфере науки и образования [2; 4].

ПМР характеризуется незначительными размерами тер-

ритории (4;163 тыс. км²) и небольшой емкостью внутреннего рынка, высокой степенью открытости экономики, что обуславливает необходимость активного участия республики в международных экономических отношениях. Эффективность взаимодействия республики с внешним миром определяется ее стратегической ориентацией, международным политико-правовым статусом, географическим и геополитическим положением.

На протяжении столетий Приднестровье выполняло пограничные, транзитные и коммуникационные функции между различными народами, конфессиями и государственными образованиями, являясь буферной зоной между славянской и германо-романской цивилизацией. Река Днестр в разные эпохи играла роль не только природной, но и геополитической границы.

Наиболее благоприятное геополитическое, политико-географическое и экономико-географическое положение ПМР имело, будучи в составе Молдавской ССР с 1945 г. по 1991 г. Регион непосредственно граничил и активно сотрудничал со странами, входящими в Организацию Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Отсутствовали границы и таможенные барьеры при товарообмене с другими союзными республиками.

На динамику геополитического положения ПМР с начала 90-х годов XX в. по настоящее время наибольшее влияние оказали следующие события:

- а) распад СССР и образование СНГ;
- б) прекращение деятельности ОВД и СЭВ;
- в) вступление Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Словакии, Чехии в ЕС и НАТО, размещение на их территории военных объектов альянса;
- г) отсутствие выхода к морю, наличие границ с Молдовой и Украиной, характеризующихся политической нестабильностью и прозападной ориентацией правящих элит;
- д) возвращение Крыма в состав Российской Федерации;
- ж) пандемия, обусловленная COVID-19.

После распада СССР и до 2002 г. ПМР обладала необходимыми реквизитами для самостоятельного осуществления внешнеэкономической деятельности. Вступление Молдовы в ВТО (2001 г.) обусловило изъятие у компетентных органов ПМР внешнеэкономического инструментария. Внешнеторговые сделки приднестровских экономических агентов стали оформляться через институциональные органы Молдовы, что привело к навязыванию невыгодной для ПМР логистики перемещения товаров.

Геополитическое положение ПМР могло существенно измениться в результате принятия в 2003 г. варианта федерализации Молдовы, известного как «План Козака». Однако Президент Молдовы В. Воронин отказался от разработанной и предложенной к принятию модели [2; 4].

Действующее руководство Молдовы находится в фарватере глобальных интересов западноевропейских структур и США, постоянно предпринимая попытки ограничения присутствия России в регионе и ликвидации Приднестровской государственности.

Стратегическое значение для геополитического положения республики имеет соседство с Украиной, с которой республику сближает общность исторического развития, наличие в ПМР большого количества этнических украинцев, составляющих около 30 % численности населения. Украина – один из основных внешнеэкономических партнеров ПМР, страна-гарант в переговорном процессе по нормализации отношений с Молдовой. Украинские военные наблюдатели участвуют в миротворческой операции на берегах Днестра. ПМР сотрудничает с Украиной в области культуры, образования, организации таможенной деятельности, транзита и реализации приднестровских товаров через украинские порты. События, начавшиеся на Украине в 2014 г., существенно усложнили связи с ней, ограничили транзит грузов и людей, рекреационные и другие связи. Стала невозможной ротация российских военных, входящих в состав миротворческого контингента и Оперативной группы российских войск (ОГРВ). Нарушились механизмы материально-технического снабжения миротворцев и ОГРВ.

Геополитическое положение республики диктует необходимость поддержания межгосударственных отношений со странами Европы. Ряд обувных и швейных приднестровских предприятий пользуются преференциями, предоставляемыми в рамках «Углубленной всеобъемлющей зоны свободной торговли» (УВЗСТ). Следует отметить, что сотрудничество со странами ЕС ограничено механизмами квотирования экспортных поставок [2].

Приднестровские экономические агенты вынуждены осуществлять двойное таможенное оформление товаров – в таможенных органах Приднестровья и Молдовы. Политические процессы нарушают экономически эффективную экспортно-импортную логистику, выражающуюся в излишнем пробеге, достигающем сотни километров. Хозяйствующие субъекты ПМР не могут пользоваться правом перевозки груза с соблюдением процедуры МДП (TIR). Грузовой транспорт с государственными номерами ПМР лишен возможности участия в международных перевозках. В соответствии с совместным соглашением между Молдовой, Украиной и ЕС вдоль приднестровско-украинской границы создана специальная наблюдательная миссия (EUBAM), которая осуществляет мониторинг внешних связей ПМР.

К важным факторам, определяющим современное геополитическое положение и развитие ПМР, следует отнести отсутствие непосредственных границ с Российской Федерацией и выхода к морю.

Обозначенные условия и ограничения повышают риски и издержки экономических агентов, обуславливают снижение конкурентоспособности приднестровских товаров и значительные финансовые потери, достигающие в отдельные годы десятки миллионов долларов.

В 2020–2021 гг. на все сферы жизнедеятельности Приднестровья повлияла пандемия, обусловленная COVID-19. В условиях пандемии усложнилось геополитическое положение республики, выразившееся в ограничениях экспорта и импорта, миграции рабочей силы, значительном сокращении туристской деятельности.

Социально-экономическое и политическое развитие республики, включая ее геополитическое положение, в значительной степени зависят от взаимоотношений с Российской Федерацией. Население и руководство республики приняло «восточный вектор интеграции», предполагающий стратегическую ориентацию на Россию. Он основан на результатах референдума от 17 сентября 2006 г. и зафиксирован в Указе Президента ПМР от 20 ноября 2012 г. № 766 «Об утверждении Концепции внешней политики ПМР». Подпункт е) пункта 3 Указа утверждает в качестве национальной идеи «...участие Приднестровья в интеграционных процессах на пространстве СНГ, включая вовлечение в ЕАЭС» [2–3; 5].

Россия сыграла главную роль в прекращении вооруженной агрессии Молдовы против ПМР в 1992 г., является страной-гарантом на переговорах по политическому урегулированию приднестровского вопроса. Российский контингент миротворческих сил с 1992 г. по настоящее время обеспечивает мирное сосуществование ПМР и Молдовы. В ПМР находится Оперативная группа российских войск (ОГРВ), охраняющая важные инфраструктурные стратегические объекты (аэродром, склады вооружений в Колбасне). Ряд крупных приднестровских предприятий входит в состав российских корпораций. На российском рынке труда занято большое количество трудовых ресурсов республики. Россия реализует в ПМР масштабные гуманитарные и социальные проекты. Функционирование системы образования региона на всех иерархических уровнях основано на российских нормативных, научных и учебно-методических материалах. В ведущих вузах России осуществляется подготовка элитных кадров для Приднестровья.

Благодаря системе бипатричества [1], более 200 тыс. жителей ПМР (около 40 % общей численности населения республики) стали гражданами России. Они принимают прямое участие в выборах Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации.

На геополитическое положение республики повлияло возвращение Крыма в состав России. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации пространственно приблизило ПМР

к России. В то же время республика потеряла роль главного российского стратегического плацдарма на Юго-западном направлении. Несмотря на это, ПМР остается важной зоной стратегических геополитических интересов России.

Масштабы республики не позволяют ей быть конкурентоспособной без мощной внешней поддержки и интеграции с сильным партнером, в качестве которого выступает Россия. Развитие двусторонних отношений ПМР с Россией является главным условием устойчивого развития республики и оптимизации ее геополитического положения в долгосрочном периоде.

Геополитическое положение Республики является одним из главных факторов, влияющих на уровень национальной безопасности в целом и экономической безопасности, в частности.

Эволюция геополитического положения ПМР характеризуется негативным трендом—от чрезвычайно благоприятного (послевоенное время—конец 80-х годов) к благоприятному с отрицательными элементами (1990–2001 гг.) до неблагоприятного (с начала XXI в. по настоящее время).

Ухудшение геополитического положения в сочетании с отсутствием международного политико-правового статуса и отсутствием ясных стратегических перспектив увеличивает разнообразные риски, препятствует реализации общереспубликанских, региональных, муниципальных, корпоративных и индивидуальных программ, снижает иммиграционную привлекательность региона, способствует эмиграции трудовых ресурсов, старению населения и депопуляции региона.

ПМР—пример, показывающий, как разнообразные внешние политические ограничения препятствуют полноценному использованию положительных аспектов экономико-географического положения (агро-географического, рекреационного, транспортно-географического).

Существенными факторами, влияющими на современное и перспективное геополитическое положение ПМР, являются: отсутствие окончательно определенного международного по-

литико-правового статуса и собственного внешнеэкономического инструментария, стратегическая ориентация республики, военно-политические процессы, происходящие в Молдове и Украине и стратегические векторы их элит, внешняя политика Российской Федерации, ЕС и США.

Для улучшения геополитического положения республики необходимо усилить дипломатическую активность компетентных органов ПМР, а также участников переговоров в формате «5 + 2». Следует максимально использовать возможности участия ПМР в интеграционных процессах в рамках СНГ и ЕАЭС, для чего необходимо добиться статуса наблюдателя в этих организациях.

Важным инструментом позиционирования особенностей геополитического положения ПМР является активное применение картоидов. Между тем, отсутствуют новейшие карты, отражающие современные особенности геополитического положения республики. Это обуславливает потребность в разработке серии карт, отражающих эволюцию геополитического политического положения ПМР в постсоветский период.

Эффективным механизмом, позволяющим частично преодолеть негативные аспекты геополитического положения, является максимизация использования возможностей цифровых технологий (например, в системе образования, научной, рекламной и иных видах деятельности), а также развитие аутсорсинга, въездного туризма.

Список источников и литературы

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь: ГУ «Юридическая литература», 2015. – 76 с.

Научные публикации

2. Бурла М. П. Становление государственности и социально-экономическое развитие Приднестровской Молдавской Республики // Экономика Приднестровья. – 2020. – № 7–8. С. 36–65.
3. Волкова А. З. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989–2003 гг.). – Тирасполь: ГУИПП «Типар», 2005. – 320 с.
4. Государственность Приднестровья: История и современность /

Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко, П. М. Шорников. – Тирасполь: Полиграфист, 2007. – 344 с.

5. Красносельский В. Н. Приднестровье – составная часть русского мира: текущая ситуация и перспективы развития // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В. В. Игнатъева. – Тирасполь, 2018. С. 9–16.

DYNAMIKA OF GEOPOLITICAL POSITION AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SECURITY OF PRIDNESTROVIE

Burla M. P. ¹

¹ Transnistria University, T. G. Shevchenko (PGI),
Moldova, Transnistria, PMR

The article deals with the features of socio-economic development of Transnistria—a self-proclaimed region with an uncertain international political and legal status. The main attention is paid to the analysis of the features of the dynamics of the geopolitical position of the republic in the post-Soviet period, due to the expansion of NATO to the east, strategic orientation and political developments in the neighboring countries of the first order—Moldova and Ukraine. An attempt is made to identify the correlation of the main trends of economic and social indicators of the republic with political processes and phenomena in South-Western Europe. Possible scenarios of development of Transnistria in the foreseeable future in the conditions of complication of geopolitical situation are considered.

Key words: Transnistria, outsourcing, geopolitical position, referendum, self-proclaimed region, separatism, sustainable development.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА И ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНА

Исмаилов Ч. Н. ¹

¹ Бакинский государственный университет,
Баку, Азербайджан
e-mail: ischingiz@gmail.com

Суверенизация Азербайджана и возрождение государственности в республике происходило в сложных условиях военного противостояния с Арменией. В результате военной агрессии со стороны Армении около 20% территории республики оказалась под оккупацией. Несмотря на принятие

четырёх резолюций Совета Безопасности ООН по выводу армянских бандаформирований и освобождению земель, Армения на протяжении 28 лет игнорировала любые предложения по деокупации. В 2020 году Азербайджан силой оружия в основном решил вопрос освобождения своих исторических земель. В результате этого, коренным образом изменилась геополитическая картина региона. Россия и Турция сыграли важную конструктивную роль в разрешении этого затяжного конфликта. Ввод миротворческих сил в зону конфликта и создание совместного российско-турецкого центра по соблюдению положений совместного трехстороннего соглашения создали предпосылки для окончательного урегулирования этого конфликта. С целью восстановления разрушенных сел и городов, Азербайджан начал осуществлять широкомасштабные строительные работы. В контексте этого, предполагается реализация проектов по открытию транспортных коридоров, которые могут послужить основой становления новых экономических связей в регионе. Это будет возможным, если в Армении и у оставшихся в Нагорном Карабахе армян утихнут реваншистские настроения по стремлению изменить новую геополитическую картину расклада сил в регионе. В работе использованы сравнительный и системный методы анализа.

Ключевые слова: геополитическая картина, военное противостояние, деокупация земель, транспортные связи, Азербайджан

Становление новых суверенных республик на пространстве бывшего Союза происходило в очень непростых условиях развала экономики, разрушения социальных устоев и усиления сепаратистских устремлений в республиках с преобладающим полиэтничным составом населения. Такие тенденции нарастания противостоятий в дальнейшем переросли в вооруженные конфликты, не в последнюю очередь, из-за нескрываемой поддержки и помощи сепаратистам, со стороны стран, преследующие собственные геополитические интересы в регионе. Примерно по такому сценарию происходили обострение и углубление противоречий между Азербайджаном и Арменией. Открытая поддержка армянских сепаратистов Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и непосредственное участие Армении в оккупации 7-и административных районов вокруг этой области, разрушил основы военной безопасности региона. Конечно же, Азербайджан, как и любое суверенное государство, никогда не мог бы согласиться с нарушением его территориальной целостности и аннексией части своих земель. Идеологической основы армянства и национального этноцентризма проросли в сепаратизме армян в Нагорном

Карабахе. К сожалению, армянское руководство как и армяне, в большинстве своем пропитанные национал-шовинизмом, никак не могли это понять, что в конечном счете привели к кровопролитным военным столкновениям.

Предпосылки армянского сепаратизма в НКАО и оккупация земель Азербайджана

Истории заселения армянами Нагорного Карабаха, Иреванского ханства, прилегающих районов вокруг озера Гейча (в географическом атласе СССР за 1936 год нынешний оз. Севан, был обозначен как оз. Гейча) посвящено множество исторических трудов русских ученых и специалистов. (1,2,3 и др.) Исходя из этих и других научных трудов вырисовывается картина заселения армянами Южного Кавказа. Начиная с петровских времен, Российская империя, исходя из своих геополитических целей, стремилась к распространению христианства и заселению армян на Кавказе. С целью этого для армян создавались множество льгот в заселении, торговле, приобретении плодородных земель и в жизнеустройстве, в целом. В результате этого, на территории современного Азербайджана появляются армянские поселения в Нахичеване, Гяндже, Шуше, Ханкенди, Баку и Шемахе.

В дальнейшем, при поддержке царского режима, армяне постепенно начинают занимать важные государственные должности практически во всех сферах управленческой и деловой жизни Азербайджана. Во время начала первого нефтяного бума в Баку и его окрестностях, армянам были созданы привилегии в приобретении нефтеносных земель Абшерона. Благодаря этому Гюльбекян, Манташев и другие армяне в Баку сколотили себе многомиллионные состояния. В соответствии с реализуемой политикой Российской империи на Кавказе, продолжался процесс переселения армян с территории Персии и Османской империи. Так, исходя из подписанного в 1828 году Туркменчайского договора между Российской империей и Персией, расширились масштабы переселения армян. Одним из реальных подтверждений исторических фактов массового переселения армян в Нагорный Карабах стало воздвигнутый местными армянами в 1978 году, памятника

в честь 150-летия их переселения в село Марагашен, названный в честь своей первой родины—армянского села Марага в Иране. Но, уже через 10 лет, в начальном периоде сепаратизма в НКАО, армяне, чтобы скрыть исторический факт их появления в регионе, разрушили этот памятник.

В конце 90-х годов прошлого века все отчетливо стала проявляться слабость политического руководства Союза, чем решили воспользоваться пропитанные национализмом армяне. В большинстве своем, воспитанные в духе ненависти к азербайджанцам, армяне преследовали стратегическую цель территориального расширения Армении. Отторжение Нагорный Карабах от Азербайджана, это было лишь началом их плана. В последующем, предусматривался захват Нахичеванской автономной республики и Джавахетии в Грузии.

Следует отметить, что сепаратизм и экстремизм армян в НКАО проявлялись еще до перестроечные времена. Начиная со второй половины 40-х годов прошлого века армяне неоднократно пытались всячески расширить свои границы за счет азербайджанских земель. Армяне в центральных органах власти Союза периодически поднимали вопрос территориальных претензий к Азербайджану. Под предлогом нехватки жилья для репатриантов армян, в 1948 году, за короткий период, более 100 тысяч азербайджанцев, проживающих в Армении, практически насильственно были переселены в равнинные районы Азербайджана. Это было всего лишь одним из этапов выселения азербайджанцев из своих исторических земель в Армении.

Вместе с тем, руководство Союза представляла какие процессы могут вызвать принятие ошибочных решений по национальному вопросу. Поэтому, долгие годы армяне, несмотря на многократные обращения в центральные органы власти Союза, не могли реализовать свои национал-шовинистические идеи по отторжению исторических земель Азербайджана и созданию «великой Армении». Однако с появлением М. Горбачева, который стал одним из основных виновников развала великой страны СССР, армянам был дан шанс разыграть карту сепаратизма в НКАО. Узколобость и просто политическая без-

грамотность Горбачева и его окружения (Н. Рыжков, А. Яковлев, советники—Г. Шахназаров А. Аганбегян и др.) привели к активизации сепаратизма и необратимым процессам развала страны. В этот период, поддержка армян со стороны центральных органов власти Союза, создали благоприятные предпосылки для дальнейшей оккупации части территории Азербайджана. В этот период армяне смогли умело дезинформировать как российскую, так и мировую общественность о реальных истоках и причинах возникновения этого конфликта. Разветвленная сеть армянской диаспоры в США, России, Франция и во многих других странах, придумывая небылицы о гонениях и притеснениях «многострадального армянского народа». К сожалению, в распространении дезинформаций свою роль сыграли и ряд российских ученых, в том числе коллеги географы. В отдельных статьях, с подачи армян, открыто распространялась ложная информация о событиях в регионе.

В сложившихся условиях стремления армян нарушить территориальную целостность республики, вооруженный конфликт между Арменией и Азербайджаном был неизбежен. В ходе боевых операций в 1992–1994 годах, российская сторона поддерживала армянских сепаратистов поставляя танки, артиллерийские установки и другое вооружение. Пленение российских военных подтверждало их участие в боевых операциях. Если непосредственную военную помощь Армении оказывала российская сторона, то экономическую помощь (поставки горючего, продовольственных и промышленных товаров) оказывал Иран, который был заинтересован в ослаблении Азербайджана. В результате этого, около 20% территории республики была оккупирована Арменией, к 250 тысяч насильственно изгнанных азербайджанцев из Армении, прибавилось более 700 тысяч беженцев азербайджанцев из оккупированных районов Карабаха.

Причины безуспешности политики Азербайджана мирно разрешить деокупацию своих земель

Оккупация части территории страны, наличие многотысячных беженцев и приход к власти политически безграмотных людей из толпы, привел к параличу системы государственного

управления. Несмотря на тяжелое моральное состояние и множество социально-экономических проблем, народ Азербайджана не мог смириться с потерей исторических своих земель. На волне протестов в 1992 году к власти пришли представители «народного фронта», которые не обладали ни соответствующими знаниями и опытом управления государством. Отсутствие политических, социально-экономических и военных знаний привели – к осложнению межгосударственных отношений с сопредельными странами, глубокому экономическому кризису, падению жизненного уровня населения, к поражениям на фронтах Карабаха. Поэтому, такая власть не могла долго просуществовать.

С приходом к власти опытного политика Гейдара Алиева начался процесс постепенного оживления социально-экономической жизни в стране. Заключение «Контракта века», международного соглашения о разработке морских нефтегазовых месторождений, открыл возможности притока в страну иностранных инвестиций. Одновременно с этим было заключено соглашение с Арменией о прекращении огня на линиях фронта. Тем самым, создавались условия для проведения социально-экономических преобразований в республике.

Наболевшей проблемой оставалась освобождение оккупированных земель. Армения, продолжая распространять лживую информацию о притеснениях армян в НКАО, на самом деле преследовала цель проведения полной этнической чистки и изгнания азербайджанцев из своих исторических земель проживания. В реализации такой политики Армении, активную помощь ей оказывали соседние государства, которые используя армянских шовинистов, преследовали, в первую очередь, собственные геополитические интересы.

Нарушение территориальной целостности Азербайджана, конечно же, не могло оставаться без внимания международных организаций. В результате этого, в 1993 году Советом Безопасности ООН были приняты четыре резолюции, предполагающие незамедлительное освобождение оккупированных земель Азербайджана.(5). В документе особое внимание привлекается необходимости обеспечения безопасности на Южном Кавказе

и требуется скорейшее освобождение территорий, занятых армянскими военными. Однако, Армения всячески игнорировала эти резолюции ООН, во многом благодаря поддержке стран, заинтересованных в сохранении сложившегося статус-кво т.е. состояния оккупации азербайджанских территорий.

Наряду с этим, в 1992 году была создана Минская группа-членов ОБСЕ по мирному урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, сопредседателями которой стали США, Россия и Франция. Несмотря на то, что эта международная организация имела соответствующий мандат для разрешения конфликта, она на протяжении 28 лет занималась лишь только проведением безрезультатных переговоров. Поэтому, ни политическое руководство Азербайджана, ни общественность не воспринимала эту организацию, как структуру, которая заинтересована в разрешении этого конфликта. За столь продолжительный период переговоров, сопредседатели Минской группы неоднократно посещали оккупированные территории и были свидетелями последствий разрушительных действий армянской стороны – послевоенные уничтожение культурных и исторических памятников, осквернение могил, уничтожение кладбищ и мечетей, полное уничтожение всех поселений. Одновременно с этим, на оккупированных землях, Армения создавала новые военные укрепления и инженерно-технические сооружения. Несмотря на неоднократные официальные обращения азербайджанской стороны о творимых бесчинствах армян на оккупированных территориях республики, сопредседатели Минской группы ограничивались ничем не значащими заявлениями. Поэтому, в Азербайджане уже никто всерьез не воспринимал деятельность Минской группы. Очевидно, такая позиция сопредседателей была связана с совпадением их геополитических интересов в этом конфликте т.е. официально заявлять одно, а реально содействовать сохранению статус-кво в зоне конфликта. Поэтому, Минская группа в реальности не могла сыграть какую-то роль в справедливом разрешении этого конфликта. Подтверждением, такой оценки их деятельности является позиция сопредседателей по резолюции Генеральной Ас-

самблеи ООН «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» от 14 марта 2008 года.

В принятом документе говорится – «Генеральная Ассамблея вновь заявляет, что ни одно государство не должно признавать законной ситуацию, сложившуюся в результате оккупации территорий Азербайджанской Республики, и не должно содействовать или способствовать сохранению этой ситуации» (6). В нем подчеркивается необходимость «немедленного, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики» (6). Эту резолюцию 39 голосами «за», при семи «против» и 100 воздержавшихся одобрили участники ГА. При этом, страны-сопредседатели Минской группы (США, Россия, Франция) высказались против принятия этой резолюции, поскольку она, по их мнению, носит односторонний характер. Однако они указали, что, несмотря на своё голосование по этому документу, они поддерживают территориальную целостность Азербайджана. Такое заявление, в принципе, лишний раз подтвердил доминант собственных геополитических интересов стран-сопредседателей, над поиском путей справедливого решения этого вопроса. Лишним подтверждением такого подхода стали дальнейшие события в конфликтной зоне и неприкрытая демонстрация поддержки армян (в частности Францией) в ходе второй карабахской войны.

До начала боевых действий, политическая, экономическая и военная поддержка Армении со стороны России, Франции и США привела к тому, что армянское руководство и преобладающая часть населения республики поверили в придуманные ими же исторические мифы, об избранности своего народа, военной мощи, и поэтому, стали открыто их игнорировать. Армения, экономически обеспечивая свое существование за счет России, безвозмездно получив военной техники на сумму более 1 млрд. долларов (в 90-х годах) и продолжая получать новейшее вооружение за счет долгосрочных российских кредитов, одновременно заигрывала с западными странами. Уверившись в своей политическом и экономической «самостоятельности», Армения стала открыто демонстрировать свою

прозападную ориентацию развития, что во многом противоречило геополитическим интересам российской стороны. Логическим продолжением такой политики стало многолюдные демонстрации армян в Ереване, под лозунгами «русские оккупанты вон из страны». Армянская сторона стала озвучивать свои «мечты и чаяния» и в решении карабахского вопроса, когда Н. Пашинян открыто заявил, «Карабах это Армения, точка». А в случае попытки Азербайджана военным путем решить вопрос освобождения оккупированных земель, Пашинян грозился захватом новых территорий и прохождением армянской техники по улицам Баку, Безответственные заявления руководства Армении, как показало время, поистине стали «пророческими». Однако, эта военная техника армян, была пронесена по центральной площади столицы Азербайджана, в качестве поверженных военных трофеев.

Такими аполитичными заявлениями Пашинян (перевод столицы Нагорного Карабаха из Степанакерта в Шушу) фактически указал на бессмысленность проведения переговоров и, в целом деятельности Минской группы. Это стало отправной точкой невозврата к переговорам. При возникшей напряженности в регионе, Армения продолжала периодически обстреливать из тяжелых видов артиллерийского оружия, достаточно удаленные от зоны конфликта, приграничные районы Азербайджана. Летом 2020 года произошел очередной обстрел Товузского района Азербайджана, в результате которого погибли несколько военнослужащих республики, в том числе офицеры высоких военных чинов. Армения продолжала такого рода военные провокации вплоть до начала второй карабахской войны (сентябрь 2020 года).

С целью отпора вооруженным вылазкам Армении, 27 сентября 2020 года Азербайджан начал осуществлять крупномасштабные операции по всему фронту противостояния. Это стало возможным благодаря стечению нескольких обстоятельств, к коим можно отнести:

- Политическое обострение отношений Армении с Россией;
- Сближение межгосударственных отношений по линии Турция-Россия;

- Президентские выборы в США;
- Озобоченность ЕС проблемой распространения пандемии COVID-19.

Азербайджанская сторона, несмотря на многолетние попытки по мирному урегулированию этого конфликта (с правом предоставления самого высокого статуса автономии для Нагорного Карабаха), была вынуждена силой оружия освободить свои исторические земли. Военной силой были реализованы соответствующие резолюции ГА ООН, по освобождению оккупированных земель Азербайджана.

Несмотря на очередные попытки армянской агитпропаганды по дезинформации общественности (участие турецких военных, игиловских и других боевиков из Сирии), в реальности, все было наоборот. Пленные ливанские и курдские боевики подтвердило участие наемников в боевых действиях со стороны Армении.

Освобождение оккупированных земель и восстановление территориальной целостности Азербайджана коренным образом изменили геополитическую картину в регионе. Создание совместного турецко-российского центра по мониторингу ситуации и ввод российских миротворческих сил в регион конфликта, создали предпосылки для разблокировки транспортно-экономических связей, возвращения беженцев и возрождения жизни в разрушенных поселениях. Состояние освобожденных территорий и реализация программ по их восстановлению

Состояние освобожденных земель показала степень варварства врага по отношению к культурно-историческим памятникам, материальным и духовным ценностям. За период оккупации было практически полностью разрушены около 900 сел и 7 городов Карабаха, кроме нескольких проселочных грунтовых дорог, разрушены и разграблены вся инфраструктура и жилые здания. Причем, практически все жилые здания были уничтожены после завершения военных действий. Из 67 мечетей, полуразрушенными остались лишь две, остальные были полностью уничтожены. Осознавая временность своего присутствия в регионе, все оккупированные территории были напичканы минами. Такое отношение к этим землям лишней

раз свидетельствует, что армяне, несмотря на голословные заявления, не считали эти земли своей родиной. Такое варварское, средневековое, отношение к карабахской земле можно объяснить лишь одним—желанием нанести моральный удар и материальный ущерб Азербайджану и создать невыносимые условия для возврата беженцев.

При таком отношении армян к Карабаху, естественно, возникает вопрос—за столь продолжительное время, почему армяне не заселялись в эти территории? Почему армяне массово мигрировали как из Армении, так и с Нагорного Карабаха? Почему в Сочи, Ростове-на-Дону, Краснодаре и в других городах России, армян больше, чем в Карабахе? Ведь за эти годы, благодаря зарубежной поддержке и долларовым вливаниям диаспоры, армяне могли превратить этот регион в райский уголок. Вместо созидательных дел на этой земле, армяне оставили свой след, как разрушители. Уничтожив на оккупированных землях все, армяне, как всегда, начали кричать об угрозе разрушений армянских памятников в освобожденных землях. К сожалению, в очередной раз, ряд российских общественных деятелей попались на эту «армянскую удочку» агитпропаганды и подписались под обращением в ЮНЕСКО. По этому вопросу, такую же озабоченность проявили представители стран-сопредседателей Минской группы. Удивляет избирательность такого отношения к вопросу, ведь варварство армян доказаны фактами на освобожденных землях. Не говоря о том, что на исторических землях азербайджанцев в Армении, практически полностью разрушены все памятники культуры народа. Почему, господ либералов не волнует вопрос уничтожения мусульманских исторических памятников и мечетей в Армении? Правда, нас уже трудно удивить таким отношением.

Несмотря на полную разруху в освобожденных землях, правительством Азербайджана началась реализация программ по восстановлению хозяйства и создания условия для возвращения беженцев. С этой целью, из государственного бюджета выделены 2,2 млрд.манатов, которые поэтапно отчисляются для разминирования земель и строительства инфраструктуры. Разминирование освобожденных азербайджанских земель ос-

ложняется тем, что Армения отказывается предоставить карты минных полей. Осознавая крайнюю враждебность армянской стороны, было бы удивительно рассчитывать на их понимание. В контексте этого, не следет рассчитывать на возрождение транспортных корридоров в ближайшей перспективе.

В соответствии со стратегией восстановления разрушенных сел и городов предусмотрены строительство аэропорта в Физули, создание «Умного города» и «Умного села» в Зангеланском районе. Можно надеяться, что последовательная реализация программ по разминированию и возвращению беженцев будет способствовать возрождению жизни на этой многострадальной земле Азербайджана.

1. Освобождение оккупированных земель Азербайджана создал условия для возрождения и экономического развития региона.

2. Создание совместного турецко-российского центра по мониторингу ситуацией и ввод российских миротворческих сил предотвращает возможность возобновления военного конфликта

3. Для азербайджанская стороны приоритетом будет оставаться вопрос возвращения беженцев и возрождения экономики в Карабахе.

4. Нормализация обстановки в зоне конфликта будет способствовать развитию региональных экономических связей и в целом будет благоприятствовать улучшению геополитического положения Южного Кавказа

Список источников и литературы

1. Величко В. Кавказ: русское дело и междуплеменные вопросы. Элм, Баку, 1990, 224 с.
2. Грибоедов А. Записка о переселении армян из Персии в наши области. т. 2. Изд-во «Правда», Москва, 1971
3. Шавров Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. Предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб: 1911
4. Croissant, Michael P. The Armenia–Azerbaijan conflict: causes and implications. Greenwood Publishing Group. 1998, pp. 94–95.

5. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о положении на оккупированных территориях Азербайджана. 14 марта 2008 <https://news.un.org/ru/story/2008/03/1122161> (Доступ –23 март 2021)

VOSSIFICATION OF AZERBAIJAN'S INTEGRITY AND CLIMATE CHANGE

Ismailov Ch. N. ¹

¹the Department of Economic and Social Geography of Baku State University, Baku, Azerbaijan

Sovereignty Azerbaijan and the liberation of the country in a complex conditions i have militarily opposed with Armeniy. As a result of military aggression by Armenia, about 20% of the territory of the republic was under occupation. Despite the adoption of four UN Security Council resolutions on the withdrawal of Armenian gangs and the liberation of lands, For 28 years, Armenia has ignored any proposals for de-occupation. In 2020, Azerbaijan basically solved the issue of liberating its historical lands by force of arms. As a result, the geopolitical picture of the region has radically changed. Russia and Turkey have played an important constructive role in resolving this protracted conflict. The introduction of peacekeeping forces into the conflict zone and the creation of a joint Russian-Turkish center for compliance with the provisions of the joint trilateral agreement created the prerequisites for the final settlement of this conflict. In order to restore the destroyed villages and cities, Azerbaijan began to carry out large-scale construction work. In the context of this, it is planned to implement projects to open transport corridors, which can serve as the basis for the formation of new economic ties in the region. This will be possible if revanchist sentiments in Armenia and the remaining Armenians in Nagorno-Karabakh subside in the desire to change the new geopolitical picture of the balance of power in the region. Comparative and systematic methods of analysis are used in the work.

Key words: geopolitical picture, military confrontation, land de-occupation, transport links, Azerbaijan

ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ С 2014 ГОДА

Зверев Ю. М. ¹

¹ Институт геополитических и региональных исследований
БФУ им. И. Канта,
Калининград, Россия.

Рассматривается динамика развития военно-политической ситуация в Балтийском регионе с 2014 года (прежде всего, в контексте ухудшения отно-

шений России с коллективным Западом во главе с США и активизации военной деятельности США и НАТО в Польше и Прибалтике). Проанализированы конкретные шаги США и НАТО по наращиванию своего военного присутствия в регионе и ответные меры России. Выявлены потенциальные «горячие точки», оценены перспективы дальнейшего развития военно-политической ситуации при различных сценариях развития событий.

Ключевые слова: НАТО, США, Россия, Балтийский регион, военно-политическая ситуация (обстановка), динамика, перспективы.

Динамика военно-политической ситуации в Балтийском с 2014 г. ярким образом подтверждает сформулированный Н. А. Арбатовой еще в 2001 г. «первый парадокс безопасности в Балтийском регионе». Она писала тогда: «С одной стороны, Балтийский регион, включая его посткоммунистическую и постсоветскую части, один из самых стабильных и благополучных регионов в сегодняшней Европе. С другой стороны, именно этот регион в силу его непосредственной близости к российским границам может легко превратиться в передовую линию возможной конфронтации России и НАТО в случае резкого ухудшения отношений между ними» [1]. Что, к сожалению, на наших глазах и произошло.

В данной статье ставится цель выявить ключевые события и факторы, способствовавшие ухудшению военно-политической ситуации в Балтийском регионе, показать динамику развития этой ситуации и попытаться дать прогноз дальнейшего ее развития в среднесрочной перспективе. Ситуация в регионе при этом рассматривается не изолированно, а в контексте отношений России с геополитическим Западом (прежде всего, с такими акторами как США, НАТО и ЕС). Под военно-политической ситуацией (обстановкой) в работе понимается «исторически конкретная совокупность условий и факторов, связанных с расстановкой военно-политических сил, характером их действий и состоянием отношений между ними, использованием военной силы в политических целях» [2].

Поводом (но не причиной) для ухудшения военно-политической ситуации в Балтийском регионе стал государственный переворот на Украине в феврале 2014 г., приведший к возвра-

щению в Россию в марте того же года Крыма и Севастополя. Несмотря на то, что никаких событий или инцидентов политического и военного характера, вызванных действиями России против государств Прибалтики и Польши, не было вообще, нашу страну бездоказательно обвинили в подготовке «агрессии» или, как минимум, «гибридной войны» использовали эти надуманные утверждения как предлог для наращивания сил США и других стран НАТО в Балтийском регионе. Уже в апреле 2014 г. в Польше и Прибалтике появились американские десантники, а в сентябре-октябре того же года – и войска с тяжелой техникой (танками и БМП) [3, с. 29–31].

Дальнейшая динамика военно-политической ситуации в Балтийском регионе определялась следующими основными событиями и факторами.

1. Были начаты и продолжаются ротации американских войск в Европе. С начала 2017 г. США отправляют в Европу по ротации на девять месяцев бронетанковую бригадную боевую группу, боевую авиационную (вертолетную) бригаду, а также сводные силы для логистической поддержки своих ротационных сил [3, с. 36–46].

Сейчас в Европе находятся 1-я бронетанковая боевая группа 1-й кавалерийской (бронетанковой) дивизии [5] (в Германии, Польше, Литве, Румынии и Болгарии), 1-я боевая авиационная бригада 1-й пехотной дивизии [6]. (в Германии, Греции и Румынии с передовыми базами в Польше и Латвии) и сводная Оперативная группа снабжения США (в Польше, с логистическим хабом в Румынии и командой поддержки в Литве) (всего около 6000 человек [7]).

2. В Польше и странах Прибалтики с 2017 г. на ротационной основе² были развернуты четыре многонациональные боевые группы усиленного передового присутствия НАТО. Группу в Эстонии возглавляет Великобритания, в Латвии – Канада, в Литве – Германия, в Польше – США. Общая численность всех четырех групп – около 4,6 тыс. чел. [4]. Их деятельность координирует штаб многонациональной дивизии НАТО «Северо-Восток» (Эльблонг (Польша)). В Адажи

² Со сменой подразделений каждые полгода.

(Латвия) создан штаб многонациональной дивизии «Север» для совместного командования подразделениями Дании, Латвии и Эстонии и боевыми группами НАТО в Прибалтике [3, с. 68–69].

3. Создаются инфраструктурные и организационные условия для быстрого наращивания в Польше и Прибалтике сил США и других стран НАТО. С 1 сентября 2015 г. в Польше (Быдгощ), Литве (Вильнюс), Латвии (Рига) и Эстонии (Таллин) действуют интеграционные единицы НАТО (NFIU). Они созданы для подготовки к развертыванию войск НАТО, прежде всего, Объединенной оперативной группы повышенной готовности (VJTF) [3, с. 69].

С 2020 г. в Повидзе (Польша) строится место заблаговременного складирования, входящее в систему «Заблаговременно складированных запасов Армии США 2» (APS-2) в Европе. Это самый дорогой инфраструктурный проект НАТО со времени окончания «холодной войны» (166 млн. евро или 183 млн. долл.). В Повидзе складировуют вооружение и технику бронетанковой бригадной боевой группы США. Кроме того, там же строят американский склад боеприпасов [3, с. 46–49]. Завершение строительства объектов в Повидзе запланировано на лето 2022 г. [8].

4. В Польше и странах Прибалтики на ротационной основе дислоцируется боевая авиация США и других стран НАТО. С первой половины 2013 г. на авиабазах Ласк и Повидз (Польша) каждый квартал происходят ротации американских военных самолетов (истребителей F-16 и военно-транспортных самолетов C-130).

С 2015 г. на авиабазы Ласк и Повидз (Польша), Лиелварде (Латвия), Эмари (Эстония), периодически прилетают штурмовики A-10 ВВС США. В Эмари с того же года периодически дислоцируются и американские истребители F-15. Помимо этого, в Эмари прилетают на время американские истребители F-16 из Италии и с континентальной части США.

На авиабазы в Польше и Прибалтике в 2015–2019 гг. неоднократно прилетали на короткий срок малозаметные истребители пятого поколения ВВС США F-22 и F-35.

На авиабазе Мирославец (Польша) с мая 2018 г. размещаются разведывательно-ударные беспилотные летательные аппараты (БЛА) ВВС США MQ-9 Reaper [3, с. 50–54].

На авиабазе Зокняй (Шяуляй) (Литва) с декабря 2019 г. в Литве дислоцируются два самолета радиоэлектронной разведки RC-12X Guardrail военной разведки Армии США [9].

С марта 2004 г. на аэродроме Зокняй (Шяуляй) (Литва) в рамках «Миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства стран Балтии» (Baltic Air Policing (BAP)) на ротационной основе несут боевое дежурство самолеты-истребители ВВС различных стран НАТО. С апреля 2014 г. к BAP подключили авиабазу Эмари (Эстония). В 2014–2015 гг. и в 2019 г. использовалась также авиабаза Мальборк (Польша) [3, с. 70–71].

5. В воздушном пространстве Балтийского региона летают американские стратегические бомбардировщики, а также практически постоянно присутствуют самолеты-разведчики США и других стран НАТО. Стратегические бомбардировщики B-52H и B-1B ВВС США с 2014 г. неоднократно отрабатывали ракетные удары по целям в Калининградской области, Санкт-Петербургу и др., ставили учебные неконтактные морские мины недалеко базы ВМФ РФ в Балтийске, а также сбрасывали учебные авиабомбы на полигоны в Польше, Литве, Латвии и Эстонии [3, с 55–58; 10].

Авиация США и других стран НАТО (прежде всего, Великобритании) ведет постоянную разведку у границ России в Балтийском регионе. Иностранные самолеты-разведчики при этом летают не только над Балтийским морем, как это было во времена «холодной войны», но и над Польшей и странами Прибалтики. Разведывательные полеты у российских границ на Балтике регулярно выполняют и самолеты формально нейтральной Швеции, которая затем делится разведывательной информацией с США и НАТО [11].

6. Идет увеличение численности американских войск в Польше. По Соглашению о расширенном сотрудничестве между США и Польшей в сфере обороны, подписанному 15 августа 2020 г., предполагается увеличить американский

ротационный военный персонал в Польше, составляющий около 4500 чел., еще примерно на 1000 чел. [11]. Инфраструктура для этих сил будет создаваться исключительно за счет Польши. Сообщалось, что новая военная инфраструктура позволит немедленно развернуть в Польше, если это потребуется, дополнительные силы, увеличив общее американское военное присутствие до 20 000 чел. [5].

Дополнительные американские войска разместятся в Польше в следующих местах:

- Познань — штаб передового дивизионного командования³ и территориальная группа поддержки. Кроме того, 20 ноября 2020 г. в Познани был официально открыт передовой штаб воссозданного V корпуса Сухопутных войск США, который должен достичь полного уровня боевой готовности к ноябрю 2021 г. [5].
- Дравско-Поморске — Центр боевой подготовки для совместного использования Вооруженными силами США и Польши;
- Международный аэропорт Вроцлав-Страховице имени Николая Коперника — погрузочно-разгрузочная база ВВС США;
- Ласк — эскадрилья БЛА ВВС США;
- Повидз — инфраструктура поддержки боевой авиационной (вертолетной) бригады, батальон боевого обеспечения и объект сил специальных операций;
- Люблинец — объект сил специальных операций;
- Жагань/Свентошув — инфраструктура поддержки бронетанковой бригадной боевой группы [11].

7. В Польше строится американская база противоракетной обороны (ПРО). С мая 2016 г. в Редзиково (Польша) строится база ПРО США. 30 ноября 2016 г. там был официально основан Вспомогательный объект ВМС США Редзиково — первая постоянная военная база США в Польше [3, с. 60–61].

---

³ С июня 2020 г. его роль выполняет передовой штаб 1-й кавалерийской дивизии.

Базу ПРО планировали ввести в строй еще в 2018 г., но из-за технических проблем и неудовлетворительных темпов строительства этот срок был сдвинут на 2022 г. [12].

8. НАТО в сотрудничестве с ЕС создает условия и возможности для масштабных перебросок войск и военной техники на восток Европы. В марте 2018 г. Европейская комиссия приняла План действий по военной мобильности [13]. Его выполнение должно облегчить перемещение войск и военной техники через государственные границы внутри ЕС (так называемый «военный Шенген»). Кроме того, к 2030 г. должно завершиться создание военно-транспортных коридоров (в большинстве своем являющихся комбинацией железнодорожных и автомобильных магистралей) для быстрой переброски войск и военной техники на восток Европы. Этот план разработан и принят на основании Совместной декларации о сотрудничестве ЕС и НАТО, подписанной 8 июля 2016 г. на Саммите НАТО в Варшаве.

В НАТО в 2018 г. было создано два новых командования для обеспечения и защиты переброски войск и военной техники и Северной Америки в Европу через Атлантику (Командование объединенных вооруженных сил – Норфолк (Норфолк, США)) и по самой Европе (Объединенное командование обеспечения и поддержки (Ульм, Германия)) [14].

9. Развиваются и модернизируются вооруженные силы Польши и стран Прибалтики. Суммарная численность вооруженных сил Польши и стран Прибалтики с 2014 г. выросла почти в 1,3 раза [15, 16]. Так, в Польше формируется четвертая по счету дивизия Сухопутных войск (18-я «Железная» механизированная) [17], в Литве созданы две новые бригады (мотопехотная бригада «Жемайтия» и легкая пехотная бригада «Аукштайтя»), в Эстонии разворачивается 2-я пехотная бригада [3, с. 103–104]. В Польше с 2016 г. создаются Войска территориальной обороны, которые после завершения их формирования в 2021 г. будут начитывать 17 бригад общей численностью 53 тыс. чел [3, с. 101]. К 2024 г. в Польше завершится формирование Войск обороны киберпространства [18].

Более чем в полтора раза (в постоянных ценах 2015 г.) за 2014–2020 гг. выросли общие военные расходы Польши и стран Прибалтики [19, р. 7]. Выросла и их доля в ВВП. Все четыре страны сейчас тратят на обороны 2 % и более своего ВВП и входят в группу из одиннадцати стран НАТО, достигших или преодолевших эту планку, подтвержденную на саммите в Уэльсе в 2014 г. [19, р. 8].

Польша и в меньшей степени страны Прибалтики модернизируют и наращивают вооружения. В Польше 10 октября 2019 года был утвержден новый «План технической модернизации вооруженных сил на 2021–2035 гг.», предусматривающий расходы в размере 524 млрд. злотых (около 133 млрд. долл. США) [20].

Польшей подписаны контракты на закупки в США малозаметных истребителей пятого поколения F-35A Lightning II [21], малозаметных крылатых ракет воздушного базирования JASSM-ER [22], зенитных ракетных комплексов (ЗРК) Patriot PAC3 + [23], ракетных систем HIMARS [24] и др.

Национальная оборонная промышленность Польши поставляет в войска колесные БТР, самоходные гаубицы и минометы, самоходные ЗРК ближнего действия, переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК), противотанковые ракетные комплексы (ПТРК) и др.

В вооруженных силах стран Прибалтики после 2014 г. впервые появились самоходные гаубицы, закупаются за рубежом колесные и гусеничные БТР и БМП, ПТРК, ПЗРК и др. Литва стала единственной из трех стран Прибалтики получившей ЗРК средней дальности (норвежские NASAMS3) [25]. Литва и Латвия заключили с США соглашения на закупку многоцелевых военных вертолетов UH-60M Black Hawk.

10. В Польше и Прибалтике проводятся регулярные масштабные военные учения США, НАТО, а также национальные учения вооруженных сил этих стран с международным участием. Наиболее масштабными по количеству участников в Балтийском регионе и в непосредственной близости от него были военные учения *Trident Juncture 2018* (50 тыс. чел.), *Anakonda 2016* (31 тыс. чел.), *Dragon-19* (19 тыс. чел.),

Saber Strike 18 (18 тыс. чел.), *Anakonda 2018* (17,5 тыс. чел.), *Siil 2018* (15 тыс. чел.) [3, с. 81–85].

Официально заявляется, что учения НАТО и отдельных стран НАТО якобы носят исключительно оборонительный характер и не направлены против России. На самом деле в их ходе отрабатываются и наступательные операции, а в качестве условного противника рассматривается «почти равный по силе противник», которым в Европе может быть только Россия.

Пандемия коронавируса COVID-19 заставила скорректировать сценарии, масштабы и сроки военных учений США, НАТО и стран НАТО (в т.ч. в Балтийском регионе), но не отменила их. Так летом-осенью 2020 г. в Балтийском регионе прошли учения *Namejs 2020* (7 тыс. чел.), *Allied Spirit XI* (часть модифицированного учения *DEFENDER-Europe 20 Plus*, 6 тыс. чел. участников), *Anakonda 2020* (5 тыс. чел.), военно-морское учение *BALTOPS2020* (28 кораблей, 28 летательных аппаратов и до 3 000 чел.), *Brilliant Jump 2020* (II) (2,5 тыс. чел.) и др. [26, 27].

11. Законные ответные действия России в регионе Балтийского моря постоянно представляются в качестве угрозы, озвучиваются конкретные военные планы, направленные против нее. Приведем только несколько из многих примеров. Так, командующий ВВС США в Европе и Африке генерал Джеффри Ли Харриган в сентябре 2019 года заверял журналистов, что «если нам будет нужно уничтожить, например, Калининградскую IADS (интегрированную систему противовоздушной и противоракетной обороны), пусть не будет никаких сомнений в том, что у нас есть план для этого» [28]. В октябре 2019 г. эксперт влиятельного Джеймстаунского фонда (США) доктор Ричард Хукер опубликовал развернутый сценарий войны в Прибалтике, в ходе которой Польша совместно с США оккупируют Калининградскую область. В рамках послевоенного регулирования Р. Хукер предложил затем передать Калининградскую область Польше или, как минимум, оставить ее демилитаризованной в случае возвращения России [29]. В мае 2020 г. тогдашний советник президента США по национальной безопасности Роберт О’Брайен охарактеризовал Кали-

нинград как «кинжал в сердце Европы» из-за того, что Россия якобы «превратила его в закрытую военную базу, напичканную современными вооружениями и ракетами» [30]. И, судя по всему, за этой постоянно звучащей на Западе антироссийской риторикой стоят вполне конкретные военные планы.

Военно-политическая ситуация в Балтийском регионе по вине США и НАТО с 2014 г. существенно ухудшилась. Регион, в котором Россия, конструктивно взаимодействовала, несмотря на имеющиеся разногласия, с ЕС, НАТО и входящими в них странами, на наших глазах превратился в подобие Балкан начала прошлого века, печально известных как «пороховая бочка Европы». Ситуацию определяет уже не все еще сохраняющееся трансграничное и приграничное сотрудничество, а вектор «все (остальные страны Балтийского региона – Ю.З.) против России» (хотя и в различной степени).

Само по себе военное присутствие других государств НАТО в Польше и Прибалтике пока относительно невелико и все еще далеко от масштабов противостояния на границах НАТО и Варшавского договора во времена «холодной войны». Однако оно растет и, главное, создаются организационные и инфраструктурные предпосылки для переброски на восточный фланг НАТО куда более значительных воинских контингентов. Такие переброски начали регулярно отрабатываться на военных учениях. В 2021 г. Польша стала главной ареной проведения модифицированного и сокращенного из-за коронавируса американского учения DEFENDER-Europe 20 Plus, предназначенного для отработки быстрой переброски войск из США в Европу. В будущем году Германия, Польша и Прибалтика, как уже объявлено, станут основным местом проведения учения DEFENDER-Europe 22⁴. И, самое важное, эти военные приготовления отравляют общую атмосферу в регионе, способствуют росту взаимного недоверия и создают предпосылки для возникновения военного конфликта. Вероятность возникновения такого локального конфликта мы с профессором Н. М. Межевичем оцениваем в краткосрочной перспективе 8 %

---

⁴ В нечетные годы учения DEFENDER-Europe проводятся на юго-востоке Европы и в Черноморском регионе.

[3, с. 149]. К местам в Балтийском регионе, где вполне могут произойти случайные (или с провоцированные) военные инциденты между НАТО и Россией можно отнести, в первую очередь, воздушное и морское пространство Балтики, российско-эстонскую границу, район острова Готланд, Сувалкский коридор между Калининградской областью РФ и Белоруссией [31] и граничащие с эксклавной Калининградской областью воздушные, морские и сухопутные пространства.

США, действия которых, в первую очередь, привели к ухудшению военно-политической ситуации в Балтийском регионе, готовясь к военным действиям, в то же время решают здесь куда более широкий круг долгосрочных геополитических и геоэкономических задач:

1. Не допустить налаживания стратегического партнерства между Россией и ЕС и, прежде всего, между Россией и Германией;
2. Превратить Польшу в главного стратегического союзника и проводника американских политических и экономических интересов в Восточной Европе и использовать ее в качестве противовеса как Германии, так и России, и «клина» между ними;
3. Сделать Польшу региональным газовым хабом, через который шли бы поставки американского сжиженного природного газа (СПГ) в Прибалтику и другие страны Восточной Европы;
4. Обеспечить сбыт в Польшу и в и в меньшей степени в Прибалтику под предлогом защиты от «российской угрозы» своих вооружений;
5. Экономически и политически «отсечь» Россию от Балтийского моря через поддержку антироссийских фобий правящих элит стран Балтийского региона (прежде всего, Прибалтики и Польши) создание препятствий для реализации в регионе российских геоэкономических проектов, противоречащих интересам американского бизнеса [32, с. 38–39] .

В связи с этим с вероятностью 90 % как минимум в сред-

несрочной перспективе⁵ ситуация в Балтийском регионе будет развиваться в рамках предложенного нами с Н. М. Межевичем сценария с условным названием «Брестский мир» (ни войны, ни мира – концепция управляемого противостояния).

Вероятность наиболее благоприятного сценария с условным названием «*Хельсинки*», предполагающего старт тяжелых и продолжительных, но потенциально эффективных переговоров между Россией и коллективным Западом во главе с США по мерам безопасности и доверия, оценивается нами лишь в 2% [3, с. 148–149].

В то же время уже сейчас стоит выработать совместный механизм, подобный российско-американскому механизму предотвращения инцидентов в Сирии, для предотвращения инцидентов в Балтийском регионе [33] и стабилизировать российско-американские отношения в данном регионе (как и в целом) «...на нынешнем низком уровне, чтобы подготовить почву для более конструктивных подходов» [34].

Список источников и литературы

1. Арбатова Н. Парадоксы безопасности в Балтийском регионе // Независимая газета. 30.01.2001. URL: http://www.ng.ru/politics/2001-01-30/3_paradoks.html (дата обращения: 29.03.2021).
2. Барынькин В. М. Оценка военно-политической обстановки методологический аспект // Военная мысль. 1999. № 5. С. 23–30.
3. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Безопасность в восточной Балтике: К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019»: экспертный доклад. – СПб: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 152 с.
4. NATO's Enhanced Forward Presence // Supreme Headquarters Allied Powers Europe: SHAPE. February 2021 // URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/General/factsheets/factsheet_efp_2021.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
5. Зверев Юрий. Последняя ротация при Трампе? США меняют свои танки в Европе // Евразия. Эксперт. 08 декабря 2020 г. URL: <https://eurasia.expert/poslednyaya-rotatsiya-trampa-ssha-menyayut-svoi-tanki-v-evrope/> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Army announces 1st CAB deployment to Atlantic Resolve // U. S. Army. February 8, 2021. URL: https://www.army.mil/article/243129/army_announces_1st_cab_deployment_to_atlantic_resolve (дата обращения: 29.03.2021).

---

⁵ Ранее мы говорили о перспективе краткосрочной.

7. Fact Sheet: U.S. Army Europe and Africa Support to Atlantic Resolve. As of: Feb. 16, 2020 // U.S. Army Europe and Africa. URL: <https://www.europeafrica.army.mil/Portals/19/documents/Fact%20Sheets/Atlantic-Resolve-Fact-Sheet-02162021.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
8. Szopa M. Pancerna baza US Army w Powidzu. Rusza kolejny etap // Defence24. 23 maja 2020. URL: <https://www.defence24.pl/pancerna-baza-us-army-w-powidzu-rusza-kolejny-etap> (дата обращения: 29.03.2021).
9. USA deployed RC-12X aircraft in Lithuania to track Kaliningrad // Military Review. April 2 2020. URL: <https://en.topwar.ru/169738-ssha-razmes-tili-v-litve-samolety-rc-12x-dlja-slezhenija-za-kaliningradom.html> (дата обращения: 29.03.2021).
10. Зверев Юрий. США поставили рекорд десятилетия по активности ядерных бомбардировщиков в Европе // Евразия.Эксперт. 03 декабря 2019 г. URL: <https://eurasia.expert/ssha-postavili-rekord-aktivnosti-yadernykh-bombardirovshchikov-v-evrope/> (дата обращения: 29.03.2021).
11. Зверев Юрий. Новое военное соглашение США и Польши: суть и последствия // Евразия.Эксперт. 19 августа 2020 г. URL: <https://eurasia.expert/novoe-voennoe-soglashenie-ssha-i-polshi-posledstviya/> (дата обращения: 29.03.2021).
12. McLeary P. Stalled Polish Missile Defense Site Needs Extra \$96M, 2 Years // Breaking Defense. February 12, 2020. URL: <https://breakingdefense.com/2020/02/stalled-polish-missile-defense-site-needs-extra-96-million-two-years/> (дата обращения: 29.03.2021).
13. JOINT COMMUNICATION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL on the Action Plan on Military Mobility // European Commission. 28.03.2018. URL: https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2018-military_mobility_action_plan.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
14. Brussels Summit Key Decisions. 11–12 July 2018. Factsheet. November 2018/ // NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_11/20181105_1811-factsheet-key-decisions-summit-en.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
15. The Military Balance 2015 – IISS. L: Routledge, 2015.
16. The Military Balance 2020 – IISS. L: Routledge, 2020.
17. Зверев Юрий. Новая польская дивизия: Варшава провоцирует «гонку вооружений» у границ Беларуси и России // Евразия.Эксперт. 25 сентября 2018 г. URL: <https://eurasia.expert/novaya-polskaya-diviziya-varshava-belarusi/> (дата обращения: 29.03.2021).
18. Tworzymy wojska obrony cyberprzestrzeni // Ministerstwo Obrony Narodowej. 12.09.2019. URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/tworzymy-wojska-obrony-cyberprzestrzeni> (дата обращения: 29.03.2021).

19. Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2020). 16 March/Mars 2021. COMMUNIQUE PR/CP(2021)030 // NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/210316-pr-2020-30-en.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
20. Зверев Юрий. Масштабное перевооружение Польши: последствия для Беларуси и России // Евразия.Эксперт. 16 марта 2020 г. URL: <https://eurasia.expert/perevooruzhenie-polshi-posledstviya-dlya-belarusi-i-rossii/> (дата обращения: 29.03.2021).
21. Польша подписала соглашение о приобретении 32 истребителей F-35A // Блог bmpd. 1 февраля, 2020. URL: <https://bmpd.livejournal.com/3920478.html> (дата обращения: 29.03.2021).
22. Зверев Юрий. Новые ракеты польских ВВС угрожают Калининграду и Минску // Евразия.Эксперт. 08 февраля 2017 г. URL: <https://eurasia.expert/novye-rakety-polskikh-vvs-ugrozhayut-kaliningradu-i-minsku/> (дата обращения: 29.03.2021).
23. Зверев Юрий. «Присяга на верность». Как американские ЗРК Patriot в Польше изменяют баланс сил в Восточной Европе // Евразия.Эксперт. 23 апреля 2018 г. URL: <https://eurasia.expert/amerikanskie-zrk-patriot-v-polshe-izmenyat-balans-sil-v-vostochnoy-evrope/> (дата обращения: 29.03.2021).
24. Зверев Юрий. «Поводок для Варшавы»: США привязывают Польшу к своему оружию // Евразия.Эксперт. 03 марта 2019 г. URL: <http://eurasia.expert/ssha-privyazyvayut-polshu-k-svoemu-oruzhiyu/> (дата обращения: 29.03.2021).
25. Литва приняла на вооружение зенитную ракетную систему NASAMS3 // Блог bmpd. 5 ноября, 2020. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4181077.html> (дата обращения: 29.03.2021).
26. «Война» по расписанию». Зачем НАТО наращивает учения у границ Белоруссии и России // Евразия.Эксперт. 02 сентября 2020 г. URL: <https://eurasia.expert/zachem-nato-narashchivaet-ucheniya-u-granits-belorussii-i-rossii/> (дата обращения: 29.03.2021).
27. «Прыжок в Прибалтику»: США и НАТО наращивают военное давление на Белоруссию и Россию // Евразия.Эксперт. 04 ноября 2020 г. URL: <https://eurasia.expert/ssha-i-nato-narashchivayut-voennoe-davlenie-na-belorussiyu-i-rossiyu/> (дата обращения: 29.03.2021).
28. Планы США по прорыву ПВО Калининграда: Чем ответит Россия // Евразия.Эксперт. 23 сентября 2019 г. URL: <https://eurasia.expert/plany-ssha-po-proryvu-pvo-kaliningrada-chem-otvetit-rossiya/> (дата обращения: 29.03.2021).
29. Hooker, Jr. R.D. How to Defend the Baltic States // The Jamestown Foundation. October 2019. URL: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2019/10/How-to-Defend-the-Baltic-States-full-web4.pdf?x66607> (дата обращения: 29.03.2021).

30. Ist das der Neuanfang eines Kalten Kriegs? // Bild. 23.05.2020. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/austritt-aus-dem-open-skies-abkommen-ist-das-der-neuanfang-eines-kalten-kriegs-70822192.bild.html> (дата обращения: 29.03.2021).
31. Зверев Юрий. Сувалкский коридор: угроза для НАТО или для Беларуси и России? // Евразия.Эксперт. 13 сентября 2018 г. URL: <https://eurasia.expert/suvalkskiy-koridor-ugroza-dlya-nato-ili-dlya-belarusi-i-rossii/> (дата обращения: 29.03.2021).
32. Зверев Юрий, Межевич Николай. Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // Международная жизнь. 2021. # 1. С. 28–43. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/12021/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
33. Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе. Институт США и Канады РАН и Институт Европы РАН. Декабрь 2020 // Институт Европы РАН. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/structura/gromyko/publications/rd.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
34. Тренин Д., Грэм Т. Путь к новой модели. Как направить соперничество между США и Россией в безопасное русло // IPG – Международная политика и общество. 06.01.2021. URL: <https://www.ipg-journal.io/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/put-k-novoi-modeli-1215/> (дата обращения: 29.03.2021).

DINÁMICA Y PERSPECTIVAS PARA EL DESARROLLO DE LA SITUACIÓN POLÍTICO-MILITAR EN LA REGIÓN BÁLTICA DESDE 2014

Zverev Yuriy¹

¹ the Center for Geopolitical Studies of the Baltic Region of the Institute of Geopolitical and Regional Studies of the I. Kant BFU, Kaliningrad, St., Russia

The dynamics of development of the political-military situation in the Baltic region since 2014 are considered (The dynamics of development of the political-military situation in the Baltic region since 2014 are considered). Specific steps by the United States and NATO to increase their military presence in the region and Russia's response measures. Possible "hot spots" are identified, the prospects for further development of the political-military situation in various scenarios of events are evaluated.

Key words: NATO, USA, Russia, Baltic region, military-political situation (situation), dynamics, prospects.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ КРЫМА

Швец А.Б.¹, Вольхин Д.А.¹

¹ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Факультет географии, геоэкологии и туризма,
Симферополь, Россия.

В работе Крым рассматривается как новое геополитическое порубежье России в северной части Причерноморья, которое возникло в результате того, что в 2014 году этот регион оказался в эпицентре событий переустройства мирового геополитического порядка. Дана оценка новой барьерной функции внешней границы Крыма, её сухопутного и морского сегментов. Сделан вывод о том, что за семь лет пребывания Крыма в составе России и реакции международного сообщества на эту данность степень барьерности крымских границ усиливалась, с максимальной степенью конфронтации на границе с Украиной. Классифицированы геополитические риски крымско-украинской границы (блокадные и диверсионно-террористические) и представлен обзор прецедентов проявленности этих рисков в 2014–2019 гг.

Уточнено положение крымского сектора российского Причерноморья в структуре интеграционно-дезинтеграционных процессов в Большом Причерноморье. Выявлена низкая степень реализации потенциала экономической интеграции стран этого макрорегиона по причине дезинтеграционных процессов геополитического и военного характера. Определено, что барьерная функция внешних границ Крыма наиболее существенно отразилась на внешнеэкономических связях и морехозяйственной активности региона. Определён опыт поиска путей обхода новых сдерживающих рубежей Крыма, которые детерминированы, в том числе, относительной изолированностью Черноморского бассейна. Подчеркивается ключевая роль Турции в решении проблем внешнеэкономического позиционирования Крыма. Сделан вывод о возможно длительной пролонгации доминирования военно-стратегической функции Крыма над его геоэкономическими функциями.

Ключевые слова: география, Крым, геополитическая рубежность.

Крым, понимаемый в составе Республики Крым и города федерального значения Севастополя, – как новое геополитическое порубежье Российской Федерации в северной части Причерноморского сектора Евразии. Новым геополитическим порубежьем эта территория стала в том смысле, что ограничила пространство новой реальности для России и Крыма. Это реальность выхода региона из периферии геополитических процессов, где Крым находился более двадцати лет, в зону их активного пространственного проявления. Для России подоб-

ное возвращение позволяет говорить о возможности восстановления её геополитического доминирования, на Балканах, Большом Кавказе и Малой Азии. Эта стратегическая задача для России осуществима только с опорой на территориальный ресурс Крымского полуострова.

В работе «Район и страна» В. П. Семенов-Тянь-Шанский подчёркивал характерную географическую особенность процесса распространения человечества – «необходимость борьбы с пространствами» [1]. Успешность этой борьбы во многом зависит, по мнению одного из первых теоретиков русской политической географии, от характера поверхности осваиваемых пространств. Борьба с ними ведется легче там, где есть водные, морские пространства. Используя флот, островные и полуостровные территории морские государства приобретают такой тип территориального могущества, который позволяет сочетать основательность материковых пространств «от моря до моря» с быстротой манёвра в самих морях. Воссоединение территории Крымского полуострова с материковой Россией, вернуло российскому государству возможность осуществления полноценных геополитических стратегий в регионе Северного Причерноморья.

В настоящее время страны НАТО, расположенные в Причерноморье, не признают воссоединения Крыма с Россией, поддерживают недружественное поведение Украины в отношении полуострова и российского государства, преследуя собственные исторические цели. В Причерноморье у России нет геополитических союзников. Ситуация, которая складывается на границах Крыма, напоминает состояние перед Крымской войной 1853 года, названной некоторыми аналитиками первой геополитической войной западных стран против России. Учитывая многоаспектность проблемы геополитической рубежности, целью работы стало выявление рисков морских и сухопутных рубежей современного Крыма для уточнения позиций региона в системе взаимоотношений стран Причерноморья.

Степень научной разработанности проблемы геополитической рубежности Крыма в отечественной политической географии неравномерна. Наиболее полную картину формирования современной геополитической рубежности Крымского

полуострова находим в работах В. А. Дергачёва и Л. Б. Вардомского [2; 3; 4]. Обоснование геополитической роли Крымского полуострова в «Малой игре» западных держав в Причерноморье проведено С. Н. Киселёвым [5]. Геоэкономические аспекты изучения крымского приграничья представлены в трудах А. Г. Дружинина [6; 7], В. А. Колосова и А. Б. Володина [8].

В работе применялись методы системного и картографического анализа, использованы представления о территориальных рисках как о своеобразном состоянии неопределённости, которое требует разрешения, а также понятие рубежности географического пространства, под которой понимается специфическая характеристика территории содержательно близкая представлению о существовании резких линий смены одного геокомпонента другим.

Исходные положения нашей работы связаны с тем, что система геополитических рисков сформировалась в крымском порубежье в результате того, что в 2014 году этот регион оказался в эпицентре событий, связанных с переустройством мирового геополитического порядка. Россия вернулась в число мировых сил, способных ответить на вызовы Западной цивилизации. Возвращение России в систему активных геополитических процессов вызвало сопротивление западных стран, применивших против российского государства систему экономических и политических санкций в ответ на воссоединение с ним Крыма. Вокруг Крымского полуострова сформировались границы барьерного типа и основным трендом всех семи лет обретения Крымом новой политической субъектности степень их барьерности усиливалась в сухопутной и морской частях.

Наиболее ярко барьерность геополитического рубежа в Крыму проявлена на границе с Украиной. Это государство всё сильнее втягивается в силовое поле геополитических интересов США, создавших на Украине агрессивную антироссийскую буферную зону. Понимая новую роль украинского пограничья с Крымом, Россия потратила на его обустройство 6,9 млрд. рублей в рамках федеральной целевой программы «Государственная граница РФ (2012–2020 гг.)». В настоящее время российское приграничие в Крыму оборудовано стационарными

ми пунктами управления служебно-боевыми действиями пограничных войск, таможенными терминалами, ограждением, системами связи. Украинская сторона на границе с Крымом почти шесть лет придерживалась тактики врёменного характера обустройства приграничной территории, сохраняя главный принцип отношения к этой границе как внутригосударственному административному, а не межгосударственному рубежу. В 2019 году Украина начала проведение модернизации и создания стационарных построек на всех трёх пунктах автомобильного пропуска с Крымом: «Чонгар», «Каланчак» и «Чаплинка». Переоборудование украинской стороной границы с Крымом стало неожиданным маркером признания долговременности этого рубежа и его межгосударственного значения.

Геополитические риски сухопутной части крымско-украинской границы классифицированы нами как блокадные и диверсионно-террористические.

Блокадные риски возникли на границе с Крымом в апреле 2014 года как попытка Украины отомстить России за разрушение мифа о единстве (соборности) территории этого государства, потерявшего в результате киевского переворота Крым и Донбасс. Против жителей Крыма украинским руководством был организован ряд блокад: транспортной, энергетической, продуктовой и водной. Была ещё блокада гражданская, поддерживаемая активистами крымско-татарского национального движения, перебравшимися после 2014 года на Украину. Участники этой блокады «помогали» украинским пограничникам проверять гражданские автомобили жителей Крыма, пересекавших границу с Украиной, на предмет лояльности.

Диверсионно-террористические риски возникли в крымско-украинском пограничье в июне 2015 года. К этому времени украинское государство декларировало «стратегию деокупации и возвращения Крыма в Украину». Полпред Президента Российской Федерации в Крыму предупредил, что на Украине развёрнуто формирование диверсионно-террористических групп из военных, проходивших ранее службу на полуострове. И в этом же 2015 году, ставшим наиболее беспокойным по числу нарушений режима границы, сотрудники крымско-

го Пограничного управления ФСБ задержали 20 нарушителей государственной границы (за последующее пятилетие эта цифра составила по данным пограничного ведомства уже 160 человек). Через год, в 2016 году, в районе приграничного г. Армянск были задержаны две украинские диверсионные группы, успевшие установить на дамбе залива Сиваш взрывное устройство. В перестрелке погиб российский офицер.

Морскую часть Крымского геополитического порубежья отличает своеобразие интеграционно-деинтеграционных процессов. С точки зрения межгосударственного взаимодействия Причерноморье, куда нами отнесены Абхазия, Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина является геоэкономически значимым коммуникационным пространством, в котором возникли экономические и военно-политические группировки (рис. 1). Перечисленные страны (за исключением Турции) имеют общее политическое прошлое: они принадлежат к постсоветскому и постсоциалистическому пространству. Большинство стран Причерноморья формируют здесь арену геополитического соперничества и размежевания. В дружественных с Россией отношениях находится только частично признанная Республика Абхазия. Партнёры России по ОДКБ, ОЧЭС и ЕАЭС являются одновременно членами или партнёрами других экономических и политических союзов, которые проводят конкурентную или недружественную политику в отношении России.

Новые члены НАТО – Болгария и Румыния – поддерживают расширительную стратегию присутствия США в Причерноморье, а Грузия и Украина выступают в этой проблеме с позиций понимания. В 2016 году Румыния ввела на территории бывшей советской военной базы Девеселу (уезд Олт) американский комплекс противоракетной обороны «Aegis Ashore», который оснащен боеприпасами с дальностью поражения до 300 километров, чего вполне достаточно для того, чтобы нанести мощный удар по Крыму. Румыния выступает инициатором создания черноморской флотилии НАТО, а Болгария на военной базе в Безмере оборудовала обширный полигон для учебных стрельб натовских вооружённых сил.

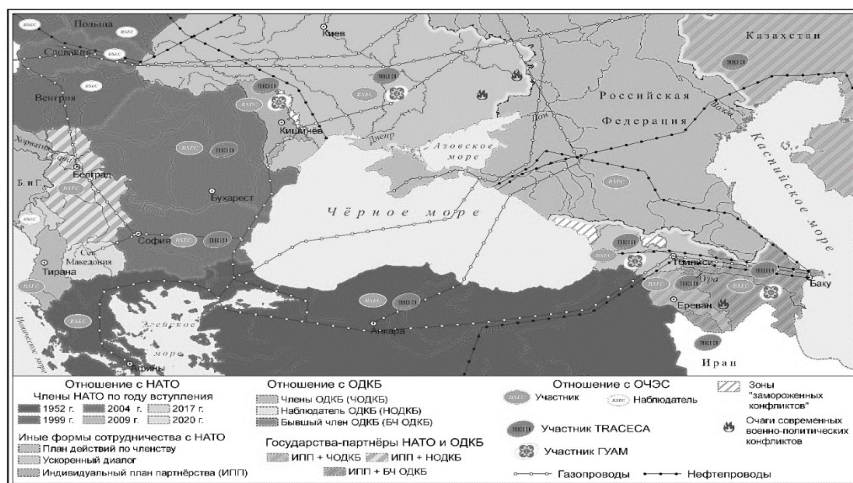

Рис. 1. Россия в структуре интеграционных группировок стран Большого Причерноморья.

Большую часть причерноморских интеграций отличает не-реализованность потенциала экономического взаимодействия. Например, доля взаимной торговли стран, имеющих прямой выход к Чёрному морю, составляет порядка 5 % их суммарного внешнеторгового оборота [9]. Таким образом, Крым оказался в центре замкнутого приморского макрорегиона, представляющего собой не единое, а фрагментированное, асимметричное геоэкономическое пространство с наличием контактных и барьерных границ, буферных территорий с неразрешённой проблемой их правового статуса.

Внешнеторговые связи Крыма со странами Большого Причерноморья нельзя назвать устойчивыми и масштабными. На 12 государств Организации Черноморского экономического сотрудничества (с учётом частично признанной Абхазии) в 2016–2019 г.г. совокупно приходилось около 40 % товарооборота Республики Крым или 147 млн. долл. США, что значительно ниже показателей до 2014 г.

В обозначенный период главными внешнеторговыми партнёрами Крыма среди стран Большого Причерноморья являлись Украина (90,6 млн. долл. США или 23,7 % внешнеторго-

вого оборота региона), Армения (22,2 млн. долл. США – 5,8 %) и Турция (20,5 млн. долл. США – 5,4 %). Противоречивость геоэкономической ситуации заключается в том, что из трёх выше названных стран только Армения не поддержала санкции в отношении Крыма и резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 от 27.03.2014 [10] о государственной целостности Украины и статусе Крыма.

В целом, высокая зависимость отраслей промышленности региона от внешних связей по сырью и готовой продукции сделали экономику Крыма уязвимой к внешнеэкономическим ограничениям, что привело к необходимости её переориентирования на внутрироссийское экономическое пространство.

Образование барьерности на внешних границах Крыма существенно и негативно отразилось на его морехозяйственной деятельности. Основной удар пришелся на резкое сокращение международных морских перевозок. В последние годы только 4 % грузовой работы крымских портов ориентированы на экспортные перевозки и это на фоне резкого падения их грузооборота. Крым лишился украинских грузов (металлы и продукция АПК), которые составляли существенную долю экспортных операций портов региона. Регион лишился возможности прямого морского сообщения со странами мира из-за санкций и транспортной блокады. На интерактивной карте [11] плотности морских судов в Чёрном и Азовском морях в 2019 г., видны последствия барьерности морских границ полуострова: основные морские грузовые потоки буквально огибают территориальные воды Крыма, не заходя в его порты и не вовлекая крымские грузы в циркумпонтийскую систему морских перевозок.

Проблема барьерности морских границ в крымском секторе Причерноморья и проблемы установления их правового режима отразились и на условиях морского природопользования в акваториях Чёрного и Азовского морей. В данном контексте стоит упомянуть проблемы добычи газа на месторождениях в Причерноморско-Крымской нефтегазовой области (прежде всего, на Одесском месторождении), которые разрабатывались крымской компанией ГУП РК «Черноморнефтегаз». Разно-

гласия по установлению правового статуса этого сектора черноморского шельфа и деятельности в его пределах крымской компании стало одним из эпизодов международного арбитражного производства, инициированного Украиной в отношении России.

Указанные наиболее рельефные проблемы барьерности крымских сухопутных и морских границ хозяйствующие субъекты региона обходят несколькими путями. Наиболее распространены среди них: деятельность через посредников в лице других регионов России, а также переориентация на страны, не поддерживавшие санкции в отношении Крыма.

В новостном поле средств массовой информации обсуждаются новые потенциальные пути организации связей Крыма с внешним миром, в том числе при участии морского транспорта. Например, российской и иранской сторонами рассматривается возможность организации транспортного сообщения между Ираном и Крымом по маршруту «порты Крыма–Азовское море–р. Дон–Волго-Донской канал–р. Волга–Каспийское море–порты Ирана». Данный маршрут будет выгоден Ирану в качестве альтернативы Суэцкому маршруту транспортировки нефти в Сирию и Турцию. Пока дальше обсуждений этот проект не продвинулся. Среди экспертов существует мнение, что планируемый Турцией новый судоходный канал «Стамбул» позволит крымским портам обходить существующие санкции. На этот счёт есть и противоположные мнения. Среди причерноморских стран только Россия и Турция в силу географического положения и исторической традиции формируют повестку дня, связанную с сохранением их политического и экономического лидерства в Причерноморье. Обе страны не желают усиления позиций США в этом регионе. Усиление американского присутствия в Причерноморье неизбежно поставит вопрос о внесении поправок или даже отмене Конвенции Монтрё, против которой может быть создано коллективное мнение стран НАТО, которому Турции придётся подчиниться.

Современное Причерноморье и появление в нём нового субъекта геополитических размежеваний в пределах Крым-

ского полуострова подтверждает давний постулат о том, что этот регион продолжает оставаться составным звеном сложного узла геополитических проблем. Здесь по-прежнему обозначены стратегические приоритеты России, вернувшейся не только в региональное, но и в глобальное противостояние с западными странами. В условиях растущей геополитической напряжённости в Большом Причерноморье субъектное позиционирование Крыма в этом макрорегионе будет связано с его военно-стратегической функцией в контексте обеспечения безопасности России, которая уже доминирует над внешнеэкономическими и морехозяйственными функциями полуострова в Азово-Черноморском бассейне.

Очевидно, что растущий, благодаря реализации комплекса государственных программ, экономический потенциал Республики Крым и г. Севастополя новые субъекты РФ смогут реализовать в международном экономическом пространстве только при условии решения проблем барьерности крымских границ и снятия неопределённости его внешнеполитического статуса. Для успешного позиционирования крымской экономики в Причерноморском регионе, на Ближнем Востоке и Юге Европы ключевое значение имеет легитимация российского Крыма Турецкой Республикой, как одной из геополитических и геоэкономических доминант в макрорегионе.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФИ; проект № 20–05–00725 А

Список источников и литературы

1. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М.: Идательство Юрайт, 2019. 276 с. [Электронный источник]. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/427039> (дата обращения: 30.03.2021).
2. Дергачев В. А. Раскалённые рубежи. – Одесса: Астропринт, 1998. – 104 с.
3. Дергачёв В. А. Геополитическая трансформация Украинского Причерноморья [Электронный ресурс]. Научные труды в семи книгах. Кн. 7. 2008. Режим доступа: <http://dergachev.ru/book-17/01.html> (дата обращения 25.02.2020 г.).
4. Черноморье /Дергачёв В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. 2-е

- изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 446–460.
5. Киселёв С. Н. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 68–78.
  6. Дружинин А. Г. «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014, № 2 (9). С. 3–14
  7. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
  8. Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях. / Под ред. В. А. Колосова и А. Б. Володина. М., 2019. 180 с.
  9. Дружинин А. Г. Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3 (103). С. 5–15.
  10. Резолюция 68-й сессии (2013–2014 год) ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/68/docs/68res3.shtml> (дата обращения: 12.03.2021).
  11. MarineTraffic: Global Ship Tracking Intelligence [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marinetraffic.com> (дата обращения: 21.03.2021).

GEOPOLITICAL PORUIGNITY OF CRIMEA

Shvets A. B.¹, Volkhin D. A. ¹

¹ Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Academician Vernadsky Avenue, Simferopol, Russia.

In the work, Crimea is considered as a new geopolitical frontier of Russia in the northern part of the Black Sea region, which arose as a result of the fact that in 2014 this region was in the epicenter of the events of the reorganization of the world geopolitical order.

An assessment of the new barrier function of the external border of Crimea, its land and sea segments, is given. It is concluded that, that over the seven years of Crimea's stay as part of Russia and the reaction of the international community to this reality, the degree of barrier of the Crimean borders has increased, with the maximum degree of confrontation on the border with Ukraine. The geopolitical risks of the Crimean-Ukrainian border (blockade and sabotage-terrorist) are classified and an overview of precedents for the manifestation of these risks in 2014–2019 is presented.

The position of the Crimean sector of the Russian Black Sea region in the structure of integration and disintegration processes in the Greater Black Sea region has been clarified. The low degree of realization of the potential of economic in-

tegration of the countries of this macro-region due to the disintegration processes of geopolitical and military nature is revealed. It has been determined that the barrier function of the external borders of Crimea most significantly affected foreign trade relations and maritime activity of the region. The experience of finding ways to circumvent the new deterrent borders of the Crimea, which are determined, among other things, by the relative isolation of the Black Sea basin, has been determined. The key role of Turkey in solving the problems of foreign economic positioning of the Crimea is emphasized.

Sedlan conclusion about the possible long-term prolongation of the dominance of the military-strategic function of the Crimea over its geo-economic functions.

Key words: geography, Crimea, geopolitical boundary.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА В РАКУРСЕ ГЕОПОЛИТИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

**Надыров Ш. М.¹, Нюсупова Г. Н.¹,
Мылкайдаров А. Т.¹, Сарсенова И. Б.¹, Чжан Бинь¹**

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются проблемы пространственной организации территории Республики Казахстан (РК) с акцентуацией внимания на эволюции пространственного развития в контексте выявления места и роли территории в системе пространственных отношений в условиях меняющихся геополитических ситуаций. Анализируется мировой опыт пространственной организации территории и расселения населения в решении проблем развития Казахстана в XXI веке. Ориентация Казахстана на традиционные схемы размещения производительных сил приводила к негативным, зачастую необратимым последствиям. Безусловно, она позволила Казахстану увеличить валовой национальный продукт и экспорт, стать лидером среди стран Центральной Азии. Но не устранило существующие территориальные и отраслевые диспропорции в экономике, зато усугубило экологические проблемы и выявило несовершенства сложившейся системы расселения населения и использования трудовых ресурсов. Исходя из этого, обоснована необходимость повышения удельного веса перерабатывающей индустрии, за счет расширения переделов в металлургии, нефтехимии, увеличения выпуска наукоемкой продукции с использованием высоких технологий, а также развития легкой, пищевой промышленности и сферы услуг. Крайне важно устранить несоответствия между темпами экономического роста и качественными параметрами развития экономики. Однако, эта задача в условиях геополитического окружения Казахстана и меняющейся геополитической отношений может быть решена лишь путем трансформации экономики в систему единой модели внутренних социально-экономических и внешних геополитических составляющих. В статье

использованы системно-структурный подход, сравнительный и картографические методы, с помощью которых выявлены рост и развитие экономики Казахстана.

Ключевые слова: пространство, геополитика, голландская болезнь, структура, экономика, эффективность, трансформация.

Пространственная организация территории Республики Казахстан связана с формированием зон жизненных интересов, как в рамках государственных границ, так и за их пределами. Ориентация на разработку традиционных схем размещения производительных сил приобретает самые негативные последствия в аспекте сочетания возможностей экономического потенциала страны с влиянием геополитических факторов. Экономический рост Казахстана за счет интенсивной добычи нефти и газа, минерально-сырьевых ресурсов лишь в начале социально-экономических преобразований позволил увеличить валовой национальный продукт. Но это не устранило существующих территориальных и отраслевых диспропорций в экономике, напротив усилило экологические и пространственные проблемы расселения населения, хроническое отставание экономики от его роста.

Основным риском в перспективе выступает сырьевая структура экономики и вместе с ней конъюнктура мирового рынка нефти. Мировые цены на нефть перешагнули 60-долларовый рубеж. Потенциал для роста пока есть, но эксперты считают, что эра ископаемых ресурсов закончена и нет перспективы значительного роста цен. Согласно прогнозу Всемирного банка [1], средняя мировая цена на нефть в периоде до 2030 достигнет уровня \$70 за 1 баррель (23 января текущего года цена за 1 баррель уже пробила отметку \$70,53), а в постоянных ценах и того меньше – \$58. С одной стороны, рост цен на нефть будет улучшать текущий счет и фискальные условия, но, с другой стороны, рост цен будет усиливать зависимость страны от мировой конъюнктуры и откладывать вопросы структурной перестройки экономики, так как реализация проектов не сырьевой направленности будет экономически непривлекательна по сравнению с добывающими отраслями. Но тенден-

ции мировых цен на энергоресурсы дают возможность дальше планомерно продвигать инициативы в не нефтяном секторе экономики, что является вопросом на годы вперед. [2].

Высокая доля добывающей отрасли в экономике РК всегда оказывала сдерживающее воздействие на процессы установления рациональной пространственной структуры экономики и на повышение конкурентоспособности страны.

В Институте экономических исследований МНЭ РК проводились исследования по оценке влияния динамики промышленности на рост ВВП [3], показавшие, что каждая национальная экономика уникальна по своей структуре отраслей. Исследования выявили, что даже при падении промышленности в отрицательную область (-1,7%), рост ВВП остается в положительном коридоре (0,4%), с учетом этого на одном графике показаны и динамика ВВП и динамика промышленности по данным статистики за 2011–2016 гг. (Рис.1).

Хотя в экономическом смысле это упрощенный подход, тем не менее, коэффициент корреляции между двумя показателями составил 0,99. Исходя из установленной корреляции, по расчетам при росте ВВП 100,4%, ИФО (Индекс физического объема) промышленности составил 98,3%, что в принципе, очень близко к фактическому показателю (97,9%).

Рис.1. Динамика роста ИФО ВВП и ИФО промышленности Казахстана

Вместе с тем рост ИФО может происходить за счет расширения переделов в перерабатывающей промышленности с использованием высоких технологий. Но это происходит крайне медленно и практически не влияет на экономическую ситуацию в стране.

Выявленные несоответствия привели к деформации в пространственной организации территории РК, а именно в преобладании поляризованного развития, то есть к агломерации предприятий, сконцентрированных в «полюсах роста», где экономический рост, предпринимательская деятельность, инновационный процесс отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории, которые не входят в «полюса роста». Вследствие чего в РК сложилась парадоксальная ситуация, когда концентрация усилий на сырьевом экспорте республики (при его относительной обособленности от внутреннего рынка) выступает одновременно и фактором экономического роста и дестабилизации [4]. В пространственном аспекте это выражается в чрезмерной концентрации финансовых, людских, интеллектуальных и других ресурсов всего лишь в нескольких регионах страны. Это нефтедобывающие регионы Западного Казахстана, а также концентрирующие финансовые ресурсы город Нур-Султана и транспортно-логистические ресурсы город Алматы. Налицо территориальная форма проявления «голландской болезни», которая пустила глубокие корни в РК. Как избежать этой болезни? Необходимо повышать эффективность сырье ориентированных отраслей, хотя наши конкурентные преимущества вне ее. Речь идет о встраивании Казахстана в мировые технологические цепи по инновационным отраслям и нахождение подходящих инновационных ниш в системе мировой экономике с привлечением ТНК. Это возможно путем постепенного вовлечения страны в производство комплектующих деталей с применением цветных и редких металлов и их сплавов для авиационной, ракетной и электронной промышленности и других отраслей высоких технологий [5]. Необходим переход на полицентрическое развитие, с опорой на агломерации и урбанизированные регионы с высокими показателями качества жизни населения.

Проблемы встраивания Республики Казахстан в мировые технологические цепи. Казахская экономика характеризуется большим технологическим отставанием, основой которой являются производства 3-го и 4-го технологического уклада. Для встраивания РК в мировые инновационные и технологические цепи, казахстанской экономике необходим качественный скачок в развитии производительных сил, совершенствование его форм и методов управления, то есть трансформация технологического уклада. В таблице 1 показана доля технологических укладов в экономике Казахстана по сравнению с другими странами.

Таблица 1

Доля технологических укладов в экономике некоторых стран (оценка) [5].

Страна	III техноуклад	IV техноуклад	V техноуклад	VI техноуклад
США	-	20 %	60 %	5 %
Россия	30 %	50 %	10 %	-
Украина	57,9 %	38 %	4 %	0,1 %
Казахстан	65 %	34 %	1 %	-

Отставание РК в инновационном развитии также связано с отсутствием системной нормативно-правовой базы, регулирующей научный сектор. Сравнительный анализ научно-технологической деятельности Казахстана и развитых стран показал, что развитие национальной системы поддержки и внедрения инноваций в республике находится на стадии зарождения. Казахстан оказался лишь на начальном этапе перехода экономики с сырьевого на инновационный тип развития.

Сложность задачи, стоящей перед казахстанской наукой и производством заключается в том, что для вхождения РК в число государств с 6 технологическим укладом в течение ближайших 20 лет, необходимо “перепрыгнуть” 5 технологический уклад [6]. В сложившихся условиях выход на траекторию устойчивого технологического роста экономики возможен только на основе концентрации имеющихся ресурсов на прорывных направлениях формирования нового технологического

уклада, обеспечения добросовестной конкуренции, многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, кардинального улучшения качества государственного регулирования. В таблице 1 показана доля технологических укладов в экономике Казахстана по сравнению с другими странами.

Как страна с переходной экономикой РК, объективно стремится от индустриального этапа к этапу постиндустриального развития. Препятствием выступает сырьё ориентированная экономика. В настоящее время экспорт сырья и материалов это благо для Казахстана. Но при сохранении этого процесса, вместе с экспортом сырья РК будет вывозить рабочие места, добавленную стоимость, начнется вымывание промышленного потенциала северного Казахстана в соседние регионы России. Это касается оттока населения, включая и коренное, когда в республике остается в основном неконкурентоспособная в России и других странах категория населения. Что следует предпринять, если сценарий экономического развития пойдет в таком направлении? Ответ, может быть один. Качественные параметры воспроизводственных структур Казахстана, в первую очередь в регионах по периметру российских и китайских границ должны быть не ниже их, или равны им. Другое дело как достичь этого?

В современной мировой экономике действуют две основные тенденции: Первая – усиление целостности мирового хозяйства, его глобализация. Применительно к РК она должна реализовываться на основе разработки стратегии и механизма перехода промышленности на 4-й и 5-й технологические уклады, доля которых сейчас в экономике страны составляет соответственно 34% и 1%, и осуществления производства продукции с высокой долей добавленной стоимости. Это потребует создания совместных высокотехнологичных транснациональных компаний (ТНК), где материнская основа должна быть казахстанской, но с привлечением иностранного капитала. Казахстан, располагая мощной черной и цветной металлургией, производством редких металлов мог бы строить предприятия по производству дорогостоящих комплектующих изделий из сплавов для нужд ави-

астроения, космической техники и других отраслей инновационной промышленности. Это обусловит разработку механизма перетока инновационных технологий из одних стран в другие и определения рациональных параметров участия в международном разделении труда приграничных стран, с акцентуацией внимания на межрегиональном разделении интеллектуального труда. Использование ТНК в качестве источников инновационных технологий и инвесторов возможно, при условии, если совпадут экономические интересы РК и инвесторов [6].

Вторая тенденция заключается в экономическом сближении стран на региональном уровне в направлении создания относительно самостоятельных центров мирового хозяйства ориентированных на создание собственных валютных зон. В этом аспекте исключительна роль концепции «Один пояс—один путь» и проекта новый экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) в реформатировании ключевых составляющих мировой экономики. На наш взгляд, это начало масштабной конкурентной борьбы между двумя полюсами формирующегося многополярного мира. С одной стороны США, возглавляющие «большую семерку» и высокоразвитые страны, с другой стороны российско-китайский альянс, страны ШОС и БРИКС, и РК, занимающий не только центральное экономико-географическое, но и транспортно-логистическое положение.

ЭПШП—геополитический фактор трансформации пространственной организации экономики Казахстана

В настоящее время РК самый крупный торгово-экономический партнер КНР в Центральной Азии и 1-я страна в Евразии, которая имеет четкие приоритеты в рамках экономического развития—создание самого большого торгового транзитного узла на пространстве Центральной Азии. Это, безусловно, геополитический фактор, обуславливающий, в основном за счет КНР обеспечение показателей высокой динамики казахстанской экономики. С другой стороны, это, связано с усилением экономической зависимости РК и вызовами доведения экологических нагрузок до высоких показателей. Такая ситуация может значительно повлиять на направления производственной специализации казахстанского участка ЭПШП.

Экономическое сотрудничество РК и КНР на всем протяжении истории двусторонних связей развивалось достаточно интенсивно. Объем товарооборота вырос в 27 раз с 433 млн. долл. США в 1992 году до 11657 млн. долл. в 2018 году [7]. Следует отметить, что Китай был очень значимым торговым партнером Казахстана с первых лет независимости страны—так, в 1992 году в КНР направлялось 16,3 % казахстанского экспорта (228 млн. долл. из общего объема в 1398 млн), а доля КНР в казахстанском импорте составляла 43,8 % (205 из 469 млн. долл.) [7]. В то же время, впечатляющий рост двустороннего товарооборота за период 1992–2018 годов отстает от роста объема внешней торговли Казахстана в целом. В 1992 году внешнеторговый оборот РК измерялся 1867 млн. долл. (1398 млн.—экспорт и 469 млн.—импорт), а в 2018 году—93490 млн., то есть, увеличился в 51 раз [8]. Объем внешней торговли без стран СНГ (которые не учитывались как внешнеторговые партнеры в 1992 году) за этот период вырос в 37 раз (рис. 2).

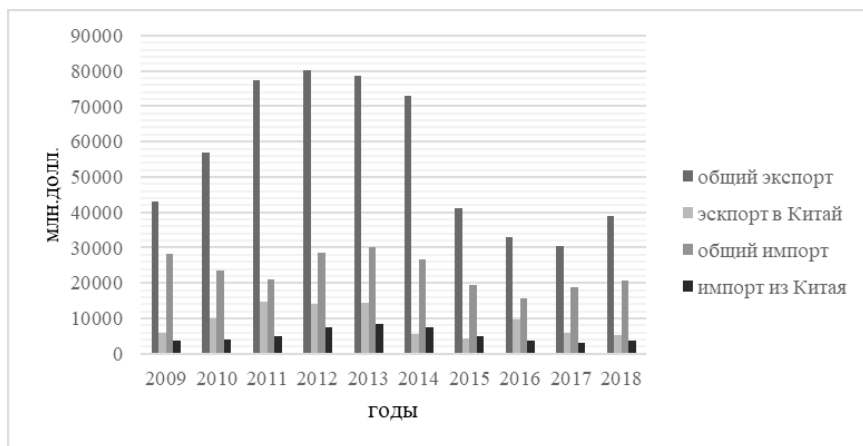

Рис 2. Товарооборот Казахстана за 2009–2018 гг., млн. долл. [8]

Транзит контейнерных грузов через Казахстан в 2019 г. достиг показателя 1,24 млн. ДФЭ, а в 2020 г. этот показатель может вырасти до 2 млн. ДФЭ по сравнению с 536 тыс. ДФЭ—в текущем году. Основное увеличение ожидается на маршруте

Китай–Европа–Китай, транспортировка по которому может достичь 800 тыс. ДФЭ–в 2020 г. по сравнению с 603 тыс. ДФЭ–в текущем году, по данным национального перевозчика «Казахстан темир жолы» (Рис. 3) [9]. ДФЭ [от англ. TEU (twenty-foot equivalent unit)–двадцатифутовый эквивалент], условная единица учёта парка контейнеров, и объёма контейнерных перевозок]. Экспоненциальный рост транзитных контейнерных перевозок объясняется главным образом успешным запуском сухого порта Хоргос и морского порта Курык, что намного улучшило эффективность и сроки доставки грузов.

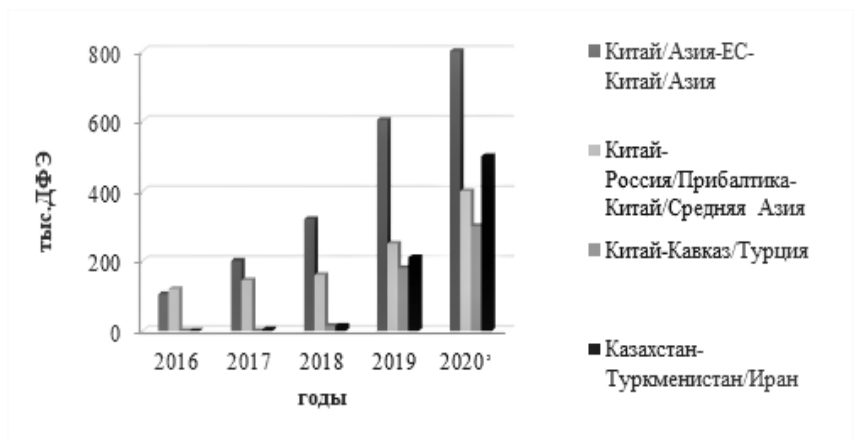

Рис. 3. Направления транзита контейнеров через Казахстан, тыс. ДФЭ [9]

Анализ статистических данных показывает, что Казахстан все сильнее позиционирует себя как транзитная страна и коэффициент парной корреляции между ВВП Казахстана и грузооборотом, свидетельствует о прямой зависимости экономики РК от грузооборота. (рис. 4).

В области инвестиционного сотрудничества Китай является одним из наиболее важных партнеров Казахстана. Валовый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из КНР вырос с 5 млн. долл. в 1993 году до 1,5 млрд. долл. в 2018 году, то есть, в 300 раз [9]. В данной области казахстанско-китайское сотрудничество значительно опережает средние показатели– в целом, годовой объем привлекаемых ПИИ в РК в указанный

период вырос в 15 раз [9]. В то же время, опережающий рост валового притока ПИИ из КНР был во многом обусловлен относительно низкими стартовыми значениями и не сформировал высокую долю Китая в накопленных ПИИ, которые по состоянию на 1.10.2018 года составили 5,7%.

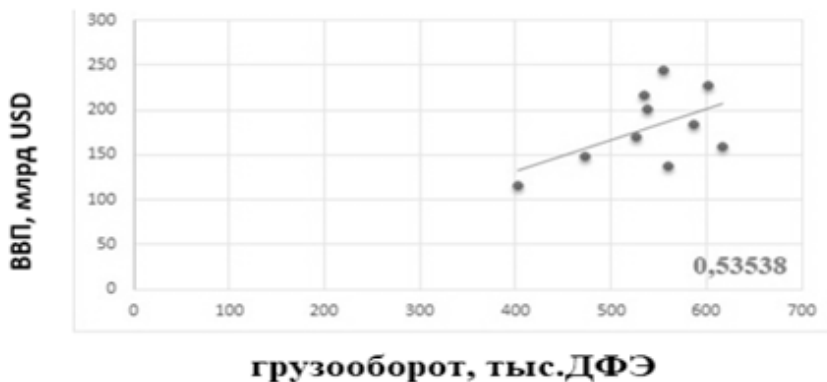

Рис. 4. Корреляционное поле зависимости ВВП в млрд. долл. от грузооборота в тыс. ДФЭ (рассчитано авторами на основе статистических данных МНЭ)

Объем накопленных ПИИ из КНР исчисляется 9,2 млрд. долл., общий объем накопленных в Казахстане инвестиций из Китая всех видов составил на указанную дату 15,6 млрд. долл., что соответствует 7% накопленных иностранных инвестиций в Казахстане [10]. Китай входит в топ-10 стран по ПИИ в Казахстан, уступая лишь странам ЕС и США (рис. 5). По данным национального агентства статистики РК за 2019 год китайская сторона реализует около 55 проектов, и занимает первое место количеству проектов [11].

Нами рассчитан коэффициент парной корреляции между ВВП Казахстана и прямыми инвестициями Китая в экономику РК, который равен $-0,8372$, что свидетельствует о прямой зависимости экономики страны от китайских инвестиций (рис. 6).

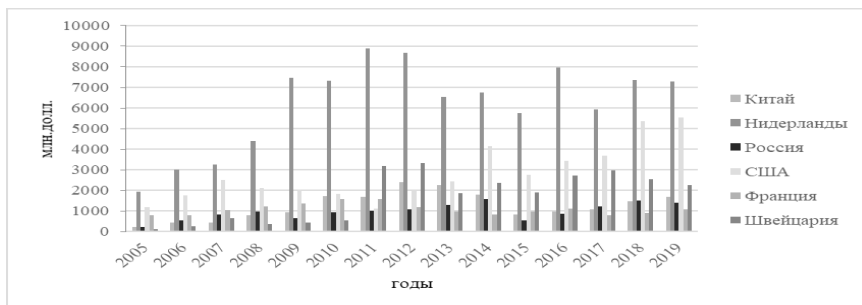

Рис. 5. Валовый приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов по странам за 2005–2019 гг., млн. долл. [10]

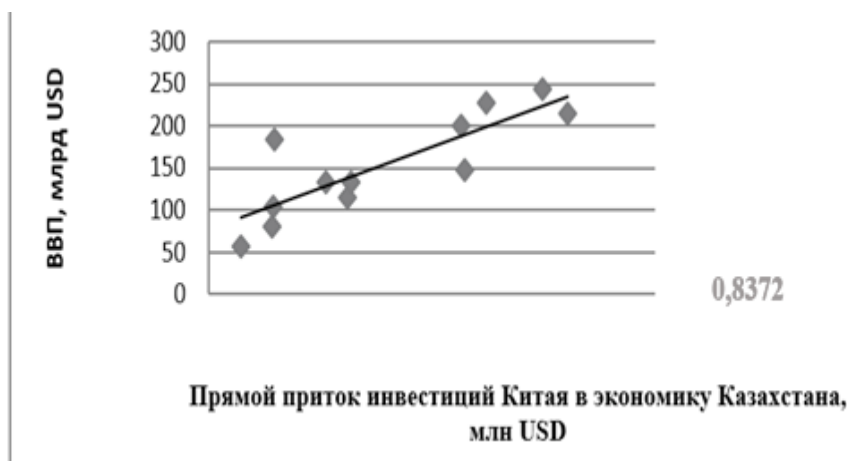

Рис. 6. Корреляционное поле зависимости Валового внутреннего продукта от прямых инвестиций Китая в Казахстан (рассчитано авторами на основе статистических данных МНЭ)

Итак, анализ основных показателей как товарооборот, грузооборот и ПИИ между РК и КНР, приводит к выводу, что сотрудничество в контексте ЭПШП с каждым годом усиливается, и РК становится, все больше зависим от такого актора как Китай. В этом ключе необходимо проектировать высокотехнологичный «Пояс и путь» ориентированный на потребности будущего, а не сегодняшнего дня. Акценты сотрудничества следует делать не на добывающую промышленность,

а на высокие технологии. Также актуальной перспективой сотрудничества в «Поясе и пути» может быть совместное производство экологически чистого продовольствия, поскольку продовольственная безопасность является актуальным трендом для XXI в. К данной работе может подключиться страны Центральной Азии и Россия, имеющие хорошие традиции и возможности развития аграрного сектора.

В статье аргументирован методологический подход в исследовании взаимозависимостей пространственной организации территории и трансформации структуры национальной экономики в ракурсе геополитики в меняющемся мире.

Дана оценка трансформации геополитических и региональных подходов к проблемам пространственного и социально-экономического развития вдоль трассы ЭПШП. Обоснована роль ЭПШП в повышении доходов от транзитных сборов и финансовых вливаний в экономику Казахстана, способствующие усилению транспортной связности, как внутри стран, так между странами трассы ЭПШП.

Список источников и литературы

1. World Bank Commodities Price Forecast, October 26, 2017.
2. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан. Режим доступа. [forbes.kz/process/expertise/...](http://forbes.kz/process/expertise/)
3. Закон Республики Казахстан от 16 июля 2001 года № 242-III. Режим доступа. zakon.kz/4831129-...
4. Под ред. С.Н. Нугурбекова., Е.У., С.М. Касымова., Ш.М. Надырова и др, Пространственная организация территории и расселения населения Республики Казахстан до 2030 года, АО «Институт экономических исследований», Казахстан–Астана, Т. 1, с. 87–95, 2010
5. Надыров Ш.М. Проблемы встраивания Республики Казахстан в мировые технологические цепи. Сб. тезисов, Санкт-Петербург, с. 13–17, 2015.
6. Надыров Ш.М. Казахстан в системе новейших геополитических и региональных трансформаций в Центральной Азии, Казахстан, 127 с, 2014.
7. Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России–Вестник НИУ ВШЭ, Россия, с. 40–50, 2016.

8. Статистические показатели внешнеэкономической торговли Казахстана и его регионов. Статистический ежегодник.–Казахстан, Астана, с. 200–220, 2018.
9. Обзор контейнерных перевозок: аналитическая записка –Абу-Даби, ОАЭ, 4 с, 2019.
10. Статистические показатели валового приток прямых иностранных инвестиций в Казахстан и его регионы. Статистический ежегодник.– Казахстан, Астана, с. 20–30, 2018.
11. Сыроежкин К.Л. Сопряжение ЭПША и ЕАЭС- Журнал Стратегия и политика № 2 с. 41–57, 2017.

SPATIAL ORGANIZATION OF KAZAKHSTAN FROM THE PERSPECTIVE OF GEOPOLITICS IN A CHANGING WORLD

Nadyrov Sh.M.¹, Nyusupova G.N.¹, Mylkaidarov A.T.¹,
Sarsenova I.B.¹, Zhang Bin¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan

The article deals with the problems of spatial organization of the territory of the Republic of Kazakhstan (RK) with an emphasis on the evolution of spatial development in the context of identifying the place and role of territory in the system of spatial relations in the context of changing geopolitical situations. The world experience of spatial organization of the territory and settlement of the population in solving the problems of development of Kazakhstan in the XXI century is analyzed. Kazakhstan's orientation to traditional schemes of distribution of productive forces led to negative, often irreversible consequences. This allowed Kazakhstan to increase gross national product and exports, to become a leader among the countries of Central Asia. But it did not eliminate the existing territorial and sectoral disproportions in the economy, but exacerbated environmental problems and revealed the imperfections of the existing system of resettlement of the population and the use of labor resources. The necessity of increasing the share of the processing industry, due to the expansion of redistribution in metallurgy, petrochemistry, increasing the output of high-tech products using high technologies has been substantiated, as well as the development of light, food and service industries. This task in the context of Kazakhstan's geopolitical environment and changing geopolitical relations can be solved only by transforming the economy into the system of a single model of internal socio-economic and external geopolitical components. The article uses a system-structural approach, comparative and cartographic methods, with the help of which the growth and development of the economy of Kazakhstan are revealed.

Keywords: space, geopolitics, Dutch disease, structure, economy, efficiency, transformation.

МЕЖСТОЛИЧНОЕ ЭГП КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Антипова Е. А.¹, Шавель А. Н.¹, Запрудский И. И.¹

¹ Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

Экспертный опрос, проведенный среди представителей Витебского и Могилевского областных исполнительных комитетов и отделов экономики райисполкомов белорусского приграничья, показал, что межстоличное экономико-географическое положение оказывает благоприятное влияние на социально-экономическое развитие приграничных регионов (60 % и 66,7 % ответов соответственно). При этом отмечается негативное влияние удаленности исследуемых регионов от столицы Беларуси – г. Минска (66,7 %) и отсутствие влияния столицы Российской Федерации – г. Москвы – на социально-экономическое развитие межстоличных регионов белорусско-российского приграничья (66,7 %). По мнению экспертов, фактор приграничности создает предпосылки для выхода на рынки сбыта в соседние страны, наряду с тем, что межстоличные районы белорусско-российского приграничья благодаря своему экономико-географическому положению должны быть полусами притяжения для бизнеса, особенно, в условиях законодательно закрепленных льгот для субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: межстоличье, белорусско-российское приграничье, экспертный опрос, межстоличное ЭГП, влияние столиц, социально-экономическое развитие, демография.

В соответствии с календарным планом НИР «Межстоличье как фактор социально-экономического развития российско-белорусского приграничья» на 2021 года было предусмотрено проведение экспертного опроса в области географических особенностей развития межстоличных районов российско-белорусского приграничья.

Исходя из целей исследования в качестве пространственных элементов анализируется два административно-территориальных уровня:

- 1) приграничные области Беларуси, лежащие вдоль межстоличной оси «Минск-Москва», – Витебская и Могилевская области;

- 2) административные районы, входящие в состав территории Витебской и Могилевской областей с двумя категориями административных районов:
- тип 1 – приграничные районы, непосредственно выходящие к белорусско-российской границе: Верхнедвинский, Витебский, Дубровенский, Городокский, Лиозненский, Полоцкий, Россонский районы Витебской области и Горецкий, Климовичский, Костюковичский, Краснопольский, Кричевский, Мстиславский, Хотимский районы Могилевской области;
  - тип 2 – районы, расположенные на наиболее важных транспортных магистралях, соединяющих города Минск и Москва: Оршанский, Толочинский районы Витебской области и Бельничский, Могилевский, Чаусский, Чериковский районы Могилевской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В соответствии с задачей исследования для выявления мнения о межстоличном ЭГП как факторе социально-экономического развития белорусско-российского приграничья нами был выбран метод экспертного опроса [15] и была разработана анкета экспертного опроса, предназначенная для выявления особенностей влияния межстоличного и приграничного положения на социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья. Анкета включила 34 вопроса, которые раскрывают мнение экспертов о следующих аспектах развития межстоличных регионов российско-белорусского приграничья:

- выявление влияния столиц (г. Минска и г. Москвы) и приграничного положения с Российской Федерацией;
- миграционная мобильность населения;
- демографическое развитие межстоличных регионов;
- состояние бизнес-среды и розничной торговли;
- развитие внешней и трансграничной торговли;
- транспортная связность и развитие общественного транспорта;
- вовлеченность в трансграничные туристские связи.

В качестве экспертов выступили сотрудники отделов экономики и идеологии межстоличных райисполкомов белорусско-российских приграничных областей Витебской и Могилевской. Временные рамки опроса включили период с 15 по 28 февраля 2021 г.

Социальный портрет экспертов-респондентов оказался следующим. Абсолютным большинством опрошенных оказались женщины (93,3 % от общего количества) преимущественно в возрасте от 30 до 45 лет (66,7%) со стажем работы на руководящей должности более 10 лет (53,3%). В опросе приняли участие представители всех исследуемых категорий административных районов: приграничных между Беларусью и Россией (53,3%), расположенных на межстоличной оси Минск–Москва (26,7%) и приграничных между Беларусью и Россией, которые расположены на межстоличной оси Минск–Москва (20%), что с учетом общей численности экспертов подтверждает репрезентативность исследования и полученных в его рамках результатов (рис. 1).

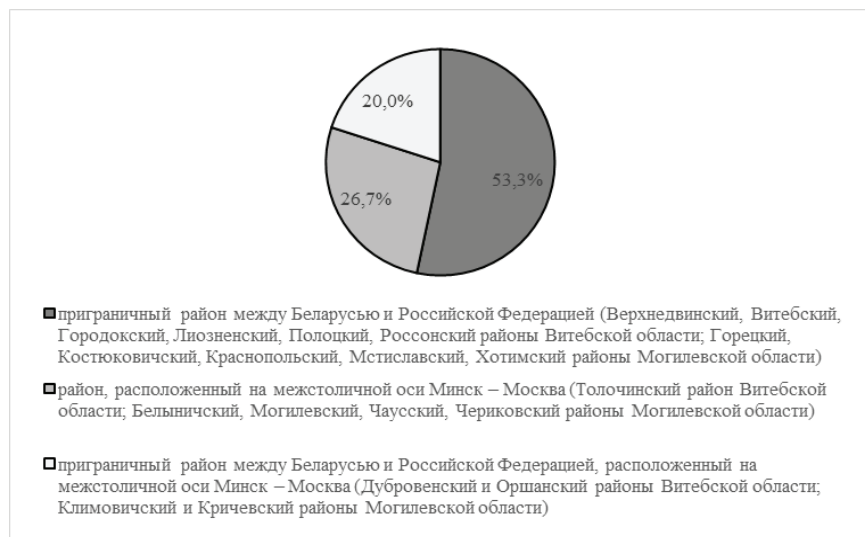

Рис. 1. Распределение экспертов, участвующих в опросе, по категориям белорусско-российских приграничных районов.

Результаты проведенного экспертного опроса показали следующие результаты. Большинство экспертов сходятся во мнении о благоприятности влияния межстоличного и приграничного экономико-географического положения на социально-экономическое развитие расположенных там регионов (60 % и 66,7 % соответственно). При этом отмечается негативное влияние удаленности исследуемых регионов от столицы Беларуси – г. Минска (66,7 %). Также большинство экспертов высказало мнение о том, что влияние столицы Российской Федерации – г. Москвы – на социально-экономическое развитие межстоличных регионов белорусско-российского приграничья не прослеживается (66,7 %).

Во всех исследуемых регионах наблюдаются устойчивые потоки трудовой миграции из Беларуси в Россию, при этом у экспертов из всех районов имеются примеры переезда трудовых мигрантов на постоянное место жительства по месту работы. Стоит отметить, что большинство экспертов (66,7 %) подтвердили присутствие на рынке труда своих административных районов граждан Российской Федерации, а также факты переезда граждан Российской Федерации на постоянное место жительства в Беларусь (60 %). Основными причинами выезда белорусских граждан на работу в Российскую Федерацию были отмечены более высокие зарплаты (93,3 % опрошенных) и отсутствие соответствующей вакансии по месту жительства (40,0 %) (рис. 2).

В качестве основных мер по борьбе с трудовой эмиграцией в Российскую Федерацию экспертами рассматривается необходимость создания новых предприятий малого бизнеса (73,3 % опрошенных) и увеличения заработной платы, прежде всего в реальном секторе экономики (66,7 % опрошенных).

Межстоличные регионы белорусско-российского приграничья благодаря своему экономико-географическому положению должны быть полюсами притяжения для бизнеса, особенно, в условиях законодательно закрепленных льгот для субъектов хозяйствования в ряде районов. Фактор приграничности создает предпосылки для выхода на рынки сбыта в соседние страны.

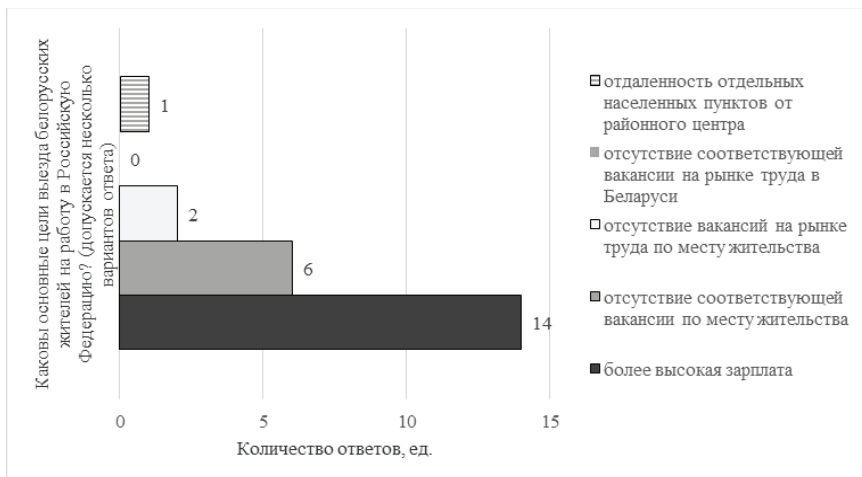

Рис. 2. Основные цели выезда белорусских жителей на работу в Российскую Федерацию (результаты экспертного опроса).

В отдельных районах белорусско-российского приграничья на данный момент функционируют промышленные организации совместной (белорусско-российской) и иностранной (российской) форм собственности, что отметили 46,7% опрошенных. 40% экспертов высказались об отсутствии организаций подобного рода, а еще 13,3% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. Из других форм присутствия бизнеса в административных районах 93,3% экспертов отметили наличие объектов столичных торговых сетей в сфере розничной торговли товарами (в т.ч. объектов сетевой торговли), а 66,7% обратили внимание на осуществление российскими компаниями транзита продукции через территорию района. 46,7% респондентов отметили наличие на территории своих административных районов в розничной торговле объектов, принадлежащим российскому бизнесу.

В розничных торговых объектах регионов белорусско-российского приграничья отмечается более высокая доля товаров российского производства. 53,3% экспертов обратили внимание на активную торговлю российскими товарами на местных рынках. Среди российских товаров, реализуемых в розничной

торговле, наиболее представлены рыба и морепродукты (отметили 73,3 % экспертов), чай, кофе и другие тонизирующие напитки (40 %), мука, крупы и макаронные изделия (33,3 %), кондитерские изделия (33,3 %) (рис. 3).

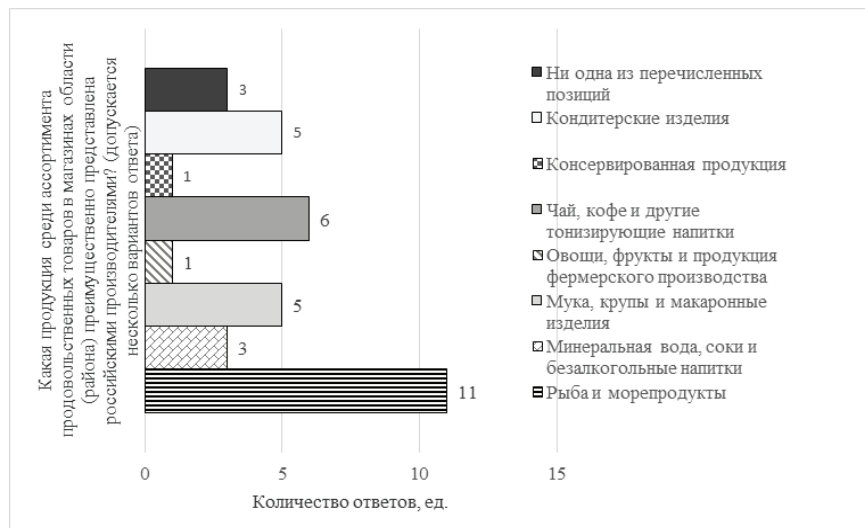

Рис. 3.. Продукция российских производителей среди ассортимента продовольственных товаров, наиболее представленная в магазинах белорусско-российских приграничных областей (районов) (результаты экспертного опроса).

Абсолютное большинство экспертов отметило осуществление внешней торговли товарами и услугами административных районов с Российской Федерацией (86,7 %). Сопутствует этому, в первую очередь, приграничное положение рассматриваемых районов и отсутствие таможенно-тарифных ограничений. Данный факт отметили 53,3 % респондентов (рис. 4). К негативным факторам, которые сдерживают развитие внешней торговли рассматриваемых районов с Российской Федерацией, эксперты отнесли отсутствие крупных промышленных производств (33,3 %), периферийное положение по отношению к оси Минск–Москва (26,7 %) и удаленность от областного центра или крупного города (свыше 100 тыс. чел.) (26,7 %) (рис. 5).

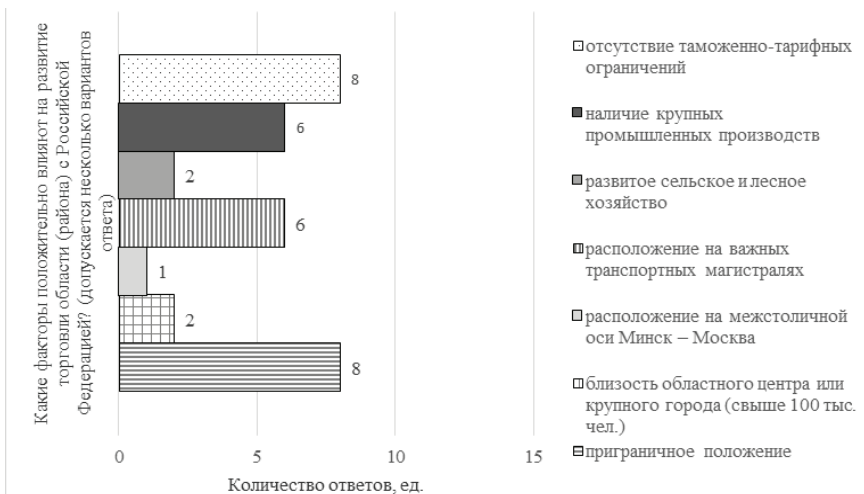

Рис. 4. Факторы, которые положительно влияют на развитие торговли области (района) с Российской Федерацией (результаты экспертного опроса).

Рис. 5. Факторы, которые негативно влияют на развитие торговли области (района) с Российской Федерацией (результаты экспертного опроса).

Большинство опрошенных (73,3 %) считает, что создание Таможенного союза, Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза преимущественно положительно повлияло на развитие торговли рассматриваемых районов с Российской Федерацией. Кроме этого, 13,3 % экспертов не увидели положительного влияния процессов экономической интеграции с Россией на развитие внешней торговли административного района. И лишь один респондент отметил положительное влияние на внешнюю торговлю с Россией создание Союзного государства.

Наличие трансграничной мобильности населения Беларуси и России подтверждается мнением экспертов. 86,7 % из них отметили поездки жителей района за покупками в Российскую Федерацию, 66,7 % обратили внимание на приезд российских граждан за покупками на территорию их района. В структуре спроса белорусских граждан во время шоппинга в России эксперты определили доминирование бытовых приборов и электроники (53,3 %), продовольственных товаров (33,3 %), одежды и обуви (13,3 %). Удивительно, но ни один эксперт не отметил поездки за автомобильным топливом с учетом более низкой розничной цены на него в Российской Федерации. Граждане России покупают в Беларуси продовольственные товары (66,7 %), одежду и обувь (13,3 %).

Степень удовлетворенности уровнем развития транспортного сообщения варьируется в зависимости от направления: транспортные связи с административным центром района/области удовлетворяют 100 % экспертов; сообщением с городом Минском и с приграничными регионами – 53,3 %; с городом Москва – 60 %. При этом абсолютное большинство экспертов (93,3 %) отмечают доминирование личного автотранспорта для поездок в Российскую Федерацию.

Эксперты отмечают несопоставимость туристских потоков между регионами белорусско-российского приграничья. Лишь 13,3 % экспертов отметили выезд белорусских граждан в Россию с туристско-рекреационными целями. При этом 86,7 % опрошенных наблюдали приезд российских граждан на территорию их административных районов. Среди целей прибытия

российских туристов в рассматриваемые районы выделяются посещение родственников (33,3%), а также оказание медицинских услуги и оздоровление (26,7%). Лишь 13,3% экспертов отметили среди целей знакомство с объектами историко-культурного наследия, что во многом обусловлено их недостаточным количеством на рассматриваемых территориях или низкой культурной значимостью.

В результате экспертного опроса, посвященного оценке географических особенностей развития межстоличных районов российско-белорусского приграничья, в котором приняли участие представители облисполкомов и отделов экономики райисполкомов, было установлено, что межстоличное и приграничное ЭГП оказывает благоприятное влияние на социально-экономическое развитие регионов. Удаленность исследуемых регионов от столицы Беларуси оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие исследуемой категории регионов. Влияние столицы Российской Федерации на социально-экономическое развитие межстоличных регионов белорусско-российского приграничья экспертами не отмечено.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Председателям и Заместителям председателей областных исполнительных комитетов Витебской и Могилевской областей, а также сотрудникам отделов экономики и идеологии межстоличных райисполкомов белорусско-российских приграничных районов за организацию и участие в экспертном опросе.

Исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ-РФФИ (договор № Г20Р-028) «Межстоличье как фактор социально-экономического развития российско-белорусского приграничья».

Список источников и литературы

1. Масленников, Е. В. Метод интеграции концепций экспертов в социологическом исследовании (Выявление, оценка и обобщение эмпирического знания) / Е. В. Масленников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 88 с.

2. Эйтингон, В.Н. Методы организации экспертизы и обработки экспертных оценок в менеджменте: учеб.–метод. пособие / В.Н. Эйтингон, М.А. Кравец, Н.П. Панкратова.–Воронеж: ВГУ, 2004.– 44 с.
3. Кошевой, О.С. Организация экспертного опроса с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления / О.С. Кошевой, Е.С. Голосова, Ш.Г. Сеидов // Изв. высших учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки.– 2012.– № 1 (21).– С. 98–107.
4. Андрианова, Н.А. Структура и технологии формирования имиджа Краснодарского края (по материалам экспертного опроса) / Н.А. Андрианова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2008. – № 2. – С. 155–161.
5. Белановский, С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования / С.А. Белановский // Социология: 4М. – 1991. – № 2. – С. 5–19.

INTER-METROPOLITAN EGP AS A FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDERLAND

Antipova E.A.¹, Chavel a.N.¹, Zaprudskiy I.I.¹

¹ Belarusian State University,
Minsk, Belarus

Expert survey conducted among representatives of vitebsk and Mogilev regional executive committees and departments of economy of district executive committees of the Belarusian borderland, showed that the inter-stol economic and geographical position has a favorable impact on the socio-economic development of border regions (60% and 66.7% of responses, respectively). At the same time, the negative impact of the remoteness of the studied regions from the capital of Belarus—Minsk (66.7%) and the lack of influence of the capital of the Russian Federation—Moscow are noted.—on the socio-economic development of the inter-metropolitan regions of the Belarusian-Russian borderland (66.7%). According to experts, the factor of borderline creates prerequisites for entering sales markets in neighboring countries, along with the fact that the inter-metropolitan areas of the Belarusian-Russian borderland, due to their economic and geographical position, should be poles of attraction for business, especially in the conditions of legally enshrined benefits for business entities..

Key words: inter-capital, Belarusian-Russian borderland, expert survey, inter-capital EGP, influence of capitals, socio-economic development, demography.

СЖАТИЕ РУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО И ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Манаков А. Г.¹

¹ Псковский государственный университет,
Псков, Россия

Распад Советского Союза спровоцировал радикальные сдвиги в этнической структуре населения большинства молодых государств. Наиболее очевидным трендом этнической трансформации постсоветского пространства в настоящее время является стремительное сокращение численности и доли русского населения в бывших советских республиках. Вместе с тем, происходит «сжатие» русского языкового пространства, вызванное уменьшением в странах ближнего зарубежья числа и удельного веса тех людей, которые свободно владеют русским языком и используют его в различных сферах деятельности. Фактор наличия русского населения в странах ближнего зарубежья является не менее значимым для сохранения в них весомой роли русского языка, чем даже статус русского языка, который имеет конъюнктурный характер и зачастую опять же зависит от доли проживающего в этих странах русскоязычного населения. Многие демографы видят в русском населении, проживающем за пределами России, демографический ресурс, позволяющий решать проблему нехватки трудовых ресурсов в стране, и рассматривают возвращение соотечественников на историческую родину как исключительно позитивное явление. Однако обозначенные процессы имеют неблагоприятные последствия с точки зрения перспектив реализации ряда интеграционных проектов на евразийском пространстве, ограничивая возможности использования русского языка в качестве «мягкой силы», что может стать фактором торможения интеграционных процессов, инициируемых и возглавляемых Российской Федерацией.

Ключевые слова: постсоветские страны, динамика численности, русские, русский язык, мягкая сила, евразийская интеграция.

Результатом распада Советского Союза стала радикальная этническая перестройка на территориях, некогда составлявших единое государство. Наиболее очевидным трендом постсоветской этнической трансформации стало стремительное сокращение численности и доли русского населения в странах ближнего зарубежья. Последствия этнической перестройки постсоветского пространства все в большей степени влияют на политические процессы в регионе и мире.

В. А. Тишков в своем докладе «Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии» в 2008 г. обозначил три основных варианта жизненной стратегии, которые стали следствием распада СССР для русского населения стран ближнего зарубежья: 1) ассимиляция титульной культурой, принятие ее языка; 2) отъезд в Россию; 3) отстаивание равного статуса в новом сообществе [17; 422]. Как он отметил, оптимальным для России является третий вариант, а не первые два. Но парадокс в том, что только первые два варианта сейчас и рассматриваются политиками и специалистами, хотя именно они являются наименее естественными и наиболее труднореализуемыми.

Так, русское население, проживающее в странах ближнего зарубежья, обычно рассматривается как ресурс, который может решить демографические проблемы самой России. Собственно, в этом и заключалась главная прагматическая задача программы «Соотечественники». Однако не просчитываются геополитические последствия массового миграционного оттока русскоязычного населения из бывших советских республик, а именно, постепенную утрату Россией сначала культурного, а затем и политического, влияния в молодых государствах, что может в перспективе все более тормозить интеграционные процессы в пределах постсоветского пространства.

Как отмечают многие исследователи, русское население и русский язык являются инструментом «мягкой силы» России, но его возможности с каждым годом все более сокращаются [9, 15, 18, 19]. О.Б. Молодов отмечает, что русское языковое пространство быстро сужается, что препятствует дальнейшим интеграционным процессам России с государствами Центральной Азии [9; 142–143]. При этом, как замечает Е. А. Худоренко, русский язык способен обеспечить продвижение внешнеполитических интересов Российской Федерации, он может стать надежной цементирующей основой Евразийского экономического союза, а также условием сохранения и упрочения стабильного геополитического положения России [18; 163].

Ранее нами рассматривались вопросы этнической трансформации постсоветского пространства на уровне его раз-

личных регионов: Российской Федерации [8], восточноевропейского [6] и центральноазиатского [20] макрорегионов. В дальнейшем нами было предпринято объединение результатов исследований в пределах всего постсоветского пространства [7]. В данном исследовании затрагиваются вопросы трансформации не только русского этнического, но и языкового пространства в постсоветском мире, являющегося важным фактором сохранения Россией своего культурного и геополитического влияния в странах ближнего зарубежья, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для реализации масштабных интеграционных проектов в Евразии.

Информационная база исследования. Исследование опирается на итоги переписей населения (Всесоюзная перепись 1989 г. [3], Всероссийская перепись 2010 г. [2], переписи населения других стран постсоветского пространства раунда 2009–2011 гг. [10–13; 21]), результаты опросов населения в 2007 г. по владению русским языком в государствах ближнего зарубежья [14], а также экспертные оценки по числу владеющих русским языком [1].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Согласно нашим оценкам, общая численность населения в границах бывшего СССР за первые три десятилетия после его распада выросла с 286 до 288 млн. чел., но при этом произошло значительное перераспределение населения между макрорегионами постсоветского пространства. Наиболее быстрый рост населения наблюдался в государствах Центральной Азии, а также в Азербайджане, в то же время происходило сокращение населения в других республиках Закавказья, в Российской Федерации и восточноевропейских странах СНГ и Балтии (рис. 1).

На этом фоне произошло значительное уменьшение численности (со 145 до 125 млн. чел.) и доли (с 50,8 до 43,3 %) русского населения. Наиболее катастрофическим сокращение численности русских было в центральноазиатском и закавказском макрорегионах. Важнейшим фактором отмеченного процесса был миграционный отток русских из стран ближнего зарубежья, а в некоторых из них, особенно на Украине и в Республике Беларусь, еще более значимым фактором стала смена

этнического самосознания русских (точнее, части билингвов или биэтнофоров, ранее называвших себя русскими) в пользу титульных этносов. Третьим, несколько менее значимым, фактором была естественная убыль русского населения [16].

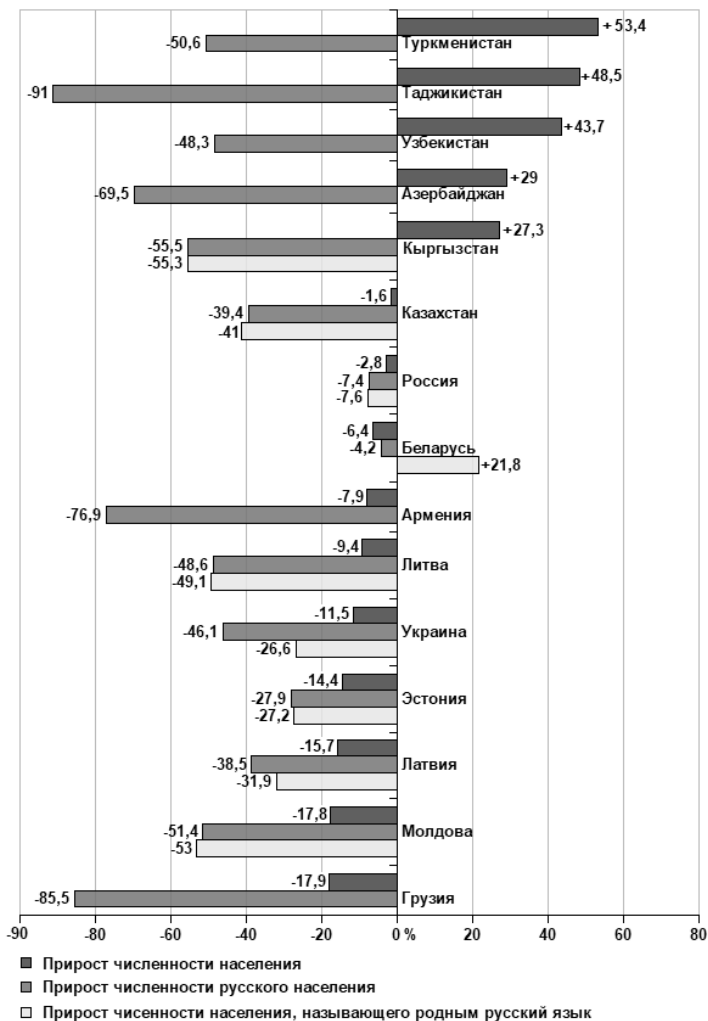

Рис. 1 Прирост с 1989 по 2010 гг. численности всего населения, русских и людей, называющих родным русский язык (оценка) в странах постсоветского пространства (в границах на момент распада СССР),%

Почти в той же пропорции, что и уменьшение русского населения, сокращалась и численность русскоязычных (т.е. называющих русский язык родным) жителей стран постсоветского пространства. По нашим оценкам, с 1989 по 2010 гг. русскоговорящее население сократилось со 164 до 142 млн. чел., или с 57 до 49 % от общей численности жителей постсоветских стран. Единственной страной постсоветского пространства, где в этот период выросла доля тех, кто называет русский язык родным, стала Республика Беларусь (см. рис.). Этому способствовало придание русскому языку в 1995 г. статуса второго государственного языка республики.

Что же касается владения русским языком в странах ближнего зарубежья, то и здесь в постсоветский период происходили схожие процессы. Данная нами ниже оценка опирается на результаты переписей населения стран постсоветского пространства, а также на экспертные данные по итогам социологических исследований. Так, согласно нашим расчетам, в период с 1989 по 2010 гг. сокращение численности населения постсоветских стран, свободно владеющего русским языком, составила 30 млн. чел. (с 232 до 202 млн. чел.).

Но, если следовать данным переписей населения 2009 г. в Казахстане и Республике Беларусь, то в этих странах даже обозначился рост доли населения, свободно владеющего русским языком, по сравнению с советским периодом. А по итогам переписей населения Кыргызстана (2009 г.) и Таджикистана (2010 г.) можно говорить об абсолютном росте в них людей, свободно владеющих русским языком (хотя их доля во всем населении, по причине взрывного роста последнего, все же снизилась). Сразу же нужно отметить, что в названных государствах русский язык имеет достаточно высокий статус (государственного языка – в Республике Беларусь, официального языка – в Казахстане и Кыргызстане, языка межнационального общения – в Таджикистане), в остальных же странах статус русского языка не определен, или он объявлен иностранным.

При этом существуют заметные различия между результатами переписей населения постсоветских государств и итогами социологических исследований по вопросам владения

русским языком. Если же следовать итогам социологических опросов, обозначенные данные переписей населения выглядят несколько завышенными. В частности, на результатах переписей населения сказывается формулировка вопроса о владении русским языком, который чаще всего задает более низкий уровень владения языком на фоне последней советской переписи, где выявлялось именно свободное владение русским языком. Имеется и ряд других причин, по которым иногда лучше доверять итогам социологических исследований, а не переписей населения.

Так, если следовать итогам переписей населения, три титульных народа государств ближнего зарубежья сумели повысить уровень владения русским языком в постсоветский период. Это белорусы, казахи и киргизы. Но вот социологические опросы не смогли подтвердить такую позитивную динамику. В целом же результаты социологических исследований показывают, что уровень владения русским языком титульными народами большинства стран ближнего зарубежья заметно, а иногда и катастрофически, снижается. Это вполне можно объяснить языковой политикой целого ряда государств ближнего зарубежья, но не менее значимым является еще и рассмотренный ниже фактор.

Анализ распределения титульного населения двух крупных государств ближнего зарубежья (Украины по переписи 2001 г. [4] и Казахстана по переписи 2009 г. [13]), свободно владеющего русским языком, проведенный нами на уровне регионов этих государств, привел к достаточно интересным выводам. Была обнаружена прямая зависимость доли украинцев и казахов, свободно владеющих русским языком, от доли проживающего в этих регионах русского (или русскоязычного в Казахстане) населения. Таким образом, фактор наличия русского населения в странах ближнего зарубежья является даже более значимым для сохранения в них высокой роли русского языка, чем собственно статус русского языка в них, который имеет конъюнктурный характер и зачастую также зависит от доли проживающего в этих странах русскоязычного населения.

Как свидетельствуют результаты нашего исследования,

на протяжении всего постсоветского периода русский язык неуклонно утрачивал свои позиции в странах ближнего зарубежья. А. Л. Арефьев отмечает, что и «в ближайшие годы эта негативная тенденция сохранится, если не будут приняты соответствующие меры по более эффективной поддержке русского языка и культуры внутри страны и за рубежом» [1; 24]. Вместе с сужением русского языкового пространства происходит сокращение возможностей его использования как «мягкой силы» при реализации интеграционных проектов, что, вместе с тем, ограничивает рычаги геополитического влияния России в постсоветском мире. Особенно это становится актуальным в последние годы в связи с разворачиванием научного дискурса о «Большой Евразии», «большом Евразийском партнерстве» [5; 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Результаты исследования свидетельствуют о значительном сужении русского этнического и языкового пространства в постсоветский период. При этом, развернувшиеся после распада СССР этнодемографические и языковые процессы в странах ближнего зарубежья имеют целый ряд негативных последствий для России, ограничивая возможности использования русского языка в качестве «мягкой силы» в ходе реализации ряда интеграционных проектов на евразийском пространстве. Последнее сокращает возможности геополитического влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве и создает неблагоприятные условия для реализации масштабных интеграционных проектов в Евразии, вплоть до торможения или даже невозможности реализации некоторых из них.

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–05–00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Список источников и литературы

1. Арефьев А. Л. Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly, Россия, № 571–572, 2013. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf>

2. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Россия. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php
4. Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство, Украина. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/
5. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа): монография. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, Россия, 268 с., 2020.
6. Манаков А. Г. Географический анализ динамики русского населения в республиках Прибалтики, Белоруссии, Украине и Молдавии во второй половине XX в. // Псковский регионологический журнал, Россия, № 2 (38), с. 3–14, 2019.
7. Манаков А. Г., Данилкина Н. В. Основные тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве // Псковский регионологический журнал, Россия, № 1 (45), с. 21–36, 2021.
8. Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, Россия, 208 с., 2018.
9. Молодов О. Б. Интеграция России и государств Центральной Азии: лингвистический аспект // Дневник Алтайской школы политических исследований, Россия, № 31, с. 139–143, 2015.
10. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Книга I. Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, Кыргызстан, 54 с., 2009.
11. Перепись населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 года. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Том III. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Таджикистан, 537 с., 2012.
12. Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку и источникам средств к существованию. Бюллетень. http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/bul_public.rar
13. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова. Астана, Казах-

- стан, 112 с., 2010.
14. Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространенности. Аналитический отчет по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН), Россия, 2009. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf>
  15. Стрельцова Я. Р. Потенциал русского языка как средство интеграции на евразийском пространстве // Информационные войны, Россия, № 2 (30), с. 81–87, 2014.
  16. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение, Россия, Том 7, № 2, с. 6–30, 2020.
  17. Тишков В. А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник Российской академии наук, Россия, Том 78, № 5, с. 415–422, 2008.
  18. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука, Россия, № 2, с. 163–182, 2020.
  19. Шульга Е. П. Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // Вопросы политологии, Россия, том 8, № 6 (34), с. 54–60, 2018.
  20. Manakov A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // Regional Research of Russia, Vol. 10, No. 4, p. 584–592, 2020.
  21. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org/>

THE COMPRESSION OF THE RUSSIAN ETHNIC AND LINGUISTIC SPACE IN THE POST-SOVIET PERIOD AS A GEOPOLITICAL PROBLEM

Manakov A. G.¹

¹Pskov State University,
Pskov, Russia

The collapse of the Soviet Union provoked radical shifts in the ethnic structure of the population of most young states. The most obvious trend of ethnic transformation of the post-Soviet space at present is the rapid decline in the number and share of the Russian population in the former Soviet republics. There is a “compression” of the Russian language space, caused by a decrease in the number and proportion of those people in the countries of the near abroad who are fluent in Russian and use it in various fields of activity. The factor of the Russian population in the countries of the near abroad is no less significant for the preservation of the significant role of the Russian language in them.. The status of the Russian language, which has an opportunistic character and often again depends on the share of the Russian-speaking population living in these coun-

tries. Many demographers see Russian population living outside Russia as a demographic resource., allows to solve the problem of lack of labor resources in the country, and consider the return of compatriots to their historical homeland as an exclusively positive phenomenon. However, these processes have adverse consequences from the point of view of the prospects for the implementation of a number of integration projects in the Eurasian space, limiting the possibility of using the Russian language as a “soft power”, which can become a factor in inhibiting the integration processes initiated and led by the Russian Federation.

Key words: post-Soviet countries, population dynamics, Russian, Russian language, soft power, Eurasian integration.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Аннаева Е. А.¹

¹ Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия

Статья содержит географический анализ Концепции о правовом статусе Каспийского моря (2018 г.). Также в статью включен контент-анализ электронной библиотеки eLIBRARY, позволяющий оценить степень изученности рассматриваемой темы и формирование интереса разных научных областей по вопросу проведения границ в Каспийском регионе. Подчеркивается незавершенность процесса делимитации государственных границ в Каспийском регионе (проводимых, в первую очередь, по водным рубежам). В качестве основных географических факторов автор рассматривает: природные свойства Каспийского моря, как географического объекта, значительные запасы природных ресурсов (углеводородные сырье и биоресурсы), а также географическое положение, которое с одной стороны определяется транзитностью, а с другой континентальностью Казахстана, Туркменистана и Азербайджана. В ходе исследования установлена четкая связь между каждым географическим фактором и правовой нормой, содержащейся в «Конвенции...». Отмечается, что перечисленные географические факторы формируют интерес к Каспийскому морю не только у прибрежных, но и у таких внерегиональных стран, как США и страны ЕС, что еще больше подталкивает прикаспийские государства к четкому определению правовых норм использования водоема.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, государственная граница, Каспийское море, Россия.

Каспийское море – самый крупный внутриматериковый водоем на Земле, международный статус которого после рас-

пада СССР продолжает оставаться определенным не полностью, даже после подписания «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 2018 г.» [11]. Оно, по-прежнему, остается предметом спора между пятью прибрежными государствами Прикаспийского региона (Казахстан–40 % протяженности береговой линии Каспийского моря, Туркменистан–21 %, Азербайджан–16 %, Россия (11 %), Иран–15 %, соответственно [2]). Каждая из перечисленных стран имеет свою позицию в решении данного вопроса и преследует целый ряд политических и экономических интересов. Какую роль играют географические особенности рассматриваемого региона в формировании его международного статуса, является основной задачей данного исследования.

Это особенно важно, т.к. основная масса изысканий по заявленной теме выполнена преимущественно представителями политологии, экономики, истории. Географических работ крайне мало. Об этом свидетельствует контент-анализ (табл. 1) одной из самых открытых и относительно полных библиографических баз данных России–научной электронной библиотеки eLIBRARY, проведенный автором. Поиск производился по словосочетанию «Международная политика в Каспийском регионе» с учетом названия публикаций, аннотаций к ним, ключевых слов (не учитывались упоминание данного термина в полном тексте публикаций и списках цитируемой литературы) в трех типах публикаций: диссертациях, книгах и статьях в журналах (не анализировались: материалы конференций, отчеты, патенты и депонированные рукописи).

В результате, было выявлено 84 публикации на заявленную тему, из которых 42 % относятся к научной области «политология», 29 %–«экономика», 25 %–«история», и только 4 %–«география». Необходимо отметить, что автор каждой публикации, размещенной в данной библиотеке, может заявить ее принадлежность одновременно к нескольким научным областям.

Из всех рассмотренных работ, наиболее важными и близкими к теме исследования оказались исследования следующих категорий. Во-первых, это изыскания истории определения государственных границ на Каспии (статьи Л. С. Рубан

[10] и др.). Во-вторых, это исследования роли Каспия в экономическом развитии прибрежных территорий (статьи В. Катона [4], Д.М. Мурзагалиева [6] и др.). В-третьих, это работы, рассматривающие проблему проведения государственных границ в регионе с учетом национального и международного права (Р Мамедов [5], Е.И. Пивовар [7], и др.). В-четвертых, это изыскания геополитического характера, рассматривающие Каспийское море как объект мировой и региональной политики (работы С.С. Жильцова, И.С. Зонна, А.М. Ушкова [2]), Е.Б. Завьялова [3], Т.И. Потоцкой [8],[9] и др.).

Таблица 1

Научная принадлежность диссертаций, книг, статей, содержащихся в базе данных eLIBRARY по теме «Международная политика в Каспийском регионе»

Научные области	Кол-во публикаций							
	Общее количество публикация по научным областям, шт.	Доля,%	Диссертации		Книги		Статьи	
			шт.	доля,%	шт.	%	шт.	%
Политология	54	42	-	-	7	5	47	36
Экономика	38	29	-	-	3	2	35	27
История	32	25	-	-	5	4	27	21
География	5	4	-	-	-	-	5	4
Философия	1	1	-	-	1	1	-	-

Составлено и рассчитано автором по eLIBRARY

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В силу того, что, как уже неоднократно отмечалось [1], общепризнанного ответа на вопрос к какой категории географических объектов (море или озеро) относится Каспийское море, не существует, возник и вопрос, какие международные нормы к нему следует применять (морские или озерные) при проведении государственной границы. Оставляя за рамками данного исследования историю этого вопроса, т.к. это было уже сделано во многих научных

работах, остановимся на фиксации современных норм международного права, использованных при определении государственных границ в соответствии с «Конвенцией... 2018 г.». Согласно данному документу, у Каспийского моря особый правовой статус, что позволяет применять к нему международные правовые нормы и моря, и озера [8]: выделение «внутренних вод» (как море–аналог внутренних морских вод); выделение «территориальных вод» (как море–аналог территориального моря)–15 миль; выделение «рыболовных зон» (как море–относительный аналог исключительной экономической зоны)–10 миль; выделение «общего водного пространства» (как озеро); выделение «секторов» дна (как озеро).

Таким образом, можно сказать, что *первый географический фактор*, повлиявший на проведение государственных границ на Каспии–признание его принадлежности к определенному типу географического объекта–море / озера.

В качестве *второго географического фактора* выступает значительный природно-ресурсный потенциал Каспия, который влияет прежде всего на характер отношений между странами и, как следствие, на перечень прав, которыми государства могут пользоваться при добыче ресурсов. Стоит отметить, что Каспийский регион обладает существенными запасами углеводородного сырья (нефти и газа). Основная часть энергоресурсов концентрируется в национальном секторе дна Казахстана (группы месторождений Кашаган, Каламкас-море, Блок Н и др.), Азербайджана (группы месторождений Азери-Шираг-Гюнешли, Мелководный Гюнешли, Апшерон, Шах-Дениз, Булла-Дениз, Умид и др.), Туркменистана (группы месторождений Блок-1, Блок Челекен и др.). Наименьшая ресурсная база у России (группы месторождений им. Владимира Филановского, им. Юрия Корчагина, Сарматское, Ракушечное и др.) и Ирана [4], [6].

«Конвенция...» не дает ответа на вопрос, связанный с делением дна, предполагая, что все спорные вопросы страны смогут решить путем переговоров. Такие договоренности уже действуют между Россией и Азербайджаном, Казахстаном; между Казахстаном и Туркменистаном. Однако между

Азербайджаном и Туркменистаном Азербайджаном и Ираном, Ираном и Туркменистаном, договоренности отсутствуют, т.к каждая страна обладает своим видением правильности проведения границ своих секторов (табл. 2).

Таблица 2

Позиции стран в разграничении дна водоема и территориальной принадлежности месторождения на морском шельфе. Составлено автором по [3].

Прибрежные государства	Позиции прибрежных государств в разграничении территории Каспия
Казахстан	Раздел дна и недр Каспийского моря на национальные секторы по принципу срединной линии, а также установление территориального моря, рыболовных зон согласованной ширины и общее водное пространство.
Иран	Сохранение Каспийского моря в общем пользовании по принципу кондоминиума, допуская при этом создание пяти равных секторов по 20 % каждому прибрежному государству.
Азербайджан	Раздел дна и недр Каспийского моря на национальные секторы по принципу срединной линии Азербайджан выступает за ее проведение по принципу от равноудаленных точек от противоположных берегов. Таким образом, отсчет срединной линии ведется от Апшеронского полуострова.
Туркмения	Проведение границ Каспия по методу срединной линии. Туркменистан предлагает проведение линии посередине широтных линий без учета изгиба береговой линии на Апшеронском полуострове.
Иран	Сохранение Каспийского моря в общем пользовании по принципу кондоминиума, допуская при этом создание пяти равных секторов по 20 % каждому прибрежному государству. Категорическое выступление против заключения двусторонних соглашений по Каспию.
Россия	Разграничение недр и шельфа Каспийского моря без раздела его акватории, поскольку это потребует коренного пересмотра сложившегося режима хозяйственного использования водоема.

Так, Азербайджан и Туркменистан выступают за разделение дна Каспия по принципу так называемой срединной линии. Азербайджан выступает за ее проведение по принципу от равноудаленных точек от противоположных берегов. Таким образом, отсчет срединной линии ведется от Апшеронского полуострова. Туркменистан предлагает проведение линии посередине широтных линий без учета изгиба береговой линии на Апшеронском полуострове. Несмотря на то, что оба государства выступают за разделения Каспия по принципу сре-

динной линии, использование разных методик не позволяет до конца решить этот вопрос, и это приводит к спорам о территориальной принадлежности и возможности эксплуатации нефтяного месторождения Сердар-Кяпаз.

Аналогичные проблемы возникают в отношениях между Азербайджаном и Ираном, имеющих разное видение границ своих национальных секторов дна. Как уже отмечалось, Азербайджан проводит его границы на основе принципа срединной линии, Иран настаивает на разделении дна равными долями. Первый вариант обеспечивает Ирану только 14% дна Каспия, в то время как второй вариант дает возможность получить 20% [2, 4]. Для решения спорных ситуаций, касаемых геологоразведочных работ и эксплуатации нефтяных месторождений Араз-Алов-Шарг и Сардар Джангал необходимо, чтобы в «Конвенции...» была четко закреплена методика проведения границ.

Говоря о природных ресурсах Каспия необходимо также упомянуть о водных биоресурсах (рыба, моллюски, ракообразные, млекопитающие и другие виды водных животных и растений). При разработке «Конвенции...», было учтено, что государства будут иметь исключительное право регулировать, разрешать и проводить морские научные исследования в своих территориальных водах, в своей рыболовной зоне, связанные с водными биологическими ресурсами и с разведкой и разработкой ресурсов дна и недр.

В качестве *третьего фактора* обозначим географическое положение Каспия и прикаспийских стран, которое формируется несколькими характеристиками. С одной стороны, континентальность таких прибрежных стран, как Казахстан, Туркменистан и Азербайджан, связанная с отсутствием выхода к Мировому океану объясняет их зависимость от своих соседей в своей внешнеэкономической деятельности. Они вынуждены использовать территорию соседних стран (России, Ирана, из внерегиональных – Турции, которые в свою очередь имеют выход в Мировому океану) для решения данной проблемы. С другой стороны, это транзитность самого Каспийского моря, расположенного на стыке Центральноазиатского региона, богатого углеводородным сырьем (не только каспийского

происхождения), Европой (выступающей одним из основных потребителей энергоресурсов в мире) и Ближнего Востока, военно-политические проблемы которого влияют на реализацию многих экономических, в первую очередь, транспортных проектов в прикаспийских странах и, как следствие, на характер отношений между ними. Другими словами, особенности географического положения рассматриваемого региона влияют на правовые аспекты использования Каспия при прокладке транспортных путей.

Сегодня основные транспортные направления, которые осуществляются через Каспий—это маршруты транспортировки углеводородного сырья на основе использования танкеров [12]: поступление энергоресурсов из Актау (Казахстан), Туркменбаши (Туркменистан), Баку (Азербайджан) в порт Махачкала (Россия) с последующей транспортировкой по нефтепроводу до порта Новороссийск (Черное море); поступление нефти из Актау (Казахстан) в порт Баку с последующей транспортировкой по нефтепроводам: Баку (Азербайджан)—Тбилиси (Грузия)—Супса (Грузия) (Черное море) и Баку (Азербайджан)—Тбилиси (Грузия)—Джейхан (Турция) (Средиземное море).

При этом перспективное увеличение объемов транспортировки энергоресурсов (после ввода в эксплуатацию всех каспийских месторождений) подталкивает страны к строительству транскаспийских трубопроводов, что активно поддерживается странами ЕС, являющимися основными потребителями каспийских углеводородов. Реализация этой идеи может привести к перераспределению потоков нефти и газа, идущих из стран Центральной Азии (прежде всего из Казахстана и Туркменистана) в Европу через Россию [9]. Вследствие этого, Россия традиционно выступала против строительства транскаспийских трубопроводов, аргументируя свою позицию вопросами экологической безопасности, соблюдение которой затруднительно в условиях закрытого водоема. Данный аспект был учтен при определении современного правового статуса Каспия, утверждением, что прокладывание трубопроводов, кабелей, строительство добывающих платформ, создание ис-

кусственных островов в своем секторе—дело исключительно сопредельных и противолежащих стран. Только они могут определять маршруты прокладываемых через их сектора трубопроводов. Однако для этого требуется экологическое одобрение всех прикаспийских стран [11].

В качестве вывода стоит отметить, что определение современного правового статуса Каспийского моря базируется на ряде географических факторов. Наиболее важные среди них: природные свойства (море / озеро); значительные запасы природных ресурсов (углеводородные сырье и биоресурсы); географическое положение Каспия (транзитность); географическое положение (континентальность) ряда прикаспийских стран (Казахстана, Туркменистана и Азербайджана). Более того, существует прямая связь между каждым географическим фактором и правовой нормой, содержащейся в «Конвенции...».

Список источников и литературы

1. Аннаева Е. А. География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов: материалы VIII Всеросс. научно-практ. конф. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – 101 с.
2. Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003. – 280 с.
3. Завьялова Е. Б. Каспийская мечта и геополитическая реальность // Экономика и управление: проблемы и решения. 2017, No5 Том 1. – С. 41–48.
4. Катона В. Нефть и газ Каспийского моря: между Европой и Азией: Рабочая тетрадь 39/2017; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. – 68 с.
5. Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра (вопросы теории и практики) // Центральная Азия и Кавказ: Общественно-аналитический журнал. 2000, № 2(8).
6. Мурзагалиев Д. М. Каспийское море: разведка и разработка морских месторождений // Геология, география и глобальная энергия. 2017, № 4 (67). С. 20–31.
7. Пивовар Е. И. Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История.
8. Потоцкая Т. И. Географические факторы определения правового ста-

- туса Каспийского моря // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 4. С. 22–35.
9. Потоцкая Т.И. Геополитика России на постсоветском пространстве. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018.– 160 с.
  10. Рубан Л.С. Проблема разграничения каспийского моря. Историко-правовой аспект // Бурение и нефть. 2017, № 5. С. 50–57.
  11. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 12 августа 2018 года // Президент России [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>
  12. Сравнительный анализ ставок портовых сборов в морских портах Каспийского бассейна // Морстройтехнология [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://morproekt.ru/projects/434-sravnitelnyj-analiz-stavok-portovykh-sborov-v-morskikh-portakh-kaspijskogo-bassejna>

GEOGRAPHICAL ASPECTS OF THE STATE BORDERS IN THE CASPIAN REGION

Annaeva E.A.¹

¹Smolensk State University,
Smolensk Russia

The article contains a geographical analysis of the Concept on the Legal Status of the Caspian Sea (2018). The article also includes a content analysis of the electronic library eLIBRARY, which allows to assess the degree of study of the topic under consideration and the formation of interest in various scientific fields on the issue of delineation of borders in the Caspian region. The incompleteness of the process of delimitation of state borders in the Caspian region is emphasized (carried out, first of all, on water boundaries). As the main geographical factors, the author considers: the natural properties of the Caspian Sea as a geographical object, significant reserves of natural resources (hydrocarbon raw materials and bioresources), and geography, which on the one hand is determined by transit, and with the other continentality of Kazakhstan, Turkmenistan and Azerbaijan. The study established a clear link between each geographical factor and the legal norm, contained in the “Convention ...”. It is noted that these geographical factors form interest in the Caspian Sea not only in coastal, but also in such extra-regional countries as the United States and the EU countries., which further pushes the Caspian states to a clear definition of the legal norms for the use of the reservoir.

Keywords: political geography, geopolitics, state border, Caspian Sea, Russia.

АКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА В ПРИБАЛТИКЕ КАК УГРОЗА РОССИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дудников Д. Е.¹

¹ Донецкий Национальный Университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика

В ходе исследования были рассмотрены основные факторы, влияющие на активность НАТО в Прибалтике. При изучении хронологии событий, формирующих в регионе напряженную ситуацию, была выявлена распространенная при подобных конфликтах закономерность, заключающаяся в обоюдном, зеркальном и синхронном увеличении сторонами своего военного присутствия в регионе. В процессе написания статьи были использованы методы контент-анализа, сравнения, синтеза, описательный метод, а также метод историзма. В качестве основных источников информации были выбраны материалы из Интернет-ресурсов, а также СМИ России и Запада. Актуальность исследования обосновывается стратегической привлекательностью Прибалтики как для Российской Федерации, так и для НАТО (в основном – для США), что формирует потенциал для военного конфликта на территориях, находящихся в непосредственной близости от границ Российской Федерации. Статья рассматривает противостояние России и НАТО в регионе с двух сторон: информационной и военной. Информационная борьба, в основном, касается вопросов российской внешней политики и реакции стран Запада на нее, а также вопросов трактовки истории взаимоотношений между государствами. В настоящее время этот вектор взаимоотношений между Российской Федерацией и Североатлантическим Альянсом реализуется через использование СМИ, озвучивание официальных заявлений, а также через спонсирование исследовательских организаций, занимающихся проблемами региона. Противостояние в военном плане не выливается в реальные боевые столкновения, но заключается в почти непрерывном проведении акций, направленных на укрепление военного потенциала, а также на демонстрацию силы обеими сторонами. В перечень подобных акций входит стягивание к границам больших армейских группировок, оснащенных новейшими видами вооружений, а также проведение масштабных учений. В целом, активные действия НАТО по продвижению своих интересов в Прибалтике представляют реальную угрозу российской безопасности, что вынуждает ее ввязываться в долгосрочный и вялотекущий конфликт.

Ключевые слова: Прибалтика, Литва, Латвия, Эстония, НАТО, Российская Федерация.

После выхода из состава СССР Литва, Латвия и Эстония приступили к реализации явной и планомерной полити-

ки, ориентированной на скорое вхождение республик Балтии в состав ЕС и НАТО. Такая политика была обоснована недовольством высших политических кругов пребыванием в СССР, а также цивилизационными различиями с Россией, которую они воспринимали не иначе как соседа, представляющего опасность для суверенитета своих стран. Вступление в НАТО стало одной из основных целей в рамках геополитической и цивилизационной линии поведения, которую кратко можно описать известным в прибалтийском обществе лозунгом: «Назад на Запад!». Безусловно, в качестве альтернативы существовала возможность сохранения нейтралитета между Россией и Западом, однако прибалтийским политикам она казалась весьма невыгодной: проводились аналогии с периодом независимого существования трех республик с 1919 по 1939 гг., итогом которого стало вхождение в состав СССР. Также столь дружественное отношение к США может быть обоснованно тем, что в годы «холодной войны» они не признавали присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к СССР, что весьма привлекало новое поколение антисоветски настроенных политиков Прибалтики.

С другой стороны, у НАТО также был весьма обоснованный интерес в присоединении республик Балтии к Альянсу. Он выражался в желании США укрепить свои позиции в ослабленной после развала СССР Восточной Европе, а три республики Прибалтики выступали в качестве неизменно верных союзников, готовых оказать любую посильную помощь в делах, касающихся укрепления США и НАТО на постсоветском пространстве. Научный сотрудник Центра европейских исследований МГИМО Владислав Воротников считает, что отправной точкой для присоединения Прибалтики к НАТО стал 1996 г. – год избрания в Российской Федерации Бориса Ельцина на второй президентский срок. Это может быть объяснено появлением уверенности у держав Запада об абсолютной невозможности реставрации СССР в качестве серьезного геополитического игрока [1].

Состоявшееся в 2004 г. пятое по счету расширение стало самым крупным за всю историю Альянса. Помимо Литва,

Латвии и Эстонии в состав НАТО были включены Болгария, Румыния, Словакия и Словения. Именно с этого года берет свое начало история противостояния Российской Федерации и НАТО в прибалтийском регионе. Далее, согласно теме статьи, предлагаем подробнее рассмотреть основные векторы современной деятельности НАТО в Прибалтике, а также их влияние на отношения с Россией.

Мы считаем необходимым начать с упоминания информационной борьбы Российской Федерации и НАТО в регионе. В рамках развертывания в Европе сети «Центров передового опыта» в странах Балтии с 2014 г. были открыты следующие центры: NATO Cooperative Cyber Defence COE в Таллине; NATO Energy Security COE в Вильнюсе; NATO StratCom Centre of Excellence в Риге. Все эти центры представляют собой аккредитованные НАТО организации, проводящие исследования в различных областях, и, в основном, направленные в противовес продвижению интересов России в регионе. Публикуемые этими центрами исследования порой имеют явную антироссийскую идеологическую окраску, и, таким образом, являются весьма эффективным инструментом влияния на общественное мнение в Европе и Прибалтике. Например, в журнале Форума по энергетической безопасности, проводимого NATO Energy Security COE, проводится анализ роли энергетики в военных конфликтах нового поколения. При этом в качестве примера используется «Российская гибридная война против Украины» [2]. Особое внимание стоит уделить Центру передового опыта в области стратегических коммуникаций НАТО, расположенному в Риге. В одном из своих интервью заместитель директора Центра Пеэтер Тали характеризует Российскую Федерацию в качестве основной угрозы для стран Балтии в сфере стратегических коммуникаций и информационной безопасности. Российские СМИ и иные коммуникаторы расцениваются как «враждебные» и «пытающиеся повлиять на курс [Прибалтийских] стран», что прекрасно иллюстрирует отношение НАТО к информационной политике России в Литве, Латвии и Эстонии, суть которой всего лишь заключается в попытках защищать ущемленные интересы соотечественников

в регионе, а также сохранить историческую память о Великой Отечественной войне, советском прошлом Прибалтики и других подобных событиях, информация о которых подвергается искажению со стороны НАТО и балтийских правительств [3]. В целом, почти все мероприятия и исследования вышеупомянутых Центров носят явный антироссийский характер, способствуя созданию у северо-западных границ Российской Федерации пояса государств с враждебно-настроенным населением.

Помимо информационного противостояния в регионе наблюдается нарастание военной напряженности, которая характеризуется наличием военного контингента НАТО, а также регулярным проведением учений различных родов войск. С особенной интенсивностью конфронтационные процессы стали протекать с 2014 г., когда Российская Федерация приняла в свой состав Крым. Это событие, а также начало гражданской войны в Украине, в котором страны Запада обвиняют Россию, послужили причиной роста напряженности в отношениях между Российской Федерацией и Североатлантическим Альянсом. Особое значение для региона сыграло наличие в прибалтийских республиках большого количества российских соотечественников. Правительства Литвы, Латвии и Эстонии на официальном уровне, а также через подконтрольные СМИ начали проводить аналогии между Крымским полуостровом и Прибалтикой, утверждая, что большая доля русских в населении республик может спровоцировать военную агрессию России против этих стран. Например, бывший премьер-министр Литвы Андриус Кубилиус утверждал, что опасается возможных провокаций на железной дороге, газопроводе или на транзитных линиях электропередачи, которые Россия могла бы использовать в качестве предлога для агрессивных действий [4]. Несмотря на очевидную беспричинность этого заявления, оно стало весьма показательным примером прибалтийской русофобии. Развитие подобных взглядов на Западе привело к достаточно быстрому росту уровня милитаризации региона. 13 июня 2015 года в СМИ появились новости о переброске из США в страны Прибалтики тяжелых вооружений,

а также 5000 человек личного состава с целью сдерживания «возможной российской агрессии» [5]. Это закономерно спровоцировало интенсификацию российского военного присутствия в приграничных районах и в Калининградской области, и уже 19 июня в НАТО заявили, что считают регион одной из наиболее милитаризованных зон Европы [6].

С тех пор обстановка в регионе продолжает накаляться: при поддержке стран Альянса Литва, Латвия и Эстония вливают все большие средства в развитие военной инфраструктуры, а летом 2016 года на саммите НАТО в Варшаве было принято решение о размещении в Литве, Латвии, Эстонии и Польше четырех международных батальонов НАТО [7]. Таким образом, НАТО четко придерживается заявленной еще в 2014 году Инициативы по обеспечению европейской безопасности («European Reassurance Initiative»), включавшей в себя усиление военного контингента в регионе, проведение совместных учений, а также многие другие мероприятия, направленные на противодействие потенциальной российской угрозе в регионе. Также примечательно, что с годами финансирование этой программы только росло [8]. Эта программа действует по сей день, несмотря на переименование в «European Deterrence Initiative».

На 2020 год было запланировано проведение наиболее масштабных учений за последние 25 лет. «DEFENDER-Europe 20». В рамках учений предполагалась высадка в странах Прибалтики 20000 человек личного состава, а также 13000 единиц боевой техники с целью продемонстрировать возможность США развернуть в регионе большие силы для поддержки НАТО в случае обострения ситуации на границах с Россией [9]. Несмотря на то, что учения не были проведены в запланированном виде из-за пандемии COVID-19, сам факт планировки столь масштабного военного мероприятия является крайне дестабилизирующим для обстановки в регионе.

В целом, усиливающаяся с годами милитаризованность региона обосновывается классической дилеммой безопасности: сторона «А» наращивает вооружения, потому что видит угрозу своей безопасности в стороне «Б», также наращиваю-

щей вооружения по аналогичной причине. Таким образом, текущая ситуация в регионе определенно оставляет желать лучшего. Шансы на реальное вооруженное столкновение стремятся к нулю, но консервация существующего расклада сил не представляется удовлетворительным вариантом. Несмотря на принципиально разные масштабы конфликтов, мы можем провести некую аналогию между противостоянием НАТО и России в Прибалтике и Вторым Берлинским либо Карибским кризисом. Утихание конфликта видится лишь вследствие нахождения компромисса и по обоюдному согласию. Для дипломатического разрешения сложившейся ситуации даже не обязательно общее улучшение отношений между сторонами: достаточно понимания того, что сохранение напряженности в регионе может привести к нежелательным последствиям. При этом, скорее всего, будут лишь немного разведены вооруженные формирования, но информационное противостояние все так же будет оставаться актуальным фактором в отношениях между Россией и НАТО в Прибалтике. Тем не менее, реализация описанного сценария не представляется автору возможной во время каденции Джо Байдена в США, так что, вероятнее всего, ситуация в Прибалтике еще некоторое время будет оставаться как минимум неизменной, и, как максимум, изменится в худшую сторону.

Список источников и литературы

1. 15 лет в НАТО: почему Прибалтика выбрала США // Baltnews URL: <https://baltnews.ee/authors/20190329/1017535514/15-let-v-nato-pochemu-pribaltika-vybrala-usa.html> (дата обращения: 21.03.2021).
2. Гончар М, Чубик А. Energy in New Generation Warfare. Learned lessons from Russia's hybrid war against Ukraine // Hybrid Threats: Overcoming Ambiguity, Building Resilience. – 2017. – № 11. – С. 33–40.
3. Пеэтер Тали, заместитель директора NATO StratCom COE // Укринформ URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-world/2819040-peeter-tali-zamestitel-direktora-nato-stratcom-coe.html> (дата обращения: 21.03.2021).
4. В НАТО заявили о милитаризации Калининградской области // РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2015/558411a29a79475500bf2bf8> (дата обращения: 21.03.2021).
5. U.S. Is Poised to Put Heavy Weaponry in Eastern Europe // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/14/world/europe/us->

- poised-to-put-heavy-weaponry-in-east-europe.html?hp&action=click&p-type=Homepage&module=first-column-region&region=top-news&WT.nav=top-news&_r=0 (дата обращения: 21.03.2021).
6. Kaliningrad, Moscow's Military Trump Card // Radio Liberty URL: <https://www.rferl.org/a/kaliningrad-russia-nato-west-strategic/27079655.html> (дата обращения: 21.03.2021).
  7. Блок НАТО официально объявил о размещении частей в Балтии и Польше // BBC URL: <https://www.bbc.com/russian/features-36750414> (дата обращения: 21.03.2021).
  8. The European Reassurance Initiative // Center for Strategic and International Studies URL: <https://www.csis.org/analysis/european-reassurance-initiative-0> (дата обращения: 21.03.2021).
  9. Supreme Headquarters Allied Powers Europe // About DEFENDER-Europe 20 URL: <https://shape.nato.int/defender-europe> (дата обращения: 21.03.2021).

THE ACTIVITY OF THE NORTH ATLANTIC TREATY ORGANIZATION IN THE BALTIC STATES AS A THREAT TO RUSSIAN SECURITY

Dudnikov D. E.¹

¹ Donetsk National University”,
Donetsk, Donetsk People's Republic

In the course of the study, the main factors affecting NATO activity in the Baltic States were considered. When studying the chronology of events that form a tense situation in the region, a pattern common in such conflicts was revealed, consisting in a mutual, mirror and synchronous increase by the parties of their military presence in the region. The article examines the confrontation between Russia and NATO in the region from two sides: information and military. The information struggle mainly concerns the issues of Russian foreign policy and the reaction of Western countries to it, as well as issues of interpreting the history of relations between states. Currently, this vector of relations between the Russian Federation and the North Atlantic Alliance is implemented through the use of the media. Confrontation in military terms does not result in real combat clashes, but consists in almost continuous actions aimed at strengthening military potential, as well as demonstrating force by both sides. The list of such actions includes pulling large army groups equipped with the latest types of weapons to the borders, as well as conducting large-scale exercises. In general, NATO's active actions to advance its interests in the Baltics pose a real threat to Russian security, which forces it to get involved in a long-term and sluggish conflict.

Key words: Baltic States, Lithuania, Latvia, Estonia, NATO, Russian Federation.

Секция 4. ГОРОДА В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ГЕОПОЛИТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА

Тульчинский Г. Л.^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет;
Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

Бренд обеспечивает имиджево-репутационную привлекательность уникальной неповторимости региона, который предстает не просто политико-административной единицей, а как социально-экономическая и социально-культурная целостность. У бренда региона не может быть единственного собственника, он может быть разработан и реализован только совместными усилиями власти, бизнеса и общества. Поэтому брендинг региона предстает технологией развития социального партнерства и консолидации социума.

Ключевые слова: агломерации, брендинг, культура, мегаполисы, регионы, социальное партнерство, цифровизация

Брендинг как практика формирования и продвижения известности и узнаваемости, имиджево-репутационной привлекательности товаров, корпораций, регионов, стран, артистов, ученых, политиков, спортсменов прочно вошла в жизнь современного общества. Выйдя далеко за пределы традиционно понимаемой рыночной среды, он пронизывает практически все сферы социальной жизни.

В современном обществе бренды способствуют ориентации в социальном пространстве, структурируя это простран-

ство. Бренды товаров дополняют и поддерживают бренды компаний и стран, которые, в свою очередь поддерживают корпоративные и товарные бренды. В свою очередь, бренды стран и регионов взаимоувязаны с возможностями брендинга политиков, действующих в этих странах и регионах [1].

Региональный брендинг в этой системе играет особую роль в силу его ярко выраженной специфики—в отличие от товарных, корпоративных и личностных брендов у бренда региона нет и не может быть единственного актора как разработчика-собственника. Бренд региона может быть разработан и реализован только совместными усилиями власти, бизнеса и общества. Усилия власти по его разработке и продвижению окажутся мертворожденными без поддержки деловой активности в региональных кластерах. Даже совместные усилия органов власти и бизнеса, нуждаются в поддержке общественности: людей работающих и живущих в регионе. Тому есть яркие свидетельства опыта брендинга в Перми, Санкт-Петербурге. А зарубежный опыт свидетельствует, что организационное обеспечение успешного регионального брендинга предполагает различные организационно-правовые формы—от постоянных комиссий до учреждения некоммерческих организаций с участием органов власти, бизнеса и организованной общественности. [2, 58–62, 66–76] На такие структуры возлагается не только координация общих усилий по реализации брендинга или ребрендинга региона, но и консолидация ресурсов от использования бренда на его дальнейшее развитие.

В этом плане полноценный брендинг региона предстает технологией развития социального партнерства и консолидации общества, формирования региональной социально-культурной идентичности, сопричастности развитию региона, его прошлому и будущему. Он не только способствует информационно-маркетинговому продвижению региона, но и мотивационному фону деловой активности, рынку труда, когда регион предстает как социально-экономическая и социально-культурная целостность.

В этой связи региональный брендинг обладает очевидным политическим потенциалом развития политической жизни,

важной для всех ее участников. Для органов государственной и муниципальной власти он создает реальную ткань формирования легитимности. Для общественности – возможности реализации инициатив, развития гражданского общества. Для бизнеса – не только возможности реализации конкретных проектов, но и формирования привлекательного имиджа, репутации социально ответственной деловой активности.

Даже из такого предварительного рассмотрения следует ряд важных уточнений. Во-первых, региональный брендинг, как и любой брендинг, не сводится к разработке некоей эмблематики, логотипа. Наоборот – сами дизайнерские решения должны опираться на анализ культурно-исторического опыта, перспектив развития региона и находить символическое выражение осмысления результатов такого анализа. За дизайном должно стоять обещание реализации желаемых переживаний, чаяний, надежд, представлений о возможности стать лучше, благодаря сопричастности региону. [3, 41]

Во-вторых, региональный брендинг не сводится к брендингу территорий, который связан с девелопментом: застройкой и освоением территорий. Структура занятости и образ жизни для девелопера производны от реализации соответствующего бизнес-проекта. Региональный брендинг принципиального ориентирован на интересы занятых и жителей, живущего и работающего в данной местности социума.

В-третьих, региональный бренд – это не «то, что получается» из сложившегося экономического, политического и культурного опыта регионального социума. Брендинг может и должен входить в планы стратегического развития регионов – как образ желаемого будущего, не сводимый количественным показателям (KPI) «за все хорошее». Сравнение разработки и реализации планов стратегического развития Вологодской и Тульской областей с опытом Свердловской области и Пермского края показывает, что включение регионального брендинга способствует успешной реализации стратегического плана, достижению целевых показателей социально-экономического развития. [4]

Наконец, в-четвертых, по своему уровню, масштабу региональный брендинг достаточно разнообразен, включая

разработку и продвижение брендов стран, агломераций, городов-мегаполисов (и их районов, микрорайонов), малых городов, сёл, неурбанизированных (rural) регионов. В этом многообразии особый интерес представляют большие города и агломерации. Этот интерес связан с их ключевой ролью агрегаторов цивилизационного развития, культурогенеза [5; 6]. В большом городе люди часто ассоциируют себя не с Москвой вообще, а с родным Замоскворечьем, Якиманкой, Соколом, Таганкой, Медведково или Бутово, не с Санкт-Петербургом, а с Купчино, Песками, Парнасом, Пушкиным, Кудрово. В районах складываются своя идентичность, мифология, закрепляемые в локальных специальных событиях. Города также способствуют лучшему сохранению традиционных этно-национальных культур, утрачиваемых в обезлюдивших или депрессивных сельских регионах.

Как показала конференция ОЭСР, посвященная неурбанизированным территориям, их развитие невозможно без участия и поддержки больших городов и агломераций за их пределами [7]. Именно в больших городах, разрастающихся вокруг них агломерациях, производится и реализуется большая часть мировой экономики, в них интегрируется социальный капитал, концентрируется политическая, интеллектуальная элита [8]. Так, 50 % населения Сибири составляют жители городов, расположенных вдоль Транс-Сибирской железнодорожной магистрали, продолжая «дугу агломераций» от Санкт-Петербурга и Москвы через Нижний Новгород, города Среднего Урала и далее на Новосибирск-Кемерово. В перспективе 15–20 лет этот «стержень России» вберет более 80 % населения страны. [9] Заслуживает внимания реализуемый в КНР проект мегалополиса в 42 млн. человек на базе Гуанчжоу – столицы провинции Гуандун, дающей 15 % китайской экономики. Учитывая близлежащие многомиллионные Шэньчжэнь, Гонконг и Макао, речь идет о новом центре современной цивилизации.

Технология регионального брендинга помогает в конкуренции не только между городами, агломерациями, но и странами за инвестиционные, социальные, человеческие ресурсы и соответствующие капиталы.

На практике выработано довольно много приемов бренд-месседжей. Это может быть *«легендирование»* территорий, памятников культуры, событий [10], которое может включать практически любые ресурсы региона, его историю, традиционную мифологию, фольклор, биографии и достижения известных людей, чей жизненный путь связан с городом. Такое легендирование, фактически, является разновидностью *«сторителлинга»* (storytelling, рассказывания историй), широко применяющегося в образовательной практике, в современном маркетинге. Так, легенды и истории о деяниях Петра I в Санкт-Петербурге позволили создать городской Институт Петра Великого, наладить устойчивые связи с «петровскими городами» в России и за рубежом – таких городов в настоящее время насчитывается свыше 400 – проводить совместные масштабные мероприятия. В Коломне, в Вологде именно в развитие краеведческих рассказов сформировались гастрономические бренды.

Брендинг может фокусироваться на *«доминировании»* в культурных индустриях (Лос-Анжелес, Лас-Вегас, Турин, Макао), туризме (Венеция, Барселона, Биарицц, Монако, города «Золотого кольца» России), культурно-исторической памяти (Париж, Рим, Санкт-Петербург). Такое доминирование может доводиться до статуса *«столичности»*. Практика ежегодных «культурных столиц» в Европе началась с 1985 года, а с 2000 года сформировалась сеть культурных столиц Европы. [11] В России к признанной «культурной столице» Санкт-Петербургу с 2001 года стали ежегодно добавляться региональные «культурные столицы» (Поволжья, Урала) с конкурсами межрегиональных проектов, формированием календаря крупных событий.

Не менее эффективной является *«персонификация»*: Петербург Достоевского, Пушкинский Петербург, Петербург Гоголя, Кельн как веселый собутыльник, Берлин, как богемный поэт. Это может быть и наррация о *уникальности переживаний, эмоций* (local structures of feeling): Мюнхен – карьера, прибыль, спорт, радость; Гамбург – удовольствие, желание, радость. [12] Школьным экскурсиям важны музеи Санкт-Пе-

тербурга. Бренд «Ленинград–город герой» важен в контексте воспроизводства исторической памяти. Китайским туристам город важен как колыбель Октябрьской социалистической революции.

Культура может быть не только ресурсом, но и барьером развития, как в случае Детройта, не нашедшего достойного пути в постиндустриальный мир. Брендинг должен задавать вектор в будущее, открывать в настоящем перспективу новым поколениям. Знаменитый опыт Барселоны, превративший рядовой приморский города в глобально притягательный центр, начался с выбора мэром писателя Д. Субираса, поставившего задачу изменить ситуацию в городе с помощью городской культуры открытой миру, динамичной, эмоциональной, способной к саморазвитию.

Залогом успеха регионального брендинга является широкий диалог и, как его результат некий консенсус–неписанный или даже писанный договор. В этом процессе роль городской власти не столько указующая, сколько координационная. Важно перевести жителей из состояния «пассажиров», передвигающихся между домом, работой, магазином, иногда–учреждением культуры или кафе, в полноценных граждан, раздвигая их горизонт осмысленной жизни, делая регион не столько местом «для» людей, сколько местом реальной жизни реальных людей. С помощью современных средств коммуникации активные пользователи Facebook, Instagram–транслируют информацию о регионах, их реальной жизни намного больше, чем официальные медиа.

Форсированная цифровизация в условиях коронавирусной пандемии не только способствовала трансферу отмеченных тенденций онлайн, но и стала серьезным вызовом концепту и практике регионального брендинга, особенно городов.

Так, в условиях локдаунов и самоизоляции города предстали опасной средой обитания. Обесмыслились многие стороны городской среды, составлявшие ее привлекательность городские культурные пространства. Транспорт, центры досуга, образования, медицины предстали зонами экзистенциальной опасности, а занятость–обеспеченной в удаленном режиме.

Одновременно региональный брендинг получил дополнительные возможности, такие как контроль и безопасность качества жизни в формате smart city и Интернета вещей. Перенос акцента в брендинге с региона, мегаполиса в целом на районы и микрорайоны делает еще более необходимым внимание к развитию не только территории, но и человека, его социальности, создания социальной экосреды развития.

Современный брендинг городов и регионов это уже не столько демонстрация преимущества «больших денег» (ср. «новая» Москва), не только и не столько красивые общественные пространства, уголки старинной архитектуры с удобным жильем, хорошие рестораны и чистые тротуары, удобный транспорт и качественное образование, безопасность, организация массовых мероприятий. Это и не только многостраничные проработки планов развития с множеством KPI. На первый план выходит запрос на открытую изменением, свободную, меняющуюся среду онлайн и офлайн, способную к конкуренции, диалогу и самокоррекции. И конечно же, не отменяемые маркеры образа жизни, обеспечения поддержки ее качества. Именно такая среда становится источником развития регионов, а значит – и страны. И это не только политический вызов, но важная перспектива.

Список источников и литературы

1. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб: СПб ГУ, 2013. – 280 с.
2. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. К. Динни. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
3. Визгалов Д. Брендинг города. – М.: Институт экономики города, 2011. – 156 с.
4. Степкина А. В. Региональный брендинг как поле формирования стратегического управления: сравнительный анализ регионов России. СПб: НИУ ВШЭ СПб, 2020. – 78 с.
5. Bhadha H. K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. – 440 p.
6. City and Culture: Cultural Processes and Urban Sustainability (ed. by L. Nystrom). Kalmar, The Swedish Urban Environment Council, 1999.
7. Нецадин А. Н., Тульчинский Г. Л. Развитие неурбанизированных территорий: инновации и социальное партнерство. // Общество и экономика. 2012, № 11, с. 85–94.

8. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka press, 2014. – 368 с.
9. Модернизация России: территориальное измерение. Коллективная научная монография. / Под ред. А. А. Нещадина и Г. Л. Тульчинского. СПб: Алетейя, 2011. – 328 с.
10. Ширинкин П. С. Туристское легендирование как метод использования символических средств и ресурсов в развитии гуманитарного потенциала территории // Философские науки. 2016. № 4, с. 103–112.
11. Странствующая столица: роль культуры в развитии территории / сост. и общ. ред. М. Б. Гнедовского. М.: Ин-т культурной политики, 2007. – 284 с.
12. Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. /Под ред. Х. Беркинга и М. Лёв. М.: НЛЮ, 2017. – 424 с.

Section 4.

CITIES IN THE LIGHT OF POLITICAL GEOGRAPHY AND GEOPOLITICS

POLITICAL SIGNIFICANCE OF REGIONAL BRANDING

Tulchinsky G. L. ^{1,2}

¹St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

² National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

The brand provides image and reputational attractiveness of the unique uniqueness of the region, which appears not just as a political and administrative unit, but as a socio-economic and socio-cultural integrity. The brand of the region cannot have a single owner, it can be developed and implemented only by the joint efforts of the government, business and society. Therefore, the branding of the region appears as a technology for the development of social partnership and consolidation of society.

Keywords: agglomerations, branding, culture, megacities, regions, social partnership, digitalization

СТРАТЕГИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Прибышин Т. К. ¹ .

¹ МЦСЭИ «Леонтьевский центр»,
Санкт-Петербург, Россия

Территориальное стратегическое планирование социально-экономического развития понимается как совместная выработка местным сообществом представлений о ценностях, целях и направлениях долгосрочного развития территории с учетом пространственных аспектов и предполагает фиксацию этого видения в качестве Стратегии.

С 2014 по 2019 года благодаря принятию Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (172-ФЗ) стратегирование стало массовым, а география принимаемых стратегий – максимально широкой.

2019 год ознаменовался утверждением Стратегии пространственного развития России на период до 2025 года, которая должна оказать большое влияние на содержание новых стратегических документов. Её принятие могло стать значительным импульсом для этой сферы, но пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, начавшаяся в 2020 году, отложила начало нового этапа.

Постепенная нормализация ситуации приводит к тому, что с 2021 года процесс разработки стратегий может интенсифицироваться. Стратегии городов, принимаемые в ближайшем будущем, должны учитывать основные позиции Стратегии пространственного развития, а также учитывать воздействие экономической и политической нестабильности, информатизации общества, изменения организации рабочего времени и досуга населения, а также другие факторы, вызванные пандемией.

Ключевые слова: стратегическое планирование, муниципальное управление, городское развитие, стратегия, социально-экономическое развитие, пандемия COVID-19.

В 2020 году весь мир столкнулся с самым значимым системным кризисом в новейшей истории, вызванным пандемией COVID-19. Как отмечает ООН, пандемия послужила беспрецедентным сигналом к оперативному действию для граждан, бизнеса и правительств [1]. В условиях неопределенности оказались неактуальными личные планы, планы бизнеса, стратегии местных сообществ и государств. Более того, под сомнение оказалась поставлена сама возможность эффективного долгосрочного планирования социально-экономического развития как такового. Данная статья посвящена оценке перспектив сферы стратегического планирования на уровне городов в актуальных условиях, а также возможной роли в разработке городских стратегий специалистами по региональной политике и политической географии.

Стратегическое планирование это деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития. В свою очередь

территориальное стратегическое планирование понимается как совместная выработка представлений о ценностях, целях и направлениях развития территории (региона, города, муниципального района), с учетом пространственных аспектов. В Европе и США стратегии городов и отдельных регионов утверждаются уже более 40 лет.

В России переход к стратегическому от директивного (административного) управления происходил благодаря становлению местного самоуправления и рыночных реформ, поэтому уже в конце 90-х годов начали разрабатываться первые муниципальные стратегии в России.

Точкой отсчета в современной истории территориального стратегического планирования в России является 1 декабря 1997 года, когда Генеральный совет Стратегического плана Санкт-Петербурга принял первый в России городской стратегический план [2].

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ. За последующие два десятка лет стратегирование для субъектов государственного и муниципального управления стало обычным в России, стратегии активно разрабатываются и принимаются на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В проектах по разработке стратегий и планов по их реализации активную роль играли специалисты в области социально-экономической и политической географии, такие как Анимица Е. Г., Бочкарева Т. В., Пилясов А. Н., Пузанов А. С., Скатерщиков С. В., Чистобаев А. И., и другие.

Свидетельством полезности стратегического планирования может считаться то, что эта деятельность такой длительной период не прекращается, а напротив, расширяется. В 2019 году, по итогам изучения динамики утверждения стратегических документов была предложена периодизация стратегического планирования на уровне городов [3]:

- 1-й этап – с 1997 по 2006 г. («инновационное стратегирование»);
- 2-й этап – с 2007 по 2014 г. («массовое инициативное стратегирование»);

- 3-й этап – с 2014 по 2018 г. («законное стратегирование»).

Третий этап характеризуется тем, что стратегическое планирование стало регулироваться Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (172-ФЗ), утверждённым в 2014 году. На этом этапе стратегирование стало массовым, например, в российских городах с населением более 100 тыс. человек было утверждено 94 новые стратегии, принятые в 87 городах, что составляет 51,8 % от всех городов исследованной группы. Кроме того, 21 стратегия была актуализирована, таким образом только 60 городов из 168 не имели на конец 2020 г. актуальной (в смысле соответствия Федеральному закону) стратегии. Анализ территориального распределения городов, принявших стратегии после появления закона, показывает лидерство городов УФО, СФО и ДВФО по относительной активности в сфере стратегического планирования [4].

2018 год стал пиковым по количеству утверждаемых документов в связи с тем, что в соответствии с распоряжением Правительства РФ до 1 января 2019 года должны были быть разработаны документы стратегического планирования, в том числе и на муниципальном уровне [5]. В 2019 году количество разрабатываемых и утверждаемых документов сильно уменьшилось, эта же ситуация продолжилась и с начала 2020 года [6]. Это подтверждает, что условный этап «законного стратегирования» действительно завершился уже в 2019 году.

ФАКТОР СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. Фактором, также повлиявшим на уменьшение количества принимаемых стратегий является то, что 2019 год ознаменовался утверждением Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [7], которая могла стать значительным импульсом для этой сферы и должна оказать большое влияние на содержание документов нового этапа. Такое же ситуационное уменьшение количества принимаемых стратегий, происходило и в 2013–2014 годах, когда на согласовании находился ФЗ «О стратегическом планировании».

Предыдущим документом, по сути являвшимся простран-

ственной стратегией России, была разработанная в 1994 году «Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации» [8]. Этот документ осмысливал территорию страны в новых границах и предполагал, что опорными межрайонными центрами станут города с населением 100 тысяч человек, но различные факторы не позволили этому документу быть реализованным в полной мере и государство отошло от регулирования пространственной организации экономики и перешло от комплексного планирования развития территории к инфраструктурному планированию.

На данный момент главным документом пространственного планирования становится Стратегия пространственного развития, предлагающая в значительной мере опираться на развитие сети крупных и крупнейших агломераций, содержащая перечень рекомендуемых конкретных экономических специализаций для каждого Субъекта Федерации, а также уделяющая значительное внимание так называемым геостратегическим территориям.

Стратегия предполагает изменение базовой структуры стратегий городов. На данный момент стратегии социально-экономического развития, в соответствии со своим названием, концентрируются на развитии социальной сферы и экономики. Пространственные факторы в данных стратегиях могут упоминаться незначительно, но Министерство экономического развития считает, что для крупных городов в стратегии пространственный раздел должен стать обязательным. Город должен иметь представление, как будет развиваться его территория, приземлять на местность те инициативы и проекты, которые формируются в стратегии. За счет такой увязки планируется добиться необходимого перехода от стратегического планирования к территориальному [9].

Таким образом, в соответствии со Стратегией пространственного развития структура будет масштабироваться на стратегии разного уровня: РФ в целом – макрорегионы – субъекты РФ – муниципальные образования. Все эти стратегии будут содержать взаимоувязанную пространственную компоненту [10].

Кроме того, важным является то, что Стратегия вводит особое понятие—геостратегическая территория Российской Федерации. Предполагается, что контроль этих территорий даёт нашей стране экономическое и политическое преимущество, а главным образом позволяет контролировать пространство [11]. Стратегии городов, расположенных в пределах геостратегических территорий, обязательно должны принимать во внимание этот факт и использовать выгоды, обусловленные особым статусом территории, где они расположены, в качестве инструментов развития.

В 2020 году в развитие Стратегии был утверждён План по её реализации. Он направлен на эффективную организацию экономического пространства в России за счёт формирования и развития перспективных центров экономического роста, раскрытия экономического потенциала различных типов территорий, развития человеческого капитала [12]. План предусматривает такие важные для сферы территориального стратегического планирования мероприятия как:

- разработка методических рекомендаций по подготовке стратегии социально-экономического развития муниципального образования с учетом основных направлений пространственного развития Российской Федерации;
- разработка рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций и утверждение не менее 20-ти таких документов.

Реализация этих мероприятий окажет большое влияние на всю сферу территориального стратегического планирования. Разработка сразу 20-ти стратегий для агломераций будет вызовом для специалистов данной сфере и потребует привлечение профессионалов разных специальностей, в значительной степени—географов.

Эти стратегии должны обеспечить мягкие, но эффективные механизмы воздействия государства на городские агломерации через косвенное, индикативное управление, взаимоувязанные на разных уровнях [13] и реализуемое в долгосрочной перспективе. Для этого в документах должно быть предусмотрено

использование инструментов стимулирования/ дестимулирования развития отдельных зон через распределение различных предпочтений.

Согласованный учёт пространственного аспекта на разных уровнях должен обеспечить, чтобы при планировании развития конкретных агломераций, ускоряя развитие одних территорий, необходимо позаботиться о том, чтобы оно не оборачивалось упадком других.

ФАКТОР ПАНДЕМИИ. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, начавшаяся в 2020 году сделала неактуальными большинство утвержденных ранее стратегий и отложила начало нового этапа территориального стратегического планирования в России. Сама по себе пандемия вносит значительные коррективы в то, каким должно быть содержание новых стратегий, в связи со значительным изменением организации жизни отдельных людей и сообществ. Достаточно принять во внимание факт изменения транспортной доступности до такой степени, что целые территории на продолжительное время могут становиться заложниками вируса и вынуждены локализовать различные специфические функции. В таком случае стандартные стратегии оказываются нереализуемыми и города должны критически оценить и расширить свои традиционные планы обеспечения устойчивого развития, в том числе по-новому взглянуть на внутригородские и междугородние транспортные потоки, а также на общественные пространства.

Постепенное нормализация ситуации приводит к тому, что с 2021 года процесс разработки стратегий может интенсифицироваться, но эксперты признают, что пока нет ясного понимания «картины будущего», на которую можно было бы положиться в стратегическом планировании. Сейчас необходимо проводить публичный, открытый, широкий и многоаспектный мониторинг тенденций и явлений, из которых впоследствии сложится новый образ мира [14].

Несмотря на это, можно говорить о том, какие уроки должны вынести «города-стратеги» из данного кризиса.

В первую очередь, эксперты указывают на то, что стратегия должна быть не только по названию, но и по содержанию дол-

госрочной. Она должна решать вопрос долгосрочной устойчивости даже под воздействием глобальных кризисов и исходить из принципов устойчивого развития [15]. Краткосрочный взгляд не позволяет ни найти инструменты повышения качества жизни в целом, ни подготовиться к кризисам.

В стратегии должно уделяться большее внимание вопросам повышения шокоустойчивости, для чего экспертами рекомендуется [16]:

- повысить качество проработки раздела «Угрозы» и «Слабости» при проведении SWOT-анализа;
- использовать методы анализа рисков;
- прорабатывать большой набор сценариев, включая антикризисные;
- прорабатывать раздел «Безопасность», включая предложения по каталогу необходимых кризисных протоколов;
- включать в систему задач создание региональной (муниципальной) системы управления рисками и должности риск-менеджера, интегрированной в систему управления реализацией стратегии.

Для повышения значения, практической востребованности и статуса стратегий они должны содержать систему городских «флагманских» проектов, сбалансированных между собой и направленных на достижение общей цели. При этом каждый проект решает множество задач, в результате достигается синергетический эффект [17]. Данные проекты, безусловно подвластны кризисам, но долгосрочное планирование позволяет предусматривать перенос сроков реализации проектов без потери фокуса на них.

Пандемия приводит к изменению подходов к отбору проектов. В долгосрочной перспективе первостепенное значение приобретают такие параметры, как экологическая и социальная отдача от проекта, а также устойчивость к возможным чрезвычайным событиям и шокам.

Обобщая, можно говорить, что сравнительно небольшое количество стратегий для городов, принятых в 2019–2020 го-

дах, не означает отказ от использования инструментов стратегирования. Начиная с 2021 года может начаться новый этап стратегического планирования, на котором может произойти значительное увеличение внимания к пространственным аспектам в стратегиях, что обусловлено двумя принципиальными причинами.

Во-первых, значительное влияние на документы стратегического планирования городов окажет утвержденная Стратегия пространственного развития Российской Федерации и план мероприятий по её реализации. Данная Стратегия предусматривает разработку новых методических рекомендаций по подготовке Стратегий муниципальных образований, а также подготовку рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций и утверждение не менее 20-ти таких документов. Зафиксировано, что данные рекомендации будут содержать требование учитывать пространственный аспект в стратегиях городов.

Во-вторых, пандемия COVID-19 вынуждает города критически оценить и расширить свои традиционные планы обеспечения устойчивого развития и обуславливает необходимость повышения внимания к таким характеристикам как: долгосрочность, «шокоустойчивость» и наличие «флагманских» проектов в Стратегиях.

Можно заметить, что два данных фундаментальных фактора носят взаимодополняющий характер, что позволяет с осторожным оптимизмом смотреть на сферу территориального стратегического планирования и на будущее российских городов в случае разработки амбициозных, но реализуемых стратегий.

Список источников и литературы

1. The Sustainable Development Goals: Our Framework for COVID-19 Recovery [электронный ресурс], URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sdgs-framework-for-covid-19-recovery/> (дата обращения 30.03.2021).
2. Стратегический план Санкт Петербурга, МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 1998

3. Прибышин Т. К., Жихаревич Б. С., «Города-стратегии» на современной карте России, Региональная экономика. Юг России, Россия, том. 8. № 1, С. 16–25, 2020.
4. Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К., Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг, Пространственная экономика, Россия, том. 15. № 4, С. 184–204, 2019.
5. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»» [принят 23.06.2016 г. № 210-ФЗ]
6. Кто хозяин на рынке стратегий. Обзор № 13 (2020 год) [электронный ресурс], URL: <https://stratplan.ru/UserFiles/Files/Review13.pdf> (дата обращения 30.03.2021).
7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р.]
8. «Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (основные положения)» (одобрена правительством РФ, протокол 15.12.1994) [электронный ресурс], URL: <https://base.garant.ru/71229664/> (дата обращения 30.03.2021).
9. Елин А. А., Что даст стратегия пространственного развития регионам и городам?, Метод, Россия, 2019, № 2, С. 2–5.
10. Мусинова Н. Н., Развитие городских агломераций как одно из направлений стратегии пространственного развития России, Вестник университета, Россия, 2019, № 2, С. 46–51.
11. Куньшиков С. В., Москалёв Н. А., Геостратегические территории РФ: геополитический аспект стратегии пространственного развития Российской Федерации, XXII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Россия, 2019.
12. План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 3227-р]
13. Киреев А. А., Агломерация как инструмент и проблема (заметки на полях «Стратегии пространственного развития РФ»), Регионалистика, Россия, том. 7, № 3, С. 71–78, 2020
14. Стратегическое планирование развития инфраструктуры – смена парадигмы как результат пандемии COVID-19 [электронный ресурс], URL: <https://www.csr.ru/ru/news/strategicheskoe-planirovanie-razvitiya-infrastruktury-smena-paradigmy-kak-rezultat-pandemii-covid-19/> (дата обращения 30.03.2021).
15. Комаров В. М., Как повысить востребованность долгосрочных стратегий развития муниципальных образований, Муниципальное имущество: экономика, право, управление, Россия, 2020, № 2, С. 7–11.

16. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г., Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление, Региональные исследования, Россия, 2020, № 3, С. 4–15.
17. Шулепов Е. Б., Задумкин К. А., Щербаква А. А., К вопросу использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом, Проблемы развития территории, Россия, 2020, № 2 (106), С. 19–33.

STRATEGIZING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES AFTER THE PANDEMIC

Pribyshin T. K.¹

¹ IC SER “Leontief Center”,
St. Petersburg, Russia

Territorial strategic planning of socio-economic development is understood as the joint development by the local community of ideas about the values, goals and directions of the long-term development of the territory, taking into account spatial aspects, and involves fixing this vision as a Strategy.

From 2014 to 2019, thanks to the adoption of the Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” (172-FZ), strategization has become massive, and the geography of the adopted strategies has become as wide as possible.

2019 was marked by the approval of the Strategy for the Spatial Development of Russia for the period up to 2025, which should have a great impact on the content of new strategic documents. Its adoption could be a significant boost to the field, but the COVID-19 coronavirus pandemic, which began in 2020, has delayed the start of a new phase.

The gradual normalization of the situation leads to the fact that from 2021 the process of developing strategies can intensify. Urban strategies adopted in the near future should take into account the main positions of the Spatial Development Strategy, as well as take into account the impact of economic and political instability, informatization of society, changes in the organization of working time and leisure of the population, as well as other factors caused by the pandemic.

Key words: strategic planning, municipal management, urban development, strategy, socio-economic development, COVID-19 pandemic.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (по материалам прикладного исследования фотопрактик туристов и жителей города)

Абросимова Н. В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

Используя концепцию символической политики и понимая её как производство, интерпретацию, продвижение социальными акторами разных путей интерпретации реальности, автор описывает некоторые итоги опроса туристов С.-Петербурга (N=562) и результаты анализа фотоматериалов, снятых жителями города и размещенных в интернет-пространстве соцсетей и сайтов. В статье говорится о том, как какой образ «рисуют» гости города и как его представляют некоторые его обитатели.

Ключевые слова: фотография; символическая политика; социальные практики; пространственные мифы; территориальная идентичность; места памяти; туристы

В 2018 году в метрополитене Санкт-Петербурга в рекламных лайтбоксах (световых коробах) на эскалаторах были размещены «заставки с изображениями достопримечательностей Санкт-Петербурга» [1]. Общее название серии изображений жители города так и назвали «В Санкт-Петербурге обязательно нужно увидеть...» [2].

Можно предположить, что данные плакаты демонстрируют официальную позицию специалистов по продвижению достопримечательностей города и, что, в первую очередь, данная реклама была адресована к туристам и приезжим, не знающим, на что обратить внимание в Санкт-Петербурге. Образ человека с фотоаппаратом, в панаме, футболке и брюках без каких бы то ни было черт лица намекает, что это собирательный образ туриста, главная цель которого – фотографирование достопримечательностей (см. рис. 1 и 2).

Так, одна из авторов, анализирующих политику идентичности и политику памяти в социокультурном пространстве

Санкт-Петербурга, отмечает, что «к политике памяти относится позиционирование относительно архитектурно-планировочного, скульптурного, топонимического, мемориального наследия города» [5, с. 178]. При этом, опираясь на статус Санкт-Петербурга как федерального города, та же автор пишет о том, что «федеральное значение СПб проявляется непосредственно в его историческом наследии, роли культурной столицы России и символического «окна в Европу» [5, с. 180], а также крупного делового и экономического центра», добавляя при этом, что «формируемое символическое пространство во многом определяет идентичностью не только жителей Санкт-Петербург, но также и значимой части жителей России, стремящихся посетить город и приобщиться к его культурному наследию» [5, с. 80].

Рис. 1. Реклама в метрополитене [3]

Рис. 2. Реклама в метрополитене [4]

При анализе указанных выше рекламных изображений, можно сделать вывод, какие именно «места памяти» [6] (достопримечательности) по мнению создателей рекламы (а значит, акторов символической политики, политики памяти и политики идентичности) нужно увидеть, побывав в Санкт-Петербурге (текст сохранён в интерпретации рекламодавца): «Медного

всадника», «Эрмитаж», «атлантов», «всех львов», «Аврору», «фонтаны», «развод мостов», «Летний сад», «Ростральные колонны».

«Символическая политика осуществляется в публичной сфере, то есть виртуальном пространстве, где... обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами—имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности» [7, с. 106–107].

В качестве примера реакции местных жителей на изображения, появившиеся в метрополитене Санкт-Петербурга, можно привести слова Гончаренко Ю.К., называющего себя на своём сайте ленинградцем, который счастлив, «что в городе славном» [8] родился и живёт. При этом, автор пишет: «За свою жизнь мне довелось побывать во многих городах нашей огромной страны—когда-то СССР—и потому могу с чистой совестью сказать, что мой город действительно один из самых красивых» [8]. На своём сайте (его можно назвать блогом, поскольку автор размещает там не только свои размышления и фотографии, но и указывает даты) большую часть контента составляют изображения и тексты, посвященные Санкт-Петербургу.

По мнению автора сайта анализируемая нами информация в лайтбоксах в метрополитене появилась в 2018 году перед чемпионатом мира по футболу, на основании чего блогер сделал вывод о том, что основным её адресатом являются *«туристы и гости нашего города»* [2]. Такой вывод Гончаренко Ю.П. сопроводил следующей фразой: *«Иначе я просто не могу понять, как постоянный житель не может не знать о всемирно известных памятниках, музеях, садах и парках»* [2].

Сообщение автора с фотографиями на сайте датируется 2 февраля 2020 года, в связи с чем автор блога недоумевает *«Время идёт, но тематическая реклама «В Санкт-Петербурге обязательно нужно увидеть...» до сих пор действует»* [2], вопрошая при этом, почему предлагается увидеть развод

мостов без белых ночей, сомневаясь в необходимости увидеть и взойти на палубу «Авроры», недоумевая и называя *«любопытным предложением»* призыв специалистов по символической политике «увидеть всех львов». Под конец блогер сокрушается, что в Летнем саду, который приглашают посетить социальные акторы, *«боскетов и фонтанов не было даже во время, когда А. Пушкин «водил» своего героя гулять в сад. И для меня настоящий Летний сад тот, до реконструкции в 2009–2012 гг.»*. Точку в своем сообщении о *«тематической рекламе на балюстрадах эскалаторов»* (наименование Гончаренко) блогер ставит, разместив свою фотографию ростральных колонн, написав также несколько слов о том, что *«в XIX веке в их чашах в тёмные ночи или густой туман поджигали конопляное масло и огромный огненный факел указывал путь кораблям. В настоящее время поджигается газ. И только в особо торжественных случаях»*.

Продолжением истории о том, что же нужно увидеть в Петербурге можно считать деятельность *«группы активных людей, выступающих в защиту небесной линии Санкт-Петербурга»*. Речь идёт о движении «Синяя лента – символ небесной линии Петербурга» [9].

В первой половине июля (с 9 по 16) 2018 года движение провело несколько флешмобов, в котором их участники держали в руках плакаты, внешне отчасти (текст, цвета, фигурка туриста и пр.) напоминающие рекламные сообщения в метрополитене, описанные в статье чуть выше. Однако внутреннее содержание плакатов было иным. Оно было посвящено необходимости посещения отсутствующего Археологического музея на Охтинском мысу, музея М. Ю. Лермонтова на Садовой, 61, т. е. фактически необходимости создания таких музеев (см. рис. 3 и 4).

Обосновали проведение данного флешмоба его организаторы так: «Чемпионат мира по футболу собрал в Петербурге множество туристов. Их повсюду встречает заботливая социальная реклама – билборды в метро и на улицах города рассказывают о том, что нужно обязательно посмотреть в нашем городе. Но среди петербургских достопримечательностей ни-

где не упоминаются археологические памятники Охтинского мыса, названные учёными «Русской Тройей». Неолитическая стоянка, древнерусское мысовое городище, крепости Ниеншанц и Ландскрона – всё это может пойти под строительные котлованы для очередных офисов крупной газовой компании. Петербуржцы решили сами рассказать гостям города об уникальном памятнике, который ещё не поздно сохранить для людей. В Петербурге обязательно нужно увидеть археологический музей на Охте. Но музея до сих пор нет, потому что Газпром намерен снести археологические памятники, а зачищенный участок застроить» [12].

Рис. 3. Плакат для флешмоба об археологическом музее [10]

Рис. 3. Плакат для флешмоба о музее М. Ю. Лермонтова [11]

Если же говорить о том, с чем, в первую очередь, ассоциируется Санкт-Петербург у туристов, то, автор статьи предлагает ознакомиться с некоторыми материалами опроса, проведенного ею летом в 2016 году. Частично материалы проведенного опроса были опубликованы в Материалах научной конференции, посвященной 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке».

На открытый вопрос «С кем/чем у Вас ассоциируется Санкт-Петербург?» 562 опрошенных дали 895 вариантов ответов, которые были сгруппированы по общим тематикам:

- 1) история, прошлое, исторические события; культура;
- 2) в целом сам город С.-Петербург, Ленинград, столица, его пригороды;
- 3) другие города и регионы;
- 4) корабли, флот;
- 5) правители, цари, императоры, династии;
- 6) атмосфера, состояние души;
- 7) родственники, члены семьи, близкие люди, любовь, детство, дом, что-то родное, личное;
- 8) друзья, знакомые, коллеги;
- 9) развлечения, праздник, отдых, прогулки;
- 10) архитектура (здания, мосты, памятники);
- 11) природа (погода, дожди, вода, реки, каналы, залив, фонтаны, парки и т. д.);
- 12) учеба (планируемая и прошлая, своя и др. людей);
- 13) северный город, север, холод;
- 14) другое;
- 15) затруднились ответить;

Самыми популярными ответами были ответы из группы «Правители, цари, императоры, династии» (абс. число: 212 ответов; отн. число: 23,7%), второе место заняла группа ответов под общим названием «Культура» (137; 15,3%), на третьем месте оказалась группа ответов, которая получила наименование «Архитектура» (99; 11,1%).

Материалы подробного анализа данных исследования фотографических практик туристов будут представлены в дальнейших публикациях.

Автор статьи не претендует на полноту описания взглядов акторов символической политики (официальных лиц, специалистов по продвижению социальной рекламы, местных жителей, сообществ и туристов Санкт-Петербурга). Однако, стоит отметить, что варианты всевозможной интерпретации социальной реальности могут иметь различные представители социальных сообществ. В свою очередь, государство, являясь заинтересованным участником символической полити-

ки, «обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, контроля за производством и потреблением символа» [13, с. 31], тем самым «форматируя распространение определенных представлений об окружающем мире» [13, с. 31].

Список источников и литературы

1. Рекламщики зовут пассажиров метро посмотреть достопримечательности вместо самоизоляции // Мойка 78. 21 апреля 2020 г. – URL: <https://moika78.ru/news/2020-04-21/402211-reklamshhiki-zovut-passazhirov-metro-posmotret-dostoprimechatelnosti-vmesto-samoizolyatsii> (дата обращения: 07.01.2021)
2. С фотоаппаратом по Питеру. Фотографии и истории о Петербурге. Сайт Ю. К. Гончаренко. – URL: <https://fotopitera.ru/2020/02/02/в-санкт-петербурге-обязательно-нужно> (дата обращения: 07.01.2021)
3. С фотоаппаратом по Питеру. Фотографии и истории о Петербурге. Сайт Ю. К. Гончаренко. – URL: https://fotopitera.ru/wp-content/uploads/2020/02/metro_03.jpg (дата обращения: 07.01.2021)
4. С фотоаппаратом по Питеру. Фотографии и истории о Петербурге. Сайт Ю. К. Гончаренко. – URL: https://fotopitera.ru/wp-content/uploads/2020/02/metro_06.jpg (дата обращения: 07.01.2021)
5. Гигаури Д. И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики. Дис. на соиск. уч. ст. к. полит. н. – СПб, 2016. – 221 с.
6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999, с. 17–50.
7. Малинова О. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et contra. – 2011, № 3–4. – С. 106–122.
8. С фотоаппаратом по Питеру. Фотографии и истории о Петербурге. Сайт Ю. К. Гончаренко. – URL: <https://fotopitera.ru/about> (дата обращения: 07.01.2021)
9. Сообщество «Синяя лента – символ небесной линии Петербурга» в социальной сети «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/blueribbon> (дата обращения: 07.01.2021)
10. Изображение с флешмоба в социальной сети «ВКонтакте». – URL: https://vk.com/doc27977102_469814914?hash=9fa70c8167efb72607&dl=46648c78749362e46a (дата обращения: 07.01.2021)
11. Изображение с флешмоба в социальной сети «ВКонтакте». – URL: https://vk.com/doc1457031_470209407?hash=119ee1413617dc9c8d&dl=

7812500e27da9bd12c (дата обращения: 07.01.2021)

12. Археологический музей на Охте: обязательно нужно увидеть // Спасем Охтинский мыс. 09.07.2018.–URL: <https://bashne.net/?p=5294> (дата обращения: 07.01.2021)
13. Рябов О. В. Ностальгия по холодной войне в современном российском сувенире //Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. Коллективная монография.–М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020.–С. 27–39.

VISUAL IMAGE OF ST. PETERSBURG IN THE CONTEX OF SYMBOLIC POLITICS (based on the materials of the applied research photo practice of tourists and residents of the city)

Abrosimova N. V.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia.

Using the concept of symbolic politics and understanding it as the production, interpretation, promotion by social actors of different ways of interpreting reality, the author describes some of the results of a survey of tourists of St. Petersburg (N = 562) and the results of the analysis of photographic materials taken by residents of the city and posted in the Internet space of social networks and sites. The article talks about how the image is “drawn” by the guests of the city and how it is represented by some of its inhabitants..

Key words: photography; symbolic politics; social practices; spatial myths; territorial identity; memory locations; Tourists

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА: ПОНЯТИЕ, ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ОЦЕНКА

Гресь Р. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Геополитическое положение (ГПП)–одна из тех категорий, которая не имеет общепринятой дефиниции и трактуется по-разному, что ограничивает потенциал научных исследований по геополитике. Приведенный в работе краткий анализ научной литературы по теме позволил установить концептуальные проблемы и обозначить конкретные подходы к определению ГПП, а также прийти к выводу о необходимости самостоятельной разработки понятия ГПП города. В статье приводится авторское понятие ГПП города, основанное на деятельностно-геопространственном подходе и концепции геополитических систем. Предложено 9 параметров, вкла-

дываемых в оценку ГПП города, и представлена методология получения интегральной оценки. ГПП города стратифицировано на 3 уровня в зависимости от масштаба. Описан потенциал понимания ГПП города для научной деятельности и практических действий в области экономики, государственного управления и развития городов.

Ключевые слова: геополитическое положение, геополитическая система, геополитическое отношение, географическое положение, полимасштабность, геополитика

Категория геополитического положения (далее – ГПП) стала широко распространенной в научной литературе, она отражает стремление к осмыслению влияния пространства на геополитическую действительность, действия субъектов и их потенциал в реализации своих локализованных устремлений. Однако трактуется ГПП совершенно по-разному. Геополитическое положение может оцениваться в категориях выгодное/невыгодное [1; 2]; особое/стандартное [3]; уникальное [4]; хорошее/нейтральное/плохое; значимое/незначимое; центральное/периферийное; по своему качеству (что требует выделения типов) или в некотором математическом виде – баллах или оценках по выбранным шкалам, где опять же оно может ассоциироваться с вербальными характеристиками. Такая аксиологичность в вопросах о ГПП (вместо абстрактных проработанных категорий) не вносит вклад в развитие научного знания, ГПП всегда конкретно – это отражение связей, оно не должно пониматься как плохое или хорошее, то есть не должно включать взгляд субъекта, с позиции которого оценивается ГПП. Подобная ситуация является следствием сложности и многоаспектности геополитики, сильной социоморфности данной науки и отсутствия развитой теоретической базы и научного консенсуса. Крайне сильно отличаются взгляды исследователей на сущность ГПП.

Нет четких представлений, как ГПП соотносится с другими “географическими” положениями [1; 5]. По некоторым представлениям ЭПП, ППП и ФПП являются компонентами геополитического потенциала и складываются в его подсистему [2, с. 100]. П. Я. Бакланов описывает геополитическое положение как производное от географического [6, с. 12]. В свою очередь,

А. Ejurі и I. Ramadani описывают ГПП как концептуальный и динамический компонент географического положения [7; р. 25]. Еще сложнее становится, когда речь идет об геэкономике [8, с. 15]. Другая проблема заключается в том, что ГПП часто подменяется понятиями “геополитическое значение” [9, с. 117], “геополитические предпосылки” [10] и др. В англоязычной литературе можно встретить замену на “geopolitical context” [11]. Все это только дополнительно размывает понятийный аппарат.

Существуют разные подходы к определению ГПП. Т. И. Герасименко и Е. А. Семенов утверждают, что “ГПП определяется как положение по отношению к соседним странам и прежде всего к приграничным регионам, с учетом сходства и различия их политических систем в контексте региональной политики, соотношения геополитических потенциалов, взаимных геополитических интересов и проблем.” [5, с. 157]. ГПП по А. Н. Фартышеву – “отношение какого-либо места (района, города или страны) к вне его лежащим данностям, имеющим глобальное политическое значение [12, с. 291]. Схожую трактовку можно обнаружить у В. А. Дергачева [13, с. 109]. А. Н. Фартышевым предложена формула, где “ГПП субъекта определяется отношением геополитической силы рассматриваемого субъекта к сумме геополитических сил других субъектов, где коэффициентом каждого субъекта служит степень влияния каждого из них на данный субъект и политическое отношение к рассматриваемому субъекту [14, с. 303–304]. По А. Б. Елацкову геополитическое положение выражается в структуре геополитических отношений на определенный исторический момент времени [15, с. 96]. В иностранной литературе прослеживается понимание геополитического положения как сферы влияния [16], как геополитической ориентации на внешние силы [17, р. 55], как результирующей географических факторов и историко-политических процессов [18], как интегрирующая всех факторов (экономических, демографических и др.) в их влиянии на геополитику [7, р. 25]. Сильно отличаются и предлагаемые типы ГПП. Так, А. Н. Фартышев выделяет пассивное ГП, активное ГП и геэкономическое положение [14, с. 303]. А. Ejurі

и I. Ramadani выделяют несколько типов ГПП–ГПП буферной зоны, контакта, анклава, коридора, переходное положение и др [7].

Небольшое количество подходов, приведенных выше, лишь срезом позволяет представить всю вариативность в понимании ГПП. Анализируя подходы к ГПП, А.Б. Елацков отметил, что любое географическое положение описывается в фиксированных смысловых блоках: отношение-место-расположение-данности-время [15, с. 93]. Можно сказать, что понимание ГПП отличается по всем названным блокам. Однако в целом все подходы можно разделить на две группы: 1. те, в которых ГПП понимается как категория для приграничных территорий и 2. те, в которых ГПП абсолютно универсальное понятие, оцениваемое для любого участка геопространства.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию в понимании ГПП как научной категории и общий контекст геополитических исследований, можно утверждать, что для выработки понятия ГПП города необходимо обратиться к какой-либо универсальной геополитической теории. В данной работе предлагается использовать деятельностно-геопространственный подход (в котором важнейшая категория—это геополитическое отношение) [15; 19] и концепцию геополитических систем [20] для решения данной задачи.

На основе предлагаемого теоретического базиса геополитическое положение города можно понимать как место города относительно всего пространства геополитических отношений в их полимасштабности и пространственной структурированности. Качество ГПП города, таким образом, связывается с характеристиками геополитических отношений, затрагивающих город; а сущность ГПП происходит из стратифицируемой геопространственной деятельности общества и его самоорганизации в разных функциональных пространствах (экономическое пространство, политическое и т.д.), в которых формируются субъектно-объектные геополитические отношения. Складывающаяся структурированность таких геополитических отношений задает определенное содержание ГПП—его аналогичную стратифицируемость по функциональными геосферам. От-

сюда возникает необходимость представлять параметры так, чтобы они были связаны со всеми геосферами, иначе оценка ГПП не сможет отражать реальное ГПП. Полимасштабность, в свою очередь, позволяет выделить 3 типа ГПП в зависимости от масштаба оценки: макро, мезо и микро ГПП.

Такие характеристики, как протяженность береговой линии или длина пограничной зоны, часто вкладываемые при определении ГПП региона или страны, бесперспективны для оценки ГПП города в данном теоретическом ключе и ввиду пространственных характеристик объекта исследования. Необходимо обратить внимание на другие параметры, которые можно включить в оценку ГПП. Подобные параметры должны отражать все возможные комбинации стратифицируемых геополитических отношений в определяющем влиянии последних на геополитические процессы, геополитический потенциал, постановку геополитических целей и задач.

С учетом обозначенных теоретических принципов, автором предлагается следующая методика оценки ГПП города, включающая два этапа:

I. Выделение 9 параметров, закладываемых в оценку ГПП, которые отвечали бы всем заданным условиям (отражать полимасштабность, структурированность геопространства, качественные и количественные характеристики геополитических отношений):

П.1. Положение относительно стратегических фронтов (в терминологии З. Бжезинского) [22, с. 18] – линий, отделяющих Хартленд и разделяющих геополитические регионы мира. Город, располагающийся на таком фронте привлекает внимание глобальных сил и может стать ареной противостояния крупных геополитических систем, использующих в мирное время эти города как ретрансляторы своей мягкой силы. Недавние события в Гонконге и Афганистане показывают, насколько важны геополитические границы.

П.2. Военно-стратегическое положение. Сюда включается досягаемость города для ракетного, артиллерийского или авиационного удара извне, возможности быстрой оккупации военными силами противника. Здесь вопрос, что на что влия-

ет. Расположение военных объектов является скорее следствием наличия геополитических границ, но размещенные—такие объекты уже сами становятся факторами, закрепляя существующее геополитическое положение. Пример Калининграда дает понимание этого параметра.

П.3 Положение относительно международных штаб-квартир и представительств организаций. Необходимо оценить, присутствуют ли они в городе или в более крупном соседнем городе: насколько это важные для международного сотрудничества организации, расположена ли штаб-квартира или только региональное управление и т.п.; участвует ли город в городских системах сотрудничества (таких как Союз Балтийских городов).

П.4 Количество и качество геопространственных отношений города. В данный параметр вкладываются все аполитичные отношения субъекта—экономические, культурные, социальные, информационные и т.д. Здесь релевантно оценивать индекс глобальной корпоративной связанности [21, с. 419] и долю города в общих и конкретных геополитических ресурсах государства/иной геополитической системы. В качестве примера можно вспомнить любой глобальный город или ряд столиц национальных государств (Сеул, Москву и др.).

П.5 Положение относительно региональных геополитических границ, геополитических конфликтов и государственных границ. Пример важности этого параметра дают города Карачи, Лахор и Исламабад. Близость к границе с Индией вынудила власти Пакистана отказаться от привлекательной идеи размещения столицы в Лахоре [21, с. 152–153].

П.6 Наличие геопространственных альтернатив. В данный параметр вложено понимание того, является ли город, например, единственным крупным портом в стране, каким был Архангельск в XVII веке для Московского царства [1] или Владивосток после Русско-Японской войны на Тихом океане; проходит ли через город единственный путь в важную горную долину (Грозный), или в городе единственное в стране производство одного из жизненно важных видов лекарств/отрасль ВПК. Это широкий параметр. В каждом отдельном случае

нужно установить конкретно, что является безальтернативным.

П.7 Положение относительно региональных центров и внутреннего АТД. Нейтральность города относительно провинций, а также этнических, культурных и языковых регионов важно для внутреннего пространства геополитической системы. Благодаря своей нейтральности Берн, Гаага и Брюссель играют свою роль в Швейцарии и ЕС соответственно.

П.8 Положение относительно локальных геополитических систем. Под локальными геополитическими системами понимаются местные автономные силы с собственной повесткой и “государственностью”. К ним могут относиться преступные группировки, террористические организации, националистические группировки, наркокартели (что особенно актуально для городов Латинской Америки), а также разного рода радикальные общественные организации наподобие Антифа и более мирные проявления “народного момента” по Й. Терборну [21]. Пример “автономной зоны” Сиэтла, образованной летом 2020 года, демонстрирует потенциал локальных сил.

П.9 Положение относительно геополитических кодов, символов, бывших столиц государств, крепостей и бывших границ. Здесь оценивается положение относительно влияющих, но ушедших в прошлое конкретно-исторических пластов геополитических отношений по А. Б. Елацкову [15, с. 96]. В этом смысле интересен пример Мехико, который основан на месте Теночтитлана.

II. Оценив положение города по каждому параметру в универсальных критериях (например, в виде оценки от 1 до 10 баллов по параметру), необходимо перенести результаты в матрицу корреляции для установление коррелирующих параметров. Важно задать пороговые, критические значения для каждого из них. Затем можно провести интегральную оценку ГПП. В отсутствие общего математического аппарата в геополитике и возможности установления релевантных коэффициентов (для интегрирования) набор параметров необходимо предоставить для экспертной оценки с последующим установлением веса критериев и пороговых значений. Все это можно

осуществить в рамках методологии analytic hierarchy process (АНР) [23] или с помощью других аналитических конструкций.

В результате всех действий будет установлено общее значение X , отражающее уровень ГПП города, то есть степень внимания геополитических акторов к данному городу, зависящее от его позиционирования в системе геополитических отношений. ГПП города тем самым связывается с притягательностью этого города для осуществления геополитических процессов в нем. Чем выше X , тем больше геополитических рисков для города и одновременно с этим, у города большая роль в вопросах обеспечения геополитической безопасности. В этом заключается практическое видение понятия ГПП города в данной работе.

Понятие ГПП города проистекает из понимания города как актора геополитики (геополитической системы и/или ее элемента), а не просто центра репрезентации власти [21, с. 11]. Тем самым, ГПП города – важная категория, оценка ГПП города необходима в самой управленческой системе города для понимания возможных геополитических рисков при вариативности геополитической действительности, угроз безопасности, прогнозирования конфликтного потенциала в городе и стратегическом планировании. В. А. Колосов и Р. Ф. Туровский связывают ГПП с оценкой возможностей реализации геополитических проектов [8, с. 55]. Такая оценка имеет смысл и для инвесторов, учитывающих геополитические риски и рассчитывающих страновые коэффициенты риска, такие коэффициенты желательно оценивать для каждого конкретного города. По мнению Т. И. Герасименко и Е. А. Семенова, ГПП влияет на место в территориальном разделении труда [5, с. 157] – это касается и ГПП города. Понимание ГПП должно быть и на государственном уровне для укрепления суверенитета на территории. Можно привести множество примеров, когда ГПП определяло судьбу города: благодаря своему геополитическому положению Аддис-Абеба смогла завоевать своё сегодняшнее положение в Африке, являясь штаб-квартирой Африканского союза. В научном плане на основании ГПП города можно выстраивать иерархию

городов как элементов глобальной геополитической системы или в рамках страновых, региональных геополитических систем и тем самым содействовать развитию нового научного направления урбанистической геополитики.

Геополитическое положение города может теоретизироваться по-разному, в данной работе предлагается использовать деятельностно-геопространственный подход и концепцию геополитических систем:

ГПП города – отражение его положения в геополитическом пространстве, т.е. пространстве геополитических отношений.

ГПП конкретного города может быть интегрально установлено исходя из оценок по 9 предложенным параметрам с помощью методологии АНР.

Чем выше значение ГПП города, тем больше геополитические риски и тем больше его роль в вопросах обеспечения геополитической безопасности.

Понимание ГПП должно быть как в государственном секторе, так и в бизнес среде для повышения качества прогнозирования, минимизации рисков и укрепления суверенитета на территории.

Разработка ГПП города важна для развития научного направления урбанистической геополитики.

Список источников и литературы:

1. Голдин В.И. Архангельск в арктической истории и геополитике // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 1. – С. 5–14.
2. Писаренко С.В. Геополитическое влияние приграничных городов Ленинградской области // Царскосельские чтения. – 2017. – Т. 1. – С. 99–102.
3. Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А. Геополитическое положение Калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 3. – С. 128–144.
4. Li T.S., Long D.P. Geopolitical position of Central Asian countries and geopolitical strategy of China // Progress in Geography, 2014. Т. 33. № 3. Р. 303–314.
5. Герасименко Т.И., Семенов Е.А. Экономико-географическое и геополитическое

- литическое положение как интегральная пространственная категория // Вестник Оренбургского государственного университета, 2015. № 1 (176). С. 156–161.
6. Бакланов П. Я. О категориях современной геополитики // Изв. РАН. Сер. геогр., 2003. № 2. С. 7–16.
  7. Ejupi A., Ramadani I. Regional differentiation and the geopolitical and transboundary position of the Presheva Valley // *Miscellanea Geographica*. – 2016. – Т. 20. – № 4. – Р. 22–28.
  8. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // *Полис. Политические исследования*, 2000. № 3. С. 40–60.
  9. Айдаев Г. А. Стратегические перспективы социально-экономического развития города // *Вестник ВСГУТУ*. – 2012. – № 2. – С. 117–120.
  10. Киселева П. И. Исторические, геополитические и экономические предпосылки создания свободного порта Владивосток // *Аллея науки*. – 2018. – Т. 3. – № 5. – С. 179–182.
  11. Milano C., Novelli M., Cheer J. M. Overtourism and tourismphobia: A journey through four decades of tourism development, planning and local concerns // *Tourism Planning & Development*, 2019. Volume 16. Issue 4. P. 353–357.
  12. Фартышев А. Н. Оценка концепций развития и позиционирования Сибири через призму теории геополитического положения // X научная Ассамблея Ассоциации российских географов-обществоведов, 2019. С. 290–293.
  13. Дергачев В. А. Геополитический словарь-справочник. Киев: КНТ, 2009. 592 с.
  14. Фартышев А. Н. Геополитическое и геоэкономическое положение Сибири: моделирование и оценка // *Вест. СПбГУ. Науки о Земле*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 300–310.
  15. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации: монография. М.: ИНФРА-М, 2017. 251 с.
  16. Bilgin P. “Only strong states can survive in Turkey’s geography”: the uses of “geopolitical truths” in Turkey // *Political geography*. 2007. Т. 26. № 7. P. 740–756.
  17. Lagerspetz M. How many Nordic Countries? Possibilities and limits of geopolitical identity construction // *Cooperation and Conflict*. 2003. Т. 38. № 1. P. 49–61.
  18. Grčić M. *Politička geografija*. – Geografski fakultet, 2000.
  19. Каледин Н. В. Деятельностно-геопространственная парадигма географии // *География в системе наук о Земле: современные проблемы науки и образования*; под ред. Алиева Т. А., Дмитриева В. В., Каледи-

- на Н. В., Чистякова К. В.. СПб.: ВВМ, 2011. С. 39–45.
20. Гресь Р. А. Пространственно-временная динамика центрo-периферийных структур геополитических систем // Псковский регионологический журнал. 2020. Выпуск 2 (42) С. 87–98.
  21. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В Данилова; Нац. исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.
  22. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: [перевод с английского]. – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 702 с.
  23. Vaidya O. S., Kumar S. Analytic hierarchy process: An overview of applications // European Journal of operational research. – 2006. – Т. 169. – № 1. – P. 1–29.

GEOPOLITICAL POSITION OF THE CITY: CONCEPT, FUNDAMENTAL ISSUES AND ASSESSMENT

Gres. R. A.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Geopolitical position (GPP) is one of those categories that does not have a generally accepted definition and is interpreted in different ways, which limits the potential of scientific research on geopolitics. The brief analysis of the scientific literature on the topic provided in the work made it possible to identify conceptual problems and identify specific approaches to the definition of GPP, and also to come to the conclusion that it is necessary to independently develop the concept of GPP of the city. The article presents the author’s concept of the GPP of the city, based on the activity-geospatial approach and the concept of geopolitical systems. 9 parameters invested in the assessment of the GPP of the city are proposed, and the methodology for obtaining an integral assessment is presented. The GPP of the city is stratified into 3 levels depending on the scale. The potential of understanding the GPP of the city for scientific activities and practical actions in the field of economics, public administration and urban development is described.

Key words: geopolitical position, geopolitical system, geopolitical relation, geographical location, polyscale, geopolitics

---

**Секция 5.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ,
ГЕОПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА РОССИИ**

**ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ГЛАЗАМИ
КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ**

Ван Ци¹, Чэнь Диюй¹, Ван Ицинь¹, Ульянова С. Б. ²

¹Университет Цинхуа,
район Хайдянь, Пекин, КНР

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Начиная с 1990-х годов, изменения в восточной политике России, связанные с этим проблемы ее истории, культуры, политической практики и др. оказались в центре внимания китайских ученых. Изучив почти 2 тысячи статей в ведущих научных журналах, размещенных в авторитетной базе данных китайского научного цитирования «Чжи Ван», авторы отобрали и проанализировали репрезентативные взгляды 80 авторов. Были выделены три аспекта проводимых исследований: 1) трактовка китайскими учеными «Новой восточной политики» и «Восточного вектора» России; 2) историко-культурная логика «Восточного вектора» России, а также важные идеологические дебаты русской элиты; 3) инициатива «Большое евразийское партнерство» как исторический стратегический выбор России для «Восточного вектора». Авторы статьи комментируют комплекс китайских научных работ по данным темам и представляют их российским ученым.

Ключевые слова: «Восточный вектор», идеологическая дискуссия, «Большое евразийское партнерство», китайское россиеведение.

Начиная с 1990-х годов, изменения в восточной политике России, связанные с этим проблемы ее истории, культуры, политической практики и др. оказались в центре внимания китайских ученых. Изучив почти 2 тысячи статей в ведущих научных журналах, размещенных в авторитетной базе данных

китайского научного цитирования «Чжи Ван», авторы отобрали и проанализировали репрезентативные взгляды 80 авторов. Были выделены три аспекта проводимых исследований: 1) трактовка китайскими учеными «Новой восточной политики» и «Восточного вектора» России; 2) историко-культурная логика «Восточного вектора» России, а также важные идеологические дебаты русской элиты; 3) инициатива «Большое евразийское партнерство» как исторический стратегический выбор России для «Восточного вектора».

I. ТРАКТОВКА «НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» И «ВОСТОЧНОГО ВЕКТОРА» РОССИИ. В 1992 году внешняя политика России подверглась серьезной корректировке: был начат поворот от прозападной политики к реализации восточно-западного баланса дипломатии «Двуглавого орла», с акцентом на Азиатско-Тихоокеанский регион, особенно Северо-Восточную Азию. Россия провозгласила «Новую восточную политику». Этот исторический поворот исследован в статьях китайских ученых – Ван Аньци, Чжан Пин, Ян Цзинмин, Шань Жун, Ли Чжунчэн, Цзинь Чжэнхао, Юй Гочжэн, Линь Ся, Хуан Дэньсюе, Ван Шучунь, Вань Цинсун, Цюй Вэньи и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

«Восточный вектор», начатый вслед за «Новой восточной политикой», представлял собой не цивилизационный или культурный, но дипломатический и экономический поворот России. Украинский кризис привел к усилению «Восточного вектора». Эта политика включает в себе четыре стратегических цели правительства В. В. Путина: развитие энергетической экономики, расширение геополитического влияния России, сокращение разрыва между восточными и западными регионами страны, сохранение России как страны Азиатско-Тихоокеанского региона. «Восточный вектор» представляет собой комплексную стратегию развития, охватывающую как внутренние, так и международные аспекты. Среди исследований, посвященных этой политике, мы выделили работы Чжао Хуашэн, Чэнь Юй, Ян Юйцай, Ма Бо, Чэн Чэн, Ли Юнхуэй, Чжань Яньнань, Ван Пэн, Тань Жань, У Сяоди, Гао Юн, Цао Инвэй, Сюе Сосо и др. [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28].

Важно отметить, что трактовка «Восточного вектора» тесно связана с дискуссией о принадлежности русской цивилизации к восточной или западной общности, поэтому многие китайские ученые сосредоточивают свое внимание на этой проблеме, чтобы выявить историко-культурные мотивы политики «Восточного вектора» России.

II. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА «ВОСТОЧНОГО ВЕКТОРА» РОССИИ И ВАЖНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ РУССКОЙ ЭЛИТЫ. С момента превращения России в евразийскую империю русская элита была озабочена вопросами российской этнической идентичности. В поисках самоидентификации русская общественная мысль рассматривала Россию в ее связи с Западом, Востоком или Востоком-Западом. В результате дискуссия о принадлежности русской цивилизации к восточному или западному типу стала непреходящей горячей темой. Ее трактовки были обусловлены конкретно-историческими обстоятельствами и политическими реалиями и различались в отдельные исторические периоды. Цивилизационная самоидентификация русской элиты глубоко влияла и влияет на то, как Россия смотрит на себя и на мир, как Россия оценивает свою собственную историю, как Россия выбирает свой собственный путь развития и другие ключевые вопросы.

В частности, в X–XV веках Русь подвергалась, прежде всего, византийскому культурному влиянию, связанному с принятием восточного, византийского, христианства. В течение XIII–XV веков на нее глубоко воздействовала монгольско-тюркская «степная» культура. Петр Великий в своих реформах явно выбрал путь вестернизации. Практическая политика Екатерины II, несмотря на ее знакомство с идеологией французского Просвещения, больше соответствовала восточному феодальному авторитаризму. В середине XIX века западники и славянофилы спорили о выборе пути развития России. Советская многонациональная культура родилась в начале XX века. После распада Советского Союза в конце 1991 года культурная позиция России по отношению к Востоку и Западу вновь стала актуальной и реальной проблемой. Борьба между

восточными и западными элементами в русской культуре продолжается, и русский маятник по-прежнему качается между познанием «Запада» и утверждением собственного «Востока».

Китайские ученые уделяют этой полемике в русской общественной и политической мысли большое внимание, пристально изучают процессы вестернизации и ориентализации в русской культуре. Значимый вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как Тянь Цзюаньюй, Лу Чжаоцин, Цзян И, Инь Сичэн, Чэнь Цзяньхуа, Лин Цзинхуа, Лу Жэньхао, Чжан Цзи, Чжан Айли, Ди Сяося, Ван Юньфан, Чжао Боюань, Ван Цзюань, Ван Чунмэй, Чжао Хайфэн, Ли Иньюй, Ян Хуа, Цзу Чуньмин, Фэн Шаолэй, Бянь Лэли, Ван Сяньюань, Бай Сяохун, Лю Ядин и др. [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52].

Рассмотрение промежуточного, восточно-западного, характера развития России в географическом, страноведческом ключе показывает, что Россия, расположенная между Востоком и Западом, не только отличается от Европы и Азии, но и тесно связана с и с той, и с другой. С исторической точки зрения спор между норманистами и антинорманистами открыл дискуссию о принадлежности русской цивилизации к восточной или западной. В споре между западниками и славянофилами, западники подчеркивали европейские атрибуты России, что Россия не является «исключительной для Запада». Славянофилы же, считали, что русская история имеет свою «специфику», православие и сельские общины являются «уникальным наследием» русской истории, что определили принципиальные различия между Россией и Западом. С точки зрения понимания цивилизации, культурного типа, русская культура, находящаяся на двух континентах, в двух типах цивилизации – Европе и Азии, Западе и Востоке, представляет собой третью культуру, т.е. имеет место интеграция восточной и западной культуры в евразийскую.

В связи с этим в специальном изучении нуждается вопрос о русском евразийстве. В связи с этим понятием существуют три вопроса, на которые необходимо ответить. Во-первых, нужно проследить историко-культурное происхождение, роль

и задачи русского евразийства. Во-вторых, важно понять, почему наследие русского евразийства является актуальной проблемой? Каковы социальные и исторические причины этого? В-третьих, как объяснить, что историко-философский вопрос о «российском пути» вновь встал перед людьми в конце 1991 года? В чем особенности трактовок конца XX – начала XXI века по сравнению с размышлениями столетней давности?

Эти вопросы поставлены и успешно разрешаются в трудах таких китайских исследователей, как Цзя Цзэлинь, Сяо Бин, Сюй Фэнлинь, Сун Дэсин, Сюй Чжицин, Чэнь Сюньмин, Чжан Цзяньхуа, У Юйсин, Луань Яньли, Чэнь Лиян, Ху Сяопин, Чжан Хайин, Линь Цзинхуа, Вэнь Фэн, Го Лишуан, Ван Липин [53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64; 65; 66; 67].

Китайские ученые проследили процесс развития евразийства. Истоки этого направления русской общественной мысли наметились в 1920-е годы среди русских эмигрантов. Евразийцы унаследовали идею славянофилов о том, что Россия – уникальная евразийская страна, она не может слепо следовать за Западом, а должна искать и придерживаться своего уникального пути.

В китайской науке большое внимание уделяется взглядам таких представителей русского классического евразийства, как П. Н. Савицкий, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский и др.

После распада Советского Союза сложилась неоднозначная геополитическая обстановка, когда, с одной стороны, Запад отказывался разговаривать с Россией «на равных», а, с другой, – Российская Федерация в период президентства Б. Н. Ельцина не желала признавать себя «восточной» страной. В этих условиях Российская Федерация как государство-правопреемник Советского Союза выдвинула идею неоевразийства. Ярким представителем этой идеологии считается А. С. Панарин. Неоевразийцы критикуют взгляды славянофилов и классических евразийцев, подчеркивают приверженность к культурным традициям своего народа, уважая при этом современную цивилизацию. Согласно утверждениям неоевразийцев, в современном постиндустриальном обществе только Россия способна орга-

нично сочетать «технологическую цивилизацию» с «духовной цивилизацией».

Стоит отметить, что анализ взглядов евразийцев привел китайских ученых к выводу о том, что П. Н. Савицкий уже давно предсказал перспективы «Евразийского экономического союза». Его предвидение сегодня актуализируется в проекте «Большого евразийского партнерства». Инициатива «Большого евразийского партнерства» является историческим стратегическим выбором восточной политики России.

III. ИНИЦИАТИВА «БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО»: ИСТОРИЧЕСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ ДЛЯ «ВОСТОЧНОГО ВЕКТОРА». Инициатива «Большого евразийского партнерства» является результатом непрерывных идеологических дискуссий в среде российской интеллектуальной и политической элиты. Практическая реализация программ и проектов «Евразийского союза», «Евразийского экономического союза» и «Светлого пути Казахстана» способствует обретению полезного практического опыта. Базовой моделью «Большого евразийского партнерства» являются китайско-российские отношения. «Большое евразийское партнерство» и «Один пояс, один путь»—эти две инициативы идут рука об руку, соответствуют друг другу на разных уровнях. Поэтому китайские ученые сравнивают эти две основные инициативы для лучшего понимания сути каждой из них. Такой компаративный подход мы видим в статьях Луань Го, Лю Мин, Чжан Нин, Ли Цзыго, Пан Дапэн, Ван Шучунь, Чжу Янь, Ли Юнхуэй, Ян Лэй, Гу Вэй, Ли Юнцюань, Ян Лэй и др. [68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 76; 77].

Одним словом, евразийство выступило альтернативой евроцентризму на фоне разочарования в возможностях практического воплощения идеи «Большой Европы», с одной стороны, и успешного функционирования Евразийского экономического союза—с другой. Итогом стало возникновение «Большого Евразийского партнерства». Программы «Большое евразийское партнерство» и «Один пояс, один путь» имеют соответствующие друг другу концепции, схожие цели, одинаковые принципы, близкие пути. Поэтому эти две инициативы могут стать

общей рабочей основой для построения нового порядка в Евразийском регионе.

Движение от «Восточного вектора» до инициативы «Большого евразийского партнерства» отражает стратегическое направление открытой всему миру восточной политики, начатой правительством Российской Федерации в соответствии с конкретно-историческими внутренними и внешними обстоятельствами. России предстоит еще сложные испытания, связанные как с давлением со стороны Запада, так и с дальнейшим развитием «Восточного вектора».

Кристаллизация идеологической коллизии русской элиты составляет логическую цепочку современной российской восточной политики: реалистический консерватизм в родословной политической мысли; модернизм демократического суверенного государства, который оспаривает ценностный компромисс между современным и традиционным; уникальная российская цивилизация, основанная на конструировании национальной идентичности; приоритетный выбор пространства национального развития – Большая Евразия и т.п. Отдельные элементы этой системы, как и вся восточная политика России в целом, являются предметом глубокого изучения и заинтересованной интерпретации китайских ученых.

Список источников и литературы

1. Ван Аньци. Введение в российскую восточную политику, ее социальные предпосылки и реализация / Азиатско-Тихоокеанские исследования. Китай, № 3, с. 33–39, 1993.
2. Чжан Пин. Ограничения в российской восточной политике / Международное наблюдение. Китай, № 4, с. 6–7, 1993.
3. Ян Цзинмин. «Новая восточная политика» в российской дипломатии / Современная Восточная Европа и Средняя Азия. Китай, № 1, с. 48–50, 1995.
4. Шань Жун. Российская восточная политика и экономическое сотрудничество с Северо-Восточной Азией / Сибирские исследования. Китай, № 4, с. 14–19, 1995.
5. Ли Чжунчэн. Россия укрепляет «Новую восточную политику» / Современные международные отношения. Китай, № 4, с. 13–17, 38–39, 1996.
6. Цзинь Чжэнхао. Отношения российской «Восточной дипломатии» со

- странами Северо-Восточной Азии / Вестник университета Яньбяня. Социальные науки. Китай, № 1, с. 54–57, 1997.
7. Юй Гочжэн. «Новая восточная политика» России и безопасность в Северо-Восточной Азии / Мировая экономика и политика. Китай, № 6, с. 44–47, 1997.
  8. Го Сымянь. Россия активизирует восточную дипломатию / Мир и развитие. Китай, № 2, с. 20–24, 1998.
  9. Юй Гочжэн. «Новая восточная политика» России и безопасность в Северо-Восточной Азии / Исследования Восточной Европы и Центральной Азии. Китай, № 3, с. 38–42, 1998.
  10. Линь Ся. «Новая восточная политика» России и китайско-российское экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии / Мировая экономика и политика. Китай, № 2, с. 14–16, 1999.
  11. Хуан Дэнсюе. Программа Европейского Союза «Восточное партнерство»: движущие силы и перспективы – анализ российских точек зрения / Европейские исследования. Китай, № 4, с. 71–82, 160–161, 2010.
  12. Ван Шучунь, Вань Цинсун. Действительно ли российская дипломатия пойдет на восток? / Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли. Китай, № 5, с. 19–21, 33, 2013.
  13. Цюй Вэньи. Восточная стратегия России и ответ Китая / Японские исследования. Китай, № 3, с. 23–31, 2014.
  14. Чжао Хуашэн. Оценка Восточного вектора России / Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. Китай, № 4, с. 1–16, 156, 2016.
  15. Чэнь Юй. Раздумье о Восточном векторе России и его перспективе / Газета национальной обороны Китая. 2016. 25 ноября.
  16. Ян Юйцай. Российская «Восточная дипломатия» и ее влияние в 2016 году / Мировое знание. Китай, № 3, с. 48–49, 2017.
  17. Ма Бо. Оценка стратегии «Восточного вектора» России – мотивация, видение и вызовы / Исследования о России. Китай, № 3, с. 49–75, 2017.
  18. Чэн Чэн. После «конца» истории Россия повернула на Восток / Финансово-экономические круги. Китай, № 13, с. 84–85, 2017.
  19. Ли Юнхуэй. Восточный экономический форум помогает российской политике «смотреть на Восток» / Мировое знание. Китай, № 19, с. 36–38, 2017.
  20. Чжань Яньнань. Исторический анализ «Восточного вектора» России / Восточноазиатское обозрение. Китай, № 2, с. 20–39, 2018.
  21. Ли Юнхуэй. Оценка политики России «Смотреть на Восток» в 2017 году – также и по Евразийскому партнерству / Академический журнал о России. Китай, № 4, с. 15–29, 2018.
  22. Ван Пэн. Эпоха В. В. Путина 4.0, путь экономического развития Рос-

- сии на Востоке. / Китайский экономический еженедельник. Китай, № 20, с. 68–69, 88, 2018.
23. Тань Жань, У Сяоди. Движущие силы стратегии «Восточного вектора» России / Справочник по международным исследованиям. Китай, № 10, с. 12–20, 2018.
  24. Гао Юн. Дипломатические стратегические варианты России в связи с Восточной Азией в контексте украинского кризиса / Информатизация китайского управления. Китай, № 3, с. 129–131, 2018.
  25. Цао Инвэй. «Активная Восточная политика» России и ее влияние на Северо-Восточную Азию / Академический журнал о Северо-Восточной Азии. Китай, № 2, с. 89–103, 2019.
  26. Гао Ливэй. Восточный экономический форум и поворот российской экономики на восток / Сибирские исследования. Китай, № 6, с. 17–24, 2019.
  27. Сюе Сосо. Ход развития и перспективы Восточного вектора России / Сибирские исследования. Китай, № 6, с. 31–36, 2019.
  28. Ли Юнхуэй. Пятая годовщина Восточного экономического форума: воплощение политики России «Смотреть на Восток» / Мировое знание. Китай, № 20, с. 38–40, 2019.
  29. Тянь Цзюаньюй. Какой политический опыт Востока нужен России? / Исследования о России. Китай, № 4, с. 19, 28–31, 1994.
  30. Лу Чжаоин. Восточные вопросы в русской культуре / Восточная серия. Китай, № 4, с. 200–207, 1996.
  31. Цзян И. Между «вестернизацией» и «ориентализацией» – русская культура и русские перемены / Мировое знание. Китай, № 19, с. 30–33; № 20, с. 36–37, 1997.
  32. Инь Сичэн. Между Востоком и Западом – Россия с геополитической точки зрения / Современный мир и социализм. Китай, № 1, с. 50–51, 54. 2000.
  33. Чэнь Цзяньхуа. Чудесная страна: восточная фантазия пионеров русской литературы / Исследования о России. Китай, № 1, с. 67–74, 2001.
  34. Линь Цзинхуа. Поиск духовной поддержки славянской национальности: эстетические основы русской литературы / Академический журнал Иньшаня. Китай, № 2, с. 40–44, 2003.
  35. Лу Жэньхао. Россия никогда не была востоком – обсуждение взглядов Д. С. Лихачева об исторической ориентации России / Литература и искусство России. Китай, № 4, с. 49–54, 2003.
  36. Чжан Цзи, Чжан Айли. Анализ влияния культурных факторов на дипломатическую политику России / Современный мир и социализм. Китай, № 3, с. 127–132, 2004.
  37. Ди Сяося, Ван Юньфан. Двойственность русской культуры с точки зрения различий между восточной и западной культурами / Вдоль-по-

- перек социальных наук. Китай, № 6, с. 242–243, 2005.
38. Чжао Боюань. Восточный комплекс двуглавого орла – 300 лет русской дальневосточной стратегии /Окно Южного Ветра. Китай, № 22, с. 68–71, 2005.
  39. Лин Цзинхуа. Восточное христианство как форма наследия русской культуры / Восточная серия. Китай, № 2, с. 182–203, 2005.
  40. Лин Цзинхуа. «Восток» или «Запад»: как русские смотрят на российские проблемы / Российское культурное обозрение. Ежегодник. Китай, 2006, с. 14–19.
  41. Ван Цзюань. Восточные особенности в менталитете русского народа / Вестник Образовательного Колледжа Муданьцзяна. Китай, № 6, с. 34–35, 2006.
  42. Ван Чунмэй. Восточные особенности в древнерусской культуре / Исследования о России. Китай, № 4, с. 91–95, 2007.
  43. Чжао Хайфэн. Критика и откровение панславизма от В. С. Соловьева / Академический обмен. Китай, № 12. с. 8–11, 2009.
  44. Ван Чунмэй. Переосмысление восточной особенности раннерусской культуры / Зарубежные теоретические направления. Китай, № 1, с. 85–89, 2010.
  45. Ли Инюй. Культурные особенности России под евразийским космическим горизонтом / Академический обмен. Китай, № 4, с. 199–202, 2010.
  46. Ян Хуа. Формирование и выражение восточных культурных особенностей в русской культуре / Вестник Хэнаньского педагогического университета. Философские и общественные науки. Китай, № 5, с. 48–50, 2010.
  47. Цзу Чуньмин. Особенности конструирования «русского сознания» – обсуждение спора между западниками и славянофилами / Открытая эра. Китай, № 10, с. 56–68, 2012.
  48. Фэн Шаолэй. Новое позиционирование в великой истории – прогресс и проблемы России в области нарративно-дискурсивного конструирования / Исследования о России. Китай, № 4, с. 3–33, 2017.
  49. Бянь Лэли. Монгольское владычество и ориентализация русской культуры / Вестник Харбинского колледжа. Китай, № 11, с. 113–118, 2018.
  50. Ван Сянюань. Н. Я. Данилевский и «восточно-западный» взгляд на положение России / Исследования о иностранных языках Северо-Восточной Азии. Китай, № 2, с. 3–10, 2019.
  51. Бай Сяохун. Восточная и западная особенности развития русской истории / Исследования о России. Китай, № 6, с. 113–124, 2020.
  52. Лю Ядин. «Взгляд на Восток» в русской художественной и исторической литературе / Литература и искусство России. Китай, № 1, с. 4–14, 2021.

53. Цзя Цзэлинь. Евразийство и путь России / Сборник философских переводов. Китай, 1996, с. 1.
54. Сяо Бин. Евразийство: согласие или возражение, вчера и сегодня / Сборник философских переводов. Китай, 1996, с. 33–46, 49.
55. Сюй Фэнлинь. «Русская мысль» и ее современное состояние / Чжэцзянский академический журнал. Китай, № 4, с. 92–95, 1997.
56. Сун Дэсин, Сюй Чжицин. Идеология Великой русификации и ее политическое влияние / Международный форум. Китай, № 6, с. 14–20, 2001.
57. Чэнь Сюньмин. Н. Н. Алексеев и его евразийская национальная идеология / Исследования Восточной Европы и Центральной Азии. Китай, № 1, с. 54–57, 2002.
58. Чжан Цзяньхуа. От истории культуры к культурологии: возрождение или реконструкция исторического взгляда на цивилизацию? – Анализ феномена академических горячих точек в России / Обучение и исследование. Китай, № 2, с. 219–227, 2007.
59. У Юйсин. Евразийство: новое направление мысли русских эмигрантов – ход мыслительного направления классической евразийства / Исследования о России, Центральной Азии и Восточной Европе. Китай, № 3, с. 76–81, 2008.
60. Луань Яньли, Чжан Цзяньхуа. Политическая мысль русских эмигрантов 1920-х годов – на примере «новой тактики» П. Н. Милюкова / Вестник Университета Цицикара. Философские и общественные науки. Китай, № 3, с. 176–178, 2008.
61. Чэнь Лиян. Философский анализ тенденции мультикультурализма в России в 1990-е годы / Нанкинские социальные науки. Китай, № 10, с. 17–21, 2008.
62. Ху Сяопин. Анализ имперского мышления в российской общественно-политической мысли с 1991 г. / Историко-теоретическое исследование. Китай, № 4, с. 112–121, 2010.
63. Чжан Хайин. Критика евразийства в кругах русской эмиграции в 1920-е годы / Исследования о России. Китай, № 3, с. 189–211, 2014.
64. Линь Цзинхуа. Транс-евразийское имперское управление от европеизации к советизации: дискурс о евразийстве / Исследования о России. Китай, № 3, с. 138–188, 2014.
65. Вэнь Фэн. Перспективы программы «Евразийского союза» в Центральной Азии / Общественные науки Синьцзяна. Китай, № 6, с. 81–87, 2015.
66. Чжан Цзяньхуа. От «Туран-востока» до «Евразийского экономического союза – Светлого пути» – Евразийские идеи П. Н. Савицкого и их стратегическое значение в современном казахстанском национальном процессе / Социальные науки Хэйлунцзяна. Китай, № 2, с. 148–153, 2016.

67. Го Лишуан, Ван Липин. Построение цивилизационной теории классического евразийства в России и его современное значение / Вестник Университета Сучжоу. Философские и социальные науки. Китай, № 3, с. 21–28, 2019.
68. Луань Го, Лю Мин. Расшифровка «Большого Евразийского партнерства» / Китайские иностранные инвестиции. Китай, № 15, с. 14–19, 2016.
69. Чжан Нин. Зона свободной торговли ШОС—это новая платформа для «Экономического пояса Шелкового пути» и «Большого Евразийского партнерства» / Евразийская экономика. Китай, № 5, с. 61–63, 128, 2016.
70. Ли Цзыго. Большое евразийское партнерство: перестройка нового евразийского порядка? / Исследования по международным вопросам. Китай, № 1, с. 74–88, 2017.
71. Пан Дапэн. «Большое евразийское партнерство» России / Академический журнал о России. Китай, № 2, с. 5–17, 2017.
72. Ван Шучунь, Чжу Янь. Большое евразийское партнерство: углубленный анализ с многомерной точки зрения / Исследования о России. Китай, № 2, с. 17–43, 2017.
73. Ли Юнхуэй. Отношения России и АСЕАН в рамках Большого Евразийского партнерства: поиск регионального интеграционного сотрудничества / Академический журнал о России. Китай, № 2, с. 38–44, 2017.
74. Ян Лэй. Формирование, практика и влияние инициативы «Большого евразийского партнерства» в России / Евразийская экономика. Китай, № 6, с. 57–72, 124–126, 2017.
75. Гу Вэй. Логика евразийского партнерства Китая и России / Зарубежные теоретические направления. Китай, № 3, с. 108–116, 2018.
76. Ли Юнцюань. «Большое евразийское партнерство» и «Один пояс, один путь» / Академический журнал о России. Китай, № 4, с. 5–14, 2018.
77. Ян Лэй. Сопряжение «Одного пояса, одного пути» и «Большого Евразийского партнерства» с точки зрения международного строя / Форум Северо-Восточной Азии. Китай, № 1, с. 115–128, 2021.

Section 5.

POLITICAL GEOGRAPHY, GEOPOLITICS AND REGIONAL POLICY OF RUSSIA

RUSSIA'S EASTERN POLICY THROUGH THE EYES OF CHINESE SCHOLARS

Wang Qi¹, Chen Diyu¹, Ba Wang Yiqin¹, Ulyanova S. B.²

¹ Tsinghua University, Haidian District, Beijing, P. R. China

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic university,
Saint-Petersburg, Russia

Since the 1990s, changes in Russia's eastern policy, related problems of its history, culture, political practice, etc. have been in the center of attention of Chinese scholars. Having studied almost 2 thousand articles in leading scientific journals placed in the authoritative database of Chinese scientific citation "Zhi Wang", authors selected and analyzed representative views of 80 authors. Three aspects of the ongoing research were identified: 1) the interpretation by Chinese scientists of the "New Eastern Policy" and the "Eastern Vector" of Russia; 2) the historical and cultural logic of the "Eastern Vector" of Russia, as well as important ideological debates of the Russian elite; 3) the Greater Eurasian Partnership initiative as Russia's historic strategic choice for the Eastern Vector». The authors of the article comment on the complex of Chinese scientific works on these topics and present them to Russian scientists.

Key words: "Eastern Vector", ideological discussion, "Greater Eurasian Partnership", Chinese Russian studies.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Гомбоев Б.О.^{1,2}, Батомункуев В.С.¹, Рыгзынов Т.Ш.¹

¹ Байкальский институт природопользования СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

Определено, что в настоящее время на территории Азиатской России и сопредельных стран происходит усиление существующих и появление новых экологических, экономических, социальных и геополитических угроз для достижения сбалансированного развития данной территории. При этом пространственное развитие указанного субконтинента осуществляется в условиях формирования новых глобальных геополитических стратегий «Один пояс, один путь», «Большая Евразия», «Северный морской путь» при наличии уже сложившихся экономических и политических союзов и инициатив в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Показано, что усиление внимания к процессам пространственного развития происходит в настоящее время и в связи с процессами глобализации в мировой экономике, которые имеют разнонаправленный вектор в разных частях мира, сглаживая и усиливая межстрановые и внутристрановые различия. Рассмотрены различные варианты трансконтинентальных маршрутов, дифференцирующих различные аспекты регионального развития, включая его природные, экономические и социальные составляющие. Определено, что в условиях

формирования новых векторов геополитических стратегий, становится необходимым прогноз пространственного развития Азиатской России и сопредельных территорий.

Ключевые слова: пространственное развитие, геополитические стратегии, трансконтинентальные маршруты, Азиатская Россия

Азиатская часть России занимает 13,1 млн. кв. км или 75 % территории Российской Федерации, на ней проживает более 30 млн. человек или 21 % населения страны. Значительная часть Азиатской России относится к районам Крайнего Севера или приравнена к ним. Сложные природно-климатические условия оказывают большое влияние на систему расселения и территориальную структуру хозяйства. Несмотря на эти лимитирующие факторы, территориальные ресурсы данного макрорегиона являются основой пространственного развития России. Большое влияние на данное развитие в условиях Азиатской России играют новые глобальные геополитические стратегии, проявляющиеся в различных вариантах трансконтинентальных и трансокеанических маршрутов и влияющих на различные аспекты мирового и регионального развития.

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ УГРОЗЫ ПРОСТРАНСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ АЗИАТСКОЙ РОССИИ. Наличие традиционных и появление новых экологических, экономических, социальных и геополитических угроз для достижения сбалансированного развития данной территории сопрягается с основными вызовами пространственному развитию Российской Федерации в обозримый период, определённых в проекте Концепции стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [1]:

1. Завершение очередного цикла развития мировой экономики и переход к новому технологическому укладу, основанному на массовом применении инноваций в производственном процессе и в сфере услуг. Данный вызов или угроза характеризуется для Азиатской России тем, что переход к указанному укладу здесь значительно отстаёт от общемировых темпов и передовых российских регионов, даже при наличии отдельных инновационных центров.

2. Постепенное изменение географической конфигурации мировых центров глобального экономического влияния в пользу развивающихся опережающими темпами государств Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, оказывающих растущее воздействие на все мирохозяйственные тенденции, включая движение потоков капитала, миграции трудовых ресурсов и др. Часть этих центров находится в непосредственной территориальной близости от субъектов РФ, расположенных в Азиатской России. Однако, эти субъекты очень слабо вовлечены в эти мирохозяйственные связи, формирующиеся в указанных государствах.
3. Достижение критического уровня антропогенного и техногенного воздействия на биосферу Земли, ускорение негативных климатических изменений и значительное ухудшение состояния природных комплексов. Большая часть территории Азиатской России всё ещё находится в условиях «спонтанного» природоохранного режима. Тем не менее, имеется ряд территорий, подверженных значительному техногенному воздействию, прежде всего в зоне действия горнодобывающей промышленности и лесозаготовительной промышленности. Глобальное изменение климата в ряде мест происходит быстрыми темпами и потепление климата здесь превышает среднемировые показатели.
4. Происходящие высокими темпами глобальные изменения территориальной структуры расселения, существенное увеличение численности населения, проживающего в экологически неблагоприятных регионах мира, а также на территориях с острым дефицитом сельскохозяйственных земель, источников чистой питьевой воды и др. Территориальная структура населения в Азиатской России претерпела и претерпевает значительные и зачастую более драматические изменения, чем в Европейской части России. Это, прежде всего, непрекращающийся миграционный отток населения их большинства субъектов Азиатской России и из сельской местности. Многие крупные города данного макрорегиона имеют неблагоприятную экологическую об-

становку, прежде всего по качеству атмосферного воздуха. Дефицита сельскохозяйственных земель, и источников чистой питьевой воды здесь нет. Более того, интенсивность использования сельскохозяйственных угодий существенно понизилась по сравнению с коллективным периодом.

Всё указанное выше предопределяет рассмотрение также и геостратегических оснований пространственного развития Азиатской России в сложившихся условиях.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ. Традиционно геостратегия понимается как наука или деятельность, направленная на внешнеполитическую или внешнеэкономическую сферы функционирования государства [2, 3]. Мы придерживаемся мнения, что геостратегические основания пространственного развития государства или его крупных частей должны учитывать как внутренние, так и внешние факторы его деятельности. Это согласуется с мнением, что геостратегические приоритеты современной России можно рассматривать в двух измерениях: внутривнутриполитическом и внешнеполитическом [4]. При этом представляется, что данные приоритеты не должны ограничиваться только политическими аспектами, но могут включать также экономические, социальные, экологические и другие параметры. Важность рассмотрения геостратегических оснований пространственного развития Азиатской России в предлагаемом ключе усиливается также и тем, что рассматриваемый субконтинент, который входит в зону влияния стратегии «Один пояс, один путь», а в более широком контексте – и Большой Евразии [5], является пространственно-хозяйственной основой формирования и усиления восточного вектора развития России. Определяющую роль в формировании главных направлений пространственного развития Азиатской России должны сыграть упомянутые новые глобальные геополитические стратегии, – «Один пояс, один путь», «Большая Евразия», «Северный морской путь», трансконтинентальные и трансокеанические маршруты которых проходят по её территории и у его берегов (рис. 1).

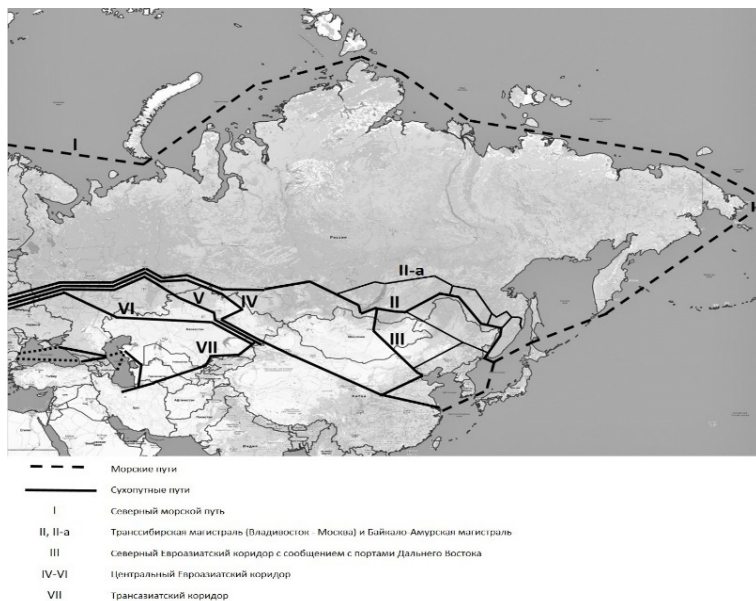

Рис. 1. Трансконтинентальные и трансокеанические маршруты Большой Евразии

Активизация данных маршрутов имеет для Азиатской России, по крайней мере, две особенности. Первая заключается в том, что данные маршруты имеют преимущественно транзитное назначение без заметного увеличения экономической деятельности на прилегающих к этим маршрутам территориях субконтинента в обозримом будущем. Другая заключается в том, что в качестве приоритетного трансконтинентального маршрута рассматривается южный маршрут через Синьцзян-Уйгурский Автономный район КНР и далее через Казахстан.

Большое значение для активизации пространственного развития Азиатской России и её частей имеют меридиональные и субмеридиональные межгосударственные маршруты, образующие так называемые «экономические коридоры» (рис. 2). Следует отметить, что указанные маршруты проходят по территориям, богатыми природными ресурсами, в том числе минерально-сырьевыми и обладающими высоким потенциалом для освоения.

Рис. 2. Экономический коридор Китай-Монголия-Россия

За последние несколько лет наблюдается заметный прогресс в развитии сотрудничества между Россией, Китаем и Монголией. «Программа экономического коридора Китай-Монголия-Россия», подписанная на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте в июне 2016 года, направлена на активизацию трехстороннего сотрудничества. Документ определяет основные направления трехстороннего сотрудничества в различных сферах, содержит список из 32 проектов, реализация которых будет способствовать укреплению торгово-экономического сотрудничества между тремя странами. Экономический коридор Китай-Монголия-Россия может способствовать поиску новых точек экономического роста для трех стран, стимулировать развитие приграничного сотрудничества и повысить уровень жизни населения приграничных территорий. Кроме того, реализация программы развития экономического коридора позволит каждому из государств обеспечить свои национальные экономические интересы. С конца 2019 г. в связи с распространением нового коронавируса COVID-19 межгосударственные экономические отношения ослабли.

В рамках сотрудничества в области освоения минерально-сырьевых ресурсов Россия, Монголия и Китай по-прежнему являются одними из крупнейших мировых производителей минерального сырья и занимают ведущие места в мире по его экспорту как минимум на среднесрочную перспективу. На основе данных министерства природных ресурсов и экологии РФ, государственного учреждения Монголии по использованию минеральных ресурсов, Министерства земли и ресурсов Китайской народной республики и геологической службы Китая, государственной статистики и ведомственных министерств стран, нами был проведен анализ состояния и динамика добычи наиболее важных минеральных ресурсов. Общий объем добытых полезных ископаемых в странах (рис. 3) составляет более 25 % от общего объема добытых в мире [7].

Несмотря на углубление диверсификации экономики, минерально-сырьевой комплекс России и Монголии (кроме Китая) продолжает играть значительную роль в развитии страны, обеспечивая 30–50 % доходов бюджета России и Монголии, а также более 60–70 % экспортных поступлений, рабочие места для миллионов жителей стран в добывающих и смежных отраслях промышленности. По данным среднегодовых мировых цен (на 2017 год) на полезные ископаемые, определена их общая стоимость, что составила около 1041,8 млрд. долл. (29 % от общемирового) (рис. 4).

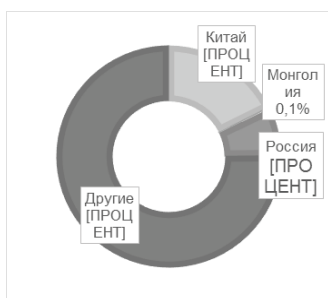

Рис. 3. Объем добытых полезных ископаемых в странах, % (2017 г.) [7, 8]

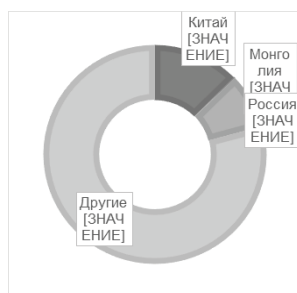

Рис. 4. Объем стоимости добытых полезных ископаемых по странам, млрд. долл. (2017) [7,8]

По общим мировым запасам полезных ископаемых эти страны занимают ведущие позиции: вольфрам (59%), калийные соли (57%), олово (45%), плавиковый шпат (45%), молибден (41%), цинк (30%) свинец (24%), железная руда (28%) алмазы 27%, серебро (21%), металлы платиновой группы (17%) и др.(рис.5).

По объемам добычи и производства: вольфрам (85%), свинец (49%), палладий (43%), олово (40%), цинк (39%), молибден (37%), алмазы (33%), марганец (30%), алюминий (25%), золото (23%), и др. виды от мировой добычи (рис.6).

На 2018 год объем товарооборота между странами составил более 118 миллиарда долларов, наблюдался ежегодный рост (рис. 7). С 2010 по 2018 годы с 58% до 78% увеличился объем экспорта минерально-сырьевыми ресурсами из России в Китай, а также высокий уровень поставок из России в Монголию, Китая в Монголию (Рис. 8), где большую часть занимают производные от энергетических продукты. При этом экспорт из России в Монголию снижается.

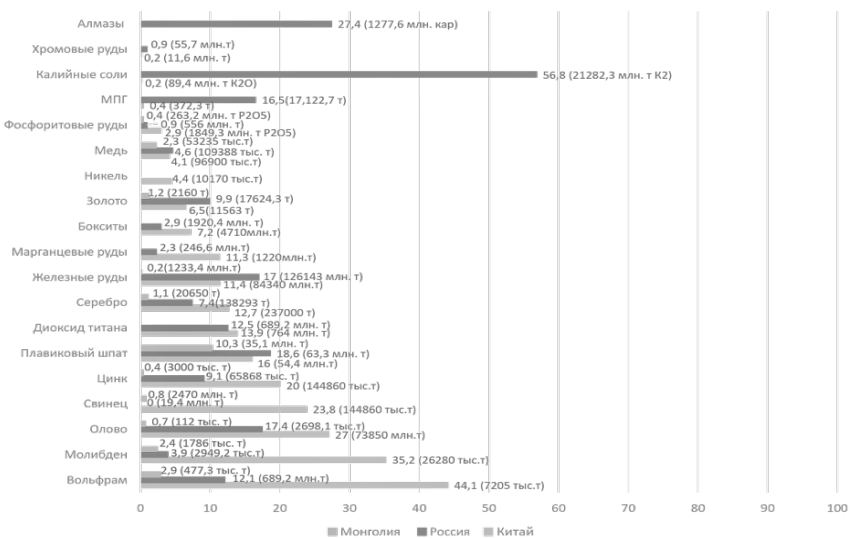

Рис. 5. Запасы полезных ископаемых от мировых ресурсов,%

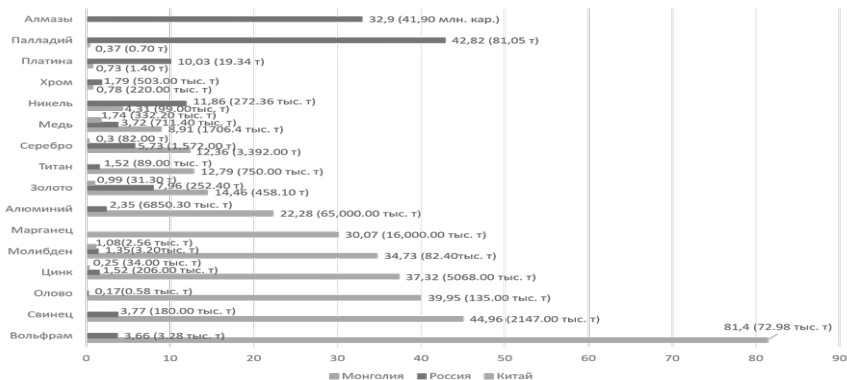

Рис. 6. Добыча /производство полезных ископаемых от мировой добычи и производства

Рис. 7. Объем товарооборота между Россией, Китаем и Монголией, 2018 г., млрд. долл.

При определении роли освоения минерально-сырьевой базы в пространственном развитии Азиатской России и сопредельных территорий следует учитывать внешние и внутренние вызовы и угрозы, способные оказать негативное влияние на развитие их минерально-сырьевой базы:

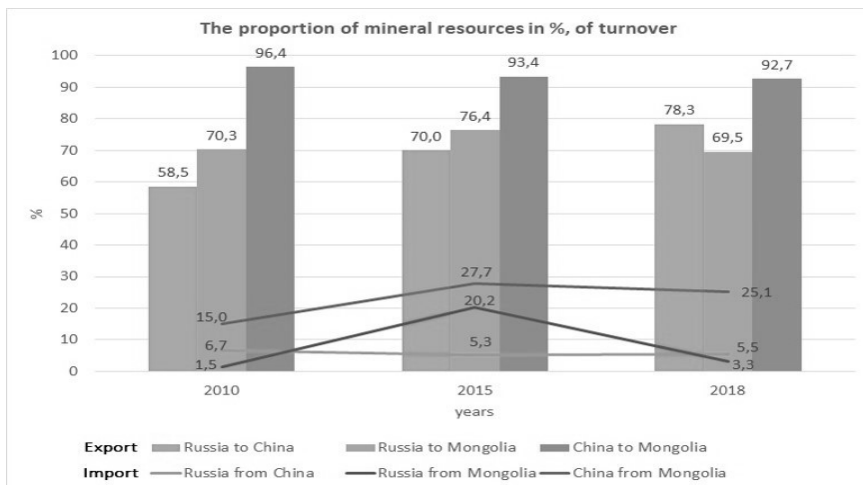

Рис. 8. Доля полезных ископаемых и их производных в процентах от внешнеторгового оборота.

- колебание мировых цен на минеральное сырье и возможное падение доходов компаний и поступлений в бюджеты стран;
- появление на мировых рынках новых крупных поставщиков минеральных ресурсов, осуществляющих масштабную добычу нетрадиционных видов углеводородов, а также разрабатывающих качественные месторождения твердых полезных ископаемых;
- усиление конкуренции между российскими и иностранными компаниями-поставщиками сырья в условиях санкций, введенных в отношении организаций топливно-энергетического комплекса России в части доступа к некоторым современным технологиям и оборудованию, привлечения долгосрочного финансирования и организации совместных проектов с зарубежными партнерами;
- структурные изменения в зарубежной экономике;
- развитие альтернативной энергетики;
- проявление негативной политической и экономической ситуации.

Недостаточный учет этих вызовов приводит к обострению или реализации следующих угроз развитию минерально-сырьевой базы этих стран: снижение конкурентоспособности минерально-сырьевой базы по сравнению с ведущими сырьевыми странами мира на фоне ограниченный доступ (российских компаний) к финансово-кредитным инструментам и современным мировым технологиям добычи и переработки минерального сырья; сокращение объемов поставок нефти и газа в Евросоюз и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Пространственное развитие Азиатской России, крупнейшего макрорегиона Российской Федерации реализуется в условиях традиционных и новых угроз и вызовов, препятствующих достижению устойчивого сбалансированного развития данной территории. Данные угрозы и вызовы имеют как общерегиональное проявление, характерное для всей территории субконтинента в целом, так и по отдельным направлениям пространственного развития – экологическому, экономическому, социальному, геополитическому пространственного развития и их сочетаниям.

При этом геостратегические основания пространственного развития Азиатской России формируются и реализуются в условиях высокой степени неопределённости, а также динамичности основных процессов мирового, государственного и регионального развития.

В этих условиях критическую роль приобретает многофакторный анализ и прогноз пространственного развития Азиатской России и сопредельных территорий, который будет способствовать снижению неопределённости данного развития.

Работа выполнена в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН

Список источников и литературы

1. Проект Концепции стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2016, 111 с.
2. Дергачев В. А. Геоэкономический словарь-справочник. – Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2004. – 177с.
3. Кузнецов В. Н. Геокультурная энциклопедия: Культура развития через

- культуру безопасности. М.: Книга и бизнес, 2009. – 700 с.
4. Мальчиков С. А. Геостратегия России: внутренние и внешние приоритеты. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008, с. 176–181.
  5. Emerson M. Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? Eurasia Emerging Markets Forum, Astana, Kazakhstan, September 10–11, 2013.
  6. Центр устойчивого развития минеральных ресурсов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/worldstatistics.html>
  7. Мировые горные данные – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.world-mining-data.info/?_World_Mining_Data_Data_Section

GEOSTRATEGIC FOUNDATIONS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF ASIAN RUSSIA

Gomboev B.O.^{1,2}, Batomunkuev V.S.¹, Rygzynov T. Sh.¹

¹ Baikal Institute of Environmental Management SSE RAS,
Ulan-Ude, Russia

² Buryat State University named after D. Banzarov,
Ulan-Ude, Russia

It has been determined that at present on the territory of Asian Russia and neighboring countries there is an intensification of existing and the emergence of new environmental, economic, social and geopolitical threats to achieve a balanced development of this territory. At the same time, the spatial development of this subcontinent is carried out in the context of the formation of new global geopolitical strategies “One Belt, One Road”, “Greater Eurasia”, “Northern Sea Route” in the presence of already established economic and political alliances and initiatives in the Asia-Pacific region. It is shown that the increased attention to the processes of spatial development is currently taking place in connection with the processes of globalization in the world economy, which have a multi-directional vector in different parts of the world, smoothing out and strengthening intercountry and intra-country differences. Variants of transcontinental routes are considered, differentiating various aspects of regional development, including its natural, economic and social components. It is determined that in the conditions of formation of new vectors of geopolitical strategies, it becomes necessary to predict the spatial development of Asian Russia and adjacent territories.

Key words: spatial development, geopolitical strategies, transcontinental routes, Asian Russia

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Федоров Г. М.¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

В последние годы на федеральном уровне все больше внимания уделяется региональной политике. Важными ее компонентами являются стратегии социально-экономического и пространственного развития регионов. Относительно развитие городов и городских агломераций имеются многочисленные разработки, но гораздо меньше теоретически и методически проработаны вопросы, касающиеся сельской местности. При этом общими тенденциями для протекающих в регионах процессов является усиливающаяся поляризация сельского расселения, трудового и экономического потенциала села. Специфика регионов, которые можно объединить в ряд типов, требует дифференцированного подхода к реализации мер регулирования регионального развития. В качестве типологических признаков рассмотрены плотность и динамика численности сельского населения; урбанизированность; миграционный прирост в регионе; доля в структуре ВРП добавленной стоимости, создаваемой в аграрном секторе; производство добавленной стоимости в аграрном секторе на душу населения, на 1 сельского жителя, на 1 занятого в аграрном секторе; доля занятых в аграрном секторе (в том числе в сельском хозяйстве, лесоводстве и лесозаготовках, рыболовстве и рыбоводстве), динамика сельскохозяйственного производства. В регионах разных типов социально-экономические проблемы сильно различаются, что должна учитывать политика по совершенствованию систем расселения. Весьма значительными являются и различия внутри субъектов РФ, на микрорайонном уровне. Приведены примеры по Калининградской области. Для пригородных зон региональных центров и периферии должны использоваться неодинаковые меры регулирования развития муниципальных систем расселения.

Ключевые слова: региональная политика, региональные стратегии, пространственное развитие, село, расселение, типология, регионы, Россия

В Стратегии пространственного развития РФ отмечается «существенное отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от жителей крупных городов и городских агломераций» [1]. В общем виде сформулированы меры, обеспечивающие социально-экономическое развитие сельских территорий. Однако требуется конкретизация необходимых мер по развитию села, причем с учетом исключительно

больших территориальных различий сельской местности восточных и западных, северных и южных, различающихся уровнем освоенности и урбанизированности регионов.

Сельская местность субъектов РФ имеет чрезвычайно большие межрегиональные различия. Плотность сельского населения варьирует от 0,02 человек на кв. км в Чукотском АО до 78 в пределах Москвы, динамика численности в начале 2020 г. по сравнению с 1989 г. от 171 % в Чеченской Республике до 32 % в Чукотском АО и т.д. При этом общими тенденциями для протекающих в регионах процессов является усиливающаяся поляризация сельского расселения, трудового и экономического потенциала села. Увеличиваются территориальные различия между сельскими местностями регионов. В одних регионах возникают проблемы обезлюдения территории, в других – трудовой потенциал превышает потребности экономики в рабочей силе, сложными остаются проблемы социального обустройства села.

Специфика регионов требует дифференцированного подхода к регулированию регионального развития. Для обоснования мер федерального уровня целесообразно выявить связи между социально-экономической ситуацией в регионе и развитием сельской местности. Попытка установить корреляционные зависимости между динамикой сельского расселения и отдельными социально-экономическими характеристиками субъектов РФ не позволяет определить наличие существенных взаимозависимостей: коэффициенты линейной корреляции оказываются невысокими. Поэтому целесообразно типологизировать регионы по совокупности существенных признаков, характеризующих их экономико-демографическое развитие. В статье делается попытка такой типологизации, результаты которой, на наш взгляд, могут оказаться полезными в решении актуальных проблем пространственного планирования региональных систем сельского расселения. На примере Калининградской области показаны принципиальные особенности процесса поляризации расселения на внутрирегиональном уровне.

Типология субъектов РФ. В качестве типологических признаков выступают (табл. 1):

- ✓ плотность и изменение численности сельского населения за 2019 г.;
- ✓ удельный вес сельского населения;
- ✓ доля в 2018 г. ВРП добавленной стоимости, созданной в аграрном секторе;
- ✓ производство в 2018 г. добавленной стоимости в аграрном секторе на душу населения, на 1 сельского жителя, на 1 занятого в аграрном секторе;
- ✓ доля занятых в 2018 г. в аграрном секторе (в том числе в сельском хозяйстве, лесоводстве и лесозаготовках, рыболовстве и рыболовстве);
- ✓ объем сельскохозяйственного производства в 2019 г. в% к 2013 г.
- ✓ Используя метод комбинированных группировок, автор выделил типы и подтипы двух уровней (табл. 2–5). В таблицах типы обозначены цифрами, подтипы высшего уровня – прописными буквами, низшего уровня – строчными буквами: 1Аа, 2Гв и т. д.

Таблица 1

Столичные и наиболее плотно заселенные регионы.
Наименования показателей к графам 1–6 таблиц 2–5.

Графы	Показатели
1	Удельный вес сельского населения, начало 2020: + выше среднего по РФ, – ниже среднего по РФ
2	Прирост сельского населения за 2019 в расчете на 1000 жителей
3	Добавленная стоимость в аграрном секторе на душу населения, 2018 г.: + выше среднего по РФ, – ниже среднего по РФ
4	Добавленная стоимость в аграрном секторе на 1 занятого, 2018 г.: + выше среднего по РФ, – ниже среднего по РФ
5	Превышение доли занятых в экономике по сравнению следующим уровнем: 6% – в сельском хозяйстве, 1% – в лесном секторе, 0,5% – в рыболовстве
6	Индекс производства, сельское хозяйство, 2019 в% к 2013: + выше среднего по РФ, – ниже среднего по РФ

Тип 1 включает столичные регионы – Московскую и Ленинградскую области. В Московской области плотность сельского населения и доля городского населения существенно выше, чем в Ленинградской, а занятость в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве ниже. Но более важно наличие общих черт экономики и расселения. В обеих областях имеет место интенсивный прирост сельского населения. Их сельское хозяйство обслуживает потребности Москвы и Санкт-Петербурга, имея пригородную специализацию (производство молока, мяса птицы и яиц, овощей и картофеля). Производство продукции на 1 занятого выше среднего по РФ. Значительная часть сельского населения работает в Москве и Санкт-Петербурге, которые являются центрами обслуживания населения «своих» областей.

Второй тип объединяет регионы с наиболее высокой плотностью сельского населения (30–65 человек на кв. км) и включает республики Северо-Кавказского и Южного федеральных округов (кроме Калмыкии) и Краснодарский край. Для них (кроме подтипа 2Вб в составе республик Северная Осетия – Алания и Карачаево-Черкесской) характерен рост численности сельского населения. Экономику Краснодарского края и Адыгеи (подтип 2А) характеризуют высокий уровень добавленной стоимости на 1 занятого, но медленный рост сельскохозяйственного производства. Подтип с растущей численностью сельского населения и миграционным приростом, с невысоким уровнем добавленной стоимости на 1 занятого, но быстро растущим производством (2Б) включает Чеченскую и Кабардино-Балкарскую республики, Ингушетию и Дагестан.

Отдельный подтип составляет республика Крым с растущим населением и высокой занятостью в сельском хозяйстве, но низким уровнем добавленной стоимости на 1 занятого и низкими показателями динамики сельскохозяйственного производства. Крупноселенность сельского расселения в регионах этого типа способствует формированию в каждом из них и/или в «кустах» близко расположенных и кооперирующихся между собой сельских и городских населенных пунктов необходимой социальной инфраструктуры.

Таблица 2

Столичные (1) и наиболее плотно заселенные регионы (2)

Тип, подтип	Состав типов, подтипов	1	2	3	4	5	6
1	Московская обл.	–	+	–	+	–	–
1	Ленинградская обл.	+	+	+	+	С, Л	–
2А	Респ. Адыгея	+	+	+	+	С	–
2А	Краснодарский край	+	+	+	+	С	–
2Б	Респ. Ингушетия	+	+	+	–	С	+
2Б	Чеченская респ.	+	+	–	–	С	+
2Б	Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская	+	+	+	–	С	+
2В	Карачаево-Черкесская респ.	+	–	+	–	С	–
2В	С. Осетия-Алания	+	–	–	–	С	–
2Г	Респ. Крым	+	+	–	–	С	–

Составлено автором на основе данных: [3, 3].

К третьему типу отнесены плотно заселенные регионы (с плотностью сельского населения 10–20 человек на кв. км), большинство из которых относится к Средней полосе России. Но различия между регионами по другим типологическим признакам очень велики. Наилучшую ситуацию по совокупности демографических и экономических особенностей имеет Белгородская область (3Аа) с растущим сельским населением, миграционным приростом населения, высокими показателями производимой в аграрном секторе добавленной стоимости как на 1 занятого, так и на душу населения, и относительно высокими темпами роста сельскохозяйственного производства. Растет сельское население и в урбанизированных Калининградской области (где повышена доля занятых в рыболовстве) с высокими темпами роста сельхозпроизводства (3Ба),

Самарской области (2Бб), характеризующихся менее высокими темпами. В Татарстане занятость в сельском хозяйстве выше, более высоки и показатели добавленной стоимости на 1 занятого и на душу населения (3Бв). В остальных регионах третьего типа численность сельского населения сокращается.

Плотно заселенные регионы

Тип, подтип	Состав типов, подтипов	1	2	3	4	5	6
3Аа	Белгородская обл.	+	+	+	+	С	+
3Аб	Брянская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская обл.	+	–	+	+	С	+
3Ав	Воронежская обл.	+	–	+	+	С	–
3Аг	Респ. Мордовия, Ростовская обл.	+	–	+	–	С	+
3Ад	Ставропольский край	+	–	+	–	С	–
3Ба	Калининградская обл.	–	+	+	+	Р	+
3Бб	Самарская область	–	+	–	–	–	–
3Бв	Респ. Татарстан	–	+	+	+	С	–
3Ва	Респ. Башкортостан	+	–	–	+	С	–
3Ва	Удмуртская респ.	+	–	+	+	–	–
3Вб	Чувашская респ.	+	–	–	–	С	–
3Га	Тульская обл.	–	–	+	+	–	+
3Гб	Владимирская обл.	–	–	–	–	–	–

Составлено автором на основе данных: [2, 3].

Четвертый тип включает 29 субъектов РФ с плотностью сельского населения 3–10 человек на кв. км; у всех них сельское население в 2019 г. сократилось. Различия между ними также весьма значительны и, чаще всего, менее благоприятны по сравнению со средними по стране. Только у 10 регионов добавленная стоимость в расчете на 1 занятого выше средней по РФ, у 19 – ниже

Высокие темпы роста сельхозпроизводства характерны также для 10 регионов. Наиболее благоприятную ситуацию по совокупности экономических особенностей имеет республика Марий Эл (4Аа). Она относительно менее урбанизирована, имеет высокий уровень занятости в сельском хозяйстве, высокий уровень добавленной стоимости на 1 занятого и на

душу населения. Пензенская и Астраханская (4Аб) отличаются от нее пониженной добавленной стоимостью на душу населения (в Астраханской, кроме того, повышена доля занятых в рыболовстве). Повышенные темпы роста сельхозпроизводства имеют также 7 более урбанизированных регионов. Это Калужская, Рязанская и Новгородская области (4Бв) с невысокой занятостью в сельском хозяйстве, но высокой добавленной стоимостью на 1 занятого и на душу населения, а также Псковская (4Га), Тверская, Ярославская (4Гб) и Волгоградская области (4Ба) с высокой занятостью в сельском хозяйстве, но невысокой добавленной стоимостью на 1 занятого.

В 19 регионах темпы роста сельхозпроизводства ниже средних по РФ. Среди них менее урбанизированы Тюменская (4Гд), Оренбургская, Курганская области и Алтайский край (4Ав). В Тюменской области низкая доля занятых в сельском хозяйстве, но сравнительно высок уровень добавленной стоимости и на 1 занятого, и на душу населения. В Оренбургской и Курганской этот уровень понижен в расчете на 1 занятого, а в Курганской – и на душу населения. К более урбанизированным относятся 11 регионов. В Саратовской области (4Вг) и Приморском крае (4Вд) оба относительных показателя добавленной стоимости выше средних по РФ. В Омской области благодаря высокой занятости в сельском хозяйстве, несмотря на низкую добавленную стоимость на 1 занятого, показатель на душу населения выше среднего по РФ. В Пермском крае, Нижегородской, Ульяновской, Новосибирской (4Гг), Смоленской, Костромской, Вологодской, Кировской (4Гв) областях оба показателя ниже среднего уровня. Здесь занятость в сельском хозяйстве невысока, но зато везде (кроме Новосибирской области) выше, чем в среднем по РФ, в лесном секторе. Наиболее урбанизированы Ивановская (4Гг), Свердловская, Челябинская и Кемеровская области (4Гд). В первой из них сельхозпроизводство за 2014–2019 гг. сократилось. А занятость в сельском хозяйстве и относительные показатели добавленной стоимости ниже среднероссийских.

Менее плотно заселенные регионы

Тип, подтип	Состав типов, подтипов	1	2	3	4	5	6
4Аа	Респ. Марий Эл	+	-	+	+	С	+
4Аб	Астраханская обл.	+	-	+	-	С, Р	+
4Аб	Пензенская обл.	+	-	+	-	С	+
4Ав	Оренбургская обл.	+	-	+	-	С	-
4Ав	Алтайский край	+	-	+	-	С	-
4Ав	Курганская обл.	+	-	-	-	С, Л	-
4Ба	Волгоградская обл.	-	-	+	-	С	+
4Бб	Омская область	+	-	+	-	С	-
4Бв	Калужская обл.	-	-	+	+	-	+
4Бв	Рязанская обл.	+	-	+	+	-	+
4Бв	Новгородская обл.	+	-	+	+	Л	+
4Вг	Саратовская обл.	+	-	+	+	С	-
4Вд	Приморский край	+	-	+	+	-	-
4Га	Псковская обл.	+	-	+	-	С, Л	+
4Гб	Тверская обл.	-	-	-	-	С, Л	+
4Гб	Ярославская обл.	-	-	-	-	С	+
4Гв	Вологодская, Кировская, Костромская, Смоленская обл.	-	-	-	-	Л	-
4Гг	Ульяновская обл.	-	-	-	-	С	-
4Гг	Ивановская обл., Пермский край Нижегородская, Новосибирская обл.	-	-	-	-	-	-
4Гд	Свердловская, Челябинская, Кемеровская обл.	-	-	-	+	-	-
4Гд	Тюменская обл.	+	-	-	+	-	-

Составлено автором на основе данных: [2, 3].

Пятый тип (24 региона) представлен наименее плотно заселенными восточными и северными регионами и республикой Калмыкия. Плотность сельского населения здесь составляет всего 0,01–2 человека на кв. км, что сильно затрудняет обеспечение жителей социальной инфраструктурой, не позволяет эффективно развивать межселенное обслуживание.

Слабо заселенные регионы

Тип, подтип	Состав типов, подтипов	1	2	3	4	5	6
4Аа	Республика Алтай	+	+	+	-	С, Л	-
4Аа	Республика Тыва	+	+	-	-	С	-
4Ба	Респ. Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальский край	+	-	-	-	Л	-
4Ба	Респ. Хакасия	+	-	-	-	-	-
4Ба	Еврейская АО	+	-	-	-	С	-
4Бб	Амурская обл.	+	-	-	-	Л	+
4Бв	Республика Калмыкия	+	-	+	+	С	-
4Ва	Ненецкий АО	+	-	+	+	Р	-
4Вб	Камчатский край, Чукотский АО	+	-	+	+	Р	+
4Га	Республика Карелия, Хабаровский край	-	-	+	+	Л, Р	-
4Гб	Мурманская, Магаданская,	-	-	+	+	Р	-
4Гв	Сахалинская обл.	-	-	+	+	Р	+
4Да	Архангельская, Иркутская обл.	-	-	+	+	Л	-
4Дб	Респ. Коми, Красноярский край, Томская обл.	-	-	-	-	Л	-
4Дб	Ханты-Мансийский АО	-	-	-	-	-	-
4Дб	Ямало-Ненецкий АО	-	-	-	-	Р	-

Составлено автором на основе данных: [2, 3].

Только в 5 регионах численность сельского населения возросла, причем в республиках Алтай и Тыва (4А), отличающихся высокой занятостью в сельском и лесном хозяйстве, Ямало-Ненецком АО (4Дб), где повышен удельный вес занятых в рыболовстве) рост обусловлен превышением рождаемости над смертностью. В Калмыкии (4Бв), Бурятии, Якутии (4Ба), Ненецком (4Ва), Ханты-Мансийском (4Дб) и Чукотском АО (4Вб), несмотря на естественный прирост, численность сельского населения вследствие интенсивного миграционного оттока сократилась. Доля занятых в сельском хозяйстве выше среднего по РФ показателя, помимо республик Алтай и Тыва,

еще только в Калмыкии (4Бв) и Еврейской АО (4Ба), где и уровень добавленной стоимости как на 1 занятого, так и на душу населения выше среднего по РФ.

Высокие показатели производства добавленной стоимости на 1 занятого имеют регионы с повышенной долей занятых в рыболовстве и лесном секторе. Карелия, Хабаровский край и Архангельская область имеют удельный вес выше среднего по РФ в обоих этих видах деятельности, в 12 регионах он выше в лесном секторе, 8 – в рыболовстве. В результате в половине регионов, отнесенных к типу 4, добавленная стоимость на 1 занятого выше средней по РФ. Во всех них, а также в республике Алтай, в аграрном секторе выше среднего и душевое производство добавленной стоимости. А самые высокие показатели – в регионах с наиболее развитым морским рыболовством: республике Карелия, Хабаровском крае (4Га), Мурманской, Магаданской (4Гб) и Сахалинской (4Гв) областях. Выше среднего они в Красноярском крае и Томской области (4Дб), Архангельской, Иркутской (4Да) областях. Но в республиках Коми (4Дб), Бурятияи Хакасия, в Забайкальском (4Ба) и Красноярском (4Дб) краях их уровень уступает среднероссийскому. Ниже среднего он и в Ханты-Мансийском АО (4Дб), где занятость и в сельском, и в лесном хозяйстве, и в рыболовстве невелика.

Поляризация расселения в Калининградской области. Калининградская область является характерным примером поляризации расселения, в том числе сельского. В таблице 6 представлены данные о численности городского и сельского населения в Калининграде, его ближней и дальней пригородной зоне и на периферии. Характерен активный процесс субурбанизации в ближней пригородной зоне. В 2010–2020 гг. возросла численность как городского, так и сельского населения. И в ближней, и в дальней пригородной зоне сельское население увеличивалось быстрее городского, а на периферии сокращалось медленнее. Повышенный прирост городского населения обеспечивают Калининград и его еще более быстро растущая ближняя пригородная зона. В итоге на востоке области число жителей резко сокращается, а на западе, в приморской части, увеличивается.

Таблица 6

Динамика численности городского и сельского населения
муниципальных образований Калининградской области,
2020 г. в процентах к 2010 г.

Наименование муниципального образования	2020 г. в процентах к 2010 г.	
	город	Село
Городские (муниципальные) округа		
Калининград	113,3	–
Багратионовский	99,8	102,2
Балтийский	102,7	110,3
Зеленоградский	126,9	112,7
Гурьевский	155,4	125,6
Ладушкин	102,6	95,6
Мамоново	103,3	94,4
Пионерский	110,7	–
Светловский	101,2	111,8
Светлогорский	141,2	109,7
Янтарный	100,6	105,6
Ближняя пригородная зона Калининграда – итого	113,9	114,9
Полесский	90,8	96,5
Гвардейский	95,8	98,9
Правдинский	93,1	96,7
Дальняя пригородная зона Калининграда – итого	93,9	97,5
Гусевский	100,8	101,9
Краснознаменский	87,7	91,1
Неманский	91,2	91,0
Нестеровский	85,6	93,2
Озерский	80,6	89,1
Славский	86,3	111,8
Советск	93,4	–
Черняховский	87,5	94,6
Периферийные муниципалитеты – итого	91,9	95,1
Калининградская область – всего	108,6	105,0

Составлено автором на основе данных: [4, 5].

Можно также заметить, что внутри каждой из выделенных зон расселения между муниципалитетами имеются существенные различия в динамике численности как городского, так и сельского населения. Как и на межрегиональном уровне, на межмуниципальном целесообразна типологизация муниципалитетов для формулирования более соответствующей конкретным условиям стратегии их социально-экономического и пространственного развития.

Для сглаживания возрастающих социально-экономических различий и стимулирования развития периферийных районов в регионе принята специальная программа «Восток». Ее реализация и совершенствование должна способствовать решению проблем развития сельской местности и в целом отстающих муниципалитетов.

Таким образом, происходит усиление концентрации населения и экономического потенциала сельского хозяйства в немногом числе более освоенных и экономически развитых субъектов РФ, а также регионов, обладающих природными преимуществами. Коэффициент линейной корреляции между динамикой сельского населения в регионе и плотностью населения составляет 0,54, со средней людностью сельских населенных пунктов 0,51, с плотностью городов 0,43, со среднегодовой температурой 0,36. А с душевым ВРП составляет только $-0,006$, с динамикой сельскохозяйственного производства $-0,038$.

В регионах разных типов социально-экономические проблемы сильно различаются. Существенными являются и социально-экономические различия сельской местности внутри субъектов РФ, на микрорайонном уровне. Следует выполнить научные обоснования того, какие сельские регионы должны быть приоритетными при определении географических направлений поддержки села и для учета типологических особенностей регионов при установлении видов поддержки и направлений совершенствования региональных систем расселения. В одних случаях речь может идти о формировании опорного каркаса расселения, в других – о реализации активно обсуждавшейся в советский период Единой системы расселе-

ния, в третьих – об «автономном» (насколько это возможно) или «кустовом» развитии систем межселенного обслуживания.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 20–55–76003 ЭРА_т «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах»).

Список источников

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUt-T08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (Дата обращения 05.03.2021)
2. Регионы М.: Росстат, 2020. 1242 с.
3. Численность населения РФ по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (Дата обращения 05.03.2021)
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Калининградская область Том 2. Калининград: Калининградстат, 2012.
5. Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области по состоянию на 1 января 2020 г. Калининград: Калининградстат, 2020.

TYPOLOGY OF RURAL AREAS OF RUSSIAN REGIONS FOR THE PURPOSES OF REGIONAL POLICY

Fedorov G.M.¹

¹I. Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia

In recent years, at the federal level, more and more attention has been paid to regional policy. Its important components are strategies for the socio-economic and spatial development of the regions. Regarding the development of cities and urban agglomerations, there are numerous developments, but much less theoretically and methodically worked out issues related to rural areas. At the same time, the general trends for the processes taking place in the regions are the increasing polarization of rural settlement, labor and economic potential of the village. The specifics of regions, which can be combined into a number of types, require a differentiated approach to the implementation of measures to regulate regional development. As typological features, the density and dynamics of the rural population are considered; urbanization; migration growth in the region; share in the structure of GRP of value added created in the agricultural sector; production of value added in the agricultural sector per capita, per 1 rural inhabitant, per 1 person employed in the agricultural sector; share of employment in the agricultural sector (including agriculture, forestry and logging, fishing and fish farming), dynamics of agricultural production. Socio-economic problems

vary greatly in different types of regions, which should be taken into account by policies to improve resettlement systems. Very significant are the differences within the subjects of the Russian Federation, at the micro-district level. Examples for the Kaliningrad region are given. For the suburban areas of regional centres and peripheries, different measures should be used to regulate the development of municipal resettlement systems.

Key words: regional policy, regional strategies, spatial development, village, settlement, typology, regions, Russia

СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Елсуков М. Ю.¹

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются проблемы стратегии инновационного развития Российской Федерации. Затрагиваются актуальные теоретические проблемы исследований инновационной экономики. Анализируются распространенные оценки уровня инновационного развития национальных экономик. Рассматриваются проблемы статистических наблюдений инноваций. Сопоставляются рейтинги инновационного развития национальных экономик. Дано обоснование уникальности решений по обеспечению инновационного развития. Обосновываются причины уникальности стратегий инновационного развития государств. Указывается связь между инновационной политикой государств и спецификой их геополитического положения. Обосновывается необходимость корректировки решений по обеспечению инновационного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, стратегия, национальная экономика, геополитическое положение.

Каждое государство по-своему определяет свое место в мировой геополитике. Одни страны, в число которых входит Российская Федерация, располагают потенциалом и политической волей для того, чтобы выступать в качестве центров мирового многополярного мира. Другие государства уступают часть своего суверенитета, определяют свое положение в мировой геополитике в качестве участников военно-политических союзов и объединений.

Геополитическое положение государств зависит от того, насколько они реализуют свой инновационный потенциал. На-

личие исключительных компетенций позволяет приобрести конкурентные преимущества, приобрести ресурсы для обеспечения особого положения. Ограничение доступа к современным технологиям как инструмент геополитики использовался во времена «холодной войны», используется и в настоящее время.

Представления об инновациях и инновационной деятельности со времен Й. Шумпетера получили разнообразные интерпретации [8; 9; 11 и др.]. В современных исследованиях большое внимание уделяется поиску эффектов, предполагающих получение непропорционального большого конечного результата в сопоставлении с затратами труда. Успехи ведущих экономик связываются с масштабируемыми продуктами (идеями), которые реализуются в немасштабируемых продуктах (вещах) [4]. Но в таком качестве инновации возможно использовать не во всех странах мира. Это позволяет сформулировать вопрос об уровне инновационного развития национальных экономик.

Исследования в этой области требуют соответствующих статистических наблюдений. Представляет интерес статистическое руководство, принятое в 1963 году в итальянском городе Фраскати (Руководство Фраскати по научным исследованиям и разработкам). Позднее были разработаны еще несколько руководств, связанных с экономикой знаний, в том числе Руководство Осло по инновациям [3; 10 и др.].

Руководство Осло содержит методические рекомендации по организации статистических наблюдений за инновациями и инновационной деятельностью. В нем даны определения понятиям «инновация», «инновационная деятельность», устанавливаются их типы и виды, а также характеристики организаций, участвующих в реализации инноваций. Последняя (четвертая) редакция руководства была принята в 2018 году.

Одним из обсуждаемых вопросов является соотношение понятий «инновация» и «модернизация». Чаще всего разница между ними видится в том, что модернизация предполагает приведение экономики в соответствие с требованиями, которые установлены на рынке. Под инновациями предполагается внедрение принципиально новых нововведений.

Существуют затруднения при определении критериев «новизны нововведений». Рекомендациями Осло (2018) предлагается, постепенный переход к рассмотрению модернизации и инновационной деятельности в качестве единого процесса, ориентированного на «внедрение на рынке нового или усовершенствованного продукта (товара, услуги)».

Система статистических наблюдений за инновациями развивается в направлении максимального охвата процессов, связанных с разработкой и реализацией нововведений. Такой подход предоставляет возможность рассмотрения процессов инновационного развития в тех государствах, состояние экономики которых не сопоставимо со странами-лидерами технологического развития.

Информационная база статистических наблюдений инноваций находится в стадии становления. В этих условиях приобрели популярность разнообразные рейтинги уровня инновационного развития государств.

Одним из таких рейтингов является «Глобальный инновационный индекс». Он разрабатывается с 2007 года совместными усилиями Корнельского университета (США), Европейского института управления бизнесом (INSEAD) и специализированного учреждения ООН – Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) [7]. Методика рейтинга совершенствуется и к 2020 году предусматривает анализ 80 показателей. Заложенные в основу рейтинга данные объединены в семь тематических блоков. Первые пять (институты; человеческий капитал и наука; инфраструктура; развитие внутреннего рынка; развитие бизнеса) ориентированы на определение ресурсов инноваций. Шестой и седьмой (развитие технологий и экономики знаний; развитие креативной деятельности) предполагают характеристику результатов инновационной деятельности. На основе сопоставления ресурсов и результатов формируется итоговая оценка.

Российская Федерация в 2020 году опустилась в рейтинге на одну позицию с 46 на 47 место. По мнению составителей рейтинга в течение этого года произошло ухудшение параметров оценки человеческого капитала и науки (с 23 до 30 места),

развития бизнеса (с 35 до 42), развития технологий и экономики знаний (с 47 до 50 места). В то же время улучшились показатели деятельности институтов (с 74 до 71 места), состояния инфраструктуры (с 62 до 60), развития внутреннего рынка (с 61 до 55), развития креативной деятельности (с 72 до 60 места).

При анализе положения стран в рейтинге за длительный период наблюдений напрашивается вывод о предсказуемости результатов оценки. Место национальных экономик варьируется в определенном диапазоне и существенно не меняется. Это свидетельствует не столько о результатах проводимой политики в области инноваций, сколько об их соответствии идеологии оценки Глобального инновационного индекса.

Причины сложившейся ситуации видится в ограниченности применяемых подходов к исследованию закономерностей развития инновационных процессов. Они чаще всего построены на разделении факторов актуальных в «прошлом» и в «будущем». При таком разделении в «прошлом» действуют факторы неэффективные, а в «будущем» – новые перспективные и инновационные. В исследованиях доминирует, так называемый «глобализационный» подход [6; 12 и др.]. В соответствии с ним признается существование некоей единой «магистральной» развития мирового сообщества, а сам факт признания существования этой «магистральной» представляет собой основную закономерность экономического развития.

Однако такие «схемы» на практике дают сбой. Формирующиеся по зарубежным образцам институты не показывают должной эффективности работы. Инновации, возникающие в развивающихся странах, не находят там должного понимания и внедрения, а носители инновационных решений мигрируют в страны с развитой экономикой. Вместе с тем дистанции между государствами на «общем цивилизационном пути» сохраняются.

Совершенствование методологии наблюдений за содержанием инновационной деятельности представляет собой одну из наиболее актуальных тем исследований.

Каждое государство располагает своей уникальной траекторией развития. Органы власти руководствуются определенным

набором стратегически значимых приоритетов, которые и предопределяют отношение к вопросам инновационного развития. Так, Российская Федерация, устанавливает максимально высокие цели и задачи по обеспечению национальной безопасности. Такие цели не беспокоят рядовые страны-участницы НАТО. Они уступают часть своего суверенитета государствам, которые занимают в этой организации лидирующие позиции и берут на себя ответственность за обеспечение безопасности государств-членов альянса, берут на себя решение вопросов разработки и производства вооружений. Следует отметить, что инновации в сфере производства вооружений не учитываются при формировании международных рейтингов инновационного развития. Хотя нельзя не признать, что появление многих передовых технологий было связано в военными разработками – ракетостроение и освоение космоса, развитие средств связи и Интернет и т.д.

Сценарии и направления инновационного развития государств несводимы к какому-то общему алгоритму действий. В каждой стране существуют свои стратегические цели, которые требуют определения актуального перечня направлений государственной политики. При всем разнообразии вариантов инновационного развития можно назвать приоритеты, актуальные для любого государства.

Во-первых, каждое государство располагает определенным положением в международном разделении труда, имеет в мировой экономике свою специализацию и безусловно значимым приоритетом для него выступает технологическое лидерство и инновационные заделы в стратегически значимых для государства отраслях экономики и сферах деятельности.

Во-вторых, для любой экономики мира является актуальным недопущение моноотраслевого характера развития, и экономика государства благодаря инновациям должна располагать вариативностью при реализации стратегически значимых направлений развития.

В-третьих, избранные или определившиеся в силу специфики развития государства отрасли специализации в мировой экономике создают материальную основу для экономического развития в рамках действующего технологического уклада,

и при определении качественных параметров экономического развития является важным благодаря инновациям обеспечить возможность адаптации народного хозяйства к изменяющимся условиям развития мировой экономики.

В-четвертых, решение перспективных задач экономического развития требует привлечения специалистов, готовых к воплощению на практике передовых технологий и организации производства. Безусловным приоритетом развития любого государства является обеспечение реализации творческого потенциала населения, высокого уровня образования и технической подготовки.

В-пятых, поддержание интереса в обществе к сфере образования и науки, созданию и освоению новых технологий требует создания условий, при которых обеспечивается адекватное отношение к результатам интеллектуального труда. Является стратегически важным создание условий для защиты интеллектуальной собственности и коммерциализации инноваций.

Из содержания ответов на указанные вопросы формируются представления об оптимальной для государства конфигурации Национальной инновационной системы.

Логика реформ экономики России требует применения сценариев активных преобразований. И ориентиры модернизации, обозначенные руководством страны в 2008 году, не в полной мере соответствуют требованиям времени [5]. Обеспечение соответствия национальной экономики мировым стандартам можно рассматривать в качестве ориентиров государственной политики. Однако, эти стандарты-ориентиры, современные на сегодня могут оказаться устаревшими завтра. Тогда появление новых успешных практик будет возвращать экономику страны на прежние позиции. Такой подход в современных исследованиях часто называют «догоняющей» моделью развития. Наряду с ней рассматривается модель «прорывного» развития, при которой ориентиры, формируемые в настоящее время, не теряют своей актуальности в будущем.

Для каждого периода развития общества существовали свои «вызовы времени». В каждой стране хозяйствующие

субъекты ставили перед собой цели и добивались определенных результатов, вместе с тем определялись и реализовывались свои варианты ответов на эти «вызовы времени». И эти решения формировали уникальные черты исторического пути каждого государства, а разнообразие вариантов ответов на «вызовы времени» предопределило распределение стран на различные позиции при оценке уровня их инновационного развития.

Российская Федерация располагает технологическим лидерством в ряде отраслей экономики: военно-промышленный комплекс, атомная энергетика, медицина, ракетостроение и освоение космоса и пр. Определяя перспективные цели экономики в области инноваций является важным выяснить отрасли, в которых необходимо обеспечение технологического лидерства. Решения, которые были предложены в Стратегии инновационного развития до 2020 года [2], трудно признать комплексными и исчерпывающими. Инновационное развитие нельзя рассматривать вне системы стратегического планирования. Заявленные в Стратегии цели должны были быть согласованными с содержанием прочих документов системы стратегического планирования [1]. Но необходимого объема работ не было проведено. При разработке отраслевых и региональных стратегий, несмотря на упоминания в них Стратегии инновационного развития, системного согласования не просматривается.

Таким образом, политика инновационного развития в течение последнего десятилетия осуществляется в виде отдельных мероприятий, которых объединяет только идеология понимания значимости инноваций. Сложно, при таком подходе рассчитывать на достижение сколь-нибудь значимых результатов.

Работа по обеспечению инновационного развития Российской Федерации должна быть продолжена. Требуется разработка и реализация новой редакции Стратегии инновационного развития. При этом необходимо обратить внимание на следующее.

Во-первых, требуется уточнить определения, понятия, методологию и классификации, которые используются в нормативных правовых документах. После принятия Рекомендаций

Осло–2018 и корректировке документов, регламентирующих статистические наблюдения в Российской Федерации, возникли расхождения этих понятий в документах, устанавливающих нормы и в документах предполагающих, реализацию этих норм на практике. Ориентируясь на международный уровень инновационного развития, достижения ведущих экономик мира, организовывать работу в России по достижению целевых ориентиров, которые невозможно сопоставить с показателями международной статистики не продуктивно.

Во-вторых, проблемы инновационного развития требуют учета факторов и обстоятельств последнего десятилетия. Это – санкционное давление и попытки изоляции России, создание искусственных барьеров на пути экспорта и импорта технологий, ограничения на сотрудничество в области финансов и инвестиционной деятельности. Ограничения в регулировании экономического развития возникли после вступления России в ВТО. Многие механизмы государственного регулирования требуют пересмотра.

В-третьих, при рассмотрении вариантов инновационного развития требуется опираться на сценарий обеспечения лидерства в стратегически значимых сегментах российской экономики и создание условий для модернизации прочих секторов. Содержание этого сценария требует определения перечня основных направлений реализации Стратегии.

В-четвертых, стратегически значимые отрасли экономики, выпускающие вооружение и военную технику, использующие ядерные технологии, предоставляющие космические услуги и производство ракетно-космической техники требуют особого режима функционирования. Появляющиеся в недрах таких производств технологии должны находить применение и для производства товаров народного потребления. В этом заключается специфика российской Национальной инновационной системы.

В-пятых, созданные Институты развития оказались главными получателями поддержки из государственного бюджета. Результаты реализации Стратегии инновационного развития 2020 свидетельствует о недостаточной эффективности их рабо-

ты. Требуется разработка новых инструментов, позволяющих обеспечить реализацию творческого потенциала населения, повышения уровня образования и технической подготовки, а также создание условий для защиты интеллектуальной собственности и коммерциализации инноваций.

Благодарность. Автор выражает благодарность за помощь в проведении исследования и подготовке к публикации его результатов профессору Санкт-Петербургского университета, доктору экономических наук Чеберко Евгению Федоровичу.

Список источников и литературы

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
2. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р.
3. Аксянова А. В. Статистика инноваций: проблематика, методология и перспективы исследований: монография. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2015. – 87 с.
4. Балацкий Е. Масштабирование социальных явлений //Мировая экономика и международные отношения //2010. № 6. С. 86–94..
5. Медведев Д. А. Россия, вперед! 10.09.2009 г. Президент Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]–Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения 05.04.2021).
6. Ясин Е., Снеговая М. Роль инноваций в развитии мировой экономики // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 15–31.
7. About the Global Innovation Index. [Электронный ресурс]–Режим доступа: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4434> (дата обращения 05.04.2021).
8. Kitchin J. (1923) Cycles and Trends in Economic Factors. Review of Economic Statistics 5: 10–16.
9. Mensch G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. New York, 1979. 241 p.
10. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD. OECD/Eurostat, 2018, Publishing, Paris/Eurostat, Luxembourg. – 258 p.
11. Schumpeter J. (1939) Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of Capitalist Process. New York: McGraw-Hill.

12. Williamson J. Did the Washington Consensus Fail? Peterson Institute for International Economics. November 6, 2002 [Электронный ресурс]– Режим доступа: URL: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/did-washington-consensus-fail> (дата обращения 05.04.2021).

STRATEGY INNOVATING DEVELOPMENTS AND GEOPOLITICAL SITUATION

Elsukov M. Yu. ¹

¹ North-West Institute of Management of RANEPА
under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

The article deals with the problems of the strategy of innovative development of the Russian Federation. Actual theoretical problems of research of innovative economy are touched upon. Common assessments of the level of innovative development of national economies are analyzed. The problems of statistical observations of innovations are considered. Ratings of innovative development of national economies are compared. The substantiation of the uniqueness of solutions to ensure innovative development is given. The reasons for the uniqueness of the strategies of innovative development of states are substantiated. The connection between the innovation policy of states and the specifics of their geopolitical position is indicated. The necessity of adjustment of decisions on ensuring innovative development of the Russian Federation is substantiated.

Key words: innovations, innovative development, strategy, national economy, geopolitical position.

МОРСКИЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ ЭКСПОРТА НЕФТИ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Потоцкая Т. И. ¹

¹ Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

Исследование посвящено изучению влияния современного геополитического положения России на географию маршрутов транспортировки экспортной нефти. Подчеркивается уязвимость функционирования экспортных нефтепроводов, созданных в предыдущий исторический период времени, и их зависимость от интересов стран-транзитеров (Латвии, Литвы, Беларуси, Украины, Азербайджана). В качестве основного механизма, способного решить данную проблему, рассматривается формирование морских нефтетранспортных стратегий и в их составе транспортных коридоров, включающих создание морских нефтяных терминалов, расположенных на российских побережьях и подходящих к ним систем нефте-

проводов, идущих только по российской территории. Автором выявлены и рассмотрены: Балтийская, Черноморская, Тихоокеанская, Арктическая морские нефтетранспортные стратегии и в их рамках соответствующие транспортные коридоры. Выделены основные факторы, способствующие их формированию, такие как, стремление России: выйти из зоны влияния стран-транзитеров; географически диверсифицировать рынки сбыта; увеличить рентабельность экспорта нефти за счет сокращения маршрутов транспортировки и сохранения экспортных групп качества нефти; разрабатывать новую ресурсную базу для решения региональных социально-экономических задач. Подчеркивается, что морские стратегии используются для обеспечения всех существующих географических направлений экспорта российской нефти (за исключением постсоветского пространства). Сделан вывод о доминировании морского экспорта нефти из России над континентальным, что рассматривается автором как следствие действующих морских стратегий. Отмечено, что в постсоветский период трансформация нефтепроводного транспорта России и, связанная с ней трансформация инфраструктуры морского транспорта страны под влиянием характера отношений с сопредельными государствами в конечном итоге усилило позиции России, как морской державы, которые во многом были утрачены после распада СССР.

Ключевые слова: геополитика, география, нефтепроводы, Россия, Украина, Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Различия в способе использования государствами своего географического положения при создании международных политических и экономических отношений – основополагающий принцип их деления на «континентальные» и «морские». Морские державы, обладая выходом к глубоководным и незамерзающим морям, активно используют его для обеспечения своей внешней торговли. В то же время большая часть морских побережий континентальных стран мелководная и / или замерзающая. Этот аспект их географического положения препятствует активной внешнеэкономической деятельности. Для решения данной проблемы континентальные страны часто используют морские порты соседних стран. Это формирует зависимость их внешнеэкономической и политической деятельности от взаимоотношений со странами-транзитерами. Россия (которая по очевидным причинам относится к категории континентальных стран), не исключение. Ориентируясь в своей внешнеэкономической деятельности на страны ЕС, ей приходится учитывать интересы стран, через территорию которых осуществляется доставка экспортных товаров к странам-потребителям. Прини-

мая во внимание сложность отношений России с рядом стран постсоветского пространства, многие из которых, собственно и являются странами-транзитерами (Латвия, Литва, Украина, Беларусь, Молдова, Азербайджан), можно констатировать зависимость реализации экспорта России в страны Европы от характера отношений с перечисленными странами. Особенно сильно это сказывается на торговле основным экспортным товаром – нефтью (30% совокупного объема экспорта России). Стремление понять, какие географические факторы лежат в основе решения такого рода проблем – основная цель данного исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Изыскание проведено с использованием открытой информации, размещенной на официальных сайтах компаний – ведущих операторов магистральных трубопроводов, транспортирующих нефть по территории каждого из государств постсоветского пространства – «Транснефть», «Газпром нефть», «Роснефть», «Полоцктранснефть Дружба», «Гомельтранснефть Дружба», «ЛатРосТранс», «ORLEN Lietuva», «SOCAR», КазТрансОйл и др. В работе учитывались результаты исследований, выполненных ВР (Statistical Review of World Energy), Федеральной службой государственной статистики РФ, Российским советом по международным делам и др.

Определяя степень изученности проблемы, стоит в первую очередь выделить исследования, ориентированные на выявление современных тенденций трансформации всей транспортной системы России (в том числе и трубопроводной ее составляющей) в постсоветский период. Наиболее близкие заявленной теме, это работы: Л. Б. Вардомского, М. О. Тураевой [2], Д. Г. Дудко [4], Н. Н. Ключева [9], Т. И. Потоцкой [11], [12], Г. В. Сдасюк, Н. Н. Комедчикова [13] и др.

Во-вторых, это исследования конфликтности функционирования магистральных трубопроводов в разных регионах постсоветского пространства, через которые проходит экспортируемая нефть. Отметим только те, мнение авторов которых принималось к вниманию при написании статьи. Балтийский и Западные регионы – это работы Ю. М. Зверева [8], С. С. Пе-

тросяна [10] и др; Кавказский регион—работы К. С. Гаджиева [3], И. Заславского [7], А. Твалчрелидзе, А. Силагадзе [14] и др.; Каспийский регион—работы С. С. Жильцова, И. С. Зонна, Е. В. Марковой [6] и др; Арктический регион:—работы А. Бамбуляк, Б. Францен [16] и др.; Тихоокеанский регион—работы П. Я. Бакланова, А. В. Мошкова, М. Т. Романова [1], А. В. Жагловской, В. Н. Жагловского [5], И. В. Филимоновой, С. И. Шумиловой, Ю. А. Дзюба [15] и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Первоначально, совокупность политических и экономических проблем во взаимоотношениях России со странами Балтии и экономических проблем подтолкнуло Россию к поиску альтернативных путей морской транспортировки нефти в Европу, способных сделать его и более экономически эффективным, и более безопасным.

В результате стали рассматриваться и создаваться альтернативные маршруты морской транспортировки нефти, проходящие только по российской территории к портам Балтийского и Черного морей (расположенных на российской территории), обеспечивающих доставку нефти к странам-потребителям (Европейский союз) в обход стран-транзитеров. Это позволяет говорить о наличии морских стратегий развития нефтяного экспорта России (табл. 1, рис. 1). Под ними автор понимает создание транспортных коридоров экспорта нефти России, включающих морские нефтяные терминалы, расположенные на российских побережьях и подходящие к ним системы нефтепроводов, идущих только по российской территории. Выявлены и рассмотрены: Балтийская, Черноморская, Тихоокеанская, Арктическая морские нефтетранспортные стратегии.

Как уже неоднократно отмечалось в работах автора [12] Балтийская стратегия развития нефтяного экспорта России ориентировалась на создание Балтийской трубопроводной системы (БТС-1), доставляющей нефть с нефтяных месторождений страны к морским нефтяным терминалам на российском побережье Балтийского моря (Приморск, Усть-Луга, Высоцк, Санкт-Петербург). Реализация данного проекта устранила необходимость использования портов Вентспилс (Латвия) и Бу-

тинге (Литва) для экспорта российской нефти в страны ЕС и устранила, таким образом, его зависимость от взаимоотношений с Латвией и Литвой, обеспечив морские пути транспортировки нефти.

Таблица 1

Морские экспортные нефтепроводные стратегии России [12]

Морские стратегии	Нефтепроводы	Характеристики нефтепроводов*	Порт вывоза нефти
Балтийская (104 млн.т.)	БТС-1: Харьга-Приморск	1600 км; 74 млн. т	Приморск
	БТС-2: Унеча-Усть-Луга	1000 км; 30 млн. т	Усть-Луга
Черноморская (98 млн.т.)	Баку-Грозный-Новороссийск	1330 км; 5 (2) млн.т.	Новороссийск
	Баку-Махачкала-Новороссийск	25-2,7 млн.т.	Новороссийск
	Суходольная-Родионовская	259 км; 26 млн. т	Новороссийск
	КТК: Тенгиз-Новороссийск	1510 км; 67 млн. т	Южная Озереевка
Тихоокеанская (72 млн.т.)	Заполярье-Пурпе	488 км; 32-45 мл.т. в год	-
	Куюмба-Тайшет	697 км; 8,5 / 15 мл. т. в год	-
	ВСТО-1: Тайшет-Сковородино	2694 км; 80 млн. тонн в год	-
	ВСТО-2: Сковородино-Козьмино	2046 км; 50 млн. тонн в год	Козьмино
	Сахалинская трубопроводная система: Сахалин-2-Пригородное	800 км; 10 (?) млн.т. в год	Пригородное
Арктическая (проекты) 12-80 млн.т.	Чайво-Де-Кастри	226 км; 12 млн.т. в год	Де-Кастри
	Нюксеница-Витино-Мурманск	3 600 км, 80 млн.т.	Мурманск
	Усинск-Мурманск	2 500 км, 80 млн.т.	Мурманск
	Заполярье-Табде Яха	400 км. (без подводной части), 35-40 млн.т.	Сабетта
	Харьга-Индига	419 км, 12 млн.т.	Индига

*- протяженность, пропускная способность

В свою очередь, строительство Балтийской трубопроводной системы-2 (БТС-2) было направлено на трансформацию

континентального экспорта России в ЕС, который традиционно осуществлялся нефтепроводом «Дружба», проходящим через территорию Беларуси. БТС-2 устранила необходимость использования данного нефтепровода, заменив его на Унеча (Россия)–Усть-Луга (Россия). Он доставляет нефть к нефтяному терминалу на российском побережье Балтийского моря (Усть-Луга). Такое замещение континентальных путей транспортировки нефти на морские привело к снижению зависимости экспорта российской нефти от взаимоотношений с Беларусью. В итоге, объем нефти, перекачиваемой сегодня по всей системе БТС, способен полностью перекрыть объем нефти, ранее транспортируемой по системе нефтепроводов, идущих в Европу: «Дружба», «Сургут–Полоцк» (104 млн. т. против 107 млн.т.), что снижает значимость всех транзитных стран по их маршруту (Беларусь, Латвия, Литва).

Однако Балтийская стратегия в силу очевидных особенностей географического положения России не в состоянии устранить проблему зависимости ее нефтяного экспорта в страны ЕС от взаимоотношений с Украиной. Эта задача была решена после реализации Черноморской стратегии развития нефтяного экспорта России. Она формировалась под влиянием отношений России с Украиной, Азербайджаном, Грузией, Турцией, Казахстаном. Ядром нефтетранспортного коридора, который был создан в ее рамках, стал Новороссийск. Увеличение мощности его нефтяных терминалов сопровождалось строительством нефтепровода Суходольная–Родионовская (Россия), позволившего доставлять нефть в ЕС в обход Украины морским путем. Дальнейшее расширение экспортных возможностей Новороссийска связано с вовлечением России в борьбу за маршруты транспортировки нефти с месторождений Каспийского моря, добываемой на территории Азербайджана и Казахстана. Основные нефтепроводы, построенные в этот период: Тенгиз (Казахстан)–Астрахань–Новороссийск (Россия), созданный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК) для транспортировки каспийской нефти с месторождений Казахстана и России к порту Южная Озереевка (пригород Новороссийска); Баку (Азербайджан)–Махачкала–Новороссийск

(Россия), созданный для устранения рисков экспорта нефти во время Чеченских войн по трубопроводу Баку (Азербайджан)–Грозный–Новороссийск (Россия). В совокупности, объемы нефти, проходящие сегодня через Новороссийские терминалы сравнялись с объемами нефти, проходящей через российские порты Балтийского моря (около 100 млн.т.). Таким образом, очевидно, что Балтийская и Черноморская стратегии развития нефтяного экспорта полностью решили проблему зависимости нефтяного экспорта России от характера ее отношений со странами-транзитерами, обслуживая 47% его объема и 76%, идущего в Европу.

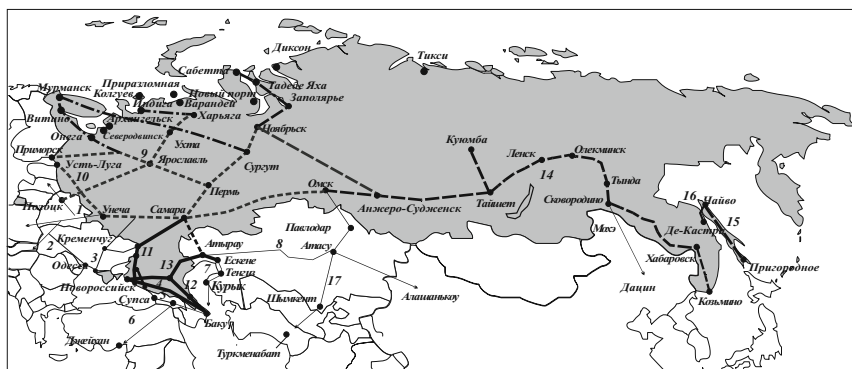

Рис. 1 Морские экспортные нефтетранспортные стратегии. России, 2019 (Нефтепроводы зарубежных стран, связанные с морскими нефтетранспортными стратегиями России: 1–Дружба, 2–Одесса–Броды, 3–Украинские магистральные нефтепроводы, 4–Баку–Грозный–Новороссийск, 5–Баку–Тбилиси–Супса, 6–Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), 7–Казхстанская каспийская система транспортировки (ККСТ), 8–Трансказхстанский) [12]

Россия–не единственная страна на постсоветском пространстве, которая успешно использовала морские транспортные коридоры экспорта нефти для устранения зависимости от стран-транзитеров. Например, Азербайджан, стремясь устранить зависимость от России в экспорте нефти в Европу, построил в обход ее территории нефтепроводы, завершающиеся в морских портах других стран, таких как Турция (нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан) и Грузия (нефтепровод Баку–

Тбилиси–Супса). Казахстан, пытаясь выйти на рынки стран Европы в обход России, стал формировать собственную каспийскую стратегию транспортировки нефти (ККСТ), которая включает в себя строительство нефтепровода Ескене-Курык и создание Транскаспийской системы (Курык-Баку). Она будет соединяться с нефтепроводом Баку-Тбилиси-Джейхан.

Наряду с рассмотренными морскими нефтетранспортными стратегиями, обслуживающими львиную часть российского экспорта нефти, и получившими импульс к развитию во многом благодаря стремлению России выйти из зоны влияния стран-транзитеров, необходимо выделить Тихоокеанскую стратегию развития нефтяного экспорта России. В отличие от Балтийской и Черноморской, она формируется под влиянием более широкого набора факторов, среди которых определяющим можно считать стремление России выйти на рынки стран АТР. В свою очередь, достижение данной цели симулировалось первоначально действиями других стран постсоветского пространства (Казахстана, Туркменистана) по выходу на энергетические рынки стран АТР, а впоследствии и осложнившимися взаимоотношениями с ЕС в целом.

В результате, были построены следующие морские транспортные коридоры экспорта нефти: нефтепровод Чайво–Де-Кастри (транспортировка нефти с месторождений проекта Сахалин–1 через Татарский пролив к нефтяному терминалу в порту Де-Кастри и далее в Японию, Р. Корею и др.); Сахалинская трубопроводная система (транспортировки нефти и газа, добытых в рамках проекта Сахалин-2 до нефтяного терминала отгрузки в Пригородное с последующим экспортом в Японию и др.); система нефтепроводов Восточная Сибирь–Тихий океан (ВСТО) (транспортировка нефти с месторождений западной Сибири до морского порта Козьмино, с последующим экспортом в Китай и др.).

Необходимо отметить перспективную морскую стратегию, реализация которой пока сдерживается малыми темпами ежегодного прироста добычи нефти в России–Арктическую стратегию развития нефтяного экспорта России. Она формируется рядом нефтепроводных проектов, конкурирующих друг с дру-

гом в вопросе возможных маршрутов транспортировки экспортной нефти через порты Северного Ледовитого океана. Все они опираются на уже разрабатываемые месторождения нефти, берут начало на уже существующих экспортных нефтепроводах и завершаются в одном из уже существующих нефтяных терминалов, расположенных по маршруту Северного морского пути.

Так, проект Мурманского нефтепровода, связывающий месторождения нефти Западной Сибири с портом Мурманск предполагает два маршрута: южный (вокруг Белого моря) и северный (по дну Белого моря). В качестве преимуществ данного проекта подчеркивается такой аспект, как способность Мурманска принимать супертанкеры, которая связана с глубоководностью и незамерзаемостью акватории порта. Это, в свою очередь, определяет рентабельность транспортировки нефти на дальние расстояния вплоть до Северной и Южной Америки. Более того, при этом устраняется такой недостаток рассмотренных ранее Балтийской и Черноморской нефтеранспортных стратегий России, как определенная зависимость экспорта российской нефти от стран, через чьи территориальные воды транспортируется груз (Датские проливы – Дания, Швеция; Босфор, Дарданеллы – Турция).

Вместе с тем, учитывая большую протяженность Мурманского нефтепровода и невозможность обеспечить полную его загрузку, в качестве альтернативы был предложен более короткий маршрут с меньшими объемами транспортируемой нефти и с возможностью отдельной прокачки добываемой нефти – нефтепровод Харьяга-Инди́га. Однако недостаточная глубина акватории порта Инди́га в сочетании с ее замерзаемостью, ограничивают возможность приема крупнотоннажных танкеров, что в итоге не позволило реализовать данный проект.

В связи с этим, аналитики высказывают мнение о нецелесообразности в ближайшей перспективе реализации Арктической морской нефтетранспортной стратегии, основанной на системе нефтепроводов [17]. Это определяется, в первую очередь, низкими темпами роста добычи нефти в России. Нефть, добываемая в месторождениях, с которых начинаются рассмотренные нефтепроводы, является ресурсной базой крупнейших

экспортных нефтепроводов страны: БТС–1, КТК и ВСТО.

В итоге, можно констатировать, что существующая современная Арктическая стратегия базируется на добыче нефти (месторождения Приразломная, Новопортовское) с последующей ее транспортировкой с помощью нефтяных танкеров и ледокольного флота и опирается на нефтяные терминалы, расположенные по маршруту Северного морского пути, что делает актуальным их реконструкцию (в частности, Северодвинск, Мурманск).

Проведенное исследование показало, что в качестве основных факторов, влияющих на формирование морских нефте-транспортных стратегий экспорта России, можно выделить ее географическое положение и, связанный с ним характер отношений с соседними странами, что подчеркивает геополитическую природу рассматриваемого явления. Это проявилось в использовании морских стратегий для выхода России из зоны влияния стран-транзитеров (Балтийская, Черноморская, Арктическая стратегии); географической диверсификации рынков сбыта (Тихоокеанская); увеличении рентабельности экспорта нефти за счет сокращения маршрутов транспортировки и выделения/сохранения экспортных групп качества нефти (Черноморская); разработке новой ресурсной базы для решения региональных социально-экономических задач (все стратегии). В конечном итоге, решение перечисленных задач, привело к тотальному доминированию морского экспорта нефти из России над континентальным (совокупная пропускная способность экспортных нефтепроводов страны, подходящих к морским нефтяным терминалам способна обеспечить экспорт всего объема экспортируемой сегодня нефти).

Более того, морские нефтетранспортные стратегии используются в обслуживании всех существующих географических направлений экспорта российской нефти (за исключением постсоветского пространства): Европа–Балтийская, Черноморская, Арктическая стратегии; АТР–Тихоокеанская стратегия; США–Арктическая стратегия (в перспективе). При этом в постсоветский период под влиянием «нефтепроводных войн»,

произошло перераспределение маршрутов транспортировки российской экспортной нефти. Все больше увеличивается доля АТР. Значительный вклад в этот процесс вносят морские нефтетранспортные стратегии.

Вместе с тем, трансформация нефтепроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием характера отношений с сопредельными государствами сопровождалась и трансформацией инфраструктуры морского транспорта страны (морской порт—трубопровод), что в конечном итоге усилило позиции России, как морской державы, которые во многом были утрачены после распада СССР.

Список источников и литературы

1. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 4. С. 83–92.
2. Вардомский Л. Б., Тураева М. О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад).—М.: Институт экономики РАН. 2018. 66 с.
3. Гаджиев К. С. Трубопроводная дипломатия на Южном Кавказе в геополитическом измерении // Горизонты экономики. 2014. № 4 (16). С. 13–21.
4. Дудко Д. Г. Евроазиатские транспортные проекты с участием России и их роль в интеграции стран СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2009. № 3. С. 45–53.
5. Жагловская А. В., Жагловский В. Н. Обзор рынка нефти Азиатско-тихоокеанского региона и перспективы расширения сегмента экспорта российской нефти // Экономика в промышленности. 2012. № 1. С. 70–72.
6. Жильцов С., Зонн И., Маркова Е. Энергетические проекты в Каспийском регионе и Центральной Азии меняют геополитический ландшафт Евразии // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22. № 1. С. 26–35.
7. Заславский И. Дело труба. Баку-Тбилиси-Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М.: Издательство «Европа», 2005.
8. Зверев Ю. М. Проблемы конкуренции и кооперации в топливно-энергетическом комплексе Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 1 (3). С. 37–48.

9. Ключев Н. Н. Промышленное и транспортное освоение территории России в постсоветский период // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 5–14.
10. Петросян С. С. Антикризисное регулирование европейской энергетической стратегии Российской Федерации // Экономика и экологический менеджмент. 2013. № 3. С. 8.
11. Потоцкая Т. И. Геополитический аспект современного транспортно-географического положения России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 3. С. 5–17.
12. Потоцкая Т. И. Геополитические аспекты формирования морских стратегий нефтяного экспорта России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2020. № 2(53). С. 37–47.
13. Сдасюк Г. В., Комедчиков Н. Н. Экспортные нефтегазовые трубопроводы России: геополитическое и внутригосударственное значение // ИнтерКарто/ИнтерГИС. 2010. Т. 16. С. 18–22.
14. Твалчрелидзе А., Силагадзе А. Проблемы сырьевой безопасности Европы и устойчивого развития Центрально-азиатско-кавказского региона // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 4. С. 125–142.
15. Филимонова И. В., Шумилова С. И., Дзюба Ю. А. Комплексный анализ и прогноз недропользования в регионах Восточной Сибири и дальнего Востока // Экологический вестник России. 2019. № 10. С. 20–27.
16. Бамбуляк А., Францен Б. Транспортировка нефти из российской части Баренцева региона, URL: https://www.nhm.uio.no/fakta/zoologi/fugl/gingmerking/PDF/Part_1.pdf (дата обращения 02.12.2019).
17. Системы транспорта углеводородов в Арктике // Российский совет по международным делам (РСМД), URL: <https://russiancouncil.ru/arctic-petroleum-transport> (дата обращения 09.01.2020).

МОРСКИЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ ЭКСПОРТА НЕФТИ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Pototskaya T. I.¹

¹Smolinsky state University
Smolensk, Russia

The study is devoted to the study of the influence of the current geopolitical position of Russia on the geography of export oil transportation routes. The vulnerability of the functioning of export oil pipelines created in the previous historical period of time and their dependence on the interests of transit countries (Latvia, Lithuania, Belarus, Ukraine, Azerbaijan) are emphasized. As the main mechanism, Capable of solving this problem, the formation of marine oil transportation strategies and in their composition of transport corridors, including the creation of marine oil terminals located on the Russian coasts and suitable systems of oil pipelines going only through Russian territory, are considered.

The author identifies and considers: Baltic, Black Sea, Pacific, Arctic offshore oil transportation strategies and within their framework the corresponding transport corridors. The main factors contributing to their formation are highlighted, such as Russia's desire: to withdraw from the zone of influence of transit countries; geographically diversify sales markets; increase the profitability of oil exports by reducing transportation routes and preservation of export groups of oil quality; to develop a new resource base for solving regional socio-economic problems. Offshore strategies are used to support all existing geographical destinations of Russian oil exports(except for the post-Soviet space). The conclusion is made about the dominance of maritime oil exports from Russia over the continental one, which is considered by the author as a consequence of the current maritime strategies. It is noted that in the post-Soviet period, the transformation of Russia's oil pipeline transport and the associated transformation of the country's maritime transport infrastructure under the influence of the nature of relations with neighboring states ultimately strengthened Russia's position., as a maritime power that was largely lost after the collapse of the USSR.

Key words: geopolitics, geography, oil pipelines, Russia, Ukraine, Belarus, Azerbaijan, Kazakhstan, Asia-Pacific region.

АРКТИКА КАК СФЕРА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Яковенко Н. В.¹, Комов И. В.²

¹ Воронежский государственный лесотехнический
университет им. Г. Ф. Морозова,
Воронеж, Россия

² Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия

Геополитическое положение, огромный энергоресурсный потенциал и экологическая значимость Арктического региона с начала ххi века привлекают внимание всего мирового сообщества. Бесспорно, это важнейшая составляющая внутренней и внешней политики арктических государств и региональных международных организаций. В статье раскрыты геостратегические интересы России в этом регионе. Глобализация является важнейшим фактором формирования арктической политики России. Благодаря этому все заинтересованные стороны постепенно начали сотрудничать друг с другом: не только неправительственные организации, но и транснациональные компании, города и т.д. В результате в настоящее время арктическая политика состоит из двух уровней: международного – с участием государства, а также транснационального – с участием переговоров между транснациональными компаниями и гражданским обществом. Именно поэтому перед Россией сейчас стоит задача разработать такую модель, которая бы использовала различные механизмы эффективного сотрудничества как на государственном, так и на негосударственном уровнях. Современ-

ная геополитическая ситуация в мире и необходимость дальнейшего социально-экономического развития вынуждают Россию активно проводить арктическую политику. Для современной России, как обладателя большей части арктического пространства, Северные территории всегда имели стратегическое значение. Модернизация российской арктической зоны может стать важнейшей предпосылкой выживания и расширения российской мощи в мире.

Ключевые слова: Арктика, стратегия, политические интересы, глобальные проблемы

В эпоху после окончания холодной войны развитие режима управления Арктикой отражает усилия арктических стран по возвращению к многопартийным консультациям в стремлении достичь регионального мира и стабильности. Эта политика касается нетрадиционного характера безопасности с акцентом на экологические проблемы и природные ресурсы. Однако отсутствие рамочных соглашений, правовой базы, правоприменительной практики и взаимных обязательств ограничивает роль режима управления в арктической геополитике. С неореалистической точки зрения такой режим фактически предполагает, что великие державы, стремящиеся поддержать свои эгоистические устремления, должны будут разделить власть. Нынешний механизм регионального управления, воплощенный в Арктическом совете, уже давно рассматривается как необязательный режим, своего рода форум, лишенный взаимных правовых обязательств. Этот режим не имеет ни возможностей, ни компетенции решать крупные политические вопросы и вопросы безопасности, особенно затянувшееся геополитическое соперничество и отсутствие доверия между США и Россией, в то время как обе страны остаются ведущими державами региона. Такое соперничество постоянно ставит под угрозу мир и стабильность в Арктике. Конкуренция между США и Россией в вопросах безопасности также препятствует региональному сотрудничеству и не может быть снивелирована нынешним режимом сотрудничества в Арктике.

Будучи единственной оставшейся сверхдержавой в мире, США перестали считать Арктику приоритетом внешней политики с точки зрения национальной обороны. Стратегическое

значение Арктики для США постепенно снижается. Между тем главной проблемой России стали последствия расширения НАТО и ЕС в Восточную Европу и Содружество Независимых Государств, которые остаются традиционной сферой влияния России. Поэтому Россия вряд ли может представлять серьезную угрозу для США в Арктике, как это было во времена холодной войны, поэтому после ослабления взаимных угроз и режима сдерживания обе страны договорились создать в Арктике стабильные геополитические условия для эффективного сотрудничества, прекращения конфронтации и гонки вооружений.

Снятие вопросов безопасности с арктической повестки дня также соответствует планам двух стран. С самого начала США воздерживались от включения вопросов безопасности и большой политики в повестку дня Арктического совета. Для России Северный Ледовитый океан стал новым вектором стратегического развития, особенно с учетом глобального потепления. Россия также заинтересована в сохранении геополитических преимуществ, обеспеченных ее мощным Северным флотом, и недопущении снижения ее боеспособности в рамках нового соглашения о безопасности или контроле над вооружениями. Роль России и США в Арктике отражает тот факт, что решающее слово в установлении того или иного режима в регионе, правил его функционирования и повестки дня принадлежит ключевым акторам [1,4].

Цель – рассмотреть геостратегические приоритеты России и обосновать направления эффективности комплексной безопасности в Арктике.

По мере неуклонного таяния полярных льдов Арктика все больше становится очагом геополитической конкуренции. В течение трех десятилетий после окончания холодной войны, когда регион находился в центре соперничества великих держав, успешное сотрудничество превратило Арктику в зону «низкой напряженности» и укрепило восприятие «арктической исключительности», ощущение того, что регион обладает уникальным сотрудничеством и иммунитетом от более широкой геополитической напряженности.

Для восьми арктических государств, входящих в Арктический совет—Канады, Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, Швеции, России и США—появилась надежда на то, что региональная динамика может быть изолирована от глобальных геополитических сдвигов. Однако два явления бросают вызов понятию арктической исключительности и проверяют пределы регионального управления. Во-первых, изменение климата ускоряет таяние полярных льдов исторически беспрецедентными темпами. Становятся доступными все более обширные участки Арктики, а вместе с ними и нетронутые природные ресурсы региона, что повышает перспективы активизации человеческой деятельности.

Во-вторых, конкуренция великих держав в Арктике усиливается, изменяя региональную энергетическую динамику и подвергая регион «побочным» эффектам от конкуренции в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе. Растущее присутствие Китая в регионе создает экономическую и финансовую зависимость. Следовательно, то, что происходит в Арктике, затрагивает не только региональных акторов. По мере того, как она становится все более доступной, актуальность Арктики для России вновь возрастает.

Во-первых, это огромный экономический потенциал для экономики России, которая структурно зависит от природных ресурсов. По оценкам, к северу от северного полярного круга извлекаемые запасы составляют около 90 миллиардов баррелей нефти, 1670 триллионов кубических футов природного газа и 44 миллиарда баррелей жидкого природного газа. Более того, таяние льдов делает Северный морской путь (СМП), суходоходный маршрут, полностью расположенный в Исключительной экономической зоне России, привлекательной альтернативой маршруту Суэцкого канала.

Во-вторых, проецируя мощь в области потенциальной конкуренции с участием США—и в меньшей степени Китая—Россия способна восстановить свои позиции великой державы. Очевидно, что перспективы развития Арктического региона связаны с основными глобальными проблемами, которые, безусловно, имеют геополитическое, а, следовательно, и политическое значение.

Недавний запуск национальных стратегий и государственной политики в Арктике и Северных делах правительствами всех восьми арктических государств ясно показывает, даже явно, растущий интерес этих государств к своим самым северным регионам, а также ко всему Арктическому региону. Такой же уровень интереса к Арктике в последнее время демонстрируют несколько держав за пределами региона, включая Китай, Японию и Республику Корею в Азии, Францию, Германию и Великобританию, а также Европейский Союз в Европе. Сравнение этого с ситуацией 1990-х годов в отношении внутренней и внешней политики арктических государств демонстрирует явный сдвиг интереса к Северу, поскольку в начале 1990-х годов существовали только две страны – Канада и Норвегия – с «явной арктической политикой» [7,8].

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года как один из основополагающих документов государственного стратегического планирования рассматривает в числе приоритетов опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития и небольшой плотностью населения, но обладающих собственным потенциалом экономического роста. Этими особенностями как раз характеризуются регионы, расположенные в Арктической зоне России (Рис. 1). Помимо низкой плотности и крайне неравномерного («очагового») размещения населения, арктические регионы России отличаются:

- ✓ «слабым уровнем развития (зачастую отсутствием) транспортной инфраструктуры и недостаточной связанностью отдельных территорий между собой и с экономическими центрами;
- ✓ значительной удаленностью от основных промышленных баз страны, что ведет к росту транспортных издержек на перевозку грузов;
- ✓ крайне неблагоприятными (экстремальными) для проживания и хозяйственной деятельности природными условиями;
- ✓ моноотраслевой структурой хозяйства, ориентированного преимущественно на добычу стратегически важных

- видов минерального сырья;
- ✓ особенно чувствительной к любым видам загрязнений природной средой» [5].

Рисунок 1. Арктическая зона [2]

Арктика несет огромные экономические выгоды для России [3,4,6]. Особый интерес представляют следующие аспекты:

- Арктика содержит 80 % открытых запасов природного газа в России и является домом для гигантских морских и наземных месторождений углеводородов, таких как Штокман и Ямал. По оценкам Геологической службы США и Statoil, этот регион также является крупнейшим в мире нетронутым запасом нефти и газа. Они представляют большой интерес для национальной газовой промышленности, поскольку она стремится заменить сокращающуюся добычу на старых месторождениях. Растущий интерес к этим запасам привел, в частности,

к разработке новых технологий за рубежом для использования этих ресурсов.

- Крайний Север особенно богат стратегически важными цветными и драгоценными металлами, где находятся крупные месторождения высококачественной меди, цинка, алмазов, олова, золота, серебра и никеля. Например, Норильская промышленная зона Таймыра обеспечивает до 20 % мирового производства никеля.
- Рыбные запасы: Арктика также является источником важных морских биоресурсов. Треска в Баренцевом море и минтай на Дальнем Востоке Российской Арктики составляют примерно 25 % мирового улова. Кроме того, полярные беспозвоночные представляют собой ценный ресурс для химического и фармацевтического секторов, поскольку они используются в производстве анальгетиков и других видов лекарств, а также для консервирования продуктов питания и напитков.
- Новые морские пути: таяние льдов на Крайнем Севере может сделать новые стратегические летние морские пути в пределах Северо-Западного прохода (суверенитет, утвержденный Канадой, но поставленный под сомнение США и ЕС) и Северного морского пути (суверенитет, утвержденный Россией, но открытый для международного коммерческого судоходства) еще более доступными. Эксплуатация арктического маршрута в настоящее время требует ледоколов и поэтому является очень дорогостоящей; однако таяние арктических льдов устранило бы это препятствие. Северный морской путь может значительно снизить транспортные расходы, а также выбросы углекислого газа, поскольку он может сократить протяженность маршрута Европа–Восточная Азия на 40 %. Например, традиционный маршрут Суэцкого канала между Гамбургом и Иокогамой (18350 км) будет сокращен до 11100 км с использованием Северного морского пути. Такие новые торговые морские пути могли бы облегчить заторы в узких местах, таких как Суэцкий и Панамский каналы, а также Малаккский пролив. Кроме

того, они избегали бы политически нестабильного Ближнего Востока и пиратства на Африканском Роге. Однако привлекательность летнего незамерзающего моря также вновь открывает дискуссии о суверенитете над новыми маршрутами и присутствии военных кораблей третьих стран. Кроме того, более интенсивное морское движение в Арктическом регионе повышает вероятность аварий, а также проникновения инвазивных видов в экосистему через балластные воды. Северный морской путь (СМП) России в настоящее время открыт для ограниченного международного коммерческого судоходства.

Анализ стратегического регулирования процесса обеспечения безопасности Арктики показал, что в этой сфере существует значительное количество проблем. К таким проблемам относятся:

- отсутствие согласованности и взаимосвязи между отдельными стратегическими документами федерального уровня, поиск оптимальных форм построения государственной системы органов управления арктическими территориями до настоящего времени;
- недостаточная оперативность каких-либо изменений в стратегических документах, регулирующих процессы социально-экономического развития Арктических регионов, смещение финансирования развития Арктики в сторону оборонных проектов; отсутствие реальных усилий по реализации многих заявленных в стратегических документах тенденций (особенно социально-экономического развития Арктических регионов).

В целях повышения эффективности комплексной безопасности в Арктике должны быть реализованы следующие направления:

1. Рассматривать вопросы обеспечения безопасности Арктики комплексно (в настоящее время в стратегических документах обозначены только такие элементы комплексной безопасности, как военная и экологическая, в том числе путем выделения таких ключевых компонентов, как экономический, транспортный, энергетический и др.).

2. Стратегические документы должны раскрывать содержание всех элементов национальной безопасности, создавать перечень критериев для каждого вида безопасности, которые могут быть использованы для периодического мониторинга уровня безопасности в отдельных регионах и Арктики в целом, а также пороговые и целевые показатели.
3. Необходимо выделить особенности данной территории, влияющие на уровень экономической безопасности, определить дополнительные критерии оценки социально-экономической безопасности Арктических регионов, а также конкретные меры и мероприятия, направленные на укрепление экономической безопасности.

Реализация этих направлений позволит повысить эффективность стратегического регулирования процесса обеспечения национальной безопасности в Арктике, принять комплексный подход к ее укреплению и сбалансировать развитие этой территории по всем направлениям. Основной интерес России заключается в сохранении Арктики как стабильного региона международного сотрудничества без каких-либо пограничных споров, военной конфронтации или гонки вооружений. Сегодня для российской модернизации возрастает значение международного сотрудничества в Арктике. Главная цель российского правительства – реиндустриализация российской арктической зоны. Для этого необходима согласованная государственная программа, которая объединила бы потенциалы государства и частного бизнеса в форме частно-государственного партнерства. В качестве платформы для такого партнерства можно рассматривать консенсусную модель «государство – бизнес – общество» относительно разделения ответственности за будущее Арктической зоны (транснациональное управление). Необходимо найти баланс между суверенными правами России в регионе и привлечением иностранных инвестиций в промышленное развитие. Сотрудничество с зарубежными партнерами в освоении Арктики может стать ключевым направлением российской политики не только на федеральном уровне, но и охватить все заинтересованные ре-

гионы Российской Федерации, российские компании и неправительственные организации.

Таким образом, геостратегическое мировоззрение России основано на геополитике с нулевой суммой, и она видит себя в долгосрочной стратегической конкуренции с Западом. Некогда забытая Арктика вернулась на геополитическую карту. Сочетание крайне разнонаправленных интересов России и других арктических государств в крупных стратегических вопросах, растущий глобальный – и особенно китайский – интерес к региону и последствия изменения климата, которые делают Арктику более доступной для человеческой деятельности, означают, что геостратегическая значимость Арктического региона в будущем будет только возрастать.

Россия обладает большой чувствительностью к Арктике, и ее проактивный подход является не только результатом желания занять выгодную позицию для обеспечения своих национальных интересов, но и связан с конструктивистскими факторами. Все больше и больше акторов стремятся играть свою роль в Арктике, и понятно, что Россия поэтому опасается потери влияния. Тот факт, что Россия частично использует регион в качестве проекта формирования идентичности, имеет тенденцию усложнять ситуацию, поскольку Москва вкладывает много гордости и престижа в Высокий Север. Политика Запада по отношению к региону должна учитывать эти реалии, в дополнение к пониманию того, что Россия рассматривает политику других прибрежных государств не так уж сильно отличающуюся от своей собственной. Усиление роли НАТО в регионе без признания и попыток интеграции российских интересов усилит чувство стратегической изоляции России и усугубит дилемму безопасности в регионе. Это не означает, что западная политика должна быть заложницей российской чувствительности; однако это означает, что Россия должна быть включена в процесс разработки политики в Арктике. Это, несомненно, будет невероятно трудным балансом для достижения. Однако невыполнение этого требования может иметь пагубные последствия, ставя под угрозу общую стратегическую цель поддержания стабильности и мира в регионе.

В заключение отметим:

1. Северный вектор внешней политики Российской Федерации в целом характеризуется достаточным базисом своего концептуального осмысления. Вместе с тем можно говорить, что он в определенной степени находится в своеобразной «тени» по сравнению с другими ключевыми для Москвы направлениями ее внешней политики, а именно западным и восточным.
2. В практической плоскости интерес к Арктике связывается с комплексом проблем, которые в равной мере определяют геополитический, экономический, технический и безопасный аспекты выживания России в современном глобальном мире, ее способность удерживать за собой статус великой державы.
3. Качественное овладение Россией пространственных границ Севера имеет для нее стратегическое значение, поскольку не только обеспечивает государству выход в другие регионы и морские акватории, но, что особенно важно, выполняет интеграционную функцию внешнеполитических векторов Российской Федерации характеризуя ее внешнюю политику как реально многовекторную.

Список источников и литературы

1. Арктика в фокусе современной геополитики. М., Институт региональных проблем. 58 с., 2015.
2. Арктическая зона URL: [http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094) (дата обращения: 15.03.2021).
3. Кефели И. Ф. Геополитика Арктики в стратегии развития морских коммуникаций // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: VI Всерос. морская науч.–практ. конф.: материалы конф., Мурманск, 13–14 мая 2015 г. Мурманск: Изд-во МГТУ, 261 с., 2015.
4. Павленко В. И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны. Арктика: экология и экономика. Т. 4, с. 16–25, 2013.
5. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: [http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094) (дата обращения: 15.03.2021).

6. Badylevich R. Analysis and improvement of the directions of strategic regulation of the process of ensuring the security of the Arctic zone of the Russian Federation IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.539 012054,2020.
7. Heininen L. National Approaches to the Arctic. In Jyrki Käkönen (Ed.), *Vulnerable Arctic: Need for an Alternative Orientation?* (Research Report No47). Tampereen Pikakopio Oy, Tampere. 35–66, 1992.
8. Kefferpütz R. On Thin Ice? (Mis)Interpreting Russian Policy in the High North (February 16, 2010). CEPS Policy Brief No. 205, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1604514>.

THE ARCTIC AS A SPHERE OF RUSSIA'S GEOSTRATEGIC INTERESTS

Yakovenko N. V.¹, Komov I. V.²

¹ Voronezh State Forestry University named after G. F. Morozov, Voronezh, Russia

² Voronezh State University”, Voronezh, Russia

The geopolitical position, huge energy resource potential and environmental significance of the Arctic region since the beginning of the XXI century attract the attention of the entire world community. This is the most important component of the domestic and foreign policy of the Arctic states and regional international organizations. The article reveals the geostrategic interests of Russia in this region. Globalization is the most important factor in shaping Russia's Arctic policy. As a result, all stakeholders gradually began to cooperate with each other: not only non-governmental organizations, but also transnational companies, cities, etc. As a result, Arctic policy currently consists of two levels: international—with the participation of the state, а также транснационального—с участием переговоров между транснациональными компаниями и гражданским обществом. Russia now faces the task of developing a model that would use various mechanisms for effective cooperation both at the state and non-state levels. The current geopolitical situation in the world and the need for further socio-economic development force Russia to actively pursue an Arctic policy. For modern Russia, as the owner of most of the Arctic space, The Northern Territories have always been of strategic importance. Modernization of the Russian Arctic zone can become an important prerequisite for the survival and expansion of Russian power in the world.

Key words: Arctic, strategy, political interests, global problems

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОУЧАСТИЯ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В 2010-е годы

Галустов К. А.^{1,2}, Дельва К. И.² Ходачек И. А.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

²Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

В работе рассматриваются региональные практики соучастия граждан в развитии муниципалитетов Северо-Западного федерального округа в течение 2010-х гг. Нами были рассмотрены передовые для российских муниципальных образований формы соучастия (инициативное бюджетирование, территориальное общественное самоуправление (ТОС) и другие). Посредством сравнительного анализа нами было установлено, что регионы имеют значительную дифференциацию по уровню развития практик: наблюдаются различия в «стартовых» условиях (таких как количество ТОС в регионе), в периодах существования практик, истории их формирования, формах и процедурах их реализации, а также в географическом охвате практиками на муниципальном уровне. Основным драйвером ускоренного внедрения практик являются региональные власти, однако возрастает роль и прочих участников процесса: муниципальных и федеральных властей, физических и юридических лиц, общественных организаций.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, территориальное общественное самоуправление, муниципальное управление, соучастие граждан, Северо-Западный федеральный округ

Развитие демократических институтов в мире сталкивается с новыми вызовами; появляются качественно новые формы общественного участия. В постсоветский период происходит развитие новой для современной России формы реализации политической власти – муниципальной. Развитие местного самоуправления, возникшего с принятием ФЗ № 131 «О местном самоуправлении» сопровождается появлением и распространением новых форм соучастия жителей и организаций на территории муниципалитета в управлении местными процессами

совместно с властями разных уровней. В литературе эти формы получили название «партисипация».

Слово «participation» в переводе на русский язык означает «участие», его прилагательная форма «participatory» – «участвующее», с точки зрения русского языка это синонимично слову «коллективное», «основанное на широком соучастии». Поэтому в нашем исследовании мы остановились на формулировке «соучастие граждан».

Одной из основных политических форм соучастия являются практики так называемого «инициативного бюджетирования» – нового явления, которое за последние 10 лет получило активное распространение в регионах России. В частности, практиками инициативного бюджетирования оказались охвачены и многие муниципалитеты регионов Северо-Западного Федерального округа (далее – СЗФО). Задача нашего исследования – рассмотреть в территориальном охвате современные региональные практики инициативного бюджетирования на примере 11 регионов СЗФО в 2010-е гг.

Есть множество различных определений явления инициативного (партисипаторного) бюджетирования, однако, в целом, под ним понимают «совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также последующем контроле за реализацией отобранных проектов» [1, с. 6]. Основным драйвером практик инициативного бюджетирования в России сегодня являются региональные власти и общественная инициатива, в связи с чем практики имеют существенные различия от региона к региону. Одним из основных механизмов реализации практик инициативного бюджетирования являются различные программы поддержки местных инициатив (ППМИ) и именно их содержание и распространенность в регионах лежали в фокусе нашего внимания. Основные сферы реализации проектов – ремонт дорог и канализационных сетей, жилья, социальных объектов, благоустройство территории.

Наибольшее распространение практики инициативного бюджетирования в СЗФО получили в *Архангельской области*. С начала 2010-х гг. Архангельская область проводит активную политику по развитию территориальных общественных самоуправлений (ТОС); согласно докладу о развитии ТОС в России область на 2012 год являлась лидером по числу ТОС в СЗФО (около 2 тыс. ТОС) и по объему финансирования программ, связанных с совершенствованием и функционированием ТОС в регионе [2, с. 74–78]; за период с 2011 по 2019 гг. из регионального бюджета на поддержку местных инициатив ежегодно выделяется около 20 млн.рублей [3]. В регионе наблюдается наибольшее число видов практик софинансирования, подпадающих под определение «инициативного бюджетирования». К ним относятся, например, Конкурс на грантовую поддержку местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности, городская программа г. Архангельска «Бюджет твоих возможностей», Конкурс мини-грантов поддержки местных социальных инициатив «Люди дела», Проект «Малым территориям – большое будущее!». В том числе благодаря разнообразию и длительности программ практиками инициативного бюджетирования охвачены все муниципальные районы области, при этом, благодаря широкому охвату конкурса сельских инициатив наблюдается большой охват инициативным бюджетированием сельских ТОС. Городские муниципалитеты области (города Вельск, Каргополь, Котлас, Няндома, Онега, Сольвычегодск) принимают участие во всероссийском конкурсе по формированию комфортной городской среды в малых городах и получают значительную финансовую поддержку из федерального бюджета.

В Вологодской области действует программа «Народный бюджет», в рамках которой формируются направленные на участие в управление местными процессами ТОС. На 2019 год данная практика реализована в пяти муниципальных районах области, а в Вологде проект планировался к запуску до октября 2019 года [4]. Отдельно стоит выделить модель интегрированного инициативного бюджетирования с территориальным самоуправлением в г. Череповец, которая была признана Ми-

нистерством финансов РФ лучшей практикой инициативного бюджетирования в области [5]. Именно эта модель является наиболее приближенной к практике инициативного бюджетирования. Практика развития инициативного бюджетирования в Череповце является одной из первых в Российской Федерации, проект «Народный бюджет» стартовал в 2013 году. Идея проекта призвана мотивировать жителей города к созданию ТОС и решению социальных проблем и вопросов местного значения. Число ТОС и участников голосования растет с каждым годом, в 2018 году за инициативы, выдвинутые 25 ТОС, голосовали уже более 30 тысяч горожан. Расходы бюджета на реализацию проектов устанавливают муниципальные администрации. Также существует форма добровольного пожертвования физических и юридических лиц. В случае Череповца самый большой объем расходов бюджета – 46,5 млн. рублей за 2019 год, что составляет 0,5 % местного бюджета. «Народный бюджет» открыт для множества тем, акцент на решении социальных проблем и вопросах благоустройства местного значения.

В Калининградской области присутствуют элементы инициативного бюджетирования в незначительном объёме. Министерство финансов Калининградской области планирует оформить планы по развитию инициативного бюджетирования в регионе в государственной программе «Эффективные финансы», а также подготовить нормативно-правовую базу, в которой будут отражены механизмы, регулирующие инициативное бюджетирование в регионе. На региональном уровне Губернатором запущена «Программа конкретных дел», которая является промежуточной формой между ТОС и практиками инициативного бюджетирования. Также в 2020 году Администрация г. Калининград планирует проведение конкурсного отбора инициативных проектов по благоустройству территорий общего пользования, в том числе дорожно-транспортной инфраструктуры. В бюджете г. Калининграда на 2020 год предусмотрено 10 млн. рублей на софинансирование 10 инициативных проектов. В администрации города разработали порядок конкурсного отбора проектов, которые претендуют

на бюджетную субсидию, перечень необходимых документов, форму заявки на участие в конкурсном отборе, критерии и систему оценки инициативных проектов, срок проведения конкурсного отбора, а также срок перечисления денежных средств инициативных групп в бюджет городского округа на реализацию инициативных проектов, признанных победителями конкурсного отбора [6]. На данный момент формат бюджетного обучения в регионе не разработан, а практики инициативного бюджетирования не находят отражения в бюджетах районов Калининградской области. «Программа конкретных дел» лишь отчасти имеет черты партисипаторного бюджетирования. Есть примеры добровольной поддержки инициатив бизнесом [7]. В проекте «Программы конкретных дел» акцент на проектах благоустройства городской среды. Также в регионе действуют и другие совместные проекты бизнеса и граждан, например, в Гусеве основан детский центр робототехники, развивается Технополис GS.

В Калининградской области локальные формы самоуправления представлены двумя институтами осуществления самоуправления гражданами муниципалитетов: 1) институт сельских старост в сельских населенных пунктах и 2) инициативные комиссии в административных центрах муниципальных образований. Институт старост действует с 2012 года и получил определённую поддержку как у граждан, так у и правительства; число старост в области с каждым годом растёт, возрастает их финансовая поддержка. В настоящее время более 80 % сельских населенных пунктов осуществляет самоуправление через старост (1758 старост в 2374 сельских населенных пунктах).

Другим институтом осуществления самоуправления являются инициативные комиссии (или общественные советы), располагающиеся в административных центрах муниципальных образований. Предполагается, что институт инициативных комиссий «покроет» гражданским самоуправлением 200 центров муниципалитетов, в которых проживает большинство населения области, и станет основным каналом как осуществления власти, так и реализации решений граждан о расходе-

вании бюджетных средств. Для «нецентральных» поселений предполагается действие института старост, как дополняющего инициативные комиссии «на местах». На 2017 год комиссии действуют в более чем 90 % всех центрах муниципальных районов Ленинградской области. Через эти два института происходит отбор и поддержка местных инициатив. В 2018–19 гг. список поселений для предоставления субсидий из областного бюджета для реализации проектов местных инициатив граждан состоял из более чем 160 городских и сельских муниципальных образований т.е. за последние два года проектами поддержки местных инициатив охвачено более 80 % всех муниципальных образований области [6,7]. Объем субсидий на реализацию каждого проекта колеблется от 0,2 до 3 млн. рублей, доля областного бюджета в проектах составляет от 50 до 95 %. В период с 2016 по 2018 на проекты ежегодно выделяется не менее 210 млн. рублей [8].

В Мурманской области поддержка местных инициатив на конкурсной основе начала осуществляться с 2017 года. Ежегодно на поддержку местных инициатив из регионального бюджета выделяется около 25 млн. рублей. За три года географический охват участия составил около 30 муниципальных образований области из 40. По географическому охвату вовлеченность муниципалитетов в программу поддержки местных инициатив неполная, формируется стабильный пул активных участников программы – в основном это городские округа и наибольший по площади в области Ловозерский муниципальный район. Различается политика муниципалитетов: городские округа чаще предпочитают выставлять один крупный проект на сумму до 2 млн. руб., районы – множество проектов с суммой субсидий, превышающей 1,5 млн. рублей. Удивительно, что практиками поддержки местных инициатив со стороны региона практически не охвачен областной центр – г. Мурманск.

Практики соучастия **в Ненецком АО** начали активно появляться также в 2017 году. На этот момент в регионе действовало всего лишь несколько ТОС и власти проводят различные мероприятия, направленные на их развитие. С появлением

в 2017 году документа о поддержке местных инициатив в округе ежегодно проводится конкурс проектов развития общественной инфраструктуры муниципальных образований Ненецкого АО, основанных на местных инициативах (с 2018 года конкурс проводился дважды в год). Ежегодно на реализацию местных инициатив из бюджета выделяется около 10 млн. рублей. На 2019 год в поддержку местных инициатив вовлечено около половины всех муниципальных образований области. Наиболее активными муниципалитетами (по числу победивших на конкурсе заявок) являются г.о. Нарьян-Мар и р.п. Искателей. На развитие инициативного бюджетирования в регионе оказывает влияние очаговое расселение; в регионе всего лишь несколько территориальных образований можно считать городскими (г. Нарьян-Мар, р.п. Искателей). В обоих населенных пунктах проживает около $\frac{3}{4}$ всего населения округа и инициативное бюджетирование в них скорее всего продолжит успешное развитие благодаря региональным мероприятиям и высоким доходам населения. Остальные населенные пункты округа являются сельскими и находятся друг от друга на большом расстоянии и в редких случаях связаны между собой дорожным сообщением. Учет особенностей расселения и хозяйственной деятельности (традиционное природопользование) – важная задача развития инициативного бюджетирования в регионе.

Новгородская область находится на самом старте процесса внедрения практик участия граждан. В 2018 году на территории региона реализовывалось 5 практик партисипации на уровне принятия решений о развитии общественной инфраструктуры. ППМИ в регионе реализуется в рамках государственной программы поддержки развития местного самоуправления в Новгородской области и социально ориентированных некоммерческих организаций Новгородской области на 2018–2020 годы. С этого же времени на территории муниципальных районов заработал проект «Народный бюджет», в разной степени он реализован во всех МО. Также власти вовлекают население с помощью проекта «Формирование комфортной городской среды». Также существует система

территориального общественного самоуправления (ТОС), на 2018 год в регионе зарегистрировано 292 ТОС [6]. Первые два проекта (Народный бюджет и ППМИ) наиболее приближены к определению партисипаторного бюджетирования, так как связаны с финансовой поддержкой предлагаемых населением идей. Несмотря на относительно недавнюю вовлеченность региона в эксперимент по внедрению инициативного бюджетирования, опыт партисипаторного проектирования охватил все муниципальные образования Новгородской области. Механизм «Народного бюджета» подразумевает распределение части бюджетных средств комиссией, состоящей из местных жителей. От каждого муниципалитета в область путем местного отбора и голосования отбирается одна заявка для софинансирования из регионального бюджета. По размеру вкладов 9,4 % составило софинансирование со стороны граждан и юридических лиц [9]. Ежегодно на реализацию ППМИ в Новгородской области в 2018 и 2019 году выделялось 29,0 и 22,4 млн. рублей (0,0009 % бюджета). По правилам проекта, чтобы рассчитывать на субсидию из областного бюджета в размере до 700 000 рублей необходимо софинансирование в размере не менее 10 % средств из местного бюджета и не менее 5 % средств за счет вкладов населения [10].

В Псковской области формирование ТОС находится в начальном состоянии. В апреле 2019 года в области действовал всего лишь 21 ТОС [11]. Возникшие ТОС объединились в ассоциацию ТОС Псковской области, задача которой состоит в поддержке создания ТОСов в регионе. Таким образом, областные власти заинтересовались развитием ТОС и начали инициировать их формирование «сверху». В качестве других формы самоорганизации граждан в районных муниципалитетах области можно встретить другие форматы: общественные советы и молодёжные советы. Первый формат предполагает контроль над действиями органов власти в районе, а также содействие им, второй формат носит совещательно-консультативный характер и направлен на реализацию молодежной политики в районе. В регионе отсутствуют региональная программа поддержки местных инициатив, что приводит отсут-

ствию мотивации властей, организаций и граждан создавать и продвигать местные инициативы. Однако, с прошлого года наметились определённые сдвиги; в одно время с принятием постановления о поддержке местных инициатив общественная организация unsuccessfully пыталась создать центр поддержки местных инициатив.

В 2019 году в области впервые был проведен конкурс поддержки местных инициатив, в котором приняли участие 25 проектов от ТОС области. Комиссия определила 25 победителей, которые получили поддержку из регионального бюджета. Большинство проектов-победителей являются проектами волостей (сельских поселений). На поддержку проектов ТОС со стороны бюджета в 2019 году было предусмотрено 3,5 млн. рублей. По словам заместителя губернатора Николая Цветкова, поддержка проектов ТОС будет проводиться ежегодно на конкурсной основе [12]. Городские муниципалитеты области активно участвуют в федеральных проектах софинансирования, таких как всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях (г. Великие Луки, г. Остров, г. Порхов, г. Печоры, д. Изборск). Степень вовлеченности муниципалитетов можно оценить, как низкую: на 2019 год выявлено, что примерно 30 муниципалитетов области из 136 участвуют в проектах инициативного бюджетирования.

В Республике Карелия в 2013 году была запущена региональная программа по развитию местного самоуправления и развитию ТОС, число которых на момент запуска программы составляло всего лишь 5 [1, с. 74]. В ее рамках происходит развитие местных инициатив на муниципальном уровне: за четыре года ежегодно растет число отбираемых и реализуемых проектов. Более половины всех проектов относится к сельским поселениям (преимущественно – в центрах сельских поселений). Постепенно растет географический охват программы поддержки местных инициатив: в 2017 году в конкурсе участвовали 85 проектов из 81 муниципального поселения республики (вовлеченность муниципалитетов составляет более 75%). Наиболее вовлеченными в субсидирование реги-

онами можно считать три национальных района, Питкярантский и Суоярвский районы, а также Костомушский и Петрозаводский городской округ (все поселения районов участвовали в конкурсе), наименее вовлеченными являются Кемский (только 1 из 4 МО района участвует в конкурсе) и Сегежский (2 из 6 МО) районы. Растут и объемы софинансирования объектов: от 12 млн.рублей в 2014 году до 81 млн.рублей в 2017 году. Субсидии республиканского бюджета стабильно составляли более половины всего вклада и ежегодно возрастают в абсолютном выражении: с 7,8 млн.рублей в 2014 году до 60 млн.рублей в 2019 году [13].

Граждане *Республики Коми* вовлечены в процесс соучастия проектом «Народный бюджет», который был инициирован в 2016 году. Проект направлен на поддержку малого и среднего предпринимательства, а также инициатив граждан, направленных на улучшение жизни в муниципальных образованиях. Проект затрагивает все ключевые муниципалитеты региона. В муниципалитетах проводятся собрания, на которых обсуждаются инициативы и возможности их реализации с последующим голосованием за проекты. Сейчас в Коми прорабатывается вопрос об интеграции возможностей «Народного бюджета» и конкурсов для ТОС с другими программами поддержки бизнеса [10]. Несмотря на то, что полноценного формата бюджетного обучения на данный момент в регионе не реализовано, совместно с центрами поддержки предпринимательства в муниципалитетах республики проектным центром инициативного бюджетирования проводятся образовательные и практические семинары на тему возможностей проекта «Народный бюджет» для бизнеса [10]. В 2017 году реализовано 18 народных проектов. Финансовое обеспечение из бюджета Республики составило 8,4 млн. рублей, софинансирование за счет средств местного бюджета – 2,0 млн. рублей, вклад юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – 3,3 млн. рублей. Общая сумма финансирования указанных проектов составила 13,7 млн. рублей [10]. Таким образом, проект «Народного бюджета» в республике Коми направлен не только на благоустройство и создание общественной инфраструктуры

муниципальных образований, но и направлен на поддержку малого и среднего предпринимательства в т.ч. на осуществление предпринимательством социальных функций.

В 2013 году практики бюджетного соучастия были запущены и в *Санкт-Петербурге* (проект «Твой бюджет»). Проект стартовал в 2016 году. В 2020 году на финансирование инициатив выделено 90 млн. рублей [14]. На сегодня проект покрывает все районы, выделяется до 15 млн. рублей на реализацию инициативы в районе, то есть в течение года 6 самых активных районов города претендуют на финансирование. Рассмотрение проектов происходит на районном уровне, а не на уровне муниципалитетов, а финансирование предусматривается Комитетом финансов Санкт-Петербурга. Инициативное бюджетирование регулярно получает бюджетную поддержку, регулярно анонсируется властями региона как важное достижение. Разнообразие форм участия граждан в управлении городом делают развитие проектов инициативного бюджетирования перспективным направлением.

Заключение. В течение 2010-х годов все регионы СЗФО поэтапно оказались охвачены новыми региональными практиками соучастия граждан. Основным драйвером «соучаствующих» проектов явились федеральные и региональные программы софинансирования местных инициатив по внедрению концепции инициативного бюджетирования. По мере развития программ в регионах увеличивалось количество участников с расширением географии муниципальных образований. Наибольший территориальный охват муниципалитетов наблюдается в тех регионах, где поддержка соучаствующих практик наиболее продолжительна и разнообразна (Архангельская область), либо в регионах, обладающих крупными бюджетами (Санкт-Петербург, Ленинградская область). В большинстве регионов проекты соучастия возникли после 2017 года. Это происходило не столько вследствие различных финансовых возможностей, сколько в силу политической воли регионального и муниципального руководства. Наименьшее развитие и распространение практики соучастия получили в тех регионах, где региональные формы поддержки гражданского соучастия

почти полностью отсутствуют (Калининградская и Псковская области).

Список источников и литературы

1. 50 вопросов об инициативном бюджетировании: учебное пособие / В. В. Вагин, К. В. Поминова, и соавт. Москва: Филинь, 2018. 86 с.
2. Шугрина Е. С., Иванова К. А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спецдоклад. М: Издво «Проспект», 2018. 160 с.
3. В Поморье активистами ТОС реализовано более двух тысяч проектов // Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. URL: <https://www.tos29.ru/news/region/45573/> Дата обращения: 17.01.2020).
4. Официальный сайт администрации города Вологды, http://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?SECTION_ID=8722 Дата обращения: 09.01.2020.
5. Доклад Министерства финансов РФ о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ, Москва, 2019. Дата обращения: 09.01.2020.
6. Официальный сайт г. Калининград. URL: <https://www.klgd.ru/press/news/detail.php?ID=3842062> Дата обращения: 09.01.2020.
7. Сайт проекта «Технополис GS». URL: <https://technopolis.gs/> Дата обращения: 15.01.2020.
8. Законодательное собрание Ленинградской области. Местное самоуправление в Ленинградской области: Итоги и перспективы. URL: http://www.lenoblzaks.ru/static/folder/-rus-common-mundep-simpl efolder40309_14749-/54447/1 Дата обращения: 25.12.2019
9. Доклад Министерства финансов РФ о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ за 2018 год, Москва, 2019, с. 39–41. Дата обращения: 10.01.2020.
10. Официальный сайт Администрации Валдайского муниципального района. URL: <http://valdayadm.ru/programma-podderzhki-mestnyh-iniciativ-0> Дата обращения: 14.01.2020.
11. Официальный портал государственных органов власти Псковской области. URL: <http://www.pskov.ru/novosti/01.04.19/107124> Дата обращения: 17.01.2020.
12. Официальный портал государственных органов власти Псковской области. URL: <http://www.pskov.ru/novosti/11.06.19/110970> Дата обращения: 17.01.2020.
13. Программа поддержки местных инициатив в Республике Карелия. URL: <http://old.gov.karelia.ru/Projects/Initiatives/> Дата обращения:

09.01.2020.

14. Официальный сайт проекта «Твой бюджет» в Санкт-Петербурге.
<https://tvoybudget.spb.ru/news/292> Дата обращения: 28.12.2019.

REGIONAL PRACTICES OF CITIZEN COMPLICITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES OF THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT IN THE 2010S

Galustov K.A.^{1,2}, Delva K.^{1,2} Khodochek I.A.²

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

² North-West Institute of Management of RANEP
under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

The paper examines regional practices of citizen complicity in the development of municipalities of the North-Western Federal District during the 2010s. Advanced forms of complicity for Russian municipalities were considered (initiative budgeting, territorial public self-government (CSC) and others). It was revealed that the regions have a significant differentiation in the level of development of practices: there are differences in the “starting” conditions in the periods of existence of practices, the history of their formation, the forms and procedures for their implementation, as well as in the geographical coverage of practices at the municipal level. The main driver of accelerated implementation of practices is the regional authorities, however, the role of other participants in the process is also increasing: municipal and federal authorities, individuals and legal entities, public organizations.

Key words: initiative budgeting, territorial public self-government, municipal management, citizen complicity, North-Western Federal District

ОБРАЗЫ «ЕВРАЗИИ» В ТУРЕЦКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Андреев М. В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В работе использованы некоторые подходы к исследованию геополитических образов «Евразии» в основных турецких геополитических концепциях. Из всего многообразия геополитической мысли Турции были выделены лево-демократические, пантюкистские и неоосманистские идеи, в которых используется и подробно описывается «Евразия» (или пространство, связанное с континентальной Евразией) и её пространственная конфигурация. В ходе исследования геополитических концепций были зафиксированы и описаны ключевые пространственные и функциональ-

ные характеристики образов «Евразии», оформлен перечень картосхем, демонстрирующих базовые геополитические представления в турецкой геополитической мысли относительно евразийского геополитического пространства. По результатам анализа были выявлены различные подходы к пониманию геополитической «Евразии»: политико-территориальные образования в пределах физико-географической Евразии; цивилизационное пространство; ареал проживания тюркских народов; пространство политического союза, возглавляемого Турцией, на основе марксистского, этнокультурного и других подходов. Подтверждено, что в выбранных турецких внешнеполитических идеологемах минимально задействованы научно обоснованные принципы формирования образов, позволяющие наиболее полно рассматривать геополитическую Евразию как пространство всевозможных геополитических отношений между различными государственными и негосударственными акторами, т.е. максимально дистанцируясь от идеологических «призм» для образов.

Ключевые слова: геополитика, Турция, Евразия, географические образы, турецкое евразийство, пантюркизм, неоосманизм.

В условиях трансформации современного мирового порядка, повышения конфликтогенности во многих регионах мира и возникновения новых глобальных угроз, таких как пандемия COVID-19, продолжается оформление новых и исчезновение старых региональных и надрегиональных геополитических центров силы.

В последние десятилетия особое внимание со стороны научного сообщества стало уделяться феномену Турецкой Республики – геополитическому актору, сочетающему в себе европейский, тюркский и исламский вектора развития и претендующему на лидерство в политической, экономической и культурной интеграции в Евразии. Именно турецкими политическими элитами в начале XXI века был фактически осуществлен пересмотр своей геополитической, международно-политической роли, причём не только в региональном, но и в глобальном измерениях. Всерьёз был поставлен вопрос о лидерстве Турции в черноморском и ближневосточном регионах, а также на постсоветском пространстве. [1]. Важным обстоятельством, на которое обращают внимание российские и зарубежные специалисты-туркологи, выступает отсутствие у Турецкой Республики единой чётко выработанной официальной внешнеполитической доктрины [1, 2].

В этой связи, на наш взгляд, представляется важным и актуальным выявить турецкие геополитические представления, сформированные и формирующиеся политической и интеллектуальной элитами Турции. В частности, особый интерес представляют концептуальные геополитические образы, связанные с пространством континентальной Евразии за пределами Европейского союза как устойчивого политико-территориального интеграционного объединения. На основе анализа ключевых турецких идеологических концептов в данном исследовании будет представлена общая характеристика образов геополитического устройства континентальной Евразии как пространства для реализации турецких интересов.

Подходя к анализу геополитических образов, необходимо рассмотреть их теоретико-методологические аспекты.

Теория и методология. Вопрос интерпретации геополитики на сегодняшний день продолжает иметь дискуссионный характер. При подробном научном рассмотрении геополитики принято выделять её несколько измерений: так, **А. Б. Елацков** предлагает рассматривать геополитику в качестве «*обыденной*», «*практической*» и «*концептуальной*» форм [6]. В западной научной мысли примером схожего взгляда на многоликость геополитики является подход **С. Дэлби**, выделяющего *практическую, формальную, популярную и низкую формы геополитики* [16].

Действительно, наряду с практической (или деятельностной) геополитикой, понимаемой нами в качестве пространственной материальной политической деятельности общественного субъекта, важно не упустить и другую, образную (ментальную) деятельность – геополитическую мысль (ГПМ) [5]. Отметим, что именно особенностям формирования и проявления геополитических представлений, символов, дискурса и т. д. придаёт ключевое значение известная школа критической геополитики (Дж. О’Тоал, Дж. Эгнью, С. Дэлби и др.). Отечественным же аналогом критико-геополитического подхода выступает концепция географических образов и геополитических представлений (Д. Н. Замятин, В. А. Колосов и др.), в которой базовой научной категорией выступает **географический об-**

раз, т.е. устойчивое пространственное представление, своеобразный осваивающий инструмент, который возникает посредством всевозможной человеческой деятельности [7].

Рассматривая обилие типов географических образов и их комбинаций, **Д. Н. Замятин** определяет политико-географические и геополитические образы в качестве инструментов формирования геополитической картины мира как сложной, разветвленной и иерархизированной системы, взаимосвязанной с динамикой геополитических пространств [9]. Формирование географических, в том числе геополитических образов, начинается с момента начала социализации индивидуума и человеческой общности, что обеспечивается системой образования и средствами массовой информации [11]. При этом, как полагает **Д. Н. Замятин**, каждая культура создает собственные образы географического пространства—её неотъемлемые элементы [8]. В этой связи следует говорить о вероятном родстве геополитических образов у представителей одной или нескольких близких друг другу территориальных, этнических, религиозных и даже социально-классовых общностей.

Геополитические образы могут быть, в частности, представлены ментальным районированием политического пространства, представлением его границ, именованием мест, стереотипами, иерархическим положением территорий, а также надлежащими функциями частей территории и так далее. При изучении образов геополитического пространства следует обратить внимание на их качество, зависящее от формализации, одновременного сжатия и концентрации географических представлений их носителя [7].

Характерным для отдельного индивидуума является совмещение множества геополитических образов об одном и том же геополитическом пространстве или субъекте [7]. К примеру, с позиции европейских стран Турция может выступать, с одной стороны, светским демократическим государством, кандидатом на вступление в ЕС, а, с другой стороны, традиционным ближневосточным актором, имеющим амбиции на возвращение бывших балканских, ближневосточных и кавказских территорий Османской империи.

В данной статье анализ геополитических образов «Евразии» будет осуществляться с применением сравнительно-географического и ментального (мысленного) картографирования на основе изучения научных и публицистических материалов представителей турецкой политической и научной мысли XX – начала XXI вв. Пристальное внимание будет уделено образам границ стран и регионов (или субрегионов) «Евразии», а также их именованию и ключевым политическим функциям «элементов» геополитической Евразии, определенных в следующих наиболее значимых идеях Турции в течение последнего столетия [2, 3]: **левый национализм, пантюркизм и неоосманизм.**

Результаты. Анализируя геополитические представления турецких интеллектуалов об «Евразии», необходимо подчеркнуть, что в Турции на данный момент существует свое «евразийское» течение, которое рассматривается не с позиций русского евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и др.), а как самостоятельное явление, которое, как правило, предполагает ключевую геополитическую роль Анкары в «Евразии» – туркоцентричность [12]. Не случайно, что в Турции под первыми теориями турецкого евразийства понимались тюркизм и пантюркизм [17].

Левый национализм. С позиций Лево-демократической партии Турции, главного движителя турецких лево-евразийских идей в 1990-х, и её лидера **Мустафы Бюлента Эджевита**, сторонника лево-евразийского или лево-националистического взгляда на геополитическую Евразию, является обоснованной концепция «Лево-национальной Евразии»¹. Левые националисты заявляют о необходимости политической, экономической и культурной интеграции стран континентальной Евразии, при этом важным обстоятельством, по их мнению, должно стать следующее условие, поставленное перед всеми акторами региона: каждая страна существует в форме «государства-нации», не имеющего имперских амбиций (рис. 1).

В трудах **Х. Рейхана**, турецкого мыслителя левого толка, противопоставляются так называемые «евразийские страны»

---

¹ DSP 2003 Programı. // URL: <http://www.dsp.org.tr/Icerik/Parti-Programi/255#3>

и «капиталистические центры» мира² [20]. При этом в союз евразийских стран, по его мнению, могут входить и не относящиеся к территории евразийского континента государства-нации, для оформления которых следует преодолеть империалистические амбиции Китая и России (см. рис. 1).

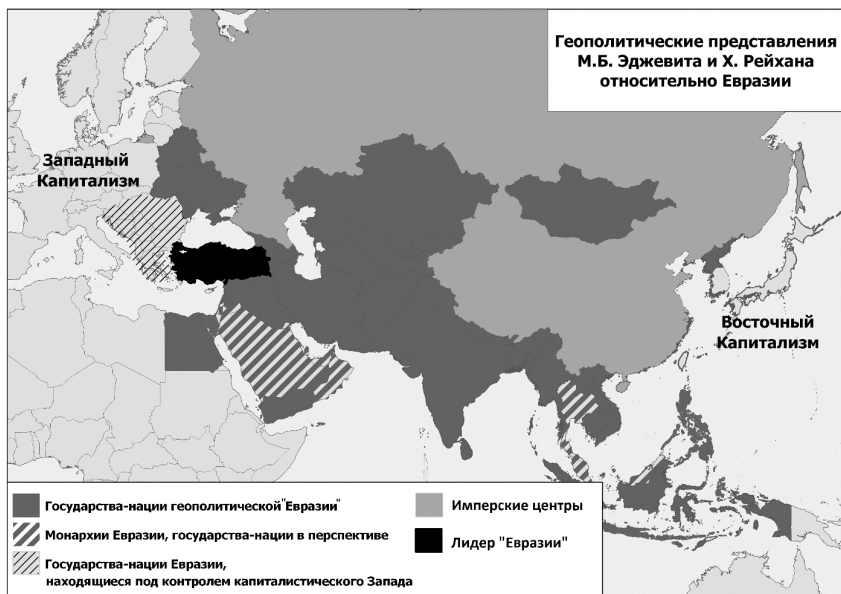

Рис. 1. Картограмма геополитических представлений М.Б. Эджевита и Х. Рейхана. Составлено автором на основе данных:³[20].

Ведущую роль в процессе борьбы за интеграцию Евразии должна играть Турция, которая, как подчеркивает **Х. Рейхан**, должна помочь «угнетенным» евразийскими странам «освободиться» от капиталистических центров [20]. Ещё одним лево-националистическим взглядом на геополитическую Евразию являются представления **Догу Перинчека**, бывшего главы Рабочей партии Турции (РПТ). Он выступает за создание «Большого евразийского пространства» (тур. *Büyük Avrasya Coğrafyası*), куда должны войти Турция, Россия, Китай

² Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия.

³ Там же.

и Иран [19]. Согласно его представлениям, «Евразия» находится в оппозиции к странам «капиталистической системы», которые главным образом представлены Западной Европой и США (рис. 2).

Рис. 2. Картограмма геополитических представлений лидеров РПТ. Составлено автором на основе данных: [19].

Важной особенностью представлений о геополитической Евразии со стороны РПТ выступает их нестабильность, которая прослеживается в публичных выступлениях и документах партии. Так, например, на V съезде партии геополитическая Евразия была определена в качестве региона, находящегося между «Европой» и «Азией», а на VI съезде в качестве пространства, преимущественно занимающего территорию «Азии»⁴. Позднее, в 2006 году, на очередном общепартийном съезде РПТ появляются первые определенные контуры «Евразии».

В документе РПТ «Противодействие вмешательству извне и терроризму» упоминаются страны, с которыми Турция, по

⁴ TİP, "İşçi Partisi Programı" // URL: <http://www.ip.org.tr/>

мнению руководства партии, должна образовать **военно-политический союз**: Азербайджан, Ирак, Иран, Северный Кипр и Сирия. Балканам, Причерноморью и Кавказу отводится роль **энергетических партнеров Турции**. При этом Анкаре необходимо осуществлять сотрудничество с Россией, Китаем, странами Центральной Азии, Индией и Пакистаном, что, в свою очередь, позволит обеспечить евразийскому региону безопасность и стабильность (см. рис. 2).

Вследствие внутривнутриполитической борьбы в Турции, в ходе которой было заведено уголовное дело на **Д. Перинчека**, лидером обновленной РПТ (В 2015 году РПТ переименована в «Партию Родины») стал его сын – **Мехмет Перинчек**. В его понимании «Евразия» – это территория от Атлантического до Тихого океана, т.е. вся континентальная Евразия, при этом именно «евразийский» вектор политики Турции, по его мнению, может противостоять глобальной гегемонии США⁵.

Достаточно любопытным взглядом в том же идеологическом ключе являются евразийские образы турецкого историка крымскотатарского происхождения **Кемале Карпата**. В своей статье «Евразия с позиции Турции» он определяет Евразию в качестве совокупности территорий бывшей Османской и Российской империй (и затем Советского Союза), всей Центральной Азии, а также Центральной Европы [10, 18] (рис. 3).

Представления о Евразии **К. Карпата** включают следующие положения: Евразия – пространство, базирующееся на культурной, исторической и географической общности; все государства Евразии должны стремиться к политическому объединению; главную роль в интеграции пространства Евразии должны играть история, язык и религия; евразийство необходимо подкреплять созданием демократичного, перспективного и экономически выгодного союза; государства должны представлять именно народы стран, а не их политические элиты.

В качестве «**центров**» геополитической Евразии **К. Карпат** указывает Турцию и Россию, имеющих богатую историю и культуру и в том числе достаточные силы для объединения

---

⁵ Programme of The Patriotic Party (Turkey) // URL: <https://vatanpartisi.org.tr/english/dosyalar/programme-10981>

евразийского пространства. Однако, по его мнению, государства разделяет уровень демократичности стран, который в Турции значительно выше, чем в России [10].

Рис. 3. Картограмма геополитических представлений К. Карпата. Составлено автором на основе данных: [10].

Пантюркизм. Важнейшей турецкой ГПМ является пантюркизм. Данная геополитическая концепция пантюркизма сохраняет определенный принцип противопоставления тюркского мира (в другой интерпретации – тюркоязычного) всему сопредельному пространству, находящемуся вне исторического ареала проживания тюркских народов [2].

Одним из основных идеологов современного турецкого пантюркизма выступает **Намык Кемаль Зейбек** – писатель, турецкий общественный и политический деятель, занимавший в 1990-х гг. различные должности в государственных структурах Турецкой Республики.

Он критикует содержание понятия «Евразия», утверждая, что она не является лишь пространством, состоящим из Европы и Азии, а выступает регионом, в котором европейские и азиатские государства, народы и нации имеют общую историческую судьбу и культуру [23].

Н. К. Зейбек вводит альтернативное понятие для данного региона – «**Новая Евразия**», понимаемое им как единое, жизненно необходимое «цивилизационное пространство», которое должно быть подкреплено двумя уровнями политической интеграции: «**Евразийский (Тюркский) союз**» (объединение всех тюркских и других, живущих с ними в симбиозе народов) и «**Евразийское партнерство**», которое должно быть осуществлено в пределах остальной континентальной Евразии.

Регион представляется в виде нескольких «ядер» и «колец» (периферии), расположенных вокруг него [25]. К «ядру» «Новой Евразии» относится «тюркский мир» – все крупные тюркские народы: турки, туркмены, азербайджанцы, узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, уйгуры, якуты, хакасы, алтайцы, тувинцы, чувашаи, татары, башкиры, а также тюрки Ирана, Ирака, Сирии и Кипра. Помимо тюркских народов **Н. К. Зейбеком** упоминаются и другие этнические группы, близкие тюркской культуре, которые, как он считает, готовы связать свою судьбу с тюрками [24]. В этом смысле его пантюркизм близок пантуранизму, который утверждает единство тюркских, монгольских, иранских и других народов пространства «Великого Турана» [13]. К «кольцу» «Новой Евразии» **Н. К. Зейбек** относит следующий перечень стран: Венгрию, Албанию, Боснию и Герцеговину, Македонию, Болгарию, Румынию, Молдавию, Украину, Таджикистан и Монголию, а также Пакистан и Бангладеш (рис. 4).

Россия, по мнению **Н. К. Зейбека**, остается «тюрьмой» для тюркских народов [23], при этом он считает, что нельзя игнорировать географическое положение России, проживание на её территории десятков тюркских народов, а также высокий уровень влияния Москвы в регионе и мире.

Важную роль в «Новой Евразии» должен играть Иран, который способен выступить своеобразным геополитическим «мостом» между тюркскими странами – считает **Н. К. Зейбек**. Учитывая историческую роль тюрков в исторической Персии (Иране), это государство следует считать тюркским [22]. Другой взгляд на Евразию со стороны пантюркизма представлен идеями лидера Партии националистическо-

го движения **Озджаном Еничери**, который предлагает сделать ставку на этническое своеобразие региона: каждая этническая группа должна самостоятельно, без какого-либо воздействия, стремиться к формированию и интеграции «Евразии» [21] (рис. 5). **О. Еничери**, считает, что Турция способна обеспечить интеграцию пространства, поскольку только Анкара обладает значимой политической, культурной и экономической силой для реализации евразийской интеграционной стратегии – более того, турки должны создать приемлемые условия для всех участников объединения пространства [21].

Рис. 4. Картограмма геополитических представлений Н.К. Зейбека.
Составлено автором на основе данных: [22, 23, 24, 25].

О. Еничери разделяет геополитическое пространство «Евразия» на два подпространства (или две «оси»): «**Западная ось**» (Турция, Северный Кипр и Азербайджан, а в перспективе Сирия, Ирак, Иран) и «**Восточная ось**» (Казахстан, Узбекистан и Киргизия, а в перспективе Туркменистан, Таджикистан и Афганистан). Логикой такого деления выступает скорейшая параллельно протекающая интеграция, которая в дальнейшем могла бы привести к формированию единого

геополитического субъекта [21]. Ближний Восток как регион выступает отдельно и в случае объединения «Евразии» в сотрудничестве с Россией, Европейским союзом, Китаем и США будет объектом «евразийской» миротворческой политики с целью усиления безопасности в этом регионе (см. рис. 5).

Рис. 5. Картограмма геополитических представлений О. Еничери.
Составлено автором на основе данных: [21].

Неоосманизм. Ключевая ГПМ Турции в первые два десятилетия XX века – неоосманизм относится к идеям профессора Босфорского университета **Ахмета Давутоглу** [14]⁶. В своём труде «Стратегическая глубина: международные позиции Турции», изданном в 2001 году, он изложил новую концептуальную основу для современной внешней политике Анкары [4]. **А. Давутоглу** пишет о пространстве так называемой «Афро-Евразии» – макрорегионе, включающем в себя всю

⁶ Профессор А. Давутоглу был внешнеполитическим советником премьер-министра Эрдогана, а в дальнейшем занимал пост министра иностранных дел (2009–2014) и премьер-министра Турции (2014–2016).

Центральную Азию, Кавказ, Ближний и Средний Восток, Северную Африку [15] (рис. 6).

Рис. 6. Картограмма геополитических представлений А. Давутоглу.
Составлено автором на основе данных: [15].

А. Давутоглу выделяет следующие именованные субрегионов «Афро-Евразии»: «*Близлежащий земельный бассейн*» (Балканы, Кавказ, Ближний Восток), «*Близлежащий морской бассейн*» (Черное море, Восточное Средиземноморье, Персидский залив и Каспийское море), *территории, соседствующие с «континентальным бассейном»* (Европа, Северная Африка, Южная Азия, Центральная и Восточная Азия), при этом А. Давутоглу связывает образ Афро-Евразии с представлениями о «Римленде» Н. Спайкмена и о «Хартленде» Х. Дж. Маккиндера. Таким образом, вне зависимости от идеологического спектра той или иной турецкой геополитической концепции следует констатировать общую «туркоцентричность», т.е. рассмотрение Турции не только как неотъемлемой части пространства геополитической Евразии, но и как ядра «Евразии». Сам же регион трактуется весьма разнообразно: от пространства «тюркского мира» и «группы-объединения евразийских некапиталистических государств-наций» до географической континентальной Евразии (таблица).

Общие характеристики геополитических образов Евразии.
Составлено автором.

Направление ГПМ		Подход к Евразии	Входящие территории	Геополитическая структура
Левый национализм	Х. Рейхан и М. Б. Эджевит <i>Научная и политическая элита</i>	Союз. Объединение против капиталистического Запада, России и Китая	Турция и национальные гос-ва Евразии.	Турция и национальные гос-ва – ядра. Остальные страны – периферия
	Д. Перинчек <i>Научная и политическая элита</i>	Союз. Объединение против «Запада», капитализма	Все страны континента за исключением капиталистических стран (часть ЕС, Япония, Юж. Корея и др.)	Турция и её союзники, партнеры по энергетике и безопасности, остальные страны
Комплексный	К. Карпат <i>Научная элита</i>	Союз (равноправная интеграция) и цивилизационное пространство «Власть народу, а не элитам»	Бывшие территории Османской, Российской империй и «Центральная Европа»	Турция и Россия как лидеры Евразии
Пантюркизм	Н. К. Зейбек <i>Политическая элита</i>	Союз. Политическая, экономическая, культурная интеграция	«Страны Европы и Азии»	Турция как лидер объединенного тюркского мира, Тюркский мир – ядро. Остальные страны – периферия.
	О. Еничери <i>Политическая элита</i>	Союз и Пространство общей культуры. Религия и культурная идентичность, этнос как геополитический актор	«Страны Европы и Азии»	Турция – ядро. Две оси «Запад» и «Восток» как союзники Анкары
Неосманнизм	А. Давутоглу <u>политическая элита современной Турции</u>	Пространство влияния Турции и общей истории. «Бассейны» по периметру Турции, близость пространства и фактор родства	«Афро-Евразия»: Балканы, Кавказ, Центральная Азия, Ближний Восток. Бывшая Османская империя и «Тюркский мир»	Турция – ядро Балканы, Ближний Восток и Черноморский регионы – полуперифер., Азия (без Индонезии и Филиппин), Западная Европа – периферия.

Заключение. Многообразие идеологического спектра в современной Турции позволяет говорить о высокой вариативности направлений геополитической деятельности Турции в ментальном отношении.

В целом при всех имеющихся различиях в интерпретации «Евразии» турецкие геополитические образы данного пространства включают принцип «туркоцентричности», т.е. желаемое лидерство Турции в регионе. Это показывает субъективный, политизированный взгляд на геополитическое устройство евразийского пространства: понимание его скорее как политического союза государств и народов, пространства влияния Турции, чем как сугубо континентальной арены – пространства всевозможных геополитических отношений в Евразии. В этой связи возникает вопрос относительно поиска научно обоснованных образов действительной картины геополитической Евразии как пространства геополитических отношений различных государственных и негосударственных акторов. Такие образы позволяют оценить, как именно турецкие интеллектуалы определяют современные евразийские геополитические процессы и тенденции, а также каково влияние научной картины мира турецкой научной мысли на политические элиты Анкары в концептуально-мыслительной сфере.

Ещё одним важным позывом, по нашему мнению, является уточнение и детализация как ангажированных, так и научных геополитических образов. В дальнейшем продолжение анализа и детализации представлений о политических границах и объектах позволит иметь более точное понимание как связи пространственного мышления и практической геополитики, в том числе возможных направлений внешней политики Анкары.

Благодарность. Автор выражает благодарность доценту кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, к. пол. н. Михеевой Наталии Михайловне за помощь в проведении исследования и подготовке к публикации его результатов

Список литературы и источников

1. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО Университета. 2019. № . 4 (67). С. 113–129.
2. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № . 3. С. 71–78.
3. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010–лето 2015 г.). Коллективная монография. Под ред. В. А. Аваткова. М.: Паблис, 2015, 88 с.
4. Дружиловский С. Б., Аватков В. А. Внешнеполитические идеологии Турции (2002–2012 гг.) // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2013. № . 6. С. 73–88.
5. Елацков А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017, 251 с.
6. Елацков А. Б. Отечественная геополитическая мысль: содержание и исторические формы: Диссертация... канд. геогр. наук. 2003, 215 с.
7. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти.–РОС-СПЭН, 2004.
8. Замятин Д. Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № . 1. С. 82–102.
9. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № . 8. С. 12–21.
10. Карпат К. Евразия с точки зрения Турции. // ДА. 2000. № 1. С. 38–43.
11. Колосов В. А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2008. № . 1. С. 72–91.
12. Сотниченко А. А. Турция: геополитическая ось Евразии // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. IX. 2011. С. 4–13.
13. Турция и пантуранизм / Заренвад; введ. А. Н. Мандельштама. М.: Ключ-С, 2015. 176 с.
14. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № . 1. С. 58–74.
15. Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. 2001, 597 s.
16. Dalby S. Creating the second cold war: The discourse of politics. L.: Frances Pinter, 1990, 211 p.
17. Gökalp Z. Altın Işık. T. C. Kültür Bakanlığı Yay.: Ankara. 1976.
18. Karpat K. Studies on Ottoman Social and Political History: Selected Articles and Essays, BRILL, 2002.
19. Perinçek D. Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika.

- İstanbul: Kaynak Yayınları, 1996.
20. Reyhan H. Doğunun Büyük Devrimcileri Mollanur Vahidov ve Sultan Galiev. Ankara: Alter Yayıncılık, 2010.
  21. Yeniçeri Ö. Çatışan ve Örtüşen Stratejiler Odağında Avrasyacılık ve Türkiye // Asya-Avrupa. Aralık 2004. № 1.
  22. Zeybek N. K. İran Üzerine Düşünceler ve Gözlemler // Asya-Avrupa. Mart 2006. № 4.
  23. Zeybek N. K. Türküm. Yeni Avrasya, 2005. № 3.
  24. Zeybek N. K. Yeni Avrasya // Yeni Avrasya. Şubat 2000. № 1.
  25. Zeybek N. K. Yeni Avrasya Stratejisi. Asyavrupa, № 1, 2003.

IMAGES OF “EURASIA” IN TURKISH GEOPOLITICAL THOUGHT

Andreev M.V¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The paper uses some approaches to the study of geopolitical images of “Eurasia” in the main Turkish geopolitical concepts. From the whole variety of geopolitical thought of Turkey, left-democratic, pan-Turkic and neo-Ottomanist ideas were chosen, which uses and details “Eurasia” (or the space associated with continental Eurasia) and its spatial configuration. In the course of the study of geopolitical concepts, the key spatial and functional characteristics of the images of “Eurasia” were recorded and described, a list of map charts was drawn up, demonstrating the basic geopolitical ideas in Turkish geopolitical thought regarding the Eurasian geopolitical space. Based on the results of the analysis, various approaches to understanding the geopolitical “Eurasia” were revealed: political and territorial formations within the physical and geographical Eurasia; civilizational space; habitat of Turkic peoples; a Turkish-led political union space, on the basis of Marxist, ethno-cultural and other approaches. It is confirmed that the selected Turkish foreign policy ideologies minimally involve scientifically based principles of image formation, allowing to most fully consider geopolitical Eurasia as a space of all kinds of geopolitical relations between various state and non-state actors, i. e. distancing them as much as possible from the ideological “prisms” for the images.

Key words: geopolitics, Turkey, Eurasia, geographical images, Turkish Eurasianism, pan-Turkism, neo-Ottomanism.

РОССИЯ – МИРОВАЯ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА?

Фролова А. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Россия всегда была и будет важным актором международных отношений хотя бы потому, что обладает крупнейшей территорией и занимает трансконтинентальное положение между Западом и Востоком. Но это не гарантирует статуса мировой державы. С учетом напряженных отношений России с некоторыми странами Европы и Западного полушария и сокращения экономического потенциала страны, в общественном дискурсе существует неоднозначность относительно восприятия России как мировой или региональной державы. Каковы же место и статус России на политической арене сегодня?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, в данной работе рассматривается весь массив критериев великой и региональной держав, формируются единые списки параметров, при опоре на которые впоследствии анализируются современные возможности России и устанавливается ее соответствие тем или иным критериям. В ходе исследования было установлено, что Россия удовлетворяет большую часть параметров как великой державы, так и региональной. Соответственно, для России был утверждён статус мировой державы.

Ключевые слова: мировая держава, региональная держава, великая держава, Россия, геополитика

За тридцать лет после распада СССР в мировой политике и на политической карте мира произошло немало перемен и событий, совершенных Россией и повлиявших на ее развитие, международные отношения и статус. Если Советский Союз с уверенностью можно было назвать сверхдержавой, то какую геополитическую роль сегодня играет Россия? Несмотря на то, что общепринятым является восприятие России как мировой державы, существует и другое мнение, рассматривающее ее как страну, являющуюся лишь региональной державой. Кроме того, есть и те, кто считает Россию утратившей статус регионального лидера. В связи с таким обилием мнений в данной работе предпринимается попытка объективно рассмотреть поведение России в мировой и региональной политике, ее ресурсы и возможности, опираясь на критерии великой

и региональной державы, выделенные зарубежными и отечественными политологами, теоретиками международных отношений.

В начале заметим, что в зарубежной научной литературе и публицистике известное нам понятие “мировая держава” не является общепринятым для обозначения влиятельного государства. В связи с тем, что одной из традиционных считается классификация Б. Бузана и О. Вейвера, выделявших “супердержавы”, “великие державы” и “региональные державы”, смеем предположить, что наиболее подходящим эквивалентом “мировой державы” является укоренившееся в научном дискурсе понятие “великая держава”. Поэтому для достижения цели исследования в данной работе эти два термина используются взаимозаменяемо.

Великая держава: теоретическое осмысление. Немецкий институт глобальных и локальных исследований определяет следующие параметры великой державы:

- ✓ Экономический, политический и военный потенциал влиять на мировую дипломатию;
- ✓ Их мнение учитывается другими государствами перед тем, как принимаются дипломатические или военные действия;
- ✓ Теоретически, они могут совершить военную интервенцию почти в любой части Земли;
- ✓ Обладают мягкой силой;
- ✓ Способны размещать экономические инвестиции в менее развитых частях света;
- ✓ Должны признаваться другими государствами как великие державы [1].

С последним критерием также согласен Э. Харрелл, который подчеркивает: “Государство может признавать себя великой державой, но членство клуба великих держав – это социальная категория которая зависит от признания других: равных по статусу государств, меньших и более слабых” [2].

По классификации Кохейна, отражающей уровень влияния государства на международную систему, великие державы

относятся к категории стран, влияющих на систему («system-influencing»)[3]. Лидеры этих держав считают их государства способными в одиночку оказывать на систему определенное влияние, хоть и не решающее.

Б. Бузан и О. Вейвер утверждают, что статус великой державы подразумевает менее жесткие требования к потенциалу и поведению государства. Так, в их понимании великие державы:

- ✓ не должны обязательно иметь большие возможности по всем параметрам;
- ✓ не должны участвовать в секьюритизационных процессах всех регионов;
- ✓ должны иметь достаточный уровень возможностей;
- ✓ имеют имидж государств, обладающих достаточным экономическим, военным и политическим потенциалом, чтобы стать сверхдержавами в недалеком будущем;
- ✓ считают себя более влиятельными, чем региональные державы;
- ✓ обычно способны распространять влияние на более, чем один регион;
- ✓ могут занять этот статус, поднимаясь по иерархии международной власти или теряя статус сверхдержавы;
- ✓ не имеют глобального влияния, учитывая размер системы [4].

А. Воскресенский также подчеркивает, что великие державы:

- ✓ в отличие от сверхдержав, не обязательно обладают исключительными возможностями во всех сферах международной деятельности,
- ✓ их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы или пытаться форматировать мировой порядок.
- ✓ активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира.

Не менее интересна точка зрения других отечественных политологов по данной теме. Шаклеина Т. в дополнение к традиционным параметрам великой державы предлагает следующие критерии:

- ✓ высокая (или абсолютная) степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики;
- ✓ мирорегулирующая деятельность.

Особенного интереса заслуживают выделяемые ей исторический опыт, традиция и культура участия в мировой политике в качестве решающего или активного игрока, а также наличия культуры думать глобально, хотеть и быть способным действовать глобально[5].

Наконец, обратимся также к критериям для ранжирования наиболее влиятельных государств, которые используются мировыми новостными и бизнес журналам для составления ежегодных рейтингов. Например, журнал CEOWORLD сообщает, что самыми влиятельными государствами являются те, что непрерывно формируют глобальную экономическую политику и обладают семью факторами, в число которых входят:

- ✓ политическая стабильность;
- ✓ экономическое влияние;
- ✓ военный бюджет;
- ✓ вооруженные силы;
- ✓ союзы с другими влиятельными государствами;
- ✓ мягкая сила;
- ✓ военная мощь [6].

Для дальнейшего анализа соответствия России чертам великой державы на основе вышеуказанных критериев, выделяемых различными учеными, составим единый список обобщенных характеристик этого типа государств:

- а) Большой экономический, научно-технологический, демографический и географический, военный потенциал, а также развитая мягкая сила
- б) Влияние на более, чем один регион;
- в) Исторический опыт участия в мировой политике в каче-

стве активного игрока;

- г) Признание другими государствами как великая, или мировая, держава;
- д) Активное участие в работе международных институтов, усовершенствовании международного порядка.

2. Соответствие России критериям великой державы

а) Потенциал и ресурсы

Сравнивая экономику России с другими странами, справедливо заметить, что она заметно отстает от ведущих мировых держав. Для рассмотрения конкретных примеров за основу берем 2019 год, так как он не был подвержен влиянию коронавируса и отражал общие тенденции и черты российской экономики. Так, по данным Всемирного банка, ВВП России в долларах США по текущему обменному курсу в 2019 году занял 12-ю позицию и составил 1 610 млрд. долларов, в то время как ВВП первых трех государств в списке составили 21 345 млрд. долл., 14 217 млрд. долл. и 5 176 млрд. долл. соответственно. Опередили Россию также такие страны, как Южная Корея, Бразилия и Канада – региональные и средние державы. В рейтинге стран 2019 года по ВВП на душу населения Россия занимает 65 место [7]. Согласно Индексу конкурентоспособности 2019 года Россия занимает 43 место в рейтинге из 141 экономик, при этом ее обгоняют многие небольшие и, казалось бы, несравнимые по экономической мощи с Россией государства, включающие Словакию, Латвию, Таиланд, Литву и др. То же касается и целого ряда других индексов: Индекс экономической свободы (98/180), Индекс глобализации (51/203), Индекс процветания (74/167), Глобальный индекс инноваций (46/129) и др [8]. Следует вывод, что экономический потенциал России далек от того, чтобы считаться мощным, и уступает другим мировым державам.

а) По показателям научно-технологического развития Россия также отстаёт. Россия продолжает вкладывать в НИОКР незначительный процент ВВП: в 2018 году расходы на НИОКР сравнялись с показателями 2000 года – 0,98%. При этом наивысший уровень расходов был в 2003 году (1,197%) [9]. В рейтинге стран по данному параметру в 2018 году Россия за-

нимает 30 место [10]. Мировая практика показывает, что в развитых странах около 90 % прироста ВВП достигается за счет создания новых и модернизации действующих технологий. Позиции России на высокотехнологичных рынках уступают бывшему СССР, а масштабы и структура создания и экспорта технологий не соответствуют статусу развитой страны. Вместе с тем, Россия сохраняет потенциал развития по отдельным макротехнологиям. Прежде всего, это авиакосмические технологии, ядерная энергетика, энергетическое машиностроение, специальная металлургия [11].

Среди преимуществ России однозначно следует выделить значительные демографические и географические ресурсы. На 2021 год по оценке Росстата ее население составило 146 миллионов человек, и это девятый показатель в мире. По данным Всемирного банка, на 2017 год Россия обладала крупнейшими в мире запасами природного газа, вторыми по величине запасами угля и восьмыми по величине запасами нефти.

Помимо того, согласно рейтингу самых мощных армий мира Россия в 2021 году заняла 2 место, уступая лишь США [12]. Военный потенциал России можно также высоко оценить не столько по количественным показателям, сколько по накопленному опыту ведения боевых действий. По данным SIRPI Fact Sheet, Россия также входит в пятерку стран по военным расходам: расходы на армию составили 65,1 млрд. долл. [13]. Таким образом, необходимо признать преимущество военной мощи России над рядом великих и региональных держав.

Мягкая сила—еще один ресурс, который Россия осваивает и использует для формирования привлекательного имиджа. Согласно исследованию Brand Finance, в 2020 Россия вошла в топ-10 глобального рейтинга стран по уровню «мягкой силы». Такое положение ей обеспечили высоко занимаемое ей положение в дипломатических кругах и спорте [14]. Однако согласно другому рейтингу мягкой силы the soft power 30, в 2019 году Россия понизилась на несколько строчек и заняла последнее 30 место в списке. На это могли повлиять вмешательства Москвы в выборы западных стран, непрекращающи-

еся военные действия на востоке Украины, проявление оппортунизма в отношении Ближневосточных стран[15].

б) *Глобальное влияние.* Факт того, что Россия распространяет свое влияние на более, чем один регион, является неоспоримым. Например, на Ближнем востоке Россия проводила военную операцию на стороне правительственных войск в ходе гражданской войны в Сирии, в 2019 году представила концепцию коллективной безопасности в зоне Персидского залива, а также принимает участие в разрешении Ливийского кризиса[16]. В Южной Америке Россия имеет крепкие межгосударственные отношения с Венесуэлой и реализует крупные инвестиционные проекты в сфере освоения энергетических ресурсов южноамериканской страны. Также в 2019 году она поддержала Николоса Мадуро как легитимного президента в ходе массовых протестов. В Европе Россия неизменно отстаивает свою позицию по проблеме независимости Косово. А в Арктике она использует Северный морской путь и наращивает военный потенциал в регионе.

в) *Исторический опыт.* Россия обладает большим историческим опытом участия в мировой политике в качестве активного игрока. На первую половину 19 века приходится пик влияния Российской империи в мировой политике, а во второй половине 20 века наследник Российской империи СССР становится во главе биполярной системы международных отношений, будучи одной из двух сверхдержав. По мнению отечественного ученого Татьяны Шаклеиной, “Россия возникла сразу как государство с глобальными по тем временам планами и амбициями, жила и действовала в рамках великодержавной культуры всю историю своего существования” [5].

г) *Признание статуса.* Несмотря на то, что Россия признается большинством государств как влиятельный актор международных отношений, известны и другие мнения. Например, в 2014 году Барак Обама заявил о том, что Россия – региональная держава, сила которой не простирается за ее границы[17]. Это вызвало споры, дискуссии и критику в адрес президента США, в частности от американских союзников в ЕС. В докладе Французского института международных отноше-

ний отмечается, что

“Несмотря на всю демонстрацию силы, Россия остается слабой державой: российская экономика во многом отстает от развитых стран, что, как отмечается в докладе, уменьшает её привлекательность. Также наблюдается уменьшение влияния России на постсоветском пространстве, её вес в Азиатско-Тихоокеанском регионе по-прежнему остается слабым и небольшим, а также её способность влиять на процесс принятия решений в западных странах охарактеризована в докладе «слабее, чем когда-либо» [18]. Однако, согласно исследованию US News and World Report, США, Россия и Китай остаются самыми могущественными странами планеты, несмотря на то, что в 2020 году их позиции в рейтинге глобальной силы упали [19]. Однако во внимание должно приниматься лишь признание другими государствами, которое часто Россия получает “по умолчанию”.

В самой России общепринятым является мнение о великодержавности страны. “Россия хочет, чтобы к ней относились как к великой державе по причине глубокоукоренившихся убеждений в своей собственной идентичности и месте в мире”, – пишет в своей работе 2005 года Томас Амброзио [20]. Российские власти ведут внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с великодержавным статусом, уделяя немало внимания геополитике. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в 2020 году 37% опрошенных жителей России считали ее одной из великих держав, 29% – пророчили ей этот статус в ближайшие 15–20 лет, а 26% – были убеждены, что России не стать великой державой в ближайшем будущем [21].

д) *Участие в международных институтах.* Россия участвует в деятельности более чем 300 международных организаций. Как преемница СССР она взяла на себя обязательства по исполнению ранее ратифицированных международных правовых актов и подписанных международных договоров. Россия входит в Международный валютный фонд и Всемирную торговую организацию, активно участвует в деятельности Контртеррористического комитета (КТК) Совета Безопас-

ности, ЮНЕСКО, Международной организации уголовной полиции (Интерпол) и многих других. С учетом всех рассмотренных фактов и мнений была составлена таблица 1, иллюстрирующая соответствие России выработанным критериям великой державы.

Таблица 1

Соответствие России критериям великой державы

а)	Комплекс превосходящих возможностей и ресурсов	+/-
б)	Влияние на несколько регионов	+
в)	Исторический опыт	+
г)	Признание статуса	+
д)	Участие в международных институтах	+

Таким образом, Россия соответствует большинству критериев великой державы, несмотря на такие противоречия, как недостаточный экономический, научно-технологический потенциал и другие незначительные несоответствия.

3. Региональная держава: теоретическое осмысление

Немецкий институт глобальных и локальных исследований выделяет 8 основных критериев для определения региональной державы. Такое государство должно:

- ✓ быть частью определённого региона с собственной идентичностью;
- ✓ претендовать на роль региональной державы (самоидентифицировать себя таковой);
- ✓ оказывать значительное влияние на географическую пространственность региона и общерегиональную идеологию;
- ✓ располагать сравнительно более высокими военными, экономическими, демографическими, политическими и идеологическими возможностями;
- ✓ быть хорошо интегрированным в регион;
- ✓ определять повестку региональной безопасности;
- ✓ оцениваться как региональная сила другими государствами в регионе и за его пределами, особенно другими

- региональными державами;
- ✓ принимать активное участие в региональных и глобальных форумах [22].

Некоторые авторы подчеркивают, что региональные державы стремятся создать и управлять региональными институтами, поскольку это еще один инструмент распространения влияния: “От успешного регулирования региональной кооперации, определения общей повестки будет зависеть уровень влияния государства на регион”.

Эйвин Эстеруд использовал понятие «региональные великие державы» и характеризовал их как государства, которые:

- являются географически частью очерченного региона;
- способны противостоять любой коалиции стран в этом регионе;
- особенно влиятельны в региональных вопросах;
- в отличие от средних держав, могут влиять глобально в дополнение к региональному статусу [1].

Б. Бузан и О. Вейвер, в свою очередь, отмечают, что региональные державы:

- определяют полярность регионального комплекса безопасности;
- не включаются в расчеты на высшем уровне вне зависимости от того, считают ли они себя заслуживающими более высокого статуса;
- могут иногда играть мировое значение, но качество их роли в международных отношениях отличается от держав, влияющих глобально;
- их возможности воспринимаются огромными в регионе, но недостаточными для глобального уровня [23].

Для дальнейшего анализа соответствия России чертам региональной державы на основе вышеуказанных критериев был сформирован единый список обобщенных характеристик этого типа государств:

- а) Лидерство в регионе с определенной идентичностью.
- б) Признание статуса. Государство самоидентифицирует

себя как региональная держава и признается таковой остальными, при этом не рассматривается мировыми державами как равная им;

- в) Создание и управление региональными институтами;
- г) Обеспечение региональной безопасности;
- д) Относительно большой потенциал. Государство располагает сравнительно более высокими военными, экономическими, демографическими, политическими и идеологическими возможностями, чем другие страны региона.

4. *Соответствие России критериям региональной державы*

а) *Определенная идентичность региона.* Рассматривать Россию как региональную державу допустимо только в контексте постсоветского пространства. Однако, ряд исследователей ставит под сомнение сохранность постсоветского пространства как политико-географического региона мира, поскольку новые независимые государства в большей степени интегрированы в мировую экономику и политику, а общее историческое прошлое, некогда связывавшее народы СССР, перестает играть роль объединяющего фактора. Существованию определенной идентичности данного региона противоречат также неурегулированные пограничные споры, этнические конфликты, отсутствие дипломатических отношений у ряда государств и др. В то же время утверждается, что на постсоветском пространстве существуют центростремительные тенденции. В частности, сюда относится распространение русского языка, существование безвизового режима между большинством стран, близость внутривосточных порядков новых независимых государств и заинтересованность их властных элит в сохранении существующих порядков, а также общие проблемы развития, как коррупция, мощные криминальные сети, неудовлетворительное качество государственного управления, политическая пассивность граждан и др. [24]

б) *Признание статуса.* Россия однозначно видит в себе регионального лидера. По мнению ряда авторов, спустя 30 лет после распада СССР, Россия продолжает оставаться системообразующим центром постсоветского пространства, что подтверждается ее активным участием в работе региональ-

ных институтов[25]. Однако встречается мнение о том, что “Россия уже не является региональной державой” [26], подтверждающееся отсутствием подлинной заинтересованности в интеграционных процессах на постсоветском пространстве и подкрепляющееся статистическими данными о низкой доле стран ЕАЭС во внешнеторговом обороте России по сравнению с превышающей в 4 раза долей партнеров из ЕС. Проблема восприятия России мировыми державами обсуждалась ранее, и было выяснено, что ей уделяется большая роль в мировой политике.

в) *Создание и управление региональными институтами* и г) *Обеспечение региональной безопасности*. Тем не менее нельзя отрицать лидирующей роли России в формировании и управлении региональными институтами. После распада СССР было основано Содружество независимых государств (СНГ), являющееся важнейшим региональным приоритетом внешней политики России. Более чем половина встреч Совета глав государств СНГ с 1991 по 2020 годы проводилась в Москве и других российских городах. Россия также принимала участие в создании более узких интеграционных объединений и организаций внутри СНГ, как Союзное государство России и Белоруссии, Евразийское экономическое сообщество (ЕЭС), Единое экономическое пространство, Таможенный Союз и др. В России также существуют планы еще более глубокой интеграции – формирования на базе Валютного союза, в рамках которого российский рубль станет региональной валютой. Кроме того, в 2011 в России инициировали создание так называемого Евразийского союза, который бы по примеру Евросоюза обеспечил формирование на большей части пространства СНГ интегрированной экономики, единой системы обороны и безопасности и общего гуманитарного пространства. Говоря о роли России в определении повестки региональной безопасности, следует указать, что по инициативе Москвы и при ее решающей роли была создана структура по обеспечению региональной безопасности, впоследствии превратившаяся в Организацию Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ), в которую сегодня входят 6 стран.

С другой стороны, в истории имели место быть случаи формирования региональных объединений без участия России и нарушение Россией региональной безопасности. В 2001–2006 гг. окончательно оформляется региональная группировка, получившая название ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). В 2005 году создается Содружество Демократического Выбора (СДВ), куда из стран постсоветского пространства вошли Грузия, Молдова и Украина. В этом ключе на сплоченность региона особое влияние оказывает уровень защищенности региональной безопасности стран от вызовов и угроз внутреннего и внешнего происхождения[27]. Подрыв безопасности в регионе приводит к ослаблению центристских настроений. Так, Грузия покинула СНГ в 2009 из-за вооруженного противостояния с Россией в Южной Осетии. Так же поступила Украина в 2014 году после присоединения Крыма к России.

Наконец, учитывая вышеуказанные аргументы в адрес потенциала России заключим, что она располагает сравнительно более высокими военными, экономическими и другими возможностями, чем остальные страны постсоветского пространства, что подкрепляет ее региональное лидерство (д).

С учетом рассмотренных выше фактов и мнений была составлена таблица 2, иллюстрирующая соответствие России выработанным критериям региональной державы.

Таблица 2

Соответствие России критериям региональной державы

а)	Определенная идентичность региона	+/-
б)	Признание статуса	+
в)	Создание и управление региональными институтами	+
г)	Обеспечение региональной безопасности	+/-
д)	Наибольший потенциал в регионе	+

Россия может оправданно считаться региональным лидером, несмотря на то, что все чаще постсоветское пространство рассматривается как регион, в котором нет “единого знаменателя”, а защищенность региональной безопасности подрывалась самой Россией.

В данной работе были рассмотрены точки зрения различных зарубежных и отечественных исследователей по вопросу характеристик мировой, или великой, и региональной держав. На основе данного обзора были сформированы списки критериев для держав разного уровня, исключающие часть идей и включающие наиболее распространенные представления об образе государства того или иного типа. В ходе анализа существующих возможностей, признания и роли России в мировом и региональном масштабе было выяснено, что Россия соответствует большинству критериев как великой державы, так и региональной. Однако, также был выявлен ряд препятствий для полноправного обладания тем или иным статусом. Менее убедительно можно заявить о статусе России как региональной державы, что связано с трансформацией региона, стремлением других государств к лидерству в нем, исчезновении идентификационной основы в лице России и рядом других причин. Однако, с учетом того, что Россия распространяет свое влияние на несколько регионов мира, обладает значительными материальными ресурсами и активно участвует в деятельности международных организаций, был сделан вывод, что Россия является скорее мировой, чем региональной державой.

Список источников и литературы

1. Flemes D., Conceptualising Regional Power in International Relations: Lessons from the South African Case/GIGA Research Programme, Германия, 2007, с. 5–55. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/47142/wp53.pdf>
2. Hurrell A., Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers?/International Affairs, том. 82/номер. 1, с. 1–19, 2006. URL: <http://intelros.ru/pdf/Prognosis/01/Hurrell.pdf>
3. Keohane R., Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics/International Organisation, с. 298. URL: <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
4. Buzan B. and Wæver O., Regions and Powers The Structure of International Security/ Cambridge University Press, США, 2003. URL: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2018/11/Buzan-Waever-2003-Regions-and-Powers-The-Structure-of-International-Security.pdf>
5. Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы / Меж-

- дународные процессы.– 2011.–Том 9. № 2.–С. 29–39. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/566/Shakleina-26.pdf>
6. Papadopoulos A., The World's Most Powerful Countries For 2021, Ranked/ Ceoworld Magazine, США, 2021. URL: <https://ceoworld.biz/2021/01/02/the-worlds-most-powerful-countries-for-2021-ranked/>
  7. Мировой рейтинг стран по ВВП в 2019 году | Статистика/Кноема. URL: <https://knoema.ru/nwnfkne/мировой-рейтинг-стран-по-ввп-в-2019-году-статистика>
  8. Аналитический доклад. Экономическое развитие ЕАЭС и государств–членов: международные рейтинги, 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/Доклад_2019.pdf
  9. World Development Indicators (WDI), 2021. URL: <https://knoema.ru/WB-WDI2019Jan/world-development-indicators-wdi>
  10. Gross domestic spending on R&D/ OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>
  11. Беляков Г., Кочемаскин А., Понятие и экономическая сущность научно-технологического развития/Проблемы современной экономики, N1 (49), 2014, с. 38–41. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4863>
  12. 2021 Military Strength Ranking/ GFP. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=russia
  13. SIRPI: мировые военные расходы достигли \$1917 млрд. наибольший годовой прирост за последнее десятилетие. 2020. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/202004/military_expenditure_press_release_rus_0.pdf
  14. Россия вошла в топ-10 стран по «мягкой силе»/Газета.ру,2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/25_a_12975829.shtml
  15. The Soft Power 30 URL: <https://softpower30.com/country/russian-federation/>
  16. Кризисное урегулирование, региональные конфликты. Министерство иностранных дел России/ Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty>
  17. Обама назвал Россию «региональной державой»/Газета.ру,2014. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/03/26_a_5964889.shtml
  18. От «региональной державы» к «глобальным авантюрам»: Франция о политике РФ/REGNUM, 2018.URL: <https://regnum.ru/news/polit/2434343.html>
  19. Overview of Russia/US News and World Report. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/russia#country-additional-rankings>
  20. Ambrosio T. Challenging America's Global Preeminence: Russia's Quest for Multipolarity/ Routledge, Великобритания, 2005. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315260686>

21. ВЦИОМ: количество россиян, считающих Россию великой державой, за два года уменьшилось на 12 % /Новая газета, 2020 URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/09/15/164272-vtsiom-kolichestvo-rossiyan-schitayuschih-rossiyu-velikoy-derzhavoy-za-dva-goda-umenshilos-na-12>
22. Beck M., The Concept of Regional Power as Applied to the Middle East/ Fürtig H. Regional Powers in the Middle East. The Modern Muslim World. Palgrave Macmillan, США, 2014. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137484758_1
23. Buzan B., Wæver O., Regions and Powers The Structure of International Security/ Cambridge University Press, 2003. URL: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2018/11/Buzan-Waever-2003-Regions-and-Powers-The-Structure-of-International-Security.pdf>
24. Рябов А., Постсоветское пространство: факторы и циклы развития/ Россия и новые государства Евразии, Россия, 2018, № 3, с. 67–82. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_03/Ryabov_Post_sovetskoye.pdf
25. Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия/НП РСМД, 2017, 384 с. URL: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/56a/evolutionofpostsovietspace_ru.pdf
26. Аскараров Т., Почему Россия уже даже не региональная держава/Ведомости Казахстана, 2020. URL: <https://kazvedomosti.kz/article/pochemu-rossiya-uzhe-dazhe-ne-regionalnaya-derzhava>
27. Цыбаков Д., Филонов В., Региональная безопасность постсоветского пространства в контексте евразийского интеграционного проекта/Bulletin of the volga region Institute of Administration, том. 17. № 5, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-bezopasnost-postsovetskogo-prostranstva-v-kontekste-evraziyskogo-integratsionnogo-proekta/viewer>

IS RUSSIA A WORLD OR REGIONAL POWER?

Frolova A.A.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Russia has always been and will be an important actor in international relations, if only because it has the largest territory and occupies a transcontinental position between the West and the East.. But this does not guarantee the status of a world power. Given Russia's tense relations with some countries in Europe and the Western Hemisphere and the country's declining economic potential, there is ambiguity in public discourse regarding the perception of Russia as a global or regional power. What is Russia's place and status in the political arena today?

In order to answer this question, this work examines the entire array of criteria of a great and regional power, unified lists of parameters are formed, on the basis of which russia's modern capabilities are subsequently analyzed and its com-

pliance with certain criteria is established. The study found, that Russia satisfies most of the parameters of both a great power and a regional one. Accordingly, the status of a world power was approved for Russia..

Key words: world power, regional power, great power, Russia, geopolitics

“РАЗРЫВ” С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИИ

Осокин А. В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается современное состояние отношений России и Европейского Союза, а также гипотетическая возможность разрыва данных отношений. Особое внимание акцентируется на истории эволюции европейско-российских отношений, а также их современном содержании, от политики до экономики. В ходе исследования использовались методы анализа, сравнения и моделирования ситуации, что помогло более детально рассмотреть особенности проблемы, пути ее решения. В результате исследования подтверждена невозможность полноценного сворачивания отношений, важности данной проблемы как для геополитики России, так и для ЕС. Изменение подходов друг к другу и осознание необходимости нового развития приведут к более эффективной конструкции отношений. Перед тем как перейти непосредственно к рассмотрению необходимо подчеркнуть, что события, связанные с введением санкций, реакцией Москвы, развиваются прямо сейчас. Поэтому данная статья содержит прогноз и мнение автора на основе уже произошедших действий и могут не поспевать за развитием событий.

Ключевые слова: российско-европейские отношения, Россия, ЕС, Евро-союз, обострение отношений, «разрыв» отношений

Главным событием последних месяцев в международной и внутрirosсийской повестке стало новое обострение отношений между Россией и Евросоюзом, возникшее на фоне обсуждения в Брюсселе введения новых санкций против России из-за внутрirosсийских событий (дело Алексея Навального, акции протеста и т.д.). Это уже не первое обострение за последние семь лет, начиная с украинского кризиса 2014 г. Выступление министра иностранных дел Сергея Лаврова о гипотетическом «разрыве» отношений с ЕС еще больше привлекло внимание мировой общественности. Ак-

туальности поднятому в статье вопросу добавляет вопрос о самих перспективах российско-европейских отношений, которые с 1990-х гг. пережили несколько этапов эволюции, значимость сотрудничества как для ЕС, так и для России, связанных историческими, экономическими и культурными связями, и вопрос будущей безопасности в Европе. Поэтому рассматриваемая проблема важна для изучения, для понимания геополитического положения России, ее рисков и возможностей в настоящем и будущем.

Основной целью статьи является оценка современного состояния российско-европейских отношений и их перспектив, и оценка возможного «разрыва» отношений с ЕС. Сформулированы следующие задачи для ответа на главный вопрос: анализ эволюции российско-европейских отношений с 1990-х гг. и экономического сотрудничества, установление причин обострения в отношениях ЕС и России, оценка возможности принятия новых санкций и их значения. В работе представлены различные мнения экспертов в области международных отношений и политологии, их статьи, опубликованные в научных журналах и сайтах (Российский совет по международным делам, Московский Центр Карнеги и другие).

«Россия и ЕС признают друг друга в качестве ключевых партнеров на международной арене и сотрудничают в вопросах, представляющих взаимный интерес», – такие слова размещены на официальном сайте Представительства Европейского Союза в Российской Федерации [5]. Однако, если прочитать пункт о политических отношениях, все становится не таким оптимистичным. Аннексия Крыма, введение санкций в 2014 году, конфликт на юго-востоке Украины – вот неполный список обвинений в адрес Москвы, которые всем известны. Однако Россия признается важным партнером и стратегическим игроком в международной политике, крупным соседом ЕС, влиятельным членом в таких международных организациях, как ООН, ОБСЕ, Совет Европы.

История эволюции европейско-российских отношений прошла через несколько этапов от сотрудничества к противостоянию. Окончание холодной войны и распад СССР принци-

пиально изменили мироустройство мира и восприятие России в Европе. Основой формировавшихся отношений стало ратифицированное в 1997 году Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (далее – СПС). Данный документ заложил базу для конструктивного сотрудничества ЕС и России.

Необходимо сказать, что в то время ЕС приобрел огромные возможности для превращения в не только главную экономическую и политическую силу на европейском континенте, но и в идеологическую силу. Подтверждением этому служит включение новых членов в состав союза (максимальные расширения в 2004 и 2007 годах). На фоне этого взаимоотношения России и ЕС принципиально отличались. По словам ученого-международника Федора Лукьянова, Россия не фигурировала в качестве потенциального кандидата на вступление ЕС, но предполагалось, что страна пойдет по европейской модели развития, что в итоге привело бы к некой совместимости России с ЕС [4]. Российская власть на протяжении 2000-х гг. придерживалась такой линии, что выражалось в активной кооперации с Брюсселем и ее заявлениях.

Неоднократные заявления президента Путина о принадлежности России к Европе, необходимости совместного сотрудничества, его выступления в европейских парламентах, обсуждение даже гипотетического вступления России в НАТО подтверждают стремление российского руководства к равноправному и тесному сотрудничеству с европейскими правительствами. На практике это реализовалось в организацию сразу двух саммитов Россия-ЕС каждый год. Даже со своими ближайшими союзниками Брюссель не организовывал такое количество саммитов. В 2000-е гг. отношения носили конструктивный и стратегический характер. Если контакты стран-участниц проекта «Восточное партнерство» с Евросоюзом были нацелены на дальнейшее вступление в объединение и экономическое сближение, то российско-европейские отношения 2000-х гг. были нечто большим, чем просто экономическое сотрудничество и приверженность ценностям демократии и либерализма. То же СПС являлось отраслевым документом, содержащим положения о научно-техническом,

культурном, климатическом сотрудничестве и т.д. Конечно такой масштаб объясняется огромным влиянием России, тем, что она крупный сосед ЕС. Можно сказать, российско-европейские отношения 1990–2000-х гг. – это стратегическое партнерство, приверженность одним и тем же ценностям, но с сохранением национального суверенитета и направления развития Россией.

Однако надо понимать, что цели ЕС по расширению влияния заходили куда дальше уже присоединенных государств. Использование темы прав и свобод человека в качестве инструмента для расширения упомянутого влияния не увенчалось успехом в отношении России, что подтвердили события рубежа конца 2000-х и начала 2010-х гг. Как считает Ф. А. Лукьянов, эксперимент по превращению Европы в большой проект подразумевает установление иерархических отношений с соседями [4]. Именно поэтому реализовать инициативу совместимости России с ЕС не удалось. События августа 2008 г., критика Брюсселя в адрес соседа по теме прав человека и изменения в российской элите стали началом ухудшения отношений, хотя вплоть до августа 2014 года они находились еще на стадии партнерства.

Точкой невозврата стали события 2014 г. (Крым, конфликт в Донбассе, последующие санкции). Отношения перешли в стадию противостояния как экономического, так и политического характера. Опустим эти события и перейдем к доковидному уже 2019 году. По словам профессора В. Рыжкова, в этот период «наблюдается переход от острой фазы кризиса (2014–2015 гг.) к вялотекущей фазе, к ее рутинизации» [6]. Рутинизация это очень верно подобранное определение для состояния российско-европейских отношений в 2019 году. Санкции превратились в обыденность для России и ее экономики, происходит рост утомленности от конфронтации и понимание обеими сторонами экономического ущерба от такой политики.

Следует отметить, что данное понимание совпало с очень важными внешнеполитическими факторами. Приход к власти весной 2019 г. президента Зеленского на Украине открыло но-

вое окно возможностей для урегулирования затянувшейся войны, что в свою очередь могло приблизить снятие санкций. Первые заявления и действия властей Украины подтвердили данный курс. Как отмечает бывший глава МИД И. Иванов, ЕС и Россия должны были использовать по максимуму этот долгожданный шанс [2], но внутриукраинские политические события и разногласия заморозили намечавшееся решение.

Кроме украинского фактора, на международной арене особую роль сыграла смена администрации в Вашингтоне (президент Трамп). Его политика протекционизма, выход из ядерной сделки по Ирану в итоге привели к невиданному обострению уже европейско-американских отношений, что косвенно способствовало сближению России и ЕС. Все факторы, усталость от конфронтации способствовали возможной нормализации отношений. К тому же внутренние проблемы ЕС, среди которых выход Великобритании из ЕС, логически должны были привести хотя бы к экономическому оздоровлению взаимоотношений. К сожалению, следующий 2020 год стал той самой, окончательной точкой невозврата в отличие от 2014 года. Пандемия коронавируса и информационное освещение европейской и российской политики по борьбе с вирусом отложили свой отпечаток и привели к эрозии отношений. Это и неудивительно, потому что весь мир был занят решениями внутренних проблем, связанных с пандемией. События осени 2020 г. и начала 2021 г., связанные с оппозиционным политиком Алексеем Навальным и его резонансным делом, привели к новому кризису. Заявления Лаврова, а потом и раскритикованный европейскими СМИ визит Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, привлекли внимание международной общественности и активизировали спор о гипотетическом «разрыве» отношений.

Для начала необходимо понять, что подразумевалось под «разрывом», который упомянул глава российского МИДа. Фактически разрыв произошел еще в 2014 году. Саммит Россия-ЕС перестал проводиться, количество контактов между элитами сократились, были заморожены механизмы экономического взаимодействия, остановилось действие части отрас-

левых программ СПС [1]. Если говорить о «разрыве» с Европой как о прекращении дипломатических отношений, полного сворачивания контактов, то это уже другой вопрос. Однако, что если сформулировать по-другому? Под «разрывом» следует понимать трансформацию российско-европейских отношений, разрушение прежней недееспособной конструкции на европейском континенте. Ситуация в данный момент принципиально отличается от событий семилетней давности. Если с 2014 по 2019 гг. причинами обострений были внешнеполитические проблемы (ситуация на Украине, предполагаемое российское вмешательство во внутренние дела европейских государств) или события, связанные с различными резонансными делами (дело Скрипалей и их отравление), то поводом потрясений 2021 г. стала исключительно внутривнутриполитическая ситуация в России. Как пишет ученый Сабин Фишер, произошла «геополитизация» российской внутренней политической повестки [7].

В своей статье, которая носит достаточно критический характер в адрес Москвы, Сабин Фишер формулирует основную задачу перед ЕС в вопросе взаимодействия с Россией – реалистичный подход к достижению своих целей. Сюда она относит и поддержку российского гражданского общества, и защита собственных интересов [7]. Действительно с чем следует согласиться из статьи, так это с тезисом о реалистичном характере политики как со стороны Европейского Союза, так и со стороны Российской Федерации. Реализм исходит из того, что Россия и ЕС уже не те субъекты международных отношений, которыми они являлись 15–20 лет назад. По мнению Лукьянова Ф.А., «политический диалог России и Евросоюза – рудимент прошедшего периода» [7], потому что изменилось буквально все. Стремления ЕС превратиться в гегемона на европейском континенте провалились. Стоит посмотреть на это с глобальной точки зрения: процессы глобализации затормозились, крупные игроки сосредоточились на внутренних проблемах и используют внешнеполитические проблемы для решения внутренних задач. Пандемия коронавируса только ускорила этот процесс «закрытия», стала ка-

тализатором, хотя конечно глобализация никуда не пропала. Инструменты ЕС, его идеологическая сила уже неэффективны, и они мало на кого действуют. Изменения в российской политической системе, в ее системе ценностей тоже особо влияют на отношения.

Формат российско-европейских отношений 2014–2019 гг. фактически не предполагал наличие именно диалога на уровне Россия-ЕС. Он преобразовался в двухтрековые отношения (концепция избирательного сотрудничества), то есть сотрудничество между Россией и ЕС происходит только в тех областях, в которых это самое сотрудничество выгодно обеим сторонам. Более того полноформатную связь заменили отдельные двусторонние связи между Россией и европейскими странами. Яркими примерами являются Австрия, Венгрия и некоторые другие. Именно такие двусторонние отношения в реальности заменили официальные политические связи Брюсселя с Москвой.

Выход из этого, как можно догадаться, только один – уход от старого неэффективного формата. Ф.А. Лукьянов также пишет о бесполезности и даже вредности таких отношений, что дает основания как раз говорить о предполагаемом «разрыве» [7]. Полного разрыва отношений ЕС и России не произойдет никогда по таким объективным причинам, как общая история и культура, крепкие экономические связи, несмотря на санкции, существование в рамках одного геополитического пространства, которое называется Европой, понимание ответственности за безопасность в этой самой Европе. Данные моменты не только предотвращают глобальный разрыв связей, но и наоборот являются начальной платформой для перезапуска европейско-российских отношений. Помимо этого, существуют точки соприкосновения, которые уже сейчас и в будущем будут держать взаимоотношения в определенном тоне.

В своей статье генеральный директор РСМД Андрей Кортунов перечисляет ряд факторов, которые позволяют запустить нормализацию отношений. Среди них возможный прогресс в украинском вопросе, солидарность в отношении разорванной Трампом иранской ядерной сделки и создание новых механизмов для расчетов с Ираном за поставки в Европу нефти,

сотрудничество в области климата, тесная кооперация в рамках ОБСЕ и диалог двух крупных интеграционных объединений (собственно сам ЕС и ЕАЭС) [3].

Особой сферой взаимодействия является энергетическая отрасль. Именно РФ является основным поставщиком, гарантом поставки энергоресурсов в Европу. В последнее время обострилась ситуация вокруг строящегося Северного потока-2, однако основные европейские компании поддерживают его, а германское правительство всячески противодействует американским санкциям на уровне дипломатии. Этот аспект также подтверждает невозможность полного разрыва. Даже в годы холодной войны СССР бесперебойно поставлял нефть и газ в Западную Европу, что поддерживало более-менее диалог между странами. Само экономическое сотрудничество, его преимущества даже в условиях санкций опровергает вероятность разрыва. Так, ЕС остается ведущим партнером России, на государства ЕС приходится 37% внешнеторгового оборота России [3]. Санкции оказали свое влияние, но не смогли прервать общую цепочку поставок. К тому же прямые инвестиции из ЕС в Россию по-прежнему активно идут.

Некоторые наблюдатели могут в подтверждение тезиса о «разрыве» с Европой указать на готовящиеся санкции против Москвы. Однако недавно принятые санкции в рамках нового механизма по защите прав человека продемонстрировали их бессмысленность, потому что в списки были включены представители российской элиты, которые уже находятся под ограничениями и вряд ли имеют активы за границей. А предполагаемое введение санкций против крупных бизнесменов России не состоялось, несмотря на лоббирование со стороны российской оппозиции. Все это вместе носит лишь символический, бессмысленный характер, что никак не повлияет на некий «разрыв», а наоборот продемонстрирует неэффективность инструментов образца 2014 года и подтолкнет к трансформации.

Таким образом, полного разрыва в отношениях ЕС и России, которое так активно обсуждается после заявления главы МИД, не стоит ожидать. Это невозможно, поскольку есть такие основополагающие вещи, как история, культура, экономи-

ческая выгода, геополитическое соседство и проблема безопасности (например, выход США из РСМД обострил ядерный вопрос, что является угрозой и для ЕС, и для РФ). Вся российская инфраструктура ориентирована на Европу, отсюда идут инвестиции и технологии в нашу страну, а из России – сырьевые ресурсы на запад. Однако общий кризис, неэффективность инструментов расширения влияния показывают невозможность продолжения развития таких вот отношений. Трансформация в будущем просто неизбежна, потому что изменилось все в этом мире и это отвечает геополитическим интересам России. Внутренние проблемы ЕС и России, изменения в политической системе стран, провал проекта евроинтеграции на восток подталкивают к этим коренным изменениям. Когда это произойдет? Вряд ли в ближайшем будущем. Только осознание политическими элитами этой проблемы, поиск новых путей развития позволят начать выстраивать новые отношения без оглядки на идеологию, богатое прошлое и другие разногласия.

Список источников и литературы

1. Белов В. Б., Россия–Евросоюз: на западном экономическом фронте без перемен? Россия, 2021, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-evrosoyuz-na-zapadnom-ekonomicheskom-fronte-bez-peremen/>
2. Иванов И. С. Помочь Украине–помочь себе, Коммерсант, Россия, 2019, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3952161>
3. Кортунов А. В., Отношения России и Евросоюза в 2020 г.: возможности, ограничения, вероятные тренды, РСМД, Россия, 2019, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-rossii-i-evrosoyuza-v-2020-g-vozmozhnosti-ogranicheniya-veroyatnyue-trendy/>
4. Лукьянов Ф. А. «Разрыв» как благо. Почему России и Евросоюзу нечего терять, Московский Центр Карнеги, Россия, 2021, URL: <https://carnegie.ru/commentary/83872>
5. Официальный сайт Представительства Европейского Союза в Российской Федерации. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia_ru
6. Рыжков В. А. Отношения России и ЕС: текущий кризис и возможности нормализации, Современная Европа, Россия, 2019, № 3, с. 13–24
7. Сабин Фишер Почему 2021 год не сулит ничего хорошего для отношений России и ЕС, Московский Центр Карнеги, Россия, 2021, URL: <https://carnegie.ru/commentary/84029>

“BREAK” WITH THE EUROPEAN UNION AS A GEOPOLITICAL PROBLEM OF RUSSIA

Osokin A. V.

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The article deals with the current state of relations between Russia and the European Union, as well as the hypothetical possibility of breaking these relations. Particular attention is focused on the history of the evolution of European-Russian relations, as well as their modern content, from politics to economics. As a result of the study, the impossibility of a full curtailment of relations, the importance of this problem for both the geopolitics of Russia and the EU was confirmed. Changing approaches to each other and awareness of the need for new development will lead to a more effective construction of relations. Before proceeding directly to the consideration, it is necessary to emphasize that the events related to the imposition of sanctions, the reaction of Moscow, are developing right now. This article contains the author's forecast and opinion based on the actions that have already occurred and may not keep up with the development of events.

Key words: Russian-European relations, Russia, EU, European Union, aggravation of relations, “rupture” of relations

ИМПЕРИАЛИЗМ ПО-ЦЕЗАРСКИ: КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ПАЛЛАДИУМ РОССИИ

Калинин Н. Д. ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,

Цель данной работы заключается в объективном анализе России как империалистической державы с точки зрения культурно-цивилизационного подхода. Для этого мы постараемся применить индуктивную методику, объединив причины в следствие. Проанализировав настоящее России с помощью её прошлого, мы можем спрогнозировать и её будущее. Анализ настоящей внутренней и внешней позиции нашей страны, поиск исторических причин и предпосылок особого пути российского государства, анализ феномена империализма в современной России – всё это поможет разобраться в нынешнем идейном настрое России и в вопросе её экзистенциальной сущности.

Ключевые слова: империя, империализм, Россия, цивилизация, культура.

Феномен империализма не является однозначным. Дать ёмкое и универсальное определение империализму не пред-

ставляется возможным ввиду отличности методологий, к нему применяемых. Мы выделяем два подхода к империализму: марксистско-ленинский⁷ и культурно-цивилизационный. Первый подход обуславливает империалистическую политику экономическими причинами, второй подход – очевидно, причинами культурными и цивилизационными. В настоящем исследовании мы имеем цель рассмотреть империализм с точки зрения культурно-цивилизационного подхода, который также можно назвать цезарским. Культурно-цивилизационный подход, в отличие от марксистско-ленинского, способен лучше анализировать причины и следствия, приведшие к становлению российской империи. Сводить российский имперский путь к экономическому детерминизму кажется нам небрежным обобщением. Отметим, что, говоря о российской империи, мы имеем ввиду не государство, существовавшее с 1721 по 1917 гг., а сам имперский формат государственного и экзистенциального устройства России, существующий куда более долгое время безотносительно формального наличия императоров.

Теперь кратко рассмотрим культурно-цивилизационный подход. Заметим в оппозицию вождю мирового пролетариата, история показывает, что отнюдь не всегда империи создавались, так сказать, с капиталистического почина. Будучи древнейшей формой государства, империи строились как мощное полиэтничное государство, создаваемое как могущественный актер международных отношений. Целью имперского строительства было огосударствление цивилизаций, а также прославление строителей, повышение их культурной значимости и благосостояния. Великие полководцы и властители покоряли народы, соединяя их рамками общей государственности, образуя, таким образом, крупный политико-территориальный институт, включавший в себе метрополию и периферию – вот, как мы считаем, весьма частый путь формирования империй.

С культурно-цивилизационной точки зрения, империи – продукт материализации чьих-либо властных амбиций, по-

---

⁷ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма, 1916.

буждающий сильного покорять слабого. Главное отличие от марксистско-ленинского подхода здесь в том, что такой империализм возникает не из неизбежных экономических предпосылок, а из конкретной инициативы, которая жаждет венец и скипетр, а не пачку облигаций. Россия, долгое время являясь континентальной империей, в течение нескольких веков инкорпорировавшей в свой состав новые народы, сумела возвести государственную идеологию, основой которой является территориальная и культурная экспансия. Если для европейских государств империя была свойством, функцией, то для России – типом существования. Как удачно выразился профессор Ю. М. Осипов, «Имперскость России, уже в виду её масштабов – онтологический факт»⁸.

Российский империализм прежде всего империализм мессианский, а не колониальный. Россия готова покорить весь мир своей духовностью. Поставить «порочный и греховный» мир на путь истины – вот цель русского империализма. Сама российская империя рассматривается как общность, созданная для осуществления некоего идейного императива. В разное время в России выступал некий унифицирующий и детерминирующий фактор – это было православие или коммунизм. Россия просто не представляет мировую политику без собственного участия. Эту мысль хорошо передаёт афоризм Н. А. Бердяева: «Отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества»⁹.

Русский империализм стоит на двух геркулесовых столпах, на двух культурно-цивилизационных основаниях, адаптированных на Руси в разные исторические эпохи. Первое основание – византизм, черты которого были импортированы на Русь ещё великим князем Владимиром Святославичем. Освоив идеи православия, Русь стала жёстко придерживаться религиозных принципов, которые воспитывали в людях чувство «праведного одиночества во вселенной греха и порока», иными словами вызывали антагонизацию России и не-России как чего-то не совсем правильного.

⁸ Осипов Ю. М. Имперские предчувствия России. – Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005.

⁹ Бердяев Н. А. Судьба России, 1918.

Уже к XVI веку сформировалась чёткая мысль о «единственности и незаменимости» России. Проводником этой мысли стал монах Филофей, изложивший великому князю Василию III теорию о Москве как третьем Риме. Падение Византии укрепило идейные основания Руси. В былые времена великий князь киевский традиционно имел звание стольника византийского императора, а теперь, когда «идол повержен», Русь почувствовала себя «хозяином в доме», правопреемницей Византии. Эта мысль ещё больше укрепилась браком Ивана III и Софьи Палеолог—племянницы последнего византийского императора Константина Палеолога. Русь ощутила духовную потребность продолжить дело Византии—стать охранительницей и попечительницей православия и грозно показывать всему миру, где тут «истинная вера», а также продолжить противостояние с вечным соперником Византии—Священной Римской империей как с католическим антагонизмом православия.

Второе основание—монгольская культура, с которой Русь познакомилась в XIII—XIV веках. Монголы научили русских экспансионизму, продемонстрировали своё привлекательное могущество, основанное на захватах территорий и подчинении народов. Русские суверены, особенно московские, пришли к выводу, что они «вовсе ничем не хуже» и способны также организовать империю, чем и занимались потомки Даниила Московского. Таким образом, мы получаем синтез в виде мессианского империализма, субстратом которого является территориальная экспансия, оправдываемая защитой православной византийской веры. Используя эту стратегию, Россия буквально за полтора века сумела инкорпорировать в свой состав десятки народов—от Балтии до Дальнего Востока.

С того времени Россия укрепляла свой статус православной империи с самой что ни на есть имперской политикой. Главным поводом начать войну в XIX веке был факт угнетения «православных братьев». Аргументы в пользу русского мессианского империализма приводит и И. А. Ильин: «Не всякому народу удаётся выносить самостоятельный духовный акт и создать самобытную духовную культуру. Народы, которым это

удалось, суть духовно ведущие народы; народы, которым это не удалось, становятся духовно ведомыми народами. Задача ведущего народа не в том, чтобы подавить или искоренить ведомый народ, в том, чтобы дать ему возможность приобщиться к духовному акту и духовной культуре ведущего народа и получить от него творческое оплодотворение и оживление. Тогда ведомый народ находит свою родину в лоне ведущего народа и, не теряя своей исторической и биологической «национальности», вливается духовно в национальность ведущего»¹⁰. Этим философ как бы намекает на то, что империализм – отнюдь не экспансия и не угнетение, а буквально патерналистская, отеческая забота «старшего» над «младшим», требующая включения второго в государство первого. Здесь мы невольно вспоминаем риторику Энгельса: «Государство есть признание народа в неспособности организовать себя»¹¹. При абсолютном идейном антагонизме Ильина и Энгельса, мы на горе обоем вынуждены признать определённое тождество в их взглядах.

Знаменитый советский географ П. Н. Савицкий отмечает: «Империей может называться лишь то образование, «в котором нация, созидающая многонациональную целостность, может дать “империализуемым” народам что-либо положительное»¹², а не берет у них сама «начатки цивилизаций ценой понижения уровня культуры покоренных наций». Мы согласны с этим мнением, ведь империя, основанная на грубом угнетении и эксплуатации, не может существовать долго. Здесь будет уместно выражение Авраама Линкольна: «Не может выстоять дом, разделённый в себе самом»¹³. Гладко, в случае Сибири, или не слишком гладко, в случае Кавказа, вливаясь в состав империи, народы рано или поздно проходили процесс общеимперской социализации, и, даже не теряя свою «родную» национальность, они получали как бы наднациональную идентичность – россияне. Таким образом появилось общеим-

---

¹⁰ Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1932–35 гг.

¹¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884.

¹² Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство, 1931.

¹³ Линкольн А. Евангелие от Матфея (цитата), 1858.

перское общество как ансамбль культурно и институционально связанных друг с другом индивидов. Общество получилось единым и разнообразным одновременно. Как выразился Генрих Гейне, «Русские уже благодаря размерам своей страны космополиты». В этих словах содержится прямая отсылка к той наднациональности, какую давала общеимперская самоидентификация.

Если использовать терминологию Г.С. Померанца, то можно сказать, что Россия образовала субэкумен—завершённую наднациональную культуру, выработавшую самостоятельную философию. В глобальном смысле Россия—цивилизация, как совокупность способов бытия и способов деятельности группы людей, выражающаяся в их моральной, интеллектуальной и материальной жизни, а говоря упрощённо—как единая культурно-географическая зона. Говорить о том, что российская империя не может считаться цивилизацией в виду сохранения в оной различных субкультур—от карело-финнов до сахалинских айнов—неверно. Цивилизации присуща органичная гетерогенная культура, включающая в себя субкультуры. Иными словами, цивилизация делает общими только так называемые «большие» традиции—знания, учения, нравственные и эстетические принципы. «Малые» же традиции—предания, ритуалы, обряды, проявления житейской мудрости, остаются на откуп «городам и весям»¹⁴. Подтверждением нашему выводу служит «цивилизационная развёрстка мира» Самюэля Хантингтона¹⁵, где среди восьми мировых цивилизаций православная выделена отдельно. Российская империя сформировалась как цивилизация благодаря культурному империализму. Анализируя объективно, мы приходим к выводу, что имперский путь России уникален. Цивилизация и её характеристики не могут быть предметами экспорта, невозможно перенять чужую форму одновременно с чужим содержанием. Пытаясь в точности копировать чужое устройство и чужие системы, вы, в процессе их мучительной пересадки на родную почву, более чем наверняка увлечётесь внешними характеристиками, позабыв о внутрен-

---

¹⁴ Макаренко А. С. О коллективе, 1932.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, 1996.

них. Возможно лишь выборочно усваивать чужие тенденции и методы, как и произошло у нас с византизмом и монголизмом. Тенденции не сменяли друг друга, а наслаивались и синтезировались, образуя конечный продукт в виде русской имперской идеи. Адаптируясь под эпохи и меняя форму, идея эта прошла сквозь века, не изменив содержания. Даже в советское время эта идея активно использовалась — она никуда не ушла, ей просто разобрали прежний златоглавый фасад и сызнова отштукатурили красной извёсткой.

После кровавой чехарды гражданской войны, новая элита, возможно, не осознавая этого, стала заниматься имперским строительством. Из РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР быстро собрали СССР, который перенял региональные хозяйственно-административные методы царской России. Именно поэтому особых трудностей при создании Советского Союза не возникло — большевики не смогли, да и не хотели разрушить те связи, которые были с трудом возводимы веками. Советская Россия отстаивала принципы социалистического интернационализма, пытаясь претворять в жизнь знаменитый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». СССР помогал борцам за социализм в разных частях света и отстаивал их права. Став у власти, большевики позиционировали построенное ими государство как оплот социальной справедливости, как пламенного строителя коммунизма, единственного во всём мире желающего всеобщего благоденствия.

В конце 30-х годов Советский Союз перешёл от исподволь рассылаемых по всему свету собраний сочинений Ленина, боеприпасов и военных советников к более смелой внешней политике. Заключив соглашение с Гитлером, Сталин известным образом решил польский вопрос, превзойдя в быстроте и дерзости Екатерину II. В это же время были аннексированы Прибалтика и Бессарабия. После Великой Отечественной войны под «советскую опеку» были взяты страны Восточной Европы, так что фактически образовалась социалистическая конфедерация, которая управлялась Москвой согласно принципу «ограниченного суверенитета». Советская идеология оправдывала это следующим образом: в каждой стране есть пролета-

риат, которому априорно близки идеи марксизма, проводником которых является Советский Союз. Но пролетариат не всегда может сам себе помочь, местные «уклонисты от генеральной линии партии» мешают ему организовать пролетарскую социалистическую систему, чтобы наконец пойти «правильной дорогой». Поэтому СССР – мощное государство, защитник пролетариата, просто обязано поддержать своих классовых братьев в этой жестокой борьбе. Таким образом, аннексия и дальнейшая советизация территорий была аргументирована марксистской классовой риторикой, легитимирующей себя стремлением к «высшей справедливости». По выявлению данных признаков обнаруживаются сходства между идеологическим основанием стратегий старой дореволюционной России и Советского Союза. В обоих случаях это мессианский империализм, формально имеющий целью вовсе не вероломный захват чужих земель ради корыстной выгоды, а борьбу за всеобщую справедливость, за лучшее положение идейно близких групп населения. Как Российская империя была защитницей всех православных, так и Советский Союз стал защитником всех угнетённых.

Особый русский путь сохранил прежнее направление, лишь переложив брусчатку. Последний советский лидер Михаил Горбачёв в частных беседах открыто назвал СССР «империей», уже не прячась под истёршийся за семьдесят лет личной марксистско-ленинской идеологии, гневно отрицавшей это жуткое для убеждённого коммуниста название. Развал Советского союза весьма повредил империи и изменил её самоидентификацию, но не разрушил её. Надлом не может рассматриваться как безвозвратное движение к концу. Главной потерей для неё стала Украина. Согласно мнению Збигнева Бжежинского, без Украины Россия не сможет стать подлинно евразийской империей, ведь Украина – богатейший густонаселённый регион с развитой промышленностью и сельским хозяйством¹⁶.

Империя потеряла часть своих земель и изменила формат, превратившись в Российскую Федерацию. Стоит признать, что империя несколько лет, а именно в последнее десятилетие

---

¹⁶ Бжежинский З. Великая шахматная доска, 1997.

XX века, находилась в растерянности и тревожно оглядывалась по сторонам, ища руку помощи. Когда империя поняла, что руки ей никто не подаст, а только издалека лицемерно помашет полосато-звёздчатым флагом, она собралась с силами и вновь предалась углублённому самоукреплению и самосозерцанию. В последние два десятилетия в России сформировался квазиидеологический конструкт, который можно охарактеризовать следующими пунктами:

- ✓ Акцент на «особом русском пути», отличном от путей остального мира;
- ✓ Негласное противопоставление России Западу;
- ✓ Сосредоточение внимания на традиционных ценностях (в частности, на православии) – умеренный консерватизм;
- ✓ Восприятие российской истории как непрерывной борьбы за строительство сильного государства;
- ✓ Акцентирование внимания на ВОВ и всём, что с ней связано;
- ✓ Возрождение идеи «сильной державы», демонстративная антагонизация путинской и ельцинской эпох.

Всё вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что Россия развивает великодержавные тенденции и намерена держиваться в той или иной степени независимости от Запада. Как мы убедились, эта стратегия для России совсем не нова. Большим уважением у действующего президента пользуется И. А. Ильин – один из белоэмигрантских философов, основавших идею евразийства, центральной идеей которого является то, что русская цивилизация принадлежит не к европейской или азиатской цивилизациям, а к геополитической концепции Евразии, то есть призвана образовывать некое полиэтническое трансконтинентальное мегахосударство. Тем не менее, говорить о прямо-таки империалистической политике России, как мы считаем, опрометчиво. Россия стремится укрепить своё положение в мире, но вряд ли заинтересована в восстановлении обременительного статуса сверхдержавы. Руководство страны признаёт, что Холодная война и советская система управления

очень тяжело отразились на состоянии российских людей. Россия продолжит быть в узком смысле империей, но не будет начинать новое «триумфальное шествие советской власти», чреватое новым общемировым конфликтом.

Здесь мы невольно вспоминаем цитату Монтескье: «Империи можно сравнить с деревом, слишком разросшиеся ветви которого всасывают весь сок из ствола и способны только бросать тень». Именно такой империи и остерегается как правительство страны, так и рядовые граждане. Задача русской империи – защита цивилизационной идентичности, а не борьба со всеми, кто к ней не принадлежит. Как считает И. М. Угрин, «Империя – не обособление от мира, но включение мира в себя» [3]. Не стоит воспринимать это как воинственный призыв – России стоит сосредоточиться на достигнутом – не покорять мечом, но просвещать. Здесь же уместна позиция Н. Е. Тихоновой: «Хотя россияне действительно хотят видеть Россию великой державой, это значит для большинства из них не бряцание оружием или поиск внешних врагов России, а экономическое процветание страны, развитие образования, науки, культуры, уважения к ней со стороны мира как одной из наиболее «продвинутых» стран, возможность уважать самих себя как ее граждан и, самое главное, возвращение страны к тем целям и ценностям, которые разделяются большинством населения и которые позволили бы россиянам снова ощущать себя частью единой и могучей общности. Достичь же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире, лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной на мировой арене, а отнюдь не на путях возрождения имперских амбиций».

Таким образом, можно прийти к выводу, что Россия, оставаясь империей внутри, прекратила быть ею снаружи, отказавшись фактически от политики империализма. Империя как привычный формат сплочения народов должна сохранять свою целостность и вместе с этим развивать федерализм, позволяющий регионам развиваться сбалансированно. Именно такой путь, как мы считаем, будет оптимальным для российского государства.

Список источников и литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России, 1918.
2. Бжежинский З. Великая шахматная доска, 1997.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1932–35 гг.
4. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма, 1916.
5. Линкольн А. Евангелие от Матфея (цитата), 1858.
6. Макаренко А. С. О коллективе, 1932.
7. Осипов Ю. М. Имперские предчувствия России.—Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005.
8. Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство, 1931.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, 1996.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884.

CAESARIAN IMPERIALISM: CULTURAL EXPANSION AS RUSSIA'S PALLADIUM

Kalinin N. D. ¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The purpose of this work is an objective analysis of Russia as an imperialist power from the point of view of the cultural and civilizational approach. By analyzing Russia's present with the help of its past, we can predict its future. Analysis of the present internal and external position of our country, search for historical causes and prerequisites for the special path of the Russian state, analysis of the phenomenon of imperialism in modern Russia—all this will help to understand the current ideological mood of Russia and the question of its existential essence.

Key words: empire, imperialism, Russia, civilization, culture.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Шестерная Т. В. ¹

¹ Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

В данной статье рассматривается проблемы геополитических интересов России на Южном Кавказе. Статья посвящена комплексному исследова-

нию действий России в политической и экономической и в других сферах в контексте политической нестабильности и военных конфликтов в странах региона. Особое внимание уделено проблематике роли России в разрешении конфликтов Армяно-Азербайджанского конфликта и взаимоотношении с Грузией.

Ключевые слова: Южный Кавказ, геополитика, военный конфликт, интересы России, география.

Россия и Кавказ. С учетом известных исторических фактов и реалиях современного мира, невозможно отделить Россию от Кавказа. Южный Кавказ представляет собой сравнительно небольшой по площади регион с населением менее 15 млн. человек. Новые независимые государства региона – Азербайджан, Армения и Грузия как во внутривосточном, так и в геополитическом плане оказались в качественно новом положении. Формирование и утверждение новой государственности в этих странах в силу комплекса известных причин прошли весьма трудный и извилистый путь. Результатом этих процессов стало коренное изменение системы власти, идеологии, общественных отношений, характера и направлений экономического развития, жизненных приоритетов, статуса, места и роли в структуре мирового сообщества и т. д. [2]

Нельзя отрицать, что на ход событий жизни российского народа, Кавказ оказал определенное влияние, а Россия в свою очередь оставила след в бытовых, социокультурных и инфраструктурных основаниях Кавказа. Положение Кавказа в современной геополитической структуре определено тем, что этот регион, когда-то входивший в состав Российской империи, а затем Советского Союза, после распада последнего разделился на две части – Северный Кавказ в составе России и три новых независимых государства.

Перед странами Закавказья, а так же и перед бывшими советскими республиками, встала задача поиска новых путей социально-экономического и общественно-политического развития. Особенности развития данного региона обусловили исключительную степень этнонациональной и конфессиональной мозаичности и многообразия. Важную роль в сохранении границ России играет регион Южного Кавказа вместе с приле-

гающим к нему бассейном Каспийского моря и обеспечивает национальную безопасность на ее южных рубежах [1]. Территория Южного Кавказа стала ареной столкновения политических и экономических интересов других государств, как и соседних. На сегодняшний момент политическая обстановка на Кавказе осложнена, в связи с тем, что в современных реалиях основная борьба идет за установление тотального контроля над природными ресурсами, военно-морскими путями и т.д. Одной из главных целей многих Европейских стран и США является отдаление России от доступа ресурсов—Средиземноморско-Черноморского—Кавказско-Каспийского региона. Сделать неконкурентоспособными, затратными имеющиеся российские магистральные газо—и нефтепроводы, проложив в обход России собственные транспортные артерии, доставляющие дешевое сырье из Казахстана, Азербайджана, Ирана в Европу и Америку. Внутриполитическая нестабильность, которая происходит в данных регионах, как никогда сейчас играет на руку другим странам, преследующие, исключительно свои национальные (политические и экономические) интересы.

На Кавказе милитаризация развивается более ускоренными темпами, чем экономика. Плотность войск и вооружений на территории Южного Кавказа одна из самых высоких в мире, и всегда существовал риск возобновления вооруженной фазы конфликтов.

Данный регион имеет особое значение, по-скольку через него производится транспортировка энергоносителей из Центральной Азии в Европу в силу ряда причин. Обострение военно-политической ситуации в Закавказье привело к вовлечению в конфликты также НАТО, США, Турции и Ирана.

РФ на Южном Кавказе всегда имела свои приоритеты. Конечно же экономический интерес для России представляет запасы нефти газа в Каспийском бассейне. Так как российская экономика зарабатывает от экспорта нефти и газа, то превращение прикаспийских государств в мощные экспортеры энергии могло причинить чувствительный ущерб России. Одной из первостепенной заботой являлось предотвращении эксплуатации каспийских ресурсов в ущерб России. Отсюда и было

стремление определить статус Каспийского моря. До 2018 г. статус и разграничение прибрежных вод было под вопросом, но в 2018 г. на пятом Каспийском саммите был подписан международный договор между Азербайджаном, Ираном, Россией и Казахстаном, итогом данных переговоров стало:

1. Закрепление статуса Каспийского моря;
2. Закрепление стран, от которых необходимо согласие по прокладке газопровода по дну Каспия;
3. Разделение основной площади поверхности Каспия и морского дна;
4. Зафиксировано положение в конвенции о недопущении присутствия на Каспии вооруженных сил, не принадлежащих сторонам договора, а также определяет пять прикаспийских государств ответственными за поддержание безопасности на море и управление его ресурсами.

На сегодня одним из приоритетов России – является предотвращение проникновения других государств, поставка оружия или военная помощь.

Вторая задачей, после геополитических, являются экономические интересы России на Южном Кавказе. Важно понимать, что национальная безопасность России полностью зависит от экономической, политической и военной стабильности и отношений между соседними странами. Ухудшение социальной обстановки, вооруженные конфликты на территории Южного Кавказа делают неизбежным участие России, что в конечном счете может привести к нестабильности в её собственных границах. Так уже было при событиях в Абхазии и Южной Осетии при нарушении стабильности в некоторых пограничных российских районах как политически, так и экономически.

Геополитическая нестабильность после распада СССР резко ухудшилась в 2008 г. вооруженные конфликты были между Грузией и самопровозглашёнными республиками Южной Осетии и Республикой Абхазии. После активных боевых действий, когда Грузия подвергла территорию Южной Осетии массовому обстрелу, после чего пыталась установить контроль на данной территории. Российские войска совместно с юго-осе-

инскими вооруженными формированиями и абхазскими ислами для установления мира, вытеснила грузинские войска из Южной Осетии. В сегодняшней политической нестабильности взаимоотношения между Россией и Грузией остаются напряженными, одна из причин то, что Грузия нацелена на вступление в НАТО и Европейский Союз. Сближение с США и принятие в НАТО даст возможность Америке расположить свою военную инфраструктуру, что приближает ее к границам России. Соединенные Штаты продолжают укреплять свои позиции в Грузии для обеспечения контроля не только за транспортировкой углеводородного сырья из Каспийского региона в Европу, но и над бассейном Черного моря. В Грузии сохраняется внутривнутриполитическая нестабильность и нарастает националистические настроения [4].

В 2021 г. после недавнего Карабахского конфликта в 2020 г. между Арменией и Азербайджаном. Аргументы России и Армении в споре о Нагорном Карабахе базировались на ряде интересов: ограничение турецкого влияния, контроль русофобского (в ранние годы независимости) Азербайджана и долгосрочные культурные связи, отражающиеся на большой армянской диаспоре в России. В ноябре того же года при поддержке России был подписано мирное соглашение, которое предусматривает ввод российских миротворцев, вывод армянских сил из прилегающих к Нагорному Карабаху районов и оставления под контролем Азербайджана части территории Нагорного Карабаха, в том числе города Шуша. Но в Армении после этого не утихли конфликты.

Новое трёхстороннее соглашение заявление России, Азербайджана и Армении позволит Баку наладить транспортное сообщение с Нахичеванской республикой, а Еревану – получить железнодорожный выход на Россию. В перспективе разблокировать транспортные коммуникации, Азербайджан посредством транспортных коммуникаций через территорию Армении будет иметь сообщение с Нахичеванской автономной республикой Азербайджанской Республики. А Армении позволит через территорию Азербайджана иметь железнодорожный выход на Россию, на Иран [5].

После событий в 2008 г. и в 2020 г сложилось четкое понимание того факта, что решение проблем безопасности в регионах Закавказье исключительно военными средствами опасно непредсказуемыми издержками политического и экономического характера. Поэтому в перспективе рассматривать возможности планомерного достижения стратегической стабильности на Кавказе с помощью экономических, дипломатических и гуманитарных методов, но без военной мощи и безопасности внутри стран невозможно надеяться на повышение стабильности в регионе. Надо понимать тот момент, что безопасность на Южном Кавказе зависит не только от самих регионов, а так же от взаимодействия с соседними странами. Поэтому необходимо работать не только над выполнением ранее принятых решений по линии двусторонних отношений или сотрудничества в рамках ОДКБ, но и искать новые идеи, как укрепить оборону стран.

Нельзя забывать и соседней Турции. Современная Турция, значительно уменьшенная по сравнению с Османской империей, стремится любым путем расширить свою зону влияния. Для этой цели у турков существует три направления: пантюркистский, османский (имперский) и исламский.

Ярко выраженное направление турецкой экспансии – пантюркизм и Эрдоган стремится всеми силами развить его успех. Карабахский Конфликт, произошедший в 2020 г. стал толчком в развитии данного направления «Великий Туран». Азербайджан, который потерял, 20 % своей территории сильно нуждался в союзниках для военного реванша, и турки активно поддержали план по освобождению оккупированных территорий военным путем. Взамен азербайджанцам, пришлось признать, что они являются с турками одним народом, живущим в двух государствах.

К тюркским странам, кроме Турции, относят Казахстан, Туркмению, Узбекистан, Киргизию, Азербайджан и Северный Кипр. В России это Среднее и Нижнее Поволжье, Крым и почти половина Сибири и Дальнего Востока вплоть до берегов Берингова пролива. В Китае это Синьцзян-Уйгурский автономный район, его чаще называют Восточный Туркестана. На

Ближнем Востоке к этим территориям можно отнести северные части современного Ирана, Афганистана и Ирака [2].

Идея о создании огромного турецкого государства на основе возвращения к традициям предков затрагивает геополитические интересы других стран. Созданное партнерство Партнерство России, Китая и Ирана рассматривается как вынужденное—для противостояния агрессивной политике США. Но, похоже, появился еще один игрок, против которого будет действовать данный тройственный союз. Армения сейчас находится под пристальным вниманием у Турков, и ее необходимо защищать от турецкой экспансии, но только теми мерами, которые не навредят российским интересам. Нельзя допустить полного слияния Турции и Азербайджана.

Некоторые страны создали специальные межгосударственные платформы такие как: СНГ, ЕВРАЗЭС для решения разнообразных международных проблем. Одни из них создаются для дестабилизации ситуации в регионе—в частности, коллективного давления на Москву. Другие же нужны для недопущения в постсоветские районы, которые хотят разорить в экономическом, культурном—ну и военном смысле. Недавнее заявление президента США Джозефа Байдена о «многостороннем подходе в отношении России» очень воодушевило руководство некоторых постсоветских стран, конфликтующих с Москвой. Власти Молдавии, Грузии и Украины открыто выступают за создание специальных платформ, которые будут способствовать «деокупации» Москвой территорий, которые они считают своими (соответственно, Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии, а также Крыма и ДНР/ЛНР). Во все эти платформы приглашаются западные и иные страны, способные внести свою лепту в «деокупацию» [3]. Сам по себе метод недопущения чужих стран на территорию Южного Кавказа несет конструктивизм. Ведь в отличии от внешних игроков, местные не заинтересованы в превращении Закавказье в одну огромную платформу как Украину, несущая дисбаланс в Россию, Турцию и Иран, которые являются противниками США. А Анкара, надеется, что данная платформа позволит крепить турецкое влияние, которое резко усилилось после победы

Азербайджана и Турции во Второй Карабахской войне.

Однако на пути достижения этих планов существуют две проблемы—Армения и Грузия. Без этих, малых государств создание большой региональной платформы, включающей в себя Россию и Турцию, проблематично. Для Еревана вхождение в предлагаемую Эрдоганом платформу будет означать формальное согласие с изменившимся статус-кво в Нагорном Карабахе. Подписание любых документов по безопасности в многостороннем формате обнулит любую и без того небольшую вероятность побороться за остаток Нагорного Карабаха через пять лет (когда Азербайджан с большой долей вероятности попросит Россию вывести миротворческий контингент для захвата и зачистки Степанакерта и других городов НКР) [5]. Именно поэтому армянские власти могут и не подписаться под инициативой.

С Грузией все еще сложнее. Ни с одной страной нет дружеских отношений. Тбилиси видит Россию как «оккупант», Турцию и Азербайджан экономическим оккупантом, Армения претендует на грузинскую Джавахетию, а Иран является врагом американских покровителей. Именно поэтому грузинские власти хотят вступить в Евросоюз и в НАТО, которые в понимании Тбилиси являются гарантами и защитниками грузинского суверенитета. То есть—тех самых западных стран, которые в этой структуре явно являются чужеродными. Грузия должна понять, что единственным способом защитить свои интересы и сохранить суверенитет является региональное балансирование, восстановление отношений с Москвой в противовес усиливающемуся турецко-азербайджанскому влиянию. Но элиту Грузии, это не устраивает, поэтому они направляют свои силы на вступление в НАТО и Евросоюз и предлагать себя как региональный плацдарм для давления на Россию, Турцию, а также Иран. Идея о создании единого тюркского государства без участия Грузии будет не слишком действенна. Тбилиси рассматривают данную платформу как прямую угрозу национальной безопасности. Данное турецкое предложение хоть и интересное, но сложно реализуемое. Чтобы создать такую «платформу» и не пускать США и другие страны, Москве, Тегерану

и Анкаре нужно провести очень серьезную дипломатическую работу.

В основе экономических и политических проблем Южного Кавказа лежит решение в развитии национальной экономики и инфраструктур. В Грузии, Армении и Азербайджане существует большое трудоспособное население, которое может поддержать развитие фабрик, заводов, развивать легкую и тяжелую промышленность и т.д. и для этого у регионов есть все самые необходимые ресурсы, чтоб развивать свою экономику. Однако существуют препятствия для создания четкой структуры для единого экономического пространства в виде негативных моментов, которые привели предыдущее поколение к всеобщей войне и глобальной разрухе.

В создавшейся ситуации необходимо пересмотреть традиционные понятия гегемонии, национальной безопасности, внутренних интересов и т.д. Многие проблемы международных отношений в регионе весьма трудно поддаются стандартным решениям, основанным на реалистической, идеалистической, или иной модели, применимой к конкретной ситуации. Необходимо создать новые методы создания политической стратегии России в отношении как всего мирового сообщества, так и того геополитического пространства, частью которого она является. Особо актуальным в связи с происшедшими изменениями становится всесторонний анализ динамически развивающихся социальных, политических и этно- национальных процессов в регионе, имеющих ключевое значение для единства и целостности российского государства и Кавказа. Совершенно очевидно, что при всех исторических и современных геополитических изменениях Южный Кавказ (Закавказье) оказал определенное влияние на российское общество, а Россия, в свою очередь, оставила глубокий след в экономических, инфраструктурных и социокультурных основаниях закавказских народов.

Список источников и литературы

1. 1.Гаджиев К. С. Кавказский узел в геополитических приоритетах. Москва: Логос, 2010. 529 с. 2. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. Мос-

- ква: Международные отношения, 2001. 467 с. 3. Взгляд.РУ. Турция сделала России интригующее предложение. Москва. Сетевое издание «ВЗГЛЯД.РУ». 2020 / [Электронный ресурс].–Режим доступа: URL: <https://vz.ru/world/2020/12/11/1075311.html>
2. 4. Мировое обозрение. Геополитика. Китайский бросок Эрдогана. Солнечногорск. Сетевое издание «Мировое Издание». 2020. / [Электронный ресурс].–Режим доступа: URL: <https://tehnovar.ru/209765-Kitayskiy-brosok-Erdogana.html>
  3. 5. Институт международных политических и экономических стратегий. Китайский бросок Эрдогана. Москва. Русстрат. 2021. [Электронный ресурс].–Режим доступа: URL: <https://russtrat.ru/reports/7-fevralya-2021-0010-2922>.

RUSSIA'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF POLITICAL INSTABILITY

Shesternina T. V.¹

¹Kuban State University,
Krasnodar, Russia

This article examines the problems of Russia's geopolitical interests in the South Caucasus. The article is devoted to a comprehensive study of Russia's actions in the political, economic and other spheres in the context of political instability and military conflicts in the countries of the region. Special attention is paid to the problems of Russia's role in resolving the conflicts of the Armenian-Azerbaijani conflict and relations with Georgia.

Key words: South Caucasus, geopolitics, military conflict, Russian interests, geography.

Секция 6. ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

СИСТЕМА ОТСЧЁТА ПРИ УГЛУБЛЕННОМ АНАЛИЗЕ ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЙ ПО ТЕРРИТОРИЯМ

Черкашин К. В.¹

¹Донецкий национальный университет,
Донецк, ДНР

Многие важнейшие голосования в наше время сопровождаются заявлениями о сфальсифицированности их результатов. Степень же обоснованности таких заявлений установить, как правило, очень трудно. Зачастую непонятно: нарушения носили единичный и случайный характер или же они были системными, централизованными и существенно повлияли на итоги волеизъявления. Поддержка той или иной точки зрения по этому вопросу часто определяется текущими политическими предпочтениями субъекта. Несмотря на то, что существует большое количество методик анализа результатов выборов и референдумов, имеется насущная необходимость их усовершенствования. Например, многие положения широко известной методики анализа итогов голосований, предложенной российским физиком С. Шпилькиным, ставятся под сомнение её критиками. Вопросы анализа результатов выборов и выявления степени их сфальсифицированности тесно связаны между собой. Необходим более углублённый и квантифицируемый анализ итогов голосований по территориям. На это и претендует данная работа. В ней на основе исследования результатов выборов и референдумов 1991–2014 годов по районам Донецка демонстрируется пропорциональность электоральной поддержки политических сил между территориями, а также возможность нахождения общих коэффициентов пропорциональности между выборами. Отклонения от установленных в работе норм свидетельствуют об очень успешной агитации или подтасовках на конкретных территориях.

Ключевые слова: электоральная география, поведение избирателей, электоральное поведение, выборы, референдумы, подтасовки итогов голосований.

Анализ результатов голосований является одним из традиционных направлений деятельности как в рамках элек-

торальной географии, так и политической науки. При этом в современной политической повестке всенародное избрание органов власти является как бы само собой разумеющимся. Другое дело, что выборы нередко носят формальный характер, избирательные системы являются архаичными и/или не-представительными. Зачастую побеждает на выборах тот, кто имеет наибольший доступ к разнообразным ресурсам (финансовым, информационным, административным и др.), за-владение которыми, как правило, происходит нечестным пу-тём. Тем не менее выборы в современном мире выполняют функцию легитимации и легализации власти, а будет или нет «международная общественность» закрывать глаза на указан-ные несоответствия в конкретной стране в нынешних услови-ях, – в наибольшей степени определяется волей ведущих меж-дународных политических акторов – в первую очередь США и «коллективного Запада».

Тем не менее и на Западе многие важнейшие голосова-ния последних лет сопровождаются громкими заявлениями о подтасованности / сфальсифицированности их итогов, что якобы определило победителя на выборах. В первую очередь здесь следует упомянуть президентские выборы в США 2016 и 2020 годов. Определили ли их итоги «русские хакеры» или злоупотребления представителей Демократической / Респу-бликанской партий – большой вопрос (по мнению автора, это сомнительно), но свидетельства и официальные заявления о подтасовках прозвучали. А определить степень достоверно-сти подобных заявлений зачастую не представляется возмож-ным. И на Западе, и на постсоветском пространстве предложен целый ряд методик углублённого анализа итогов голосований. Пожалуй, самая известная из них в РФ – «метод Шпилькина» [1]. Вместе с тем отмечается противоречивость теоретических положений большинства таких методик [2]. Необходима более надёжная система оценки результатов выборов.

Именно этой проблеме и посвящена данная статья. Цель исследования: предложить систему отсчёта (координат), с по-мощью которой можно бы было более точно находить «норму» и отклонения в итогах голосований по территориям.

Эмпирической базой исследования являются результаты общегосударственных голосований 1991–2014 годов по районам города Донецка, взятые с официального сайта ЦИК Украины и в Государственном архиве ДНР [3]. Выводы, сделанные в статье, могут быть экстраполированы на другие крупные города, территории и территориальные уровни как минимум постсоветского пространства. Так как представленные ниже закономерности не являются чем-то «локально-специфическим».

По итогам голосований 1991–2014 годов, в зависимости от степени поддержки победившей политической силы районы Донецка постоянно выстраивались в рейтинг, в котором каждый из районов от выборов к выборам обычно занимал своё стабильное место (рис. 1, 2).

Рис. 1. Группы районов г. Донецка в зависимости от особенностей поведения избирателей на выборах 1991–2014 гг.

По мере приближения к центру города поддержка доминирующей в регионе политической силы сокращалась, а по мере приближения к периферии – росла. Как удалось установить, эти колебания теснейшим образом коррелируют с долей населения с высшим образованием [4].

Примечательно, что по мере роста общего показателя доминирующей политической силы, размах (разница между максимальным и минимальным значениями) по районам сокращается:

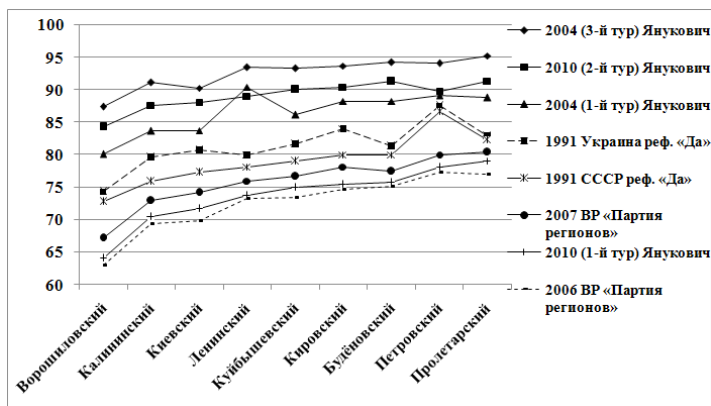

Рис. 2 Показатели победивших политических сил на голосованиях 1991–2010 гг. по районам г. Донецка, в%

Таблица 1

Показатели победивших сил и мнений по Донецку на голосованиях 1991–2010 гг., в%

Голосования: год (тур), партия/ кандидат или мнение	Результат по Донецку	Размах (разница между max. и min. значениями по районам)
2004(3-й тур) Янукович	92,66	7,89
2010(2-й тур) Янукович	89,32	7,12
2004(1-й тур) Янукович	86,66	10,35
1991 референдум Украина «Да»	81,44	13,21
1991 референдум СССР «Да»	79,03	13,88
2007 Партия регионов	75,97	13,13
2010(1-й тур) Янукович	73,80	14,98
2006 Партия регионов	72,57	14,25
1999(1-й тур) Симоненко	38,42	22,03

В свою очередь, чем меньше становятся общие показатели доминирующей силы, тем размах между районами становится больше. Чтобы вывести точное математическое выражение этой тенденции, необходимо отойти от анализа всей совокупности территорий (районов) и перейти к сопоставлению их по

парам. В этом случае становится очевидным, что между каждой парой районов на самых разных голосованиях сохраняются свои стабильные соотношения (коэффициенты) – рис. 3, 4. Такие соотношения остаются неизменными для доминирующей политической силы, если точкой отсчёта показателей принимать максимально возможное значение (100%), а у недоминирующих сил – минимально возможное (0%). Фактически два эти варианта описывают одно и то же явление, но в случае с недоминирующей силой вычисления проводить легче, т.к. отпадает необходимость в расчёте «остатков» (100% минус показатель), можно непосредственно сопоставлять отношения процентных значений. Некоторые из указанных аспектов подробно рассматриваются в следующей статье [5].

Примечательно, что коэффициенты пропорциональности между районами на протяжении всего анализируемого периода (почти 25 лет) в подавляющем большинстве случаев остались неизменными. Классическое (физическое) понимание «системы отсчёта» включает в себя и систему отсчёта времени. Значит, отсчётом времени в данном случае можно пренебречь: если не произошли глобальные структурные изменения в электоральной географии территорий, выявленные коэффициенты пропорциональности между ними в целом должны оставаться стабильными.

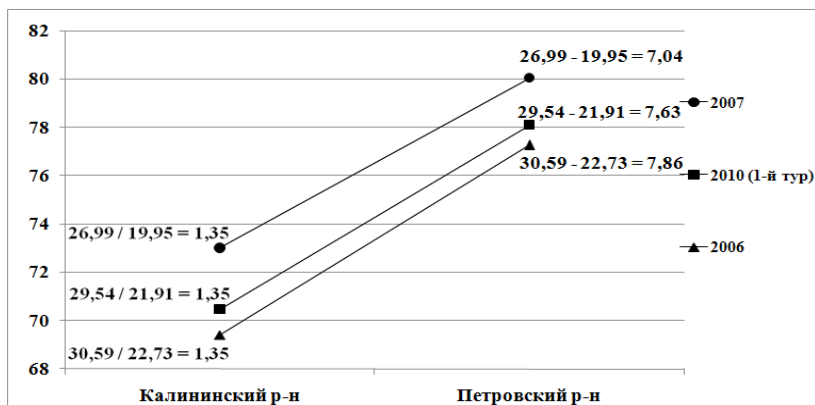

Рис. 3. Соотношения «остатков» (100% минус значение) показателей победителей на выборах 2006–2010 гг. по двум районам Донецка, в%

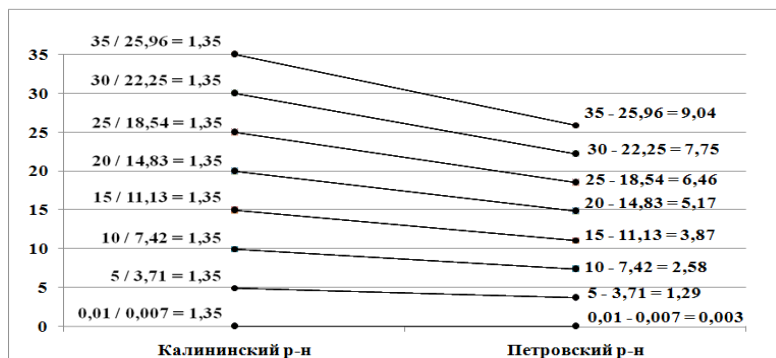

Рис. 4. Моделирование соотношений показателей недоминирующих электоральных сил по двум районам Донецка, в%

Анализируя ряд предыдущих достоверных голосований, мы находим стабильные соотношения между территориями. В математическом выражении это моды и медианы. Существенные же отклонения от этих стабильных отношений будут являться «выбросами» и должны исключаться из дальнейшей обработки. На рис. 5 приведён пример анализа с помощью предложенной методики. Норма здесь рассматривается как точное значение, а не доверительный интервал. Исследователь сам вправе оценивать: в конкретном случае отклонение от нормы является существенным или нет.

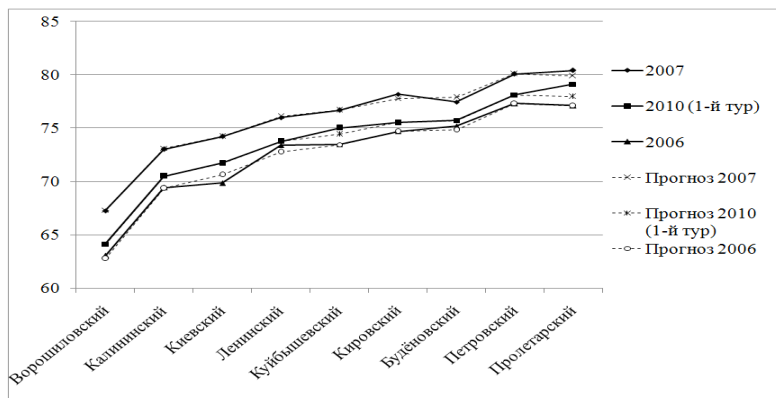

Рис. 5. Официальная поддержка победителей и её прогноз на достоверных выборах 2006–2010 гг. по районам Донецка, в%

Пары территорий имеют свои стабильные коэффициенты пропорциональности. А не имеется ли какой-то общий для всех территорий коэффициент? Наличие его существенно упростило бы процедуру подсчёта. Как показали исследования, такой общий коэффициент можно найти. Для этого необходимо взять отношения не по «горизонтали» (между двумя районами на одних выборах), а по «вертикали» (по одной территории на двух голосованиях). Представленные ниже таблица и рисунок иллюстрируют этот вариант (табл. 2, рис. 6).

Таблица 2

Показатели недоминирующих сил по районам Донецка (в %) и соотношения между ними

Районы	НеЯнукович-2010 (1-й тур)	Прогноз на гипотетические выборы	Отношения показателей	Разница по показателям
Ворошиловский	35,89	53,83	1,5	17,94
Калининский	29,54	44,30	1,5	14,77
Киевский	28,32	42,47	1,5	14,16
Ленинский	26,26	39,40	1,5	13,13
Куйбышевский	25,01	37,51	1,5	12,50
Кировский	24,52	36,79	1,5	12,26
Будёновский	24,29	36,44	1,5	12,15
Петровский	21,91	32,86	1,5	10,95
Пролетарский	20,91	31,37	1,5	10,46

Фактически это те же расчёты, что и ранее, но в другой «развёртке». В качестве образца взяты процентные показатели недоминирующих сил в первом туре президентских выборов–2010–голосования, итоги которого общепризнанно (и противоборствующими сторонами) не подверглись существенным искажениям. При введении относительно каких-то новых гипотетических выборов коэффициента пропорциональности (например, 1,5) сохраняются все основные ранее описанные параметры: с ростом процентных значений разница между показателями по районам растёт; отношения же показателей (и по районам, и по

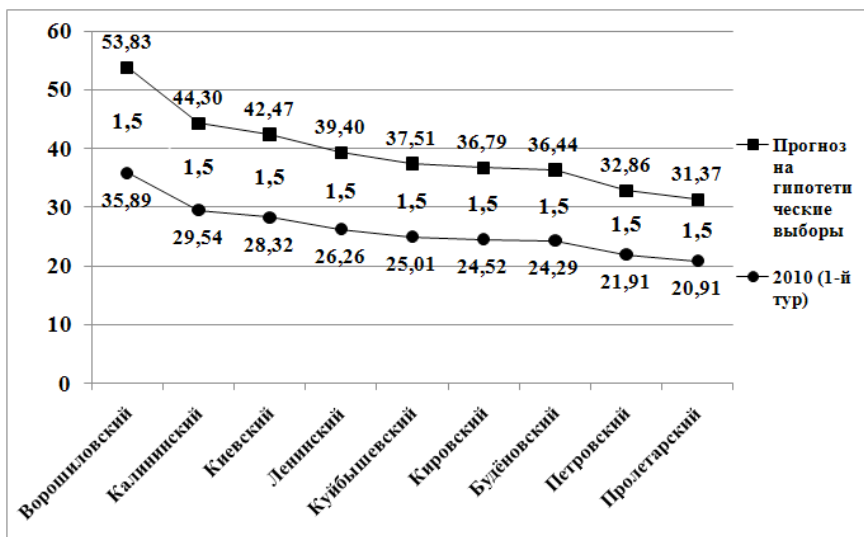

Рис. 6. Моделирование показателей недоминирующих электоральных сил по районам Донецка (в %) и отношений между ними (общий коэффициент)

голосованиям) остаются неизменными. То есть при расчёте отношения итогов нового голосования относительно старого (проверенного, достоверного) должны проявляться общие коэффициенты пропорциональности для всех анализируемых территорий. Формула расчётов в этом случае будет следующей:

$$c_{ij} = \frac{HeD_j}{HeD_i}, \quad i, j \in \{1, \dots, n\}, \quad i \neq j,$$

где, HeD_i , HeD_j процент поддержки недоминирующих сил по выборам.

Предположим, что результат недоминирующих политических сил на новом голосовании относительно предыдущего вырос в 1,5 раза. При этом, согласно теоретической модели, этот рост должен произойти на всех территориях пропорционально (с большей или меньшей степенью приближения). Если мы знаем, что ранее показатели по анализируемым территориям вписывались в общую схему (стабильные соотношения зна-

чений), а на новом голосовании тщательно проконтролировали процедуру подсчёта итогов волеизъявления на одной из территорий, то этот новый коэффициент соотношения по «контрольной» территории может быть экстраполирован на все оставшиеся районы. (Если, конечно, условия избирательного процесса на «контрольной» территории не были очень специфичны. За этим можно тщательно следить). Отклонения от выявленного нового общего «межвыборного» коэффициента по некоторым территориям будут означать отличия итогов голосования по ним от «нормы» (в силу ли очень успешной агитации или подтасовок результатов выборов – это уже другой вопрос).

Таким образом, при анализе итогов голосований и на Западе, и на постсоветском пространстве одной из наибольших проблем в современных условиях является проблема достоверности этих итогов. Какие показатели могут считаться «нормой»? Какая для этой оценки может быть принята «система координат»? В статье такая «система координат» предлагается. На основании выявленной пропорциональности показателей по доминирующим и недоминирующим политическим силам могут быть определены стабильные коэффициенты пропорциональности между территориями, а также общие коэффициенты пропорциональности для всех территорий между голосованиями. Отклонения от этих показателей будут свидетельствовать об отклонениях от «нормы», что создаёт возможности для более качественной оценки итогов выборов. Следовательно, можно определить точные параметры отклонения (на сколько процентов от нормы), выдвинуть предположения о возможных причинах этих отклонений, точнее определить степень воздействия на избирательный процесс (и волеизъявление электората) «структурных» факторов и различных избирательных технологий.

Список источников и литературы

1. Сергей Шпилькин // Троицкий вариант – Наука. – URL: <https://trv-science.ru/tag/sergejj-shpilkin> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Шалаев Н. Е. Электоральные аномалии в постсоциалистическом пространстве: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2016. 27 с.

3. Офіційний веб-сервер ЦВК України. URL: www.cvk.gov.ua
4. Черкашин К. В. Детерминанты электоральной географии крупных городов (на примере довоенных голосований в Донецке 1991–2012 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 3. с. 94–112.
5. Черкашин К. В. Пропорциональность электоральной поддержки между территориями и восстановление итогов голосований // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 1.

Section 6. ELECTORAL GEOGRAPHY

FRAME OF REFERENCE FOR IN-DEPTH ANALYSIS OF THE RESULTS OF VOTING BY TERRITORIES

Cherkashin K. V.¹

¹Donets National University,
Donetsk, Donetsk People's Republic

Many of the most important votes in our time are accompanied by statements about the falsification of their results. The degree of validity of such statements is usually very difficult to establish. It is often unclear: the violations were isolated and random in nature or they were systemic, centralized and significantly affected the results of the expression of will. Based on the study of the results of elections and referendums of 1991–2014 in the districts of Donetsk, the proportionality of electoral support for political forces between the territories is demonstrated, and the possibility of finding the overall proportionality coefficients between elections. Deviations from the established norms in the work indicate a very successful agitation or fraud in specific territories.

Key words: electoral geography, voter behavior, electoral behavior, elections, referendums, fraud of voting results.

КОНФОРМИСТСКИЙ ТИП ГОЛОСОВАНИЯ ПО ТИПОЛОГИИ Р.Ф. ТУРОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Размахнина Ю. С.¹

¹Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
Иркутск, Россия

Рассмотрен конформистский тип голосования по типологии Р. Ф. Туровского на примере этнической периферии Восточной Сибири. В рамках этого понятия особое внимание уделено политическим предпочтениям и уровню

явки коренных народов. С помощью корреляционного анализа установлена значительная теснота связи между долей коренных народов и количеством голосов за партии и выдвигаемых от них кандидатов, а также уровня явки. Проанализированы итоги Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию прошлого года в восточносибирских субъектах и выделены этнические муниципальные образования с крайне высокой явкой и степенью одобрения вносимых поправок. Произведено сравнение федеральных избирательных кампаний (выборы в Государственную Думу и Президента) в 2011–2018-х гг. по указанным показателям электорального поведения. Представлены примеры отклонения от конформистского типа голосования на этнической периферии Восточной Сибири.

Ключевые слова: конформистский тип голосования, Восточная Сибирь, этническая периферия, явка, политические предпочтения

Термин «конформистский тип голосования» используется в одном из трудов Р.Ф. Туровского «Концептуальная электоральная карта постсоветской России» [4]. Этот тип выражается в высокой степени поддержки «партии власти» и характерен для этнической периферии, периферии и полупериферии на Русском Севере и частично для районов нового освоения на востоке [2, с. 9]. В нашем случае будет затронут пример этнической периферии Восточной Сибири, где основное внимание предполагается уделить национальным регионам (республикам Бурятии, Тыве, Хакасии и Якутии) и районам с значительной долей коренных народов в составе «русских» субъектов (Забайкальский и Красноярский края, Иркутская область). В русле данной статьи нас интересует насколько этот тип голосования соответствует политическим реалиям Восточной Сибири и имеются ли некоторые исключения, выходящие за его рамки.

Полагаем, что с обозначенным понятием тесно связана контролируемая электоральная культура, которая по Р.Ф. Туровскому означает способность властей на конкретной территории обеспечить высокие показатели голосования за поддерживаемые ими партии или кандидатов [5, с. 371]. В качестве примера исследователь приводит территорию упраздненного автономного Усть-Ордынского Бурятского округа в составе Иркутской области. Для доказательства тезиса о конформистском типе голосования этнических территорий нами используется метод

корреляционного анализа математической статистики, который раскрывает влияние этничности на явку и политические предпочтения. Материалами исследования служат данные Всероссийской переписи населения 2010 г. (взята доля коренных народов) и отчеты о выборах и общероссийского голосовании по поправкам в Конституцию 2020 г. субъектов избирательных комиссий Восточной Сибири (почерпнута информация о явке и количестве голосов за партии и кандидатов в процентном отношении).

Результаты и их обсуждение. Основопологающей идеей данного исследования является утверждение о различном политическом поведении русского населения и представителей коренных народов в Восточной Сибири, которое проверяется теснотой корреляционной связи, возрастающей по мере увеличения доли коренных народов в национальном составе муниципальных образований верхнего и нижнего уровня. В первую очередь, обратимся к политическим предпочтениям в рамках макрорегиона, которые хорошо прослеживаются на избирательных кампаниях федерального значения 2011–2018-х гг. (выборы в Государственную Думу и Президента).

Значимые коэффициенты корреляции получаются в отношении трех наиболее известных партий (ЕР, ЛДПР и КПРФ) и избираемых от них кандидатов. Связь между долей коренных народов и голосов за ЕР и В. В. Путина состоит в диапазоне от 0,70 и до 0,78. Высокие и очень высокие коэффициенты связи получились в отношении ЛДПР и В. В. Жириновского от $(-0,86)$ и до $(-0,91)$ (рис. 1). Средняя теснота связи от $(-0,64)$ до $(-0,65)$ прослеживается относительно голосов за КПРФ на выборах в Государственную Думу 2011 г. и Г. А. Зюганова на выборах Президента 2012 г. [3, с. 255].

Избирательные кампании регионального значения (выборы глав республик) также продемонстрировали значимые коэффициенты. Наиболее сильно негативное восприятие ЛДПР проявилось на выборах губернатора Якутии в 2014 $(-0,96)$ и 2018 $(-0,90)$ гг. относительно кандидатуры от ЛДПР–Парахнина Г. П., а также кандидатуры Френта А. И. на пост президента Республики Тыва в 2018 г. $(-0,91)$ [3, с. 255].

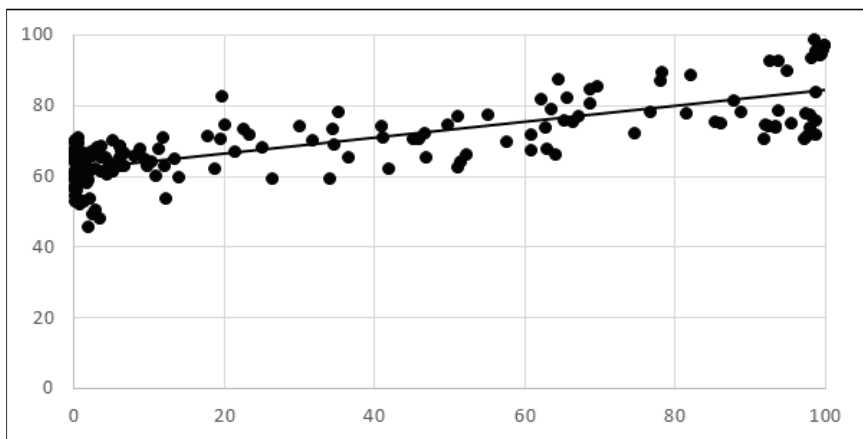

Рис 1. Взаимосвязь доли коренных народов и голосов в восточносибирских субъектах за В.В. Жириновского на выборах Президента 2012 г.

Причины подобного отношения представителей коренных народов к оппозиционным партиям в некоторой степени являются откликом на откровенные националистические высказывания и лозунги («Защитить русских!», «Вставайте, люди русские!»). Напротив, поддержка «партии власти» заключается в немалых дотациях из федерального центра, личном характере взаимоотношений между главами республик и Президентом РФ, беспрецедентном использовании административного ресурса на местах [1, с. 165], давлении со стороны близкого окружения, которое особенно характерно для общества с традиционным укладом жизни.

Явка на выборах федерального значения также является достаточно высокой по восточносибирским субъектам: 0,79 – выборы в Государственную Думу 2011 г.; 0,84 – выборы Президента 2012 г., 0,77 – выборы в Государственную Думу в 2016 г., 0,72 – выборы Президента в 2018 г. Примерами региональных избирательных кампаний, где проявилась высокая теснота связи, могут служить выборы: губернатора в Забайкальском крае в 2013 г. – 0,75, Законодательного Собрания 2013 г. – 0,74; главы Республики Саха (Якутия) в 2014 г. – 0,83 и в 2018 г. – 0,86. В отличие от политических предпочтений, анализ которых не показал значительной связи по выборам в муниципальных

образованиях (МО), наблюдается высокая теснота связи между долей коренных народов и явкой при анализе избирательных кампаний в городских округах и по районам (0,74–0,86) и средняя в сельских поселениях, поселках городского типа и т.д. (0,50–0,69).

Зарубежными исследователями указывается на взаимосвязь между высокой явкой (от 75 % и выше) и высокой поддержкой «Единой России» и В. В. Путина этническими меньшинствами [6, с. 18]. При этом оба эти обстоятельства связываются с электоральными манипуляциями, а значит в данном случае корректно также рассуждать о политической культуре, имеющей контролируемый характер. Обосновывая это утверждение, исследователи приводят среднюю явку на выборах в Государственную Думу в 2011 г., которая составила 64 %, а также указывают на слабое социально-экономическое положение регионов, где явка была чрезвычайно высока и т.д. [6, с. 18–19].

Нами осуществлен поиск МО верхнего уровня Восточной Сибири, в которых явка составила не менее 75 %, по итогам референдума по одобрению внесения поправок в Конституцию, проведенного в прошлом году. Несмотря на то, что это голосование не являлось типичной избирательной кампанией с политической конкуренцией, полагаем, что его итоги напрямую свидетельствуют о лояльности к действующей власти. Следует отметить, что крайне высокая явка (от 75 %) присуща не только для этнической периферии, например, в девяти МО в Красноярском крае с долей коренных народов от 0 до 4,5 % наблюдалась крайне высокая явка (75,3–88,6 %) и высокая степень одобрения вносимых изменений (61,7–85,6 %). Это обстоятельство объясняется тем, что конформистский тип голосования, как упоминалось выше, не ограничивается этнической периферией, включая также русскую периферию и полупериферию. В целом, Р.Ф Туровским на примере Красноярского края были отмечены районы и городские округа со слабо развитыми протестными настроениями, такие как Норильск, Северо-Енисейский и Туруханский и другие [3, с. 368–369], где также по нашим наблюдениям, явка составила от 75 % и выше, уровень голосования за поправки был также высок.

Другой единичный пример присутствует в Забайкальском крае в г. Петров-Забайкальске с явкой 80 % и 76,2 % гражданами, проголосовавшими за поправки. Наиболее выражено конформистское голосование с возможными электоральными манипуляциями во всей Республике Тыва (табл. 1). В указанную таблицу вошли МО с долей не менее 10 % коренных этносов и только с явкой от 75 %, в других случаях этот показатель является также достаточно высоким (от 50 % и выше).

Таблица 1

Этнические МО Восточной Сибири с явкой не менее 75 %
на общероссийском референдуме по внесению поправок
в Конституцию

Субъект	№	Район/городской округ	Доля коренных этносов,%	Явка,%	«За»,%	«Против»,%
Республика Бурятия	1	Еравнинский	55,0	94,9	93,1	6,5
	2	Закаменский	65,7	97,5	90,3	9,3
	3	Кижигинский	62,2	96,5	96,6	3,0
	4	Курумканский	68,6	83,8	88,0	10,9
	5	Кяхтинский	23,4	82,3	88,0	11,2
	6	Окинский	93,3	78,9	70,8	28,0
	7	Селенгинский	34,0	75,7	83,0	15,7
	8	Тункинский	65,2	84,2	70,6	28,6
	9	Хоринский	35,1	95,9	97,7	1,6
Республика Тыва	10	Ак-Довурак	94,8	90,3	97,1	2,7
	11	Бай-Тайгинский	99,9	95,9	99,3	0,5
	12	Барун-Хемчикский	99,5	96,8	97,4	2,4
	13	Дзун-Хемчикский	99,5	97,8	97,9	1,8
	14	Каа-Хемский	64,4	98,6	99,1	0,8
	15	Кызыл	68,6	84,8	94,5	5,0
	16	Кызыльский	78,1	98,7	97,6	2,2
	17	Монгун-Тайгинский	99,5	98,2	98,3	1,4
	18	Овюрский	98,8	99,0	99,5	0,5
	19	Пий-Хемский	69,7	97,5	97,8	2,1
	20	Сут-Хольский	99,9	99,6	99,3	0,6

Субъект	№	Район/городской округ	Доля коренных этносов, %	Явка, %	«За», %	«Против», %
	21	Тандинский	78,3	97,9	98,1	1,8
	22	Тере-Хольский	98,1	100	98,7	1,1
	23	Тес-Хемский	98,5	99,8	99,3	0,5
	24	Тоджинский	82,1	94,7	91,6	7,6
	25	Улуг-Хемский	92,5	99,2	97,8	2,0
	26	Чаа-Хольский	99,6	96,5	95,8	3,7
	27	Чеди-Хольский	93,7	93,3	97,1	2,8
	28	Эрзинский	99,2	97,1	99,4	1,1
Республика Хакасия	29	Таштыпский	45,7	75,0	77,7	20,3
	30	Ширинский	10,9	86,7	88,2	10,7
Республика Саха (Якутия)	31	Анабарский	93,4	87,0	57,3	37,4
	32	Верхневилуйский	98,0	85,5	81,8	17,7
	33	Оленекский	97,2	93,4	73,0	26,2
	34	Таттинский	98,8	78,5	71,6	27,5
Забайкальский край	35	Тунгиро-Олёкминский	19,7	75,6	89,8	9,2
Иркутская область	36	Баяндаевский	60,9	75,3	64,6	34,7

Кроме того, нас интересовали изменения, которые происходят с конформистским типом голосования в 2011 и 2016-е гг. (выборы в Государственную Думу), в 2012 и 2018-е гг. (выборы Президента), а именно становится ли данный тип голосования характерней или напротив менее выраженным с течением времени. Для этих целей вновь были проанализированы два показателя электорального поведения (явка и количество голосов за ЕР и В. В. Путина) в МО Восточной Сибири с долей коренных народов не менее 10 %. Обнаружилось, что средняя явка на выборы депутатов Государственной Думы снизилась почти на 10 % в 2016 г. (70 до 60,3 %), также уменьшился процент голосов за указанную партию с 62 до 58,2 %. Явка на президентские выборы 2012 и 2018-х гг. осталась практически неизменной: 77,3 % в 2012 и 77 % в 2018 гг. Однако среднее количество голосов за В. В. Путина несколько выросло – с 75,9

до 77,5%, что свидетельствует о том, что коренные народы по-прежнему лояльно воспринимают В.В. Путина на посту президента, но степень поддержки партии действующего президента несколько уменьшилась, как и сама явка на выборы в Государственную Думу.

В то же время имеются исключения из данного типа голосования, в частности, что касается этнической периферии Восточной Сибири. В первую очередь, к таковым могут быть отнесены губернаторские выборы в Иркутской области в прошлом году. Большинство голосов (60,7%) по области набрал самовыдвиженец Кобзев И.И., продвигаемый на должность федеральными властями, однако ему не удалось заручиться поддержкой коренных народов (-0,59). Напротив, коренными этносами был лояльно воспринят М. В. Щапов (0,68) от КПРФ. Данное обстоятельство, прежде всего, объясняется тем, что Кобзев И.И. является уроженцем европейской части страны. Таким образом, в этом случае представители коренных народов оказались более предрасположены к местному политику, а не одобренной кандидатуре федеральной властью. Среди прочих исключений можно привести пример губернаторских выборов в Хакасии 2013 г., когда коренными народами в положительном ключе был воспринят политик от «Коммунистов России» Бразаускас Д.П. (0,96), а также данная партия (0,52) по итогам избирательной кампании в Законодательное Собрание этого же года и т.д.

Корреляционный анализ продемонстрировал, что этничность оказывает влияние на политические предпочтения и явку, что согласуется с положениями теории Р.Ф. Туровского о конформистском типе голосования, а также о характерной для коренных народов контролируемой электоральной культуры (исключение составляют православные финно-угорские народы). Заметна высокая степень поддержки В.В. Путина и ЕР вкупе с неприятием оппозиционных партий, особенно ЛДПР. В научном сообществе, включая зарубежных исследователей, имеется точка зрения, согласно которой, высокая концентрация этнических меньшинств может привести к электоральным манипуляциям, на что может указывать очень высокая явка

(от 75 % и более). Это заметно на примере этнических регионов—Республики Тыва и других, а также «русских» территорий (МО Красноярского края), где указанный показатель также достаточно высок. Последнее объясняется тем, что конформистский тип голосования присущ не только для этнической периферии. Результаты федеральных избирательных кампаний 2011–2018-х гг. в восточносибирских субъектах показали, что средние явка и количество голосов за ЕР на выборах в Государственную Думу снизились в сравнении с началом периода, напротив, среднее количество голосов за В. В. Путина несколько выросло (на 1,6%), а явка осталась практически неизменной. Как упоминалось выше, имеются исключения из данного типа голосования в рамках этнической периферии Восточной Сибири, однако в целом, коренные народы макрорегиона в большинстве случаев отдают свои голоса за «партию власти» и действующего президента.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–311–90048

Список источников и литературы

1. Белова Е. В. Влияние этнического фактора на результаты парламентских выборов 4 декабря 2011 года // Вестник Удмуртского университета. Сер. история и филология. 2015. Т. 5. С. 163–169.
2. Козлов Н. Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 8–26.
3. Размахнина Ю. С. Влияние этнического фактора на итоги избирательных кампаний в Восточной Сибири // Геополитика и геоэкодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3. С. 251–259.
4. Туровский Р. Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 4. С. 161–202.
5. Туровский Р. Ф. Политическая география: учебное пособие. Москва–Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
6. Goodnow R., Moser R. G., Smith T. Ethnicity and electoral manipulation in Russia // Electoral Studies. 2014. № 36. Pp. 15–27.

CONFORMIST TYPE OF VOTING ACCORDING TO THE TYPOLOGY OF R.F. TUROVSKY (ON THE EXAMPLE OF THE ETHNIC PERIPHERY OF EASTERN SIBERIA)

Razmadnina Y.S.¹

¹ V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS,
Irkutsk, Russia

The article considers the conformist type of voting according to the typology of R. F. Turovsky on the example of the ethnic periphery of Eastern Siberia. Within this concept, particular attention is paid to political preferences and the level of turnout of indigenous peoples. Correlation analysis revealed a significant close relationship between the share of indigenous peoples and the number of votes for parties and candidates nominated by them, as well as the level of turnout. The results of the All-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of the last year in the East Siberian subjects are analyzed and ethnic municipalities with an extremely high turnout and degree of approval of the amendments are identified. A comparison is made of federal election campaigns (elections to the State Duma and the President) in 2011–2018, according to the specified indicators of electoral behavior. Examples of deviations from the conformist type of voting on the ethnic periphery of Eastern Siberia are presented.

Key words: conformist voting, Eastern Siberia, ethnic periphery, turnout, political preferences

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР-2010 НА УКРАИНЕ

Горулько А. А.¹, Черкашин К. В.¹

¹ Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

Статья посвящена проблеме определения ключевых факторов оказывавших влияние на электоральный выбор жителей Украины до конфликта 2014 года на примере итогов второго тура президентских выборов 2010 года. Подробно описывается влияние социально-демографических характеристик, затрагиваются вопросы возможных причин, которые обуславливали выбор кандидата. В ходе исследования применялись методы математической статистики: изучение результатов голосований и их сравнение с социально-демографическими показателями, с помощью коэффициента корреляции Пирсона, коэффициента детерминации и множественного регрессионного анализа.

В рамках исследования удалось установить, что на электоральный выбор оказывают влияние, прежде всего, такие характеристики как язык признаваемый родным и национальная самоидентификация, в меньшей степени тип поселения (сельские и городские населенные пункты).

Ключевые слова: электоральная география, электоральное поведение, выборы, Украина.

Относительно проблемы устойчивости политических предпочтений избирателей в научном сообществе существуют две доминирующие и вместе с тем взаимоисключающие точки зрения. Согласно первой из них политические приоритеты избирателей в достаточно высокой степени неустойчивы, рейтинги политических сил и их лидеров подвержены постоянным и существенным колебаниям, т.е. избиратели легко переориентируются от поддержки одной политической силы к поддержке другой. Представители второй, противоположной точки зрения, акцентируют внимание на устойчивости поведения электората и в частности – на наличии стабильных закономерностей голосования избирателей по территориям.

За двумя вышеназванными точками зрения лежат разные научные подходы: «полстеровский» («опросный»), основное внимание уделяющий измерению колебаний рейтингов кандидатов, и электорально-географический («экологический»), акцентирующий внимание на стабильных территориальных закономерностях голосования. Каждый из этих подходов имеет свои особенности, плюсы и минусы [1, с. 71].

Однако, полагать, что существующие опросные методики могут дать всеохватывающие, универсальные ответы на все проблемы поведения избирателей, преждевременно. Существует мнение, что в усовершенствовании методик проведения опросов может помочь электоральная география, а именно «экологическая школа», которая позволяет учесть аспекты формирования территориальной выборки [2].

Истоки изучения электоральной географии, мы наблюдаем в рамках «экологической школы», которая формируется в 20–40-е годы XX века в Западной Европе. Основные положения школы, содержатся в работе французского географа А. Зигфрида «Политическая картина Западной Франции в III Республике», которая заложила основы «избирательной географии».

В своей работе, ученый выявил ряд факторов, которые обуславливают формирование политических взглядов населения

лежащих в основе электорального поведения [3, с. 25]. Также, среди видных представителей данного подхода следует указать: Ф. Гогеля, М. Догана, Ж. Клацмана.

Среди отечественных учёных вопросами изучения электорального поведения и электоральной географии занимались: Г. В. Голосов, провел исследование, которое позволило установить степень применимости западных электоральных теорий в российских условиях, Г. В. Пушкарева, рассматривала в рамках российского пространства когнитивную модель электорального выбора, значительный вклад был внесён работами Е. Ю. Мелешкиной, Е. Б. Шестопал, А. В. Кынева. Существенное количество работ по проблемам электоральной географии были написаны такими учёными как: К. Э. Аксёнов, В. А. Колосов, Н. С. Мироненко, Р. Ф. Туровский, А. С. Зиновьев и др.

Однако, не смотря на значительную историографию, существует множество вопросов, которые требуют более детального изучения. Одним из таких вопросов, является корреляция электорального выбора с социально-демографическими характеристиками. В рамках нашего исследования, мы сделаем попытку выявить ключевые характеристики, которые оказывают влияние на уровень поддержки кандидатов на выборах.

Поэтому, перед нами стоит цель: установить степень связи между социально-демографическими показателями и уровнем поддержки кандидата жителями Украины до конфликта 2014 года на примере итогов второго тура президентских выборов 2010 года.

Работа была выполнена в традициях «экологической школы», основное кредо которой, было сформулировано учеником и последователем А. Зигфрида–Ф. Гогелем. В соответствии с которым, любые научные исследования в области электорального поведения «должны основываться на сопоставлении результатов выборов и факторов, которые могут объяснить эти результаты» [4, с. 36].

Базовая гипотеза исследования: уровень поддержки кандидата на выборах, зависит от национально-языковых характеристик электората.

В исследовании анализируются итоги голосования на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ) Украины (районы и города областного подчинения), общее количество которых составляло в 2010 году – 668 единиц. Информация об итогах голосования взята с официального сайта Центральной избирательной комиссии (ЦИК) Украины [5]. Источником демографических показателей послужили итоги Всеукраинской переписи населения.

Всеукраинская перепись населения, проводилась 5 декабря 2001 года – это первая национальная перепись населения. Целью проведения которой, было создание информационной базы демографических и социально-экономических показателей о численности населения, его национальном, языковом составе, распределении по возрасту, полу, гражданству, уровню образования, семейному положению, источникам средств существования, профессиональной принадлежности, статусу занятости, миграционной активности и т.п. по стране в целом и по всем ее административно-территориальным единицам [6].

Для исследования были использованы только некоторые, из общедоступных, показателей, а именно:

- Национальный состав (предполагается, что на уровень поддержки кандидата оказывает влияние этно-национальная принадлежность избирателей);
- Языковой состав (предполагается, что поддержка кандидата, в значительной степени может зависеть от распространенности языка в рамках АТЕ);
- Доля городского и сельского населения.

Остальные данные, которые могут быть интересны для анализа представлены на уровне региона, следовательно, их использование в рамках данного исследования не представляется возможным.

Согласно данным ЦИК, во второй тур президентских тура президентских выборов-2010. административно-территориальных единиц Укбуют более школа, которая позволяет дентских выборов2010 по результатам голосования прошли два канди-

дата В. Янукович, на тот момент лидер оппозиционной партии «Партия регионов» и Ю. Тимошенко, на момент выборов занимала должность премьер-министра Украины, лидер Всеукраинского объединения «Батькивщина».

Исторически сложилось так, что в Украине на протяжении довольно длительного времени существовала электоральная поляризация, которая делила страну, фактически, на два политических лагеря по оси «Запад–Восток». Традиционно, на Востоке Украины преобладали пророссийские взгляды и идеи, такое положение обусловлено: во-первых, существенной долей русских в составе населения. Так, согласно Всеукраинской переписи, в 2001 году доля русских в Донецкой области составила 38,2%, а в Луганской области 39% [7]. Во-вторых, географической близостью региона к РФ и, в-третьих, общим историческим прошлым, которое сформировало единое культурное пространство.

В то время как, на Западе Украины преобладали прозападные («оранжевые») силы. В этих регионах поддержку снискали партии, которые выступали за сближение с Европейским союзом и Западом в целом, под лозунгами демократизации существующих порядков, поддержку украинского языка и культуры, что зачастую сопровождалось русофобской риторикой.

Для того чтобы изучить степень взаимосвязанности указанных признаков, следует воспользоваться методами математической статистики, в частности, коэффициентом корреляции Пирсона (R), который используется для выявления линейной связи между двумя показателями, измеренными по количественной шкале.

Коэффициент отражает степень совместного изменения признаков и может иметь как положительные, так и отрицательные значения (от 1 до -1). Положительная связь свидетельствует о прямом влиянии факторов друг на друга (с ростом одного показателя растёт и другой), отрицательная связь – об обратном влиянии (чем больше один показатель, тем меньше другой) [8, с. 102].

С точки зрения российского исследователя, доктора поли-

тических наук А.С. Ахременко, «в эмпирических исследованиях политики довольно редко можно обнаружить $R > 0,7$; коэффициент же со значением $0,9$ – случай воистину уникальный» [9, с. 64].

Данная особенность связана со сложной, порой иррациональной природой политического поведения. Поэтому, как отмечает А.С. Ахременко «применительно к политическим исследованиям следует применять несколько «смягченную схему» интерпретации: слабая корреляция $-0,4 > R > 0,3$, средняя корреляция $-0,6 > R > 0,4$, сильная корреляция $-R > 0,7$ » [10, с. 64].

Мы хотели бы обратить внимание, что существует довольно полезная процедура, которая позволит получить дополнительную информацию о коэффициенте корреляции. Она состоит в том, чтобы вычислить коэффициент детерминации (R^2). Значение R^2 покажет нам долю случаев, которые объясняют «определяющую» переменную.

В ходе исследования можно выделить два основных этапа:

- проведение корреляционного анализа, и
- множественного регрессионного анализа.

Итак, переходя к описанию исследования, отмечаем, что перед авторами стояло несколько задач: во-первых, определить коэффициент корреляции Пирсона (R) и вычислить коэффициент детерминации (R^2) и, во-вторых, провести множественный регрессионный анализ, который позволит определить какой из доступных факторов в совокупности оказывает наибольшее влияние на электоральный выбор.

Вычисление коэффициента корреляции, мы начнём с сопоставления двух переменных: «независимой», которая представлена категориями «язык» и «национальность» и «зависимой» переменной, которая отображает уровень и степень поддержки кандидата (В. Янукович /Ю. Тимошенко). Данные указываются в%.

Первичный этап исследования мы начинаем с формирования корреляционной матрицы (таблица 1).

Таблица 1.

Результаты вычисления корреляционной матрицы

	Городское (%)	Сельское (%)	Украинцы	Русские	Украинский язык	Русский язык	Недействительные (%)	Тимошенко Ю. (%)	Янукович В. (%)	Против (%)
Городское (%)	1,0	-1,0	-0,33	0,46	-0,42	0,50	-0,15	-0,28	0,26	0,42
Сельское (%)	-1,0	1,0	0,33	-0,46	0,42	-0,50	0,15	0,28	-0,26	-0,42
Украинцы	-0,3	0,3	1,00	-0,87	0,95	-0,84	-0,05	0,67	-0,67	0,10
Русские	0,5	-0,5	-0,87	1,00	-0,91	0,95	-0,17	-0,68	0,69	-0,08
Укр. язык	-0,4	0,4	0,95	-0,91	1,00	-0,95	0,06	0,71	-0,71	0,14
Русс. язык	0,5	-0,5	-0,84	0,95	-0,95	1,00	-0,20	-0,71	0,71	-0,12
Недействит (%)	-0,1	0,1	-0,05	-0,17	0,06	-0,20	1,00	0,07	-0,09	0,17
Тимошенко (%)	-0,3	0,3	0,67	-0,68	0,71	-0,71	0,07	1,00	-1,00	0,05
Янукович (%)	0,3	-0,3	-0,67	0,69	-0,71	0,71	-0,09	-1,00	1,00	-0,11
Против (%)	0,4	-0,4	0,10	-0,08	0,14	-0,12	0,17	0,05	-0,11	1,00

Интерпретация результатов. Из таблицы видно, что корреляция между «кандидатом» и «языком» составила, в первом случае, «Янукович–русский язык»–0,71, во втором «Тимошенко–украинский язык»–0,71, а между «кандидатом» и «национальностью»–0,69 в случае с Януковичем и долей русских и–0,67 в случае с Тимошенко и долей украинцев. В то время как, пары переменных «кандидат–тип поселения» не дали тесной взаимосвязи. В результате, мы получили соотношение: «Янукович–городское/сельское»–«0,26/(–0,26)», «Тимошенко–городское/сельское»–«(–0,28)/0,28». Что свидетельствует о том, что тип поселения (городское/сельское) не оказывает значительного влияния на переменную «кандидат». Таким образом, в результате анализа выявлены зависимости: положительная связь между переменными «кандидат»–«язык», что свидетельствует о прямом влиянии категорий друг на друга, такую же взаимосвязь, но

с незначительным уменьшением, мы наблюдаем в паре «кандидат–национальность». Сильную степень обратной взаимосвязи, мы встречаем в парах переменных: «Янукович–украинский язык»–(–0,71), «Янукович–доля украинцев»–(–0,67) и в случае со вторым кандидатом «Тимошенко–русский язык»–(0,71), «Тимошенко–доля русских»–(–0,68). Однако, мы хотели бы обратить внимание, ещё на один показатель, а именно на корреляцию между независимыми переменными (x) и (x1)–«русский язык–русские», который составил–0,95. Это свидетельствует о том, что указанные выше переменные имеют корреляционную зависимость, в нашем случае–это объясняющие переменные. Данное явление именуется мультиколлинеарностью.

Как было отмечено, корреляционная матрица иллюстрирует довольно тесную взаимосвязь между двумя переменными «Янукович/Тимошенко–русский язык/украинский язык», однако, делать заключение о силе взаимосвязи на основании одного расчёта, преждевременно. Поскольку, указанная цифра может свидетельствовать о взаимосвязи в конкретной выборке.

Дабы определить долю случаев, которые объясняют определяющую («независимую») переменную, необходимо вычислить коэффициент детерминации (R^2). На следующем этапе, целесообразно, проведение множественного регрессионного анализа. Если в полученной выше модели учесть различные факторы (язык, национальность, тип поселения) и построить модель линейной множественной регрессии, то наибольшее значение коэффициента детерминации было получено от сочетания влияния доли населения, которая считает русский язык родным и идентифицирует себя как русские, относительно «зависимой» переменной–«Янукович/Тимошенко». В то время как, тип поселения не оказал существенного влияния на выбор кандидата. Сопоставление данных поддержки В. Януковича во втором туре президентских выборов-2010 (по АТЕ) с долей населения, которое считает русский язык родным дало значение коэффициента детерминации (R^2) равное 0,51 (рис.1). Эти данные демонстрируют нам, что колебание поддержки В. Януковича на 51 % объясняется долей населения, для которых русский является родным языком.

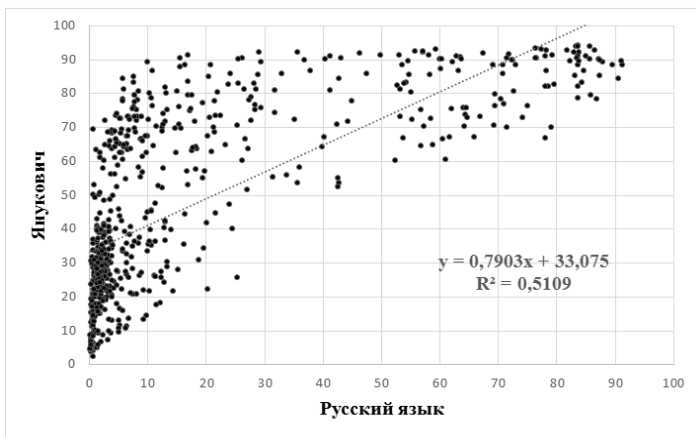

Рис. 1. Сопоставление данных поддержки В. Януковича во втором туре президентских выборов-2010 (по АТЕ) с долей населения, которое считает русский язык родным дало

Согласно имеющимся данным, мы можем рассмотреть соотношение переменных «Янукович – русские» (Рис. 2).

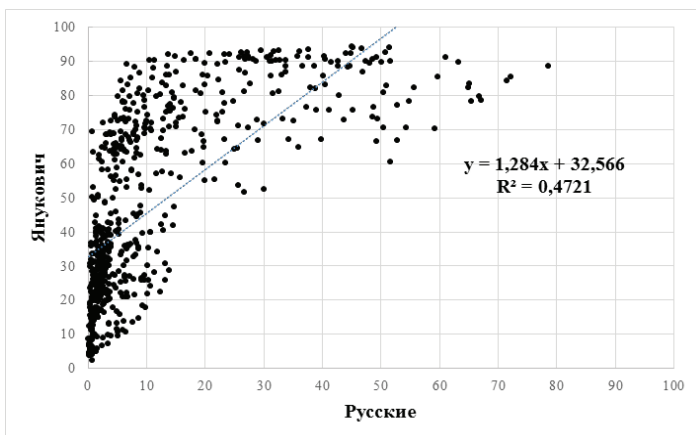

Рис2. Зависимость поддержки В. Януковича во 2-м туре выборов-2010 от доли русских

Расположение точек на рис. 2 относительно линии тренда показывает довольно тесную взаимосвязь между переменными и коэффициент детерминации (R^2) равен $0,47$, что означа-

ет: поддержка Януковича на 47% зависела от доли «русского населения». Рассмотрим данные коэффициента детерминации в отношении второго кандидата Ю. Тимошенко. Сопоставление данных поддержки Ю. Тимошенко во втором туре президентских выборов-2010 (по АТЕ) с долей населения, которые считают украинский родным языком дало значение коэффициента детерминации (R^2) равное 0,50 (Рис.3).

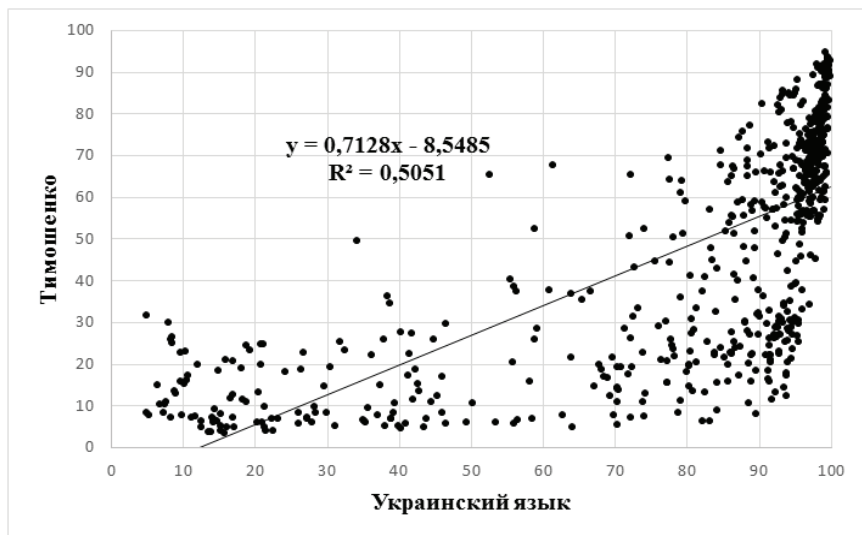

Рис. 3. Сопоставление данных поддержки Ю. Тимошенко во втором туре президентских выборов-2010 (по АТЕ) с долей населения, которые считают украинский родным языком

Линия тренда показывает нам прямую, корреляцию, которая увеличивается по мере возрастания доли украинского языка. Соответственно, колебание поддержки Ю. Тимошенко на 50% объясняется долей населения, для которых украинский является родным языком.

Примечательным, является тот факт, что если рассчитать коэффициент детерминации (R^2) для переменных «Тимошенко–русский язык», то мы можем наблюдать обратную взаимосвязь (Рис.4). С ростом доли русскоязычного населения, уменьшается уровень поддержки Ю. Тимошенко.

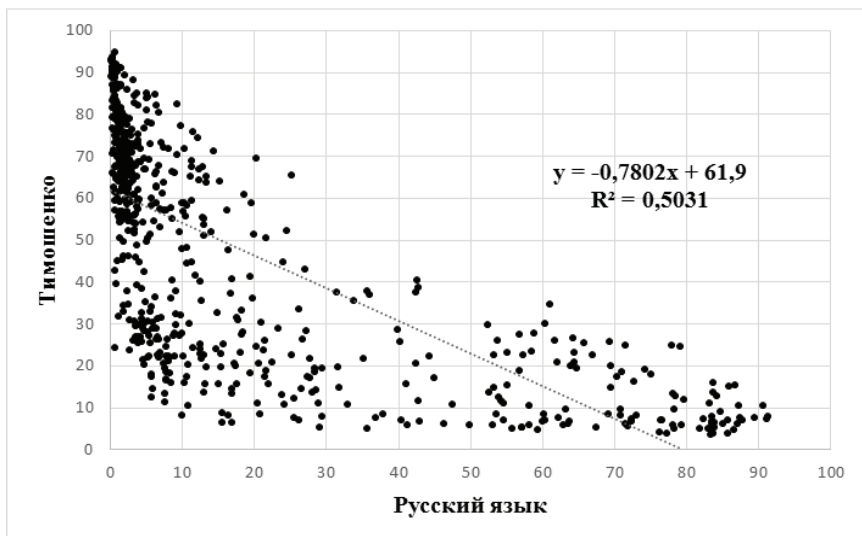

Рис. 4 Зависимость поддержки Ю. Тимошенко во 2-м туре выборов-2010 от доли русского языка

Полученные результаты позволяют сделать вывод: наибольшее значение коэффициента детерминации было получено от сочетания влияния доли русского / украинского языков и национального фактора (русский / украинец).

Итоговая формула этих расчётов, выглядит следующим образом:

Поддержка Ю. Тимошенко 2010 (2-й тур) = $0,72 \times$ Доля украинского языка + $(-0,03) \times$ Доля сельского населения + $(-8,23)$

Статистика, описывающая качество модели, выглядит следующим образом.

1. Множественный R и R^2 – составил 0,71 и 0,50. Полученные значения этих коэффициентов являются высокими. То есть колебание поддержки Ю. Тимошенко по АТЕ Украины на 50% зависело от доли населения, которое считает украинский язык родным.
2. Средняя ошибка (*Standard error of estimate*) составляет 19,53%. Именно на столько «в среднем ошибается»

построенная модель при прогнозировании уровня поддержки Тимошенко 2010.

3. F -отношение объяснённой и необъяснённой вариации 336,23 значимо для $p=0,0000$.
4. t для константы и регрессионных коэффициентов переменных «Доля сельского населения» и «Доля украинского языка» значим на уровне 0,000445, 0,335838, 0,000000.

Поддержка В. Януковича 2010 (2-й тур) = $0,78 \times$ Доля русского языка + $(-0,13) \times$ Доля городского населения + 37,06.

Статистика, описывающая качество модели, выглядит следующим образом.

1. Множественный R и R^2 – составил 0,72 и 0,52. Полученные значения этих коэффициентов являются высокими. То есть колебание поддержки В. Януковича по АТЕ Украины на 52 % зависело от доли населения, которое считает русский язык родным.
2. Средняя ошибка (*Standard error of estimate*) составляет 19,26 % Именно на столько «в среднем ошибается» построенная модель при прогнозировании уровня поддержки Януковича-2010.
3. F -отношение объяснённой и необъяснённой вариации 361,84 значимо для $p=0,0000$.
4. t для константы регрессионных коэффициентов переменных «Доля населения городского» и «Доля русского языка» значим на уровне 0,000000, 0,000022, 0,000000.

По итогам исследования удалось подтвердить гипотезу и установить, что наиболее влияющим фактором на электоральный выбор во втором туре президентских выборов-2010, являлся «родной язык» (русский / украинский). Как показало исследование, чем выше доля населения считающая русский язык родным, в административно-территориальных единицах Украины, тем был выше уровень поддержки В. Януковича. В свою очередь, если мы наблюдаем рост доли украинского языка, уменьшается уровень поддержки В. Януковича. Подобная закономерность имеет место в отношении Ю. Тимошенко. Переменная «украинский язык» оказывает прямое влияние на

уровень её поддержки, в то время как, рост доли русского языка, снижает его. Можно отметить, что у В. Януковича указанная закономерность больше.

Вторым по степени влияния оказался фактор «национальность». Основным маркером является показатель этнической самоидентификации (доля русских / украинцев). Вместе с тем, этот фактор был несколько менее влиятелен, чем первый. Однако, важно подчеркнуть, что между собой маркеры «язык» (русский / украинский) и «национальность» (русский / украинец) коррелируют. Это свидетельствует о том, что переменные имеют корреляционную зависимость.

Также, следует отметить, что в рамках анализа учитывалось влияние фактора «тип поселения» (сельские и городские населенные пункты). Данный фактор, оказывает несущественное влияние на итоги голосований (слабая связь). Вместе с тем, несколько выше поддержка «своего» кандидата наблюдается в сельских населенных пунктах. Однозначно, мы можем сказать, что тип поселения не влияет на выбор кандидата.

По результатам анализа, можно предположить, что значительное влияние на электоральный выбор может оказать региональный фактор, поэтому в перспективе авторы намерены продолжить исследование данной темы. В качестве переменных, предполагается использование данных региона проживания и экономических показателей (например, уровня дохода). Однако, стоит отметить, что в случае с макрорегионами, сложность вычисления заключается в том, что необходимо свести данные к интервальной шкале (точным значениям), что вызывает определённые трудности.

Список источников и литературы

1. Черкашин К. Стабільність електоральної географії великих міст / Політичний менеджмент, Україна, 2008, № 3, с. 71–86.
2. Галкин А. В. Электоральное поведение как объект исследования / Рабочие избиратели в странах Западной Европы, Москва, 1980, с. 3–63.
3. См. Галкин А. В., с. 25.
4. См. Галкин А. В., с. 36.
5. Офіційний веб-сервер ЦВК України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/>

6. Офіційний веб-сервер Всеукраїнського перепису населення. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/>
7. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
8. Черкашин К. В. Детерминанты электоральной географии крупных городов (на примере довоенных голосований в Донецке 1991–2012 гг.) / Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки, Москва, 2019, № 3, с.94–112.
9. Ахременко А. С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы, Москва, 2008.

THE IMPACT OF SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS ON THE ELECTORAL CHOICE-2010 IN UKRAINE

Gorulko A. A.¹, Cherkashin K. V.¹

¹ Donetsk National University,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The article is devoted to the problem of determining the key factors that influenced the electoral choice of the inhabitants of Ukraine before the conflict of 2014 on the example of the results of the second round of the presidential elections of 2010. The influence of socio-demographic characteristics is described in detail, the issues of possible reasons that determined the choice of the candidate are touched upon. In the course of the study, the methods of mathematical statistics were used: the study of the results of voting and comparing them to socio-demographic indicators using the Pearson correlation coefficient, coefficient of determination and multiple regression analysis.

Within the framework of the study, it was possible to establish that the electoral choice is influenced, first of all, by characteristics such as the language recognized as native language and national self-identification, to a lesser extent the type of settlement (rural and urban settlements).

Key words: electoral geography, electoral behavior, elections, Ukraine.

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНЫ В 2014–2019 ГГ.

Диденко Д. Ю.¹

¹ Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

С использованием метода «сдвиг-доля» проведена оценка вклада национальных, социально-экономических и локальных факторов в трансформацию территориальной электоральной структуры Украины в электоральном цикле 2014–2019 гг. Анализ произведён на основе результатов 4 избирательных кампаний: президентских выборов и выборов в Верховную раду Украины, без учёта местных выборов 2015 года. Приведено описание используемых в методе переменных, примеры их интерпретации. Выявлены различия в силе влияния факторов в зависимости от вида избирательной кампании и территории. Сделаны выводы о стабильности влияния локальных факторов на результаты выборов.

Ключевые слова: территориальная электоральная структура, Украина, выборы, метод «сдвиг-доля», математические методы.

Концепт территориальной структуры занимает в географии важное место. В электоральной географии мы говорим, соответственно, о территориальной электоральной структуре (ТЭС), под которой понимается взаиморасположение и взаимосвязи пространственно выраженных элементов электорального процесса [1:15]. Основные подходы к её исследованию включают выявление её основных элементов (например, районов устойчивой электоральной поддержки какой-либо партии), факторов формирования (социальные, территориальные расколы) и устойчивости (избирательная система, джерримендеринг). Реже уделяется внимание факторам её трансформации, что особенно актуально для новых демократий, одним из ярких примеров которых на постсоветском пространстве является Украина. С одной стороны, мы представляем себе её территориальную электоральную структуру как стабильную, говоря об электоральном расколе «Запад–Юго-Восток». С другой стороны, электоральные процессы в этой стране, особенно в последние годы, отличаются крайней динамичностью, что не может не отражаться на территориальной электоральной структуре. В данной работе для оценки факторов трансформации ТЭС используется метод «сдвиг-доля», использующийся для регионального экономического анализа и впервые применённый П. С. Варюшиным для исследования территориальной электоральной структуры США. Остановимся подробнее на методике и смысле его использования в электоральной географии.

МЕТОД «СДВИГ-ДОЛЯ» В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТЕХНОЛОГИЯ И ПРИМЕРЫ. Адаптированная версия метода, предложенная П. С. Варюшиным, позволяет разложить на составные части результаты выборов в регионах. Вместо данных о, к примеру, занятости или экономическом росте он оперирует результатами голосования, выраженных в процентных пунктах. Показатели электоральной поддержки, как и при стандартном использовании метода, сгруппированы по трое, что показано в формуле 1, полная формула для расчёта представлена ниже (формула 2) [1:60, 64]. Здесь первое слагаемое—значение национального сдвига (*national shifts*—NS), второе слагаемое—сдвиг по структурным социально-экономическим факторам (*social-economic parameters shift*—SEPS), третье слагаемое—локальный сдвиг (*local shift*—LS). В первоначальной версии вместо показателя SEPS используется IS—отраслевой сдвиг.

$$\Delta = NS + SEPS + LS \#(1),$$

$$\Delta = \sum_{i=1}^n (s_i^0 \frac{S^T}{S^0} - s_i^0) + \sum_{i=1}^n (s_i^0 \frac{S_i^T}{S_i^0} - s_i^0 \frac{S^T}{S^0}) + \sum_{i=1}^n \left(s_i^T - s_i^0 \frac{S_i^T}{S_i^0} \right) \#(2).$$

Где S^T —величина поддержки политической силы на конец интервала t , S^0 —величина поддержки политической силы на начало интервала t , s_i^0 —доля i -й социально-экономической группы в территориальной ячейке на начало интервала t , s_i^0 —величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в национальном масштабе на начало интервала t , S_i^T —величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в национальном масштабе на конец интервала t .

Важным преимуществом метода является более точная, за счёт вычета влияния социальных групп, оценка локальных факторов в политической жизни страны, а, значит, и оценка их места в территориальной электоральной структуре.

Сам параметр (динамика результатов) рассчитывается как разница в поддержке политической силы в регионе за электоральный цикл, в процентных пунктах (формула 3) и в процентах (формула 4) [1:68].

$$\Delta = S_{n+1} - S_n \# (3),$$

$$\Delta = \frac{S_{n+1} - S_n}{S_{n+1}} \# (4),$$

где S_{n+1} – результат политической силы в целом по стране в процентных пунктах на конец изучаемого периода, – на начало периода. Приведём методику расчёта и объясним значение каждой из переменных.

1) NS (*национальный сдвиг*) – изменение в поддержке политической силы, причиной которого стали национальные факторы. Расчёт основан на предположении, что эти факторы должны действовать с той же силой на региональном и локальном уровнях. Из этого следует, что за национальный сдвиг можно принять динамику результатов политической силы в целом по стране, выраженную в процентных пунктах.

2) SEPS (*сдвиг по структурным социально-экономическим факторам*) – данный параметр необходим для оценки влияния на результаты голосования социальных групп, электоральное поведение которых будто бы не имеет территориальной дифференциации. Если численность определённой социальной группы в регионе, поддерживающей политическую силу, будет меньше, чем в среднем по стране, то вклад социально-экономической структуры будет отрицательным, и наоборот. Предоставляемая Государственной службой статистики Украины и национальным экзит-поллом информация позволяет нам рассчитать влияние социальных групп, разбитых по возрасту, полу, месту жительства, образованию. Наличие широкой статистической базы позволило бы сделать более полные выводы об электоральном поведении населения Украины. В данной работе будут приведены расчёты на основе ограниченного набора данных, поскольку актуальная статистика по составу

населения по уровню полученного образования отсутствует, а влияние гендерного состава незначительно.

Из методики расчёта вытекают и недостатки метода, такие как невозможность комплексной оценки вклада нескольких социально-экономических групп, необходимость проведения расчётов по каждой политической силе в отдельности (чего можно избежать если выбрать для анализа страну с двухпартийной системой (что и сделано П. С. Варюшиным), или результаты только ключевых политических партий и коалиций). Во избежание проблем с интерпретацией данных важно помнить, что социальные группы в зависимости от своей локализации могут вести себя по-разному, и устойчивой зависимости между поддержкой политической силы определённой социальной группой в национальном масштабе может и не быть. Метод «сдвиг-доля» и призван выявить различия в электоральном поведении социальной группы в конкретном регионе от ожидаемого от неё.

3) *LS (локальный сдвиг)* – показатель призван отразить специфику конкретной территории, зависящую от исторических факторов, влияния избирательной кампании, локальных проблем и т.п., что по отдельности трудно поддаётся подсчётам. Потому они объединены в одну составляющую, и их значение может быть рассчитано в рамках одной переменной. Формула 5 иллюстрирует наиболее простой способ его расчёта.

$$LS = \Delta - NS - SEPS\#(5).$$

Рассмотрим конкретный пример, используя результаты П. Порошенко в Закарпатской области на президентских выборах 2014 и первом туре президентских выборов 2019 года. Здесь роль переменной, отвечающей за социально-экономическую структуру, выполняет возрастная структура населения. Данные о поддержке П. Порошенко по возрастным категориям получены на основе результатов национального экзит-полла, информация о возрастном составе населения области рассчитана на основе данных Государственной службы статистики Украины.

По данным таблицы 1 можно видеть, что наибольшее падение электоральной поддержки произошло среди молодого населения (–72,07%) при его доле в населении области

в 20,93 %, чуть более серьёзное падение наблюдается среди населения предпенсионного возраста (–66,95 %), однако и его доля в демографическом составе наименьшая – 16,68 %. Исходя из того, что поддержка П. Порошенко в 2014 г. составила 51,03 п.п., а в 2019 г. – 11,42 п.п., показатель (изменение за цикл) для Закарпаття составит –39,61 п.п. (против –38,74 п.п. в целом по Украине), то есть, поддержка в области упала сильнее. Из таблицы берём значение национального сдвига – –38,74 п.п. Сопоставляя долю возрастной группы и изменение поддержки в возрастных группах рассчитываем социально-экономический сдвиг по формуле 5, где $= 15,96$, $= 54,7$, $= 20,93$ п.п., – показатель поддержки в социально-экономической группе по стране в целом на конец временного интервала (для молодого населения он составляет 51,2 п.п.), – показатель поддержки в социально-экономической группе по стране в целом на начало временного интервала (14,3 п.п.). Таким образом рассчитывается социально-экономический сдвиг для каждой возрастной группы, потом они суммируются. Тогда расчётное значение SEPS составит 1,82 п.п. Зная значения показателей NS и SEPS, по формуле 5 можно определить значение локального сдвига: $-39,61 - (-38,74) - 1,82 = -2,69$.

Таблица 1

Составляющие метода «сдвиг-доля» по президентским выборам в 2014–2019 гг., рассчитанные по результатам П. Порошенко, по Закарпатской области [2,3,4,5]

Категории избирателей	Поддержка в 2014 году, в п.п.	Поддержка в 2019 году, в п.п.	Динамика поддержки в 2014–2019 гг., в п.п.	Изменение поддержки 2014–2019 гг., в % к 2014 году	Возрастной состав населения области на 01.01.2019, в %
По всем категориям	54,70	15,96	-38,74	-70,82	100
18–29 лет	51,2	14,3	-36,9	-72,07	20,93
30–39 лет	54,7	17,1	-37,6	-68,73	21,27
40–49 лет	56,8	18,5	-38,3	-67,43	18,29
50–59 лет	57,5	19,0	-38,5	-66,95	16,68
60 лет и старше	59,1	18,2	-40,9	-69,20	22,84

Таким образом, можно сделать вывод, что поддержка П. Порошенко за электоральный цикл упала за счёт действия национальных и локальных факторов, а социально-экономическая (в настоящем примере – возрастная) структура смогла несколько смягчить падение электоральной поддержки.

РЕЗУЛЬТАТЫ. В контексте политико-географического исследования важную роль приобретают локальные (местные) факторы, в которые входит неисчислимое множество переменных: от политической истории территории, биографии кандидатов до «полевой» агитации. Типичным примером является хорошо известный в электоральной географии эффект голосования за кандидата, когда идеологические установки кандидата и традиционные предпочтения избирателей нивелируются стремлением поддержать земляка. В отличие от стабильного национального фактора, который представляет собой изменение уровня электоральной поддержки в страновом масштабе и не подвергается сомнению при расчётах, показатель влияния местных факторов находится в прямой зависимости от того, какой из социально-экономических сдвигов будет взят за основу. Но это не значит, что оценка локальных факторов нерепрезентативна и является лишь остаточным признаком, что будет показано далее.

Для оценки влияния локальных факторов в целом производились вычисления для конкретной избирательной кампании, политической силы и социально-экономического фактора по каждому из сдвигов и по каждому региону (за исключениями, о которых сказано ниже). Потом была посчитана модальная сумма по каждому из сдвигов – национальному, социально-экономическому и локальному – и определена доля каждого из них в модальной сумме всех сдвигов. В формализованном виде, на примере вычисления доли национального сдвига, расчёт представлен в формуле 6 [1:90]:

Где – доля национального сдвига в сумме всех сдвигов, – модальная сумма значений национального сдвига по всем исследуемым территориальным ячейкам (включены данные по 22 областям и городу Киеву, Донецкая и Луганская области не учитывались ввиду изменения границ территории, контро-

лируемой центральным правительством, и очевидных, крайне негативных последствий вооруженного конфликта для социально-экономической структуры этих регионов), – модальная сумма структурного сдвига по социально-экономическим факторам, – модальная сумма локального сдвига. Аналогично производятся вычисления для и, результаты вычислений приведены в табл. 2.

Таблица 2.

Зависимость вычисленного вклада национального, социально-экономического и локального сдвигов в зависимости от взятого социально-экономического показателя
(расчёты автора)

Используемый социально-экономический фактор	Президентский электоральный цикл 2014–2019, в%		
	Вклад NS	Вклад SEPS	Вклад LS
Возраст	70,4	7,1	22,5
Тип населённого пункта	67,4	9,1	23,5
Оба фактора	68,9	8,2	23,0
Используемый социально-экономический фактор	Парламентский электоральный цикл 2014–2019, в%		
	Вклад NS	Вклад SEPS	Вклад LS
Возраст	75,9	7,1	17,0
Тип населённого пункта	54,4	22,6	23,0
Оба фактора	64,8	15,1	20,1

Как видно из таблицы, в последнем электоральном цикле национальные факторы внесли наибольший вклад в результаты голосования, то есть, политическая жизнь страны определялась на национальном уровне. На втором месте находятся локальные факторы, а социально-экономическая структура играет наименьшую роль. В значительной степени это объясняется эффектом от политической мобилизации в 2014 году, связанной с последствиями протестов на Площади Независимости в Киеве, отделением Крыма и всплеском сепаратизма в юго-восточных областях страны. Аналогичный кумулятивный эффект проявился и в 2019 году, когда противники П. Порошенко сплотились вокруг фигуры В. Зеленского, поль-

зовавшегося широкой популярностью. Таким образом, национальная повестка полностью перекрыла собой местную специфику и предпочтения отдельных социальных групп.

Вклад трёх факторов различается в зависимости от вида избирательной кампании: президентской или парламентской. Так, национальный сдвиг на президентских выборах выше (68,9 % против 64,8 %), что, видимо, связано с ролью президента как представителя всего народа, паттерном, что именно президент отвечает в стране за всё. Данный тезис подтверждается тем, что в обеих президентских кампаниях явка в сравнении с выборами в Верховную раду была выше (табл.3).

Таблица 3

Явка избирателей на президентских и парламентских выборах в 2014 и 2019 гг., в процентах (астериском помечены результаты второго тура) [5]

	Президентские выборы	Парламентские выборы
2014 г.	59,88	50,95
2019 г.	62,88 (*61,42)	49,24

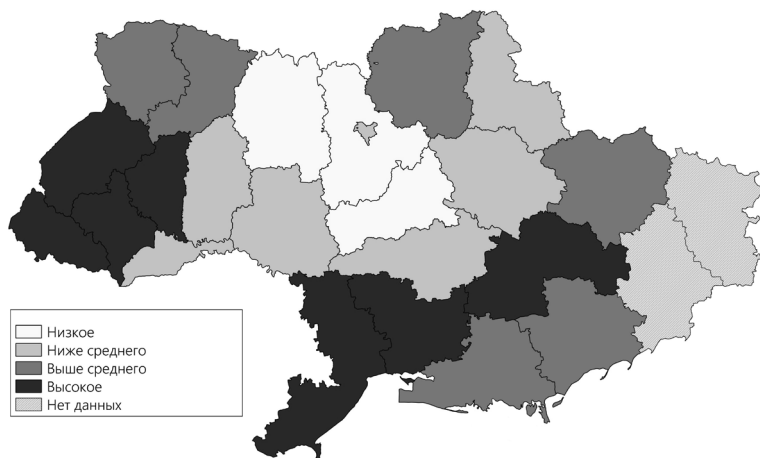
В этой связи в глазах электората не приобретает большого значения тот факт, что полномочия президента с 2014 года сократились. Видимо, именно поэтому, в сочетании с большей дифференциацией политических взглядов между городом и селом, вклад социально-экономической структуры на парламентских выборах выше почти в 2 раза (8,2 % против 15,1 %). При участии в парламентских выборах социальная группа может получить представительство, на выборах президента, априори проходящих по мажоритарной системе, её выигрыш отнюдь не очевиден. Особенно ярко проявляется вклад типа населенного пункта (назовём его поселенческим фактором), превышающий возрастной сдвиг в 3 раза, из чего можно сделать вывод, что рассчитывать вес локального сдвига в сумме за все 4 избирательные кампании будет неправильно.

Вне зависимости от того, какой социально-экономический фактор берётся в расчёт, показатель локального сдвига меня-

ется незначительно, а его значения, рассчитанные по возрастному и поселенческому признаку, изменяются по похожей траектории (значение коэффициента корреляции составляет 0,77). Это дополнительно подтверждает правоту П. С. Варюшина, утверждавшего, что местные факторы в целом независимы от социально-экономической структуры [1: 92]. В то же время её невысокий, в сравнении с локальным сдвигом, вклад в итоговый результат доказывает, что исследование электоральных предпочтений только на основе предпочтений социальных групп недостаточно.

В некоторых регионах местная специфика во всех случаях проявляла себя сильнее, чем в других. Это показывают расчёты веса локального сдвига для кандидатов в президенты и политических партий, набравших более 1% голосов и объединённых в идеологические коалиции (оранжевая, бело-синяя и популистская), и двух социально-экономических сдвигов. Для ранжирования веса локального сдвига его суммированные значения были разделены по квартилям. Сгруппированные по квартилям значения локального сдвига по областям и городу Киева для президентских и парламентских выборов приведены на рисунках 1 и 2:

Рис/ 1. Карта-схема влияния локального сдвига на результаты выборов президента Украины в 2014–2019 гг. (расчёты автора)

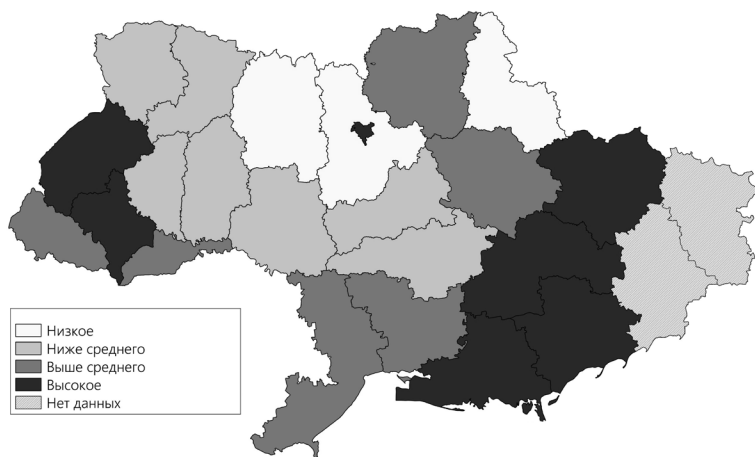

Рисунок 2. Карта-схема влияния локального сдвига на результаты выборов Верховной рады Украины в 2014–2019 гг. (расчёты автора)

Важно отметить, что карты-схемы демонстрируют лишь вес локального сдвига, но не характер его влияния – положительный, смешанный или отрицательный. Из их анализа видно, что наиболее всего локальные факторы значимы в регионах Юго-Востока и Галичины, а их влияние слабеет по мере приближения к центральной части страны. В некоторых регионах локальный сдвиг остаётся стабильно высок (Ивано-Франковская, Львовская, Днепропетровская области) или стабильно слаб (Киевская и Житомирская области), уровнем сдвига выше среднего отличается в обоих случаях Черниговская область. Значения местного сдвига в Киеве высоки за счёт более специфичной, чем в других регионах, социально-экономической структуры, однако различный вклад локальных факторов на президентских и парламентских выборах трудно объяснить. В социально-экономических факторах мы учитывали только возраст и место жительства (село или город), значит, в категорию местных факторов вошло влияние этнических групп, чем можно объяснить высокие значения на Юго-Востоке и Закарпатье, за счёт, соответственно, русских и венгров (однако о сильном влиянии румынского и молдавского меньшинства в Черновицкой области мы не можем говорить также уверен-

но). Высокие значения в большинстве галичанских и юго-восточных областей были ожидаемы, а низкие в центральных областях позволяют говорить о существовании электорального центрально-украинского региона, но не как подверженному влиянию двух «полюсов», а скорее как более чувствительному к национальным трендам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ/ Насколько позволяет понять анализ литературы и работ автора, предложившего адаптацию метода под нужды электоральной географии, это первый пример его использования на украинском материале. Заимствованный из региональной экономики, метод «сдвиг-доля» позволил рассчитать вклад национальных, социально-экономических и локальных факторов в трансформацию территориальной электоральной структуры. Это помогло оценить значение политической специфики территории, устранив влияние социальных групп и национальных сдвигов. Показано, что наибольший вклад в динамику территориальной электоральной структуры в электоральном цикле 2014–2019 гг. внесли национальные сдвиги, а на итоги президентской и парламентской избирательной кампании влияние социально-экономических и локальных факторов проявлялось различным образом. Но при всех достоинствах метода его применение в рамках имеющейся украинской статистики довольно ограничено.

Список источников и литературы

1. Варюшин, П. С. Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Варюшин Петр Сергеевич; науч. рук. Л. В. Смирнягин; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 250 с.
2. Екзит-полы / Пресс-релизы и отчёты. – Текст: электронный // Киевский международный институт социологии: [сайт]. – Киев. – URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&t=4> (дата обращения: 13.03.2021).
3. Розподіл постійного населення України за статтю та віком на 1 січня 2019 року: статистичний збірник / Державна служба статистики України; від. ред. М. Б. Тімоніна. – Київ: 2019. – 345 с.
4. ЦВК України: [сайт] / Центральна виборча комісія України. – Київ. – URL: <https://www.cvk.gov.ua/> (дата обращения: 13.03.2021). – Текст: электронный.

5. Електоральна пам'ять: [сайт] / Український центр суспільних даних. – Київ. – URL: <https://ukr.vote/uk/> (дата обращения: 13.03.2021). – Текст: електронний.

THE INFLUENCE OF NATIONAL, SOCIO-ECONOMIC AND LOCAL FACTORS ON THE TRANSFORMATION OF THE TERRITORIAL ELECTORAL STRUCTURE OF UKRAINE IN 2014–2019.

Didenko D. Yu.

European University in St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

Using the “shift-share” method, an assessment of the contribution of national, socio-economic and local factors to the transformation of the territorial electoral structure of Ukraine in the electoral cycle of 2014–2019 was carried out. The analysis was made on the basis of the results of 4 election campaigns: presidential elections and elections to the Verkhovna Rada of Ukraine, excluding local elections of 2015. A description of the variables used in the method, examples of their interpretation are given. Differences in the strength of the influence of factors depending on the type of election campaign and territory are revealed. Conclusions are made about the stability of the influence of local factors on the election results.

Key words: territorial electoral structure, Ukraine, elections, shift-share method, mathematical methods.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шихова В. П.¹

¹ Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия

Статья посвящена изучению факторов, обуславливающих региональную дифференциацию электорального поведения в российских регионах. С этой целью были проанализированы итоги выборов в законодательные органы субъектов РФ с 2014 по 2018 г. Выбранный период обусловлен тем, что 2014 г. – это некая новая точка, которая связана с присоединением Крыма и Севастополя. Выводы свидетельствуют о том, что на электоральное поведение могут влиять такие показатели как число избирателей, принявших участие в голосовании, количество городского населения, доход граждан, а также год, в который проходили выборы.

Ключевые слова: электоральное поведение, оппозиция, регионы России, региональные выборы, факторы дифференциации.

Гражданин имеет несколько способов проявить политическую активность, показать свою значимость. Один из способов—это выборы. Однако встает вопрос о независимости и неподкупаемости волеизъявления граждан в авторитарных государствах. Рассматривая итоги выборов одного электорального цикла с 2014 по 2018 гг., можно наблюдать, что не во всех регионах РФ население привержено голосовать за партию «Единая Россия». Особенно ярко такие тенденции проявились в 2018 г., когда голосование проходило в законодательный орган субъекта РФ или его главы. Примерами могут послужить республика Хакасия, Хабаровский край, Иркутская, Омская, Орловская и Ульяновская области. В этих регионах победу на выборах одерживали оппозиционные силы—КПРФ, ЛДПР или СР.

В политической науке изучение электорального поведения—не новая тема. Например, влияние этнического фактора изучали политологи Т. Кисс [1], Э. Даунс, Жужа Черго [2]. Они сходятся во мнении, что люди, ощущая этническую общность, во время голосования проявляют групповую идентичность. Доктор политических наук Г. Голосов, дополняя эту идею, отмечал зависимость географических и этнических факторов. Структура общества влияет на региональную поляризацию электорального поведения. В свою очередь, география голосования сводится к территориальным различиям в структуре населения или социально-экономическим характеристикам. Исследователи Ю. Д. Шевченко, Б. Овчинников, Р. Пёрсон, П. Лэндри утверждали, что результаты выборов зависят от социально-экономических характеристик региона. Такие исследователи, как В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский, Н. В. Гришин, А. В. Кынев, А. П. Страхов, А. В. Баранов, А. И. Дейнека утверждали, что на электоральное поведение влияет процесс концентрации населения в городах или селах. С их точки зрения, для сельского населения характерны такие черты в поведении как патернализм, этатизм, патриархальность, в то время как городские жители склонны к реформаторству и оппозиционности. Ю. Шевченко, Н. В. Зубаревич, Е. М. Аврамова, К. Э. Яновский, С. В. Иванова, Т. С. Моллаев убеждены в том, что осознание избирателями принадлежности к определенной

социальной группе; развитие и благосостояние непосредственно оказывает влияние на выбор избирателя.

Личностные качества лидера имеют не меньшее значение во влиянии на электоральное поведение. Хейс специально изучал данный феномен. В его исследовании рассматривались такие качества как лидерство, нравственность, сострадание, забота о людях. Т. Кисс также рассматривал характеристики лидера. Оба исследователя сошлись на том, что личные качества кандидата влияют на его электоральную привлекательность, т.е. избиратель обращает внимание на лидерские качества, харизматичность, способность быстро реагировать на внешние угрозы и т.д. Таким образом, исследователи выделяют различные факторы, с помощью которых можно объяснить электоральное поведение граждан.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ. В политической науке сложились «три кита», объясняющих электоральное поведение в демократических странах: социологический, социально-психологический и рационально-инструментальный. Каждая из этих теорий объясняет поведение граждан на выборах, а именно голосование за конкретного кандидата или партию. Суть социологического подхода заключается в том, что выбор электората зависит от его принадлежности к большим социальным группам (семья, друзья, профессиональная принадлежность), которая обеспечивает стабильную поддержку той или иной партии. В социально-психологическом подходе ориентир приходится на то, что индивид идентифицирует себя с конкретной политической партией, что обуславливает его выбор. Рационально-инструментальный подход исходит из того, что избиратель, делая тот или иной выбор, основываясь на рациональном решении, которое проявляется в получении наибольшего количества выгод при минимальных потерях.

При демократии роль выборов имеет большое значение для граждан, т.к. именно народу предоставляется окончательное решение вопроса о том, кто будет править государством. При этом нельзя отрицать, что в автократии граждане лишены этого права, нет, они принимают участие в выборах, могут повлиять

на итоги голосования. Однако, несмотря на это, окончательное решение принимает правящая элита. Это свидетельствует о том, что если власть не устроили итоги выборов, то она может их признать недействительными. Поэтому голосование в авторитарных государствах можно считать регулируемым.

Основываясь на данной теории, в контексте кросс-регионального анализа электорального поведения российских граждан можно предположить, что более высокий уровень урбанизации, благосостояния и образования ведут к плюралистическому обществу и влиянию среднего класса в нем, а это приводит к поддержке оппозиции. **Первая наша гипотеза** призвана оценить влияние городского населения: уровень урбанизации положительно связан с электоральной поддержкой оппозиции.

Доля бедного населения страны зависит от существующей власти, а именно от льгот и других программ, обеспечивающих поддержку. Чтобы учесть объяснение влияния этого экономического фактора на электоральное поведение **мы формулируем вторую гипотезу**, которая учитывает степень экономического неблагополучия регионов через средний душевой доход в регионе. Предполагается, что уровень благосостояния граждан положительно связан с электоральной поддержкой оппозиции. Богатые граждане не боятся, что у них заберут какие-то блага от государства, в отличие от бедных, которые не самостоятельны и непосредственно зависят от правительственных структур, поддерживаемых и осуществляющих политику правящей партии.

Поскольку на сегодняшний день Интернет имеет большое распространение, он становится основным источником, облегчающим гражданам получить оппозиционный контент. Это некая площадка, на которой есть возможность высказаться, обратить на себя внимание и привлечь сторонников. Следовательно, данный аспект учитывается с помощью **третьей гипотезы**: количество интернет-пользователей положительно связано с электоральной поддержкой оппозиции.

Феномен «политическая машина» зародился на рубеже XIX–XX вв. в США [8]. В крупных городах стали образовать-

ваться формы социальной зависимости в виде формулы «гражданин—сильная политическая организация», суть которой было получение голосов избирателей в обмен на материальные блага. Позже такая практика распространилась в Африке, Латинской Америке и государствах постсоветского периода. Г.В. Голосов отмечал, что в России политические машины стали возникать еще в 1990-е гг. [7]. Партии, не обладая значительными политическими и экономическими ресурсами, проигрывали «крупным игрокам» на политической арене. По мнению К. Мацузато, политические машины в России непосредственно связаны с тем, что в СССР население было лояльным, это способствовало развитию взаимовыгодных отношений между избирателем и правящей партией или кандидата [9]. Для достижения своих целей руководители политических машин использовали этническую, религиозную и лингвистическую идентичность электората [7].

В целом, оценивая работу политических машин, можно сказать, что их работа зависит от характеристик регионов: состав населения, уровень развития промышленности, степень возможности управлять сотрудниками бюджетных организаций. Первое—развитие региона. В экономически бедных регионах, легче привлечь граждан проголосовать за ту и или иную партию, т.к. их «голос» можно купить: заплатить за то, чтобы он проголосовал за нужного кандидата. В частности, П.В. Панов, А.В. Гилёв отмечали, с одной стороны, относительно бедные регионы зависят от финансовой поддержки со стороны центрального правительства, без которой функционирование субъекта становится под вопросом.

Второе—непосредственно сам губернатор, а именно как важный агент для политической мобилизации граждан. Если он «свой», то он обладает политическими и экономическими связями и ресурсами. Следовательно, глава региона сможет организовать работу политической машины. По мнению граждан, такой кандидат способен не только учесть интересы жителей региона, но и лучше знает о существующих проблемах. Местные кандидаты имеют сформировавшиеся связи с экономическими и политическими элитами, что может способствовать усилению влияния в регионе. А.В. Гилёв, А.В. Семёнов,

И. К. Шевцова отмечали: «Укорененность губернатора в региональной элите помогает повысить электоральные показатели «Единой России» [11]. Они статистически доказали, что на голосование за правящую партию влияет опыт руководства муниципалитетом, региона. В некоторых субъектах РФ это был очень значимый показатель. Как указывают А. Кынев, В. Гельман и другие исследователи, смена губернатора может привести к разбалансировке патронажных сетей и временной потере эффективности политической машины по мобилизации провластного электората. Следовательно, наша **четвертая гипотеза** заключается в том, что время правления главы региона положительно связано с электоральной поддержкой «партии власти» и провластных кандидатов.

Третье—этническая составляющая в регионе. Многочисленные исследования доказывают, что национальные республики России отличаются тем, что в них наблюдается высокая явка и голосование за правящую партию или кандидата. Это объясняется тем, что их электоральное поведение легче контролировать и мобилизовать. Исследователи обращают внимание на то, что внутри этнических сообществ сохраняются неразрывные договорные отношения, в которых сохраняется иерархическое управление, способное повлиять на электоральное поведение. П. В. Панов и Э. Ю. Минаева отмечали, что «машинная политика»—это, прежде всего, политика бедных небольших (обычно сельских) поселений, которые объединены одной этнической идентичностью [10]. Локализованные этнические меньшинства могут поддерживать партию власти или кандидата. Это обуславливается тем, что наличие титульной нации упрощает процесс регулирования и контролирования процесса голосования.

Плотные этнические сети на базе сельских поселений—это идеальный рычаг для распределения материальных благ в обмен на электоральную поддержку. Главы национальных регионов, поддерживая льготами, преференциями могут обеспечить себе электоральную поддержку и управлять поведением избирателей [12]. Таким образом, **можно предположить**, и это наша **пятая гипотеза**, что высокая доля нерусских этносов

положительная связана с электоральными показателями провластных кандидатов и партии власти.

В своих работах Т.Н. Гордеева, Н.В. Волкова, С. Шпилькин, Д. Орешкин победу правящей партии «Единой России» связывают с явкой на выборах. Статистические данные показали, что такой предиктор как «явка» очень чувствителен к вмешательству извне. Это означает, что количество голосов можно искусственно увеличить. Нередко используется практика в накручивании явки и фальсификации итогов выборов. Может применяться административный ресурс, когда сотрудников предприятий, бюджетных организаций просят прийти на избирательный участок и проголосовать за правящую партию или кандидата. Такое явление можно наблюдать на избирательных участках, где происходит резкое смещение в сторону больших явок. Председатель Фонда развития гражданского общества К.Н. Костин, рассуждая о референдуме 2020 г. в России, отмечал, что данные о явке в регионе будут корректироваться в зависимости от социально-экономического состояния субъекта. Следовательно, **шестая гипотеза**: высокая явка положительно связана с высокими электоральными показателями за партию власти.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В данном исследовательском проекте рассматриваются выборы в парламенты субъектов РФ с 2014 года по 2018 год. Выбранный промежуток времени обуславливается тем, что 2014 год имеет значимые события для России. Можно сказать, что это некая новая точка отсчета. Это время, когда возрастает патриотический всплеск. Проведение Олимпиады и Паралимпиады в Сочи, присоединение Крыма к России не могли быть остаться незамеченными как для граждан, так и власти. Выборы проходили во всех регионах страны за исключением Ингушетии. Граждане РФ выбирали губернаторов, региональные парламенты, мэров и депутатов муниципального уровня. Однако только в 14 субъектах избирались новые составы региональных парламентов. Следовательно, чтобы рассмотреть выборы во всех региональных парламентах, был взят период в течение 5 лет, а, следовательно, до конца 2018 года. Стоит отметить, что по каждому региону, результаты выборов смо-

трелись по единому округу. Ведь, в большинстве регионов выборы проходят по смешанной системе, где половина депутатов избирается по партийным спискам, а остальная часть по одномандатным или многомандатным округам. В Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Чечне депутаты избираются по пропорциональной системе, в Москве – по мажоритарной.

Таким образом, цель работы заключается в том, чтобы выявить какие из факторов: процент городского населения, процент русского населения, процент активных абонентов Интернет, процент избирателей, принявших участие в выборах, количество месяцев правления губернатором регионом и среднестатистический доход в регионе, – влияют на долю голосов, отданных в пользу оппозиционных партий в законодательные органы РФ. Все указанные теоретические положения визуализированы в рис. 1.

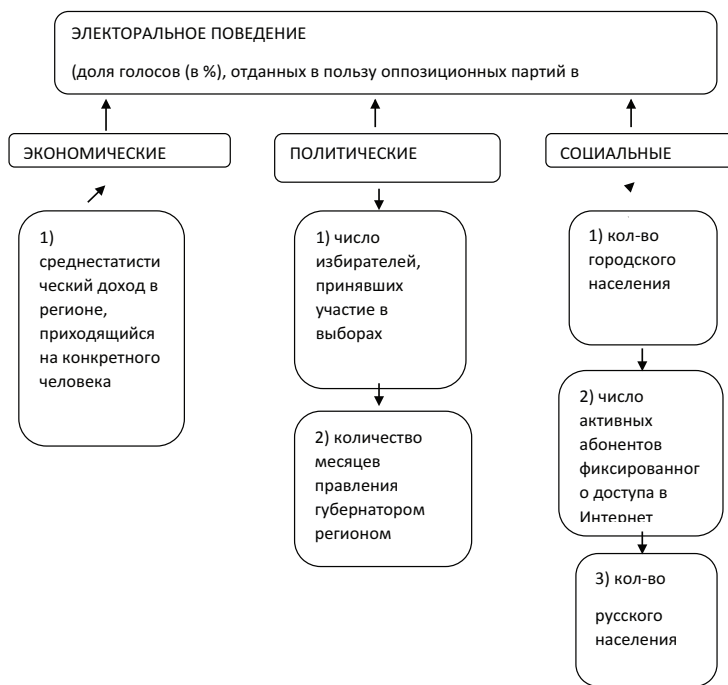

Рис. 1

РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ. Для того, чтобы проверить гипотезы, сформулированные в исследовании, будет применен регрессионный анализ. Используемый метод позволит выявить наличие или отсутствие влияния независимых переменных – на зависимую. Таким образом, мы хотим узнать, как на долю голосов, отданных в пользу оппозиционных партий, влияют экономические, политические и социальные факторы.

Используя и учитывая социальные, политические и экономические данные, мы строим несколько регрессионных моделей. Наша первая модель объяснила 35 % случаев. Данный вывод сделан на основе R-квадрата, отражающий меру качества регрессионной модели, описывающей связь между зависимой и независимыми переменными модели. Так же из представленных данных видно, что только одна независимая переменная как число избирателей, принявших участие в выборах, имеет статистическое значение. Это видно по показателю «P-value», которые меньше «0,05». Следовательно, данная переменная влияет на долю голосов, отданных в пользу оппозиционных партий в законодательные органы РФ. Показатель «Estimate» указывает нам на то, что при увеличении избирателей, принявших участие в выборах на 1% доля голосов, отданных за оппозиционную партию, уменьшится на 45%. На рис. 2 видно, что чем выше явка, то меньше голосов получили оппозиционные партии.

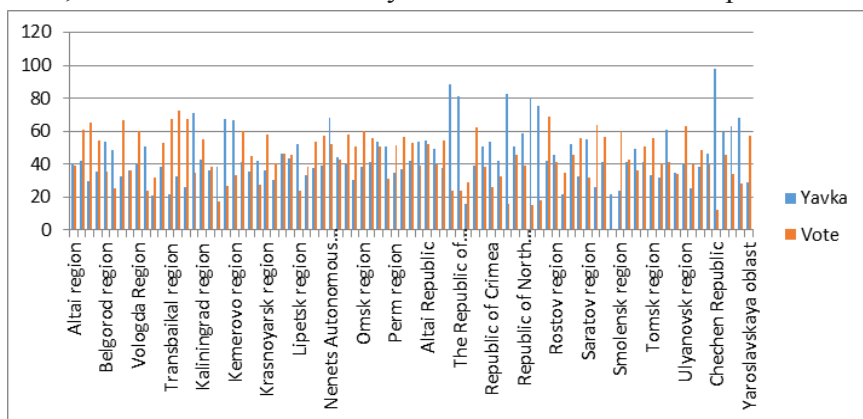

Рис. 2

Переменная «Число избирателей, принявших участие в выборах» имеет очень сильное влияние в модели. В связи с этим, можно предположить, что другие переменные на ее фоне «угасают». Таким образом, нами была построена вторая модель, из которой исключили «сильную» переменную. Проводя тест на мультиколлинеарность, мы заметили, что две переменные могут иметь связь друг с другом – процент городского населения и процент русского населения. Это связано с тем, что большинство титульных этносов, проживают в селах, деревнях, а русские – в городах. Следовательно, уберем и долю русского населения.

Во второй регрессионной модели дисперсия зависимой переменной объясняется 16%. Однако статистическую значимость приобретают такие переменные как количество городского населения и среднестатистический доход в регионе, приходящийся на конкретного человека. В первом случае, по показателю «Estimate» можно сделать вывод о том, что при увеличении городского населения на 1% доля голосов, отданных за оппозиционную партию, увеличится на 0,6%. Иными словами, городское население больше поддерживает оппозиционные партии, чем сельское. Рассматривая вторую переменную, связанную с доходом, можно сделать вывод, что при увеличении среднестатистического дохода доля голосов, отданных за оппозиционную партию, уменьшится на 0,0002%. Это означает, более богатые граждане голосуют за оппозиционные партии, более бедные останавливают свой выбор на правящей партии.

Анализируя в совокупности полученные данные моделей 1 и 2, можно сказать, что в первой регрессионной модели подтвердилась только одна гипотеза, которая заключалась в том, что чем выше явка, тем меньше голосов будет отдано за оппозиционные партии. Во второй модели подтвердились другие две гипотезы, связанные с долей городского населения и среднестатистическим доходом в регионе. Полученные результаты доказывают, во-первых, что регион, отличающийся высокой долей городского населения, будет характеризоваться оппозиционностью на выборах: в этих субъектах предпочтение будет отдаваться партиям, не относящимся к власти. Во-вторых, чем

богаче регион, тем больше в нем наблюдается протестное голосование.

Большой показатель избирателей, принявших участие в выборах, может говорить о связи с электоральным показателем. Это может свидетельствовать об эффективности и качестве работ политических машин в регионе.

На этом наш исследовательский анализ не завершился. Нами были построено еще две модели, которые учитывали год, в котором проводились выборы (Модель 3, Модель 4).

В третьей модели объясняется 52 % случая, в четвертой – 38 %. Полученные результаты не противоречат, построенным моделям 1 и 2. Однако мы заметили, что на электоральное поведение влиял и год, в который проводились выборы. Исходя из полученных данных, в выигрышном положении оппозиционные партии находились, когда выборы проходили в 2016 и 2018 гг. Иными словами, в 2016 г. голосование за оппозицию было выше на 11 %, чем в 2014 г. А в 2018 г. голосование за оппозицию было выше примерно на 21 %, чем в 2014 г. Это говорит о том, что в этот период времени были какие-то события, которые спровоцировали голосование против власти.

В 2014 г. наблюдалась тенденция роста рейтинга у В. В. Путина и партии «Единая Россия», это обосновано патриотическим подъемом на фоне присоединения Крыма и Севастополя. Следовательно, это привело к тому, что оппозиционные партии (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») практически потеряли свою политическую силу. Однако после ошеломительного подъема в 2015–2016 гг. появились экономические санкции, падение цен на нефть, девальвация рубля, это привело к экономическому кризису. На фоне данных событий правящая власть потеряла «политические очки», а оппозиционные лидеры и партии набирали обороты. Граждане были вынуждены проявлять свое недовольство, протестность, голосуя по принципу «лишь бы не партия власти». 2018 г. отличился непопулярными нововведениями: повышение пенсионного возраста, увеличение налогов и т. п. Это сказалось на электоральном поведении граждан, которые голосовали за партии КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

Подводя итог исследования, можно констатировать следующие факты. Создав ситуацию, в которой не учитывали период проведения выборов, можно сказать, что за оппозицию, в частности, голосует городское население, которое не боится нововведений, которое не зависит от существующей власти, которое стремится к изменениям и недоволено существующим режимом. Однако, мы не можем отбросить тот факт, что в первых моделях показатель «Число избирателей, принявших участие в выборах» давал очень сильное значение. Это подтолкнуло на мысль о работе политических машин в регионе, с помощью которых поднимается явка на выборах, а тем самым и увеличивается голосование за правящую партию или кандидата.

Немало важно и то, в какой период проходили выборы: как воспринималась внутренняя и внешняя политика, осуществляемая правящей партией и лидерами. Имеется в виду, как граждане относились к тем или иным изменениям, происходящие к стране, поддерживали или же, наоборот, отвергали. 2014–2015 гг. это тот период времени, когда в сознании людей была эйфория от возвращения Крыма и Севастополя. Люди чувствовали привязанность к стране, преданность к ней. Но дальше граждане разочаровывались в политике, проводимой правящей партией и лидерами. Экономический кризис, связанный с санкциями, скачками цен на нефть; политический кризис, когда Россия теряла статус на международной арене – все это привело к негативному восприятию «Единой России», что, в следствии, дало толчок для развития и поддержки оппозиционных партий в период с 2016 по 2018 гг.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Несмотря на то, что события особым образом повлияли на исход голосования, нельзя оставить без внимания и тот результат, который связан с такой переменной как число избирателей, принявших участие в выборах. Это тот предиктор, который при построении регрессионных моделей, давал очень сильный и отрицательный результат. Возможно, это связано с манипуляцией на выборах, рядом мероприятий, с помощью которых достигается победа правящей партии или кандидата. Обычно к манипулятивным

действиям прибегают в авторитарных государствах, в которых, в большинстве случаев, пропагандируются идеи о свободном волеизъявлении народа. Показатель явки является одним из рычагов, с помощью которого возможно достижение желаемого результата. В практике могут использоваться и другие инструменты для того, что одержать победу на выборах: введение ограничений в регистрации оппозиционных партий, установление монополии в популярных и доступных СМИ.

Но, несмотря на разновидность манипуляций, только с помощью «явки» возможно доказать прозрачность и честность проведения выборов не только в регионе, но и в стране. По мнению исследователей, высокий процент явки на выборах способствует легитимации режима [13], повышению репутации на международной арене, а также привлечению иностранных инвестиций [14]. Следовательно, у автократов есть все основания стремиться к высокой явке.

Увеличить данные явки можно несколькими способами: первое—это по итогам привести неверные статистические данные, искусственно увеличить показатели, второе—повысить реальную явку.

Первое достигается за счет вброса бюллетеней, фальсификации результатов. Второе—применение административного ресурса, подкуп голосов. Ряд исследователей, изучая выборы в России, пришли к выводу, что в большинстве случаев высокая явка пошла на пользу только партии «Единая Россия», при этом высокие показатели данного критерия не соответствовали социально-экономическим тенденциям, которые обычно стимулируют граждан участвовать в электоральном процессе. Высокая явка никак не была связана с развитыми регионами страны, напротив, за «Единую Россию» голосовали в отсталых регионах, где граждане были разочарованы и недовольны властью. Однако Г.В. Голосов считает, что экономическая эффективность никак не влияет на электоральные результаты при авторитарных режимах. Некоторые, напротив, улучшают свои результаты в условиях экономического кризиса.

Физик и политолог С. Шпилькин, занимающийся электоральной статистикой, доказал, что для России характерна

фальсификация на выборах. Он считает, что показатель явки – это очень хороший пример, доказывающий связь с итогами голосования на выборах. Рассматривая парламентские выборы в Мексике, Польше, Болгарии и Швеции, сравнивая итоги голосования и явку, он заметил некоторую определенность [15]. Построенные им графики, напоминали симметричный колокол. Этот результат натолкнул его на вывод о том, что в этих странах не было аномально высоких штатов, областей, губерний, в которых бы наблюдалась высокая явка. Проводя анализ на результатах выборов в России, С. Шпилькин заметил ассиметрию в графике: «Российская картина отличается от зарубежной. Кривые асимметричны и имеют длинный «хвост» в сторону высоких явок, увеличивающийся от выборов к выборам». По его мнению, это может говорить об одном: к ручному вмешательству к результатам.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА С. ШПИЛЬКИНА НА ПРАКТИКЕ. На конечный результат голосования можно повлиять различными методами и тактиками. Способы фальсификации можно разделить на три основные группы. Первая – «вброс». Для этого способа характерно, что происходит рост голосов за одного кандидата (партию), а за других – остается неизменным. Можно утверждать, что в этом случае увеличивается показатель явки на выборах. Иначе говоря, результат кандидата (партии) формально повышается за счет непосредственно непроголосовавших избирателей. Таким образом, увеличение голосов происходит посредством вброса в урну для голосования бюллетеней или за счет многократного голосования одних и тех же лиц, которые неправомерно получили бюллетени.

Вторая группа – «переброс». В этом случае число голосов одного кандидата (партии) увеличивается за счет снижения число голосов, отданных за других кандидатов (партии). Такая техника используется на стадии подсчета голосов, а именно на стадии оформления протоколов.

Третья – «изъятие». Она полностью противоположна технике вброса. Фактически происходит, что число голосов за кандидата (партию) уменьшается, а за другие остается неиз-

менными. При этом показатель явки не увеличивается, как, например, в случае вброса, а, наоборот, уменьшается [16].

Статистикам удалось разработать математические модели, с помощью которых можно выявить фальсификацию одного из видов. Например, А. Е. Лобарев, А. Ю. Бузин, А. В. Кынев с помощью дисперсионного анализа сравнили итоги голосования на близких по составу электората избирательных участках или территориях. Они пришли к выводу, что чем больше разброс данных, то это говорит о фальсификации [17].

В статистике фальсификацию можно объяснить с помощью разных методов. Например, с помощью рангового распределения или рассмотрения зависимости активности избирателей. Все эти методы объясняют, в большинстве случаев вбросы на выборах, в редких случаях перебрсы.

Физик С. Шпилькин разработал свой способ выявления фальсификации [18]. Его метод заключается в построении графика, в котором по оси абсцисс откладывается явка, а по оси ординат – число избирательных участков. По его мнению, на относительно однородных территориях, где отсутствует вмешательство извне в виде административного ресурса, кривые распределения близки к гауссовым, что говорит о нормальном распределении. Подразумевается, что исследуемый признак – это совокупность воздействия многих факторов, с одной стороны, каждый из которых не связаны друг с другом. С другой стороны, влияние каждого фактора на итоговый результат перекрывает воздействие всех остальных факторов. Таким образом, распределение становится близким к нормальному, в виде колокола.

С. Шпилькин рассмотрел распределение явок на выборах в России, Польше, Швеции и Болгарии и пришёл к выводу, что во всех странах кроме Российской Федерации распределения имеют вид простых симметричных кривых. Это говорит, что в этих государствах на явку повлияло множество факторов, которые были независимы друг от друга. Рассматривая российский случай, физик заметил ассиметричные кривые линии, длинные «хвосты», в сторону высоких явок. Следовательно, это говорит о наличии избирательных участках, на которых

была замечена высокая явка. Такое явление характерно при искусственном завышении голосов.

Этот метод мы решили применить на наших данных. Нами были выбраны два региона по следующему принципу. Во-первых, выборы должны были проходить в один год. Во-вторых, один регион должен быть с высокой явкой (Кемеровская область), а другой, наоборот, с низкой (Забайкальский край).

Рассматривая ситуацию с Кемеровской областью, где в 2018 году проходили выборы депутатов Совета народных депутатов Кемеровской области пятого созыва, отмечалась высокая явка, которая составила 66,39%. Стоит отметить, что в других регионах эта отметка могла достигать и 15%. По итогам голосования партия «Единая Россия» набрала 64,4% голосов, «Справедливая Россия» – 7,84%, КПРФ – 10,03%, ЛДПР – 10,10%. Из исходных данных видно, что с большим отрывом победу одержала партия «Единая Россия», все остальные партии были неконкурентоспособными.

Строя графики рассеивания, наблюдается закономерность похожая на ситуацию со вбросами. Из метода С. Шпилькина мы знаем, что при увеличении доли явки доля голосов должна увеличиваться одинаково. На графиках отчетливо видно, что у оппозиционных партий, наоборот, голоса уменьшаются, в то время как у «Единой России» увеличивается.

Рассматривая ситуацию с Забайкальским краем, где в 2018 году были выборы депутатов Законодательного Собрания Забайкальского края третьего созыва, отмечалась низкая явка 22,04%. Партия «Единая Россия» набрала наибольшее количество голосов (28,3%), но не с большим отрывом. «Справедливая Россия» получила – 8,97%, КПРФ – 24,59%, ЛДПР – 24,6%. Однако, несмотря на это, на графиках рассеивания наблюдается такая же тенденция, что и с ситуацией, где отражены данные Кемеровской области. Это может говорить о том, что фальсификация может быть везде. Только необходимо отметить, где большая явка, там и больше фальсификаций, где маленькая явка, соответственно, и низкий уровень фальсификации.

На примере выборов в законодательный орган с 2014 по 2018 гг. мы решили проверить, какие факторы будут оказы-

вать воздействие на процент голосов, отданных оппозиционными партиями. Нами были рассмотрены такие независимые переменные, как среднестатистический доход граждан, процент явки на выборах, период времени правления губернатора в регионе, процент городского населения, процент людей, использующих Интернет, процент русского населения. Важно отметить, что нами был учтен фактор времени. Имеется в виду, что мы учитывали год, когда проходили региональные выборы. Таким образом, нами было построено четыре регрессионные модели, в двух из которых мы убрали такой предиктор как «явка». Это связано с тем, что именно это показатель давал сильный отрицательный результат. Он показывал, что при увеличении явки, доля голосов за оппозицию значительно уменьшалась. Убрав эту переменную, статистическую значимость приобрёл такой предиктор как городское население. Стоит отметить, проводя анализ, где учитывался год проведения выборов, большое значение имели 2016 и 2018 гг.

Можно сказать, что у нас подтвердилось три гипотезы. Первая связанная с урбанизацией. С ростом городского населения в регионе возрастает и доля голосов, отданных за оппозиционные партии. Вторая – про среднестатистический доход в регионе. Нам было обнаружено, что более богатое население, как правило, голосует за оппозиционные партии, более бедное за – правящую партию. Интересный эффект дал показатель, связанный с явкой на выборах, т.к. это самый влиятельный предиктор. Это подтолкнуло нас на мысль о том, что в регионах в разных степенях на выборах присутствует фальсификация. Для проверки своей мысли нами были построены графики рассеивания, на которых наши доводы были подтверждены статистическим методом. Таким образом, можно сказать, что в авторитарных государствах удельный вес имеет политическая машина: насколько эффективно и грамотно она выстраивает свою работу и связи. При запуске данного ресурса обращается внимание на такой ресурс как регулирование явки на выборах. Иными словами в регионах, где с большим отрывом выигрывает «Единая Россия» скорее всего присутствовал факт фальсификации в виде вбросов.

Список используемых источников и литературы

1. Kiss, T. (2019). Beyond the Ethnic Vote: Shifting Determinants of the Electoral Behavior of Transylvanian Hungarians. *Problems of Post-Communism*, 133–149.
2. Downs. (1957). *An Economic Theory of Political Action in a Democracy*. The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press, 135–150.
3. Гайденко, П. П. (1990). *Социология Макса Вебера*. Москва.
4. Липсет, С. М. (2012). *Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность*. Москва.
5. Lerner, D. (1958). *The Passing of Traditional Society*. New York: Free Press.
6. Searing, D. (1986). Theory of Political Socialization: Institutional Support and Deradicalization in Britain. *British Journal of Political Science*, 341–376.
7. Golosov. (б.д.). *Machine Politics: The concept and Its Implications for Post-Soviet Studies*. Получено 11 декабря 2020 г., из https://www.researchgate.net/publication/287470772_Machine_politics_The_concept_and_its_implications_for_post-soviet_studies
8. Скотт, Д. (2016). Патрон-клиентские отношения в истории и современности. Коррупция, политические машины и политические изменения. Москва.
9. Matsuzato, K. (2001). From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime 1900–2000. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics* (4).
10. Панов П. В., Минаева Э. Ю. (2020). Localization of Ethnic Groups in the Regions as a Factor in Cross-Regional Variations in Voting for. *Russian Politics*, 131–253.
11. Гилев А. В., Семенов А. В., Шевцова И. К. (2017). „Политические машины“ и их водители: „электоральное администрирование на местном уровне. *Полития*, 62–80.
12. Henry E. Hale. (2003). Explaining Machine Politics in Russia’s Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. *Post-Soviet Affairs*, 228–263.
13. Blaydes, L. (2010). *Elections and distributive politics in Mubarak’s Egypt*. N.Y.: Cambridge univ. press.
14. Brinks, D., & Coppedge, M. (2006). Diffusion is no illusion: Neighbor emulation in the third wave of. *Comparative political studies*, 463–489.
15. Шпилькин, С. (б.д.). *Esquire*. Получено 25 января 2021 г., из *Esquire*.
16. Любарев, А. Е. (2016). *Избирательные системы: российский и мировой опыт*. Новое литературное обозрение.
17. Любарев, А. Е., Бузин, А. Е., & Кынев, А. Е. (2007). *Мертвые души*.

- Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними. Москва.
18. Шпилькин, С. (2008). Выборы Президента России 2008: Доклад Ассоциации „Голос“. Обработка данных результатов федеральных выборов 2007–2008, (стр. 94–102). Москва.

ELECTORAL BEHAVIOR: FACTORS OF REGIONAL DIFFERENTIATION IN MODERN RUSSIA

Shikhova V.P.¹

¹ Perm State National Research University, Perm, Russia

The article is devoted to the study of the factors that determine the regional differentiation of electoral behavior in Russian regions. For this purpose, the results of elections to the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation from 2014 to 2018 were analyzed. The chosen period is due to the fact that 2014 is a kind of new point, which is associated with the annexation of Crimea and Sevastopol. However, this year, elections were not held in all regions, therefore, in order to cover all constituent entities of the Russian Federation, one electoral cycle (5 years) was taken, which lasted until 2018. During this period of time, the tendency of opposition voting can be traced. This behavior was especially pronounced in 2018, when opposition forces—the Communist Party of the Russian Federation, the Liberal Democratic Party or the SR, won the elections to the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation in some regions. Several linear regressions were constructed to explain the reasons for these variations. The findings indicate that electoral behavior can be influenced by such indicators as the number of voters who took part in the vote, the number of urban population, the income of citizens, as well as the year in which the elections were held.

Keywords: electoral behavior, opposition, regions of Russia, regional elections, factors of differentiation.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИИ

Сиднева А.Л.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время избирательные процессы в Европе претерпевают глубокие изменения, вызванные совокупности как внешних, так и внутренних факторов в каждой стране в отдельности. В связи с этим интересным объектом изучения является Бельгия, политическая система которой поляризована влиянием валево-фламандского конфликта, протекающего на ее территории. Соответственно, предметом исследования является трансформация избирательных процессов в этой стране. Целью данной работы яв-

ляется рассмотрение изменений в избирательных процессах в Европе на примере Бельгии. В данной работе применен качественный метод исследования: метод сравнения, метод обобщения, а также картографический метод исследования. В исследовании проанализированы парламентские выборы в Бельгии за последние 20 лет, и был сделан прогноз относительно дальнейшего развития событий на фоне продолжающегося конфликта между стеной и фламандским конфликтом. В результате исследования электоральные тенденции в каждом регионе Бельгии полярно различны и не менялись кардинально в течение 20 лет, наоборот, они усилились, как, например, в таком регионе, как Фландрия, где поддержка националистических партий значительно возросла.

Ключевые слова: Европа, Бельгия, уолл-фламандский конфликт, избирательные процессы.

В настоящее время европейские электоральные процессы подвержены влиянию как внешних факторов, связанных с общемировыми событиями (например, миграционным кризисом, экономической нестабильностью), так и внутренних факторов, уникальных для каждой страны. Бельгия на европейском пространстве в этом отношении представляет собой интересный объект для исследования, так как ее ключевой внутренний фактор, а именно валлоно-фламандский конфликт, оказал влияние не только на административно-территориальное деление, но и на политическую жизнь в стране. Поэтому прежде чем перейти непосредственно к электоральным процессам в Бельгии, для начала следует кратко коснуться самого валлоно-фламандского конфликта, его течения и влияния.

Предпосылки конфликта зародились еще в I в.н.э., когда была образована на территории современной Бельгии римская провинция Белгика, и народы, проживавшие в ней, подверглись сильной неравномерной романизации на протяжении последующих 5 веков (северные территории менее всего). Впоследствии различия между народами стали только усиливаться за счет пограничного положения территории в составе франкского государства – между условной романоязычной его частью и германоязычной. Так, по мнению А.С. Намазовой, стали складываться две народности – фламандцы на севере и валлоны на юге [1]. В дальнейшем север и юг продолжили отдаляться друг от друга, как территориально, так и культур-

но. Например, в XV веке разделение единой страны на Соединенные провинции Нидерландов и Испанские Нидерланды повлекло за собой языковое различие территорий («нидерландскоговорящее» поле и «французскоговорящее» поле), а также религиозное (кальвинистский север и католический юг). Примерно с этого же времени стало формироваться негативное восприятие образа романоговорящего населения у фламандцев. Это было связано как с французским вмешательством в дела страны (например, «Брюггская заутреня»), так и в дальнейшем с присоединением к территории Франции в XVIII веке, в ходе которого усилилось влияние валлонов и французского языка соответственно[2]. С XIX века начинается рост националистических настроений фламандцев, возникает «Фламандское движение», начинается борьба за языковое равенство (были приняты первые законы о равенстве языков – Закон Коремана в 1860 и Закон равенства (Закон Коремана-де Вриендта) в 1898)[3]. В XX веке валлоны также стараются отстоять свои права, в связи с чем конфликт усиливается, борьба продолжается, все чаще возникают политическая нестабильность и правительственные кризисы. В это же время в качестве мер по деэскалации принимается еще ряд языковых законов (например, в 1930-е законы об образовании, в 1963 «лингвистические законы», установившие лингвистическую границу и сформировавшие новое территориальное деление, однако не соответствующее преобладающему этническому большинству в приграничных провинциях)[1]. В связи с этим в 1994 году в окончательном варианте принимается конституция, которая установила следующее административно-территориальное деление: двойная система, включающая в себя три региона (Фламандский регион, Валлонский регион и Брюссельский столичный регион) и три культурно-языковых сообщества (фламандское, французское, немецкоязычное)[4]. Фламандский регион включает в себя провинции: Фламандский Брабант, Лимбург, Антверпен, Восточная Фландрия, Западная Фландрия. Валлонский регион включает: Валлонский Брабант, Льеж, Намюр, Эно, Люксембург. Немецкоязычное сообщество расположено на территории 9 муниципалитетов в валлонской

провинции Льеж, фламандское сообщество расположено на территории Фландрии, валлонское, соответственно, на территории Валлонии. Взглянув на карту, можно отметить достаточно четкое разделение страны на две части, причем граница будет не только территориальная, но и культурно-лингвистическая, которая сама по себе является зоной конфликта. Таким образом, валлоно-фламандский конфликт оказал влияние на формирование административно-территориального деления страны, что, безусловно, нашло отражение и в электоральной жизни общества Бельгии. Далее рассмотрим основные партии, электоральные тенденции и их изменение за последние 20 лет под влиянием существующего конфликта.

Все политические партии Бельгии четко разделены по национально-лингвистическому признаку:

- Партии Фландрии: Открытые фламандские либералы и демократы (VLD), Христианские демократы и фламандцы (CDV) (CVP до 2004) (также выступают за расширение фламандских полномочий), Социалистическая партия фламандцев (sp.a), партия «зеленых» Groen! (AGALEV), националистические фламандские партии Фламандский интерес (VB) (Народный союз до 1978 (VU), с 1978 по 2004 – Фламандский блок (VB), партия наиболее радикальных взглядов), Новый фламандский альянс (NVA) (умеренные националисты). Причем стоит отметить, что NVA выступают скорее за конфедеративную модель государства со столицей в Брюсселе, а VB за Фламандскую республику со столицей в Брюсселе[5].
- Партии Валлонии: Реформаторское движение (MR), Гуманистический демократический центр (CDH) (Социал-христианская партия (PSC) до 2002 года), Социалистическая партия Валлонии (PS), партия «зеленых» ЭКОЛО (Ecolo), Союз франкофонов (Фландрии) (UF), выступающая за франкоязычное меньшинство, Демократический фронт франкофонов или Франкофонные демократические федералисты (DeFI (FDF), защищающая интересы франкоговорящих в Брюсселе и территорию вокруг.

- Партии немецкоязычного сообщества: Христианско-социальная партия (CSP), Партия за Свободу и Прогресс (PFF), Партия немецкоязычного сообщества (ProDG).

Стоит упомянуть, что единая для всей Бельгии Социал-христианская партия раскололась в 1968 на Гуманистический демократический центр (CDH)(социал-христианская партия Валлонии до 2002) и на Христианских демократов и фламандцев (CDV) (Христианская народная партия), также как и единая Бельгийская социалистическая партия раскололась в 1978 на Социалистическую партию Валлонии (PS) и Социалистическую партию Фландрии (sp.a). То есть в этих партиях произошел раскол по культурным сообществам. Далее перейдем к рассмотрению парламентских выборов за последние 20 лет в нижнюю палату федерального парламента – палату представителей, в которой депутаты избираются прямым голосованием.

На парламентских выборах 1999 года лидерство принадлежало VLD (Открытые фламандские либералы и демократы) с 14,3%, следом PS (Социалистическая партия Валлонии) с 10,16%, затем VB (Фламандский интерес) с результатом в 9,87%, следующими, соответственно, партии «зеленых» Валлонии и Фландрии 7,36% ЭКОЛО и 6,99% AGALEV. Если обратиться к голосованию фламандских провинций, то лидерство националистического VB (Фламандский интерес) можно отметить только в Антверпене с 20,87% голосов, в Западной Фландрии как и в Лимбурге лидирует CDV (Христианские демократы и фламандцы) с 28,17% и с 23,67% соответственно, в Восточной Фландрии как и во Фламандском Брабанте VLD (открытые фламандские либералы и демократы) с 25,69% и с 26,94% соответственно. Однако второй по лидерству VB провинцией является Восточная Фландрия с результатом в 15,37%, что на порядок меньше, чем в Антверпене, третьей по лидерству Лимбург с 12,68% [6]. Валлонские провинции проголосовали следующим образом: в Валлонском Брабанте лидерство у FDF (Франкофонные демократические федералисты) с результатом в 36,68%, в Люксембурге CDH (Гуманистический демократический центр) с 28,48%, в Намю-

ре как и в Льеже как и в Эно лидировала PS(Социалистическая партия Валлонии) с 27,56 %, 29,07 % и с 34,76 % соответственно. Брюссельский столичный регион с лидерством FDF в 34,41 %[6]. Если посмотреть на итоги предыдущих выборов, то представленная выше расстановка политических сил в целом будет наблюдаться, что указывает на сложившиеся тенденции голосования: возрастающая роль националистических партий в политической жизни Бельгии, в частности, во Фландрии, особенно в Антверпене, поддержка Брюсселем той партии, что отражает интересы большинства его жителей, а именно франкоговорящих валлонов, поддержка Эно, Льежем и Намюром партий социалистического толка, как и поддержка Люксембургом партии социал-христианского толка.

В XXI веке политическую ситуацию в стране в целом можно охарактеризовать теми же тенденциями, что были заложены ранее и наблюдались на выборах 1999 года. Так, на парламентских выборах 2003 года лидирующую позицию занимает вновь фламандская партия VLD (Открытые фламандские либералы и демократы), увеличив свою долю голосов до 15,36%. Следом идет Социалистическая партия Фландрии (sp.a) с 14,9%. Националистическая партия Фламандский блок (VB) тоже укрепила свою позицию, набрав 11,6%. Также в эти выборы можно отметить партию, ранее не фигурировавшую в парламентских выборах: партия умеренных националистов Новый фламандский альянс (NVA), набравшую 3,1% голосов. Если посмотреть на региональную поддержку партий, то партия VB стала лидирующей партией в Антверпене, и в 2003 году ее результат был уже 24,1%, наибольший среди других провинций. В Валлонии вновь «красные» регионы Эно, Льеж, Намюр (за PS44,07%, 35,6%, 33,5%), а в Люксембурге с небольшим отрывом впервые одержала победу либеральная партия Реформистское движение (MR) (30,4%), также как и в Валлонском Брабанте (41,8%), и Брюсселе-Халле-Вилворде (21,6%)[6].

Парламентские выборы в 2007 примечательны тем, что после этих выборов в стране начался политический кризис из-за того, что ведущие партии не смогли сформировать правительство и лишь спустя девять месяцев им удалось это сде-

лать [7]. А в июле 2008 премьер-министр Ив Летерм подает в отставку в виду неспособности решить разногласия между франкоговорящими валлонами и голландскоговорящими фламандцами из-за реформы о деволюции (Фландрия давно настаивала о такой реформе, а Валлония была против в виду опасения ухудшения своего экономического положения, так как уровень безработицы был значительно выше и экономика была гораздо слабее, чем во Фландрии) [7]. Также интересным представляется то, что в этих парламентских выборах принимала участие коалиция CDV и NVA (Христианских демократов и фламандцев и Нового фламандского альянса) и имела наибольшую поддержку по стране (18,51%), и особенно во Фландрии, причем больше всего в Западной Фландрии и Лимбурге (34,2% и 34,6%). Что касается Фламандского интереса (VB) (с 2004), то позиции партии с прошедших выборов не изменились и наибольшая поддержка у нее среди регионов у Антверпена (24,07%). Валлонская партия Реформистское движение (MR) имела максимальную поддержку в Валлонском Брабанте (44,8%), а также поддержку, не сильно превышающую привычных лидеров PS и CDH в валлонских провинциях Намюр и Люксембург (32,92% и 30,41% соответственно). По стране она же заняла вторую строчку рейтинга партий с 12%. В Брюсселе-Халле-Вилворде лидировала также MR [8]. Можем заметить, что Реформистское движение стало набирать популярность в Валлонском Брабанте, а также занимать высокие позиции в Люксембурге и Намюре, Брюсселе-Халле-Вилворде, что вероятно связано с неудовлетворенностью населения в некоторых регионах текущей ситуацией как в стране, так и в своих провинциях, партиями, которые они выбирали, а также стремлением регионов Валлонии к открытости и интернационализму, проводимой MR.

Досрочные парламентские выборы 2010 интересны новым лидером во всей Бельгии по итогам голосования - фламандской националистической партией NVA (Новый фламандский альянс) с результатом в 17,4%. По сравнению с 2003 годом (3,3%) поддержка этой партии невероятно выросла. Стоит отметить, что преобразовавшаяся партия Фламандский ин-

терес (VB) набрала 7,7% по Бельгии, впервые понизив свою позицию за столько лет. Лидерство этих партий, бесспорно, в Антверпене, в котором NVA получила 30,71%, максимальное число голосов за последние годы, а VB также понизило свою позицию до 16%. В целом по всей Фландрии, исключая Брюссель-Халле-Вилворде было лидерство NVA в районе 25–30%. Люксембург вновь поддержал CDH, Намюр, Эно и Льеж PS, Реформистское движение имело максимальную поддержку лишь в Валлонском Брабанте. Второе место среди всех партий в стране принадлежит PS, далее CDV. В Брюсселе-Халле-Вилворде лидерство также у MR, но PS также получила большое количество голосов [8]. Правительственный кризис оказал большое влияние на голосование – впервые вся Фландрия оказала единогласную поддержку националистам, причем именно умеренным националистам, NVA, видя в ней новую силу, способную отстоять интересы региона, в отличие от VB, поддержка которой стала падать. Также этот кризис подействовал и на электоральные предпочтения в Валлонии: все регионы поддержали те партии, которые были в приоритете всегда (в том числе Люксембург и Намюр, видимо разочаровавшись в Реформистском движении на фоне кризиса). Брюссель-Халле-Вилворде вновь поддержал MR, однако на фоне кризиса поддержка снизилась, и голоса «перешли» социалистам. Однако по итогам этих выборов правительство было сформировано только к декабрю 2011 года, так как партии не могли составить коалицию (в частности, Новый фламандский альянс (NVA)).

Парламентские выборы в 2014 году можно охарактеризовать стабильно возрастающей поддержкой Нового фламандского альянса (NVA): результат голосования по всей Бельгии составил 20,26%. Далее в рейтинге партий следуют PS и CDV соответственно. Партия Фламандский интерес (VB) вновь потеряла голоса (3,67%), достигнув фактически минимума. Поддержка NVA достигла почти 40% в Антверпене (39,4%), в других регионах Фландрии поддержка на уровне 30% и NVA являются партией-лидером. В валлонских регионах вновь голосование остается за партии, предпочтение которым отдава-

лось всегда, но в Намюре с небольшим перевесом побеждает партия Реформистское движение. В Брюсселе количество голосов за PS и MR стал примерно равным 24,9 % и 23,1 % соответственно, то есть доверие к социалистам в Брюсселе выросло. Также эти выборы интересны пробившейся в парламент впервые объединенной партией труда Бельгии (PTB–GO!/PVDA+) с результатом 3,72 %, которая не разделена по территориально-языковому принципу. Наибольшую поддержку имеет в Валлонии, особенно в Льеже [8]. Данные выборы в целом продолжают тенденцию, появившуюся на выборах в 2010.

Парламентские выборы 2019 года (см.рис.1) примечательны потерей голосов у NVA (Нового фламандского альянса) (16,03 % по сравнению с 2014 годом, когда результат был 20,26 %) и резким ростом голосов у партии Фламандский интерес (VB) (11,95 % с 3,67 % в 2014), хотя тенденция последних лет была обратной[9]. Однако NVA также сохранила лидерство по стране, а вторую строчку рейтинга заняла VB, следом CDV. Вероятно, данное «движение» голосов связано с событиями, предшествующими выборам: городской советник от партии NVA был арестован по подозрению в преступной деятельности [10], забастовка профсоюзов из-за недовольства правительством по поводу роста средних заработных плат, а также политический кризис конца 2018 на фоне подписания Глобального договора о миграции [11]. Однако на этом фоне можно было заметить все же рост националистических настроений во Фландрии, и, соответственно, избиратели сделали свой выбор в пользу другой националистической партии Бельгии, только с более радикальными взглядами. Теперь эти партии имеют большинство в парламенте Бельгии и даже занимают места в Европейском парламенте, что стало неожиданностью, особенно в виду громкого успеха радикальной националистической партии. В Антверпене тенденция такая же как и на уровне страны, NVA имеет голоса на уровне 31 %, а VB с 7 % поднялось почти до 19 % голосов. В остальных регионах Фландрии поддержка NVA и VB примерно на одном уровне, особенно в Западной и Восточной Фландрии (примерно по 20 %-21 % за каждую партию), но с большинством NVA, во Фламандском

Брабанте безусловное лидерство у NVA. В Валлонии за PS Эно и Льеж, хотя количество голосов заметно уменьшилось, Намюр также за PS, а в Люксембурге с перевесом в десятки доли процента над партией CDH одержала победу партия Реформистское движение (MR) (в связи с резкой потерей голосов CDH) (23,56 % MR и 23,45 % CDH). В Брюсселе впервые одержала победу партия Ecolo («зеленые») с результатом в 21,6 %, следом PS, а далее MR [9]. На рис. 1 можно отметить сложившиеся различия в голосовании регионов и ту самую территориальную, культурно-лингвистическую границу между Фландрией и Валлонией:

Парламентские выборы в Бельгии в 2019 году

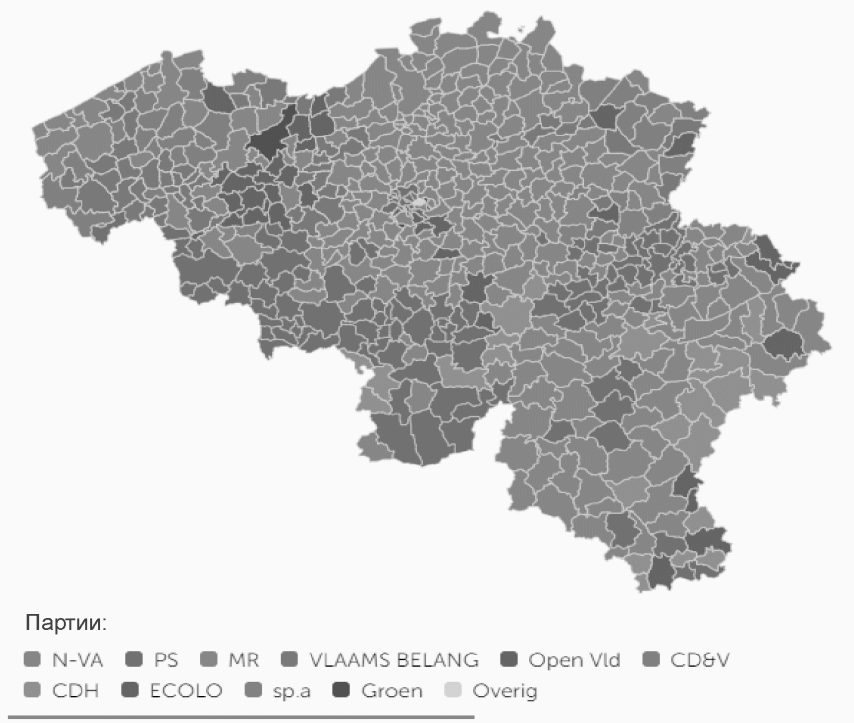

Рис. 1 Парламентские выборы в Бельгии в 2019 году Источник: переведено автором [12]

В настоящее время политическая ситуация в Бельгии иная, чем была к концу XX века, хотя некоторые тенденции голосования уже были тогда. Выросшая поддержка Фландрией националистических партий связана с событиями происходящими как в мире, так и в стране, но также и с экономическим положением региона. Антверпен как наиболее динамично развивающаяся и богатая провинция Фландрии благодаря инвестициям, промышленности и наличию второго по значимости города Бельгии – Антверпена, являющегося одним из крупнейших портов Европы, безусловно, больше всех заинтересована в отстаивании и продвижении интересов фламандского народа, и потому является «оплотом» фламандского национализма. Валлония остается относительно стабильным регионом в плане поддержки провинциями определенных партий, что, по сути, не изменилось с XX века. Брюссель, включая округ Халле-Вилворде, в XXI веке поддерживал MR, однако после политического кризиса 2007 эта партия стала терять свои позиции, а поддержку стали получать PS. Голосование в 2019 году показало резко выросшую поддержку «зеленых», связанную вероятно с возросшим стремлением в мире к экологичности, а Брюссель как столица Бельгии, как центр ЕС, следует и поддерживает данную тенденцию.

Проанализировав электоральные процессы в Бельгии, можно заключить, что в каждой части страны поддержка тех или иных партий идет по-разному и тенденции голосования за 20 лет кардинально не изменились: во Фландрии усилился рост поддержки националистических партий и настало их полное доминирование в регионах на данный момент. Ситуация в Валлонии, как уже отмечалось, оставалась и остается относительно стабильной, традиционно «красные» регионы Эно и Льеж, а также Намюр (что, вероятно, связано с ориентацией регионов на тяжелую промышленность и аграрный сектор экономики, и, в связи с этим высокая поддержка профсоюзов; также из-за невысокой экономической развитости провинций), Валлонский Брабант за либералов (Реформистское движение), а также Люксембург, придерживающийся взглядов социал-христианских партий, но в последнее время оказы-

вающий поддержку и Реформистскому движению. В Брюсселе традиционно лидируют валлонские партии, однако если сначала поддержка была в пользу защиты франкофонов, то за 20 лет лидерство получили партии другой направленности. В будущем вполне может быть позиции националистических партий во Фландрии укрепятся, особенно у Фламандского интереса, если население будет довольно деятельностью этой партии в новых исторических условиях. Также данные тенденции могут характеризовать усилившуюся поддержку идей независимости, чем конфедерализма, выдвигаемых националистическими партиями. Однако все же преобладание в идеях расширения деволюции. В Валлонии поддержка определенных партий останется стабильной, а в Брюсселе вполне вероятно и дальше увеличивающаяся поддержка «зеленых».

Список источников и литературы

1. Намазова А. С. Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность. Курс лекций [Книга]. – Москва: ИВИ РАН, 2001. – стр. 174.
2. Намазова А. С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII–XX веках [Книга] / ред. Пожарская С. П.. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – стр. 391.
3. Kenneth D., McRae Conflict and Compromise in Multilingual Societies [Article] // MLA (Modern Language Assoc.). – [s.l.]: Wilfrid Laurier University Press. – Vol.3.
4. Конституции государств (стран) мира [В Интернете] // worldconstitutions.ru. – 12 март 2021 г. – <https://worldconstitutions.ru/>.
5. Осколков П. В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правопопулистских партий [Статья] // Вестник МГИМО-Университета. – 2017 г. – Т. 5(56). – стр. 169–182.
6. Belgische verkiezingsuitslagen [В Интернете] // ibzdgip.fgov.be. – 12 март 2021 г. – <http://www.ibzdgip.fgov.be/result/nl/main.html>.
7. Nine-month crisis over in Belgium [В Интернете] // BBC. News. – 13 март 2021 г. – <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7302154.stm>.
8. Federal elections [В Интернете] // belgium.be. – 12 март 2021 г. – http://polling2007.belgium.be/en/cha/results/results_start.html.
9. Results in figures. Chamber [В Интернете] // ibz.officious.results. – 13 март 2021 г. – <https://elections2019.belgium.be/en/results-figures?el=CK&id=CKR00000>.
10. Van belasting op wijn tot ‘pensioenaanval’ van Crombez: dit waren de 6 opmerkelijkste momenten van de verkiezingscampagne [В Интернете] //

HLN.be. – 13 март 2021 г. – <https://www.hln.be/nieuws/binnenland/van-belasting-op-wijn-tot-pensioenaanval-van-crombez-dit-waren-de-6-opmerkelijkste-momenten-van-de-verkiezingscampagne~a8b2ebc7/>.

11. Миграционный пакт ООН расколол правительство Бельгии [В Интернете] // [euronews.com](https://ru.euronews.com/2018/12/09/flemish-independentists-leave-government). – 12 март 2021 г. – <https://ru.euronews.com/2018/12/09/flemish-independentists-leave-government>.
12. Verkiezingen 2019: alle uitslagen in kaart [В Интернете] // [demorgen.be](https://www.demorgen.be). – 12 март 2021 г. – <https://www.demorgen.be/politiek/verkiezingen-2019-alle-uitslagen-in-kaart~b2a7fe52/>.

TRANSFORMATION OF ELECTORAL PROCESSES IN EUROPEAN COUNTRIES ON BELGIUM

Sidneva A.^{1,1}

¹ St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Currently, electoral processes in Europe are undergoing profound changes caused by the totality of both external, and internal factors in each country separately. In this regard, Belgium is an interesting object of study, a political system whose political system is polarized by the influence of the Wall-Flemish conflict, flowing on its territory. Accordingly, the subject of the study is the transformation of electoral processes in this country. The purpose of this work is to consider changes in electoral processes in Europe on the example of Belgium. In this paper, a qualitative research method was applied: the method of comparison, the method of generalization, as well as the cartographic method of research. The study analyzed the parliamentary elections in Belgium over the past 20 years, and a forecast was made regarding further developments against the background of the ongoing Wall-Flemish conflict. As a result of the study, electoral trends in each region of Belgium are polarly different and have not changed dramatically for 20 years, on the contrary, they have intensified, such as in a region such as Flanders, where support for nationalist parties has increased significantly.

Key words: Europe, Belgium, Wall-Flemish conflict, electoral processes

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ВНУТРИЭЛИТАРНЫХ ЛОББИСКИХ ГРУППИРОВОК В 13-м СОЗЫВЕ Госсовета КНР: НЕСКОЛЬКО АСПЕКТОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПАРТИЙНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

Серебряков К. Д.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Проведённое исследование, основанное на изучении конфигурации политической сети членов Госсовета, занимавших государственные должности на протяжении последних двух китайских «пятилеток», продемонстрировало наличие новой модели формирования групп влияния, тесно связанных с лидером КНР, но по своей структуре и роли отличающейся от имевших место «старых» элит (кланов и клик внутри ЦПК). Исследователями определены основные политические силы, имеющие место в исполнительном органе Китая к сегодняшнему дню, соотношение «старых» и «новых» элит, обозначены ключевые позиции, имеющие наибольшее значение в лоббировании интересов, определен уровень «протестности» внутри Госсовета, а также механизмы его реализации. В работе дана оценка приёмам консенсуального разрешения споров, определены относительно формальные и неформальные группировки, уровень их взаимодействия и влияния, положение региональных кланов, а также новые тренды в кооптировании элит со стороны ЦК ЦПК.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Госсовет КНР, политические сети, группы влияния, фракции, клики, красная аристократия, шанхайцы, комсомольцы, политические сети.

В данной работе мы предпримем самостоятельную попытку выявить новые группы влияния в системе политико-административных институтов КНР. В качестве анализируемого института мы выбрали Государственный совет Китайской Народной Республики. Несмотря на партократическое мировоззрение китайского лидера Си Цзиньпина и его чёткую ориентацию на сокращение полномочий административных органов, исполнительная структура КНР до сих пор продолжает играть важную роль в реализации политического курса страны и отвечать за движение ресурсов для осуществления политических решений.

Методология исследования. Мы исходим из ряда посылок-характеристик, использованных в рамках данной работы. Определение приоритетов китайского лидера было произведено с помощью классического анализа политических текстов, проведённых по методике А.Г. Алтуняна. Нами проанализировано два доклада, прочитанных Си Цзиньпинем на XVIII и XIX Съездах КПК, традиционно считающихся программными документами китайского руководителя [1; 2]. Мы предполагаем, что выявленные с помощью этого анализа, адресные группы и основные сферы интересов Председателя КНР являются теми каналами распределения ресурсов, где будут поставлены люди из его окружения, что может катализировать процесс образования новых групп влияния.

Дальше анализируется большой массив биографических данных, полученных с помощью различные информационных баз, включая проекты Центра Карнеги, материалы, полученные с сайта Госсовета КНР и т.п. [3; 4; 5; 6], составляются таблицы, по которым оцениваются члены китайского правительства. Основой для формирования групп влияния в условиях политической системы Китая могут выступать земляческие отношения или трудовые контакты, которые, однако, учитывая многоуровневый характер политических институтов страны, также имеют предрасположенность к географическим проекциям. Следовательно, критериями составления таких таблиц являются временные рамки занимаемых должностей, места прохождения государственной и/или партийной службы, а также провинции, где эта служба была осуществлена. На основе полученных данных даётся оценка потенциальных групп влияния и анализируются тенденции, происходящие в Госсовете КНР.

Выводы. Подробный анализ по методике А.Г. Алтуняна предполагает определение основных проблем, затрагиваемых автором, изучение предложенных путей решения, соотносённость речи с политическим контекстом, выявление и анализ образа адресных групп и оппонентов, изучение способов аргументации и стилистических средств, использованных в политической речи, тексте и т.п. Си Цзиньпин действительно

чрезвычайно широко с реформаторских позиций рассматривает своё пребывание на посту Председателя КНР. В ходе анализа двух его докладов вырисовывается концептуальный каркас т.н. «строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху» и «возрождение китайской мечты». Такой реформаторский взгляд на происходящее отчасти объясняется выпадающим на период руководства страной Генсекком КПК Си Цзиньпином столетнего юбилея с момента создания Коммунистической партии, празднование которого будет в 2021 году. В частности, подчёркивается, что проходят века «унижений», начавшиеся с периода династии Цин, когда внутреннему распорядку страны мешали иностранные силы (Генсек КПК не разводит «коммунистический» и «имперский» периоды в истории страны).

Председателем КНР была разработана концепция «китайской мечты», органично продолжавшая теорию «построения гармоничного общества» его предшественника Ху Цзиньтао. Сама она разделялась на три компоненты: «Китай для Китая» (классическая теория построения государства-нации), «Китай в Азии» (куда вписывался масштабный инфраструктурный проект «Пояса и Пути»), а также «Китай в мире» (отход от тезиса Дэн Сяопина о необходимости «держаться в тени»). Много внимания уделено правящей роли партии, её скрепляющего потенциала и борьбы с её недугами – коррупцией и клановостью, которые были усилены следующим докладом на XIX Съезде КПК. Много внимания уделено вопросам законности и социальной справедливости, экологизма. Сам текст докладов разбивается на тематические блоки, содержащие больше 10 основополагающих тематик. Так, например, вопросы внутриэкономического характера, экологии, а также усиления законности и пересмотра теории прав человека, наряду с повесткой изменений партийной структуры и усилении КПК становились «перекочевывающими» мотивами в обоих текстах.

На XIX Съезде концепция Си была усилена уклоном в сторону ревизии идей социализма и построения в Китае общества социального достатка и ориентации экономики на инновации и внутренний спрос к 2049 году (столетнего юбилея по-

беды над режимом Гоминьдана). Председатель КНР развивает т.н. 14 гарантий своего второго срока (отсылка к 14 пунктам В. Вильсона), которые и составляют основу всех тематических блоков второго доклада. Это плавное воссоединение страны и глубокая интеграция систем Гонконга и Макао в систему КНР (здесь незначительно вырисовывается образ врага в виде США), установление лидерства КПК над всей социальной сферой, углубление реформ, стремление сформировать средний класс, углубление реформ и т.п. При этом в обоих докладах есть чётко выделенные две адресные группы: базовая в виде народа, являющегося «хозяином страны» и инклюзивная (партийные функционеры). Касательно последней делается акцент на борьбу с клановым характером на всех уровнях, а также на укреплении партийной дисциплины. Речь была снабжена сбалансированным соотношением эмотивных и логических аргументов, индикаторами которых были эпитеты, обращения, метафоры и научная лексика, канцеляриты и т.п. Таким образом, основными сферами интересов Председателя КНР выступают экономика, экология, законность, следовательно, стоит пристальное внимание уделить тем министерствам, которые курируют данные сферы (Министерство водных и земельных ресурсов, Министерство юстиции, Министерство государственной безопасности и т.п.).

Важным, с точки зрения анализа трансформаций политической стратегии страны, является самоопределение себя Си Цзиньпином как реформатора (и это подтверждается пафосом речи и стилистическими приёмами). При этом видно, что в публичном поле даётся опосредованная оценка слома партийного баланса сил и утверждения нового способа кооптирования, выделения элит—предельная лояльность только китайскому лидеру. Си Цзиньпином в 2012 году провозглашается расширение территориального представительства (это прямая отсылка к клановому оппоненту окружения господина Си на тот момент—Шанхайской группе; также это выявленный индикатор анализа).

Предваряя оценку тенденций и рассмотрение конфигурации групп влияния в Госсовете КНР, отмечу, что за неполные

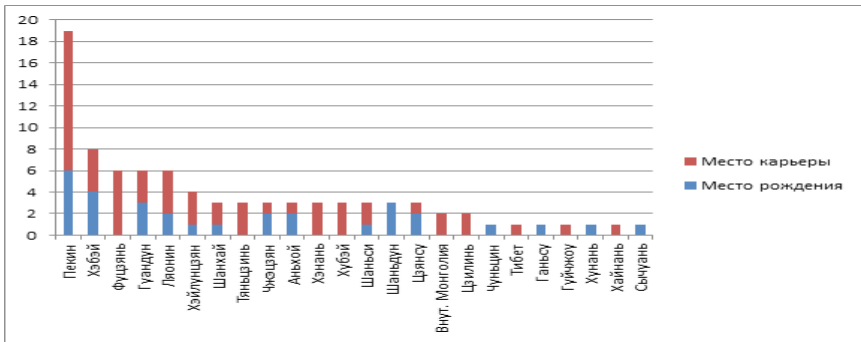
семь лет его состав был сменён на 96 %, большая часть смещений сопровождалась коррупционными скандалами и обвинением в нарушении партийной дисциплине, уголовные дела были заведены против 27 министров и их заместителей [7, с. 36–57]. В свою очередь, после утверждения 16 марта 2018 года нового списка членов Госсовета, а также последующих министерских назначений, состав органа власти был обновлён на 57 %, при этом ещё 28 % к общей статистике обновления привнесли министры Государственного совета, сохранившие свои должности, но получившие назначения в частном порядке за 1–2 года до прошлой весенней сессии ВСНП.

Итак, были проанализированы 63 биографии членов Госсовета КНР в период с 2012 по настоящее время. Важным критерием, как отмечалось, являлись земляческие и служебные связи, в связи с чем мы провели частотный анализ встречаемости/популярности провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, которые послужили главным трамплином для подъёма по служебной лестнице. Мы выделили территории, где были совершены такие карьерные «скачки» в рамках служебных партийных или административных назначений (т.е. провинция не являлась местом рождения чиновника), а также позиции, где тот или иной член Госсовета и родился, и сделал свою карьеру.

Предварительно хочется отметить, что возглавил рейтинг Пекин, что объясняется двумя факторами: во-первых, политико-административной значимостью города и сосредоточением в нём большого числа органов власти, а также тенденцией к увеличению представительства «пекинской» ветви «кронпринцев», например, политические биографии нынешних вице-премьера Лю Хэ, министра иностранных дел Ван И, министра транспорта Ли Сяопэна, а также председателя Национального банка И Гана и т.д. Примечательно, что большинство из представителей данной группы попали в прошлый созыв Госсовета и сохранили свои позиции. Данные о распределении двух выявленных типов территориального представительства продемонстрированы в табл. 1, расположенной ниже.

Таблица 1

Частотность провинций в политических биографиях членов Госсовета

Источник: собственная разработка автора на основе Приложения В. Карта с распределённой частотностью провинций расположена в Приложении Б (Рисунок 6).

Также такой «вес» Пекину придали иные «кронпринцы», прибывшие из других провинций (например, бывший глава Национального банка Чжоу Сяочуань из провинции Цзянсу и экс-министр охраны окружающей среды Чэнь Цзинин из Ляонина). Также интересно, что уже полностью утвердилось «пекинское лобби» среди представителей туанпай: это Хань Чанфу, министр сельского хозяйства, уроженец провинции Хэйлунцзян, Чжан Цзюнань (бывший министр юстиции, Шаньдун), Ху Цзэцзюнь (глава Ревизионного управления, г. Чунцин) и др.

Как мы видим, не так много людей делают карьеру в месте своего рождения (в пропорции 1 к 4). Казалось бы, это можно объяснить системой назначения, которой пользуется ЦК КПК, однако, если проследить биографии бывших членов Госсовета, которые сохранили свои позиции, а не были назначены по итогам весенней сессии ВСНП 2013 года, то можно обнаружить, что 45% участников реализовали себя в пределах одной провинции (бывший Председатель комитета по делам национальностей Ван Чжэнвэй, бывший министр юстиции У Айин и т.д.). Видно, что с приходом к власти Си Цзиньпина партия

сменила тактику отбора членов в Госсовет КНР, делая ставку на лиц, которые сформировали свои компетенции в пределах нескольких провинций, что, видимо, является одним из механизмов разрыва региональных сетей сопротивления и коррупционных сетей на основе «гуанси». К новому составу Госсовета КНР тенденция к сокращению усилилась почти в 8 раз.

Особый интерес представляют Тибет и Внутренняя Монголия. Тенденция последних 7 лет – снижение числа участников, сделавших карьеру или являвшихся уроженцами автономных районов: эта участь постигла партийцев из Нинся-Хуэйского АО и Синьцзян-Уйгурского АР. Её можно объяснить осложнившимися отношениями с национальными окраинами (протесты в Уйгурии в 2008–2010 гг. и установление сверхполицейского режима). Безусловно, как мы видим, ни Тибет, ни Внутренняя Монголия популярностью непосредственно не пользуются. Однако Внутренняя Монголия позволила карьерно возвыситься достаточно сильному региональному лидеру, имеющему покровительство в Пекине и поддержку премьер-министра Ли Кэцзяна. Речь идёт о главе Комиссии по делам национальностей Багатуре.

Достаточно скромные позиции у «шанхайцев», всего за время работы двух составов Госсовета КНР их представительство снизилось в 3 раза. Такое снижение объясняется двумя причинами. Во-первых, тем фактом, что в 2012 году многие их представители по инерции встали на сторону «комсомольцев», тем самым вступив в зону скрытой конфронтации с «кронпринцами». А к 2017 году наблюдалась иная картина. Во многих институтах представительство «кронпринцев» оставалось незначительным, а вот роль клики укрепилась, но не в исполнительно-распорядительных структурах (наличие двух представителей из семи в Политбюро КПК).

Интересно, что борьба также проводится и с сильными «региональными группировками», к которым традиционно относятся «чунцинцы», «шаньдунцы» и «гуандунцы». Представительство первых двух (включая как урождённых, так и сделавших карьеру) сократилось в 3 и 2,5 раза соответственно (1 и 2 представителя соответственно). Однако наблюдается рост

влияния Гуандуна (волна назначений 2017–2018 годов: Лю Кунь, министр финансов, Ван Мэнхуэй, министр жилья, городского и сельского строительства, Хэ Лифэн, глава Комитета по развитию и реформам и т.д.). Это объясняется тем, что благодаря ряду коррупционных скандалов и зачистке обкома партии в Гуандуне к 2017 году встали люди, лояльные Председателю КНР. Для него получение контроля над данной провинцией было важным по двум причинам. Во-первых, это место, где его отец Си Чжунсюнь сделал себе карьеру видного администратора. Во-вторых, это самая богатая и динамически развивающаяся провинция КНР, по своему экономическому потенциалу и ВВП сравнимая с Россией. При этом борьба с Шандуном идёт до сих пор (известен крупный коррупционный скандал и исключение из партии бывшего министра юстиции У Айин). Что касается Чунцина, то эта территория потеряла доверие Пекина после скандального дела с Бо Силаем в 2012 году.

Если посмотреть на данные Таблицы 1, то становится видно, что также «популярными» местами для формирования своей карьеры являются провинции Фуцзянь, Хэбэй и Ляонин. Примечательно, что из представителей двух из них за последние три года сформировались т.н. «кластеры» (т.е. члены группы влияния получили должности, которые имеют стратегическую значимость для политического лидера). Во-первых, стоит сразу же сказать о наличии «фуцзяньской» группировки, состоящей из четырёх человек: вице-преьера Сунь Чуньлань, министра финансов Лю Куня, министра госбезопасности Чэнь Вэньцина, а также главы Комитета по делам развития и реформ Хэ Лифэна. При проверке данных в рамках проекта «China Vitae» при введении запроса «Фуцзянь», «министр» ИЛИ «глава комитета» ИЛИ «член ЦК КПК» выдаёт показатель в 19 человек, что является рекордом за всё время наблюдений специалистов проекта. А значения в сравнении с показателя расстановки партийных и административных должностей по итогам XVII Съезда КПК и весенней сессии ВСНП показывает разрыв почти в 4 раза, что демонстрирует явное усиление этой юго-восточной приморской провинции. Примечательно, что занимаемые данными представителями должности явля-

ются ключевыми для проведения запланированных Си Цзиньпином реформ, а «держатели» этих позиций—люди которых он знает или с которыми он работал в своё время в этой провинции.

Примерно схожая ситуация наблюдается и с Хэбэем, чьи представители (министр окружающей среды Ли Ганьзце, министр общественной безопасности Чжао Кэчжи, министр водных ресурсов Э Цзиньпин, а также министр юстиции Фу Чжэнхуа), очевидно, контролируют реализацию экоцивилизационной реформы Си Цзиньпина. Наличие нового министра юстиции подтверждает данный тренд, т.к. Председатель КНР в своём докладе достаточно много говорил о приведении законодательства в соответствии с экологическими стандартами. Однако интересно, что почти все представители делают дела в той провинции карьеру незадолго до назначения в Госсовет, т.е. они непосредственно с нынешним китайским лидером не работали, что заставляет нас сделать предположение о существовании в рамках парткома провинции человека, обладающего с Генсеком КПК близкими отношениями и предоставляющий ему профессиональных кадров.

Достаточно чётко при этом прорисовывается «ядро пекинских кронпринцев», включающее в себя министра иностранных дел Ван И, министра транспорта Дэн Сяопэна и министра промышленности и информатизации Мяо Вэя. Наличие данных должностей должно скоординировать ресурсы для значимых зарубежных инфраструктурных проектов, которым, очевидно, выступает инициатива «Пояса и пути» (сами при этом министры получили назначения в период концептуализации и широкой общественной дискуссии относительно данной идеи в конце 2012—начале 2013 годов.

Последним тезисом следует обозначить процесс консенсусального характера договорённостей элит в Госсовете, который выражается помимо соседства как утвердившихся групп влияния («кронпринцы», «комсомольцы, «шанхайцы»), так и сбалансированной системе подбора вице-премьеров. Если разобрав «по составу» весь нынешний состав заместителей Ли Кэцяна, который, кстати, полностью обновился, то становится

видно, что за каждым из них стоит определённая сила, группа влияния, выразителем чьих позиций и является вице –премьер. Хань Чжэн является ярким представителем «шанхайской клики», связав всю свою карьеру с этим городом. В свою очередь, Ху Чуньхуа – выходец из «комсомольской» среды, причём, один из тех партийных деятелей, который смог воспользоваться Тибетским обкомом как карьерным трамплином и заручиться поддержкой Ху Цзиньтао. Лю Хэ один «кронпринцев» пекинской группы, связавший свой карьеру целиком с работой в различных пекинских департаментах и комитетах. Сунь Чуньлань, в свою очередь, является компромиссной фигурой между «хэбэйской» и «фуцзяньской» группами, представляя их интересы на высшем исполнительном уровне.

Получается, что Госсовет КНР ещё сохранил консенсуальные формы и возможности «торгов» позициями между группами влияния, причём в данном государственном институте до сих пор сохраняется широкое присутствие утвердившихся кланов.

Список источников и литературы

1. Текст доклада вице-председателя КНР Си Цзиньпина на 18-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр: сайт. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017/11/04/content_41845752_5.htm (дата обращения: 09.03.2021).
2. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр: сайт. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017/11/04/content_41845752_5.htm (дата обращения: 09.03.2021).
3. The State Council of the People's Republic of China. URL: <http://english.gov.cn/statecouncil/> (дата обращения: 09.03.2021).
4. Панкратенко И. Н. Государственный совет КНР в лицах // АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов». URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/gosudarstvennyj-sovet-knr-v-liczah-8370> (дата обращения: 09.03.2021).
5. Силы Поднебесные: как устроена система власти в Китае // Спецпроекты Коммерсант.ру. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3336452> (дата обращения: 09.03.2021).
6. China Vitae // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <http://www.chinavitae.com/index.php> (дата обращения: 09.03.2021).

7. Вавилов, Н. Н. Некоронованные короли Красного Китая/ Н. Н. Вавилов. – М.: Концептуал, 2019. – 200 с.

TRANSFORMATION AND EMERGENCE OF NEW INTRA-ELITE LOBBY GROUPS IN THE 13TH CONVOCATION OF THE STATE COUNCIL OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: SEVERAL ASPECTS IN TERRITORIAL-PARTY REPRESENTATION

Serebryakov K. D.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

A study based on the configuration of the political network of members of the State Council who held public office over the past two Chinese “five-year plans”, demonstrated the existence of a new model for the formation of groups of influence closely related to the leader of the PRC, but in its structure and role differing from the “old” elites (clans and cliques within the CCP) that took place). Researchers have identified the main political forces that take place in the executive body of China to date, the ratio of “old” and “new” elites, the key positions that are most important in lobbying interests are indicated, the level of “protest” within the State Council is determined, as well as mechanisms for its implementation. The paper assesses the methods of consensual dispute resolution, identifies relatively formal and informal groupings, the level of their interaction and influence, the position of regional clans.

Key words: The State Council of the People's Republic of China, political networks, groups of influence, factions, cliques, red aristocracy, Shanghainese, Komsomol members, political networks.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Осипов К. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Изучение партийно-политической системы любой страны с позиций электоральной географии интересно тем, что можно выявить пространственно-временную дифференциацию предпочтений избирателей на выборах. Это даёт право оценивать вклад того или иного региона или группы регионов в распределение мандатов между партиями в Парламенте, а также помогает выявлять те проблемы этнического, религиозного или социально-экономического характера, которые существуют в данном регионе или в целом по стране и требуют скорейшего решения. Японская электоральная система изучена слабее, чем европейские или американская, хотя и является старейшей в Азии. Современный этап же её формирования и развития можно отсчитывать с 1994 г., когда прошла крупная избирательная

реформа по изменению правил формирования Парламента страны и системы избирательных округов, что привело к неоднозначным последствиям и феномену «малых» партий с середины 2000-х гг. Автором в данной статье предпринимается попытка изучения электорального ландшафта данной страны, его особенностей, степени поддержки и динамики во времени различных политических партий по префектурам и регионам страны. На основе выделенных закономерностей автором предлагается собственная сетка районирования Японии, отражающая состояние электорального ландшафта страны в период с 2000 по 2017 годы в нижнюю палату Парламента по пропорциональной системе.

Ключевые слова: электоральный ландшафт, Япония, электоральное районирование, Палата представителей, пропорциональная система.

Не секрет, что внешняя и внутренняя политики любой страны строятся на структуре и особенностях партийно-политической системы, которая в значительной степени формируется под влиянием результатов выборов, географическим следствием которых является электоральный ландшафт, пространственно-временное распределение на определённой территории поддержки политических партий избирателями. Японский электоральный ландшафт в отечественной литературе изучен слабее, чем аналогичный в странах Европы или США. Он имеет перед ними ряд особенностей и отличий, зависящих в первую очередь от социально-экономической ситуации и развития в каждой конкретной префектуре.

В статьях И. С. Тихоцкой и П. С. Варюшина [1; 2] сравниваются избирательные системы США и Японии, а также электоральная активность избирателей в этих странах. Авторами в общих словах освещены региональные особенности поддержки традиционных партий, путях, по которым японская электоральная и политическая модель будет приближена к американской. Достаточно интересны статьи политолога Д. В. Стрельцова, в которых он рассматривает классификацию и динамику экономических, социальных и иных причин голосования избирателей за ту или иную партию (без географической привязки) [9; 10], а также приёмы, которыми политические силы пользуются для мобилизации своего электората или увеличения оного.

Целью настоящей статьи является выявление пространственно-временных закономерностей в размещении голо-

сов по префектурам и регионам Японии на примере выборов в нижнюю палату Парламента Японии с 2000 по 2017-е гг., на основе которого авторами будет предложена собственная сетка электорального районирования.

Политический контекст: избирательная система и основные политические партии Японии. Современная политическая система Японии стала складываться вскоре после окончания Второй мировой войны и принятия Конституции в 1947 г. Тогда был серьёзно реформирована структура парламента страны, существовавшего ещё с конца XIX в. Согласно IV главе Конституции Японии Парламент состоит из двух избираемых палат: Представителей (нижняя) и Советников (верхняя). Срок полномочий для нижней палаты установлен в 4 года, а для верхней – 6 лет (с переизбранием половины состава раз в 3 года) [4].

В послевоенной Японии на выборах была установлена система многомандатных округов с единым непереходящим голосом, которая предполагала, что избиратель может проголосовать за одного кандидата, а победу в каждом из округов одерживают несколько человек, набравшие относительное большинство голосов. При этом партийная принадлежность кандидата не важна, что стало причиной идеологической слабости партий и невозможности образовывать ими крупные фракции в Парламенте [1, с. 55].

Основной политической силой в стране после 1945 г. становятся консерваторы. Созданная ими в 1955 г. Либерально-Демократическая партия (ЛДП) единолично формировала кабинеты до 1993 г. [5, с. 32]. Время правления партии пришлось на мощный экономический бум, рост городов и национального благосостояния, темпы которых, однако, сильно замедлились к концу 1980-х гг. К тому же времени наметились в избирательной системе и негативные тенденции:

1) высокая персонализированность выборов: многие избранные кандидаты получали основную часть голосов в пределах родного округа;

2) сильно увеличилась диспропорция в весе голосов: на одного депутата Парламента в городском округе стало прихо-

даться больше избирателей, чем в сельском, в результате чего кандидату в сельском округе было проще выиграть выборы [1, с. 56];

3) лоббизм в парламенте и складывание целых депутатских «кланов» (в основном со стороны ЛДП) [8, с. 180].

Активность оппозиционных партий и вышеуказанные проблемы вынудили ЛДП в 1994 г. провести крупную реформу. В стране вводились комбинированные выборы, при которых часть депутатов избиралось по одномандатным округам, а часть по пропорциональному числу голосов, поданных за партийные списки в каждом округе [5, с. 131]. По мнению авторов реформы, изменение системы территориального представительства должно было привести к усилению роли других партий и созданию в конечном итоге двухпартийной системы по примеру США, где две партии периодически сменяют друг друга. Как считалось, всё это сделает политическую систему более прозрачной и понятной для населения, а функционирование законодательной ветви власти – более эффективной [1, с. 57].

За 25 лет после проведения избирательной реформы ЛДП проигрывала выборы дважды: в 1993 г. Социалистической партии (ныне Социал-Демократическая партия, СДП) и в 2009 г. Демократической партии (ДП, с 2017 г. Конституционно-Демократическая партия, КДП). [6, с. 318]. Для предотвращения возможного проигрыша на выборах и сохранения большинства мест в Парламенте ЛДП, как правило, распускает Парламент и проводит досрочные выборы, а также образует после выборов коалицию с наиболее близкой партией (с конца 1990-х гг. ею становится пробуддийская Комэйто) [8, с. 61]. С середины 2000-х гг. в Японии, в виду неспособности старых традиционных партий эффективно решать социально-экономических проблемы, начинает проявлять себя феномен «малых партий», образующихся накануне выборов и получающих определённую поддержку на популистских лозунгах (на первых выборах в среднем от 8 до 15 %, после чего поддержка падает до 0,5–2,5 %). Данные партии не имеют чётких программ, их цель – отобрать часть голосов от более крупных политических

сил в стране. [11, с. 48]. Первой партией подобного толка стала «Новая народная партия» (ННП), образованная бывшими членами ЛДП [7, с. 392].

Наиболее успешными «малыми» партиями оказались: «Твоя партия» (8,04 % в 2012 г.), «Партия инноваций» (в 2012 г., 20,4 % и 54 из 480 мандатов, в 2017 г. 6,01 % и 11 из 465 мандатов) и «Партия надежды» (в 2017 г. получила 17,4 % голосов и 50 из 465 мандатов)¹. Традиционные партии, за исключением СДП, которая растеряла во всех префектурах основную долю своей поддержки, за последние 20 лет получали в среднем от 10 % (коммунисты) до 30–40 % (либерал-демократы). Таким образом, к настоящему времени существуют 7 партий, заметно влияющих на политическую жизнь Японии. Ещё 6 партий уже успели исчезнуть, распустившись или слившись с более крупными (табл. 1).

Таблица 1

Основные партии Японии в период с 2000 по 2020 гг.*

Партия	Год создания (реорганизации) / роспуска	Политическая позиция	Идеология
Либерально-Демократическая партия (ЛДП)	1955	-/+	Социальный консерватизм
Демократическая партия (ДП)	1998 (2017)	-/	Прогрессивизм, социал-либерализм
Комэйто	1964 (1998)	/+	Консерватизм, пацифизм, близки идеи буддизма
Коммунистическая партия Японии (КПЯ)	1922	—	Коммунизм, пацифизм
Социал-Демократическая партия (СДП)	1945 (1996)	-	Социал-демократия, пацифизм

¹ Psephos: Adam Carr's Electoral Archive/Japan [Электронный ресурс]: URL: <http://psephos.adam-carr.net/countries/j/japan//>; Japan statistical yearbook. Chapter 27: Government Employees and Elections. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html/>; Parliamentary Elections in Japan, Parts I and II. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.electionresources.org/jp/> (дата обращения: 30.07.2020).

Партия	Год создания (реорганизации) / роспуска	Политическая позиция	Идеология
Либеральная партия (ЛП)	1998 / 2003	-/	Либерализм
Новая народная партия (ННП)	2005 / 2013	-/	Социал-демократия, протекционизм
Твоя партия (ТП)	2009 / 2014	/+	Постбюрократизм, локализм, неолиберализм
Партия инноваций (ПИ)	2012 (2014) (2015)	/+, в экономике: -/	Консерватизм, экономический либерализм
Партия будущего (ПБ)	2012 / 2013	-/	Зелёные, антиядерное движение
Партия Надежды (ПН)	2017	++	Правый популизм, консерватизм

*Расположение на политическом спектре: «—» – крайне левые, «-» – левые, «-/» – левоцентризм, «-/» – центризм, «/+» – правоцентризм, «+» – правые, «++» – крайне правые.

Методика исследования. Районирование в данной статье обобщает состояние электорального ландшафта Японии в период между 2000 и 2017 гг. и подразумевает выделение отдельных территорий или зон, где та или иная партия обычно гарантированно одерживает победу или набирает существенное количество голосов. При построении регионов не принималось во внимание степень неявки избирателей на выборы, поскольку она не сильно различается по регионам, хотя и варьируется год от года.

Пространственную неоднородность в распределении голосов партий за относительно долгий промежуток времени лучше всего показывают электоральные карты и картосхемы. Используемая нами методика картирования предполагает сведение статистических данных в единую таблицу и их сравнение по разным территориям (в данном случае префектур). Затем высчитывается средний процент поддержки и её динамика для той или иной партии в промежутке между 2000 и 2017 гг. в префектуре. Для удобства часть сводной таблицы для Токио разделена на две части и приведена ниже в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Результаты участия различных партий на выборах в Палату представителей на примере префектуры Токио

Префектура	Токио						
	2000	2003	2005	2009	2012	2014	2017
Год	2000	2003	2005	2009	2012	2014	2017
ЛДП	17,5	32,5	40,2	25,5	24,9	32,1	31,1
ДП (КДП)	29	39,9	29,6	41	15,4	16,3	24,1
Комэйто	12,7	14	12,4	10,4	10,1	12,1	11
КПЯ	14,3	9,3	8,8	9,6	7,4	15,4	10,6
СДП	6,6	4,3	4,5	4,3	2,1	2,3	1
ЛП	13,6						
ННП			4,4	1,2	0	2,7	
Твоя партия				6,1	11,7		
Партия инноваций					19,9	14,2	3,4
Партия будущего					6,9		
Партия надежды							17,8
Другие	6,3	0,0	0,1	0,5	1,6	0,5	1,0

Таблица 3

Средние проценты участия и динамики поддержки избирателями различных партий на выборах в Палату представителей на примере префектуры Токио

Партия	Средний% ₁ (2000–2009 гг.)	Средний% ₂ (2009–2017 гг.)	Динамика средней поддержки,%
ЛДП	28,9	28,4	-1,73
ДП (КДП)	34,9	24,2	-30,66
Комэйто	12,4	10,9	-12,10
КПЯ	10,5	10,8	2,86
СДП	4,9	2,4	-51,02
ЛП	13,6	–	–
ННП	1,4	1,3	-7,14
Твоя партия	6,1	8,9	45,90

Партия	Средний% ₁ (2000–2009 гг.)	Средний% ₂ (2009–2017 гг.)	Динамика средней поддержки,%
Партия инноваций	–	12,5	–
Партия будущего	–	6,9	–
Партия надежды	–	17,8	–
Другие	1,7	0,9	-47,06

Затем таблицы заносились в ГИС, которая на основе размаха данных для каждой отдельной партии предлагала в зависимости от выбранного количества интервалов ступенчатую шкалу с разными степенями поддержки партии населением. Чем насыщеннее цвет, тем больше поддержка. Два класса с наибольшими процентами голосов избирателей выделяются как главные и основные регионы партии на выборах.

В данном случае нами было выбрано 5 классов интервалов. Для ЛДП, ДП, Комэйто и для очень успешных «малых» партий выбиралась равноинтервальная ступенчатая шкала, а для менее успешных партий выбиралась уже разноинтервальная шкала, с помощью которой лучше показываются места локализация их основной поддержки. Также на картосхемах было обозначено увеличение или уменьшение поддержки партий. Для этого вычислялось стандартное отклонение средних процентов голосов в префектурах. Значения, превышающие диапазон стандартного отклонения, считаются увеличением или снижением поддержки. Всего получилось 11 картосхем. Примеры картосхем для партий, имеющих ярко выраженную региональную поддержку избирателей приведены в [3, с.8–9]. Далее в таблице отмечаются префектуры, где та или иная партия получают наибольшую или существенную поддержку избирателей (два верхних интервала на шкалах картосхем; образец показан в табл. 4). На основе групп составлялась сетка районирования (рис. 2). Выделенные нами регионы подразделяются на обычные и переходные. В первых чётко выделяется доминирующая традиционная партия (за одним исключением), во втором типе – две партии борются за первенство, но не за одной из них нет численного превосходства. «Малые» партии

могут быть представлены в обоих типах (чаще в первом). По наличию подобных партий различаются регионы с одинаковыми доминирующими партиями.

Таблица 4

Основные префектуры Японии, где партии получают основную поддержку на выборах

	ЛДП	ДП	НК	КПЯ	СДП	ННП	ТП	ПИ	ПБ
Хоккайдо		++							
Иватэ		++			+	+			++
Фукусима		+					+		+
Тотиги							++		
Сайтама		+					+		++
Тиба		+					+		
Токио		+		+			+		+
Канагава		+					+		
Ниигата		++			+	+			
Тояма	++				+	++			
Нагано		++		+					
Гифу		+							+
Сидзуока		++					+		
Айти		++					+		+
Мие		++							
Киото				++					
Осака			++	+				++	
Нара								+	
Вакаяма			++					+	
Симане	+					+			
Окаяма			++						
Ямагути	++		+						
Токусима		+	+						
Кагава					+				
Эхима	+		+						

	ЛДП	ДП	НК	КПЯ	СДП	ННП	ТП	ПИ	ПБ
Коти			++	++					
Фукуока			++						
Оита					++				
Миядзаки			++		+				
Окинава			+	+	++	+			

*Условные обозначения: ++ – значительная поддержка, + – существенная поддержка). Из таблицы исключены Либеральная партия (ЛП) и Партия Надежды (ПН), а также некоторые префектуры с непоказательными данными.

Электоральное районирование Японии отображает состояние электорального ландшафта страны в период с 2000 по 2017 гг. В описании каждого региона используется средний процент голосов избирателей за ту или иную партию, который также приведён в табл. 5.

I макрорегион. «Модернистская Япония». В данный макрорегион входят электоральные регионы, где избиратели в основном отдают голоса за партии прогрессивной и либеральной направленности, а также, где в основном появляются «малые партии» и получают ощутимую долю поддержки.

I. Хоккайдо занимает территорию одноимённого острова и префектуры. Преобладающая партия – прогрессивно-настроенная ДП (31,2% против 27,8% у ЛДП). Сильно влияние региональных партий, самая яркая из которых – «Новая Партия Даити». У КПЯ здесь один из самых высоких показателей степени поддержки в стране – 9,2%, которая в некоторой степени объясняется более жёсткой позицией по курильскому вопросу, чем у официальных властей Японии.

II. «Протестный». Занимает северную оконечность острова Хонсю и представлен префектурами: Аомори, Иватэ, Акита и Ямагата. Наибольшее влияние у ЛДП и ДП (33,9 и 26,9% соответственно). В регионе чаще всего находят ощутимую или значительную поддержку оппозиционные «малые» партии, которыми в исторической перспективе являлись: Либеральная партия, «Партия будущего», а на данный момент – «Партия Надежды».

III. Сендай (переходный) включает в себя префектуры Ми-яги и Фукусима. Имеется небольшой разрыв в поддержке между двумя основными партиями Японии: у ЛДП – 31,8 %, у ДП – 29,6 %. Основная «малая» партия – «Твоя партия»

IV. Касима-Нада (переходный) включает префектуры Гумма, Тотиги и Ибараки. В отличие от предыдущего региона разрыв между ЛДП и ДП весьма существенен (36,2 % против 25,7 % соответственно). Ощутимую поддержку из малых партий получали «Твоя партия» (лидер данной партии – родом из префектуры Тотиги) и «Партия Надежды».

V. «Трансхонсюйский демократический пояс» (пояс демократов) протягивается от Японского моря до побережья Тихого океана на полуострове Кии и включает в себя префектуры: Ниигата, Нагано, Айти и Миэ. Самая сильная поддержка у ДП в стране (31,9 % против 30,6 % у ЛДП).

VI. Токийский (Столичный) включает префектуры: Тиба, Сайтама, Токио, Канагава, Яманаси и Сидзуока. Поддержка двух основных партий зеркальна по отношению к 5 региону: у ЛДП – 31,4 %, у ДП – 28,6 %, причём в последнее десятилетие намечается тенденция к перехвату электората первой партией у второй. В Токио и Канагаве сосредоточены основные штаб-квартиры политических партий Японии. Основные «малые» партии: «Твоя партия», «Партия будущего» и «Партия Надежды».

II макрорегион. «Традиционная» Япония. В этот макрорегион входят регионы с основной поддержкой ЛДП и «Нового Комэйто» – партий во многом консервативного направления. Поддержки у малых партий и их количество меньше, чем в первом макрорегионе.

VII. Регион побережья Японского моря (Япономорский). Слабоурбанизированный регион с преобладанием консервативно-настроенного сельского населения. Преобладающие показатели у ЛДП (42,3 %), низкие у «Комэйто» (8,7 %) и ДП (24 %). Из малых партий в регионе – «Новая Народная партия» (ННП) и «Партия Надежды». Префектуры: Тояма, Исикава, Фукуи.

VIII. Регион озера Бива (переходный) включает в себя

префектуры Гифу, Сига и Нара. В данном регионе нет чётко преобладающей партии. «Малые» партии на выборах получают или средний или низкий результат.

IX. Старостолычный. Состоит из двух городских префектур: Киото и Осака. Основной регион поддержки у коммунистов (13,4%) и Партии Инноваций (24,6%), которая в своё время выросла из местного политического движения. Сильно влияние «Нового Комэйто» (13,8%). У ЛДП и ДП самые низкие показатели в стране: 27,4% и 24,3% соответственно.

X. Регион Внутреннего Японского Моря (регион Комэйто). Основной регион распространения поддержки пробуддийской партии Новое Комэйто (16%). Префектуры: Хиросима, Окаяма, Хёго, Вакаяма, Коти и Токусима.

XI. Северосикокский (переходный) включает префектуры Эхиме и Кагава. Ощутимый разрыв у ЛДП (36,2%) и ДП (25,6%), несколько низкая для юга Японии поддержка у «Комэйто» (14%).

XII. Регион полуострова Тюоку включает префектуры Ямагути, Симане и Тоттори. Очень высокая поддержка избирателями ЛДП (39%), которая во многом обеспечена личностью нынешнего премьер-министра Синдзо Абэ, уроженца этих мест; а также слабой урбанизированности данной территории. В отличие от Япономорского региона ощутимо влияние «Комэйто» (15,1%)

XIII. «Врата Японии» (переходный). Префектуры: Фукуока, Сага, Нагасаки и Кумамото. Ощущается в регионе определённая доля влияния ЛДП (34,1%). Один из самых высоких показателей у «Комэйто» в стране (15,6%) и «Партии Надежды».

XIV. Регион Кюсю и Рюкю является зоной основной поддержки СДП (10,5%) и включает префектуры: Оита, Миядзакки, Кагосима и Окинава. Весомая поддержка у «Нового Комэйто» (14,7%). Единственный регион в Японии, где результат социал-демократов на выборах выше, чем у коммунистов. Поддержка у ЛДП (33,5%) и ДП (21,4%) низкая по сравнению с остальной страной.

Коммунистическая партия Японии делит с «Партией инноваций» IX регион; Социал-Демократическая партия – XIV регион. «Малые» партии тяготеют к северной и центральной части о. Хонсю (особенно II регион), при этом основная их зона поддержки сосредоточена вокруг родных мест лидеров данных партий.

Период динамики и развития электорального ландшафта Японии в XXI в. можно разделить на два этапа: 2000–2009 гг. и с 2012 г. по настоящее время. На первом этапе Либерально-Демократическая партия в основном уступала позиции Демократической партии, Новой народной партии и Коммунистической партии Японии, что привело к уходу в оппозицию на выборах 2009 г., второй этап связан с личностью премьер-министра Синдзо Абэ и постепенным возвращением утраченных позиций Либерально-Демократической партией. Для Демократической партии это завершилось расколом партии в 2017 г. и уменьшением поддержки даже в своих наиболее лояльных регионах (в I и V). Все годы электорат теряла Социал-Демократическая партия, превратившись из конкурента Либерально-Демократической партии на выборах в 1990-х гг. в небольшую по большей части региональную партию южной оконечности Японии. Практически не изменилась поддержка у «Комэйто» и Коммунистической партии Японии.

Список источников и литературы

1. Варюшин П. С., Тихоцкая И. С. Политическая модель и электоральный ландшафт Японии и США: сравнительная характеристика // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 54–63.
2. Варюшин П. С., Тихоцкая И. С. Территориальные факторы электорального поведения в Японии и США // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 102–111.
3. Елацков А. Б., Осипов К. А. Электоральный ландшафт Японии в XXI веке // Псковский регионологический журнал. 2020 г. № 4 (44). С. 3–16.
4. Конституция Японии: перевод на русский язык. Токио: Научно-исслед. ин-т Евразии при Об-ве «Япония – страны Евразии», 1995. 48 с.
5. Пантелеева М. В. К вопросу о становлении избирательной системы Японии // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 126–133.

6. Политическая система современной Японии / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 2013. 384 с.
7. Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А. Г. Орлов, В. И. Лафитский, И. А. Ракитская, Т. О. Кузнецова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ: Типография «Новости». 2009. 448 с.
8. Стрельцов Д. В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М., АИРО-XXI. 2013. 280 с.
9. Стрельцов Д. В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. 2016. № 3. С. 70–85.
10. Стрельцов Д. В. Типизация социального протеста в современной Японии // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 4 (43). С. 170–179.
11. Стрельцов Д. В. Япония: четверть века после электоральной реформы // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 41–48.

ELECTORAL REGIONALIZATION OF MODERN JAPAN

Osipov K. A.¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

This gives the right to assess the contribution of a particular region or group of regions to the distribution of mandates between parties in the Parliament. This gives the right to assess the contribution of a particular region or group of regions to the distribution of mandates between parties in the Parliament, and helps to identify problems of an ethnic, religious or socio-economic nature that exist in the region or in the country as a whole and require an early solution. The Japanese electoral system is less well studied than the European or American ones, although it is the oldest in Asia. The current stage of its formation and development can be counted from 1994, when a major electoral reform was carried out to change the rules for the formation of the Country's Parliament and the system of electoral districts, which led to ambiguous consequences and the phenomenon of "small" parties since the mid-2000s. The author in this article attempts to study the electoral landscape of this country, its features, the degree of support and time dynamics of various political parties by prefecture and region of the country. Based on the identified regularities, the author proposes his own grid of zoning of Japan, reflecting the state of the country's electoral landscape between 2000 and 2017 in the lower house of Parliament under the proportional system.

Key words: electoral landscape, Japan, electoral regionalization, House of Representatives, proportional system.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ГЕРМАНИИ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2021 г.

'ЕОВ.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируется возможность применения достижений при исследовании электоральной географии Германии в прошлом для прогнозирования результата очередных парламентских выборов в сентябре 2021 года. Рассмотрен эффект проблемного голосования, то есть повышение доли голосов именно в том регионе, где политик или партия делает акцент на местной проблеме, которая волнует избирателей; эффект соседства – пространственный закон распределения голосов за счёт увеличения их доли к центру источника партийной легитимности. В контексте исследования немецкого кейса было рассмотрено понятие реликтовых границ.

Ключевые слова: Германия, парламентские выборы, электоральная география, прогнозирование, эффект соседства, эффект проблемного голосования.

В декабре 2020 г. было официально определено, что очередные парламентские выборы в Германии пройдут 26 сентября 2021 г. Германия является парламентской республикой, а её правительство формируется партиями, которые одерживают победу на национальных выборах. Таким образом, такой институт в Германии, как политическая партия, играет важную роль в определении политического курса страны, так как имеет рычаги влияния на выработку стратегии как в парламенте, так и в правительстве. Хотя на данный момент большая шестёрка парламентских партий является устойчивой (результаты последних опросов социологической службы Forsa не показывают, например, неспособность свободных демократов пройти в парламент, как было в 2013 г.²) и не существует угрозы возникновения внесистемной политической силы (так как

---

² Forsa. Wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre – URL: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm> [Дата обращения: 13.03.2021]

протестный запрос частично поглощается на двух флангах оппозиционными Зелёными и «Альтернативной для Германии»), политическая система Германии переживает определённый кризис в связи с тем, что федеральный канцлер и бывший руководитель крупнейшей партии центра ХДС Ангела Меркель не будет претендовать на ближайших национальных выборах на новый срок.

Любопытно, что заявление об этом было сделано ещё в далёком 2018 году, но оно послужило публичным признанием размывания различий между правящими партиями, что приводит к внутрипартийному кризису и потере популярности. После отставки Аннегрет Крамп-Карренбауэр в результате политического кризиса в Тюрингии возникают сомнения, насколько может сопротивляться руководство ХДС тенденциям, вынуждающим сместиться партию центра вправо. Хотя победу на выборах лидера ХДС в январе 2021 г. одержал представитель умеренного крыла Армин Лашет, другая, меньшая половина участников съезда его кандидатуру не поддержала. Это очень важно в контексте региональных выборов, так как кейс Тюрингии показал, что региональные политические группы в ХДС могут действовать вполне самостоятельно в определении политических партнёров.

В контексте кейса Тюрингии особенный интерес представляет изучение влияния электоральной географии Германии для прогнозирования результата очередных парламентских выборов в сентябре 2021 года. Настоящее исследование проводится по двум традиционным направлениям электоральной географии: исследование географии земельных голосований накануне предыдущих выборов (для доказательства, что результат можно прогнозировать таким образом) и рассмотрение географии электоральных размежеваний на национальном уровне по партийным предпочтениям. Таким образом, исследование преследует достижение двух целей: определение закономерностей, позволяющих прогнозировать результат национальных выборов через отражение итогов последних региональных выборов; определение электоральных размежеваний в Германии на национальном уровне по партийным предпочтениям.

В рамках рассмотрения темы интерес представляют выявление эффектов электоральной географии в Германии. В работе рассмотрены эффект проблемного голосования, то есть повышение доли голосов именно в том регионе, где политик или партия делает акцент на местной проблеме, которая волнует избирателей; эффект соседства – пространственный закон распределения голосов за счёт увеличения их доли к центру источника партийной легитимности. В контексте исследования немецкого кейса необходимо рассмотреть понятие реликтовых границ.

Первая часть работы посвящена ответу на вопрос, можно ли сделать вывод о том, как проголосует федеральная земля на национальных парламентских выборах на основании результата последних земельных выборов, если они были проведены в течение календарного года до таких выборов? Речь идёт о сравнении результатов земельных выборов (голосование за региональный партийный список) и партийных предпочтений избирателей на национальных выборах (второй голос – голосование за федеральный партийный список).

Таблица 1

Второй голос на парламентских выборах в Германии 2002–2017 гг. (голосование за федеральные партийные списки)³.

	ХДС+ХСС	СДПГ	СвДП	Зелёные	Левые ¹	АдГ
Сентябрь 2017 г.	26,8%+6,2%	20,5%	10,7%	8,9%	9,2%	12,6%
Сентябрь 2013 г.	34,1%+7,4%	25,7%	4,8%	8,4%	8,6%	4,7%
Сентябрь 2009 г.	27,3%+6,5%	23%	14,6%	10,7%	11,9%	-
Сентябрь 2005 г.	27,8%+7,4%	34,2%	9,8%	8,1%	8,7%	-
Сентябрь 2002 г.	29,5%+9%	38,5%	7,4%	8,6%	4%	-

В 2002 г. на земельных выборах в Берлине победу одержала СДПГ, второе место с большим отрывом от последних подели-

³ Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].

ли ХДС и Левые, последними практически с равным результатом пришли СвДП и Зелёные. Однако на национальных выборах сложилась иная картина: СДПГ и ХДС увеличили свой отрыв от других партий, а третьей партией стали уже Зелёные.

В 2004–2005 г. результаты земельных выборов, которые проходили в течение календарного года до выборов в Бундестаг, могли бы свести с толку наблюдателей и исследователей. Хотя победу на выборах в ландтаги Северного Рейна–Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейна одержала партия ХДС, на национальных выборах большинство избирателей в этих землях отдали свой второй голос партийному списку СДПГ. Только в Бранденбурге расклад сил сохранился прежним на выборах в Бундестаг. Важный момент, что во всех трёх землях малые партии – СвДП, Зелёные и Левые⁴ (кроме Бранденбурга), увеличили свою поддержку. Во многом это объясняется тем, что в случае выборов в Бундестаг речь идёт о голосовании за федеральный партийный список, а на региональных выборах принимает участие большое количество местных партий, которые на федеральных выборах уже не составляют конкуренцию партиям Бундестага. В 2008–2009 гг. прошло сразу шесть избирательных кампаний в течение календарного года до парламентских выборов. Если проанализировать представленные данные, то можно сделать вывод, что в целом перед общефедеральной кампанией настроения избирателей в обозначенных землях в отношении своих партий не изменились, поэтому колебания в результате в большинстве случаев не превышают 2–3 %. Исключением можно считать кампанию в Саксонии, где произошёл существенный прирост избирателей у СДПГ и Левых в сравнении с земельными выборами. Кроме того, партия ХДС показала результат хуже в сравнении с земельной кампанией в Гессене, Сааре и Саксонии.

Таблица 2

Земельные выборы, которые были проведены в Германии ровно за календарный год до выборов в Бундестаг 2002 г.: Берлин⁵.

⁴ При рассмотрении периода до 2007 г. подразумевается Партия демократического социализма

⁵ Ergebnisse Früherer Landtagswahlen. Stand: 14. Dezember 2020. Informationen des Bundeswahlleiters. – 2020. – S. 6–100

	ХДС	СДПГ	СвДП	Зелёные	Партия демократического социализма
Берлин (октябрь 2001 г.)	23,8 %	29,7 %	9,9 %	9,1 %	22,6 %
Национальные выборы (второй голос) в Берлине	25,9 %	36,6 %	6,6 %	14,6 %	11,4 %

В 2012–2013 гг. прошло всего две избирательных кампании в Баварии и Нижней Саксонии в течение календарного года до выборов в Бундестаг. Тем не менее это одни из крупнейших регионов страны по численности населения, площади и уровню социально-экономического развития, так что выборы в этих регионах можно было бы считать в определённой степени предопределяющими результат национальной кампании. Однако исключительно результат этих кампаний не позволил бы спрогнозировать непрохождение депутатов СвДП в Бундестаг, повышение популярности ХДС (тогда на земельных выборах партия даже лишилась мест в ландтаге) и формирование партии Зелёных самой маленькой фракции в парламенте. Конечно, рассмотрение избирательной кампании 2013 г. через призму земельных выборов представляется проблематичным для любого региона, так как только после завершения всех земельных кампаний до выборов в Бундестаг в 2013 г. возникла новая партия – «Альтернатива для Германии», которая выступила дивергентным феноменом, не позволяющим спрогнозировать результат до своего появления.

В 2016–2017 гг. прошло пять земельных избирательных кампаний в Берлине, Мекленбурге – Передней Померании, Северном Рейне – Вестфалии, Сааре и Шлезвиг-Гольштейне в течение календарного года до выборов в федеральный парламент. Их результаты позволили бы спрогнозировать возвращение партии СвДП в Бундестаг и повышение роли Левой партии и АдГ в политической жизни Германии, то есть в целом они отразили тренд на поляризацию общества в отдельных регионах. Однако они не показали падение популярности СДПГ, особенно, конечно, в тех регионах, где на земельных выборах до этого социал-демократы одержали победу.

Таким образом, рассмотрение исключительно земельных кампаний для прогнозирования результатов федеральных выборов не позволяет точно отразить ту картину, которая может сложиться в партийной политике после сентябрьских выборов в Бундестаг. Если на земельных выборах избиратели голосуют за местных лидеров и местных представителей партии, то на федеральных выборах они выбирают вторым голосом общенациональный партийный список, поэтому результат отражения партийных предпочтений может существенно отличаться на национальной и региональной кампаниях в одной земле. Это означает, что какие-либо земельные выборы не предопределяют результат национального голосования, но фактор результата земельных выборов и опыт партийного сотрудничества на земельном уровне в рамках коалиции следует учитывать при исследовании партийной политики Германии и выявлении закономерностей коалиционного строительства.

Влияет ли как-то на результат на выборах в Бундестаг то, что партия является правящей в регионе? В 2002 г. правящими партиями в Берлине были СДПГ (улучшение) и Левая (ухудшение). В 2005 г. правящие партии Бранденбурга СДПГ и ХДС улучшили свой результат в сравнении с региональными выборами; партии ХДС (ухудшила) и СвДП (улучшила) в Северном Рейне–Вестфалии; партии ХДС и СДПГ ухудшили свой результат в Шлезвиг-Гольштейне. В 2009 г. правящая ХСС ухудшила свой результат; в Гессене ХДС (ухудшила) и СвДП (улучшила); в Сааре ХДС (ухудшила); в Саксонии ХДС (ухудшила) и СвДП (улучшила); в Шлезвиг-Гольштейне ХДС и СвДП (обе–улучшили); в Тюрингии ХДС (неизменный). В 2013 г. правящая ХСС улучшила свой результат; в Нижней Саксонии СДПГ (улучшила) и Зелёные (ухудшила). В 2017 г. в Берлине СДПГ (ухудшила), Левые (улучшила), Зелёные (ухудшила); в Мекленбурге СДПГ (ухудшила) и ХДС (улучшила); в Вестфалии ХДС (ухудшила) и СвДП (улучшила); в Сааре ХДС и СДПГ (обе–ухудшили); в Шлезвиге ХДС и СвДП (обе–улучшили) и Зелёные (ухудшила). Таким образом, 15 правящих региональных партий улучшили свой земельный результат на национальных выборах, 16–ухудшили, и 1 результат остался неизменным. То есть такой

зависимости для правящих региональных партий нет.

Во второй части работы были рассмотрены партийные предпочтения избирателей Германии по регионам. В таблицах были использованы вновь результаты голосования жителей Германии за федеральные партийные списки. Это позволяет определить устойчивые электоральные размежевания в обществе, которые могут быть наложены на другие традиционные размежевания. Свою устойчивую поддержку блок ХДС/ХСС получает в юго-западной Германии (Гессен, Северный Рейн–Вестфалия, Саар, Рейнланд-Пфальц, Баден-Вюртемберг, Бавария), Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейне. Тем не менее партия ХДС получает высокий уровень поддержки во всех регионах страны, что подтверждается тем, что за пять избирательных кампаний только в двух землях партия три раза и больше получала поддержку менее четверти избирателей (Бранденбург и Берлин).

Таблица 3

Партийные предпочтения избирателей регионов на основании распределения голосов за федеральный партийный список партий блока ХДС/ХСС на выборах в Бундестаг в 2002–2017 гг.⁶

	2002	2005	2009	2013	2017
Бранденбург	22,3 %	20,6 %	23,6 %	34,8 %	26,7 %
Берлин	25,9 %	22 %	22,8 %	28,5 %	22,7 %
Саксония	33,6 %	30 %	35,6 %	42,6 %	26,9 %
Саксония - Ангальт	29 %	24,7 %	30,1 %	41,2 %	30,3 %
Мекленбург – Передняя Померания	30,3 %	29,6 %	33,1 %	42,5 %	33,1 %
Тюрингия	29,4 %	25,7 %	31,2 %	38,8 %	28,8 %
Гессен	37,1 %	33,7 %	32,2 %	39,2 %	30,9 %
Бавария	58,6 % (ХСС)	49,2 % (ХСС)	42,5 % (ХСС)	49,3 % (ХСС)	38,8 % (ХСС)
Баден - Вюртемберг	42,8 %	39,2 %	34,4 %	45,7 %	34,4 %
Рейнланд - Пфальц	40,2 %	36,9 %	35 %	43,3 %	35,9 %

⁶ Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].

	2002	2005	2009	2013	2017
Саар	35 %	30,2 %	30,7 %	37,8 %	32,4 %
Северный Рейн – Вестфалия	35,1 %	34,4 %	33,1 %	39,8 %	32,6 %
Нижняя Саксония	34,5 %	33,6 %	33,1 %	41,1 %	34,9 %
Бремен	24,6 %	22,8 %	23,9 %	29,3 %	25,1 %
Гамбург	28,1 %	28,9 %	27,8 %	32,1 %	27,2 %
Шлезвиг - Гольштейн	36 %	36,4 %	32,2 %	39,2 %	34 %

Электоральная база партии СДПГ также сосредоточена в юго-западной Германии, Нижней Саксонии и Шлезвиг Гольштейна. Кроме того, партия пользуется популярностью в трёх городах – Бремен, Берлин и Гамбург. В начале столетия оплотом СДПГ также можно было считать «новые земли» Германии, но на последних парламентских выборах она показала наихудшие результаты по землям именно в этом регионе.

Таблица 4

Партийные предпочтения избирателей регионов на основании распределения голосов за федеральный партийный список партии СДПГ на выборах в Бундестаг в 2002–2017 гг⁷.

	2002	2005	2009	2013	2017
Бранденбург	46,4 %	35,8 %	25,1 %	23,1 %	17,6 %
Берлин	36,6 %	34,3 %	20,2 %	24,6 %	17,9 %
Саксония	33,3 %	24,5 %	14,6 %	14,6 %	10,5 %
Саксония-Ангальт	43,2 %	32,7 %	16,9 %	18,2 %	15,2 %
Мекленбург – Передняя Померания	41,7 %	31,7 %	16,6 %	17,8 %	15,1 %
Тюрингия	39,9 %	29,8 %	17,6 %	16,1 %	13,2 %
Гессен	39,7 %	35,6 %	25,6 %	28,8 %	23,5 %
Бавария	26,1 %	25,5 %	16,8 %	20 %	15,3 %
Баден-Вюртемберг	33,5 %	30,1 %	19,3 %	20,6 %	16,4 %
Рейнланд-Пфальц	38,2 %	34,6 %	23,8 %	27,5 %	24,1 %

⁷ Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].

	2002	2005	2009	2013	2017
Саар	46 %	33,3 %	24,7 %	31 %	27,1 %
Северный Рейн–Вестфалия	43 %	40 %	28,5 %	31,9 %	26 %
Нижняя Саксония	47,8 %	43,2 %	29,3 %	33,1 %	27,4 %
Бремен	48,6 %	42,9 %	30,2 %	35,6 %	26,8 %
Гамбург	42 %	38,7 %	27,4 %	32,4 %	23,5 %
Шлезвиг-Гольштейн	42,9 %	38,2 %	26,8 %	31,5 %	23,3 %

Электоральная база партии СвДП также сосредоточена в юго-западной Германии, Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейне. Кроме того, партия пользуется популярностью в трёх городах – Бремен, Берлин и Гамбург, однако она не может считаться народной, так как её поддержка не является устойчивой, что было выражено в том числе в том, что в 2013 г. она не смогла провести своих членов в Бундестаг.

Таблица 5

Партийные предпочтения избирателей регионов на основании распределения голосов за федеральный партийный список партии СвДП на выборах в Бундестаг в 2002–2017 гг.⁸.

	2002	2005	2009	2013	2017
Бранденбург	5,8 %	6,9 %	9,3 %	2,5 %	7,1 %
Берлин	6,6 %	8,2 %	11,5 %	3,6 %	8,9 %
Саксония	7,3 %	10,2 %	13,3 %	3,1 %	8,2 %
Саксония-Ангальт	7,6 %	8,1 %	10,3 %	2,6 %	7,8 %
Мекленбург–Передняя Померания	5,4 %	6,3 %	9,8 %	2,2 %	6,2 %
Тюрингия	5,9 %	7,9 %	9,8 %	2,6 %	7,8 %
Гессен	8,2 %	11,7 %	16,6 %	5,6 %	11,5 %
Бавария	4,5 %	9,5 %	14,7 %	5,1 %	10,2 %
Баден-Вюртемберг	7,8 %	11,9 %	18,8 %	6,2 %	12,7 %
Рейнланд-Пфальц	9,3 %	11,7 %	16,6 %	5,5 %	10,4 %
Саар	6,4 %	7,4 %	11,9 %	3,8 %	7,6 %

⁸ Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].

	2002	2005	2009	2013	2017
Северный Рейн–Вестфалия	9,3 %	10 %	14,9 %	5,2 %	13,1 %
Нижняя Саксония	7,1 %	8,9 %	13,3 %	4,2 %	9,3 %
Бремен	6,7 %	8,1 %	10,6 %	3,4 %	9,3 %
Гамбург	6,8 %	9 %	13,2 %	4,8 %	10,8 %
Шлезвиг-Гольштейн	8 %	10,1 %	16,3 %	5,6 %	12,6 %

Основную электоральную базу партии Зелёные составляют жители трёх городов, Шлезвиг-Гольштейна и Баден-Вюртемберга. В западных землях за партию голосует значительно больше избирателей, чем в восточных. Прирост избирателей обеспечивается в том числе за счёт падения популярности СДПГ и противопоставления правым радикалам из АдГ.

Таблица 6

Партийные предпочтения избирателей регионов на основании распределения голосов за федеральный партийный список Зелёной партии на выборах в Бундестаг в 2002–2017 гг.⁹

	2002	2005	2009	2013	2017
Бранденбург	4,5 %	5,1 %	6,1 %	4,7 %	5 %
Берлин	14,6 %	13,7 %	17,4 %	12,3 %	12,6 %
Саксония	4,6 %	4,8 %	6,7 %	4,9 %	4,6 %
Саксония-Ангальт	3,4 %	4,1 %	5,1 %	4 %	3,7 %
Мекленбург–Передняя Померания	3,5 %	4 %	5,5 %	4,3 %	4,3 %
Тюрингия	4,3 %	4,8 %	6 %	4,9 %	4,1 %
Гессен	10,7 %	10,1 %	12 %	9,9 %	9,7 %
Бавария	7,6 %	7,9 %	10,8 %	8,4 %	9,8 %
Баден-Вюртемберг	11,4 %	10,7 %	13,9 %	11 %	13,5 %
Рейнланд-Пфальц	7,9 %	7,3 %	9,7 %	7,6 %	7,6 %
Саар	7,6 %	5,9 %	6,8 %	5,7 %	6 %
Северный Рейн–Вестфалия	8,9 %	7,6 %	10,1 %	8 %	7,6 %
Нижняя Саксония	7,3 %	7,4 %	10,7 %	8,8 %	8,7 %

⁹ Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].

	2002	2005	2009	2013	2017
Бремен	15 %	14,3 %	15,4 %	12,1 %	11,1 %
Гамбург	16,2 %	14,9 %	15,6 %	12,7 %	13,9 %
Шлезвиг-Гольштейн	9,4 %	8,4 %	12,7 %	9,4 %	12 %

Наибольшей популярностью Левая партия пользуется в трёх городах, в «новых землях» Германии и в Сааре. Причём в Берлине всё-таки больше избирателей отдают предпочтение Левым, чем избиратели Гамбурга и Бремена.

Партия Альтернатива для Германии пользуется наибольшей поддержкой среди избирателей восточной Германии, а в городах и в западных землях за неё голосует в два раза меньше избирателей в процентном соотношении. Тем не менее у партии, в отличие от Лево́й партии, можно выделить ключевой регион, в котором сосредоточена основная база избирателей – это Саксония, где на последних парламентских выборах партия пришла первой по голосованию за федеральные списки.

Таблица 7

Партийные предпочтения избирателей регионов на основании распределения голосов за федеральный партийный список Лево́й партии¹⁰ на выборах в Бундестаг в 2002–2017 гг.¹¹.

	2002	2005	2009	2013	2017
Бранденбург	17,2 %	26,6 %	28,5 %	22,4 %	17,2 %
Берлин	11,4 %	16,4 %	20,2 %	18,5 %	18,8 %
Саксония	16,2 %	22,8 %	24,5 %	20 %	16,1 %
Саксония-Ангальт	14,4 %	26,6 %	32,4 %	23,9 %	17,7 %
Мекленбург – Передняя Померания	16,3 %	23,7 %	29 %	21,5 %	17,8 %
Тюрингия	17 %	26,1 %	28,8 %	23,4 %	16,9 %
Гессен	1,3 %	5,3 %	8,5 %	6 %	8,1 %
Бавария	0,7 %	3,4 %	6,5 %	3,8 %	6,1 %
Баден-Вюртемберг	0,9 %	3,8 %	7,2 %	4,8 %	6,4 %

¹⁰ При рассмотрении периода до 2007 г. подразумевается Партия демократического социализма

¹¹ Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].

	2002	2005	2009	2013	2017
Рейнланд-Пфальц	1 %	5,6 %	9,4 %	5,4 %	6,8 %
Саар	1,4 %	18,5 %	21,2 %	10 %	12,9 %
Северный Рейн – Вестфалия	1,2 %	5,2 %	8,4 %	5,4 %	7,5 %
Нижняя Саксония	1 %	4,3 %	8,6 %	5 %	7 %
Бремен	2,2 %	8,4 %	14,3 %	10,1 %	13,4 %
Гамбург	2,1 %	6,3 %	11,2 %	10,1 %	12,2 %
Шлезвиг-Гольштейн	1,3 %	4,6 %	7,9 %	5,2 %	7,3 %

Таким образом, электоральные размежевания в Германии по партийным предпочтениям точно пролегают по социально-экономическим и реликтовым границам. В Германии традиционный современный экономический раскол обусловлен искусственным политическим разделением во второй половине XX века на ФРГ и ГДР. Реликтовая граница, проходящая по бывшей границе двух германских государств, сегодня делит Германию на две поляризованные части: в западных регионах происходит столкновение народных партий с Зелёными и СвДП, представляющими им прогрессивную альтернативу, а в восточных – с Левыми и АдГ как радикальными версиями народных партий центра.

Ежегодно правительство ФРГ публикует доклад о германском единстве, в котором отражается социально-экономический разрыв западной и восточной Германии. Хотя в прошлом году был опубликован доклад с оптимистичными прогнозами, раскол сохраняется уже 30 лет и влияет, как мы видим из этого исследования, на электоральные предпочтения избирателей, что напрямую оказывает воздействие на государственную политику. Нельзя не обратить внимание и на популярность Левой партии и АдГ в Сааре, который также не является передовым регионом страны в социально-экономическом плане, поэтому его избирателей лихорадит во время разных национальных кампаний.

Земельные выборы в Германии не определяют результат национального голосования, то есть результат региональной кампании нельзя преломить для потенциальных выборов

в Бундестаг. Рассмотрение исключительно земельных кампаний для прогнозирования результатов федеральных выборов не позволяет точно отразить ту картину, которая может сложиться в партийной политике после сентябрьских выборов в Бундестаг. Это было продемонстрировано на основании исследования результатов всех земельных выборов, которые прошли за календарный год до национальных кампаний XXI века.

Анализ электоральных размежеваний по партийным предпочтениям немецких избирателей на национальном голосовании в Бундестаг за федеральный партийный список позволил доказать влияние реликтовых границ, обуславливающих социально-экономический раскол Германии на две части, в электоральном процессе. В результате рассмотрения кейсов Левой партии и партии «Альтернатива для Германии», которые пользуются наибольшей популярностью в регионах с наименьшим уровнем социально-экономического развития, можно сделать вывод о существовании эффекта проблемного голосования в Германии в «новых землях» и Сааре.

В результате рассмотрения результатов голосования за Зелёную партию и Левую партию на национальных выборах можно сделать вывод о существовании эффекта соседства в Германии. Так, например, Зелёная партия пользовалась наибольшей поддержкой в Гамбурге, Бремене, Баден-Вюртемберге, и в соседних с этими регионами она получила голосов больше (Шлезвиг-Гольштейн, Нижняя Саксония, Гессен, Бавария, Рейнланд-Пфальц), чем в других регионах страны. Хотя основная доля избирателей Левой партии сосредоточена в восточной Германии и Сааре, в соседних западных регионах также может быть существенен прирост избирателей (Шлезвиг-Гольштейн, Гессен, Рейнланд-Пфальц).

Список литературы

1. Роль малых партий в партийно-политической системе Германии. Доклады Института Европы № 314 / под ред. В. Б. Белова, Е. П. Тимошенко. – М: Ин-т Европы РАН, 2015. – 136 с.
2. Белов, В. Б. Актуальные партийно-политические тенденции в Германии / В. В. Белов. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2019. – № 4. – 7 с.

3. Окунев И. Ю. Политическая география: Учебное пособие для вузов / И. Ю. Окунев – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 512 с.
4. Хришкевич Т. Г. Бедность населения ФРГ в контексте региональной диспропорции государства // Исследовательский проект РФФИ 17-01-00-190 «Региональная диспропорция современной Германии: сравнительный анализ социальных индикаторов». – 24 с.
5. Decker, F. Handbuch der deutschen Parteien / F. Decker. – Springer VS. – 2018. – 546 S.
6. Ergebnisse Früherer Landtagswahlen. Stand: 14. Dezember 2020. Informationen des Bundeswahlleiters. – 2020. – 199 S.
7. Der Bundeswahlleiter – URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/bundeswahlleiter.html> [Дата обращения: 10.03.2021].
8. Forsa. Wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre – URL: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/forsa.htm> [Дата обращения: 13.03.2021]
9. Germany's Steinmeier warns of 'invisible' walls that threaten social cohesion / DW – URL: <https://www.dw.com/en/germanys-steinmeier-warns-of-invisible-walls-that-threaten-social-cohesion/a-51184946> [Дата обращения: 13.03.2021].
10. Nachrichten. Election.de. Wahlergebnisse – URL: http://www.election.de/cgi-bin/content.pl?url=ltw_wahl.html [Дата обращения: 10.03.2021].
11. 30 лет единства Германии: удалось ли восточным землям догнать западные? / DW – URL: <https://www.dw.com/ru/30-let-edinstva-germanii-udalos-li-vostoku-dognat-zapad/a-55090254> [Дата обращения: 13.03.2021].
12. Доклад «30 лет германского единства» Правительства ФРГ / Евразийские стратегии – URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/doklad-30-let-germanskogo-edinstva-pravitelstva-frg/> [Дата обращения: 14.03.2021].

LAND VOTING AND NATIONAL ELECTORAL DISENGAGEMENTS IN GERMANY TO PREDICT THE OUTCOME OF THE 2021 PARLIAMENTARY ELECTIONS

Smirnov Egor V.¹

¹St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

The article analyzes the possibility of applying the achievements in the study of the electoral geography of Germany in the past to predict the outcome of the next parliamentary elections in September 2021. This study is conducted in two traditional areas of electoral geography: study of the geography of land voting on the eve of the previous elections. As part of the consideration of the topic, the identification of the effects of electoral geography in Germany is of interest. The effect of problematic voting, that is, an increase in the share of votes in the region where a politician or party focuses on a local problem that worries

voters, is considered; neighborhood effect—spatial law of distribution of votes by increasing their share to the center of the source of party legitimacy. In the context of the study of the German case, the concept of relict boundaries was considered.

Key words: Germany, parliamentary elections, electoral geography, forecasting, neighborhood effect, problem voting effect.

Секция 7
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РЕГИОНОВ

ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА
И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНА

Ибрагимов А. И.¹

¹Эгейский Университет,
Измир, Турция

Сама по себе, карабахская проблема, существовавшая с 1988 по 2020, являясь одной из старейших катаклизмом на политической карте мира, представляла собой некий геополитический казус обусловленный следствием развала СССР, Карабахский случай, является уникальным, как по своему содержанию, так и по геополитической значимости, являясь одним из катализаторов коллапса Советского Союза. Рассматривая данный вопрос в контексте аннексии территории, можно заметить, что это единственный случай, когда когда одно государство (Армения) расширяет свое жизненное пространство за счет территории другого (Азербайджан) и камуфлирует это тезисом борьбы за независимость и ущемлением прав национальных меньшинств. Завершение второй карабахской войны, привело к территориально целостности Армении и Азербайджана, первая вернулась к своим признанным границам, а Азербайджан восстановил, признанную международным правом свою пространственную целостность. В этом отношении особую значимость, приобретает взаимодействие Российской Федерации и Турецкой Республики в контексте перевода ситуации из состояния вражды в состояние многостороннего экономического и политического сотрудничества.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, Грузия, Турция, Россия, Карабах, война

Надо указать, что Южный Кавказ является одним из самых критических геополитическом регионом в мире. Может быть только на Среднем востоке все более жестко, но в плане критичности ситуации Южный Кавказ им не уступает. Следует отметить, что страны региона, в течении длительного время

были лишены своей территориальной целостности. Если Азербайджан и Армения ее сейчас восстановили, то Грузия еще не полностью владеет своим пространством. Есть и другие различия, они носят некий арифметический характер. В геополитическом отношении, характер противоборствующих сторон довольно различный если абхазско-осетинском случае в качестве противоборствующих сторон выступают Россия и Грузия, то в Карабахском случае мы видели, по одну сторону баррикад Азербайджан, а по другую трио – Армения, Нагорный Карабах, армянская Диаспора. (1, С. 87)

Вторая немаловажная деталь, это международный фон. Если в грузинском случае, мы видим значительную внешнюю поддержку стране потерявшую свою целостность (2, С. 135), то в армяно-азербнском случае, мы наблюдаем совершенно перевернутую картинку, мировое public opinion практически единогласно, на стороне страны присоединившей территорию соседнего государства. Завершение Карабахского конфликта и заключение договора от 10 ноября 2020 года, подписанного президентами России, Азербайджана и премьер-министром Армении. Данный документ позволит интегрировать (посредством Мегринского коридора), Армению в Евразийское пространство и обеспечит выход республики в Юго-Восточную Европу, путем интеграции с железными дорогами Анатолии, что позволит республике Армении найти выход на рынок стран Юго-Восточной Европы. (3) Следует отметить, что по целому ряду причин республика Армения, оказалась изолированной, практически от всех интеграционных проектов на Южном Кавказе. Безусловно, подключение ее к ЕВРАЗЭС и ОДКБ, значительно повышает значимость данного государства, на пространствах Евразии, но не желание на интеграционное взаимодействие, со своими непосредственными соседями, значительно снижает потенциал Армении, как на Евразийском пространстве в целом и на Южном Кавказе в частности. (4 С.128)

Южный Кавказ: почему Россия и Турция? Исходя из целей данной работы, мы делаем акцент, на два ведущих игрока региона, Иран сознательно не рассматриваем, т.к. он довольно

пассивен в деле воздействия на процессы на Южном Кавказе.

Рассматривая, особенности соприкосновения России и Турции с регионом, до 1917 года, мы можем наблюдать для России особую систему колонизации с ассиметрическим управлением, а для Турции это ограничивалось культурными (с Азербайджаном) и хозяйственными связями. (5, С. 60–62) После заключения Московского договора (Советская Россия и Кемалистская Турция) от 16 марта 1921 года, наступил новый этап и здесь мы можем отметить определенные различия во взаимоотношения со странами южного Кавказа, если для России это была политика совместного существования, то для Турции была предназначена роль стороннего наблюдателя и значительной изоляцией от процессов протекающих в регионе иными словами, если Россия является стационарным представителем в регионе, то для Турции он является сравнительно новым, в контексте экономической и политической интеграции.

Начиная с 1991 года, мы наблюдаем, основательные геополитические изменения в регионе. Все страны Южного Кавказа, вошли в свою независимость, со значительными внутри страновыми проблемами. В этой ситуации, Россия, продолжала сотрудничество с государствами региона в рамках СНГ и безусловно, здесь важен был человеческий капитал, нажитый за более чем 150 летнее совместное сосуществование.

Грузия: Российско-Турецкий Черноморский Сосед. Тем не менее, существуют, определенные сложности в политических взаимоотношениях Российской Федерации со странами Южного Кавказа. В случае с Грузией это обусловлено проблемами связанными с Южной Осетией и Абхазией с одной стороны и взятым этим государством ориентацией на Запад сопровождающейся значительной анти-российской риторикой, хотя межчеловеческие отношения остаются на довольно положительном уровне, подобное относится и к другим странам региона.

В турецком случае, прослеживается, длительное культурная составляющая в грузино-турецких отношениях. Надо заметить, что значительное количество грузин, проживающих в Турции, расположены, главным образом на Черноморском

побережье страны (Синоп-Артвин). Безусловно они в значительной степени ассимилированы и образ жизни в какой-то мере отличается от собратьев в Грузии. Более того они составляют некий микс крайних идеологических течений консервативности и левого радикализма. (6, С.142–146) Турция видит в Грузии, соседнее государство дружеского типа и всячески способствует его развитию на различных платформах. От Организации Черноморского Экономического сотрудничества и страны партнера НАТО.

Турция, посредством Грузии, обеспечивает свои энергетические потребности (трубопровод Баку–Джейхан) и транспортный (железная дорога Баку–Тбилиси–Карс) выход на рынки России, Китая и Центральной Азии. Любопытным фактом является, то, что не смотря на практически союзнические отношения с Грузией, глобальные партнеры, всячески препятствовали сооружению этих инфраструктурных проектов (требуя вовлечения в этот процесс Армению) и они были построены минуя кредитного коридора Запада. финансовых ресурсов.

Однако, можно с уверенностью утверждать, что характер грузино-турецких отношений по внутреннему содержанию, значительно отличается от российско-грузинских контактов. Осюенно это проявляется в межличностным и культурологическом отношении. В человеческом плане, Грузия все еще остается чужой для Турции страной и потребует значительное время для формирования общего для Грузии и Турции культурного пространства.

Армения: Далекая для Турции и Близкая для России. Не имеющая с Россией общих границ Армения, наиболее всего интегрирована в военно-политические и экономические союзы, ведущую роль в которых играет Россияская Федерация, это обусловлено целым рядом факторов, основным из которых являются определенная изоляция от интеграционных процессов протекающих в регионе (из четырех соседних государств, она с двумя не поддерживает дипломатические отношения).

Наличие воинской базы Российской Федерации в Респу-

блике Армения, повышает стратегическую значимость, данного государства, особенно в контексте того, что оно является членом ОДКБ, Все это позволяет Армении считать себя форпостом России в регионе. Тем не менее, наблюдается значительное стремление выше названной страны в направлении широкого сотрудничества со странами Запада. Здесь видится сильное влияние многочисленной армянской диаспоры на внешнюю политику Армении. Серьезной проблемой является не обустроенность взаимоотношений республики с соседней Турцией и и Азербайджаном.

В этом мы видим архаичность внешнеполитического мышления армянского общества, которое мыслить категориями «врага» и «друга». Она никак не может выйти из оцепенения 1915 года в своих взаимоотношениях со внешним миром оперирует категориями далекого прошлого. (7) Результаты второй Карабахской войны и заключенное трехстороннее соглашение (Россия, Азербайджан и Армения) должны на наш взгляд значительно разрядить ситуацию и вовлечь данную страну в процессы политической и экономической трансформации региона. На наш взгляд, необходимо создание механизма примерения между Азербайджаном и Армения, именно в этом должна и заключатся новая задача Минской Группы ОБСЕ.

Азербайджан: Один Народ, Два Государства и Стратегический Партнер. Находящаяся на стыке Ближневосточного, Кавказского и Прикаспийского региона Азербайджанская республика, имеет благодаря своего географического положения (границы со всеми политическими игроками региона) значительную консолидирующую роль в формировании новой геополитики и геоэкономики региона. В контексте геоэкономическом, республика довольно оптимально строит отношения со всеми странами региона (за исключением Армении). Безусловно более чем 25 летнее противостояние с Армения и вывод из хозяйственного освоения почти четверти своей территории в экономическом и еще больше в эмоциональном отношении нанесло значительной ущерб на все стороны жизни азербайджанского общества.

Страна проводит равно удаленную политику от мировых

центров, не случайно, государство в качестве целевой установки выбрала стратегию неприсоединения не к одному центру силы. Исключение составляет Российская Федерация, которая считается стратегическим партнером Азербайджана.

Несмотря на заявляемой Россией позиция о равноудаленности от сторон карабахского конфликта, тем не менее в азербайджанском общественном сознании сложилось четкое представление, о некоей солидарности Российской Федерации с позицией Армении по Карабахскому вопросу, безусловно этому способствовало и военно-политическое сотрудничество РФ с республикой Армении. Даже самые равно удаленные анализы, носят определенный крен. (8) Также значительное влияние на подобного заключения, оказало деятельность средств массовой информации и ряда других сфер воздействия на формирование общественного мнения РФ в контексте приоритетов Армении в Карабахском конфликте.

Вторая Карабахская война в определенной степени значительно усилила значимость РФ в деле, перевода процесса в конструктивное русло сотрудничества. Можно заключать, что российско-азербайджанское сотрудничество, носящее, как выше указано стратегический характер, в дальнейшем перерастет в партнерский и внесет свой вклад в интеграцию республик южного Кавказа, как в экономическом, так и в стратегическом отношении. Говоря о азербайджано-турецких отношениях, можно считать их парадоксальными. Объяснить их довольно сложно, здесь существуют и лингвистическая, этническая, социально-культурная и политико-историческая составляющие.

Историческая память не позволяет двум народам мыслить, категориями совместного сосуществования. Скорее всего здесь можно говорить об общности ментальности. Это стало ощущаться с середины и конца 19 века, когда идеи тюркизма, начали параллельно развиваться, как в России, так и в Османской империи. Вторым фактором, на наш взгляд является развитие капиталистических отношений в Российской империи и превращения Баку в один из нефтяных центров мира, повлекшее за собой развитие самосознания у местных тюрков, третим

фактором мы можем считать процесс формирования наций-государств в Европе, что повлекло к началу развала много-национальной Османской Империи и росту пантюркистских настроений в Анатолии. (9)

Особенно сильное влияние на азербайджанско-турецкое, единение оказала Первая Мировая война и как его следствие развал Российской Империи. Именно в тот период азербайджанские тюрки, впервые почувствовали наличие некоего старшего брата. Турецкое вмешательство, сыграло в тот период значительную роль в формировании нового азербайджанского государства. В свою очередь именно это образование, путем практически мирной советизации, способствовало становлению кемалистской Турецкой Республики (открытие коммуникаций с Советской Россией и транспортировка нефтепродуктов из Баку (10). Новый этап взаимоотношений датируется 1991 годом и характеризуется устойчивыми экономическими и общечеловеческими отношениями. Если хозяйственный фактор развивается на контексте контактов двух государств, то гуманитарная сфера идет путем тесного взаимовлияния народов двух стран. Процесс этот, довольно интересный и требует особого исследования, здесь безусловно есть и сложности, так, как в социокультурном отношении эти два сообщества, в течении столетий формировались и развивались в совершенно различных условиях, что и отразилось на особенностях культуры и характере политического мышления.

Новая ситуация, привела к совершенно иной геоэкономике и геополитике региона, когда все игроки Южного Кавказа могут опираться на позитивные сдвиги присшедшие после заключения соглашения о перемирии (при содействии РФ) между Арменией и Азербайджаном и стимуляция переговорного процесса. Сложностей безусловно много, необходимо прежде всего взаимное сотрудничество стран, вовлеченных в конфликт. Помимо, армяно-азербайджанской дисгармонии, стратегически актуальным является и формирование турецко-армянского тренда сотрудничества. Говоря ленинскими словами-это архисложная задача. Без ее разрешения говорить о восстановлении мира и сотрудничества в ближайшее время, довольно сложно.

Путей к согласию много, но каждый из них из них имеет свои особенности и перспективы развития и с большой уверенностью можно заключать, что в целом все они привязаны к качеству и внутреннему содержанию российско-турецкого взаимодействия в регионе. Которые на наш взгляд являются ключевыми в регионе и могут создавать соответствующую повестку дня. Новая ситуация позволит, Российской Федерации и Турции играть более активную роль в политической и социально-экономической интеграции стран региона в единое Евразийское социально-экономическое пространство. Безусловно многое будет зависеть от формирования позитивной геополитической идеологии стран, прежде вовлеченных в конфликт. Российская Федерация и Турецкая Республика, в нашем Карабахском случае, в отличие от Сирийской и Ливийской проблемы, выступают в роли архитекторов, новой модели взаимодействия, создающейся впервые за последнее столетие. Подобное потребует совершенно иные подходы и методы.

Список источников и литературы

1. Балаев А. Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. М.: ООО «ТиРу», 2012
2. Большаков А. Г. Внутренние вооруженные конфликты в странах Северо-Восточной Евразии в начале XXI в.: трансформация и перспективы завершения. // Вестник СПбГУ, Философия и Конфликтология, 2019, т. 35, Вып. 1, стр. 135
3. Космачев. М. В. Армения: Нацстроительство, имперские практики и этнонационализм, как способ выживания // Вестник РУДН, серия Политология, 2015, № 3
4. Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1994. . № 1, С. 60–62.
5. Петрова С. В. Геополитические процессы на Кавказе и роль в них России на современном этапе развития стратегического партнерства в рамках ЕВРАЗЭС, Национальная Безопасность и Стратегическое Планирование., 2016, 2–2 (14), С. 128
6. Тренин Д. Между невмешательством и бездействием. Как России реагировать на кризис Армении // <https://carnegie.ru/commentary/84002>
7. Alev Coşkun, Kafkas Seddi durum değerlendirmesi // https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/kafkas-seddi-durum-degerlendirmesi-1718594#google_vignette
8. Ertek, M. Türkiye’deki Gürcüler ve konuşucularını kaybetmekte olan diller.

Section 7
GEOPOLITICAL PROBLEMS OF FOREIGN COUNTRIES AND
REGIONS

SECOND KARABAKH WAR AND TRANSFORMATION OF THE
REGION

Ibrahimov Aydin I. ¹

¹ Aegean University,
Izmir, Turkey

By itself, the Karabakh problem, which existed from 1988 to 2020, being one of the oldest cataclysms on the political map of the world, was a kind of geopolitical incident caused by the consequence of the collapse of the USSR. The Karabakh case is unique, both in its content and in its geopolitical significance, being one of the catalysts for the collapse of the Soviet Union. Considering this issue in the context of the annexation of the territory, it can be noted that this is the only case when one state (Armenia) expands its living space at the expense of the territory of another (Azerbaijan) and commits it with the thesis of the struggle for independence and infringement of the rights of national minorities.

The end of the second Karabakh war led to the territorial integrity of Armenia and Azerbaijan, the first returned to its recognized borders, and Azerbaijan restored its spatial integrity recognized by international law. In this regard, the interaction of the Russian Federation and the Republic of Turkey in the context of the transfer of the situation from a state of enmity to a state of multilateral economic and political cooperation acquires special significance.

Key words: Azerbaijan, Armenia, Georgia, Turkey, Russia, Karabakh, War

ЗНАЧИМОСТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОЛОЖЕНИЯ СИРИИ В РОССИЙСКО-
СИРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Урпер М. ¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Сирия – это государство, которое является одним из наиболее важных на Ближнем Востоке. Можно говорить о том, что в данном регионе геополитическое положение этой страны играет ключевую роль в ее отношениях с другими государ-

ствами, в том числе и с внешними акторами ближневосточного региона. Как на современном этапе, так и в исторической перспективе данное государство всегда было одним из важных направлений политики балансирования между Россией и США, особенно в рамках геополитического подхода «евразийства»¹. Как в период «холодной войны», так и после нее, Сирия являлась одним из важнейших союзников СССР в противоборстве с западным блоком во главе с США. Союзнические отношения между двумя странами привели к установлению тесных отношений в военной, экономической, дипломатической и других областях. Сирия и Россия как две отдельные страны достигли в различных областях немалых успехов в отношениях между собой, которые сегодня между двумя странами находятся на очень продвинутом уровне. Мы ставим своей целью изучение сирийско-российских отношений в контексте геополитического положения Сирии, так как невозможно понять прошлую и настоящую внутреннюю и внешнюю политику Сирии, а также ее отношения с другими странами, без учета характеристик ее геополитического положения. Последствия применения на практике евразийского геополитического подхода можно увидеть также и во внутренней и внешней политике России как страны, которая является одной из мировых держав, играющих активную роль на Ближнем Востоке. Концепция евразийского подхода в Евразии, на Ближнем Востоке и в Южной Азии направлена на то, чтобы в краткосрочной перспективе сломить влияние США в этих регионах путем эффективного сопротивления, а в долгосрочной перспективе – чтобы стать единственным доминирующим игроком в этом регионе. На этом направлении, как в период «холодной войны», так и сегодня, Россия вступает в борьбу за власть с США в различных областях глобального противоборства чтобы стать ключевым актором биполярной мировой системы. В настоящее время по своему региональному геополитическому положению Сирия является наиболее важным из этих регионов глобальной борьбы. Россия (СССР),

---

¹ Геополитика как эффективный метод современной российской политической теории и практики. А. Г. Дугин // Наука. Общество. Личность // Научная мысль Кавказа. 2008.

пытаясь найти союзников во время и после «холодной войны» и создать баланс сил против США на Ближнем Востоке, сегодня проводит эту политику через Сирию. Сирия, используя преимущества своего геополитического положения в различные периоды, а также включив мировые державы в участие в своих внутривосточных процессах, по-прежнему прибегает к этому пути и сегодня. Как в историческом контексте, так и на современном этапе Сирия хорошо сумела использовать преимущество своего регионального геополитического положения для укрепления перспективных и долгосрочных отношений с Россией. Особенно в начале 2000-х годов, когда к власти в России пришел Владимир Путин, а в Сирии – Башар Асад, двусторонние отношения получили новую жизнь. В этот период готовность лидеров обеих стран по развитию взаимоотношений по целому ряду проблем, касающихся их интересов, привела к тому, что Россия на Ближнем Востоке стала важной стабилизирующей и мощной силой, аналогичной той, что была в эпоху «холодной войны». Основной целью России, в своем отношении к сирийской гражданской войне (которая началась в 2011 году) ставящей на первый план свои интересы, и, при необходимости, не колеблющейся мобилизовать свою военную мощь, является ослабление влияния США и Запада в этом регионе, которые со времен «холодной войны» придерживались политики сдерживания и, в итоге, «сломали» Хартленд в геополитическом смысле². Помимо прочего, Россия во внешней политике проводит на практике важную и значимую для евразийства стратегическую модель независимой от Центра (или Ядра по Валлерстайну)³ политики – как на территориях постсоветского пространства, так и в ближневосточном регионе, равно как и в ряде других регионов – в частности на Западных Балканах⁴.

Существует ряд определенных геополитических факторов,

² Çaman, M. E. (2015). Suriye Örneğinde Türkiye ve Rusya Arasındaki Jeopolitik İhtilafının İdeolojik Nedenleri. Barış Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi, 3(2). 64–99

³ <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/geokulturniy-podhod-zapadnoy-shkoloyi-immanuil-22139.html> «Геокультурный подход западной школы: Иммануил Валлерстайн, Самюэль Хантингтон, Питирим Сорокин».

⁴ <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/rossiya-na-balkanakh/>

которые связаны с геополитическим положением Сирии, и которые делают отношения между двумя странами плотными. В результате действия этих факторов геополитическое положение Сирии, с одной стороны, и влияние России в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, с другой, вкупе с ее желанием иметь право голоса на Ближнем Востоке и в мировой политике в русле политики, которой она следовала в прошлом, – все это подготовило почву для того, чтобы между двумя странами сформировался незаменимый союз.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В АРКТИКЕ: НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ЭПОХУ COVID-19

Михеева Н. М. ^{1, 2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

²Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу влиянию новых геополитических факторов – жесткой санкционной политики стран коллективного Запада и ограничений, связанных с пандемией Covid-19, на развитие сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея в арктическом регионе. Сравниваются приоритеты участия южно-корейских компаний в модернизации Северного морского пути, в развитии кооперации в сфере судостроения, совместных транспортно-логистических проектах с интересами РФ в Арктике. Введение санитарно-ограничительных мер, стало причиной снижения объёмов морских перевозок в целом по миру и между Россией и Республикой Корея. Отмечается снижение деловой активности, мобильности инвесторов, представителей среднего и мелкого бизнеса, участвующих в арктическом сотрудничестве. Несмотря на очевидные негативные тенденции странам удалось сохранить все сферы взаимодействия, что демонстрирует устойчивый интерес РК к арктическому региону. Авторы отмечают последовательную реализацию, достигнутых ранее соглашений по крупным проектам сотрудничества в сфере судостроения, сохранение диалоговых механизмов по обсуждению транспортно-логистических проектов в регионе, с учетом интересов РФ и РК.

Ключевые слова: Республика Корея, Россия, сотрудничество в Арктике, транспортно-логистические коридоры.

Арктика—регион, привлекающий в последние годы все более пристальное внимание всего мирового сообщества. Потенциально большие энергетические и другие ресурсы региона, климатические изменения последних десятилетий, возрастающее как транспортное значение, так и геополитическое, военно-стратегическое значение региона определяют интерес к арктической проблематике. В наши дни мы отмечаем с одной стороны большой интерес неарктических государств (Китай, Сингапура, Республики Кореи, Франции, Бразилии и др.) к участию в сотрудничестве в Арктике, с другой стороны, очевидную заинтересованность России к развитию подобного вида сотрудничества.

Актуальность этой темы связана с тем, что возросший интерес к России, как арктическому сотрудничеству, со стороны Республики Корея (РК) является частью внешнеполитической стратегии «средней державы». Представляется интересным как в новых условиях реализуется данная стратегия. РК демонстрирует большую заинтересованность в сотрудничестве со всеми арктическими странами и по активности в регионе уступает лишь Китаю. На сегодняшний день Республика Корея входит в список неарктических стран, демонстрирующих повышенный интерес к Арктике. За последние годы у России и Республики Корея (РК) сложилась положительная практика взаимодействия в регионе, где основное внимание уделяется сотрудничеству в высокотехнологичных отраслях: судостроение, логистика, системы навигации. Жесткие санкционные условия, в которых развивается современное международное арктическое сотрудничество, и значительные ограничения, возникшие в условиях пандемии Covid-19, создали новые проблемы для взаимодействия РФ и РК в регионе. Несмотря на это, привлекательность использования Северного морского пути (СМП), экономические эффекты от развития транспортно-логистических систем в регионе, успешное сотрудничество в судостроении сохраняют интерес к взаимодействию между нашими странами.

Повышенное внимание к Арктике объясняется также рядом факторов, связанных с изменениями в мирополитическом

устройстве. Три из них, на наш взгляд, играют первостепенное значение. Во-первых, повышенный интерес к региону обусловлен изменениями, происходящими в структуре глобального и регионального лидерства. Россия все более четко и последовательно стремится вернуть себе статус мировой державы, Китай уверенно и твердо заявляет о своих глобальных интересах (в частности в Арктической зоне). США значительно больше уделяют внимания самому северному региону и выдвигают новые модели военно-политического сотрудничества в рамках НАТО и на многосторонней основе. ЕС выделяет регион как один из приоритетов внешней политики. Появилась целая группа неарктических государств, уделяющих Арктике большое внимание. В современных условиях географическое положение этих стран не играет определяющего значения. Активно развивается арктическое взаимодействие в различных сферах: научно-исследовательском и научно-проектном международном сотрудничестве, в развитии транспортно-логистических систем, в горнодобывающих отраслях, активно развивается кооперативное сотрудничество в ряде отраслей машиностроения. Обратной стороной этих активностей стало наращивание военных потенциалов в регионе. В этой арктической гонке Республика Корея (РК) среди стран Восточной и Юго-Восточной Азии демонстрирует крайнюю заинтересованность в сотрудничестве с Россией. Статус «средней державы», активно продвигаемый правительством РК, предлагает компромиссный вариант сотрудничества – поиск сфер взаимных интересов в экономическом, научном и гуманитарном взаимодействии, при условии дистанцирования от проблем военно-политического сотрудничества/конфронтации. Военный союз РК-США во многом предопределяет формат отношений.

Во-вторых, международно-правовой режим использования акваторий и территорий в Северном-Ледовитом океане не сформировался до конца. Не разрешен вопрос об определении северных владений приарктических государств. Существуют разные подходы к выделению территориальных вод и принадлежности территорий, каждый из которых имеет историческое и/или международно-правовое обоснование. С одной стороны,

на протяжении нескольких веком у каждого из государств сложились суверенные представления о территориях и акваториях в Арктической зоне. Например: у России – это Северный морской путь; у Канады – О. Ханс (территориальный спор с Данией), Северо-Западному проходу (спор с США), принадлежность акватории в море Бофорта (спор тоже с США); у Норвегии и России принципиально различные подходы в отношении статуса промысловой зоны на архипелаге Шпицберген. С другой стороны, все приарктические страны, за исключением США, взяли на себя определенные обязательства, став участникам Конвенции по морскому праву 1982 г. Несформированный режим использования арктических вод потенциально создает возможности для неарктических государств принять участие в его формировании. Для РК это проблема не является приоритетом на сегодняшний день, в отличие от Китая, предпринимающего активные усилия в этом направлении.

В – третьих, в арктическом регионе происходит формирование международно-институциональной структуры. На данный момент в регионе создан ряд межправительственных и неправительственных организаций различного уровня, занимающихся проблемами развития Арктической зоны. В современной мирополитической системе несомненно высока их роль в формировании международно-правовых отношений между государствами, неоспоримо и их значение для развития контактов между государствами, территориями/ народами на различных уровнях. Арктический Совет, СБЕАРС (Совет Баренц-Евроарктического региона сотрудничества), Северный форум на данный момент ведущие организации, занимающиеся проблемами Арктического региона. Совет государств Балтийского моря все чаще включает вопросу арктического сотрудничества в свою повестку дня. Активное развитие многоуровневого международного сотрудничества создает новые возможности для отдельных государств, корпораций реализации своих экономических интересов, формирования международного общественного мнения и т. д. В тоже время, организации являются площадкой, где непосредственно сталкиваются интересы государств. Непродуманное, хаотичное участие в раз-

личных формах взаимодействия государств, группировок, объединений может привести к ослаблению позиций, в первую очередь государств, по ряду принципиальных вопросов, затрагивающих их национальные интересы.

Целью данной статьи является выявление и анализ новых факторов, оказывающих влияние на развитие сотрудничества РФ и РК в условиях covid-19. Очевидно, что РК имеет геэкономические интересы в регионе. Потенциальное участие РК в реализации проектов на территории российской Арктики влечет как риски, так и возможности для РФ при реализации проектов. Для анализа были выбраны основные совместные проекты, связанные развитием инфраструктуры региона: развитие Северного морского пути (СМП), проекты в судостроительной отрасли, ориентированные на СМП. Основными задачами исследования стали: сбор и анализ информации о совместных российско-южно-корейских проектах в Арктике; сравнение российской стратегии развития в Арктике с географией участия РК в совместных проектах с целью выявления общих интересов, а также их различий; выявление сходства и различий в подходах к развитию проектов связанных с СМП; выявление принципиальных расхождений во взглядах на дальнейшие сценарии развития сотрудничества.

Тематика исследования рассматривается через совмещение применения метода сравнительного анализа, статистического метода и метода пространственного анализа. Метод сравнительного анализа позволил сопоставить приоритеты участия южно-корейских компаний в модернизации СМП с интересами РФ. Метод пространственного анализа позволили сравнить географию размещения опорных зон с географией проектов с участием РК, выявить совпадения и различия. Выделены российские арктические проекты, представляющие наибольший интерес для южно-корейских инвестиций, участие компаний в реализации инфраструктурных проектов; Статистический метод позволил проследить динамику использования суами РК СМП, выделить финансовую долю участия корейского бизнеса в российских арктических проектах

Россия для РК представляет большой интерес как государ-

ство имеющее богатый опыт освоения и управления арктическими территориями, владеющее специфичными технологиями для Крайнего Севера, используемыми в судостроении, портовом хозяйстве и т.д., принадлежность СМП России также играет важную роль. К тому же очевидна заинтересованность РФ в сотрудничестве, активно декларируемая на всех уровнях. Новые возможности для взаимодействия между нашими странами определяет ряд геополитических и геоэкономических факторов. Во-первых, растущее влияние РФ на международную обстановку в Северо-Восточной Азии, которую мы наблюдаем в XXI в.. Связано оно с успешным (по крайней мере до 2019 г.) развитием трехстороннего сотрудничества (РК-КНДР-РФ) на корейском полуострове и значительной ролью России в урегулировании корейской ядерной проблемы. «Новая Северная политика» (Neo Nord politic) представленная президентом Мун Чжэ Ином в 2017 г. обозначила стремление РК к расширению сотрудничества со всеми странами Евразийского континента, в этой стратегии России уделяется большое внимание. Во-вторых, углубление стратегического партнёрства между РФ и Китаем заставляет задуматься внешнеполитические элиты Южной Кореи о необходимости развития позитивного политического диалога с РФ, об укреплении торгово-экономического партнерства и сотрудничества в гуманитарных сферах. В-третьих, это возможности использования российского СМП для развития транспортно-логистических систем в Арктике. В-четвертых, у РК есть очевидный интерес к тем технологиям, которые РФ использует в Арктике.

Стоит отметить, Россия является далеко не единственным государством, с которым РК активно развивает сотрудничество в Арктике. Для России важно не упустить возможности для развития взаимодействия в Арктике с РК, защитив свои национальные интересы, создать новые возможности для развития своих арктических территорий. В этой связи интересным представляется анализ сходств и различий в позициях сторон по развитию приоритетных направлений сотрудничества в Арктике, конфигурации формирующейся системы международного арктического сотрудничества, приоритетов сотрудни-

чества в высокотехнологичных сферах таких судостроение и радионавигация.

Ситуация с пандемией Covid-19 внесла свои коррективы в положительную динамику сотрудничества России и Южной Кореи, в том числе в Арктике. В период I–VII 2020 г. по сравнению с I–VII 2019 г. стоимость всех внешнеторговых России снизилась на 17%. Товарооборот РФ- Республика Корея упал на 20%. Отменены или перенесены более 60% международных встреч и мероприятий по экономическому сотрудничеству между странами⁵.

Сферами сотрудничества оказавшимися наиболее уязвимыми оказались: торговое сотрудничество в области импорта в РФ продукции машиностроения и микроэлектроники (ощутимое сокращение объемов), поставки комплектующих и т.д. Среди наиболее развивающихся сфер сотрудничества РФ и РК в Арктике наиболее пострадало судостроение. Несмотря не то, что за истекший период не было приостановлено ни один из проектов, темпы сотрудничества очевидно снизились. Связано это с санитарно-ограничительными мерами: удаленный режим работы персонала; запрет на въезд иностранных специалистов; задержки с поставкой зарубежного судового оборудования из РК в Россию. В тоже время ни один из крупных проектов не был приостановлен, все соглашения, достигнутые ранее были реализованы: соглашения о сотрудничестве ССК «Звезда» (Приморский край), где Hyundai Heavy Industries Co. Ltd. Технологическим партнером, «Роснефтефлот» оператором. В декабрь 2019 началось строительство первого танкера-челнока Arc6 полной грузоподъемностью 69 тысяч т., в ноябре 2020 – закладка очередного танкера класса «Афрамекс».

Условия пандемия стали причиной появления новых форм контактов между представителя властных структур и бизнеса из России и Южной Кореи. 22 сентября 2020 успешно прошел Бизнес-диалог «Россия–Республика Корея»⁶. Это мероприя-

---

⁵ Бизнес-диалог «Россия–Республика Корея» <https://roscongress.org/events/biznes-dialog-rossiya-respublika-koreya-dalneyshie-shagi-dlya-uspeshnogodvustoronnegosotrudnichest/>

⁶ <https://roscongress.org/events/biznes-dialog-rossiya-respublika-koreya-dalneyshie-shagi-dlya-uspeshnogodvustoronnegosotrudnichest/>

тие является традиционным, ранее оно проводилось в рамках ежегодного Восточного экономического форума. Основная цель мероприятия – формирование платформы сотрудничества между российскими и корейскими компаниями в разных областях. На форуме корейская сторона – представители среднего и крупного бизнеса, представители отдельных регионов РК подчеркивали свои заинтересованность в сохранении и развитии сложившихся контактов и реализуемых проектов. Из бесед автора с Министр-советником посольства Республики Корея в Москве господином Ким Чжин Донг и Вторым Секретарем госпожой Ли Ю Бин 21 декабря 2020 г. для корейского бизнеса крайне интересно продолжать сотрудничество в сфере судостроения, где у представителей с обеих сторон уже успешно реализуется ряд проектов и подписаны соглашения о дальнейшем сотрудничестве. Представители корейской стороны, с сожалением отметили, что довольно жесткие санкционные политики со стороны США и государств ЕС создает значительные препятствия для сотрудничества.

Рассмотрим взаимодействие РК и РФ в трех сферах, приоритетных для развития сотрудничества Арктике: сотрудничество в использовании Северного морского пути и развития транспортно-логистических проектов; поставки углеводородов и угля и пути развития транспортно-логистических систем; сотрудничество в сфере судостроения

Сотрудничество РФ и РК в использовании СМП и развития транспортно-логистических проектов. За очень непродолжительный период РК стала активным участником политических, научно-исследовательских процессов, развивающихся в Арктике. В последнее десятилетие прослеживается повышенная заинтересованность государства к экономическому сотрудничеству в регионе. На сегодняшний день одним из приоритетов страны является развитие транспортно-логистических систем, ориентированных на морские перевозки по Северному морскому пути (СМП). Именно в этой сфере активно развивается взаимодействие РФ и РК, где значительное внимание уделяется сотрудничеству высокотехнологичных сферах. Наиболее очевиден интерес РК в использовании мор-

ских путей для сокращения издержек при перевозке товаров из Восточной Азии в Европу. Несформированный международно-правовой режим эксплуатации СМП потенциально создает возможности непосредственного участия в формировании новых правил управления транспортно-логистического системами в Арктике, созданию новых практик прохода судов с участием южнокорейских компаний. Интересны перспективы участия в инфраструктурные проекты на территории российской Арктики. Импорт природных ресурсов (особенно углеводородов) из арктического региона является вторым фактором, определяющим заинтересованность РК в сотрудничестве с Россией в регионе. Высокая себестоимость добычи пока не останавливает растущий интерес к кооперации в этой сфере. Очевидна и заинтересованность в научно-техническом сотрудничестве. Многие исследователи отмечают появление новых направлений сотрудничества между нашими странами, которые еще лет 10–15 назад казались неперспективными (из-за низкой заинтересованности сторон и неочевидной их эффективности): сотрудничество в области судостроения, сотрудничество с коренными северными народами, научно-образовательное сотрудничество.

В Master Plan (2013) РК названы три основных приоритета РК в Арктике: формирование международного партнерства в Арктике, интенсификацию соответствующих научных исследований, создание новых арктических индустрий промышленности. В программе по развитию логистики Республики Корея с 2016 по 2025 г содержатся следующие пункты о перспективных направлениях, ориентированных на сотрудничество в Арктике: (1) расширение комплекса логистических услуг в Арктике; (2) расширение морского судоходства в прибрежной зоне Северного Ледовитого океана; (3) поддержка корейских компаний, желающих осуществлять поставки сырой нефти с о. Ямал (Россия); (4) поддержка отечественных логистических компаний в целях повышения конкурентоспособности с компаниями России и Китая; (5) поддержка Расширенной туманганской инициативы; (6) в случае отмены санкций против России – продвижение финансовой поддержки судостроения

[3]. Из предложенных направлений – три (3;4,6) напрямую связаны с Россией, реализация остальных трех практически невозможна без участия нашей страны. Есть ряд инициатив по созданию новых и развитию уже существующих проектов по развитию специальных экономических зон. Сейчас существует пять международных специальных экономических зон, три из которых расположены на восточном побережье Корейского полуострова и ориентированы на развитие транспортно-логических систем Восточной Азии и развитию морских транспортных коридоров, в том числе ориентированных на перевозки через СМП. У РК очевидны в этой сфере интересы: участие южнокорейских судов в перевозках в первую очередь СПГ в Арктике, развитие и управление морскими портово-хозяйственными комплексами, создание новых транспортных хабов на севере РК на базе портов Ульсана и Йосу (Yeosu), интеграцию ряда реализуемых проектов на перевозки в арктическом регионе. Туманганская инициатива (Greater Tumen Initiative, GTI, РТИ) является примером попытки экономической интеграции и развитие трансграничного района на стыке границ России, Китая, Северной Кореи И Монголии в бассейне реки Туманная. В рамках данной инициативы создано шесть структур: Комиссия по делам энергетики, Комиссия по делам транспорта, Комиссия по делам торговли и инвестиций, Комиссия по окружающей среде, Комиссия по делам туризма и Комиссия по делам сельского хозяйства. Основная идея межправительственной инициативы, поддерживаемой Программой развития ООН (ПРООН), – путем создания Свободной экономической зоны в приграничных территориях активизировать экономическую активность в регионе, создать «второй Гонконг» в треугольнике границ. Напрямую данная инициативна не ориентирована на реализацию Master Plan, но ряд направлений сопрягается с арктической политикой. В первую очередь это создание транспортно-логистической сети Северо-Восточной Азии, ориентированной на рынки стран-участниц (Комиссия по делам транспорта ответственна за эту сферу), формирование нового индустриального комплекса типа Кэсон на восточном побережье КНДР с ориентацией на развитие от-

раслей, обслуживающих потребности судостроения и создание туристической территории у реки Туманная.

В отношении наиболее известного проекта «Насон-Хуньчунь-Хасан», у нас он более известен как «Раджин–Хасан», по железнодорожным перевозкам из России в Южную Корею через территорию КНДР также рассматриваются варианты его сопряжения с системой перевозок по СМП [4]. В 1991 г. Раджин/Насон получил статус свободной экономической зоны, с 2011 г.– «особого города». Порт Раджин расположен в Северной части КНДР в 150 км к юго-западу от Владивостока (вдоль побережья). Порт является незамерзающим, имеет удобные глубоководные подходы. Проект начал работать с 2015 г. В основе проекта изначально планировалась перевозка контейнеров с различными видами грузов, во многом по просьбе южнокорейской стороны проект был переориентирован на перевозки угля, преимущественно из Китая, позже–России. В 2008 г. между РФ и КНДР было подписано соглашение о создании совместного предприятия (СП)«РасонКонТранс». 70 % уставного капитала предприятия принадлежит российской стороне, 30 %–северо-корейской стороне, которая предоставляет права на использование порта Раджин. Одна из самых больших проблем проекта–модернизация железных дорог на территории КНДР и соединение с российским Транссибом. После очевидных позитивных сдвигов в межкорейском диалоге с 2008 г. РК проявляла значительный интерес к проекту, как активный участник модернизации Северо-корейской часть железной дороги. Для данного проекта было сделано исключение в санкциях ООН (последняя -Резолюции СБ ООН 2375 от 11.09.2017), налагаемых на всю внешнеэкономическую деятельность КНДР. В периоды ухудшения отношений между РК и КНДР, южнокорейская сторона вводила односторонние санкции, последние приходятся на 2016–17 г. По мнению ряда российских и южно-корейских экспертов данный проект является перспективным как в рамках развития многостороннего экономического сотрудничества на Корейском полуострове, так и при реализации «Новой Северной политики» РК в арктическом регионе, правда стоит

отметить, что некоторые скептически оценивают перспективы проекта .

СМП. Одним из перспективных направлений сотрудничества для Республики Кореи и России на данный момент остаются логистические проекты, ориентированные на СМП. Географическая удаленность Корейского полуострова является существенный минус для развития сотрудничества с Европейским Союзом, Европейской частью России и Средней Азией. В 2018 г.– 63 % от общего объема–было доставлено в страны Азии, 15 % товаров экспортировано в страны Северной Америки и только 10,4%–в Европейский регион. Длительность и большие страховые издержки на перевозки является основными причинами этого. Развитие перевозок через СМП потенциально позволят увеличить представительство южнокорейских товаров на европейском рынке. У РК есть очевидные ожидания от использования СМП: значительное сокращение продолжительности рейса судна; сокращение расходов на фрахт корабля и команды; экономия топлива; сокращение страховых сборов за риски, связанные с проходом судов в зоне действия пиратов в районе Малаккского пролива, побережья Индонезии, Филиппин и Таиланда, у берегов Индии, Шри-Ланки, Бангладеш, Сомали и Танзании; экономия транспортных сборов в зоне Суэцкого канала.

За последние годы сложилась позитивная практика использования СМП корейскими грузоперевозчиками. в 2010 г. корейские сухогруз без ледокольного сопровождения–поставка металлопродукции российской компании «Норникель» по маршруту Мурманск–Дудинка–Пусан (Южная Корея)–Шанхай (Китай). В 2013 г. корейское судно впервые доставило оборудование для от порта Усть-Луга до корейского порта Джангуанг через СМП. Знаковым событием стали 2014–2015 гг., когда при поддержке правительства РК были проведены коммерческие перевозки по СМП для определения целесообразности данных перевозок по этому маршруту. В 2017 г. южнокорейский судоходный лайнер Hyundai Glovis также совершил рейс между Азией и Европой через СМП. Опубликован ряд исследований южнокорейских экспертов о экономической целесообразности использования СМП. [1]. Несмотря на высокую

стоимость и проблемы с предоставлением сервисных услуг, Северный морской путь оказался более конкурентоспособным для транспортировки грузов из Южной Кореи в Европу, чем маршрут, проходящий через Суэцкий канал. Итоговая стоимость контейнера в 20т. по Транспортный коридор Пусан–Суэцкий канал–Европа–Берлин (расстояние 20 945 км, время в пути 45 дней) составила 5665 долл., по транспортному коридору Пусан–Севморпуть–Европа–Берлин (12645 км, 20 дней пути)–5995 долл. Несмотря на высокую стоимость и проблемы с предоставлением сервисных услуг, Северный морской путь оказался более конкурентоспособным для транспортировки грузов из Южной Кореи в Европу, чем маршрут, проходящий через Суэцкий канал. Согласно подсчетам Енг Ким совокупный результат конкурентоспособности коридора Пусан–Севморпуть–Европа–Берлин составил 0,3442 (1=100%), а коридор Пусан–Севморпуть–Европа–Берлин–0,4088. [1]. В условиях сложности реализации проекта Транскорейской железной дороги из-за периодических обострений отношений между Сеулом и Пхеньяном СМП по конкурентоспособности оказался лидером, обойдя все остальные линии. С сожалением приходится признать, проблемы с развитие радионавигационных систем в восточной части СМП для корейской стороны представляю проблемы для использования этого транспортного коридора. По мнению министр-советника посольства Республики Корея в Москве господина Ким Чжин Донг отсутствие современных технологий геопозиционирования судов и опасения применения санкций к компаниям, которые используют СМП, на данный момент значительно ограничивает южнокорейские компании в использовании этого транспортного коридора.

Поставки углеводородов и угля и развитие транспортно-логистических систем. Республика Корея занимает 5 место в мире по импорту сырой нефти, 2 по сжиженному природному газу (СПГ). У РК на данный момент нет системы поставок газа по трубопроводам из-за особенностей географического положения, сложных отношений с КНДР. В конце 1990- начале 2000 гг. активно обсуждалась возможность стро-

ительства газопровода через территорию Северной Кореи соединил бы Россию и Южную Корею. Изначально по экономическим причинам, в последствии из-за ухудшения отношений между Кореями идея проекта так и не нашла воплощения.

На сегодняшний день РК не является крупным покупателем российского газа и нефти. Россия также не входит в список крупнейших поставщиков углеводородов на Корейский полуостров (6 % нефти, 5 % сжиженного газа (СПГ)).

В РК есть большая заинтересованность в увеличении поставок СПГ из России. Тем более корейская сторона может предложить выгодное сотрудничество в сфере производства контейнеров для транспортировки газа и различных видов судов для перевозки нефти и газа. Большинство обсуждаемых проектов, ориентированы на углеводороды, добываемы в арктической зоне РФ. Есть заинтересованность Южной Кореи и в продвижении своей наукоемкой продукции в при добыче и транспортировке углеводородов. Сотрудничество с Ямал СПГ – один из примеров.

В 2020 «Новатэк» и Корейская газовая корпорация KOGAS подтвердили меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере сжижения газа, в рамках которого южнокорейская компания может войти в «Арктик СПГ 2» ресурсной базой проекта «Арктик СПГ 2» является Утреннее месторождение, расположенное на полуострове Гыдан в ЯНАО, примерно в 70 км от проекта «Ямал СПГ» через Обскую губу. Активно проект реализуется с 2018 г., когда были завершены основные технические решения и проектная документация (FEED), начато выполнение инженерной подготовки территории, строительство первоочередных объектов энергоснабжения и бурение эксплуатационных скважин, строительство причальной набережной. С сожалением приходится признать, что РК во второй половине 2020 г. приостановила сотрудничество в данном проекте из-за санкционных ограничений.

Перспективы развития сотрудничества в сфере судостроения в новых геополитических условиях. Сотрудничество РФ и РК в сфере судостроения является дополняющим. РФ является лидером в строительстве ледоколов и судов ледо-

вого класса. РФ обладает 41 судном арктического класса различной мощности и назначения. Ни по количеству, ни по качеству никакой флот мира не имеет столь мощные флотилии, способные обеспечивать проводку судов в зимнее время в высоких широтах. Швеция имеет 7 ледоколов, Финляндия—6, Канада—4 действующих и один строящийся. Китай—суда ледового класса. РК в сегменте наиболее дорогих и высокотехнологичных судов достигла 60 %. Коньком корейцев стали газозовозы—танкеры для перевосдки сжиженного природного газа, и сейчас Южная Корея—номер один на мировом рынке строительства судов этого типа. У РФ—сильная инженерная школа с многолетней историей и богатыми традициями, но по мнению представителей российского бизнеса кадров не хватает. В городе Большой Камень создан Центр профессиональной подготовки. В нем ежегодно будут проходить обучение около 300—400 человек. Ставка—на суда и платформы для освоения арктического шельфа и Северного морского пути. Очевидно, что странам есть что предложить в рамках совместного сотрудничества. На данный момент доля корейских корабелов, занимающие ведущие позиции в сегменте наиболее дорогих и высокотехнологичных судов, развитие совместного взаимодействия в судостроении с российскими компаниями потянуло за собой развитие сотрудничества в смежных отраслях: металлургии, химической промышленности, приборостроения, электроники.

В последние годы мы наблюдаем очевидно положительную динамику в развитии как российского арктического судостроения, так и развития международного сотрудничества в этой сфере. Так в 2016 г. «Балтийский завод—Судостроение» спустил на воду головной атомный ледокол «Арктика» проекта 22220, атомного ледокола «Сибирь» проекта 22220. Срок сдачи головного универсального атомного ледокола «Арктика»—середина 2019 г, первого серийного атомного ледокола «Сибирь»—ноябрь 2020 и второго серийного атомного ледокола «Урал»—ноябрь 2021 года. В период 2017—2020 гг. РФ судостроители, благодаря поддержке правительства Южной Кореи разместили портфель заказов на производство 31 суд-

на на судоверфях Hyundai Heavy Industries. В 2019 г. Судостроительный комплекс «Звезда» и компания Samsung Heavy Industries Co. Ltd. (Республика Корея) в рамках V Восточного экономического форума объявили об учреждении совместного предприятия по управлению проектами строительства на ССК «Звезда» челночных танкеров дедвейтом от 42 до 120 тысяч тонн.

Активно развивается обмен опытом между инженерами РФ и РК в области проектирования и строительства челночных танкеров. Samsung Heavy Industries обладает большим опытом и квалификацией в проектировании и строительстве челночных танкеров (входит в «большую тройку» судостроителей Южной Кореи) предоставил ССК «Звезда» (Судостроительный комплекс «Звезда» создается на базе Дальневосточного завода «Звезда» Консорциумом инвесторов во главе с ПАО «НК «Роснефть») технические спецификации, а также документацию базового и детального проекта судов. На сегодняшний день активно развивается сотрудничество в разработке рабочей конструкторской документации танкеров-челноков совместно с АО «ЦКБ «Лазурит».

Судостроительный комплекс «Звезда» получил от южнокорейских компаний портфель заказов (26 судов). В рамках этого проекта на «Звезде» будут построены четыре многофункциональных судна снабжения ледового класса; десять «зеленых» танкеров класса «Афрамекс» на газомоторном топливе; десять арктических танкеров-челноков дедвейтом 42 тыс. тонн; арктический танкер-челнок дедвейтом 69 тыс. тонн. В ноябре 2020 г. Запущен в строительство очередной танкер класса «Афрамекс». В хронологии событий сотрудничество РФ и РК выглядит положительно. Специалисты же отмечают ряд негативных моментов. Во-первых, это большая технологическая зависимость проектов, реализуемых для развития судоходства по СМП на российских судоверфях. На 60–80 % суда, создаваемые в рамках совместных проектов, представляют инженерные разработки южно-корейской стороны, при этом очевидна и большая зависимость от поставок комплектующих с производств КР. Второй момент, является производным от

первого. В данный момент мы наблюдаем крайне осторожное отношение южно-корейских компаний к развитию дальнейшего сотрудничества с российскими компаниями, что отражается в практическом отсутствии новых долгосрочных проектов в этой сфере. Идея же создания судостроительного российско-южно-корейского кластера в Санкт-Петербурге (http://www.csr-nw.ru/files/csr/file_content_140.pdf) постепенно уходит в прошлое. Очевидно негативное влияние американских санкций на развитие сотрудничества.

В последнее десятилетие наблюдается явная положительная динамика в развитии сотрудничества между РФ и РК во всех трех сферах: активное развитие судоходства по СМП; совместные проекты в сфере судостроения; сотрудничество в инфраструктурных проектах.

Введение санитарно-ограничительных мер, общемировой тенденция в снижение объёмов морских перевозок (по разным оценкам от 18 до 35 %) значительно замедлила темпы развития сотрудничества. Падение спроса в условиях пандемии COVID-19 на энергоресурсы (в РК на 6 % по углю, на 4 % по СПГ), снижение темпов экономического роста негативно отразились. Снизилась деловая активность, мобильность инвесторов, представителей среднего и мелкого бизнеса, участвующих в арктическом сотрудничестве. Пока сложно оценить последствия этих тенденций, очевидно, что они будут. Пока можно отметить ряд положительных тенденций: последовательную реализацию, достигнутых ранее соглашений по крупным проектам сотрудничества в сфере судостроения технологического сотрудничества в Арктике, сохранение диалоговых механизмов по обсуждению транспортно-логистических проектов в регионе, с учетом интересов РФ и РК. Очень хочется надеяться, что окончание пандемии COVID-19 откроет новую позитивную страницу в российско-южно-корейском сотрудничестве в Арктике. Угрозы санкций США, стран ЕС являются на данный момент препятствием для развития сотрудничества. Ограничительные меры в условиях пандемии усугубили данную ситуацию, продемонстрировав зависимость проектов, реализуемых в российской арктике.

РФ нуждается в комплексной программе по развитию Арктического региона, базирующегося на общем стратегическом, территориальном и бюджетном планировании с учетом новой геоэкономической и геополитической ситуации. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», принятая в марте 2021 г. практически не учитывает новые геополитические реалии. Стабильное развитие экономических, социальных и территориальных процессов в национальном арктическом секторе может обеспечить России лидирующие позиции в международной арктической зоне, позволит отстоять свои права в международно-правовых вопросах, занять ведущие места в международно-институциональной системе региона Арктики. Очевидные различия во взглядах российской и южно-корейской сторон на перспективы дальнейшего сотрудничества, могут привести в будущем к конфликтным ситуациям в двусторонних отношениях. Российско-корейские противоречия в регионе в будущем могут создать проблемы для формирования многосторонней системы сотрудничества в Арктике.

Список источников и литературы

1. A Study on Competitiveness of Sea Transport by Comparing Inter/national Transport Routes between Korea and EU Dae/seop MOON. Dong/jin KIM. Eun/kyung LEE. The Asian Journal of Shipping and Logistics. Volume 31. Number 1. March 2015.]. [Accessed 21st January 2021]
2. Arctic Policy of the Republic of Korea Available from: http://library.arcticportal.org/1902/1/Arctic_Policy_of_the_Republic_of_Korea.pdf [Accessed 21st January 2021]
3. Business Dialogue “Russia–Republic of Korea» Available from: <https://roscongress.org/events/biznes-dialog-rossiya-respublika-koreya-dalneyshie-shagi-dlya-uspeshnogo-dvustoronnego-sotrudnichest/> [Accessed 21st January 2021]
4. Concept of development of the shipbuilding cluster in St. Petersburg (project) Available from: http://www.csr-nw.ru/files/csr/file_content_140.pdf [Accessed 21st January 2021]
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.03.2020 N164 “On the Basics of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035” Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/ [Accessed 21st January 2021]
6. Krasnozhenova E E et al The Arctic policy of the Republic of Korea 2021

- IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 625012011 Available from: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/625/1/012011> [Accessed 21st January 2021]
7. Miheeva N Chinese-Russian cooperation in the Arctic: geopolitics and economics//2019 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 302012057 Available from: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012057> [Accessed 21st January 2021]
  8. Republic of Korea: Korea Energy Master Plan: Outlook and Policies to 2035 (Second Energy Master Plan) Available from: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/1358> [Accessed 21st January 2021]
  9. Reuters, “South Korea plans shift to renewables, but coal, nuclear to remain strong,” December 14, 2017; S&P Global Platts, “Analysis: South Korea slashes LNG taxes for power producers by 75 %, boosting LNG potential Available from: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/032019-analysis-south-korea-slashes-lng-taxes-for-power-producers-by-75-boosting-lng-potential> [Accessed 21st January 2021]
  10. South Korea// US Energy Information Administration Available from: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/South_Korea/south_korea.pdf [Accessed 21st January 2021]

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA IN THE ARCTIC: NEW GEOPOLITICAL CHALLENGES IN THE ERA OF COVID-19

Mikheeva N. M.^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

² North-West Institute of Management of RANEPА under the President of
the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the analysis of the influence of new geopolitical factors—the tough sanctions policy of the countries of the collective West and restrictions, related to the Covid-19 pandemic for the development of cooperation between the Russian Federation and the Republic of Korea in the Arctic region. Priorities of participation of South Korean companies in the modernization of the Northern Sea Route are compared, in the development of cooperation in the field of shipbuilding, joint transport and logistics projects with the interests of the Russian Federation in the Arctic. Introduction of sanitary-restrictive measures, caused a decrease in the volume of sea transportation in general around the world and between Russia and the Republic of Korea. There is a decrease in business activity, mobility of investors, representatives of medium and small businesses participating in Arctic cooperation. Despite the obvious negative trends, the countries managed to preserve all areas of cooperation, which demonstrates RK’s interest in the Arctic region. The authors note the consistent

implementation of previously reached agreements on major cooperation projects in the field of shipbuilding, preservation of dialogue mechanisms for discussing transport and logistics projects in the region/

Key words: Republic of Korea, Russia, cooperation in the Arctic, transport and logistics corridors.

УЧАСТИЕ ЕС В ГРЕКО-ТУРЕЦКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ

Асташова Е. В.¹, Михеева Н. М.^{1, 2}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

²Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

В данной статье рассматривается проблема Эгейского вопроса и взаимодействия Европейского Союза с Турцией и Грецией в его контексте, изучается влияние исторических и энергетически-топливных причин на развитие конфликта и поднимается вопрос изменения взаимодействий акторов конфликта со временем.

Ключевые слова: Эгейское море, Турция, Греция, Европейский Союз

Политическая карта мира постоянно менялась: множественные войны вносили свою лепту в территориальное деление мировых и региональных уровней век за веком.

Например, Вторая Мировая война (1939–1945) принесла не только непоправимый урон 62 странам-участницам, но и множество изменений на политической карте мира. С тех пор военные амбиции государств всего мира пошли на спад, и эта тенденция сохранялась вплоть до 10-х годов 21 века. В последние же годы эта тенденция поменялась, рост военной агрессии возрастает, и сегодня центр военных конфликтов находится в Западной Азии.

Как раз там, по некоторым классификациям, находится предмет нашего интереса: акватория Эгейского моря, которая уже около 50 лет является предметом спора между Турцией и Грецией. Находимся ли мы на пороге разрешения давнего

конфликта в Эгейском море или же на пороге очередной войны? Насколько заинтересован Европейский союз в разрешении этого конфликта, затрагивающего не только непосредственного члена союза – Грецию, но и Турцию – ассоциированного члена союза, долгие годы находившуюся в этом статусе. Именно этому вопросу посвящена данная статья, и в ней с помощью научной методологии, а именно, философско-гносеологических, исторических, библиографических, а также системно-структурных методов, рассматриваются узконаправленные геополитические вопросы, касающиеся данного конфликта: каковы истоки и суть Эгейского вопроса, существует ли закономерность между сложившимися исторически взаимоотношениями между каждой из стран-участниц конфликта со странами Европейского союза и современными взглядами союза на Эгейский вопрос, то есть, насколько нейтральна официальная позиция Европейского Союза, какие интересы и мотивы есть у Европейского Союза в акватории Эгейского моря и, наконец, нас интересует вопрос влияния наличия нефтегазовых месторождений в акватории Эгейского моря на данные геополитические процессы и территориальные претензии. Актуальность данных вопросов не вызывает сомнений: конфликт развивается в текущий исторический период, и необходимость задокументировать и проанализировать ситуацию велика как никогда.

Первое, что необходимо описать – суть Эгейского вопроса, историко-географические предпосылки территориальных претензий и сложившихся в контексте конфликта в Эгейском море отношений между тремя акторами: Грецией, Турцией и Европейским Союзом.

Интересно, что не представляется возможности отследить конкретный триггер начала развития напряженности между Грецией и Турцией. Можно сказать, что начало ему было положено, когда был заложен культурно-религиозный фундамент в каждой из этих стран. В целом исторический регион Средиземноморья всегда был известен государствами с сильным уровнем милитаризации и амбициями к расширению влияния и количества подчиненных, захваченных территорий вместе с их ресурсами.

Древняя Греция, как предшественница Греции современной, появилась в конце третьего тысячелетия до нашей эры, и, пройдя длительный путь славы и завоеваний, постепенно ослабевала, теряя способность сохранять свой суверенитет, чем воспользовалась Римская Империя, захватывая страну в 146 году, а затем и Византия, получившая Грецию следующей. Развивающееся тогда Османское государство обособилось только в 1299 году, и к середине 16 века уже приобрело большой политический вес и широкую территориальность, успешно завоёвывая и подчиняя другие государства. Греция, получившая в результате долгого периода нахождения в зависимости от Византии православие как государственную религию, постепенно оказывается под властью исламской Османской Империи: сначала материковая часть Греции к 1466 году, затем Кипр в 1571 году и Крит в 1669.

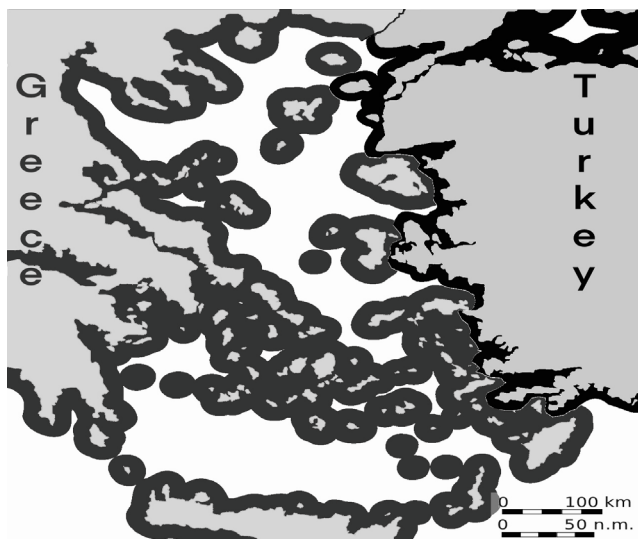
Многолетнее сопротивление чуждому Греции хозяину продолжалось многие годы вплоть до военно-политической поддержки со стороны стран Европы (в особенности Франции и Великобритании) и православного союзника – Российской Империи. И по итогам следующим за Лондонской конвенцией за 1827 год принятием Адрианопольского мира 1829 Турция предоставляет Греции автономность с большой «урезкой» территорий.

Изображение 1. Границы независимой Греции к 1830 году в сравнении с современными границами.

Изображение 2. Границы территориальных вод Греции и Турции в акватории Эгейского моря с учётом величины границы в 6 морских миль. (составлено авторами)

Изображение 3. Границы территориальных вод Греции и Турции в акватории Эгейского моря с учётом величины границы в 12 морских миль. (составлено авторами)

К 1882 году Греция присоединяет Фессалию, в 1923 году расширяется ещё больше: подписан Лозаннский мирный договор, а в 1947 году ещё и Парижским мирным договором Италия возвращает Греции архипелаг Додеканес. После всех этих геополитических изменений мы наблюдаем следующую ситуацию: Греция контролирует не только большинство островов в Эгейском море, но и имеет суверенитет над 43,5 % всей акватории, в то время как подконтрольная Турции акватория составляет 7,5 % от всего Эгейского моря (данные с учетом ширины территориальных вод не более 6 морских миль). Процесс ухудшения отношений и роста конфликтности региона, в частности, в контексте Эгейского вопроса продолжался годами, обе стороны игнорировали предложения диалога, в частности, Турция негативно реагировала на привлечение Европейского Союза в, казалось бы, внутреннюю проблему, а Греция в свою очередь не соглашалась на компромисс о разделении шельфа на равные половины, предложенный Турцией. Сегодня же Греция практически угрожает увеличить свои территориальные воды ещё больше, имея подписанную конвенцию морского права ООН 1982, с 6 до 12 морских миль, что ещё больше увеличит перевес по количеству подконтрольных вод в Эгейском море в пользу Греции, с учётом, что Турция участницей данной конвенции не является, а турецкие претензии на территориальные воды, некоторые острова со спорным статусом и береговой шельф начались еще задолго до обнаружения в них месторождений газа и нефти и планов Греции на их разработку, ещё в 1970-е. Сегодня же появилось еще больше причин развивать свои претензии на территории у обеих сторон: геологическое исследование 2015 года нефтегазового потенциала всего Средиземного моря выявила предположительно наличие множества месторождений и предположило новые открытия в данном регионе.

Турецкие запасы, тем временем, продолжают истощаться, а новые исследования не приносят весомых результатов. Турции приходится планировать все более дорогостоящие и требующие помощи сторонних государств проекты. Одновременно с этим Греция, Кипр и Израиль начинают планировать

совместную разработку и изучение месторождений в Средиземноморье, заключая при этом и некоторый военный договор о защите сооружений инфраструктуры, считая при этом главной угрозой Турецкие военные силы. Данный альянс оставляет Турцию без возможностей сотрудничества в энергетической сфере и буквально вынуждает напомнить о существовании своих претензий на некоторые исторически принадлежащие Турции территории. Тем не менее, трудно оценить не только зависимость данных претензий от наличия в регионе каждого острова и окружающих его вод каких-то месторождений, но и насколько серьёзны данные претензии в принципе. На данном этапе развития конфликта турецкие заявления о невозможности Грецией использовать территории спорных и серых зон для геологических исследований похожи скорее на вызов к диалогу, нежели на действительное желание получить данные территории. Учитывая, что со стороны Греции поступали заявления о незаконных геологических изысканиях Турции, логично предположить, что Турция хочет оценить ценность спорных территорий перед фазой активных действий.

Европейский фактор в истории данного конфликта незначителен. Рассматривая в целом влияние ЕС на греко-турецкие отношения, мы можем отследить, что до десятых годов XXI века Союз подталкивал Грецию на проведение более гибкой политики в отношении к Турции, и в целом предлагал Турции сотрудничество экономическое и социальное, в том числе это прописано в декларации Лиссабонского саммита 1992 года, но с появлением в регионе газа и нефти и нарушением в связи с этим Турцией суверенитета Греции политика и риторика сменились на более неоднозначные, в том числе от Европейского союза, как единого актора, отделяется Франция, появляется ее собственная риторика, имеющая строго про-греческий характер.

Европейский союз старается сохранить свой нейтралитет, который в данных отношениях всегда был важен для всех участников процесса. Греция ждала своего вступления в Европейский союз 22 года: виной тому военный переворот 1967 года. Получает членство она в 1981 году, несмотря на не-

которые некрупные разногласия, связанные с применением норм и правил ЕС и несоответствием нормативно-правовых актов Греции и союза. Некоторые греческие политики и общественные деятели считают, что политика ЕС мешает Греции сохранять свой суверенитет, в том числе в Эгейском море и ограничивает возможность действий на турецкой территории Кипра. Что касается Турции- она является ассоциированным членом ЕС. В соглашении о учреждении ассоциации между Турцией и Европейским Союзом от 1963 года сказано, что переход в ЕС должен состоять из трёх стадий, где первая- укрепление экономики Турции, вторая- изменение экономической политики Турции в сторону приближения к идеалам союзных государств и финальная стадия, во время которой особое внимание уделяется Таможенному союзу, который в итоге был заключён в 1995 году и является одной из важнейших точек влияния ЕС на Турцию. Практически все внимание документа приковано к продуктовому импорту и другим важным экономическим вопросам. Но впоследствии появляются другие вопросы в повестке дня, не позволяющие принять Турцию в ЕС: проблема преследования курдов, геноцид армян, Кипрский вопрос.

Однако нейтралитет Евросоюза не мешает европейской обществу и отдельным политикам воспринимать Турцию с некоторой враждебностью, и данная обстановка только ухудшается: виной тому не только милитаризация турецкой политики и очевидная миграционная повестка, но и все более усугубляющиеся проблемы Эгейского вопроса.

Несмотря на заявления Турции о необъективности и предвзятости Европейского Союза, он в целом предоставляет одинаковые требования к Греции и Турции в рамках ассоциированного сотрудничества, хотя Греции и было легче соответствовать представляемым требованиям в силу исторических причин, непосредственной географической, религиозной и политической близостью и схожим понятиям суверенитета, государственности в принципе и системы гражданского равенства стран-участниц союза и самой Грецией. Однако все более усугубляющийся миграционный кризис, напрямую связанный с Турцией, бросает вызов нейтралитету Европейского Союза,

и громкая риторика все чаще звучит на заседаниях различных европейских государств. Это может укоренить уже существующий со времён Османской Империи образ врага в лице не только Турции, но и остальных мусульманских государств, что грозит разрушением европейской системы толерантности и разрушений отношений с важными энергетическими и экономическими партнерами. Насколько это важно для Европейского Союза на самом деле? На официальном сайте говорится, что основными целями европейского Союза на период 2019–2024 являются, в первую очередь, защита граждан их свобод, разработка сильной экономической базы, создание такой системы в Европе, при которой сами собой разумеются социальные права, равенство и справедливость, «зеленость» и развитие классических методов экологии и природопользования вместе с созданием нового энергетического инструментария, не влияющего на климат, а также продвижение Европейских ценностей и интересов на глобальной политической сцене. Что же стоит за этими четырьмя большими целями? Защита граждан и их свобод подразумевает, естественно, прежде всего граждан стран, включённых в Союз. Интересно, что риторика Евросоюза кажется сегодня более защищающий свой суверенитет, словно доклад принимает оборонительную позицию. Например, в нём встречаются фраза «Мы должны быть теми, кто решает, кому войти в Евросоюз.»

Это, несомненно, антимиграционная риторика. Текст много отсылает к принципам и ценностям европейского Союза, уточняя, что необходим эффективный контроль внешних границ союза, что в какой-то степени отсылает нас к Эгейскому конфликту, и с последними нарушениями Турцией суверенитета Греции. Также в докладе упоминается торговля людьми и терроризм, техногенные и природные катастрофы, в том числе кибер-атаки и дезинформация. Тем не менее, в тексте не указывается, каким именно образом граждане Союза будут от данных проблем защищены, ведь сделать это можно как посредством цензуры и контроля, так и мягкими методами, что не касается, конечно, изменений в миграционной политике. В риторике чувствуется напряженность, связанная

с проблемой беженцев, и Турция играет в этом практически главную роль.

Понятно, что для Европейского союза невключение Турции в свой состав в какой-то степени связан и с предположительным после этого события всплеском количества беженцев и мигрантов в европейских государствах, а остановить данный поток – вопрос теперь принципиальный, как следует из доклада.

Вторая большая цель европейского Союза – экономическое развитие. в особенности развитие скоординированной индустриальной политики и длительной стратегии Европейского единого рынка. И на данный момент экономически Евросоюзу интересна по большей степени греческая сторона, как непосредственная участница нефтегазового альянса с Израилем и Кипром.

Тем не менее, ЕС призывает стороны к деэскалации конфликта, но, несмотря на свой в целом сдерживаемый нейтралитет, неофициально принимает сторону Греции в этом вопросе не только как непосредственной своей части, но и как выгодного экономического партнера, в том числе и управляемого, ведь у ЕС есть гораздо больше рычагов влияния на Грецию, чем на Турцию, санкции в сторону которой только продолжают расширяться без изменения реакции на это самой Турции. Более того, в 2020 году, после заявления ЕС о подготовки новых санкций, Турция сделала заявление о том, что не согласна с европейской критикой и продолжила буровые исследовательские работы.

Третья большая часть плана Европейского союза состоит в улучшении качества жизни в Европе, развития культурной стороны и углубления понимания европейской идентичности в принципе, сохранении внимания на социальных правах и свободах, в том числе и на проблемах загрязнения вод, изменения климата и в целом технологической эволюции и уменьшению экологического следа региона в целом.

Четвёртая цель состоит в распространении ценностей и интересов Европейского союза, что подразумевает, согласно докладу, поддержку ключевых международных организаций, например, Организацию Объединённых Наций. Также в докладе

говорится, что ЕС буквально преследует в качестве цели своё расширение, используя методы мягкой силы и саморекламы, являясь примером уникальной межгосударственной кооперации. ЕС хочет увеличить зону своего влияния, и для этого ей необходимы дружественные отношения с Турцией.

Турция и Эгейский вопрос является краеугольным камнем преткновения в системе интересов и мотивов Европейского Союза. Несмотря на то, что в энергетическо-экономическом вопросе для Союза предпочтительнее отсутствие Турции как сильного игрока в данном регионе и вопросе, ни в коем случае нельзя терять Турцию, как дружественное государство, ведь Турция, управляя потоком беженцев и являясь крайне милитаризованным государством, представляет для Союза большую опасность, чем Греция. И несмотря на то, что у Союза и входящих в него стран множество интересов к ресурсам Эгейского моря и устойчивости суверенности на границе с Турцией, участвовать в данном споре ЕС нужно максимально тактично, аккуратно и с максимальным сохранением нейтралитета. Тем не менее, участвовать необходимо: ведь данный конфликт, угрожая в первую очередь суверенитету Греции, угрожает в том числе и безопасности всего Союза, территориально располагаясь у его юго-восточных границ, развитие конфликта не является для стран-участниц союза выгодным ни в политическом, ни в экономическом смысле.

Выводы, полученные в результате исследования, таковы: Эгейский вопрос, имевший огромную историю и большое количество причин, развивается сейчас не только как конфликт территориальный, но и энергетическо-экономический. Ерегулирование конфликта на данном этапе не представляется возможным, обе стороны конфликта не могут найти золотую середину между нападением и принятием уступок, что ведёт к затяжности конфликта и возникновению цикличности, корреляции между активностью конфликта и существованием нефтегазового фронта не выявлено, так как все данные претензии возникают на политической повестке отношений между Грецией и Турцией с определенной цикличностью скорее как следствие общей напряженностью в отношениях данных государств,

и, несмотря на попытки Европейского Союза как объединения сохранять нейтралитет, персональные мотивы отдельных государств-акторов лишь ещё больше настраивают оппонентов друг против друга, а расширение санкций и введение военных сил ещё более усугубляют ситуацию, не ведя страны к диалогу, а лишь увеличивая пропасть между ними, где Европейский Союз не только теряет свой авторитет перед Турцией, но и в целом рискует разрушить свои отношения с ней.

Список источников и литературы

1. Страхов, Е. С. «эгейский спор» в современных греко-турецких отношениях / Е. С. Страхов // *Мировая политика XXI века: образы будущего в мозаике региональных проблем: Сборник статей по материалам секции «Мировая политика» XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, 09–13 апреля 2018 года*
2. Гаврилов, В.П. Нефтегазоносные бассейны Средиземного моря / В.П. Гаврилов // *Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений.* – 2015. – № 2. – С. 42–47.
3. Прищепа, О.М. Минерально-сырьевая база нефти и газа Турции: состояние, перспективы развития, новые проекты / О.М. Прищепа, Ю.В. Нефедов // *Нефтегазовая геология. Теория и практика.* – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 5. – DOI 10.17353/2070–5379/31_2019.
4. Маркетос, Т. Глобальные и региональные акторы в «геополитической толкучке» вокруг энергоресурсов Восточного Средиземноморья: США, Россия, Израиль, Турция, Иран / Т. Маркетос // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2013. – Т. 16. – № 1. – С. 80–88.
5. Козик, К.А. Турецко-греческие отношения в 1990-е гг / К.А. Козик // *Теория и практика общественного развития.* – 2012. – № 1. – С. 202–205.
6. Козик, К.А. Европейский фактор в турецко-греческих отношениях в 1990–2000-е гг / К.А. Козик // *Историческая и социально-образовательная мысль.* – 2012. – № 5. – С. 24–26.
7. Шахин Э. КИПРСКИЙ ВОПРОС В ПЕРЕГОВОРАХ О ВСТУПЛЕНИИ ТУРЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ (1990-е – НАЧАЛО XXI в.), СПбГУ, 2016
8. Осипова, Е. П. Вступление Бельгии, Португалии и Греции в европейский союз / Е. П. Осипова, А. Панкратьев // *Океанский менеджмент.* – 2017. – № 1(1). – С. 191–199.
9. МИД Турции <https://web.archive.org/web/20131023110232/http://www.abgs.gov.tr/index.php?p=117&l=2>
10. <https://www.consilium.europa.eu/en/eu-strategic-agenda-2019–2024/>

11. <https://neftegaz.ru/news/shelf/654312-es-rasshirili-sanktsii-protiv-turtsii-za-burenie-v-sredizemnom/>

EU PARTICIPATION IN GRECO-TURKISH TERRITORIAL DISPUTES IN THE AEGEAN SEA

Astashova E. V.¹, Mikheeva N. M.^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

² North-West Institute of Management of RANEPА under the President of
the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

This article examines the problem of the Aegean question and the interaction of the European Union with Turkey and Greece in its context, the influence of historical and energy-fuel causes on the development of the conflict is studied and the question of changing the interactions of the actors of the conflict over time is raised.

Keywords: Aegean Sea, Turkey, Greece, European Union

АФРИКА КАК «РАВНЫЙ ПАРТНЕР» НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НЕОКОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Кондрашов И. С.¹

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет,
Санкт-Петербург, Россия

В работе нами проанализированы основные этапы становления Африки как геополитического актора с 1952 года по настоящее время для ответа на ключевой вопрос: «Является ли Африка субъектом международных отношений, и как изменялся её геополитический статус на протяжении 60 лет постколониального существования?». Нашей целью было исследовать мотивы, методы и последствия деятельности акторов международной политики. В ходе исследования были использованы методы ретроспективного анализа, сравнительного анализа, прогнозирования, дискурсивного анализа нарративных документов.

Ключевые слова: Африка, Неоколониализм, Геополитика, Равное партнерство

Общие предпосылки неоколониального дискурса, «недо-развитие» и геополитическая объективация. Объективация

африканского континента после Второй мировой войны и крушения колониальной системы быстро была осознана крупными игроками международной арены как метод сохранения колониальных отношений. Неоколониализм позволял продолжать ресурсную эксплуатацию континента и фактически определял зависимость новообразованных национальных государств от экономической помощи собственных же эксплуататоров. Де-юре независимые государства Африки обменивали ценные природные ресурсы на европейские товары, составлявшие продукт рыночного перепроизводства. Сырьевая эксплуатация континента привела к такому явлению, как «недоразвитие» (Underdevelopment) национальных экономик региона.[1] Данный термин подразумевает собой феномен субстанциальной ошибки в понимании механизма развития стран Африки—их экономические показатели, прогнозы и реалии капиталистической системы предполагаются структурно идентичными тем, что были представлены в бывших метрополиях.[2] Континент, не имевший опыта суверенного управления, с богатой ресурсной базой и слабо развитыми идеологическими и экономическими институтами стал одним из центров политической конфронтации капиталистической и социалистической моделей мироустройства. Фултонская речь У. Черчилля показывает, что премьер-министр Великобритании констатировал существующее неразрешимое противоречие[3] и во многом предвосхитил будущие проблемы в обеспечении принципов коллективной безопасности: «Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или будем просто ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения».[4, с. 428] Черчиллевский акцент на необходимость деятельной политики по урегулированию международных конфликтов остается актуальным. На примерах ряда африканских кризисов мы рассмотрим трансформацию статуса африканских государств как акторов геополитики для подтверждения или опровержения положения неоколониального дискурса об односторонней воле Западных стран к ресурсной эксплуатации Африки.

От подчинения до манипуляции—Суэцкий кризис в геостратегии «Сдерживания». Несмотря на сравнительно слабые

политические возможности африканских государств в отправлении влияния на международную систему и их периферийность, лидеры государств Черного континента отдавали себе отчет в потенциале «позиции слабого». Умелое маневрирование между интересами основных противоборствующих сил обеспечивало им широту дипломатической риторики, трансферты капитала и оружия от обеих заинтересованных сторон, а также поддержку, необходимую для реализации собственных амбиций. Так, Гамаль А. Насер – военный диктатор Египта с 1952 года и фактический президент Египта с 1956 по 1970 гг. – сумел добиться дестабилизации положения Великобритании на главной нефтяной артерии – Суэцком канале, сместить британского командующего «Арабского легиона», а также стать идеологом и одной из ключевых фигур арабского национализма. Насер пользовался привилегированным положением Египта как фокуса противостояния сверхдержав, чтобы заставить отказаться от притязаний на Суэц сначала «империалистические страны Запада» – путём шантажа присоединением к советскому блоку, а затем отказаться от советского проекта в пользу арабского националистического движения. США не могли позволить Египту перейти в блок социалистических стран, однако при этом не смогли поступиться моральными принципами и универсалистской риторикой ради союзниц по НАТО. Великобритания и Франция оказались недостаточно сильны экономически, чтобы открыто бросать вызов международному сообществу и идти против Совета Безопасности ООН и вынуждены были позорно свернуть свою военную интервенцию в Суэц. СССР на собственные деньги возвел Асуанскую плотину, спонсировав тем самым развитие Египта и не получив взамен каких-либо существенных дивидендов. Африканские лидеры смогли использовать идеологическое противостояние США и СССР как рычаг давления на акторов международной политики, по сути, продавая свою ничем не обеспеченную лояльность той или другой стороне за финансирование, поставки оружия, поддержку авторитарных режимов. [4, с. 518]

Геополитический проект «Франсафрик» и видение Францией Африки как равноправного партнера. Ситуации,

в которых лидеры африканских государств при помощи дипломатии сумели стать субъектами международной политики, не были редки на всем протяжении Холодной войны. Примеры Ганы времен К. Нкрума, Египта Гамаль А. Насера и А. Садата, Габона О. Бонго, Ливии М. Каддафи, ЮАР Н. Мандела позволяют нам судить о существенной роли африканских лидеров в корректировке мирового баланса сил и высокой степени их участия в решении чрезвычайно важных международных вопросов. Лидер Габона, бывший ключевым звеном французской системы «Франсафрик» (ассоциации бывших французских колоний на территории Африки, сохранивших валютную зависимость от франка и французский язык в качестве государственного (т.н. франкофония)), имел возможность влиять на политические решения в Европе на самом высоком уровне. О. Бонго финансово поддерживал кандидатов на должность президента Франции, как это было в случае с Ж. Шираком и африканским финансированием части его предвыборной кампании. Весомо влияние Габона в качестве трансфертного пункта французского капитала и военных ресурсов в соседние страны (например, свержение императора Бокассы в ЦАР). [5] О. Бонго имел весомый компромат на каждого крупного политического деятеля Франции, что делало его второй по величине фигурой во всей системе Франсафрик. Как и в случае с Шираком, политическая кампания Н. Саркози могла быть обеспечена ливийскими деньгами, которые М. Каддафи вкладывал в европейские экономики ради политических и торговых преференций, [6] хотя де-юре заявлял о собственной нетерпимости к бывшим колонизаторам.[7] Ж. Ширак, избранный на должность президента Франции в 1995 году, подчеркнул добрую волю Франции по отношению к странам Магриба и Тропической Африки, назвав сеть торговых, дипломатических и политических отношений «взаимовыгодным партнерством».[8] Несмотря на противоречия с Алжиром в вопросах прямых инвестиций в страну, бывшая метрополия придерживалась политики предоставления гуманитарной помощи странам региона в размере €10 млрд. ежегодно. Спонсирование Францией многих слаборазвитых экономик региона, взаимо-

выгодное сотрудничество и реальные перспективы развития национальных государств Африки при патронаже бывшей метрополии обеспечили смену неокOLONиального дискурса прагматическим подходом к международным отношениям Франции и её бывших колоний.[9, с. 38] Согласно официальному заявлению премьер-министра Франции А. Жюппе, «Франкофония не является инструментом господства, она не знает ни приказов, ни субординации (дословно, военной структуры власти). Государства, в нее входящие... чувствуют, что существует свобода слова, отказ от навязывания норм, постоянное стремление в каждом из них уважать народ с его культурой, с его собственным видением мира».[10, с. 254] От Ширака до Саркози Франция постепенно занималась реализацией принципов партнерства вместо односторонней доминации в регионе бывшей метрополии. Содержание военных контингентов на территории стран с потенциалом политической нестабильности обходилось Франции, например, в €500млн. ежегодно (цифра приблизительная) на протяжении десятилетий, а поддержка прозападных режимов компрадорской буржуазии, как было эмпирически оценено Францией, ведет только к увеличению необходимых вложений без видимого результата в области наращивания «партнерских» отношений.[11, с. 528] В долгосрочной перспективе финансирование неэффективных политических проектов не имеет смысла – страна, оказывающая помощь диктаторским, популистским, коррумпированным режимам в Африке создает сама для себя экономический капкан в долгосрочной перспективе.[12] На данном этапе развития системы международных отношений зона франка является проектом по выстраиванию равного партнерства между бывшими колониями и бывшей метрополией на основе общего исторического опыта. Несмотря на периодические разногласия, 75 % стран-участниц данного проекта склонны поддерживать решения Франции, предлагаемые в рамках ООН. [13]

Безопасность и инклюзивный рост – Африка как реципиент помощи от международных организаций. В современном мире процесс глобализации и интернационализации распространяется на внутригосударственные конфликты. Гра-

ницы африканских государств определены бывшими метрополиями и не учитывают многих этнических, социальных и культурных факторов, что способствует стремительному превращению этнических конфликтов в одной стране в международный кризис. В то же время, эффективность вмешательства ООН с целью принуждения к миру остается под вопросом, как и правомочность контингента других стран силовыми методами разрешать существующий конфликт. Будучи взаимосвязаны, два этих фактора порождают явления, называемые гуманитарными кризисами. На обеспечение мер по их преодолению в 2017 году было выделено \$20 млрд. безвозмездно переданных средств.[14] Наиболее крупный гуманитарный кризис начала 21 века—это Дарфурский конфликт, вследствие которого примерно 2 млн. человек на настоящий момент находятся в лагерях беженцев, над обеспечением их безопасности трудился двухтысячный корпус миротворцев, а затраты ежегодно составляли приблизительно \$100 млн.

Омар аль Башир, бывший президент Судана, имел тесные экономические связи с КНР, которой экспортировал нефть, а также с РФ, видевшей Судан как потенциального импортера оружия и регион, через который возможно дестабилизировать положение США на африканском континенте, поскольку Дарфур граничил с зоной геополитических амбиций США в Чаде.[15] Этнические меньшинства, занимавшие регион с обнаруженными залежами нефти, потребовали для себя значительной корректировки дотационной политики государства в регион, их требование согласовалось с правом народов на самоопределение, и было выгодно США для расширения зоны геополитического влияния. Аль Башир отказался от подобной инициативы, вследствие чего вооруженные представители вышеуказанных племен начали активные военные действия против правительственных войск Судана.[16] Омар аль Башир привлек к борьбе специализированные отряды Джанджавид—наемников из числа кочевого этнического мусульманского меньшинства на юге Судана, которое основной упор в своей борьбе делало на запугивание мирного населения, этнические чистки и разрушение аграрного сектора повстанче-

ских сил.[17] Деэскалацией конфликта на протяжении 10 лет занималась миссия ООН по Дарфурскому региону (UNAMID). Одновременно с охраной UNAMID занималась восстановлением межэтнической толерантности, укреплением прав женщин, репатриацией беженцев и восстановлением безопасности транспортных перевозок в регионе.[18] Данная миссия показала, что международное сообщество способно эффективно реагировать на кризисные ситуации в регионе даже против воли некоторых из участников (в том числе, членов СБ ООН). UNAMID стала первой миссией, в которой большинство солдат были представителями африканских государств (Нигерии, Чада, Мали)–и это отвечало требованию ООН по африканскому континенту «решать проблемы силами самого региона». Дарфур показателен как отправная точка нового взгляда на систему международной безопасности–решение проблем континентов с привлечением миротворцев из стран, близких по культуре участникам конфликтов.

Последние два десятка лет на международной арене ознаменованы значительными изменениями в ресурсных, инвестиционных и политических целях акторов глобальной политики. [19] В настоящее время существуют различные международные организации, способствующие созданию полицентричной геополитической системы. Одним из “полюсов” этой системы является Организация Сотрудничества Бразилии, России, Индии, Китая и Южноафриканской Республики (БРИКС). Африканское направление в последнее десятилетие стало одним из приоритетов стран БРИКС (образована в 2006 году Президентом России В. Путиным). Причины подобной переориентации кроются в экономическом потенциале Африки, богатстве ресурсной базы и сравнительной свободой многих отраслей экономики от крупных Западных компаний, а также в возрастании влияния африканских государств на международной арене.[20] Встреча представителей БРИКС в Йоханнесбурге стала базисом развития нового направления международной политики Форума БРИКС–африканский континент был обозначен как зона сотрудничества на пути инклюзивного роста. [21] Роль капитала БРИКС в Африке довольно велика: так,

в 2007 году накопленные инвестиции БРИКС в страны Африки насчитывали 13,7 % общемировых инвестиций в континент, на момент 2014 года этот показатель составлял 17,5 %. По прогнозам, после пандемии уровень влияния капитала инициированной РФ организации на африканском континенте будет составлять 22,1 %, что позволит обойти уровень накопленных инвестиций стран G7 в регион.[22] БРИКС проводит в Африке политику “мягкой силы” при помощи инвестирования. Строго говоря, помощь африканским государствам в виде дотаций или долгосрочных инвестиций может рассматриваться как акт геополитического планирования в перспективе долгосрочного взаимодействия БРИКС и стран Африки, равно как и возможность снизить региональное доминирование Западного капитала. В какой степени РФ, КНР или Индия используют площадку БРИКС для продвижения собственных интересов,[23] в той же мере ЮАР нацелена на установление собственного регионального доминирования за счет проводимой форумом геополитической стратегии ”Юг-Юг”.[22, с. 84][24] Без обоих факторов – экономического и геополитического – видение государств Африки как равноправных участников международной политики все ещё представляется затруднительным. Российские инвестиции в Африке предполагают ориентацию на российские национальные интересы. [25, IV, п. 15] В 2019 году был принят в реализацию план по инвестированию примерно \$10 млрд. в сырьевые и инфраструктурные проекты, также Россия является донором средств Фонда содействия программам образования, выделяя безвозмездно \$32 млн. [26] на стипендиальные программы и научные гранты для перспективных ученых стран «периферии». Таким образом, в 21 веке проблема качественного преобразования Африки в равного торгового и политического партнера встала перед рядом сравнительно новых акторов геополитики, в том числе, стран высокого экономического потенциала (БРИКС). Тем не менее, в вопросах обеспечения безопасности ЮАР, а соответственно, Африканский Союз, склонны отдавать предпочтение миротворческим миссиям ООН, что объясняется несогласованностью целей основных участников БРИКС, слабой институционализаци-

ей и отсутствием нормативной базы форума.[21] Де-факто БРИКС является площадкой декларирования интересов развивающихся государств, но не выступает как единый геополитический блок в настоящее время, и не станет таковым в ближайшем будущем.[23][27] Данное утверждение показывает, что, хотя и предпринимаются успешные попытки создания надгосударственных объединений со схожими геополитическими интересами, ООН остаётся единственным международным институтом, действительно претендующим на статус международного арбитра и центра принятия экзистенциально важных решений по обеспечению безопасности, устойчивого развития и защите прав человека.

В статье была ретроспективно проанализирована проблема африканского неокolonизма и путь трансформации геополитического пространства Африки. На примере ряда международных кризисов выявлены тенденции мировой политики, касающиеся участия ООН, стран Запада и БРИКС в развитии континента. Кроме того, показана несостоятельность суждений об одностороннем негативном влиянии стран Запада на государства континента, их внутреннюю и внешнюю политику, трансафриканскую интеграцию. Несомненно, континент все еще представляет собой поле геополитической игры акторов международной политики, однако на данный момент уже не в качестве «мировой периферии», а как потенциально равного партнера в системе коллективной безопасности.

Благодарности: Крюковой Ксении Вячеславовне – за помощь в поиске материалов и рецензирование статьи.

Список источников и литературы

1. Taylor, I. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization. Vestnik RUDN. International Relations, 19 (4), Russian Federation, 2020, p. 39–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sixty-years-later-africa-s-stalled-decolonization/viewer> (Дата обращения: 15.02.2021).
2. Amin, S. Accumulation on a World Scale. New York: Monthly Review Press, USA, 1974. URL: <https://ru.scribd.com/document/356095637/AMIN-Samir-Accumulation-on-a-world-scale-pdf> (Ограниченный доступ) (Дата обращения: 15.02.2021).

3. Тененбаум, Б. Текст фултонской речи У. Черчилля, Российский литературный портал «Проза.ру», 2015. URL: <https://proza.ru/2015/08/22/1102> (Дата обращения: 15.02.2021).
4. Kissinger, H. *Diplomacy, USA*, 1994, 896 p.
5. Филиппов В. Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. РФ, 2017, с. 402–415. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fransafrik-i-etika-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah/viewer> (Дата обращения: 15.02.2021).
6. Piel, S., Tilouine, J. Financement libyen de la campagne de 2007: Nicolas Sarkozy en garde à vue, *Le Monde*, France, 20.03.2018. URL: https://www.lemonde.fr/police-justice/article/2018/03/20/financement-libyen-de-la-campagne-de-2007-nicolas-sarkozy-en-garde-a-vue_5273446_1653578.html (Дата обращения: 07.03.2021).
7. Каддафи М. Зеленая книга, 64 Генеральная ассамблея ООН, США, 2009.
8. Кокович Л. Жак Ширак прибыл в Алжир с трехдневным визитом, РИА «Новости», РФ, 2003, URL: <https://ria.ru/20030302/331872.html> (Дата обращения: 15.02.2021).
9. Подгорнова Н. П. Политика Франции в странах Северо-Западной Африки, РФ, 2015.
10. Juppé A. Quel hoziton pour la politique étrangère de la France? // *Politique étrangère*. France 1995. No 1. p. 245–259. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_1995_num_60_1_4402 (Дата обращения: 16.02.2021).
11. Обичкин Е. О. Французская политика в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Франция. В поисках новых путей / Отв. ред. д. и. н. Ю. И. Рубинский. РФ, 2007 с. 524–549.
12. Филиппов В. Р. Африканский капкан для Эммануэля Макрона. Известия АлтГУ. Исторические науки и археология, 2019 № 2 (106). РФ, 2019, с. 80–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskiy-kapkan-dlya-emmanuelya-makrona/viewer> (Дата обращения: 17.02.2021).
13. Филиппов В. Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 402–415.
14. Maurer, P. Humanitarian diplomacy and principled humanitarian action. *International review of the Red Cross*. Vol.97 № 897/898, 2017. p.445–452. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-02-044-maurer-p-gumanitarnaya-diplomatiya-i-printsipialno-obosnovannye-gumanitarnye-deystviya-maurer-p-humanitarian-diplomacy-and/viewer> (Дата обращения: 17.02.2021).
15. Тарасенко П. Сергей Лавров встал на защиту внутренних проблем. Газета «Коммерсантъ», № 220. РФ, 2014, с. 7.
16. Q&A: Sudan's Darfur conflict. BBC News, USA, 2010. URL: <http://news>.

- bbc.co.uk/2/hi/africa/3496731.stm (Дата обращения: 18.02.2021).
17. Mayyahi A. Keeping Darfur heritage alive. Voices of Darfur, Republic of Sudan, 07.2010, p. 6–8. URL: https://unamid.unmissions.org/sites/default/files/voices_of_darfur-july-2010-english.pdf (Дата обращения: 18.02.2021).
  18. Mohammed S. UNAMID JSR's remarks at the opening ceremony of the Sudan Peace Talks in Juba, South Sudan. Voices of Darfur, Vol. 08, Republic of Sudan 03.2020, p.6. URL: https://unamid.unmissions.org/sites/default/files/vod_en_march_2020_spread.pdf (Дата обращения: 18.02.2021).
  19. Tiago Machado Oliveira, I. A focus on international trade in services. BRICS and Africa: partnership for development, integration and industrialization, Republic of South Africa, 2014, p.38–52. URL: http://www.dirco.gov.za/departement/bricks_fifth_book2014.pdf (Дата обращения: 20.02.2021).
  20. Дейч Т. Л. Региональная политика БРИКС в Африке. Вестник международных организаций, Т. 10, № 2. РФ, 2015, с. 206–228. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-politika-briks-v-afrike/viewer> (Дата обращения: 20.02.2021).
  21. Муратшина К. Г. Группа БРИКС как актор международной политики. Вестник Удмуртского университета «Социология. Политология. Международные отношения», Т. 4, № 4, РФ, 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppa-briks-kak-aktor-mirovoy-politiki/viewer> (Дата обращения: 20.02.2021).
  22. Guimei, Y. BRICS economic and trade cooperation with Africa. BRICS and Africa: partnership for development, integration and industrialization, Republic of South Africa, 2014, p.82–88. URL: http://www.dirco.gov.za/departement/bricks_fifth_book2014.pdf (Дата обращения: 20.02.2021).
  23. Окунева Л. С. БРИКС на мировой арене, новации современного этапа. Материалы круглого стола ИМИ МГИМО, Центр БРИКС. Comparative politics, Т. 8 № 4. РФ, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-na-mirovoy-arene-novatsii-sovremennogo-etapa/viewer> (Дата обращения: 20.02.2021).
  24. Игнатов А. А. Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. РФ, 2019. Т. 19. № 1. С. 89–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sammit-briks-v-yohannesburge-bolshe-novyh-mehanizmov-i-menshe-konkretnyh-resheniy/viewer> (Дата обращения: 20.02.2021).
  25. Указ Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259 “Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540588/> (Дата обращения: 20.02.2021).
  26. Дейч Т. Л., Усов В. Африканский вектор политики БРИКС. РСМД, РФ, 07.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/>

analytics/afrikanskiy-vektor-politiki-briks/#detail (Дата обращения: 21.02.2021).

27. Син Л. К вопросу о политике и дипломатии стран БРИКС. Сравнительная политика, Т. 1 № 18. РФ, 2015, с. 54–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-politike-i-diplomatii-stran-briks/viewer> (Дата обращения: 01.03.2021).

AFRICA AS AN “EQUAL PARTNER” IN THE INTERNATIONAL ARENA—THE GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF NEOCOLONIAL DISCOURSE

Kondrashov I. S.¹

¹St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

In our work, we retrospectively analyzed the main stages of Africa’s formation as a geopolitical actor from 1952 to the present to answer the key question: “Is Africa a subject of international relations, and how has its geopolitical status changed during 60 years of post-colonial existence?” Our goal was to investigate the motives, methods and consequences of international politics. This goal is divided into the tasks we have set ourselves in the form of the following questions: How the political relations between Africa and the former metropolises have developed, whether the neo-colonial system has transformed during the Cold War? It is necessary for us to clarify trends in the transformation of Africa’s status from an object of international policy to an equal partnership. What is the role of the UN in managing conflicts in the territories of African states? Through this issue, we will be able to introduce the necessary clarifications on the work of the UN on African problems, because this issue is currently a debatable issue for the scientific community. What is the role of the BRICS in the processes taking place on the continent and in what its geopolitical interest? Our task is to analyze the share of the investment market occupied by the BRICS countries and the ways in which the new actors of geopolitics influence the formation of a new balance of power. The study used methods of retrospective analysis, comparative analysis, prediction, discursive analysis of narrative documents.

Key words: Africa, Neo-Colonialism, Geopolitics, Equal Partnership.

СИРИЯ КАК ОБЪЕКТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ИРАНА

Крупина А. А.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Поскольку Исламская Республика Иран является одним из претендентов

на лидерство в ближневосточном регионе, ей нужно не просто усиливать свою мощь, но и развивать систему союзов. Иран постепенно выстраивает линию из поддерживающих или благоприятствующих режимов. Так называемый «шиитский полумесяц» необходим для оказания сдерживающего влияния на консервативные монархии и Израиль, опирающиеся во многом на США, с которыми у ИРИ конфронтация идет уже много лет. С обеих сторон периодически происходят провокации в виде высказываний либо агрессивных действий, что представляет угрозу для международной безопасности. Сирия занимает такое стратегическое положение, которое чрезвычайно важно для того, чтобы не прерывать линию, конструируемую Тегераном для наращивания военного, экономического и идеологического влияния. Иран, помимо финансовой помощи САР, привлекает к участию в конфликте не только КСИР, но и шиитские движения других стран. В данной работе раскрывается роль различных иранских подразделений и проиранских организаций в гибридной войне в Сирии.

Ключевые слова: Иран, Сирия, Хезболла, «шиитский полумесяц», шииты.

Ближний Восток представляет собой разнородное пространство, где помимо региональных претендентов на лидерство есть акторы, которые стремятся заполучить наибольшее влияние, хотя территориально они располагаются далеко от эпицентра противоречий, например, США. Соединенные Штаты Америки для достижения своих целей используют другие государства, в частности Израиль и Саудовскую Аравию. Они, в свою очередь, видят угрозу в распространении своего влияния Исламской Республикой Иран (ИРИ). Это государство характеризуется тем, что официальной религией оно признает ислам шиитского толка. Соответственно, ему для собственной безопасности в регионе нужно создать такое геополитическое пространство, которое будет единым, максимально способствующим развитию военных, торгово-экономических и политических связей между союзниками. Отсюда исходит необходимость укрепления так называемого «шиитского полумесяца» [1], то есть территории, проходящей от Ирана через Ирак, Сирию и до Ливана. Так или иначе, эти государства стремятся не допустить американо-израильского доминирования на Ближнем Востоке.

Сирийская Арабская Республика (САР) с 2011 года находится в кризисном положении, поскольку страну охватила гражданская война, которая также является и прокси-войной,

ведь сирийскую суннитскую оппозицию поддерживают Турция, Катар, Саудовская Аравия, также свои интересы пытаются продвигать такие страны, как США и Израиль, а Иран покровительствует официальному правительству Сирии. Для ИРИ стратегически важно сохранить власть алавитов в САР и не допустить разрыва «шиитского полумесяца», поскольку через сирийскую территорию удобно производить поддержку ливанской «Хезболлы», значение которой также огромно для конструирования геополитического поля влияния ИРИ. Кроме того, финансовая (Сирия является важным рынком сбыта для Ирана, который постоянно находится под санкциями западных держав, как и САР), продовольственная и военная помощь (поставки оружия, отправление бойцов) сирийской стороне позволяют сохранять иранское политическое влияние на процессы, протекающие в регионе, и избегать геополитической изоляции. На первых стадиях сирийского конфликта в ИРИ с достаточно большой силой распространялось мнение о том, что с потерей Сирии легко будет потерять и Тегеран, поэтому есть большая необходимость в поддержке официального правительства[2]. Также мы видим, что и после окончания наиболее активной фазы конфликта Тегеран стремится сохранять позиции в Сирии. На встрече Хасана Роухани и Башара Асада в 2019 году в Иране руководство ИРИ заявило, что оно готово оказать помощь Сирии в восстановлении тех разрушений, которые были принесены в результате гражданской войны[3].

Что касается Вашингтона, ему важно подорвать позиции ИРИ из-за давних противоречий по поводу ядерной программы Ирана и гегемонистских устремлений Соединенных Штатов Америки, выражающихся в желании доминировать в регионе как политически, так и в качестве монополиста на энергетическом рынке и рынке вооружений[4]. Израиль придерживается таких же позиций, что и США, так же выступает за ослабление иранского влияния в Сирии, вытеснение иранских сил оттуда.

Иран изначально последовательно поддерживал сирийское правительство и сейчас он всячески сохраняет свое присутствие и геополитическое влияние на территории Сирии. Боль-

шая роль для поддержки режима Башара Асада отдана Корпусу стражей исламской революции (КСИР). Осенью 2012 года в САР было направлено 150 иранских офицеров для более эффективного противодействия оппозиционным силам, впоследствии также солдаты из Ирана направлялись на эту территорию целыми подразделениями[5].

Особое значение имел глава специального подразделения КСИР «Аль-Кудс» генерал Касем Сулеймани. Считается, что он занимался координацией действий многих шиитских группировок, о которых будет сказано ниже, в том числе и в САР. Благодаря К. Сулеймани была создана не просто сеть сторонников ИРИ, но также она была снабжена ракетным оружием и беспилотниками, что в разы увеличивало эффективность военных группировок и снижало возможность их ликвидации противником[6]. Именно по его инициативе в один из критических моментов в 2015 г. прошли переговоры с Россией о том, как далее проводить сирийскую военную кампанию[7]. Он же налаживал транспортировку вооружений в Ливан. Помимо этого, в израильских СМИ существует мнение, что К. Сулеймани смог организовать систему доставки оружия морскими путями и обучения военно-морских кадров для проиранских сил, хотя стоит отметить, что генерал сам не обладал никакой морской подготовкой[8]. Это говорит о том, что Израиль, вероятно, несколько переоценивал обстановку и опасался того факта, что один человек мог оказывать настолько сильное влияние на ситуацию в регионе и усиление позиций целого государства – Ирана. Убийство национального героя в январе 2020 года привело к усилению напряженности в ближневосточном регионе в целом[9], но освободившуюся должность занял заместитель главы «Аль-Кудс» Исмаил Каани, ставший продолжателем политики, проводимой его предшественником, поэтому вектор действий Ирана в Сирии не изменился.

Помимо того, что в САР действуют непосредственно иранские войска, туда были направлены многочисленные шиитские группировки из других государств. Например, «Хезболла», «Фатимийюн», «Лива Зайнабийюн», «Асаиб Ахль аль-Хакк», «Харакят Ан-Нуджаба».

До 2013 г. ливанская «Хезболла» придерживалась нейтральной позиции в отношении сирийского конфликта, но с возникновением угрозы переноса военных действий на территорию Ливана этой организации пришлось встать на сторону Сирийской арабской армии. «Хезболла» двинулась в приграничные районы Сирии и Ливана, чтобы предотвратить проникновение в границы государства и обстрел территории вооруженной оппозицией вокруг сирийского города Аль-Кусайр и для защиты ливанских деревень. Битва при Аль-Кусайре стала поворотным моментом, поскольку это была первая крупная военная победа сирийского режима и его союзников. Хафез Асад и его сын Башар Асад всегда поддерживали данное движение, что также стало одной из причин занятия именно этой стороны «Хезболлой». Помимо прочего, укрепление роли шиизма в целом рассматривается приверженцами данной конфессии как важная цель, что тоже повлияло на присоединение ливанских войск. Таким образом, «Хезболла» являлась одной из основных сил, которые могли оказывать воздействие на гарантирование сохранения суверенитета и территориальной целостности Сирии и, как следствие, обеспечивать укрепление Исламской Республики Иран в зоне ее влияния, исключать ее изоляцию на Ближнем Востоке.

Бригады «Фатимийюн» являются афганским подразделением, также принимающим участие в военных действиях в САР. Считается, что основатель этого движения был доверенным лицом Касема Сулеймани. На территории Ирана проживает довольно большое число беженцев из Афганистана. Как раз-таки многие беженцы стали частью данной группировки. Это движение принимает участие в наиболее сложных операциях, выступает в авангарде наряду с «Хезболлой», из-за чего обычно терпит довольно большие человеческие потери и потери техники[10]. Позднее появилось «Лива Зайнабийюн» — шиитское ополчение, выделившееся из бригады Афганистана в связи с увеличением численности пакистанцев-сторонников режима Башара Асада. Ранее представители Пакистана сражались в составе «Фатимийюн».

Иран осуществляет вербовку военных в восточной части

своего государства. Афганистан высказывал недовольство использованием его граждан в интересах Ирана и заявлял, что доказательства прямой вербовки афганцев приведут к решению данного вопроса посредством вмешательства Организации Объединенных Наций. Однако ИРИ настаивает на том, что никаких специальных учений не проводит, что это все добровольцы[11]. Естественно, это усложняет отношения между Тегераном и Кабулом, что следовало бы взять во внимание Ираном, ведь важно не только получать поддержку людей, сочувствующих сложившейся ситуации в Сирии, но и поддерживать благоприятные отношения с руководством Афганистана—это также влияет на позиции Ирана в столь нестабильном регионе.

Ирак имеет разногласия с США и выступает против экспансии американского влияния, поэтому противостояние перешло и в Сирию. Увидев возможность взаимной поддержки, Иран стал координировать действия иракских шиитских группировок, некоторые из которых являются участниками Сил народной мобилизации Ирака («Хашд аш-Шааби»). Значительную роль играет «Лива Абу аль-Фадль аль-Аббас» (ЛАФА), которая подконтрольна «Аль-Кудс» и состоит преимущественно из иракских граждан, которые набираются из других трех формирований, таких как «Асаиб Ахль аль-Хакк», которая теряет наибольшее количество бойцов, также «Катаиб Саид аш-Шухада» (КСШ), лидер которой работает с «Аль-Кудс» еще с 1980-х годов. «Катаиб Хезболла»—еще одно элитное формирование, подчиняющееся непосредственно руководству КСИР[12]. Все эти группировки являются достаточно профессиональными, опытными, имеющими прочную идеологическую подготовку, что обеспечивает неплохую эффективность боевых действий.

Учитывая немалую роль сил различных ополченцев, встает вопрос о том, что будет после окончания военных действий в Сирии. Маловероятно, что сложившиеся формирования будут распущены, поэтому вопрос об иранском влиянии и об отношениях с ополченцами после конфликта останется критически важным. ИРИ необходимы силы для сохранения своих

позиций и впоследствии, иначе для американо-израильского блока, консервативных монархий Персидского залива и Турции создаются неплохие возможности для ликвидации Ирана как потенциального лидера на столь значимых территориях. Через призму действий в Сирии эти страны также выстраивают свою антииранскую политику, ищут рычаги давления, поэтому САР остается политически и территориально важным объектом.

Можно заключить, что достаточно много сил направлено Ираном на урегулирование сирийского конфликта. Привлекаются всевозможные подразделения разных государств, поддерживающих сирийское руководство. Многочисленные военные и экономические ресурсы ИРИ тратятся на поддержку проиранских движений, обеспечение их кадрами, вооружением и финансами. Казалось бы, это внутренние дела Сирии, но они напрямую связаны с борьбой Ирана за лидерство на Ближнем Востоке. САР представляет собой связующее звено между представителями шиизма в данном регионе, и поражение режима Башара Асада опасно тем, что территориальное дробление союзников значительно ослабляет их и развязывает руки американо-израильскому блоку, и это абсолютно недопустимо для Исламской Республики Иран.

На данный момент трудно утверждать, что Сирия существует как полностью самостоятельный актор в регионе. Ее задача – в первую очередь сохранение своей государственности, а не утверждение каких-то позиций по отношению к остальным игрокам Ближнего Востока, по крайней мере, это второстепенно. Политический кризис в САР привел к тому, что эта страна стала «пешкой» в руках других сторон, борющихся за лидерство в ближневосточном регионе. Для Ирана и его соперников Сирия является объектом, а не субъектом региональной политики, то есть ареной выяснения отношений между другими региональными и глобальными игроками. Для Ирана Сирия представляет геополитический интерес, поскольку является неким коридором, связующим звеном в выстраивании единого фронта сторонников политики, продвигаемой ИРИ. Государства действуют в своих национальных интересах,

и слабые режимы вынуждены присоединяться к каким-либо из более крепких сил на основании не только факторов, касающихся территорий, но и тех аспектов, которые затрагивают безопасность и культуру (в том числе религию), что и наблюдается в политике Ирана в отношении Сирии.

Список источников и литературы

1. Пуховая Е. Д. Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2013. № 4. С. 82–90.
2. Ahmadian, H.; Mohseni, P. Iran's Syria strategy: the evolution of deterrence. *International Affairs*. 2019. p. 352.
3. Iran to help rebuild Syria, restore stability to country: Rouhani. URL: <https://www.presstv.com/Detail/2019/02/25/589546/Rouhani-Assad-reconstruction-terrorism-Sochi> (дата обращения 19.03.2021)
4. Ахмедов В. М. Иран и кризис в Сирии. *Политическая конфликтология. Россия*. 2018. С. 121.
5. Хайруллин Т. Р. Влияние Ирана в Сирии. *Азия и Африка сегодня. Россия*. 2019. № 8. С. 23.
6. Щегловин Ю. Б. О роли генерала К. Сулеймани в укреплении позиций Ирана в ближневосточном регионе. *Институт стран Ближнего востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=62402> (дата обращения 6.03.2021)
7. Bassam L., Perry T. How Iranian general plotted out Syrian assault in Moscow. *Reuters*. 6 October 2015 URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-soleimani-insigh/how-iranian-general-plotted-out-syrian-assault-in-moscow-idUSKCN0S02BV20151006> (дата обращения 6.03.2021)
8. Ружанский В. Г. Израильские аналитики о Касеме Сулеймани. *Регион и мир. Россия*. 2020. № 3. С. 32.
9. US drone strike against top Iranian commander threatens spiral of violence in Middle East. URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/03/middleeast/baghdad-soleimani-lister-analysis-intl/index.html> (дата обращения 7.03.2021)
10. Шиитский интернационал Асада. Кто воюет в Сирии? URL: <https://topwar.ru/146804-shiitskij-internacional-asada-kto-vojuet-v-sirii-krome-irancev.html> (дата обращения: 7.03.2021.)
11. Кириченко В. П. Участие хазарейцев Афганистана в сирийском конфликте. *Россия и мусульманский мир. Россия*. 2019. С. 74–75
12. Хайруллин Т. Р. Влияние Ирана в Сирии. *Азия и Африка сегодня. Россия*. 2019. № 8. С. 24–25.

SYRIA AS AN ESSENTIAL TERRITORY FOR EXPANDING IRAN'S GEOPOLITICAL INFLUENCE

A.A. Krupina

The Islamic Republic of Iran is one of the contenders for leadership in the Middle East region. It needs not only to strengthen its power, but also to develop a system of alliances. Iran is gradually building a line of supportive regimes. The so-called "Shiite crescent" is necessary to exert a restraining influence on conservative monarchies and Israel, which relies largely on the US, with which Iran has been in confrontation for many years. Provocations in the form of statements or aggressive actions periodically occur from both sides, which poses a threat to international security. Syria occupies a strategic position that is extremely important in order not to interrupt the line constructed by Tehran to build up its military, economic and ideological influence. Iran, in addition to financial assistance to the SAR, is attracting not only the IRGC, but also the Shiite movements of other countries to participate in the conflict. This research reveals the role of various Iranian units and pro-Iranian organizations in the hybrid war in Syria.

Keywords: Iran, Syria, Hezbollah, «Shiite Crescent», shiites.

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ИНДИКАТОР СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Тарасова Е. С.¹, Закотнюк О. Л.¹

¹ Донецкий национальный университет,
Донецк, Донецкая Народная Республика

Реалии современной геополитики отражают противодействие основных глобальных игроков, которые на политической арене пытаются разрешить конфликт на выгодных условиях исключительно в своих интересах. Так, в статье на примере одного из значительных конфликтов начала XXI века рассмотрены причины и возможные последствия Сирийского конфликта как индикатора состояния современной геополитической арены.

В данной работе рассмотрены основные моменты в отношении Запада и России как противодействующих сторон в сирийском конфликте.

В соответствии с этой тенденцией, государство должно иметь четкую стратегию и средства воздействия в сирийском вопросе. Особо актуально данное исследование на фоне последнего обострения сирийского конфликта со стороны США, в связи с чем необходимо смоделировать возможные векторы геополитических обострений в мире.

Ключевые слова: геополитика, информационная война, Россия, США, Турция, Сирия.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в связи с ситуацией вокруг Сирии мир вступил в новый период

развития международных отношений. Данное положение дел также ознаменовало собой начало нового этапа мировых геополитических отношений.

Исследованием и изучением данного вопроса занимаются многие современные историки и политологи, такие как Я. С. Охрименко, В. В. Евсеев, Е. В. Мартыненко, С. А. Васильева, а также различные новостные издания Deutsche Welle, SPUTNIKBIG, РИА Новости, Комсомольская правда, ТАСС, РБК и др.

Целью данной работы является рассмотрение и анализ сирийского кризиса как индикатора современной геополитики.

Конфликт в Сирии начался в 2011 году наряду с волнениями многих стран арабского мира в Северной Африке и на территории Аравийского полуострова, впоследствии эта волна массовых протестов и революций была названа «Арабская весна». Он зародился как внутреннее противостояние недовольной части общества действующим правительством и власти президента Башара Асада. Постепенно в гражданскую войну включились исламистские радикалы, курды, а также другие страны, в том числе Турция, Россия, США, Иран и многочисленные арабские государства [1].

Среди особенностей Сирийского конфликта можно выделить:

- конфликтное противодействие участников, сопровождающееся информационной войной;
- введение экономических санкций против Сирии со стороны Евросоюза и Лиги арабских государств (ЛАГ);
- активное влияние на развитие конфликта сил, использующих формы диверсионно-партизанской войны [2].

Обозначая причины Сирийского конфликта, в качестве определяющей следует выделить вмешательство внешних сил, в частности стран Запада, осуществлявших «демократизацию» стран Ближнего Востока и способствовавших активизации оппозиции.

В качестве других причин можно отметить:

- социально-экономические проблемы (стратификация общества);

- политические проблемы (длительное нахождение у власти партии БААС и семьи Асада);
- склонность правящих сил к авторитаризму;
- религиозные проблемы (власть алавитов);
- этнические проблемы – курды (10 % населения);
- переселение беженцев из Ирака [2].

Также немаловажной причиной является стремление западных стран к вытеснению России из Ближневосточного региона.

Начавшееся как локальное гражданское противостояние, это вылилось в многоуровневый, многосторонний вооруженный конфликт, который продолжается уже 10 лет.

Сирийский вопрос стал еще одним камнем преткновения в мировых геополитических отношениях. Выступая с самого начала конфликта на стороне легитимного президента страны, Россия противопоставила свою позицию большинству стран Запада, которые поддерживали умеренную оппозицию, чьи силы были направлены на свержение режима Асада. Новым поводом для конфронтации стал инцидент с российским бомбардировщиком Су-24М, который был уничтожен Турцией в ноябре 2015 года [3].

Преследуя каждый свои интересы в Сирии, стороны, тем не менее, ведут сотрудничество в борьбе с радикальными террористическими группировками, которые появились во время сирийского кризиса в результате раскола в рядах оппозиции.

Конец XX столетия ознаменовался резким развитием современных информационно-коммуникационных технологий. С их развитием появился новый вид массового оружия – информационного. Разумеется, информационные войны велись задолго до конца XX столетия, но раньше они ограничивались влиянием на людей при непосредственном общении, оказывая влияние посредством слов, интонации, жестов, мимики. Сегодняшние способы воздействия стали намного более разнообразными и действенными благодаря накопленному многовековому опыту и развитию специальных технологий общения и взаимодействия между людьми. Поэтому информационная война – это не

что иное, как явные и скрытые информационные воздействия систем на массовое сознание людей с целью формирования у них необходимых взглядов, мыслей, точки зрения.

В этом процессе важную роль играют средства массовой информации (СМИ). Изначально созданные для информирования общественности, постепенно они стали играть роль рупоров необходимой идеологии.

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что роль СМИ в формировании определенной идеологии у населения возрастает, и в соответствии с этой тенденцией, государство должно иметь четкую стратегию и средства воздействия в информационном противостоянии, для противодействия врагам в информационной войне.

Способы ведения информационных войн постоянно изменяются, становятся совершеннее в своих методах воздействия и для полноценного противостояния необходимо, прежде всего, понимание сути происходящих событий. Информационное противостояние России и Запада в рамках сирийского конфликта происходит на протяжении практически десятилетия. За это время риторика и позиция сторон конфликта неоднократно менялись, а недостаточная изученность данной темы делает её интересной для автора исследования.

Сегодня информационная война характеризуется выходом на качественно новый уровень, что определено следующими факторами:

- информатизацией всех стратегических сфер деятельности большинства государств;
- формированием международной информационной системы и преобразованием её в основной элемент функционирования мирового сообщества;
- существенными достижениями в процессе влияния информационных технологий на волю, сознание и чувства людей;
- динамичным развитием программ, специализирующихся на причинении урона компьютерным и телекоммуникационным системам;

- несовершенной степенью развития средств и методов защиты государственных информационных пространств, сознания граждан;
- несовершенством информационной политики [4].

Информационная война проникает во все формы противостояния государств, начиная с дипломатической и экономической и кончая вооруженной, развиваясь вместе с тем, как самостоятельная сфера деятельности.

Информационные технологии становятся более совершенными и незаметными, а значит эффективным методом завоевания мира. Поле битвы уже не ограничивается воздействием на радио, линии связи, и не воздействует только лишь на население и войска. Современные информационные средства воздействия (открытого и скрытого характера) ориентированы на высшие эшелоны власти стран-противников, на системы управления вооружением и производства, негативно воздействующие на окружающую среду.

Условиями эффективного ведения межгосударственной информационной войны являются:

- тщательный анализ и разработанность информационного поля противника;
- личный контроль главой государства стратегии ведения информационной войны и непосредственное его участие в необходимых информационных операциях;
- высокая техническая оснащенность страны;
- тесное сотрудничество различных ведомств и служб государства в ходе проведения мероприятий в рамках информационного противостояния;
- согласованность с информационной деятельностью внешнеполитических союзников;
- упор на скрытные методы ведения информационного противостояния;
- привлечение к сотрудничеству специалистов в области СМИ и информационных технологий [4].

Для успешного ведения современной информационной войны технический аспект не главная сторона вопроса эффектив-

ности информационного воздействия. Сегодня гораздо больше внимания уделяется организационным и психологическим аспектам информационной войны, причем информация сама рассматривается как цель и средство действий, предпринимаемых для разрешения конфликта. Однако исключать совершенствование технических аспектов тоже нельзя, поскольку они являются важным компонентом ведения информационного противостояния [4].

С самого начала сирийского конфликта Россия заняла четкую позицию в данном вопросе – поддержка легитимного правительства Сирийской Арабской Республики во главе с президентом Башаром Асадом, оказание помощи официальным правительственным силам в противодействии различным террористическим группировкам (в этот список входит и, так называемая, умеренная сирийская оппозиция, которую поддерживают западные государства).

Такая позиция не устраивала прозападные страны, которые считали Башара Асада диктатором угнетающим народ Сирии, а его режим преступным. В связи с этим, западные СМИ, в большинстве своем, заняли позицию аналогичную своему правительству и освещали сирийский конфликт довольно односторонне. Российские СМИ поддерживают официальную позицию российского правительства, попутно делая опровергающие статьи и сюжеты, против слов западных СМИ. Такая разница в освещении одного и того же конфликта не породила массу противоречий, несостыковок и причин для открытого информационного противостояния.

До вступления в сирийский конфликт Российской Федерации, отечественная информационная стратегия была более сдержанной. Она основывалась на следующих принципах [5]:

1. Стратегия политической дипломатии. Данная стратегия предполагала исполнение роли посредника между конфликтующими сторонами.

2. Стратегия сохранения международного порядка. Данная стратегия согласовывается со стратегией политической дипломатии. В данной стратегии призывают также к соблюдению основных прав и свобод человека, для восстановления порядка в стра-

не и мире. Факторы этой стратегии широко освещаются в СМИ, поэтому она в большей степени является информационной.

3. Стратегия «Фактор Идентификации». Данная стратегия заключается в доминировании на информационном поле, благодаря которому улучшается имидж государства. Позиция России по сирийскому конфликту многим западным странам представляется как попытка защитить деспотический режим, а препятствие Москвы усовершенствованию механизмов борьбы с диктаторскими режимами является проецированием собственного будущего, которым оно видится Кремлю. Россия отстаивает свою позицию по сирийскому вопросу, заявляя, что поддерживают не правительство, а международное право и порядок.

После вмешательства России в конфликт в Сирии, по просьбе Башара Асада, информационная политика в адрес Москвы со стороны Запада стала более ожесточенной. Если до 2015 года Россия была страной, которая на словах отстаивала власть Асада, то сейчас она стала полноценным участником боевых действий. На фоне этого, обвинения западных стран в адрес Москвы стали более конкретными. Начались постоянные нападки и обвинения в применении химического оружия, обстреле районов с гражданским населением, нарушении всех существующих и несуществующих международных прав человека.

Информационная политика России, в свете постоянных обвинений, также претерпела некоторые изменения, хоть и носила скорее оправдательный характер. Имеется в виду, что Россия успевала только опровергать многочисленные нападки западных СМИ, а свою позицию практически не продвигала. Стоит отметить, что у Кремля для этого не так много ресурсов. По сути, единственным каналом, который продвигает российский взгляд на конфликт в Сирии на международной арене, является спутниковый телеканал Russia Today, который вещает во многих странах мира на английском языке. Однако на фоне таких западных каналов, как CNN, Sky News, Fox и др., одного российского канала явно недостаточно для успешного противостояния в информационной войне.

Несмотря на явную необходимость усовершенствовать информационную поддержку российской позиции в Сирии,

у российских журналистов есть несколько преимуществ.

Большинство западных журналистов в качестве основного источника информации по сирийскому конфликту используют «Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека», который располагается в Лондоне. Постоянных сотрудников этого центра не так много, а точнее—это один человек—Рами Абдуррахман, сирийский иммигрант, проживающий в британском Ковентри, который не был в Сирии 20 лет, с 2000 года. Рами Абдуррахман, он же Осам Али Сулейман, неудачный бизнесмен, ставший оппозиционером, получает сведения от порядка 200 анонимных источников из числа общественных активистов и боевиков в различных местах Сирии [6].

Заявления этой организации часто были из непроверенных и недостоверных источников, носили явный прозападный характер и критиковались. Например, в начале февраля 2015 года в результате авиаударов был разрушен госпиталь на северо-западе Сирии, в городе Мааррат-эн-Нууман (провинция Идлиб), работу которого поддерживают «Врачи без границ». По заявлениям центра, удар нанесли российские самолеты, базирующиеся в Сирии, в результате чего пострадали «десятки» человек. Несмотря на заявления российской стороны о том, что целями являются исключительно террористические базы, а также на просьбы предоставить более весомые доказательства кроме слов «очевидцев», никаких действий со стороны центра предпринято не было [7].

В отличие от подобных организаций, российские журналисты, для освещения событий в Сирии, работают непосредственно в зоне конфликта. Самым известным военным корреспондентом, ведущим свою деятельность в Сирии, пожалуй, является Евгений Поддубный.

Также, среди российских военных корреспондентов в Сирии, можно выделить Олега Блохина, Александра Коца, Константина Худолеева, Илью Ушенина, Дмитрия Стародубского и многих других. Последние три журналиста были ранены в Сирии в 2016 году от разрыва фугаса в Дейр эз-Зоре [8]. За журналистов Евгения Поддубного и Олега Блохина в марте 2020 года идлибский пропагандист, обслуживающий террористические

группировки, в том числе «Хайат Тахрир аш Шам», объявил награду за их убийство в размере 25 тысяч долларов США [9].

Западные журналисты зачастую не имеют возможности вести репортажи непосредственно с места событий, отчего теряется объективность и достоверность информации. Западные СМИ боятся попадания своих журналистов в плен к террористам, так как тогда издания ждут многомиллионные иски и существенный урон по репутации. В результате, в арсенале иностранных журналистов, в большинстве своем, имеются только интервью по Skype с местными активистами, а также снятые ими же любительские ролики. Как результат – необъективная оценка ситуации в Сирии, не соответствующие действительности материалы и предвзятость в работе [10].

На основании вышеизложенного, позиции ключевых стран-участниц сирийского конфликта можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Позиции и интересы ключевых стран-участниц сирийского конфликта [11]

Страна	Кого поддерживают	С кем ведут борьбу	Какие цели преследуют	В каких мирных переговорах участвуют
Соединенные Штаты Америки	Умеренные повстанческие группировки	Правительственная сирийская армия, «Исламское государство» (ИГ) и др. радикальные исламистские группировки	Отставка президента Сирии Башара Асада, борьба против ИГ	Ежегодные мирные переговоры под эгидой ООН с участием представителей сирийского правительства и оппозиции
Российская Федерация	Правительство Сирии во главе с президентом Башаром Асадом	Повстанческие группировки, «Исламское государство» (ИГ) и др. радикальные исламистские группировки	Сохранить власть Башара Асада, борьба против ИГ	Женевские переговоры по Сирии, является одним из организаторов переговоров между сирийским правительством и оппозицией в Астане и Сочи

Страна	Кого поддерживают	С кем ведут борьбу	Какие цели преследуют	В каких мирных переговорах участвуют
Турция	Некурдские оппозиционные группировки, в том числе Сирийскую свободную армию (ССА)	«Исламское государство» (ИГ) и др. радикальные исламистские группировки, курдские вооруженные группировки	Уничтожить «Исламское государство» и другие экстремистские исламистские группировки; ослабить силы сирийских курдов; вернуть на родину сирийских беженцев	Турция поддержала организованные Россией мирные переговоры в Астане
Страны Европы	Умеренные повстанческие группировки, ведущие борьбу против правительственных войск президента страны Башара Асада и «Исламского государства» (ИГ)	Правительственная сирийская армия, «Исламское государство» (ИГ) и др. радикальные исламистские группировки	Отставка президента Сирии Башара Асада, борьба против ИГ	Венские мирные переговоры по Сирии

Проанализировав перспективы развития межгосударственных отношений в условиях информационного противостояния на основании проведенного исследования, было выявлено, что перспективы развития межгосударственных отношений России с Соединенными Штатами Америки и с западными державами довольно неопределенные. Изначально Россия и Запад заняли диаметрально противоположные позиции в сирийском конфликте, что сделало их противоборствующими сторонами. Учитывая, что сирийский конфликт длится 10 лет, можно сказать, что за этот промежуток времени в информационном поле сторон было сделано много громких заявлений в адрес противника, что не способствует сближению и укреплению международных связей. Борьба с общим противником – «Исламским государством» заставила объединить силы двух сторон и вести диалог для координации действий, однако это сотрудничество было вынужденным и после уничтожения общего врага стороны, скорее всего, вернуться к былой конфронтации. Сирийский

конфликт в настоящее время диагностирует глобальное противостояние на мировой геополитической арене, однако на фоне стратегии затяжных войн выявляет необходимость поиска общих решений.

Список использованных источников

1. Сирийский рубеж / М.С. Барабанов, А.Д. Васильев, С.А. Денисенцев, В.В. Кипшидзе, А.В. Лавров, В.Р. Легойда, Н.А. Ломов, Ю.Ю. Лямин, А.В. Никольский, Р.Н. Пухов, М.Ю. Шеповаленко; под ред. М.Ю. Шеповаленко. – 2-е изд., доп. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. – 204 с.
2. Евсеев, В.В. Сирийский кризис под углом российско-американских отношений. // Научная статья в журнале «Геополитический журнал». – 2013. – № 6. – С. 111–121. – URL: – <http://isip.su/en/journals/download?id=4&type=1>
3. На сирийско-турецкой границе сбит российский Су-24/Информационное агентство «Повестка дня». – 24 ноября, 2015. – URL: – Режим доступа: <http://agenda-u.org/news/turistam-stalo-legche-orientirovatsya-na-srednem-urale> – свободный
4. Фролов Д.Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов / Д.Б. Фролов // Социология власти. – М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2005. – № 5. – С. 121–146.
5. Чикалова Л.В. Информационное противостояние России и США в период сирийского конфликта: дисс. / Чикалова Лидия Владимировна. – Санкт-Петербург, 2015. – 158 с.
6. Как работает интернет-фабрика обмана: Syrian Observatory for Human Rights // Русская весна – [Электронный ресурс] – 22.10.2015 – URL: https://rusvesna.su/recent_opinions/1445538674
7. Сирийские правозащитники заявили об ударе российской авиации по госпиталю // РБК – [Электронный ресурс] – 15.02.2016 – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2016/56c1a21e9a7947466e1c4808>
8. Четверо российских журналистов ранены в Сирии // Сетевое издание (сайт) «Комсомольская правда» – [Электронный ресурс] – 07.11.17. – Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26752/3783652/>
9. Террористы в Сирии объявили награду за убийство российских журналистов // Информационное агентство «ТВ Центр» – [Электронный ресурс] – 15 марта 2020. – Режим доступа: <https://www.tvc.ru/news/show/id/179987>
10. Jay M. Syrian war dispatches: Who to believe, the BBC or Russian media? [Электронный ресурс] // Nationwide publication Daily Sabah. – 26.02.2016. – URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2016/02/26/syrian-war-dispatches-who-to-believe-the-bbc-or-russian-media>

11. Сирийский конфликт: чего хотят США, Россия, Турция и Иран?/ Информационное агентство «DW». – 4 ноября, 2017. – URL: – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/2myQu> – свободный.

THE SYRIAN CRISIS AS AN INDICATOR OF MODERN GEOPOLITICS

Tarasova E. S.¹, Zakotnyuk O. L.¹

¹ Donetsk National University,
Donetsk, Donetsk People's Republic

The realities of modern geopolitics reflect the opposition of the main global players who are trying to resolve the conflict on favorable terms in the political arena solely in their own interests. On the example of one of the significant conflicts of the early XXI century, the causes and possible consequences of the Syrian conflict as an indicator of the state of the modern geopolitical arena are considered.

This paper examines the main points regarding the West and Russia as opposing parties to the Syrian conflict. In accordance with this trend, the state should have a clear strategy and means of influence in the Syrian issue. This study is especially relevant against the background of the recent aggravation of the Syrian conflict by the United States, in connection with which it is necessary to model possible vectors of geopolitical exacerbations in the world.

Key words: geopolitics, information war, Russia, USA, Turkey, Syria.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА АЗИИ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В ИНДО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Шевелёв В. А.¹

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена инструментам Китая в региональной политике в условиях конфронтации с США, когда архитектура региона подвергается существенному пересмотру. Автор рассматривает действия Китая в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами, которые касаются экономики, энергетической и военной безопасности.

В статье автор анализирует что Китай может противопоставить Индо-Тихоокеанской стратегии США, к чему это может привести и выделяет главную задачу Китая.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанская стратегия, «Один пояс, один путь», Индо-Тихоокеанский регион.

Период конца XX – начала XXI веков ознаменовался подъемом азиатских стран и, соответственно, появлением новых экономических центров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). При этом Индийский океан постепенно перегнал Атлантический и Тихий океаны по загруженности, что сделало его главным торговым путем в мире. Бурный экономический рост в Азии поспособствовал укреплению экономических связей с богатыми ресурсами Ближним Востоком и Африкой. В связи с этим региональная архитектура Азии подвергается изменениям. Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) идет на смену устоявшейся азиатско-тихоокеанской концепции.

Старый региональный порядок был основан на равновесии между Юго-Восточной и Северо-Восточной Азией, что было выражено в роли АСЕАН, как интеграционного лидера, и стабильных региональных партнерствах США. Ситуация поменялась в связи с возвышением азиатских стран, в первую очередь КНР, а также Индии. В связи с растущими национальными интересами Пекин разработал собственную инициативу «Один пояс, один путь», которая дает китайское видение регионального порядка. Понимая угрозу подобных инициатив, а также еще большего возможного роста КНР, ряд государств выдвинул концепции с собственным региональным видением. Все эти концепции предполагают индо-тихоокеанский региональный конструкт, например стратегия Вашингтона – свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион. Помимо США свое собственное видение ИТР имеют Австралия, Япония, Индия, Франция, Германия, Великобритания, а также АСЕАН.

Помимо разработки новых концепций изменение региональной архитектуры происходит через принятие в употребление и документооборот многих стран термина «Индо-Тихоокеанский регион», а также через создание диалоговых площадок (Quad) и подписание соглашений (Всестороннее региональное экономическое партнерство, ВРЭП). При этом стоит отметить, что все существующие региональные концепции имеют ряд существенных отличий друг от друга, и общее понимание пока отсутствует. Тем не менее все сходятся, что региональная

торговля товарами, в первую очередь энергоносителями, происходит через Тихий и Индийский океаны, которые рассматриваются как единое географическое пространство. Увеличение товарооборота привело к росту угроз в обоих океанах и прилегающих морях, из-за чего появилась дилемма безопасности. Данная проблема также является острой и ведет к соперничеству между странами.

Несомненно, за последние десятилетия геополитическая и геоэкономическая значимость ИТР повысилась, тем самым регион стал полем битвы, на котором ведущие державы сражаются за свои интересы. Для России новый региональный конструкт открывает интересные перспективы, но при этом существует ряд проблем.

Во-первых, Вашингтон открыто объявляет Пекин угрозой, а сама Индо-Тихоокеанская стратегия (ИТС) США является ответом на «Один пояс, один путь». Согласно Стратегии национальной безопасности США 2017 года Китай является «соперником» и «ревизионистской силой», стремящимся «сформировать мир, противоположный ценностям и интересам США» [1]. Согласно Стратегии национальной обороны 2018 года Китай является «стратегическим конкурентом» и «использует военную модернизацию, операции влияния и хищническую экономику, чтобы вынудить соседние страны переупорядочить Индо-Тихоокеанский регион в своих интересах» [2].

Тем самым Москва рассматривает индо-тихоокеанскую региональную архитектуру, как продолжение ИТС США, то есть – это проамериканская концепция, направленная против Китая, а значит противоречит интересам России. «Ответ Вам известен. Он заключается в сдерживании Китая – это даже не скрывается... Мы предпочитаем продвигать форматы, которые направлены не на разделение, а на объединение» [3].

Здесь также присутствует экономический аспект. Сдерживание Китая приводит к сдерживанию самой России. Это связано с тем, что стратегический подход Москвы к Азии зависит от ее крайне своеобразных экономических отношений с Пекином. Так за исключением совместной с КНР политики без-

опасности в Тихоокеанском регионе, экономические действия Москвы связаны с геоэкономическими и геополитическими интересами Пекина. Это связано с тем, что проект России «Большая Евразия» был сопряжен с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Тем самым, «когда усиливается противодействие территориальным претензиям Пекина в Южно-Китайском море и критика экономического империализма (инициативы «Один пояс, один путь»), российские проекты в рамках инициативы также блокируются» [4].

Во-вторых, сам Китай отказывается поддерживать новую региональную концепцию. Это неудивительно, учитывая воинственную риторику США. Поэтому Пекин рассматривает концепцию ИТР как свидетельство того, что реальная цель основных игроков в регионе (в частности, Quad – четырехсторонний диалог между США, Японией, Индией и Австралией в сфере безопасности) заключается в сдерживании Пекина и формировании своего рода военного блока для окружения Китая. «Определенным странам следует избавиться от менталитета времен холодной войны и идеологических предрассудков, воздержаться от образования закрытых и эксклюзивных маленьких кружков и делать больше вещей, способствующих солидарности и сотрудничеству между странами региона, а также региональному миру и стабильности» – официальный представитель министерства иностранных дел Китая Чжао Лицзянь [5].

Тем самым, Россия как партнер Китая в Азии не может принять индо-тихоокеанскую концепцию, которая имеет откровенно антикитайскую направленность. При этом для Москвы имеет большое значение вопрос безопасности. Конфликт между США и Китаем в ИТР в долгой перспективе непременно приведет к тому, что региональным игрокам придется вставать на чью-то сторону, хотя бы они этого или нет, в том числе и России, что не может не вызывать обеспокоенность. Сама же концепция ИТР, будучи антикитайской, предполагает деление на блоки. «Индо-Тихоокеанские стратегии подрывают центральную роль АСЕАН. Разумеется, они не инклюзивны и предполагают блоковое деление региона» [6].

Отсюда выходит третья проблема – Индо-Тихоокеанские стратегии подрывают центральную роль АСЕАН. Сергей Лавров прямо утверждал, что изменение региональной архитектуры – «это попытка перестроить существующую структуру Азиатско-Тихоокеанского региона и отойти от сконцентрированных вокруг АСЕАН и нацеленных на поиск компромисса форм взаимодействия. Индо-Тихоокеанские стратегии не должны обсуждаться в контексте сдерживания кого-либо подобными формами взаимодействия» [3].

Переход от азиатско-тихоокеанской архитектуры к индо-тихоокеанской сулит АСЕАН возможность стать рядовым региональным игроком. Организация же хочет остаться в статусе центрального игрока, призывая к диалогу, развитию и процветанию для всех, а не к конкуренции [7]. Конкуренция неизбежно приведет к расколу, и никто не гарантирует сохранения АСЕАН в прежнем виде, что не выгодно и России. Помимо потери статуса для стран Юго-Восточной Азии раскол также опасен тем, что только через данную организацию они могут противостоять росту влияния Китая. По одиночке или малыми группами эти страны не имеют не малейшего шанса перед Пекином. Для России подтверждение важности центральной роли АСЕАН в политике Юго-Восточной Азии является естественным продолжением стремления Москвы сохранить свой нейтральный имидж в регионе.

В контексте данных проблем российская и китайская точки зрения совпадают. Любая поддержка индо-тихоокеанского конструкта равносильна признанию американского способа управления региональными делами и, следовательно, неприемлема. Тем не менее Россия не может игнорировать изменения, происходящие в регионе. С этой стороны единственным разумным выходом видится реализация собственных инициатив и проектов. Только с их помощью можно провести прогрессивную региональную повестку и представить альтернативные пути развития, тем самым взяв на себя роль лидера и защитив российские национальные интересы.

Проект России «Большая Евразия» представляет собой масштабное евразийское торгово-экономическое партнерство

с учреждением зон свободной торговли по региону для создания взаимосвязанной региональной интеграции. Изначально существовал проект «Большая Европа», но события на Украине в 2014 году и последовавшая за ними напряженность в отношениях между Россией и Западом поставили крест на данном проекте. В итоге произошел российский поворот на Восток, где место главного партнера отошло Китаю. На данный момент формирование «Большой Евразии» основано на сопряжении интеграционных проектов – Евразийского экономического союза и Экономического пояса шелкового пути, что видно по «заключению всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем и формированию «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем» [8, с. 22].

Стоит отметить, что евразийский проект выделяется на фоне ИТС США в таких важных аспектах:

1. География. Все концепции опираются на определенную региональную архитектуру, в которую входят или не входят конкретные территории и страны. Индо-тихоокеанские концепции разных стран дают свою географическую трактовку региона. Так, например, видение региона партнерами по Quad довольно различно [9, с. 15]. Очевидно, что регион объединяет пространство Индийского и Тихого океанов. Американское видение региона предполагает, что к естественным границам АТР прибавляется прибрежная часть Южной Азии. Примечательно, что остальные участники Quad расширяют регион до берегов Восточной Африки. Тем не менее индо-тихоокеанский концепт предусматривает ограниченное число игроков и, что важно, включение Индии, как естественного противовеса Китаю.

Евразийский проект был объявлен интеграционным проектом от Атлантики до Тихого океана, что в теории «предполагает сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с ШОС, АСЕАН и ЕС. Россия стремилась к сотрудничеству с широким кругом игроков, в том числе с Китаем, Индией, Европой, Южной Кореей, Пакистаном и Ираном для соз-

дания широкого партнерства» [10].

В этом плане проект Москвы видится более гибким. Если география ИТС США охватывает определенные территории, которые Вашингтон захотел включить в ИТР, то российский проект охватывает весь материк, что дает больше возможностей для кооперации и реализации инициатив, но также оставляет пространство для маневрирования самой России. Так после событий 2014 года и похолодания отношений между Россией и Западом, Москва смогла повернуть на Восток и продолжить реализовывать свои инициативы. Тем самым географический аспект позволяет Москве маневрировать и оставляет возможность развиваться в разных направлениях при меняющейся обстановке. Но этого не произошло бы, если бы Москва не была готова к диалогу со всеми евразийскими странами. Из этого вытекает следующий пункт.

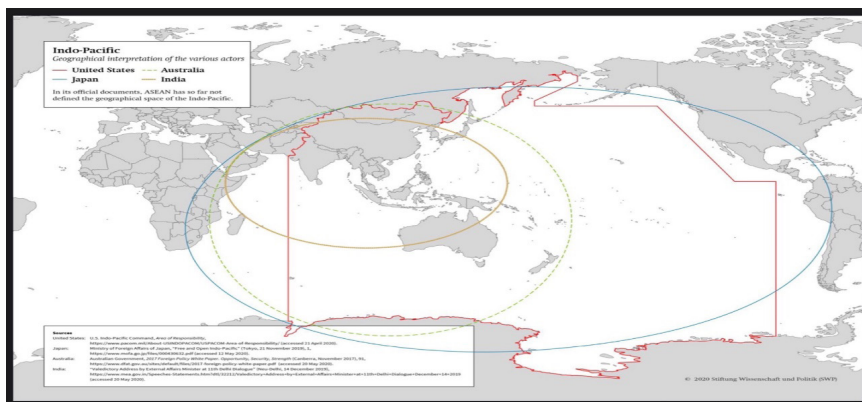

Рисунок 1.
Географическая интерпретация США, Индии, Австралии и Японии
Индо-Тихоокеанского региона.

2. Инклюзивность. В наше время любой проект, который так или иначе ориентирован на развитие, должен нести консолидирующую повестку. В первую очередь из-за масштаба глобализации, которая охватила весь мир. В противном случае это негативно скажется на всех. Это отчетливо видно на примере торговой войны между Китаем и США, которую развязал

Трампа. Сиюминутные выгоды для американского бизнеса не только не принесли весомых успехов США на дистанции, но и усугубили и так плачевную ситуацию в мировой экономике, которая находится в кризисе с 2008 года.

Проблема ИТС США состоит в том, что она изначально является реакционной и довольно агрессивной. Политический и экономический рост Китая за последние десятилетия, а также его геостратегическая инициатива «Один пояс, один путь» вызвали тревогу в Вашингтоне. Это сподвигло американцев вспомнить индо-тихоокеанскую концепцию, предложенную Синдзо Абэ в 2007 году, и взять ее за основу. Эта концепция изначально была направлена на совершенствование безопасности и процветание в регионе. Но и сама концепция, и последовавшее за ней учреждение Quad в 2008 году имели в своей основе первопричину – рост Китая. Тем самым ИТС США, как продолжательница идей Абэ, имеет четко выраженную антикитайскую направленность. Это вызывает тревогу не только у нейтральных акторов ИТР, но даже у партнеров США. В первую очередь это момент безопасности, так как искусственно создается блоковая система. Например АСЕАН, а также страны-члены будучи нейтральными игроками, которые стараются маневрировать между Вашингтоном и Пекином на протяжении многих лет, вынуждены выбирать к какой стороне примкнуть. Это порождает раскол между странами-членами АСЕАН и уменьшает роль организации, что может привести к необратимым последствиям для самой организации. Индия, Япония и Австралия хоть и являются партнерами США, и разделяют тревогу по поводу действий Китая, не хотят вступать в конфронтацию с ним. Эти страны, не питая теплых чувств к Пекину, понимают, насколько силен Китай, что они все вместе экономически взаимосвязаны и, что любая конфронтация будет губительна, даже при выигрышном варианте. Тем самым американская стратегия не является инклюзивной для всех региональных акторов и ведет к дестабилизации в ИТР.

В свою сторону проект «Большая Евразия» нацелен на сотрудничество с широким кругом стран в рамках уже действующих институтов и проектов – «Один пояс, один путь», АСЕАН,

ЕС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ. «Конечная цель этих усилий состоит в создании общеконтинентальной системы соприкосновения, сотрудничества и безопасности от Джакарты до Лиссабона» [11, с. 28]. Тем самым проект носит инклюзивный характер. Основываясь на сопряжении российско-китайском сотрудничестве проект подразумевает сотрудничество с разными игроками. Например, Индия, будучи партнером США по Quad, продолжает сотрудничать с Россией и старается подключить Японию к этому сотрудничеству. Так «в начале августа 2020 года министр иностранных дел Индии Харш Вардхан Шрингла предложил трехсторонний механизм между Индией, Россией и Японией в телефонном разговоре с заместителем министра иностранных дел России Игорем Моргуловым. Предложение было связано с визитом премьер-министра Моди и бывшего премьер-министра Абэ на Дальний Восток России в 2019 году, где они обсудили участие Москвы в Индо-Тихоокеанском регионе» [12]. Открытость евразийского проекта для самых разных стран континента подразумевает отсутствие деления на блоки, тем самым открывается простор для сотрудничества в сфере безопасности и повышения ее уровня. Тем самым существует прогрессивная и мирная повестка, которую Россия предлагает странам Евразии. Ее реализация зависит от взаимодействия не только со странами, но и с региональными институтами, в случае ИТР – это АСЕАН.

3. Роль АСЕАН. Данная организация смогла предложить площадку для диалога между странами для предотвращения и разрешения конфликтов, тем самым став дипломатическим центром региона и своеобразным символом, который собирает другие страны для обсуждения вопросов безопасности и экономики. За время существования АСЕАН региональные площадки успели сплотиться вокруг организации. Страны Юго-Восточной Азии опасаются, что новая региональная архитектура может привести к понижению значимости АСЕАН, ввиду возможной трансформации дипломатической концепции и архитектуры безопасности в ИТР и не напрасно.

В январе этого года правительство США рассекретило документ по национальной безопасности времен президентства

Трампа, который представляет собой план ИТС США. Относительно Юго-Восточной Азии сделан ряд заявлений. Например, необходимо «продвигать и укреплять Юго-Восточную Азию и центральную роль АСЕАН в архитектуре безопасности региона и побуждать ее к единому мнению по ключевым вопросам» или заключать «торговые соглашения, содержащих торговые и инвестиционные стандарты, установленные Соединенными Штатами, и которые уменьшают экономическую зависимость региона от Китая» [13].

Примечательно, что между заявлениями и имплементацией виден большой пробел и непонятно, как Вашингтон будет добиваться поставленных задач. Сама ИТС США побуждает к выбору между Вашингтоном и Пекином, тем самым в АСЕАН не может быть единого мнения по этому вопросу. Юго-Восточная Азия находится по соседству с Китаем, экономически связана с ним и поэтому не имеет особого желания принимать чью-либо сторону в конкуренции великих держав. Центральное место АСЕАН также под вопросом. Дипломатическое взаимодействие администрации Трампа с АСЕАН было фрагментарным и разочаровывающим. Неспособность направить представителей первого эшелона на важные дипломатические встречи на высшем уровне, такие как саммит Восточной Азии, – даже в 2020 году, когда виртуальные встречи не требовали поездок, – не смогла поддержать даже самое минимальное определение центральной роли АСЕАН, несмотря на все заявления. Что касается торговых соглашений, то здесь тоже полное несоответствие. Выход США из Транстихоокеанского партнерства, а также учреждение Всестороннего регионального экономического партнерства, которое включает в себя 10 стран АСЕАН, Китай, Австралию, Индию, Новую Зеландию, Японию, Республику Корею, то есть весь ИТР, кроме США, привело к тому, что Вашингтон сейчас находится за пределами двух основных азиатских пактов о свободной торговле.

Тем самым политика США к АСЕАН носит довольно поверхностный характер, а место самой организации в новой региональной архитектуре второстепенно, несмотря на все за-

явления. После публикации январского документа Эван Лакмана из Индонезийского центра стратегических и международных исследований написал, что «этот раздел рассекреченной стратегии США по Индо-Тихоокеанскому региону показывает нам, насколько округ Колумбия не понимает Юго-Восточную Азию и лишь на словах говорит о центральной роли АСЕАН – и насколько мы второстепенны по сравнению с другими региональными державами» [14].

Иная ситуация сложилась с евразийским проектом. Россия многие годы выстраивала отношения с АСЕАН и подчеркивала центральную роль организации в регионе. Существующие диалоговые площадки, такие как Региональный форум АСЕАН, Саммит стран Восточной Азии, Совещание министров обороны АСЕАН+8, являются постоянными каналами связи для Москвы, с помощью которых, она продвигает свои интересы в регионе. Тем самым организация является для России важным компонентом в реализации евразийских инициатив, следовательно, уменьшение значимости АСЕАН и ее форматов негативно скажется на позициях России в регионе. В связи с этим «зафиксирована политическая воля руководства РФ и стран АСЕАН выстраивать институт сотрудничества – связку АСЕАН–ШОС–ЕАЭС». Что не менее важно «через Юго-Восточную Азию пойдут два сухопутных экономических коридора – Китай – Индокитай и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, а также участок Морского шелкового пути XXI в., а через Российскую Федерацию – экономический коридор Китай – Монголия – Россия. Заявив в январе 2018 г. о своих амбициях в Арктике, Поднебесная инициировала запуск нового направления ИПП – Арктического шелкового пути» [11, с. 37]. Таким образом будет создана евразийская экономическая сеть, состоящая из трех коридоров, которые затрагивают Китай, Россию и страны Юго-Восточной Азии.

При этом перед сотрудничеством между АСЕАН и Россией в рамках евразийского проекта открываются интересные перспективы. В первую очередь в области безопасности. «Опыт и потенциал асеаноцентричных диалоговых форматов станет ценным подспорьем для ШОС с учетом инфильтрации боеви-

ков ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) на Центральную Азию и Афганистан. Угроза международного терроризма будет стимулировать поставки российского оружия в ЮВА, примером чего служит российско-филиппинское сотрудничество». Также важным аспектом является институциональная составляющая. Учитывая большой опыт организации в становлении коммуникаций, следует создать еще одну диалоговую площадку, например на базе института сотрудничества АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. «Конечная цель таких усилий должна состоять в движении к Зоне свободной торговли ЕАЭС–АСЕАН, которая вобрала бы в себя лучшие практики и устранила бы обнаружившиеся недочеты ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам» [11, с. 38].

Тем самым АСЕАН занимает центральное место в российском проекте и предусматривает долгосрочное сотрудничество.

За индо-тихоокеанской конструкцией скрываются интересы США и их союзников, а также общее стремление сдержать рост Китая. Тем не менее становление новой региональной архитектуры стало уже почти свершившимся фактом. Связано это в первую очередь с двумя обстоятельствами: увеличение экономической и военной мощи Индии, а также ее интересы вне Южной Азии и укрепление экономического взаимодействия между районами Индийского и Тихого океанов. Эти обстоятельства, а не желание Вашингтона предопределили трансформацию АТР в ИТР. Тем самым за этим будущее и Россия должна занять свое место в ИТР как можно скорее и сформулировать собственную региональную интерпретацию, например, в рамках поворота на Восток и проекта «Большая Евразия». Так Россия сможет укрепить свои позиции в Тихом и Индийском океанах, что особенно важно в контексте конфронтации с Западом и стратегии Москвы по повороту на Восток. При этом игнорирование новых реалий может лишить Россию дополнительных возможностей в Азии, где нынешнее присутствие Москвы крайне незначительно, особенно на фоне США. Поэтому имеет смысл подчеркнуть участие России в происходящих в регионе преобразованиях и ее заинтересованность в данном процессе через разработку собственной

интерпретации термина ИТР и согласование его с видением других акторов посредством обсуждения регионального сотрудничества. Количество и качество возможностей и перспектив России в ИТР будет зависеть от данных действий.

Индия имеет свое видение региона, и Россия могла бы, основываясь на нем, продвинуть свою повестку, укрепить отношения с Нью-Дели и еще более закрепитесь в Индийском океане. Индия приветствует открытость и инклюзивность, что видно по предложению создать трехсторонний механизм – Япония, Индия, Россия. Включение Токио в такой механизм могло бы укрепить доверие Москвы к индо-тихоокеанской концепции, учитывая, что и президент Путин, и бывший премьер-министр Абэ стремились улучшить политические связи в сфере безопасности между двумя странами. Трехсторонний механизм поможет ослабить напряженность между конкурирующими территориальными претензиями России и Японии в Восточном море, а также откроет для Москвы дверь в установившееся партнерство в сфере интеллектуальной собственности в Юго-Восточной Азии.

Тем самым создание собственного видения ИТР в рамках проекта «Большая Евразия» будет служить решению амбициозной задачи России по совершению реального поворота на Восток и восстановлению своих позиций в Азии в качестве влиятельной мировой державы, а не в роли периферийного игрока. Поддержка инклюзивного подхода подтвердит дружественное отношение России к игрокам АТР, например Индии и АСЕАН и укрепит двустороннее и региональное сотрудничество. В то же время разработка совместной политики по этому вопросу, основанной на общих интересах, станет достойным ответом на происходящие события в регионе и гарантирует появление действительно открытой и инклюзивной концепции, что не может сделать США. Очевидно, что это укрепит позиции России и улучшит ее положение в Азии.

Список источников и литературы

1. The White House, 'National Security Strategy of the United States of America', December 2017. p. 25 URL: <https://www.whitehouse.gov/wp->

- content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf (дата обращения 26.03.2021)
2. US, Department of Defense, 'Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America', p. 1 URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 26.03.2021)
  3. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 года. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3994885?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения 26.03.2021)
  4. Rajorshi Roy. India, Russia, and the Indo-Pacific: A Search for Congruence. Mahonar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. February 03, 2021. URL: https://idsa.in/idsacomments/india-russia-and-the-indo-pacific-roy-030221#footnote3_aj12gq5 (дата обращения 26.03.2021)
  5. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on March 15, 2021. Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1861145.shtml (дата обращения 26.03.2021)
  6. Ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ «на полях» встречи с Министром иностранных дел Таиланда Д. Праматвинаем, Бангкок, 30 июля 2019 года. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/en/web/guest/maps/th/-/asset_publisher/UhQB5xrATSUO/content/id/3743266?p_p_id=101_INSTANCE_UhQB5xrATSUO&_101_INSTANCE_UhQB5xrATSUO_languageId=ru_RU7.
  7. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. P. 2. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения 27.03.2021)
  8. Петровский Владимир Евгеньевич Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. Стр. 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-kitay-i-kontury-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva> (дата обращения 27.03.2021)
  9. Felix Heiduk and Gudrun Wacker. «From Asia-Pacific to Indo-Pacific. Significance, Implementation and Challenges». German Institute for International and Security Affairs. SWP Research Paper 9 July 2020, Berlin. 15 p. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2020RP09_IndoPacific.pdf (дата обращения 27.03.2021)
  10. Ниведита Капур. «Большая Евразия: пока больше вызовов». Россия в глобальной политике. 24.07.2020 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/>

bolshaya-evraziya-bolshe-vyzovov/ (дата обращения 27.03.2021)

11. Канаев Евгений Александрович, Королев Александр Сергеевич Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 1. С. 26–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshaya-evraziya-indo-tihookeanskiy-region-i-otnosheniya-rossii-s-asean> (дата обращения 28.03.2021)
12. Siddharth Anil Nair. Why Russia Opposes an Indo-Pacific Order. Institute of Peace and Conflict Studies. 12 October 2020. URL: http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5732 (дата обращения 28.03.2021)
13. U. S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. 5.1.2021 URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения 28.03.2021)
14. Sebastian Strangio. What Does the US Indo-Pacific Framework Say About Southeast Asia? 13 January 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/what-does-the-us-indo-pacific-framework-say-about-southeast-asia/> (дата обращения 28.03.2021).

TRANSFORMATION OF THE GEOSTRATEGIC SPACE OF ASIA. RUSSIA'S OPPORTUNITIES AND PROSPECTS IN THE INDO- PACIFIC REGION

Shevelev V.A. ¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to China's instruments in regional politics in the face of confrontation with the United States, when the architecture of the region is being deliberately revised. The author examines China's actions in the Indo-Pacific region and beyond, which relate to the economy, energy and military security. In the article, the author analyzes what China can oppose to the Indo-Pacific strategy of the United States, to which it can lead to the main task of China.

Keywords: Indo-Pacific Strategy, Belt and Road, Indo-Pacific

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРЕТЕНИЯ УЭЛЬСОМ СУВЕРЕНИТЕТА

Ильин Г. В. ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия

В работе рассматриваются вопросы и проблемы современной политиче-

ской обстановки в Уэльсе. Проанализированы причины, повлиявшие на увеличение интереса людей к идее выхода Уэльса из состава Соединенного Королевства, мнение экспертов по данному поводу. Сформулированы возможные сценарии, при которых Уэльс сможет обрести автономию, а также вероятные последствия для нее.

Ключевые слова: Независимость, автономия, Уэльс, Великобритания, Брексит, сецессия, деволуция, политические партии, референдум.

Вопрос о выходе региональных частей из состава Великобритании уже давно стоит на повестке дня. Например, в 2014 году в Шотландии проводился референдум о независимости данной страны от Великобритании. Процент голосов «за» отделение составил 44,7, что показывает большое желание граждан обрести автономию. Данные идеи распространяются и в Уэльсе. В 2020 году статистический опрос показал, что больше четверти населения поддерживает автономию валлийского государства [1].

На перспективы обретения Уэльсом независимости можно посмотреть с разных точек зрения. Увеличение числа сторонников независимого Уэльса приходится на время начала процесса Брексита. В 2016 году большинство населения Уэльса проголосовало за выход из ЕС. Но неразбериха в процессе выхода из состава Европейского союза заставляет людей усомниться в способности нынешнего британского правительства грамотно управлять государством и высказывать их мнение на мировой арене.

Коронавирус также повлиял на мнение людей относительно целесообразности нахождения в составе Соединенного Королевства. В Британии один из самых высоких уровней заболеваемости и смертности в Европе, что стало показателем несостоятельности централизованной системы управления государством. Согласно исследованию службы Welsh Barometer, 62 процента опрошенных в Уэльсе считают, что местное правительство успешно справляется с пандемией, в свою очередь, положительная оценка работы общebritанского правительства составила 34% [2]. Главным двигателем обретения независимости в Уэльсе является националистическая партия «Плайд Камри». Ее лидер, Адам Прайс, заявил о готовности

страны к изменениям: «Великобритания в том виде, в каком мы ее знаем, может прекратить свое существование через несколько лет». Миссия его партии состоит в том, чтобы убедить избирателей Уэльса, что «независимость необходима, если мы хотим решить наши проблемы как нация» [3].

Основной претензией партии является недостаточное инвестирование в социально-экономическую сферу страны и несправедливое финансирование со стороны Вестминстера. Опрос, проведенный в 2020 году британской международной интернет-компанией YouGov, занимающейся маркетинговыми исследованиями и анализом данных, показал, что валлийцы с большей вероятностью поддержат независимость, если Шотландия станет автономной. А также, если Уэльс снова станет членом ЕС [4].

Скептицизм, относительно идеи независимости Уэльса, связан с тем, что исторически в стране довольно низкий уровень националистических настроений. Плайд Камри, которая так активно продвигает идею независимости, из 40 депутатов от Уэльса в Вестминстере имеет всего 3 депутата, а в местной Ассамблее Уэльса 12 из 60. Статистика говорит о том, что 15 % населения придерживаются идеей валлийского национализма. Сравнивая с Шотландией, в которой с 1998 года этот процент не опускался ниже 40 %, рост популярности уэльской национальной партии недостаточно велик, чтобы претендовать на реальную власть. Хотя она и занимает второе место по числу избирателей в Национальной Ассамблее Уэльса, разрыв с лидирующей лейбористской партией составил 250 тысяч голосов. А занявшая 3 место консервативная партия отстала от Плайд Камри чуть больше чем на 14 тысяч голосов [5]. Важный вопрос, который обсуждается в политических кругах Уэльса: сможет ли уэльская экономика существовать независимо от Лондона?

Маленькая страна, в которой население составляет около 3 миллионов человек, и где овец в 3 раза больше чем людей. Основной конечной точкой уэльского экспорта пушнины является Европа, которую продают через Англию. Большая часть получаемых средств ЕС для Великобритании, также является

Уэльс. Вследствие этого, Брексит является препятствием для развития валлийской экономики. Хотя Великобритания смогла избежать жесткого сценария с торговлей по всем правилам Всемирной торговой организации, то есть с применением пошлин, все-таки всех последствий избежать не удалось и теперь между Великобританией и ЕС введен таможенный, санитарный и фитосанитарный контроль, для транспортных фирм это может означать дополнительные задержки с оформлением грузов.

Современная промышленность на юге Уэльса в данный момент испытывает спад. В этом районе находилось производство автомобильных компонентов: Ford имел крупный завод двигателей в Бридженде, а BorgWarner имеет крупный завод компонентов в Кенфиге, Южный Уэльс. Однако в сентябре 2020 года из побуждений снижения затрат завод Ford был закрыт, а производство двигателей перенесли в Польшу.

Бывший первый министр Уэльса Каруин Джонс выразил мысль: «Проблема Уэльса в том, что он тратит больше чем привлекает... Мы экспортируем 60 % нашей продукции на единый рынок ЕС, но большая часть из них – в Англию», – добавив, что «Если Шотландия уйдет, а Северная Ирландия решит присоединиться к объединенной Ирландии, то схема «только Англия и Уэльс» не сработает, и, возможно, англичане уйдут от нас» [6]. Преподаватель бизнес-школы Бангор, расположенной на севере Уэльса, Джефф Уильямс-Джонс высказал свое точное зрение относительно возможных экономических проблем в процессе обретения независимости: «Мы не слишком бедны, чтобы быть независимыми, нет», – но предупредил, что, если страна действительно пойдет в одиночку, экономика не будет «трансформирована в одночасье» [7].

Правительство Великобритании не опасается выхода Уэльса из состава Королевства. Премьер-министр Борис Джонсон выразил мнение о полной поддержке уэльского государства в сфере здравоохранения, сельского хозяйства, а также о тесном сотрудничестве и постоянном диалоге с Полом Дэвисом, лидером консервативной партии Уэльса, который заявил о том, что «нет никакого сценария», по которому он рассмотрел бы вопрос о приведении страны к независимости. Какие послед-

ствия для Уэльса могут обернуться в случае выхода из состава Великобритании?

Первое, что сразу же ударит по Уэльсу—это прекращение налоговых поступлений из бюджета Великобритании. В 2019 году эти поступления составили 27 млрд. фунтов стерлингов, что составляет 36 % ВВП страны [8]. Проблема, с которой придется столкнуться независимому валлийскому правительству—восполнение дефицита финансирования, и при этом сохранение налогов на достаточно низком уровне, чтобы привлечь бизнес-организации для работы в Уэльсе. Если Уэльс станет независимым государством, но при этом не сможет стать членом ЕС, то страна потеряет все гранты, и экономический сектор очень пострадает от этого.

Главным плюсом в обретении независимости для Уэльса станет неподотчетность перед Лондоном и обретение собственного пути развития. Поднимется популярность валлийского языка на территории страны. Опрос в 2020 году показал, что 28,5 % населения в возрасте от трех лет могут разговаривать на валлийском. По сравнению с предыдущим годом число людей, входящих в эту группу уменьшилось на 1,1 %, что составляет примерно 29400 людей [9].

Ориентиром в сфере построения социальной и экономической стабильности может служить Ирландия. Такая же не особо богатая страна, но которая смогла преодолеть экономические трудности после обретения независимости. В основном это было достигнуто за счет привлечения транснациональных компаний за счет предложений низких ставок корпоративного налога, а также получения значительного финансирования от ЕС. Уэльс также может пойти по данному пути. Какие же все-таки существуют возможные прогнозы, при которых Уэльс придет к выводу об окончательной независимости?

Важным фактором является то, что после выхода из состава ЕС Уэльс потеряет финансирование со стороны данной организации. Данные средства должны заменить региональные выплаты от правительства Великобритании. С этой целью был создан «общий фонд процветания», который должен сократить неравенство между четырьмя странами. Если Лондон не смо-

жет покрыть финансовые потери Уэльса, вызванные прекращением поступления средств от ЕС, то это вызовет экономический кризис внутри страны, то это может серьезно пошатнуть единство Соединенного Королевства и стать отличным плацом для Плайд Камри в изменении сознания народа в сторону выхода из состава Великобритании

Второй возможный фактор – обретение независимости Шотландией. Шотландские националисты активно поддерживают националистов Уэльса. Увидев пример своих соседей Уэльс может осознать, что автономия возможна, и внутри страны вспыхнет волна желающих отделиться от Соединенного Королевства. Необходимость, без которой автономия не будет возможна – это приход партии Плайд Камри к власти. Поскольку партия лейбористов, победившая на последних выборах, активно сотрудничает с правительством Великобритании, и заявляет об отсутствии идей обретения автономии. Партия Уэльса уже заявила о том, что в случае победы на следующих выборах в Национальную Ассамблею, референдум о выходе из состава Великобритании будет проведен незамедлительно.

Список источников и литературы

1. Welsh parliament to debate motion on independence for first time in its history // Independent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/wales-independence-welsh-debate-parliament-plaid-cymru-a9619091.html> (Дата обращения 15.01.2021).
2. Welsh independence referendum ‚before 2030‘ Plaid leader says // BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-wales-politics-49919125> (Дата обращения 15.01.2021).
3. YouGov / Welsh Political Barometer Survey Results // Официальный сайт YouGov [Электронный ресурс]. – https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/an2kjtji56/WelshBarometer_July2016.pdf (Дата обращения 15.01.2021).
4. Пол Кейрни. «Кризис нации». Institutional Crisis in 21st-Century Britain, 2014. 148–165 p. (Дата обращения 16.01.2021).
5. Could an independent Wales go it alone? // Made for Minds [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/en/could-an-independent-wales-go-it-alone/a-49952972> (Дата обращения 16.01.2021).
6. UK government debt and deficit: September 2019 // Office for National Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ons.gov>.

uk/economy/governmentpublicsectorandtaxes/publicspending/bulletins/
ukgovernmentdebtanddeficitforeurostatmaast/september2019#:~:
text=6.–, How%20much%20is%20the%20general%20government%20
deficit%3F,%2C%20when%20it%20was%200.4%25. (Дата обращения
16.01.2021).

7. Llywodraeth Cymry Welsh Government [Электронный ресурс].–Ре-
жим доступа: <https://gov.wales/welsh-language-data-annual-population-survey-july-2019-june-2020#:~: text=For%20the%20year%20ending%2030, equating%20to%2029%2C400%20fewer%20people> (Дата обращения
16.01.2021).

PROSPECTS OF WALES TO BECOME INDEPENDENT

Plyin G. V¹

¹ St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof.
M. A. Bonch-Bruевич
St. Petersburg, Russia

The paper examines the issues and problems of the modern political situation in Wales. The reasons that influenced the increase in people's interest in the idea of Wales' secession from the UK, opinion of experts on this matter are analyzed. Possible scenarios in which Wales will be able to acquire autonomy, as well as the likely consequences for it, are formulated.

Keywords: Independence, autonomy, Wales, Great Britain, Brexit, secession, devolution, political parties, referendum.

ВАРИАНТЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Попов П. Л.¹, **Черенев А. А.**¹, **Заборцева Т. И.**¹,
Евстропьева О. В.¹

¹ Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
Иркутск, Россия

В настоящем исследовании рассматриваются различные варианты обозначения региона, находящегося между Германией и Россией, которые, по гипотезе авторов, следующих постструктуралистскому взгляду на международные отношения, обозначают разные геополитические концепции. По итогам контент-анализа публикаций о регионе и официальных документов авторы выделяют следующие названия: «Восточная Европа» как наиболее распространённое, конкретное противопоставление Западной Европы, но

в настоящее время оно, сохраняя своё значение, может обозначать различные пространства; «Центральная Европа», исторически обозначавшее лидерство Германии в регионе, но теперь часто встречающееся в политическом дискурсе восточных от Германии стран; «Центрально-Восточная Европа», бывшее идеей О. Халецкого подчеркнуть особенность региона, отличие и от России, и от Германии, но в рамках европейской цивилизации. В научном и политическом дискурсе присутствуют все три термина, причём Восточная Европа в основном обозначает не вступившие в ЕС постсоветские страны, Центральной Европой позиционируют себя новые члены Евросоюза, желающие показать себя частью запада в противовес России, а Центрально-Восточная Европа, всё чаще появляющаяся в научных статьях, предлагается для обозначения проектов сотрудничества обеих этих групп.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Восточная Европа, Центральная Европа, О. Халецкий, Ф. Науманн

Регион Европы, исторически расположенный между германскими государствами и Россией, часто менял своё название, которое во многом отражало, в какую геополитическую концепцию он входил. В настоящем исследовании автор предпринимает попытку выявить основные на сегодняшний день варианты обозначения региона между Россией и Германией, что покажет текущий геополитический расклад в этом пространстве. Для достижения поставленной цели мы, во-первых, рассматриваем все возможные названия выбранного региона, когда и при каких условиях они появились, какой смысл скрывается за ними и как это значение могло изменяться в зависимости от исторической эпохи. Во-вторых, определяем, какие из этих обозначений чаще появляются в научном и политическом дискурсе. В качестве методов исследования автор использует сравнительно-аналитический и историко-генетический, системный подход и индукцию, а также контент-анализ документов.

Исследование проводится в рамках подхода постструктуралистов, согласно которым за определёнными названиями, которыми обозначены реальные объекты, скрывается определённый смысл, направленный на выстраивание структур международных отношений, причём важным оказывается изменение этих структур во времени и их разломы [1]. По-разному трактуются Восточная Европа и Центральная Европа,

а концепция Центрально-Восточной Европы, рождённая на изломе нескольких подобных концепций, была выстроена для их противопоставления, но вобрала в себя отдельные их идеи.

По итогам проведённого анализа публикаций об исследуемом регионе, выдаваемых в поисковике Google-Scholar (см. таблица 1), мы определяем, что в русскоязычной и англоязычной научной среде наиболее часто употребляемым оказывается термин «Восточная Европа». За ним идёт «Центральная Европа», но в российских статьях он встречается заметно реже. Далее расположилась «Центральная и Восточная Европа» и её английский аналог, хотя опять же в иностранной литературе он встречается гораздо чаще. После них – похожие им определения «East Central Europe» и его русский перевод «Центрально-Восточная Европа» [3, с. 158] (хотя прямо следовало бы переводить «Восточно-Центральная Европа», такой вариант использовался крайне редко [4, с. 18]). Остальные обозначения схожи с предыдущими двумя, хотя и несут некоторую свою окраску (так, Восточная Центральная Европа скорее характеризует территории на востоке Центральной Европы, а Восточная и Центральная Европа может обозначать сумму двух отдельных регионов). Но поскольку их использование крайне редко и в российских, и в зарубежных статьях, в нашем исследовании мы сосредоточим внимание на первых определениях: Восточная Европа, Центральная Европа, Центральная и Восточная Европа и Центрально-Восточная Европа.

Восточная Европа. Итак, частота использования термина «Восточная Европа, на наш взгляд, объясняется его простотой – использующие этот термин авторы не стремятся внести определённый геополитический смысл в своё исследование и не конкретизируют регион. Однако в этом понимании Восточная Европа может быть синонимом для общности этнографической (славянская Европа), конфессиональной (православная Европа), идеологической (социалистический лагерь), поэтому её использование логично в работах на историческую тематику, при рассмотрении общих тенденций.

Упоминание различных вариантов обозначение пространства между Германией и Россией в научных статьях

Русскоязычные статьи		Англоязычные статьи	
Восточная Европа	28 300	Eastern Europe	2 660 000
Центральная Европа	3 550	Central Europe	2 070 000
Центральная и Восточная Европа	1 740	Central and Eastern Europe	840 000
Центрально-Восточная Европа	1 060	East Central Europe	110 000
Восточная и Центральная Европа	218	Eastern and Central Europe	50 400
Центральная Восточная Европа	105	Central Eastern Europe	37 400
Восточно-Центральная Европа	62	Eastern Central Europe	8 720
Восточная Центральная Европа	34	Central-East Europe	4 100

Составлено по результатам поиска в Google-Scholar [2]

Считается, что как политический регион Восточная Европа возникла лишь после Первой Мировой войны и распада Австро-Венгерской и Российской империй [5, с. 32], хотя ещё с эпохи Просвещения народы к востоку от Германии стали рассматриваться антитезой Западной Европой [6, с. 35]. В годы холодной войны граница Западной и Восточной Европы была определённой – между капиталистическими и социалистическими странами. Хотя и тогда при такой чёткой дихотомии Западной и Восточной Европе создавались проблемы отнесения к ним стран Северной Европы (например, нейтральной, но относительно дружественной СССР Финляндии) и Греции. В условиях развала социалистического блока и постепенного расширения НАТО и ЕС ситуация усложнилась отсутствием чёткой границы между странами, желающими себя видеть частью Западного мира. Поэтому теперь трудно объединить в одну Восточную Европу такие разные страны, как Чехия и Украина, добившиеся разного успеха в деле демократизации и экономической модернизации.

Как и в эпоху Просвещения, понятие «Восточная Европа» в успешных странах воспринимается в негативном ключе, как антитеза Западной Европе, поэтому им стараются определить уже страны бывшего СССР – Белоруссию, Украину, Мол-

дову, а также и Россию. Но и после холодной войны термин продолжал использоваться официально: в Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. в качестве региона выделена Восточная Европа, куда вошли все страны бывшего социалистического лагеря, а также европейские постсоветские республики, включая Грузию, Армению и Азербайджан, но та же Греция осталась в Западной Европе [7]. Как мы видим, Восточная Европа была и остаётся самой простой антитезой Европы Западной и сейчас может вполне использоваться при любом бинарном делении Европы на успешную и менее успешную части. Так им можно обозначать все страны бывшего социалистического лагеря, только новые члены ЕС и НАТО в противовес старым или, наоборот, не вошедшим в западные структуры постсоветские страны, включая или исключая Россию. Тем не менее, сейчас вся Европа и сам регион дробится на различные общности, уже не объединённые религией или идеологией и с разной степенью «развитости», так что простого деления на две части уже недостаточно.

Центральная Европа. Термин «Центральная Европа», несколько менее используемый, восходит к временам Венского конгресса, существованию Австрийской империи [8, с. 40], но стал распространённым после публикации книги Ф. Науманна «Срединная Европа». Тогда он относился, прежде всего, к региону во главе Германией вместе с прилегающим к ней большим или меньшим количеством стран (причём как к востоку, так и к западу от неё [9]). Его пытались использовать и после же Версальского и Рижского миров, когда на карте региона между Германией и Россией образовался целый ряд независимых национальных государств, во многом отличных и от западных демократий, и от коммунистического СССР, на чём, например, настаивал президент Чехословакии Т.Г. Масарик [4, с. 21]. Однако после Второй Мировой войны, когда не только Европа, но и сама Германия была разделена и не могла собой объединять регион, термин вряд ли мог быть активно использован. Тем не менее, к окончанию холодной войны и объединению Германии понятие возвращается. Ещё в 1980-е гг. в Польше и Венгрии начинаются интеллектуальные дискуссии о «центральноевропей-

скости» [4, с. 23] для подчёркивания своей связи не с Россией, а с Западной Европой. Обыгрывается идея Центральной Европы как жертвы войн и тоталитаризма XX века, что нашло отражение в эссе М. Кундеры «Трагедия Центральной Европы», в котором в регион он включил лишь страны социалистического лагеря без СССР и Балкан, объединив их по религиозному признаку и ориентированности на Запад [10, с. 86].

В настоящий момент Центральная Европа может обозначать германоязычные страны континентальной Европы: ФРГ, Австрию, Швейцарию, Лихтенштейн, а также Бенилюкс. Но вместе с тем помимо такого ограниченного толкования Центральной Европы оно может использоваться для обозначения большего региона: германских земель и бывших стран СЭВ, исключая Балканы, которых в данном случае включают в Юго-Восточную Европу [11, р. 236].

Наконец, Центральная Европа может быть и вовсе без Германии, если последнюю как экономически успешную либеральную демократию считать частью Западной Европы. Тогда Центральной Европой можно обозначить новых членов ЕС – прежде всего, страны Вышеградской группы, – что выделит их одновременно и от «старых членов» Евросоюза, и от не вступивших в него постсоветских стран, определяемых в таком случае Восточной Европой. Такой подход, безусловно, может подчеркнуть и географическое определение понятия, обозначение «Центральной Европой» стран, концентрирующихся вокруг географического центра Европы. И в этом плане оказывается, что он находится не на территории ФРГ, но восточнее, однако существуют разные его трактовки из-за различного определения границ Европы. Так, на территориях Литвы, Украины и Белоруссии установлены указатели «Центра Европы» [12], хотя претендовать на подобный статус могут и места в Словакии, Польше, Эстонии в зависимости от методов расчёта, так что с такой точки зрения даже постсоветские страны, редко обозначаемые Центральной Европой, могут в неё включаться.

Во всех вышеозначенных случаях Россия выбывает из региона, обозначается «чужим» для бывших социалистических

стран, но также и Западная Европа может оказаться для них «другим» [4; 23]. Сам регион стремится показывать себя «Западной Европой» по отношению к восточной – Украине, Белоруссии и Молдове, не входящих в ЕС и, таким образом, видящихся лишь последователями их более успешных в этом плане соседей [4; 25]. Получается, что в настоящий момент с политической точки зрения термин кажется наиболее удобным для разграничения вошедших и не вошедших в ЕС стран.

Однако появляются идеи о кризисе концепции Центральной Европы. Для тех же стран Вышеградской четвёрки теперь важно не столько показать себя частью Запада, сколько подчеркнуть свою собственную значимость, ведь за последние десятилетия они добились успехов в экономической трансформации и теперь могут отстаивать свою собственную позицию по тому же вопросу мигрантов [10, с. 95]. Ещё в 1990-е гг. вместо подчёркивания своей «центральноевропейскости» в регионе говорили о Европе в целом, а теперь распространяются концепции о Центрально-Восточной Европе.

Центрально-Восточная Европа. Действительно, термин «Центрально-Восточная Европа» или примерно равный ему «Центральная и Восточная Европа» предполагает наличие особого региона, отличного и от России, к которой всё-таки можно отнести понятие «Восточная Европа», и от Германии, которую трудно исключить из Центральной Европы. Именно против идей последней о Срединной Европе, в которой Германия не могла не доминировать, и была направлена данная идея, впервые выдвинутая польским историком О. Халецким. Он подчёркивал существование особого региона между Германией и Россией – восточную часть Центральной Европы, поэтому перевод «Центрально-Восточная Европа» кажется более точным, хотя и менее употребляемым. Этим определением он, с одной стороны, показывает страны социалистического лагеря частью Центральной Европы, т.е. «просвещённой» западной цивилизации, в которую Россия, по его мнению, никогда не входила, но и в ней он чётко ограничивает её от Германии – Центрально-Западной Европы [13].

Впоследствии идею О. Халецкого продолжил венгерский исследователь Е. Сяч, который, однако, в своей работе «Три Европы» отказывается от идеи Центрально-Западной Европы и показывает лишь стремление народов Центрально-Восточной Европы, в отличие от Восточной Европы, заимствовать западные цивилизационные образцы государственности [14]. Затем термин стал активно использоваться польскими историками (например, Е. Клочовским). Они основали Институт изучения Центрально-Восточной Европы в Люблинском университете [3; 158], выпустили «Историю Центрально-Восточной Европы», вышедшую и на русском языке, но по сути представляющую собой отдельные истории Чехии, Польши и Венгрии, включая все земли, когда-либо им принадлежавшие [15].

К Центрально-Восточной Европе в большей степени стали обращаться при разделении бывших социалистических стран на более и менее успешные, когда первые вошли в ЕС и НАТО и стали подчёркивать свою особенность. В последнее время и в российских статьях частота упоминания термина растёт (см. рисунок 1), хотя опять же они значительно уступают количеству публикаций о Восточной Европе.

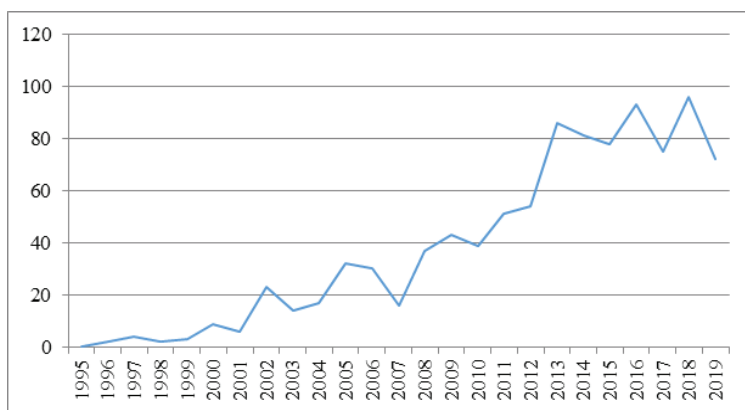

Рис. 1: «Упоминание Центрально-Восточной Европы в научных статьях в 1995–2019 гг.»

Составлено по результатам поиска в Google-Scholar [2].

Таким образом, идея Центрально-Восточной Европы, на-

строенная и антироссийски, и антигермански [10, с. 89], позволяет элитам региона подчеркнуть не только принадлежность к западной европейской цивилизации, но и свою особенность, что особенно актуально в условиях расхождения руководства этих стран с позицией Брюсселя, например, по вопросам ценностей и евроинтеграции. Однако сама конструкция Центрально-Восточной Европы кажется слишком искусственной, в отличие от Восточной или Центральной Европы, и с ней труднее идентифицировать себя народам, поэтому её использование в политическом дискурсе ограничено, но в то же время явно содержит в себе геополитическую концепцию.

Варианты обозначения региона в политическом дискурсе. Итак, после рассмотрения всех возможных теоретических вариантов обозначения региона между Германией и Россией, посмотрим, какие из них в большей степени представлены в политическом дискурсе, для чего обратимся, во-первых, к региональному делению Европы в государственных органах, отвечающих за внешнюю политику, а во-вторых, – к внешнеполитическим доктринам ряда стран региона. Очень часто оказывается, что за страны, находящиеся между Германией и Россией, во внешнеполитических ведомствах отвечают несколько различных структур. Так, в МИД РФ за страны Вышеградской четвёрки отвечает Третий Европейский департамент, который занимается и проблемами Германии, Австрии и Швейцарии, т.е. именно Центральной Европой. Остальные страны региона – республики бывшей Югославии, Румыния, Болгария вместе с Грецией и Турцией включены в Четвёртый Европейский департамент, а Белоруссия, Украина и Молдова – в отдельный Второй департамент СНГ [16], так что единого обозначения пространства не предусмотрено.

В ЕС чётко отграничивают постсоветские государства, которые не входят в Евросоюз, и именно их называют Восточной Европой или неким аналогом: так, в Европейской службе внешнего действия (ЕСВД) создан отдел по России, Восточному партнёрству и Центральной Азии [17]. Примерно такое же обозначение принято во всех странах Евросоюза. Интересно отметить, что Россия в случае присутствия названия «Вос-

точная Европа» может обозначаться отдельно, т.е. её ставят вне рамок региона (в МИД Франции – директорат по России и Восточной Европе [18]), или не прописываются, но в данном случае отдел занимается всем постсоветским пространством (в МИД Болгарии – отделение по Восточной Европе и Центральной Азии [19]).

Часто в подразделение, обозначаемое восточноевропейским, входят все страны постсоветского пространства, причём, как в примере с болгарским МИД [19], в Восточную Европу включают не только Белоруссию, Украину и Молдову, но и кавказские республики, но иногда последних обозначают отдельно (к примеру, в МИД Австрии – отделение «Восточная Европа и Южный Кавказ» [20], в МИД Словакии – департамент Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии [21]). Вместе с тем бывает, что страны к востоку от ЕС обозначаются или Восточным соседством (как в МИД Литвы [22]), или другими общими словами (европейское соседство или даже Евразия). В некоторых внешнеполитических ведомствах – например, Белоруссии [23] – деления Европы вообще не представлено.

Как мы увидели, именно термин Восточная Европа полностью превалирует в названиях отделений, тогда как страны региона, входящие в ЕС, как-то особенно не выделяются, и за них отвечает общеевропейский департамент. Но иногда при разделении департамента, ответственного за ЕС целиком, встречается и название «Центральная Европа» (к примеру, МИД Чехии [24]), и обозначает оно именно «новых» членов ЕС. Наконец, включают в Восточную Европу и не входящие в Евросоюз балканские государства (в МИД Австрии [20]), но в некоторых случаях принято создавать для них отдельное подразделение, называемое или конкретно «Западные Балканы» (в ЕСВД [17]), или более общим «Юго-Восточная Европа» (часто это близкие к региону государства – МИД Болгарии [19]), или даже Балканская Европа (МИД Франции [18]).

Безусловно, доминирование «Восточной Европы» вызвано как сформировавшейся традицией называть структуры МИД, так и политической необходимостью отделить ЕС, который

воспринимается единой структурой, а не делящимся на регионы, от его внешних европейских партнёров. В данном случае проявляются более долгосрочные тенденции, тогда как если мы обратимся к интерпретации региона в доктринах внешней политики, то получим текущий взгляд на проблему. Для самоидентификации стран региона чаще используется термин «Центральная Европа», а Восточной Европой называют соседние страны. Так, в Словенской внешнеполитической стратегии, например, чётко прописано, что страна является частью Центральной Европы, в которую прямо включаются Германия, Австрия и Вышеградские страны [25]. Но при этом используется и термин «Центральная и Восточная Европа», когда говорится об общих процессах демократизации после окончания холодной войны, «Юго-Восточная Европа» – для обозначения не входящих в ЕС балканских стран и «Восточная Европа» – для Украины, Белоруссии и Молдовы. Аналогично в программе Правительства Литвы, посвящённой внешней политике, опять приводится термин «Центральная Европа», к которой относят саму Литву и Польшу как самого значимого партнёра региона, а страны восточнее никак специально не обозначены [26].

Вместе с тем некоторые страны того же региона видят себя частью иного пространства. Например, в Словацкой программе внешней и европейской политики на 2020 г. упоминается только Центральная и Восточная Европа в контексте региональных интеграций – Вышеград и Славков [27]. Белоруссия называется просто европейским государством, а деление Европы на регионы не конкретизируется [28]. Эстония тоже не считает нужным в своей стратегии выделять части Европы, но себя ассоциирует с балтийскими и северными форматами сотрудничества [29]. В наибольшей же степени разнообразие идентификации регионов представлено в Польской внешнеполитической стратегии на 2017–2021 гг. [30]. Она начинается со слов об освобождении Центральной Европы, включающую Польшу, от тоталитаризма, с которого последовало воссоединение этих стран с Западом. Вместе с тем Центральная Европа и не входящая в него Прибалтика обозначаются Триморьем, связанным с форматом сотрудничества «Инициатива трёх мо-

рей», где Польша выступает одним из лидеров.

С другой стороны этот же регион называется Центральной и Восточной Европой, когда о нём говорят в более широком историческом контексте или в целом о евроатлантических институтах, подчёркивая связь с Польшей её восточных соседей. Но когда же речь идёт конкретно о странах к востоку от Польши, то их называют Восточной Европой (причём в неё включают и Кавказ), которая, согласно стратегии, в наибольшей степени находится под угрозой России и которую требуется поддерживать. Таким образом, Польша в стратегии активно использует разнообразные обозначения региона для конкретизации своего геополитического положения в нём. Себя она идентифицирует страной Центральной Европы, т.е. западной цивилизации, которая отделена от постсоветского пространства – Восточной Европы. При этом восточноевропейцы тесно связаны с Центральной Европой, но выступают как подопечные Польши в их движении в ЕС.

Итак, в настоящее время единое чёткое определение пространства между Россией и Германией отсутствует. До сих пор как в научном, так и в политическом дискурсе друг с другом конкурируют понятия «Восточная Европа», «Центральная Европа» и «Центрально-Восточная Европа», при этом каждое из них представляет собой особый геополитический проект. Идея Восточной Европы, наиболее часто используемая в научных статьях кажется более нейтральной и общей, но и в ней остаётся идеологическая и геополитическая нагрузка. Это, прежде всего, бинарная логика успешной Западной Европы и отстающей от неё Восточной, причём граница между ними с расширением ЕС уходит всё дальше на восток. Однако само определение, изначально бывшее достаточно простым, теперь может означать разные пространства: Украину, Белоруссию, Молдову с Россией или без неё, всех участников Восточного партнёрства, постсоветские республики или даже весь бывший социалистический лагерь, в связи с чем данная концепция и используется достаточно широко, но не может считаться конкретной и однозначной.

Использование понятия «Центральная Европа», ранее свя-

занного с региональной гегемонией Германией, в большей степени характерно для новых членов ЕС, желавших в конце XX в. подчеркнуть свою принадлежность к западной цивилизации и отграничить себя от России, какой бы политический режим там бы ни был, преодолеть вышеотмеченную дихотомию Западной и Восточной Европы. Именно так страны региона продолжают себя идентифицировать в своих внешнеполитических доктринах, хотя в то же время нередкими становятся обращения к Европе в целом, и вместе с этим у добившихся успеха стран возникает желание противопоставить себя уже не только России, но и Германии и всей Западной Европе, в связи с чем возникает концепция «Центрально-Восточной Европы».

Название «Центрально-Восточная Европа», предложенное О. Халецким, пока ещё остаётся менее распространённым, но предлагает для стран региона свою особенную идентичность, связанную с западной цивилизацией, но со своими особыми традициями. К тому же такое обозначение охватывает не только вошедшие в ЕС и НАТО бывшие социалистические страны, но и западные постсоветские республики, которые будут ведомыми участниками этой геополитической концепции при лидерстве своих более успешных западных соседей. Именно поэтому о нём вспоминали ещё при завершении холодной войны, чтобы привлечь к западной интеграции Украину, Белоруссию и Молдову [31, с. 292], а сейчас о нём говорят в контексте разнообразных форматов сотрудничества, выходящих за пределы ЕС. Однако такой промежуточный подход всё-таки пока недостаточен для элит региона, которые хотели бы окончательно преодолеть свою прошлую восточноевропейскую идентичность, поэтому в официальных документах приоритетным для них оказывается концепт «Центральная Европа», который ещё продолжает существовать.

Список источников и литературы:

1. Campbell D. Poststructuralism // Dunne T., Kurki M., Smith S. International Relations Theory. Discipline and Diversity. Oxford: University Press, 2013. pp. 223–246.
2. Google-Scholar. URL: <https://scholar.google.ru/> (дата обращения: 11.03.2021)

3. Михайленко В. И., Довжик Н. Р. Восточное партнёрство и польские концепции реформирования Центрально-Восточной Европы // Известия Уральского Федерального Университета. Общественные науки. 2017. № 3. С. 153–164.
4. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 18–33.
5. Межевич Н. М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. № 1. С. 26–47.
6. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.– 560 с.
7. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. URL: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/legal/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
8. Зеленка М. Центральная Европа в представлениях чешских славистов межвоенного периода // Славяноведение. 2019. № 3. С. 39–45.
9. Науманн Ф. Срединная Европа. Пг.: Огни, 1918. 135 с.
10. Шимов Я. В. Междуморье: пространство судьбы // Историческая экспертиза. 2019. № 3. С. 79–98.
11. Bölskei, A. Central Europe as a historical, cultural, social and geopolitical concept today // *Onomastica Uralica*. 2018. No.12. pp. 235–251.
12. Шарухо И. Н. Беларусь – страна в центре Европы (о географическом центре Европы) // Экологические и социальные проблемы Северо-Запада России и стран Балтийского региона. Материалы общественно-научной конференции с международным участием. 2008. С. 61–64.
13. Halecki, O. *Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*. La Vergne: Lightning Source, 1980. 556 p.
14. Сюч Е. Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / под ред. А. И. Миллера. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 147–265.
15. История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. 1120 с.
16. Структура МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/about/structure> (дата обращения: 11.03.2021)
17. Organisation chart of the EEAS. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/3602/organisation-chart-eeas_en (дата обращения: 11.03.2021)
18. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Organigramme de l'administration central. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/missions-organisation/organigramme-de-l-administration-centrale/> (дата обращения: 11.03.2021)
19. Република България. Министерство на външните работи. Структура.

- URL: <https://www.mfa.bg/bg/ministerstvo/struktura> (дата обращения: 11.03.2021)
20. Federal Ministry Republic of Austria. European and International Affairs. Organizational Structure. URL: <https://www.bmeia.gv.at/en/the-ministry/organizational-structure-in-german/organisation/show/referat-ii3b/> (дата обращения: 11.03.2021)
  21. Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí Slovenskej republiky. Organizačná štruktúra. URL: https://www.mzv.sk/ministerstvo/organizacna_struktura (дата обращения: 11.03.2021)
  22. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Lithuania. Organisation. URL: <https://www.urm.lt/default/en/contacts> (дата обращения: 11.03.2021)
  23. Структура МИД Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/Structure/Strukturura_2021_RUS.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
  24. Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. Organizační schema. URL: https://www.mzv.cz/file/4208548/Organigram_MZV_CZ_19012021.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
  25. The Foreign Policy of the Republic of Slovenia. URL: https://www.gov.si/assets/ministrstva/MZZ/Dokumenti/strateski-in-programski-dokumenti/strategija_ZP_ang.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
  26. Programme of the Government of the Republic of Lithuania (Foreign Policy part). URL: <https://www.urm.lt/default/en/foreign-policy/key-foreign-policy-documents/programme-of-the-government-of-the-republic-of-lithuania-foreign-policy-part> (дата обращения: 11.03.2021)
  27. Foreign and European Policy of the Slovak Republic in 2020. URL: <https://www.mzv.sk/documents/30297/4238317/Foreign+and+European+Policy+of+the+Slovak+Republic+in+2020+%28unofficial+translation%29.pdf> (дата обращения: 11.03.2021)
  28. Внешняя политика Беларуси. URL: https://www.mfa.gov.by/foreign_policy/general_information/ (дата обращения: 11.03.2021)
  29. Estonian Foreign Policy Strategy 2030. URL: https://vm.ee/sites/default/files/Estonia_for_UN/Rasmus/estonian_foreign_policy_strategy_2030_final.pdf (дата обращения: 11.03.2021)
  30. Polish Foreign Policy Strategy 2017–2021. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/what-we-do-> (дата обращения: 11.03.2021)
  31. Баранов Н. А. Центральнo-Восточная Европа в европейском политическом и историко-географическом контексте // ПОЛИТЭКС.

OPTIONS FOR DESIGNATING THE SPACE BETWEEN RUSSIA AND GERMANY AS A REFLECTION OF GEOPOLITICAL CONCEPTS

Popov P.L.¹, Cherenev A.A.¹, Zabortseva T.I.¹, Evskopieva O.V.¹

¹ Sochava Institute of Geography SBIA, Irkutsk, Russia

This study examines various options for designating the region between Germany and Russia, which, according to the authors' hypothesis, following the post-structuralist view of international relations, denote different geopolitical concepts.. Based on the results of the content analysis of publications about the region and official documents, the authors distinguish the following names: "Eastern Europe" as the most common, concrete opposition to Western Europe, but at present it, while retaining its meaning, can denote different spaces; « Central Europe», which historically marked Germany's leadership in the region, but now often found in the political discourse of the eastern german countries; « Central-Eastern Europe», which was the idea of O. Khaletsky to emphasize the peculiarity of the region, difference from both Russia and Germany, but within the framework of European civilization. All three terms are present in scientific and political discourse, with Eastern Europe mainly referring to non-EU post-Soviet countries., New EU members position themselves in Central Europe, wishing to show themselves as part of the West as opposed to Russia, and Central-Eastern Europe, increasingly appearing in scholarly articles, it is proposed to refer to projects of cooperation between both of these groups.

Key words: Central-Eastern Europe, Eastern Europe, Central Europe, O. Khaletsky, F. Naumann

---

Авторы сборника

Абросимова Наталья Валерьевна — к. пол. н., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия, e-mail: rio00@ya.ru

Андреев Андрей Александрович, аспирант кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия.

Андреев Антон Сергеевич — к. пол. н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: anton.andreev89@gmail.com

Андреев Максим Владимирович — аспирант кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия, e-mail: maxander1308@gmail.com

Аннаева Екатерина Арслановна — студент, Смоленский Государственный университет» (СмолГУ), Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, Россия; e-mail: rectorat@smolgu.ru

Антипова Екатерина Анатольевна — д. геогр. н., профессор, зав. кафедрой экономической и социальной географии, Белорусский Государственный университет, Минск, пр. Независимости, 4, Беларусь, e-mail: antipovaekaterina@gmail.com

Антончева Ольга Алексеевна — к. пол. н., Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: antoncheva-oa@ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: apanassenko2008@mail.ru

Асташова Елизавета Вадимовна — студент, кафедра политической географии и региональной геополитики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Россия, e-mail: st068182@student.spbu.ru

Батомункуев Валентин Сергеевич — к. геогр. н., заведующий лабораторией геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Безруков Леонид Алексеевич — д. геогр. н., заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Иркутск, Россия, e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru.

Бриско Анна Викторовна — руководитель Российского отделения Международного центра изучения политического ислама (CSPII), Москва, Россия, e-mail: anna.briscoe@gmail.com

Балог Питер — PhD, Факультет социальной и экономической географии, Университет Эотвош Лоранд, Венгрия, e-mail: peter.balogh@ttk.elte.hu

Бурла Михаил Порфирович — к. геогр. н., доцент, зав. кафедрой социально-экономической географии и регионоведения, Приднестровский университет им. Т.Г. Шевченко, Молдова, Приднестровье, e-mail: burla57@list.ru

Ван Ицинъ (Wang Yiqin) — аспирант, Университет Цинхуа, район Хайдянь, Пекин, 100084, КНР, e-mail: d.wang@vip.163.com

Ван Ци (Wang Qi) — PhD, профессор, Университет Цинхуа, район Хайдянь, Пекин, 100084, КНР, E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Вольхин Денис Антонович — к. геогр. н., старший преподаватель, факультет географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», пр-т Академика Вернадского, д.4, Симферополь, Россия, e-mail: lomden@mail.ru

Галустов Кирилл Артемович — аспирант, Санкт-Петербург-

ский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Директор проекта Центра городских технологий и пространственного развития, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57 России, e-mail: k.galustov@yahoo.com

Гехт Антон Борисович — доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, к. 1, Россия e-mail: a.geht@yandex.ru

Гомбоев Баир Октябрьевич -д. геогр. н., доцент, главный научный сотрудник Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8, Россия; зав. каф. географии и геоэкологии, профессор, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, Россия, e-mail: bgom@binm.ru

Горулько Алена Анатольевна — старший преподаватель кафедры политологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ул. Университетская, д. 22, Донецкая Народная Республика, e-mail: aljona.gorulko@yandex.ua

Гресь Роберт Андреевич — студент, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия, e-mail: Robert.a.gres@gmail.com

Грчич Мирко — доктор наук, профессор, Географический факультет Университета Белграда, Сербия, e-mail: mirko.grcic@yahoo.com

Гьто Райко — д. геогр. н., профессор факультета естественных наук Университета Бани-Луки, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, e-mail: gnjator@pmfbl.org

Дабова Елена Л. — кафедра Азиатско-Тихоокеанского региона, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Россия, e-mail: edborderland@gmail.com

---

Дельва Кирилл Игоревич — преподаватель, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57, Россия, e-mail: kirdelva93@gmail.com

---

Диденко Дмитрий Юрьевич — студент, АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А., Россия e-mail geowork9818@gmail.com

---

Дубич Виктория Викторовна — к. техн. н., доцент, руководитель Исследовательского отдела Российского отделения Международного центра изучения политического ислама (CSPiI), ул. Лидицка 700/19 Вевержи 60200, г. Брно, Чешская Республика, www.cspii.org/ru/, e-mail: russia@cspii.org, victoria.dubich@gmail.com

Дудников Даниил Евгеньевич — студент, Донецкий Национальный Университет, г. Донецк, проспект Гурова, д. 14, Донецкая Народная Республика, e-mail: daniil.dudnikov7@gmail.com

Дружинин Александр Георгиевич — д. геогр. н., профессор, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва, РФ)

Евстропьева Оксана Владимировна — к. геогр. н., с.н.с. Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутская область, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, e-mail: ledotop@irigs.irk.ru

Елацков Алексей Борисович — к. геогр. н., старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: elatskov@mail.ru

Елсуков Михаил Юрьевич — к. геогр. н., Северо-Западный

институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57 Россия, e-mail: — elsukov-my@ranepa.ru

Заборцева Татьяна Ивановна — д. геогр. н., зав. лабораторией экономической и социальной географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутская область, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, e-mail: zabti@irigs.irk.ru

Закотнюк О.Л. — студент, Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика.

Запрудский Илья Игоревич — к. геогр. н., доцент кафедры экономической и социальной географии, Белорусский Государственный университет, Минск, пр. Независимости, 4, Беларусь, e-mail: albarutenicageo@gmail.com

Зверев Юрий Михайлович — к. геогр. н., доцент, главный специалист Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта, Калининград, ул. А. Невского, 14, Россия, e-mail: YZverev@kantiana.ru

Зеканович Игорь — д. геогр. н., профессор, Университет Бани-Луки, факультет естественных и математических наук, Босния и Герцеговина, e-mail: igor.zekanovic@pmf.unibl.org

Ибрагимов Айдын Исмаил оглы — д. геогр. н., профессор Департамента Международных Отношений, Эгейский университет, Измир, Турция, e-mail: aibtahimov@bk.ru

Ильин Герман Владиславович — студент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, к. 1, Россия. e-mail: gera.ilin1999@gmail.com

Исмаилов Чингиз Ниязи оглы — д. геогр. н., профессор, заведующий кафедры экономической и социальной географии Бакинского Государственного университета, ул. З. Халилова 23, Баку, Азербайджан, e-mail: ischingiz@gmail.com

Каледин Николай Владимирович — к. геогр. н., доцент

кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: n.kaledin@spbu.ru

Калинин Никита Дмитриевич — студент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, e-mail: st089811@student.spbu.ru

Кефели Игорь Федорович — д. филос. н., профессор, директор Центра геополитической экспертизы, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; Санкт-Петербургский политехнический университет (СПбПУ) Петра Великого; Российский государственный педагогический университет (РГПУ) им. А. И. Герцена Санкт-Петербург, Россия; e-mail: geokefeli@mail.ru.

Когут Виктор Григорьевич — к. пол.н., полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь, Секретариат Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vgkogut@gmail.com

Комов Игорь Владимирович — к. геогр. н, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, Воронеж, Россия. e-mail: igrkom@bk.ru

Кондрашов Игорь Сергеевич — студент, Институт философии, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: st068982@student.spbu.ru

Крупина Анна Александровна — студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия, e-mail: st077196@student.spbu.ru

Кузнецов Денис Андреевич — к. пол. н., старший преподаватель Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия. e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Манаков Андрей Геннадьевич — д. геогр. н., доцент, профессор, Псковский государственный университет, г. Псков, пл. Ленина, 2,

Россия, e-mail: region-psk@yandex.ru

Махновский Дмитрий Евгеньевич — к. экон. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет Санкт-Петербург, г. Гатчина, Киргетова, 8–60; e-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru.

Михайлов Андрей Александрович — д. ист. н., Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ), г. Санкт-Петербург, ул. Авангардная, д. 3, кв.146. Россия. e-mail: dragun66mail.ru

Михеева Наталия Михайловна — к. пол. н., доцент каф. региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия; Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57 Россия, e-mail: n.miheeva@spbu.ru

Мылкайдаров Алим Толекович — к. геогр. н., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: mylkaydarov@mail.ru

Надыров Шарипжан Марупович — д. геогр. н., профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: scharipjan@mail.ru

Неровный Артём Викторович — старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, к. 1, Россия. e-mail: art830@yandex.ru.

Нурышев Геннадий Николаевич — д. пол. н., профессор кафедры международных отношений, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: g.nuryshev@yandex.ru

Нюсупова Гульнара Нурмухамедовна — д. геогр. наук, профессор, Заведующая кафедрой географии, землеустройства

и кадастра, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: gulnaran@mail.ru

Осипов Константин Анатольевич — студент, Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия

Осокин Андрей Вадимович — бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия, e-mail: mtfougUS.lee@gmail.com

Писаренко Сергей Васильевич — к. геогр. н., доцент кафедры сервиса и туризма, доцент кафедры естествознания и географии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» (ЛГУ им. А. С. Пушкина), Санкт-Петербург, Россия. e-mail: sergaaaa@bk.ru

Питулько Галина Николаевна — к.ист.н., доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС, старший научный сотрудник Библиотеки РАН, Санкт-Петербург, Россия

Попов Дмитрий Игоревич — студент, факультет международные отношения, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: dp04@mail.ru

Попов Петр Леонидович — к. фил. н., старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутская область, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, e-mail: plp@irigs.irk.ru

Потоцкая Татьяна Ивановна — д. геогр. н., профессор Смоленский государственный университет. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, Россия, e-mail: rectorat@smolgu.ru

Прибышин Тарас Кириллович — МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 7-я Красноармейская ул. д. 25, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pribyshin@leontief.ru

Размахнина Юлия Сергеевна — Младший научный сотрудник,

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, e-mail: juliarazm@gmail.com, ulya.razmaxnina@bk.ru

Рашадбеков Нажжотбек Рашшодбек оглы — студент, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: st091377@student.spbu.ru

Ричардсон Пол — Доктор школы географии, Университет наук о Земле и окружающей среде Бирмингема, Бирмингемский университет, Великобритания, p.b.richardson.1@bham.ac.uk

Рыгзынов Тумун Ширапович — младший научный сотрудник лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Сарсенова Индира Бакитжановна — PhD, старший преподаватель кафедры географии, землеустройства и кадастра, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан. e-mail: indira.sarsenova@gmail.com

Серебряков Кирилл Дмитриевич — курс, магистратура, направление подготовки «Политология», Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия, e-mail: serebryakovkirill35@gmail.com

Сиднева Анна Леонидовна — магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия, e-mail: adefo1997@gmail.com

Смирнов Егор Владимирович — Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, smirnovlegor@gmail.com

Соколов Сергей Николаевич — д. геогр. н., доцент, профессор кафедры географии, Нижневартровский государственный университет (НВГУ), Нижневаторск, Россия, e-mail: snsokolov1@yandex.ru.

Тарасова Елена Сергеевна—студент, Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, e-mail: tarasova.Lena1997@yandex.ua

Тульчинский Григорий Львович—д. филос. н., профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: gtul@mail.ru

Ульянова Светлана Борисовна—д. ист. н., профессор Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29, Россия, e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

Урпер Мехмет—к. полит. н., ассистент, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия. m.urper@spbu.ru

Фартышев Арсений Николаевич—к. геогр. н., научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Институт Географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; доцент кафедры истории, политологии и регионоведения Иркутского государственного университета. Иркутск, Россия e-mail: fartyshev.an@gmail.com

Федоров Геннадий Михайлович—д. геогр. н., профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, gfedorov@kantiana.ru

Фролова Александра Алексеевна—бакалавр, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, улица Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: frolovaalexandrrra@mail.ru

Харитонов Александр Михайлович—научный сотрудник, ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, ул. Радио, 7, Россия, e-mail: mavr@tigdvo.ru

Ходачек Игорь Александрович—PhD Директор Центра исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: khodachek-ia@ranepa.ru

Цверьянашвили Иван Алексеевич — старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, к. 1, Россия. e-mail: ivan.tsver@gmail.com

Чернев Алексей Анатольевич — к. геогр. наук, науч. сотрудник лаборатории экономической и социальной географии ФГ-БУН Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, e-mail: alcherenev@gmail.com

Черкашин Кирилл Валерьевич — к.полит. н., доцент кафедры политологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ул. Университетская, д. 22, Донецкая Народная Республика, e-mail: cyrilcherkashyn@gmail.com

Чистобаев Анатолий Иванович — д. геогр. г., профессор кафедры региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры экономики Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57 Россия; e-mail: chistobaev40@mail.ru

Чэнь Диюй (Chen Diyu) — аспирант, Университет Цинхуа, район Хайдянь, Пекин, 100084, КНР, e-mail: 422752420@qq.com

Шавель Алексей Николаевич — старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Белорусский Государственный университет, Минск, пр. Независимости, 4, Беларусь, e-mail: alexxxxshavel@gmail.com

Швец Александра Борисовна — к. геогр. н., доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, факультет географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», пр-т Академика Вернадского, д. 4, Симферополь, Россия, e-mail: fusion10@mail.ru

Шевелев Виктор Александрович — студент, факультет международных отношений и политических исследований, Севе-

ро-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Средний проспект 57, Россия, e-mail: viktor.shevelew@gmail.com

Шестерная Татьяна Викторовна— студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, e-mail: shesterninatane@mail.ru

Шихова Венриетта Петровна— студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, e-mail: shikhova97@bk.ru

Шупер Вячеслав Александрович— д. геогр. н., профессор, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, Россия; Университет Бернардо О'Хиггинса, Сантьяго, Чили; Vshuper@igras.ru

Яковенко Наталия Владимировна— д. геогр.н., доцент, директор НИИ ИТЛК, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия, ул. Тимирязева, д. 8., Россия, e-mail: n.v.yakovenko71@gmail.com

Научное издание

Политическая география
и геополитика в России:
исторический опыт
и современность

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося
российского географа
В. П. Семёнова-Тян-Шанского

Санкт-Петербург, СПбГУ
8–9 апреля 2021 г.

Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина, К. Э. Аксёнова

Компьютерная верстка: *Мещерин В. В.*

Подписано в печать 06.12.2021. Формат 60 × 84^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 46,27. Тираж 100 экз. Заказ № 1552.

Отпечатано в Издательстве ВВМ.
198095, Санкт-Петербург, ул. Швецова, 41